

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

XI

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

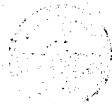
Том XI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1955

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**П. Н. Третьяков (ответственный редактор), С. Б. Бернштейн, И. В. Бунина,
Л. Б. Валев, В. Н. Кондратьева (ответственный секретарь),
И. Н. Мельникова, И. С. Миллер, С. А. Никитин, С. В. Никольский**

СТАТЪИ

SECRET

А. И. Недорезов

УСТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ (май 1945—февраль 1948 г.)

СОЗДАНИЕ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В мае 1945 г. было завершено освобождение чешского и словацкого народов от национального порабощения германским империализмом.

Одновременно в стране был установлен народно-демократический строй и создано народно-демократическое государство. В историческом развитии народов Чехословакии произошел коренной поворот, который был подготовлен и обусловлен определенными предпосылками внутривнутриполитического и внешнеполитического характера. Решающей из них был разгром гитлеровской Германии в ходе второй мировой войны. То обстоятельство, что в этом разгроме первостепенную роль сыграл Советский Союз, вело к тому, что Чехословацкое государство было воссоздано как действительно независимое суверенное государство, народы Чехословакии получили полную возможность решать свои внутренние дела по собственному желанию.

Разгром гитлеровской Германии явился ударом по крупной чехословацкой буржуазии и помещикам, которые предали национальные интересы страны.

Правящие классы Чехословакии в 1938 г. отказались от защиты национальной независимости страны и, приняв мюнхенский диктат империалистов, выдали народ немецкому фашизму. Буржуазия и помещики в годы германской оккупации пошли на сотрудничество с оккупационным режимом, активно помогали германскому империализму эксплуатировать трудящихся страны и вести захватническую, империалистическую войну.

В самых наглядных формах в Чехословакии проявилась не только гнилость экономической системы капитализма, но и антинародная, антинациональная сущность буржуазного государства. Оно утратило свой авторитет в глазах подавляющей части народа. Буржуазия потерпела крупнейшее политическое поражение.

Коммунистическая партия, сплотившая в своих рядах самых самоотверженных, самых стойких патриотов, разъясняла народу, что единственно верным путем к освобождению является непримиримая борьба против иноземного порабощения. Коммунистическая партия разъясняла народу, что национальное освобождение немислимо без борьбы против фактических союзников фашизма — собственной крупной буржуазии и помещиков, —

поддерживавших оккупационный режим. Коммунисты поднимали политическое сознание масс, призывали их после уничтожения национального гнета создать новое народно-демократическое государство, в котором будет осуществлено также и социальное освобождение народных масс. Благодаря руководству Коммунистической партии, национально-освободительное движение развернулось в народно-демократическую революцию. В качестве самого активного, организованного и самого революционного класса в этой революции выступал пролетариат, который занял ведущее положение в национально-освободительном движении. Рабочие, составлявшие ядро всех партизанских отрядов, вели наиболее эффективную вооруженную борьбу, осуществляли в широком масштабе акты саботажа на предприятиях, нанося сокрушительные удары по фашистской военной машине в тылу. Рабочие стояли в первых рядах бойцов Словацкого народного восстания 1944 г. и Пражского восстания в мае 1945 г. В ходе национально-освободительного движения Коммунистическая партия Чехословакии сплотила вокруг рабочего класса прогрессивные силы народа: крестьянство, ремесленников, интеллигенцию. Союз рабочего класса с трудящимися массами города и деревни, основа которого была заложена еще в буржуазной республике, был упрочен в ходе борьбы против иноземных поработителей и предательской буржуазии и помещиков. Формой этого классового союза стал Национальный фронт чехов и словаков, оформленный в марте 1945 г. как политическое соглашение между Коммунистической и другими партиями¹. Союз рабочего класса с трудящимися города и деревни при руководящей роли рабочего класса стал основой народной демократии. Он явился крупнейшим завоеванием рабочего класса, стал могучей силой, преобразующей общество.

На базе Национального фронта чехов и словаков было создано первое народно-демократическое правительство. В его состав вошли представители Коммунистической партии Чехословакии, социал-демократической, национально-социалистической и народной партий и Словацкого Национального совета. Основные задачи строительства нового государства были сформулированы в программе народно-демократического правительства, провозглашенной 5 апреля 1945 г. в словацком городе Кошице и получившей название Кошицкой программы.

Кошицкая программа определяла созданное народно-демократическое правительство как правительство Национального фронта чехов и словаков.

Первоочередную свою задачу правительство видело в том, чтобы вместе с Советским Союзом и остальными участниками антигерманской коалиции до победы борьбу против фашистских захватчиков и «сделать первые шаги в строительстве новой счастливой жизни наших народов на своей освобожденной родине»².

В основу внешней политики правительства был положен советско-чехословацкий договор о взаимной помощи, дружбе и послевоенном сотрудничестве. «Правительство, — говорилось в программе, — будет с самого начала осуществлять практическое сотрудничество с Советским Союзом во всех направлениях — военном, политическом, экономическом, культурном»³.

Тесное сотрудничество с Советским Союзом обеспечивало подлинный суверенитет и независимость Чехословацкой республики, ограждало чехо-

¹ Вопрос о формировании Национального фронта чехов и словаков в ходе национально-освободительной борьбы изложен автором подробнее в статье «Национально-освободительное движение чешского и словацкого народов против немецко-фашистской оккупации в 1939—1945 гг.». «Вопросы истории», 1953, № 7.

² «Československé listy», 1.V 1945 г.

³ Там же.

словацкий народ от вмешательства империалистических сил во внутренние дела страны, служило надежным залогом создания и развития народно-демократического государства.

Власть переходила в руки народа: органами народной власти на местах стали национальные комитеты. Правительственная программа предусматривала введение всеобщего и действительно равного избирательного права для всех граждан, кроме врагов народа, сотрудничавших с оккупантами, обеспечение подлинного равноправия мужчин и женщин, предоставление гражданам всех демократических свобод¹.

Кошицкая программа провозглашала в качестве одной из важнейших задач народно-демократического государства осуществление последовательно демократической национальной политики. Чехословацкая республика возрождалась как государство двух братских славянских народов — чехов и словаков, — пользующихся полным равенством. Словацкий народ признавался самобытной нацией и ему обеспечивались широкие автономные права в рамках единого государства — Чехословацкой республики. Правительство заявляло, что считает своей неотъемлемой обязанностью разрешить вопрос о Закарпатской Украине в соответствии с демократически проявленной волей и давнишними чаяниями населения этого края². Эти демократические принципы национальной политики нового правительства клали конец национальному неравенству и порабощению чехословацкого народа.

Согласно Кошицкой программе, предавались суду предатели национальных интересов: руководители фашистских организаций, шпионы и доносчики, банкиры, промышленники и помещики, помогавшие оккупантам и сотрудничавшие с ними. Запрещались фашистские партии и организации и не допускалось восстановление реакционных политических партий (аграрной партии и контролируемых ею побочных организаций, живнотенской партии, так называемого национального объединения и всех тех словацких партий, которые в 1938 г. слились с партией Глинки).

Первостепенное значение в программе придавалось революционным экономическим преобразованиям. Намечалось проведение новой земельной реформы в целях разрешения земельного вопроса в стране в пользу крестьянства. В качестве первоочередного мероприятия предусматривалась конфискация земель и имущества немецких и венгерских землевладельцев, чешских и словацких помещиков, активно сотрудничавших с оккупантами. Конфискованную землю и имущество было намечено передать беднейшему и среднему крестьянству и сельскохозяйственным рабочим.

Программа намечала введение национального управления на предприятиях, в шахтах, в банках, в мастерских, в сельских хозяйствах, принадлежащих германскому и венгерскому государствам и врагам народа, сотрудничавшим с оккупантами. Введение национального управления было мерой, призванной подготовить национализацию всей денежной и кредитной системы, ключевых отраслей и предприятий промышленности, природных и энергетических ресурсов, страховых обществ.

Перед правительством Национального фронта во весь рост встала задача восстановления народного хозяйства страны, пострадавшего от оккупации и войны, и улучшения положения трудящихся города и деревни. Кошицкая программа намечала повышение зарплаты рабочим и служащим, ограничение рабочего дня, введение социального страхования, повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, оказание государственной помощи

¹ «Československé listy», 1.V. 1945 г.

² Там же.

крестьянству и т. д. Были предусмотрены мероприятия по демократизации образования, улучшению здравоохранения, повышению культурного уровня народа.

Кошицкая программа была программой народно-демократической революции, осуществления глубоких революционных преобразований. Восстановление национального государства и демократических свобод, устранение из общественной жизни и экономики страны элементов, поддерживавших режим фашистской оккупации, — все эти мероприятия направлены на последовательное разрешение задач революционно-демократического национального освободительного движения. Эти задачи можно было последовательно разрешить, только уничтожив самую основу всякой реакции — монополистический капитал и помещичье землевладение.

Проведение мероприятий, направленных своим острием против чужеземного империализма, собственного монополистического, финансового капитала и помещиков, вело к избавлению масс от империалистической кабалы, обеспечивало коренную демократизацию политического строя, чем создавались благоприятные условия для перехода для демократических преобразований к преобразованиям социалистического характера, от антиимпериалистического, антифашистского движения ко второму этапу, этапу социалистической революции.

Принятие Кошицкой программы Национального фронта и создание на ее основе первого правительства в освобожденной Чехословакии знаменовали рождение нового, народно-демократического государства. Строительство народно-демократического государства означало осуществление революционного переустройства общественно-политической и экономической жизни страны, обеспечивало развитие страны по пути к социализму.

С самого начала своей преобразующей страну деятельности рабочий класс Чехословакии прочно и уверенно опирался на экономическую и политическую поддержку советского народа.

Созданное после освобождения страны народно-демократическое государство по своему классовому характеру коренным образом отличалось от буржуазного государства. Довоенная Чехословацкая буржуазная республика была империалистическим государством, государством диктатуры чешского финансового капитала. В народно-демократическом государстве власть перешла в руки трудящихся масс: рабочего класса, трудового крестьянства, ремесленников, трудовой интеллигенции, сплотившихся в классовый союз в форме Национального фронта чехов и словаков. Руководящая роль в этом союзе на всех этапах его развития принадлежала рабочему классу. Нужно отметить, что к Национальному фронту во время национально-освободительного движения примкнула часть средней буржуазии, которая была заинтересована в восстановлении национального государства, так как ее интересы ущемлялись иностранным монополистическим капиталом. Нейтрализация средней буржуазии мерами, направленными против монополий и банков, способствовала изоляции крупной буржуазии, что облегчало окончательную победу рабочего класса над монополистическим капиталом и помещиками.

Средняя буржуазия как временный попутчик демократической революции, являясь неустойчивым и колеблющимся ее союзником, была неспособна к последовательной борьбе против фашизма, к борьбе за глубокий и решительный социально-экономический демократический переворот. По мере углубления и развития народно-демократической революции средняя буржуазия все больше отходила от нее и блокировалась с врагами народно-демократического строя.

Создание Национального фронта чехов и словаков, при руководящей роли пролетариата в нем, обеспечивало народно-демократической власти широкую социальную базу, устойчивость этой власти.

«Устойчивой, — писал В. И. Ленин, — во время народной революции, т. е. такой, которая подняла к жизни массы, большинство рабочих и крестьян, может быть только власть, опирающаяся заведомо и безусловно на большинство населения»¹. Таковую власть, указывал В. И. Ленин, буржуазия не может свергнуть в самые бурные моменты революции, только такая власть может обеспечить постоянное широкое развитие революции. Союз пролетариата с трудовым крестьянством являлся основой Национального фронта, основой народно-демократического государства.

Рабочий класс выступал гегемоном народных масс в революционном преобразовании общества. «Рабочий класс, — говорил Готвальд в июле 1945 г., — выражает интересы всех трудовых слоев нашего народа, интересы нации и государства, он является ведущей силой Национального фронта и в значительной степени определяет его политику»². Трудящимися города и деревни руководил передовой отряд рабочего класса Чехословакии, его героическая Коммунистическая партия, вооруженная марксистско-ленинской стратегией и тактикой революционной борьбы. Опираясь на поддержку народных масс, Коммунистическая партия ставила назревшие задачи и добивалась их выполнения. Она являлась подлинным вдохновителем, организатором и руководителем народной революции.

Созданное в освобожденной Чехословакии государство, будучи по форме народно-демократической республикой, представляло по своей классовой сущности рабоче-крестьянское государство. Оно было орудием господства трудящихся классов, во главе с рабочим классом, орудием подавления свергнутых помещиков и крупной буржуазии.

Лагерь врагов народно-демократического строя составляли крупная финансовая, промышленная и торговая буржуазия, помещики и высшее духовенство католической церкви. Крупная буржуазия, лишенная политической власти, скомпрометированная своим сотрудничеством с оккупантами, после освобождения страны Советской Армией удерживала в своих руках экономические позиции в промышленности, во внешней и внутренней торговле, на транспорте и т. д. Помещики и церковь владели в деревне значительной частью земли, скота и орудий сельскохозяйственного производства. В борьбе против народно-демократического строя крупная буржуазия и помещики опирались на эти экономические позиции и на свои связи с иностранным империализмом, используя при этом недостаточную политическую зрелость трудящихся масс.

Непосредственным политическим орудием империалистической контрреволюции стала ее агентура в рядах буржуазных партий, вошедших в Национальный фронт чехов и словаков. Эта агентура, во главе которой стояли Бенеш, Зенкл, Рипка, Майер, Шрабек, Леттрих и др., не скомпрометированные открытым сотрудничеством с гитлеровцами, стремилась всеми мерами задержать осуществление революционных преобразований, сохранить за буржуазией ее позиции, защитить разоблаченных предателей от народного возмездия.

Что собой представляли социал-демократическая, национально-социалистическая, чешская народная и демократическая партии Словакии, входившие в состав Национального фронта?

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 341.

² Klement Gottwald. Deset let. Sbornik statí a projeví, 1936—1946, «Svoboda», 1948, str. 380—381.

Социал-демократическая партия была еще заражена в значительной степени оппортунизмом, носителем которого было правое крыло ее руководства. Левое крыло партии, составлявшее подавляющую массу членов партии, стояло за сотрудничество с коммунистами. В партии не прекращалась борьба между левым и правым крылом. Наличие оппортунистического крыла в партии являлось основной причиной того, что партия не всегда последовательно шла в союзе с Коммунистической партией, проявляла колебания в проведении классовой политики пролетариата, нередко блокируясь с буржуазными партиями.

Национально-социалистическая партия не была в действительности партией, отстаивавшей национальные интересы, ибо ее руководство, в целях сохранения буржуазного строя, соглашалось пойти на подчинение страны иностранному капиталу. Эта партия не была и социалистической, так как руководство стремилось на практике сорвать осуществление демократических и социалистических преобразований. Вообще для буржуазных партий была характерна тактика тщательной маскировки своих замыслов, демагогическое объявление себя сторонниками народно-демократического строя, дружьями СССР в силу огромной популярности СССР среди народа. Только путем обмана этим партиям удалось сохранить на известное время влияние на политически отсталую и не искушенную в политике часть трудящихся масс. Так, национально-социалистическая партия имела еще влияние среди части крестьянства, интеллигенции и особенно значительное — среди мелкой городской буржуазии.

Национально-социалистическая партия стала важнейшим инструментом контрреволюционной буржуазии и помещиков в их борьбе против народно-демократического строя, она была ведущей в блоке буржуазных партий.

Народная партия являлась выразителем интересов сельской буржуазии. Она имела влияние среди отсталой религиозной части крестьянства, особенно в Моравии, и части ремесленников. Руководящая верхушка этой партии была тесно связана с реакционными кругами духовенства страны, а через них — с Ватиканом. Последний в значительной степени определял политику этой партии, выполняя в свою очередь указания реакционных кругов империалистических держав.

В Словакии главным политическим оружием буржуазии, помещиков и высшего католического клира стала демократическая партия. Эта партия на первых порах имела большое влияние среди словацкого крестьянства и мелкой буржуазии города.

В то время как руководители перечисленных буржуазных партий представляли интересы буржуазии, основная масса рядовых членов этих партий — крестьянство, ремесленники, трудовая интеллигенция — выступала за проведение революционных преобразований. Благодаря наличию Национального фронта рабочий класс мог вести за собой основные массы трудящихся на борьбу против буржуазии, мог руководить ими через голову агентуры буржуазии. В этом заключалось историческое значение Национального фронта. Он облегчал рабочему классу борьбу с буржуазией за руководство нацией.

Разнородный социальный и партийный состав Национального фронта сказался на структуре и классовом составе органов государственной власти. В местных и высших органах власти находились представители всех партий, вошедших в Национальный фронт, представители рабочих, крестьян, ремесленников и трудовой интеллигенции, с одной стороны, и представители части чешской и словацкой буржуазии — с другой. Хотя политику правительства определял не крупный монополистический капитал, как было в буржуазной

республике, а рабочий класс и трудящиеся во главе с Коммунистической партией, однако буржуазия могла использовать наличие своих представителей в органах государственной власти (правительстве, парламенте, национальных комитетах и т. д.) для борьбы против народно-демократического строя. Представители буржуазных партий были допущены к участию в управлении государством исключительно в силу того, что они имели еще значительное влияние среди непролетарских масс населения.

Следовательно, участие в органах власти представителей буржуазных партий было исторической необходимостью, обусловленной расстановкой классовых сил, сложившейся в ходе национально-освободительного движения, и степенью политической сознательности трудящихся масс. Коммунистическая партия, следуя марксистско-ленинскому учению, не отрывалась от масс, а политически воспитывала массы в повседневной борьбе против буржуазии, добиваясь того, чтобы политический опыт трудящихся дал возможность двинуть вперед дело революции.

Только такой дальновидной политикой Коммунистическая партия смогла создать наиболее широкий и относительно прочный союз рабочего класса с трудящимися массами города и деревни.

«Было нужно пройти этот этап, — говорил Клемент Готвальд, — чтобы массы на своем опыте разглядели не только Берана, Гайду, Стршибрного и Прейсса, но также Зенкла, Шрамека и Леттриха... Наша партия, являющаяся партией масс, с которыми она растет и живет, также необходимо должна была пройти эту школу, приобрести в этот период опыт. Мы должны были научиться управлять»¹.

Нахождение в органах народно-демократической власти представителей буржуазных партий придало своеобразие политическому характеру этой власти. По своему классовому характеру народно-демократическая власть на первом этапе была революционной диктатурой пролетариата и крестьянства. Особенностью этой революционно-демократической диктатуры было то, что она была нацелена против монополистического капитала, а также помещиков как опоры реакции.

Создавая рабочему классу и крестьянству возможность на определенной стадии успешно ломать сопротивление буржуазии и осуществлять революционные преобразования, революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства подготавливала почву для установления социалистической диктатуры рабочего класса.

Руководящая роль пролетариата в системе революционно-демократической диктатуры, гегемония пролетариата в рабоче-крестьянском союзе представляла зародыш диктатуры рабочего класса. С усилением и укреплением руководящей роли рабочего класса в ходе революции народно-демократическая власть стала выполнять функции диктатуры пролетариата. Диктатура пролетариата и крестьянства была исторически необходимой переходной ступенью к диктатуре пролетариата.

Укрепление народно-демократического строя, проведение революционных преобразований происходили в обстановке нарастающей классовой борьбы рабочего класса против буржуазии и против ее агентуры в рядах непролетарских партий. Стратегическая задача Коммунистической партии на этапе народно-демократической революции заключалась в том, чтобы укрепить единство народных масс в Национальном фронте, полностью изолировать буржуазию, упрочить руководящую роль пролетариата в рабоче-крестьян-

¹ Klement Gottwald. 1946—1948, Sbornik stati a projevu «Svoboda», 1949, sv. II, str. 135

ском союзе и, укрепив влияние Коммунистической партии в массах, в органах власти, в армии, добиться превращения революционной диктатуры пролетариата и крестьянства в диктатуру пролетариата, сделать народно-демократическую революцию исходным пунктом социалистической революции.

В борьбе за достижение классовых целей пролетариата важнейшую роль сыграли революционные экономические преобразования. Эти преобразования наносили удары по экономической основе буржуазного строя, расшатывали эту основу, укрепляли экономическую базу нового строя, а также обеспечивали упрочение союза рабочего класса с трудящимися массами путем удовлетворения экономических нужд трудящихся за счет буржуазии и помещиков.

Коммунистическая партия повседневно и настойчиво разоблачала агентов буржуазии, помогала народу освободиться от их влияния, усиливала руководящую роль пролетариата в государстве.

В борьбе против буржуазии пролетариат использовал органы власти: правительство, национальные комитеты, органы безопасности, суды и т. д. Коммунисты, опираясь на поддержку широких масс трудового народа, в первую очередь рабочего класса, сумели превратить правительство и парламент в органы революционной власти, осуществляющие коренные революционные преобразования. Особенно эффективно действовали важнейшие министерства (внутренних дел, сельского хозяйства и т. д.) и правительственные учреждения, которые непосредственно возглавляли коммунисты.

В народно-демократическом государстве было ликвидировано одно из важнейших условий прежнего классового господства буржуазии — сосредоточение исполнительной власти в руках бюрократии: земских президентов, окружных гетманов и старост. Рабочий класс разбивал этот аппарат, создавая новый аппарат государственной власти.

Местными органами революционно-демократической диктатуры народа были национальные комитеты. Их правовое положение было закреплено правительственным постановлением от 5 мая 1945 г. Благодаря наличию национальных комитетов власть народно-демократического правительства быстро утвердилась на всей территории страны. Национальные комитеты стали в руках трудящихся масс рычагом преобразования всего государственного строя и экономики страны. Ведущей силой в национальных комитетах были коммунисты. Позиции Коммунистической партии в местных органах народной власти особенно усилились после парламентских выборов 1946 г.

С изменением классового характера чехословацкого государства изменились и функции армии. Армия, которая в капиталистической Чехословакии была главным орудием буржуазного государства для подавления трудящихся, была поставлена на службу защиты революционных завоеваний народа и охраны народно-демократического государства от внешней империалистической агрессии. Следует, однако, отметить что реакционерам удалось значительно задержать демократизацию армии и ее перестройку. Она была завершена только после февраля 1948 г.¹

Вместо полиции, являвшейся в старой Чехословакии орудием политического террора буржуазии против трудящихся, был создан Корпус национальной безопасности. Он был призван охранять народно-демократический строй от посягательств со стороны свергнутых реакционных сил, бороться против саботажников, спекулянтов, уничтожать вредителей, шпионов и диверсантов, засылаемых разведками капиталистических стран. Служащие

¹ См. «X sjezd Komunistické strany Československa. Projevy a dokumenty» в журн. «Nová mysl», Ročník, 1954, číslo 7, str. 789.

Корпуса национальной безопасности набирались из числа партизан и участников движения сопротивления, активно боровшихся против оккупантов и по своему социальному происхождению являвшихся выходцами из среды рабочих и беднейших крестьян. Благодаря такому социальному составу Корпус национальной безопасности стал надежным стражем революционного порядка и завоеваний трудящихся.

Подвергся изменениям и судебный аппарат государства — один из инструментов классового угнетения и террора буржуазии против трудящихся в капиталистическом государстве. Для наказания врагов народа, сотрудничавших с оккупантами, и лиц, осуществлявших гитлеровскую колониальную политику германского империализма на территории страны, в июне 1945 г. в краевых центрах были созданы чрезвычайные народные суды¹. Народные суды назначались правительством по рекомендации окружных национальных комитетов. Осуждение предателей, основную массу которых составляли представители буржуазии, а также изгнание изменников из учреждений и организаций благодаря постоянному контролю масс приняло значительные размеры, несмотря на сопротивление реакции.

Приступив к коренной перестройке важнейших звеньев государственного аппарата, сразу после освобождения страны, чехословацкий народ закончил эту работу после исторической победы над реакцией в феврале 1948 г.

Важнейшим мероприятием народно-демократического государства было демократическое решение национального вопроса.

Исходя из принципов Кошицкой программы, народно-демократическое правительство предоставило украинскому народу, населяющему Закарпатскую Украину, возможность осуществить свою вековую мечту — воссоединиться с Советской Украиной. На основе договора между Советским Союзом и Чехословацкой республикой, подписанного 29 июня 1945 г., Закарпатская Украина воссоединилась с Советской Украиной². Этим актом и провозглашением принципа равенства чехов и словаков народно-демократическое правительство выразило свое намерение покончить с захватнической империалистической политикой, проводившейся в прошлом господствующими классами страны, построить государство по примеру Советского Союза на принципе пролетарского интернационализма, на базе свободного развития населяющих страну народов.

Демократический принцип братского сотрудничества двух равноправных народов — чехов и словаков — стал проводиться в жизнь с первых дней освобождения страны. 1 июня 1945 г. между народно-демократическим правительством Чехословакии и Словацким Национальным советом было заключено соглашение, по которому словацкому народу, в соответствии с Кошицкой программой, предоставлялась широкая автономия в рамках единого государства. Чехословацкое правительство, осуществлявшее высшую исполнительную власть на всей территории республики, оставляло за собой решение всех общегосударственных хозяйственных, социально-культурных и административных вопросов. Эти вопросы, однако, решались правительством по согласованию со Словацким Национальным советом. Вся власть в Словакии передавалась Словацкому Национальному совету, за которым признавалось право быть «не только законным представительным органом самобитного словацкого народа, но и носителем государственной (законодатель-

¹ «Sbírka zákonů a nařízení republiky Československé», № 16, 1945. (Далее «Sbírka zákonů»).

² «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», ОГИЗ, 1947, т. III, стр. 309—312.

ной, правительственной и исполнительной) власти на территории Словакии»¹.

Исполнительная власть в Словакии передавалась органу Словацкого Национального совета — Корпусу уполномоченных, автономному правительству Словакии, ответственному перед Словацким Национальным советом и правительством республики. Соглашение от 1 июня 1945 г. в дальнейшем было дополнено другими соглашениями. Было обеспечено соответствующее представительство словацкого народа в центральных государственных и хозяйственных учреждениях республики.

Словацкому народу было предоставлено неограниченное право пользоваться своим родным языком на территории Словакии и в сношениях с центральными учреждениями.

Уничтожение национального гнета и разрешение национального вопроса в подлинно демократическом духе были огромным достижением народно-демократического строя в Чехословакии и вели к упрочению этого строя. Именно поэтому национальная политика народно-демократического правительства встретила ожесточенное сопротивление со стороны чешской и словацкой буржуазии. Буржуазные националисты, как находившиеся в демократической партии Словакии, так и посланные иностранными разведками в ряды Коммунистической партии Словакии, при поддержке чешской реакции стремились посеять национальную вражду между словаками и чехами, оторвать Словакию от Чехии и добиться таким путем развала народно-демократического государства. Народно-демократическое правительство и его руководитель — Коммунистическая партия Чехословакии, — опирающиеся на волю чешского и словацкого народов, сорвали замыслы реакции и добились укрепления доверия и дружбы между чехами и словаками.

Создание народно-демократического строя обеспечило возникновение и активную деятельность массовых организаций. В особенности важную роль стали играть профессиональные организации пролетариата и их органы — заводские советы и рабочая милиция.

После освобождения страны были созданы единые революционные профсоюзы, возглавляемые Центральным советом профсоюзов. Возникновение единых профсоюзов отражало упрочение единства рабочего класса в ходе национально-освободительного движения. Буржуазные партии оказались не в состоянии разбить единство профсоюзного движения. Под давлением рабочего класса социал-демократическая и национально-социалистическая партии в специальном заявлении от 17 июня 1945 г. признали Центральный совет профсоюзов единым руководящим центром профсоюзного движения².

Ликвидация существовавшей в доминионской Чехословакии раздробленности профсоюзного движения была крупной победой рабочего класса, подготовленной всей предшествующей неустанной деятельностью Коммунистической партии, ее борьбой против оппортунизма, реформизма, за единство рядов пролетариата. Создание единых профсоюзов и укрепление в них влияния Коммунистической партии упрочили ее связи с беспартийными рабочими. Единые профсоюзы под руководством Коммунистической партии мобилизовали рабочий класс на построение нового, народно-демократического государства.

В освобожденной Чехословакии повсеместно избирались рабочими на предприятиях заводские советы. Заводские советы избирались на основе единого списка профсоюзов, путем прямых выборов при тайном голосова-

¹ «Zemědělské noviny», 2.VI 1945 г.

² «Funkcionář KSČ», № 17, 16.IX 1947 г.

нии. К апрелю 1946 г. только в чешских районах имелось уже более 12 тыс. заводских советов¹. Заводские советы сыграли немаловажную роль в осуществлении национализации промышленности и в восстановлении народного хозяйства. «Наряду с национальными комитетами, — говорил А. Запотоцкий в 1945 г., — заводские советы были и являются в нынешний революционный период важнейшим фактором в деле строительства нашего нового государства»².

В первые дни после освобождения страны подчиненная революционным профсоюзам рабочая гвардия взяла на себя охрану революционного порядка, несла службу безопасности, вылавливала гитлеровцев, несла охрану народного имущества и т. д. 6 июня 1945 г. революционная рабочая гвардия была преобразована в заводскую милицию, которой была поручена охрана заводов. Рабочий класс сохранял в своих руках оружие. Заводская милиция стала ударным отрядом рабочего класса и сыграла впоследствии важную роль в разгроме контрреволюционного заговора буржуазии в феврале 1948 г.

Значительную политическую роль стали также играть координационные комитеты Национального фронта. Они были созданы на основе соглашения, которое было подписано в июне 1945 г. Коммунистической, социал-демократической и национально-социалистической партиями³. Координационные комитеты в городах и селах, округах и землях возглавлялись центральным комитетом Национального фронта. Эти комитеты привлекали массы к активному участию в политической жизни, контролировали деятельность органов народной власти и обеспечивали согласованные действия всех партий Национального фронта.

Установление народно-демократического строя развязало политическую активность миллионов трудящихся, которые стали принимать деятельное участие в проведении мероприятий народной власти.

Народные массы активно использовали завоеванные свободы. Наряду с едиными революционными профсоюзами возникли крестьянские организации профессионального типа: чешский и словацкий единые союзы крестьян. Были созданы единые организации молодежи, женщин, а также единые кооперативные, спортивные и т. п. союзы и объединения. Быстро развивались общества дружбы с Советским Союзом и странами народной демократии. Единые демократические организации трудящихся связывали Коммунистическую партию с массами. Сплачивая народ вокруг Коммунистической партии, они сыграли большую роль в мобилизации трудящихся на борьбу против буржуазии. В то же время народно-демократическое правительство, действуя согласно Кошицкой программе, запретило деятельность всех реакционных и фашистских партий: аграрной, живностенской, национального объединения, глинковской партии и контролируемых ими организаций. Это мероприятие было актом народной власти, направленным против крупной монополистической буржуазии.

Лишь с установлением народной демократии эксплуатируемое большинство в Чехословакии получило впервые подлинные права. Народ получил возможность управлять государством, решать государственные вопросы в своих интересах, в ущерб эксплуататорскому меньшинству. Успешное развитие революции обеспечивалось в значительной степени тем, что революционные мероприятия, проводимые органами народной власти сверху,

¹ Antonín Zápotocký. Nová odborová politika. Praha, 1949, str. 52.

² Там же, стр. 18.

³ «Funkcionář KSC», № 17, 16.IX 1947 г.

поддерживались снизу революционными массами, которым в конечном счете принадлежало решающее слово.

Проведение чехословацким народом коренных революционных преобразований общественно-политической и экономической жизни страны стало возможным благодаря тому, что народно-демократическая Чехословакия после освобождения стала проводить политику дружбы и сотрудничества со странами демократического лагеря, возглавляемого Советским Союзом.

По всем важнейшим вопросам международных отношений страна выступала вместе с Советским Союзом, который вел борьбу против агрессивных устремлений иностранных империалистов. Раньше буржуазно-помещичья Чехословакия, находившаяся в зависимости от ведущих империалистических государств, не имела самостоятельной внешней политики. Это кончилось для нее национальной катастрофой в 1938 г. Теперь народно-демократическое государство получило возможность проводить внешнюю политику, соответствующую национальным интересам народа. Коренной поворот в области внешней политики имел огромное значение для исторических судеб чехословацкого народа как в плане внешнеполитическом, так и внутривнутриполитическом. При поддержке СССР Чехословакия полностью восстановила свои границы, ликвидировала расчленение страны по Мюнхенскому соглашению и по так называемому венскому арбитражу, отстаивала свою независимость и суверенитет от посягательств иностранного империализма. Международный авторитет Чехословакии возрос, она стала оказывать активное влияние на решение многих важнейших международных вопросов.

Союз с СССР вместе с тем означал то, что чехословацкая буржуазия не имела возможности получать от буржуазии иностранной экономической, военную и финансовую помощь (займы) в таком объеме, в каком эксплуататорские классы страны получали ее, например, после первой мировой войны, когда частично за счет этой помощи они смогли укрепить свое господство в стране¹. Теперь, наоборот, народно-демократическое государство получило возможность укрепить свои экономические и культурные связи с СССР и странами народной демократии. Это позволяло быстрее ликвидировать огромные послевоенные экономические трудности, добиться быстрого восстановления народного хозяйства и упрочения народно-демократического строя.

ВВЕДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ. КОНФИСКАЦИЯ ЗЕМЛИ У НЕМЕЦКИХ И ВЕНГЕРСКИХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ, КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ И У ВРАГОВ НАРОДА

Народно-демократический строй получил в наследство разоренное войной и оккупацией народное хозяйство. Ущерб, причиненный оккупацией чехословацкому народному хозяйству, составлял 200 млрд. крон. Англо-американские войска в последние дни войны разрушили многие важнейшие предприятия. Так, американские бомбардировщики разрушили на 70% крупнейшие заводы тяжелого машиностроения в Пльзене, был также значительно разрушен самый большой в стране обувной комбинат в Элише, огромный ущерб был нанесен заводам тяжелого машиностроения в Брно и Праге, комбинату синтетического горючего в Мосте. Американской же

¹ В первый период связи чехословацкой буржуазии с иностранной буржуазией, разумеется, не были полностью ликвидированы. Однако они были значительно подорваны и не имели такого всеобъемлющего характера, как до войны.

авиацией были разрушены сахароваренные заводы в городах Колин, Пардубицы, Крапупы и многие другие предприятия.

В мае 1945 г. промышленное производство составляло всего лишь половину довоенного уровня. Добыча каменного угля составляла 44,7%, бурого угля — 58,5%, выплавка стали — 21,5%, а производство автомобилей не достигало и 10% довоенного уровня. На подавляющей части сохранившихся заводов изготовление продукции мирного назначения было фактически прекращено ввиду того, что гитлеровцы подчинили производство задачам выпуска военной техники. Так, больше не производились не только многие предметы массового потребления, но и паровозы, тракторы, электромоторы. Чтобы удовлетворить потребности ограбленного оккупантами населения страны, необходимо было срочно осуществить перевод промышленности на мирное производство. Германские оккупанты вывезли или уничтожили подавляющую часть имевшихся запасов сырья, в результате чего наступил сырьевой голод, ощущалась острая нехватка топлива. Огромный ущерб был причинен железным дорогам и другим видам транспорта. Во время войны было угнано или уничтожено 75% подвижного состава железнодорожного транспорта, разрушены тысячи железнодорожных, шоссеиных мостов и т. п.

Финансы страны также находились в плачевном состоянии. Инфляция, которую форсировали оккупанты к концу войны, достигла угрожающих размеров. В обращении находилось в 15 раз больше бумажных денежных знаков, чем в предвоенные годы¹.

В крайне тяжелом положении оказалось и сельскохозяйственное производство. Безудержный грабёж оккупантов разорил деревню. В стране упала урожайность, сократились посевные площади. В 1945 г. урожай зерновых по сравнению с 1936—1937 гг. был меньше на 28,4%, картофеля — на 31%, сахарной свеклы — на 32,7%².

Наряду с резким уменьшением валовой продукции земледелия значительно уменьшилось поголовье скота и домашней птицы, особенно в Словакии³.

Народ был истощен голодом, многие его лучшие сыны погибли в боях с оккупантами, были замучены в концентрационных лагерях. Положение осложнялось острым недостатком рабочей силы, особенно в таких важнейших отраслях промышленности, как угольная и горнорудная.

Огромные хозяйственные трудности, порожденные оккупацией и войной, можно было успешно и быстро преодолеть только путем революционных демократических преобразований.

К революционному переустройству народного хозяйства, предусмотренному Кошицкой программой, чехословацкий народ приступил с первых дней освобождения страны. Начало было положено декретом от 19 мая 1945 г. о национальном управлении имуществом, принадлежащим германским и венгерским монополиям и землевладельцам, а также чешской и словацкой агентуре оккупантов⁴. Декрет от 19 мая объявлял недействительными какую-либо передачу или приобретение имущества, совершенные после 29 сентября 1938 г. под давлением оккупантов, в результате национального, расового или политического преследования. На заводах, в шахтах, в банках и в сель-

¹ «Zemědělské noviny», 23.IX 1945 г.

² «Plánované hospodářství v Československu». Praha, 1948, str. 56—57.

³ За время войны в Словакии число лошадей сократилось на 46%, свиней — на 58%, овец — на 23%.

⁴ «Sbírka zákonů», № 5, 1945.

2 Ученые записки, т. XI

ских хозяйствах, захваченных немцами, венграми и предателями народа, вводился своеобразный государственный контроль над производством и распределением готовой продукции.

Декрет, однако, не устанавливал отчуждения указанных объектов. Их дальнейшую судьбу предполагалось определить в будущем новыми декретами. Предприятия же и мелкие хозяйства, отнятые у чешских и словацких ремесленников, торговцев, крестьян и рабочих в период оккупации, возвращались, согласно декрету, прежним владельцам.

Проведение декрета в жизнь было поручено национальным комитетам. Последние должны были назначить национальных управляющих для руководства указанными объектами. В промышленности и кустарном производстве к 31 августа 1945 г. было отдано под национальное управление 9302 предприятия с общим числом рабочих около 1 млн. Кроме того, в одних чешских землях было назначено 80 тыс. национальных управляющих в сельские хозяйства общей площадью 800 тыс. га¹. Подавляющее большинство национальных управляющих было назначено в промышленности из рабочих, в сельском хозяйстве — из батраков, малоземельных крестьян или из средних крестьян. Работа управляющих контролировалась национальными комитетами.

Несмотря на допущенные отдельные ошибки, институт национальных управляющих, просуществовавший до весны 1947 г., вполне себя оправдал. Национальные управляющие обеспечили бесперебойность производства, сохранили имущество от расхищения, организовали сдачу продукции государству.

Осуществление декрета от 19 мая 1945 г. установило государственный и рабочий контроль почти над всеми банками и страховыми обществами, значительной частью шахт, крупнейшими предприятиями и большим количеством сельских хозяйств. Важное политическое значение этого мероприятия заключалось в том, что оно подготовило национализацию ключевых отраслей промышленности, способствовало укреплению доверия трудящихся масс к народно-демократическому строю, упрочило руководящую роль рабочего класса в государстве. Установление рабочего контроля над производством означало определенный и весьма важный шаг к социализму.

Разработка и законодательное оформление революционно-демократических преобразований, а тем более их проведение в жизнь проходили в обстановке острой борьбы между возглавляемым Коммунистической партией рабочим классом, классовые интересы и требования которого совпадали с коренными интересами всего трудового народа, и силами реакции, действовавшей через свою агентуру в буржуазных партиях. Классовая борьба в стране разгорелась особенно остро вокруг декретов о конфискации земли у врагов народа и национализации основных отраслей промышленности.

После принятия декрета о введении национального управления на предприятиях и на землях, принадлежавших врагам народа, надо было решить дальнейшую судьбу этих предприятий и земель.

Буржуазия добивалась того, чтобы предприятия и капиталы немецких монополий были переданы в ее руки. В деревне путем ограничения земельных латифундий, принадлежавших немецким землевладельцам, реакционеры стремились расширить и укрепить чешское помещичье и кулацкое землевладение. С этой целью они предлагали на отобранной земле создать кулацкие хозяйства размером в 20—50 га и увеличить плату за землю до пятикратной стоимости урожая с данного участка. Подобные предложения противо-

¹ J. Kořátko. Konfiskace, rozdělování a osídlování půdy. Praha, 1946, str. 8.

решили демократическим принципам Кошицкой программы. Их осуществление привело бы к укреплению позиций буржуазии, расширению ее социальной базы в городе и деревне. С другой стороны, оно вызвало бы огромное разочарование рабочего класса и крестьянства, подорвало бы их доверие к народно-демократическому строю, вследствие чего был бы ослаблен союз рабочих и крестьян. Коммунистическая партия, точно и неуклонно осуществляя Кошицкую программу, добилась, благодаря поддержке трудящихся масс, проведения национализации ключевых отраслей промышленности, банков и страховых обществ и осуществления земельной реформы на демократических принципах.

Проведение земельной реформы было законодательно оформлено декретом от 21 июня 1945 г. Согласно этому декрету, конфисковались земельная собственность, лсса, живой и мертвый инвентарь, скот и запасы, принадлежавшие лицам, которые поддерживали гитлеровский режим оккупации. В первую очередь это относилось к крупным немецким и венгерским помещикам и кулакам, отчасти к чешским и словацким помещикам и кулакам. Имущество немцев и венгров, принимавших активное участие в антифашистской борьбе, конфискации не подлежало.

Конфискованная земля передавалась крестьянам, а лесные массивы переходили к государству. Право на получение наделов имели прежде всего батраки, сельскохозяйственные рабочие, малоземельные и многосемейные крестьяне.

Проведение конфискации земли на местах и распределение ее поручалось крестьянским комиссиям, созданным при национальных комитетах, из числа лиц, которые имели право на получение надела конфискованной земли. Таким образом, проведение декретов в жизнь было передано в руки батраков и бедных крестьян, что устраняло в значительной степени возможность проволочек, обеспечивало быстрый раздел конфискованной земли. Крестьянские комиссии были настоящими органами деревенской бедноты по революционному проведению земельной реформы.

20 июля 1945 г. был опубликован декрет о заселении конфискованной земли, который положил начало практическому осуществлению земельной реформы в пограничных районах. С сентября 1945 г. началось переселение чешских и словацких крестьян из внутренних областей в Пограничье. Основную массу переселенцев составляли батраки и бедные крестьяне, которые наделялись конфискованной землей. Вместе с наделом, который оплачивался по льготной цене, крестьяне получали за небольшую плату жилище, хозяйственные постройки, скот, инвентарь и пр. Переселенцы, получавшие наделы конфискованной земли, освобождались на длительный срок от налогов и получали государственный кредит.

Земельная реформа меньшее развитие получила во внутренних районах, где было конфисковано более 100 тыс га земель немецких и чешских помещиков. Это количество земли было разделено между 66 тыс. семейств.

Проведение декретов в жизнь проходило в обстановке ожесточенной классовой борьбы в деревне и в органах Национального фронта. Представители буржуазии в Национальном фронте приложили огромные усилия, чтобы сорвать практическое проведение декретов. Особенно упорно сопротивлялись реакционеры конфискации имений чешских и словацких помещиков. Используя свои позиции в земских национальных комитетах, они освобождали от конфискации многие поместья врагов народа.

Коммунистическая партия призвала крестьянские массы к борьбе против реакционеров-саботажников. В октябре 1946 г. министерство земледелия обратилось ко всем местным и окружным национальным комитетам и ко

всем крестьянам со специальным воззванием, в котором призывало добиться ускорения конфискации земли у врагов государства.

Исключительно упорным было сопротивление реакции в Словакии, где орган, руководивший осуществлением декрета, — поверенничество сельского хозяйства и земельной реформы — возглавлял Мартин Кветко, член демократической партии, собравший в этом учреждении фашистов — сторонников свергнутого фашистского режима Тисо. В Словакии реакция в ряде случаев сорвала конфискацию крупнейших помещичьих имений и сумела добиться осуждения некоторых крестьян, разделивших помещичьи земли. Словацкие реакционеры чинили препятствия наделению деревенской бедноты конфискованной землей, устанавливая чрезвычайно высокие цены на землю, постройки, инвентарь и скот, лишая получивших надел кредита и т. п.¹ Саботаж и произвол реакционеров поддерживала пробравшаяся в руководство Коммунистической партии Словакии группа буржуазных националистов. Проведение конфискации в Словакии проходило крайне медленными темпами. Это сказалось на выборах в парламент 1946 г.

Чешским и словацким реакционерам в деле саботирования конфискации помогали англо-американские империалисты, препятствовавшие переселению немцев из Чехословакии в западные оккупационные зоны Германии. Они стремились сохранить в Чехословакии наиболее реакционные элементы, надеясь использовать их в будущем в борьбе против народной демократии.

Только после настойчивых требований чехословацкого правительства, поддержанных Советским правительством, американские оккупационные власти стали принимать в свою зону транспорты переселенцев. Что касается переселения немцев в Советскую зону оккупации Германии, то оно проходило организованно, согласно достигнутым соглашениям и установленным срокам². Переселение немцев из Чехословакии в Германию и Австрию было закончено в основном в октябре 1946 г.³

Конфискация вызвала значительное перераспределение земли в стране: было конфисковано свыше 3 млн. га земельной и лесной площади, из которых 2150 тыс. га — в пограничных районах, 450 тыс. га земли и лесов — во внутренних районах⁴ и 588 тыс. га было конфисковано в Словакии.

Из 1477 тыс. га земельной площади 1210 тыс. га было распределено среди 396 тыс. крестьянских семейств, 224 тыс. га земли было передано государственным хозяйствам, общественным и кооперативным организациям. Из конфискованных 1200 тыс. га лесов подавляющая часть стала государственной собственностью.

Главное значение конфискации состояло в ликвидации наиболее крупного помещичьего землевладения в стране, тормозившего развитие производительных сил в сельском хозяйстве.

Конфискация земли у немецких и венгерских помещиков и кулаков ликвидировала последствия многовековой насильственной колонизации чешских и словацких земель немецко-венгерскими эксплуататорскими классами. Переселение профашистски настроенного немецкого меньшинства, опоры агрессивного германского империализма, было одним из важных результатов народно-демократической революции. Это переселение, сочетавшееся с конфискацией земли и другого имущества у этих элементов и с заселением пограничных районов трудящимися чешской и словацкой национальностей,

¹ «Rudé právo», 28.XI 1946 г.

² «Zemědělské noviny», 3.I 1946 г.

³ «Svobodné slovo», 30.X 1946 г.

⁴ «Zemědělské noviny», 28.I 1948 г.

способствовало обеспечению независимости и демократического развития республики.

Конфискация, однако, еще не разрешила до конца земельного вопроса в стране, не ликвидировала полностью помещичьего землевладения. Во внутренних районах Чехословакии, например, оставалось еще 14 тыс. помещичьих имений, которые, составляя всего 1% всех хозяйств, владели 1400 тыс. га сельскохозяйственной площади; капиталистам и помещикам принадлежало здесь почти 30% всей земли.

Земля, отобранная у помещиков и частично у кулаков (немцев и венгров), была передана безземельным батракам и беднейшему крестьянству.

Конфискация значительной площади помещичьей земли и ее распределение среди крестьян изменили социальную структуру чехословацкой деревни, увеличив удельный вес среднего крестьянства в пограничных районах.

Получив землю из рук рабочего класса, деревенская беднота стала надежной опорой народно-демократического строя. Это способствовало упрочению союза рабочих и крестьян, усилению руководящей роли рабочего класса в этом союзе и влияния Коммунистической партии в деревне.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ КЛЮЧЕВЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, БАНКОВ И СТРАХОВЫХ ОБЩЕСТВ. ДРУГИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА НАЦИОНАЛЬНОГО ФРОНТА

Введение национального управления на предприятиях, принадлежавших немецко-венгерскому монополистическому капиталу и врагам народа, было первым шагом в решении важнейшей задачи народно-демократической революции — уничтожения экономического могущества монополистического капитала. Это мероприятие не изменило характера буржуазной собственности, не затронуло многих крупнейших предприятий, принадлежавших чешскому и словацкому капиталу. Чтобы создать экономический базис нового народно-демократического строя, обеспечить окончательное торжество этого строя и развитие страны по пути к социализму, нужно было уничтожить капиталистическую собственность и совершить переворот в способе производства.

Для выполнения этой задачи пролетариат должен был в первую очередь вырвать у буржуазии командные высоты в экономике страны и передать их народу. Захват народом командных высот дает пролетариату возможность нанести серьезный удар по экономическому могуществу буржуазии, приступить к созданию новой, социалистической собственности и новых, социалистических производственных отношений, сделать первый важный шаг по пути к уничтожению эксплуатации.

Национализацию крупной промышленности, банков, транспорта и энергетических ресурсов надо было провести для того, чтобы захватить командные высоты в народном хозяйстве. Национализация, следовательно, являлась по своему значению наиболее революционным, наиболее глубоким мероприятием народно-демократической власти. Она в значительной степени знаменовала собой переход страны на социалистический путь развития. Мощь и организованность рабочего класса в стране, в частности создание единого профсоюзного движения, находившегося под руководством Компартии, позволили народно-демократическому государству приступить к решению этой задачи вскоре после освобождения страны.

Уже в первые дни после освобождения требование о национализации ключевых отраслей промышленности стало самым настоятельным требованием рабочего класса. На многочисленных митингах, демонстрациях, собраниях рабочие единодушно требовали осуществления национализации предприятий.

В резолюции, принятой 26 августа на собрании делегатов заводских организаций Коммунистической партии крупнейшего в стране комбината Шкода, представлявших 16 тыс. коммунистов комбината, говорилось: «Мы желаем работать над укреплением национального единства и стоим за решительное проведение правительственной программы, которую считаем единственно возможным путем к осуществлению всех чаяний нашего трудового народа. Поэтому требуем ускорения национализации банков и принятия декрета о национализации тяжелой и ключевой промышленности»¹. Многочисленные делегации рабочих посещали правительство, президента, комитеты Национального фронта и от имени рабочего класса требовали немедленного проведения национализации.

Выражая волю рабочего класса, Антонин Запотоцкий, возглавлявший единые профсоюзы, заявил 16 июля 1945 г.:

«Без национализации ведущих отраслей промышленности никто сегодня не заставит рабочих работать»².

Не смея открыто выступить против национализации крупнейших заводов, шахт и банков, чехословацкая буржуазия и ее агентура попытались оттянуть на неопределенный срок ее проведение. Крупная буржуазия рассчитывала в будущем уничтожить народно-демократический строй и тем предотвратить национализацию вовсе.

Разоблачая маневры буржуазии, Коммунистическая партия разъясняла рабочим необходимость неотложной, наиболее полной и одновременной национализации всех ключевых отраслей промышленности, крупнейших предприятий легкой промышленности, а также банков и страховых обществ.

По инициативе Коммунистической партии Центральный комитет Национального фронта в начале июля 1945 г. принял решение о практическом проведении национализации. В этом же месяце при министерстве промышленности была создана центральная комиссия по национализации промышленности, в которую вошли представители всех партий Национального фронта, Словацкого Национального совета, Центрального совета профсоюзов. Комиссия в августе закончила разработку проекта о национализации шахт, предприятий энергетической, военной и тяжелой промышленности. По настоянию представителей Коммунистической партии в проект был включен пункт о национализации предприятий, имевших более 500 рабочих в любой отрасли промышленности, в том числе и легкой³. В сентябре этот проект был передан в Совет министров. В правительстве разгорелась ожесточенная борьба. Представители реакции яростно выступили против национализации предприятий легкой промышленности. Более того, министры — национальные социалисты выдвинули предложение о проведении национализации по этапам: сначала национализировать предприятия, имеющие свыше 900 рабочих, затем (в неопределенном будущем) подумать и о предприятиях тяжелой промышленности с меньшим числом рабочих. Реакция

¹ Zpráva ze I schůze delegátů závodních organizací KSČ koncernu Skodových závodů. 26.VIII.1945 г.

² Antonín Zápotocký. Указ. соч., стр. 25.

³ В руках буржуазии находилось около 10 тыс. фабрик и заводов легкой промышленности.

надеялась, что такой план позволит выиграть ей время, свести все дело к обещаниям и разговорам, а в конце концов и сорвать национализацию, как это удалось буржуазии в 1918—1920 гг.

Весьма активную роль в происках реакции играли правые социал-демократы. Правый социал-демократ Майер, поддержанный другими реакционными министрами, выступил против проведения национализации в пищевой промышленности, а правый социал-демократ Лаушман (в то время министр промышленности) настаивал на «огосударствлении» всех коммунальных предприятий, принадлежавших городским и сельским общинам. Provокационным проектом конфискации предприятий мелкой и средней промышленности правые социал-демократы рассчитывали подтолкнуть на выступление против национализации мелкую буржуазию и средних предпринимателей.

Когда стало ясно, что национализацию сорвать все же не удастся, реакция попыталась свести ее на нет, предложив: 1) возместить владельцам полную стоимость принадлежавших им предприятий¹, 2) управление национализированными предприятиями оставить за прежними владельцами. Коммунисты настояли на внесении в проект декрета формулировки, указывающей, что национализированные предприятия являются государственным имуществом, что вся прибыль от производства поступает в распоряжение государства, т. е. в руки народа. Таким образом, национализированные предприятия становились общенародной собственностью. Коммунистическая партия добилась также того, что в управлении национализированными предприятиями была отведена соответствующая роль рабочему классу в лице избранных рабочими представителей от профессиональных организаций.

Опираясь на ясно выраженную волю рабочего класса, повсеместно подерживавшего требование национализации демонстрациями, манифестациями, митингами, забастовками, посылкой депутатий, а также прямыми актами установления рабочего контроля на предприятиях, принадлежавших врагам государства, Коммунистическая партия сломила сопротивление реакции и добилась подписания декретов о национализации. Исход борьбы за национализацию в конечном счете был решен революционным напором трудящихся масс, возглавляемых Коммунистической партией.

24 октября 1945 г. были подписаны четыре декрета о национализации.

Первый декрет² предусматривал национализацию в горнодобывающей, энергетической, металлургической и военной промышленности всех предприятий, независимо от числа занятых рабочих; в металлообрабатывающей, электротехнической, точной механики, оптической промышленности предприятий, имевших свыше 500 рабочих, а также в химической, стекольной, кирпичной, фармацевтической, бумажной, текстильной, деревообрабатывающей, кожевенной промышленности предприятий, имевших от 150 до 500 рабочих. Национализация не распространялась на предприятия, принадлежавшие кооперативам.

Декрет устанавливал, что национализированные предприятия становятся собственностью государства³.

¹ Бенеш в начале октября 1945 г. заявил, что все предприниматели, в особенности иностранные капиталисты, должны получить за свои предприятия полное вознаграждение. «Svobodné slovo», 9.X 1945 г.

² «Sbírka zákonů», № 100, 1945.

³ Такие предприятия получили название «национальные предприятия».

Согласно второму декрету президента республики, национализировались предприятия пищевой промышленности¹.

Третий декрет предусматривал национализацию акционерных банков².

Четвертый декрет национализировал частные страховые общества.

Собственникам национализированных предприятий, акционерам банков и частных страховых обществ устанавливали возмещение в размере стоимости национализированного имущества или стоимости акций.

Возмещения были лишены бывшие граждане германской империи и венгерского королевства, все немецкие и венгерские общества, фашистские организации и вообще немецкие и венгерские юридические лица и частные лица немецкой и венгерской национальности, за исключением тех, кто остался верным Чехословацкой республике. Были лишены возмещения также лица чешской и словацкой национальности, сотрудничавшие с оккупантами. Имущество и капиталы указанных юридических лиц конфисковались.

Одновременно с декретами о национализации был издан декрет о функциях фабрично-заводских советов (комитетов) на предприятиях. Декрет возложил производственно-хозяйственное руководство национализированным предприятием на его дирекцию и узаконил положение фабрично-заводских советов в качестве органа защиты интересов рабочих. Перед фабрично-заводскими советами была поставлена задача мобилизации коллектива предприятия на повышение производительности труда.

Решение о национализации вызвало огромное ликование народа. 25 октября по всей стране прошли массовые манифестации. В Праге на Вацлавской площади собралось свыше 250 тыс. человек. Перед собравшимися выступили руководители революционного пролетариата Клемент Готвальд и Антонин Запотоцкий.

Проведение национализации происходило в упорной классовой борьбе. Реакция особенно упорно сопротивлялась национализации предприятий, принадлежавших крупной чешской и словацкой буржуазии, и национализации предприятий средней промышленности, принадлежавших немецкой и венгерской буржуазии. С помощью своей агентуры в национальных комитетах и в министерствах буржуазии иногда удавалось помешать национализации некоторых предприятий.

Пользуясь поддержкой реакционеров в судебных органах, капиталисты часто ухитрялись отменять национализацию своих предприятий. В таких случаях рабочие объявляли забастовки, стачки, проводили митинги, чтобы добиться осуществления декретов.

Оптовики-торговцы, в руках которых находилась внутренняя и внешняя торговля, чинили всяческие препятствия сбыту продукции национализированных предприятий. Министерство промышленности разбазарило большое количество оборудования национализированных предприятий. Антинародным, вражеским элементам удалось осуществить крупные саботажные и диверсионные акты на национализированных предприятиях, в шахтах, на железнодорожном транспорте.

Английские и американские монополии предприняли попытку вмешаться во внутренние дела страны, потребовав от чехословацкого правительства

¹ Национализировались все сахароваренные, винокуренные и спиртоводочные заводы. Остальные предприятия национализировались в зависимости от производственной мощности предприятия, выраженной в численности занятых на нем рабочих или в количестве производимой продукции. Национализации не подлежали предприятия, принадлежащие кооперативу или акционерному обществу, большинство акций которого принадлежало крестьянам — владельцам хозяйств, имевшим до 50 га земли.

² Национализации не подлежали народные страховые и кредитные организации.

уплаты непомерно высокой компенсации в иностранной валюте за национализированные предприятия, принадлежавшие иностранным монополиям. Вместе с тем, некоторые иностранные монополии предложили правительству допустить в важнейшие национализированные предприятия иностранный капитал под предлогом быстреего развития этих предприятий. Такие предложения поддержали чехословацкие реакционеры. Эксперт национально-социалистической партии И. Гейда предлагал разрешить иностранным монополиям купить 49% акций национализированных предприятий¹. Это привело бы к захвату национализированных предприятий иностранными монополиями.

Народно-демократическое правительство отвергло притязания иностранного монополистического капитала. Опираясь на трудящиеся массы, Коммунистическая партия сломала сопротивление реакции и отбила все попытки реакционеров денационализировать некоторые отрасли народного хозяйства. Она добилась быстрого восстановления и роста национализированной промышленности.

Важную роль в практическом проведении национализации сыграли профсоюзные организации рабочего класса и их органы — заводские советы. Заводские советы срывали попытки владельцев предприятий уклониться от национализации, помогали заводууправлению наладить производство на новых основах, пробуждали творческую инициативу масс, добиваясь повышения производительности труда на национализированных предприятиях.

Благодаря руководству Коммунистической партии и революционной активности рабочего класса национализация в целом была проведена вполне успешно. В собственность народно-демократического государства перешло свыше 3 тыс. промышленных предприятий. По количеству рабочих национализированный сектор составлял к концу 1947 г. 62% промышленного производства², следовательно, стал решающим в промышленном производстве страны.

Национализация охватила с наибольшей глубиной ведущие отрасли промышленного производства: всю горную и металлургическую промышленность, 99% энергетической, 77% химической, 73% металлообрабатывающей, 69% сахараренной, 59% кожевенной и 57% текстильной промышленности³. Кроме того, в национализированный сектор были включены предприятия и объекты, уже ранее принадлежавшие буржуазному государству: железные дороги, почта, радио, кино и т. п.

Огромное значение имело то обстоятельство, что вместе с национализацией ключевых отраслей промышленности была проведена национализация всех банков — «основного нерва хозяйственной жизни буржуазии»⁴. Национализация банков нанесла окончательный удар по крупному монополистическому капиталу, сокрушила позиции внутренней и иностранной финансовой олигархии в Чехословакии.

Покончив с засилием в экономике страны иностранного капитала, который в домюнхенской Чехословакии оказывал пагубное влияние на развитие экономики страны, подрывал национальную независимость и суверенитет чехословацкого народа, национализация укрепила экономическую и политическую независимость республики.

¹ «Творба», № 7, 1952.

² К концу 1947 г. на долю предприятий, находящихся под контролем государства, включая так называемые конфискаты и общественные кооперативные предприятия, приходилось 75—80% всего промышленного производства.

³ «Černá kniha kapitalistického hospodárení před únorem 1948». Sbirka dokumentů. Vydalo ministerstvo informací, Praha, 1948, str. 15.

⁴ И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 385.

«Переход ведущих позиций в нашей экономике из рук чуждого народу предательского и враждебного эксплуататорского слоя в руки нации, — указывал Клемент Готвальд, — создает предпосылки для радостного, действительно свободного труда нашего народа и упрочает экономическую базу нашей национальной свободы и государственной независимости»¹.

Национализация банков и ключевых отраслей промышленности была выдающимся, первостепенным по значению революционным мероприятием народно-демократического государства.

При условии наличия власти в руках рабочего класса и крестьянства национализация ведущих отраслей промышленности и банков означала превращение их во всенародную собственность. Эта собственность стала основой социалистического сектора. Следовательно, национализация была качественно новым, социалистическим мероприятием, громадным шагом к социализму, переходом народно-демократической революции на новую, более высокую ступень развития.

Переход в руки государства командных высот в народном хозяйстве явился началом приведения производственных отношений в соответствие с характером производительных сил. Он создал условия для действия нового закона планомерного и пропорционального развития народного хозяйства путем ликвидации анархии капиталистического производства. Переход на рельсы планового развития народного хозяйства имел решающее значение не только для ускорения восстановления промышленности, но и для определения направления развития народного хозяйства страны по пути к социализму.

Национализация упрочила народно-демократическое государство, создала ему прочную экономическую опору, усилила его роль в развитии экономики страны. Национализация ведущих отраслей промышленности и банков в Чехословакии положила основу для создания социалистических производственных отношений.

Безусловно, ниспровержение буржуазных производственных отношений и создание новых производственных социалистических отношений — процесс длительный. Национализация в октябре 1945 г. затронула лишь часть старого, буржуазного экономического базиса (главным образом в области промышленности) и создала новые производственные отношения только в промышленности. После национализации в руках буржуазии остались еще существенные экономические позиции, особенно в ряде отраслей легкой промышленности, лишь частично захваченной национализацией: в пищевой — 47%, деревообрабатывающей — 42%, спиртоводочной — 46%, пивоваренной — 26%, мукомольной — 40%, писчебумажной — 63%, строительной — 76% и т. д.² В руках буржуазии почти полностью находилась оптовая и розничная торговля, где частнокапиталистический сектор по товарообороту составлял 83%, в то время как национализированный сектор — только 5% и кооперативы — 12%.

Наряду с этим в сельском хозяйстве у кулачества и у помещиков находились также значительные экономические позиции.

После национализации крупной промышленности и акционерных банков, после проведения первой земельной реформы городская и сельская буржуазия сохранила важные экономические позиции, которые она использовала в борьбе против трудящихся. Вопрос «кто кого?» не был еще решен.

¹ Klement Gottwald. Deset let, str. 398.

² Černá kniha, str. 15 (по данным на ноябрь 1947 г.).

В конце 1945 г. был проведен ряд других важных экономических мероприятий, в том числе и денежная реформа. Республика получила в наследство финансовое хозяйство, находившееся в хаотическом состоянии. Количество бумажных знаков, обращающихся в стране, достигало осенью 1945 г. 120 млрд. крон (до войны — 10 млрд. крон). На территории республики имели хождение пять типов денежных знаков, оставшихся от оккупации. В целях ликвидации инфляции, ухудшавшей положение трудящихся, был издан декрет о денежной реформе от 18 октября 1945 г. С 1 ноября 1945 г. была введена единая денежная единица — чехословацкая крона. Прежние чешские и словацкие кроны обменивались на новую в соотношении 1 : 1. Курс новой кроны по отношению к курсу довоенной кроны был установлен 3 : 1. Государственным предприятиям и организациям, владельцам частных предприятий, имевших наемных рабочих, было разрешено обменять деньги в размере, необходимом для выплаты месячной зарплаты рабочим и служащим. Каждый гражданин имел право обменять 500 крон. Все вклады в банках и сберегательных кассах, сделанные в прежних денежных знаках, объявлялись блокированными. Пользование блокированными вкладами и обмен их на новые денежные знаки разрешались только в единичных случаях, каждый раз по специальному разрешению финансовых органов.

Ввиду того, что блокирование вклада не означало его потери, в дальнейшем разгорелась ожесточенная борьба между Коммунистической партией, требовавшей ликвидации блокированных вкладов капиталистов и помещиков, и реакцией, стремившейся передать буржуазии все ее капиталы.

Народно-демократическое государство национализацией банков и денежной реформой лишило буржуазию части ее капиталов, ослабило мощь финансово-промышленной буржуазии в стране. Сконцентрировав в своих руках кредитно-финансовую систему, народно-демократическое государство получило мощное орудие воздействия на развитие всего народного хозяйства, в определенной степени и на частнокапиталистический сектор.

В одно время с денежной реформой правительство повысило зарплату рабочих и служащих в 3 раза по сравнению с уровнем марта 1939 г. При этом зарплата низкооплачиваемых рабочих была повышена в 3—4 раза, а зарплата работниц в среднем в 4—5 раз. Кроме того, с 1 декабря 1945 г. были введены надбавки на воспитание детей. Правительство установило определенный уровень цен на промышленные товары массового потребления. Эти мероприятия существенно улучшили материальное положение рабочих и всех трудящихся страны. Одновременно народно-демократическим правительством были проведены мероприятия по улучшению материального положения трудового крестьянства.

Коммунистическая партия твердо помнила, что укрепление союза рабочего класса с крестьянством возможно только путем удовлетворения требований трудового крестьянства. Наиболее злободневным в стране был вопрос ликвидации резкого расхождения цен — «ножниц» — на промышленные товары и сельскохозяйственные продукты, возникшего вследствие господства монополий на внутреннем рынке буржуазной Чехословакии.

Летом 1945 г. одновременно с общим повышением цен на сельскохозяйственную продукцию правительство ввело дифференцированную шкалу закупочных цен. Мелкие и средние крестьяне получили надбавку за сдаваемую рожь и пшеницу, почти в 2 раза большую, чем помещики. По такому же принципу были повышены цены на хмель. Введение дифференцированных закупочных цен, являвшееся актом классовой политики народно-демократического государства, имело и то огромное политическое значение, что оно

отделяло бедноту и среднее крестьянство от помещиков и кулаков, противопоставляло социальные группы трудящихся деревни помещикам. Все это оказало большое влияние на развитие классово-борьбы в деревне. Однако следует отметить, что с теневого стороны шкалы было повышение закупочных цен, хотя и менее значительное, на продукцию помещичьих хозяйств.

В октябре 1945 г. правительство на 71% повысило цены на все продукты животноводства и птицеводства, в чем особенно было заинтересовано беднейшее и среднее крестьянство, которому животноводство давало основной доход. Наиболее значительно были повышены цены на продукты, продаваемые хозяйствами, имеющими до 20 га. Такие хозяйства в целом получили 77% общей суммы надбавки¹.

Параллельно правительство проводило снижение цен на промышленные товары, сельскохозяйственные машины, удобрения, горючее. 16 мая 1946 г. был издан закон об аренде (об упорядочении арендных отношений)². Закон установил наивысший размах арендной платы, взимаемой с каждого гектара арендуемой пахотной земли в зависимости от доходности участка. Закон об аренде, снизив наполовину размер арендных платежей, ограничил эксплуатацию беднейшего и среднего крестьянства помещиками и кулаками. Правительство оказывало значительную помощь пострадавшим от войны крестьянам, предоставляя им кредит, скот, сельскохозяйственные машины, удобрения и т. п.

Большим событием в политической жизни страны было начало работы Временного Национального собрания, первое заседание которого состоялось 28 октября 1945 г. Временное Национальное собрание было составлено на паритетных началах.

После того как правительство отчиталось в своей деятельности перед Временным Национальным собранием, было создано новое, второе правительство Национального фронта чехов и словаков. Коммунистам в нем по-прежнему принадлежало 8 мест. Своей задачей новое правительство, как и первое, ставило осуществление Кошицкой программы³.

Значительное внимание народно-демократического правительства было обращено на восстановление и развитие народного хозяйства. Задача заключалась в том, чтобы в наиболее короткий срок ликвидировать наиболее тяжелые последствия войны и оккупации, наладить производство, перевести его с военных на мирные рельсы, снабдить население необходимым минимумом продовольствия и промышленных товаров. Важнейшей экономической и политической задачей правительства была организация производства на национализированных предприятиях.

В исполнении этих задач решающую роль сыграл рабочий класс страны. Высокое сознание того, что теперь ему принадлежат заводы и фабрики, шахты и рудники, развязало творческую инициативу рабочего класса. Осенью 1945 г. в стране родилось так называемое национальное соревнование за повышение производительности труда, за быстрое восстановление народного хозяйства и его развитие. Только в новых политических и экономических условиях могло родиться это патриотическое движение рабочего класса. Коммунисты выступали зачинателями соревнования, начавшегося в форме так называемых национальных смен.

Широкий отклик среди рабочего класса нашел лозунг Коммунистической партии «Заставьте колеса вращаться!». На промышленных предприятиях,

¹ J. Krblich. Stará a nová zemědělská politika. Praha, 1946, str. 11.

² «Sbírka zákonů», № 126, 1946.

³ «Пражский парламент приступает к работе», Прага, «Орбис», 1946 г., стр. 62.

спасенных Советской Армией от разрушения немецкими оккупантами, началась борьба за повышение производительности труда. Не словами, а делом, примером показывали коммунисты свою преданность родине, верность народно-демократическому строю. Они были первыми на шахтах, у станков на заводах, у доменных и мартеновских печей — всюду, где начиналась работа на благо народа, на благо народно-демократической республики.

Пример коммунистов, их организаторская работа и инициатива рабочего класса обеспечили значительный рост производства, а в некоторых, правда, немногих, случаях достижение довоенного уровня производства и даже его превышение. Так, горняки Оставы в течение двух последних недель сентября и первой недели октября увеличили ежедневную добычу угля с 20 до 30 тыс. т и обязались довести ее до 40 тыс. т к концу года. Общая добыча угля в чешских областях возросла с 1 252 600 т в июне 1945 г. до 1 773 700 т в августе¹, достигнув в декабре 2 млн т. Уже в сентябре кладенские горняки превысили производительность труда 1938 г. и довели добычу угля в бассейне до 70% уровня 1937 г.² Уже в январе 1946 г. был превзойден среднемесячный уровень довоенных лет (1937) по добыче бурого угля, производству железнодорожных вагонов, платформ и электроэнергии в чешских районах. Месячное производство стали, добыча каменного угля, выпуск автомобилей почти в 2 раза превышали месячное производство в июле 1945 г.

Организаторская деятельность Коммунистической партии, поднявшей энтузиазм рабочего класса, помогла преодолеть многие экономические трудности, с которыми встретилось народное хозяйство народно-демократической республики.

Решающую роль уже в 1945 г. для восстановления народного хозяйства страны сыграла экономическая помощь СССР. В августе Советский Союз поставил стране 14 тыс. т железной руды. До конца года СССР поставил Чехословакии значительное количество угля (50 тыс. вагонов), 85 тыс. т железной и марганцевой руды, много нефти, хлопка, льна, шерсти, калийной и поваренной соли и другого, особенно нужного для промышленности сырья и топлива³. Благодаря советскому сырью промышленность страны смогла начать работу. Советское правительство, кроме того, передало Чехословакии безвозмездно военные трофеи: огромный комбинат синтетического бензина в Мосте и другие заводы и фабрики, много различных машин, запасы сырья и т. д. Воины Советской Армии помогли стране восстановить железные и шоссейные дороги, мосты, убрать урожай и т. п. Все это ускорило восстановление народного хозяйства.

Значительные мероприятия правительство провело в области увеличения сельскохозяйственного производства.

В деревне на заботы народно-демократического правительства трудовое крестьянство отвечало выполнением и перевыполнением плана поставок зерна, мяса и других сельскохозяйственных продуктов, что свидетельствовало о повышении политической сознательности трудящихся крестьян. Благодаря политическому подъему среди крестьянства народно-демократическому правительству удалось в значительной степени преодолеть огромные послевоенные продовольственные затруднения и уже в 1946 г. значительно улучшить снабжение городского населения.

¹ «Zemědělské noviny», 7.VI 1945 г.

² «Zemědělské noviny», 26.VI 1945 г.

³ «Zemědělské noviny», 18.VI 1945 г.

В результате политики народно-демократического государства и в особенности проведения земельной реформы, значительно возросло доверие крестьянства к народно-демократическому строю, к рабочему классу и Коммунистической партии.

Важнейшим следствием революционных преобразований и социально-экономической политики народно-демократического правительства было укрепление союза рабочих и крестьян — политической основы народно-демократического строя — уже в первые месяцы после освобождения страны Советской Армией. Это в значительной степени укрепляло власть рабочего класса в государстве, вело к углублению политической изоляции буржуазии, обеспечивало развитие народно-демократической революции в направлении социалистической революции.

VIII СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ. ВЫБОРЫ В ЗАКОПОДАТЕЛЬНОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ В МАЕ 1945 г.

В ходе борьбы за проведение революционных демократических преобразований росло влияние Коммунистической партии Чехословакии среди трудящихся. Неуклонно укреплялись ее позиции в национальных комитетах, в беспартийных организациях трудящихся, особенно в профсоюзах. Народные массы видели в Коммунистической партии верного защитника их интересов, самого последовательного борца за дело народа и оказывали коммунистам большое доверие.

Лучшие люди считали за честь быть принятыми в героическую Коммунистическую партию. Происходил бурный рост рядов КПЧ: в мае 1945 г. она насчитывала 27 тыс. членов, в августе 1945 г. — 500 тыс., а к середине марта 1946 г. — уже свыше 1 млн. членов¹. Число членов Коммунистической партии Словакии в августе 1945 г. достигло 200 тыс. О росте авторитета Коммунистической партии свидетельствовали и выборы в национальные комитеты, проведенные в феврале и начале марта 1946 г. в 18 общинах страны².

Поэтому созыв очередного, VIII съезда КПЧ встретил горячий отклик среди рабочего класса. Рабочие ответили на созыв съезда трудовыми успехами: ко дню открытия съезда были дополнительно добыты тысячи тонн угля, выплавлены тысячи тонн стали и чугуна и т. д.

В коммунистических организациях были широко обсуждены вопросы, включенные в повестку дня съезда. Центральный комитет партии обратился к коммунистам со специальным письмом. В письме Центрального комитета подводились итоги десятилетней (после VII съезда) борьбы партии за победу рабочего класса, характеризовались основные мероприятия народно-демократического строя и роль Коммунистической партии в их осуществлении, давалась характеристика политического и экономического положения страны и намечались очередные задачи партии.

VIII съезд КПЧ открылся 28 марта 1946 г. В его работе приняло участие 1038 делегатов с решающим голосом и 128 делегатов с совещательным голосом, представлявших 1031 тыс. членов партии³. На съезде присутствовало 50 делегатов от Коммунистической партии Словакии и делегации

¹ Sněm budovatelů šťastné a silné republiky. Praha, 1946, стр. 58.

² За кандидатов Коммунистической партии был подан 5871 голос, в то время как за кандидатов социал-демократической партии — только 1992 голоса, за кандидатов народной партии — 1481, за кандидатов национально-социалистической партии — 2734 голоса.

³ Protokol VIII sjezdu Komunistické strany Československa, vydal Ústřední Výbor KSČ. v. Praze, стр. 191.

от братских компартий 13 стран: Болгарии, Польши, Англии, Бельгии, Голландии, Дании, Испании, Франции, Швеции, Швейцарии и других.

С отчетным докладом о деятельности руководства партии на съезде выступил Клемент Готвальд, который подчеркнул историческую заслугу Советского Союза в освобождении чехословацкого народа от фашистского порабощения и в восстановлении свободного и суверенного Чехословацкого государства. Он охарактеризовал руководящую роль Коммунистической партии в национально-освободительной борьбе и в строительстве народно-демократического государства. Благодаря руководству Коммунистической партии трудящиеся массы добились больших политических и экономических успехов: Система национальных комитетов обеспечила народу возможность широкого участия в управлении государством. Национализация создала новому строю экономическую базу и подорвала экономическую мощь буржуазии. Враги народа, сотрудничавшие с оккупантами, были осуждены народными судами. Военное поражение фашистской Германии было использовано для восстановления прав народа на искони ему принадлежавшие земли в пограничных районах. Было ликвидировано национальное неравенство и установлено содружество братских чешского и словацкого народов на демократической основе¹.

Выработанная съездом основная линия политики Коммунистической партии Чехословакии заключалась в том, чтобы всемерно укрепить и расширить власть рабочего класса в государстве, привлечь на сторону партии большинство народа, упрочить политически и экономически народно-демократический строй, не допустить возвращения власти в руки буржуазии.

Коммунистическая партия разработала программу дальнейшего укрепления народно-демократического строя. Эта программа включала следующие основные положения: законодательное конституционное закрепление положения национальных комитетов в качестве органов власти, а также всех демократических социально-экономических преобразований, в том числе равноправия в государстве чехов и словаков, завершение национализации, ликвидация в кратчайший срок последствий войны и оккупации, обеспечение быстрого развития и рентабельности национализированного сектора промышленности, завершение заселения пограничных районов чехами и словаками, улучшение материального и жилищного положения трудящихся, оказание помощи крестьянству, завершение земельной реформы, изменение налоговой политики и введение новой системы социального страхования.

Выполнение задач, поставленных съездом, обеспечивало дальнейшее укрепление и успешное развитие народно-демократического строя.

VIII съезд КПЧ подвел итоги борьбы партии за народную демократию и нацелил партию на закрепление достигнутых успехов, на завоевание окончательной победы рабочего класса над буржуазией. Вскоре после VIII съезда Коммунистической партии, 19 апреля 1946 г., состоялся первый съезд единых профсоюзов Чехословакии, на котором было представлено 1900 тыс. организованных в профсоюзы рабочих и служащих. Съезд явился демонстрацией единства и сплоченности профсоюзного движения страны.

Чешские и словацкие профсоюзы, имевшие до этого самостоятельные профсоюзные центры, объединились на съезде и избрали общий руководящий орган — Центральный совет профсоюзов.

Выступивший на съезде с отчетным докладом председатель Центрального совета профсоюзов Антонин Запотоцкий обрисовал роль единых профсоюзов в народно-демократической Чехословакии и их задачи в борьбе за

¹ Protokol VIII sjezdu Komunistické strany Československa, vydal Ústřední Výbor KSČ v. Praze, str. 191.

расширение национализации, повышение производительности труда, снижение себестоимости продукции. От решения этих задач, указал Запотоцкий, зависит в конечном счете повышение материального благосостояния рабочего класса и всего народа.

В резолюции съезда содержалось требование расширения национализации промышленности и законодательного закрепления национализации в конституции, увеличения промышленного производства на основе планирования развития народного хозяйства, подчеркивалась необходимость индустриализации Словакии.

Предстоящие выборы в Законодательное Национальное собрание вызвали обострение классовой борьбы в стране. Буржуазия стремилась одержать победу на выборах, захватить органы власти, ликвидировать революционно-демократические преобразования, восстановить прежний капиталистический режим. Реакция не жалела денег на развертывание антикоммунистической агитации, видя в Коммунистической партии главную руководящую силу демократического фронта.

Для обмана масс буржуазные партии применяли демагогию, целью которой было прикрыть подготовку к свержению народно-демократического строя. Буржуазные лидеры национально-социалистической, народной и демократической партий заключили тайные соглашения с руководителями запрещенных фашистских партий и представителями церковной иерархии. Так, руководство национально-социалистической партии на секретном совещании договорилось с лидерами бывшей аграрной партии Фейерабендом, Сухим и другими о совместном выступлении против коммунистов. После этого совещания было опубликовано обращение к бывшим членам аграрной партии с призывом голосовать за список кандидатов национально-социалистической партии. Народную и демократическую партии материально и политически кроме буржуазии поддерживала католическая церковь.

Еще в августе 1945 г. на совещании епископов в Братиславе, созванном по указанию Ватикана, было вынесено решение об усилении борьбы церкви против народно-демократического строя. Католическое центральное бюро насаждало в стране широкую сеть агентов Ватикана, которые организовывали шпионаж и диверсии. Специальным указанием Ватикана церковной иерархии было вменено в обязанность содействовать контрреволюционным силам в их предвыборной кампании. «Пастырские обращения к верующим», проповеди и исповеди — все использовалось католической церковью, которая призывала голосовать за кандидатов народной и демократической партий. Католическое духовенство стремилось запугать верующих, грозя, что они будут отлучены от церкви, если проголосуют за коммунистов, и т. д.

Лидеры словацкой демократической партии заключили 30 марта 1946 г. в Братиславе тайное соглашение с руководителями бывшей фашистской партии Глинки и с представителями высшей церковной иерархии. В президиум демократической партии были введены представители фашистского подполья и церкви. Руководство партии обязывалось проводить свою политику по согласованию с фашистским подпольем, добиться освобождения Тисо, сохранить церкви ее имущество, в особенности земли, добиться передачи под ее контроль школ и т. п. Представители фашистского подполья и церковной иерархии, со своей стороны, обязались оказать демократической партии поддержку на выборах, призвав своих сторонников голосовать за ее кандидатов¹.

¹ «Spiknutí proti republice», Ministerstvo vnitra, 1947, str. 33—35; Píloha č. 24.

Так руководство демократической партии, действуя вразрез с желанием основной массы своих членов, отдало партию в распоряжение фашистского подполья и католического клира, превратило ее в орудие международной реакции.

Закулисным сговорам реакционеров, их демагогии и антикоммунистической агитации Коммунистическая партия противопоставила четкую и понятную массам программу дальнейшего упрочения народно-демократического строя, программу широкого хозяйственного строительства и расширения революционных завоеваний трудового народа. Она призывала всех честных патриотов республики к борьбе с агентурой буржуазии, за упрочение народной власти, к мирному созидательному труду на благо народа. Коммунисты были в первых рядах строителей нового, народно-демократического государства. Они отработали добровольно и бесплатно миллионы часов на восстановлении разрушенных объектов, в шахтах и на полях страны. «Больше работы для республики» — таков был предвыборный лозунг Компартии.

Выборы в Законодательное Национальное собрание, состоявшиеся 26 мая 1946 г., принесли заслуженную победу Коммунистической партии. Широкие массы народа оказали доверие коммунистам — подлинным выразителям интересов и чаяний трудящихся. Коммунистическая партия Чехословакии получила в Чехии, Моравии и Силезии 40,2% всех голосов избирателей. Ни одна из мелкобуржуазных партий, несмотря на явную демагогию и тайные соглашения с фашистским подпольем, не смогла сравниться с Компартией: национально-социалистическая партия получила 23,7%, народная — 20,2%, социал-демократическая — 15,6% всех голосов¹.

Во многих промышленных и сельскохозяйственных районах Компартия получила абсолютное большинство голосов, в частности там, где под руководством коммунистов была проведена конфискация земли у немецких помещиков, врагов народа и конфискованная земля была передана трудовому крестьянству².

За буржуазные партии голосовали кулачество, часть мелкой буржуазии, средняя буржуазия города, отсталые слои крестьянства, находившиеся еще под влиянием этих партий и церкви.

Итоги выборов были тяжелым ударом для реакции. Они показали, что народные массы одобряют народно-демократический строй и поддерживают все его мероприятия. Выборы подтвердили, что Коммунистическая партия по влиянию в народе занимает ведущее положение среди других партий Национального фронта. Однако Коммунистическая партия не имела еще за собой большинства народа. В Словакии Коммунистическая партия не смогла к тому времени мобилизовать массы на борьбу с реакцией за осуществление конфискации земли и других преобразований и получила всего 30,4% голосов. Предстояла еще упорная, ожесточенная борьба за завоевание на сторону Коммунистической партии подавляющего большинства трудящихся города и деревни.

ДВУХЛЕТНИЙ ПЛАН. ДАЛЬНЕЙШИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ДЕРЕВНЕ

На основе итогов выборов в парламент после длительных переговоров между партиями Национального фронта 2 июля 1946 г. было образовано новое правительство во главе с Клементом Готвальдом. Коммунистическая

¹ Statistická příručka Slovenska 1947. Bratislava, 1947, str. 306.

² Статистический бюллетень. Год изд. 1-й, № 2—3.

3 Ученые записки, т. XI

партия, по списку которой в Законодательное Национальное собрание было выбрано 114 депутатов из 300, была представлена в правительстве 9 постами из 26 (вместо 8 в прошлом правительстве), в том числе постами председателя совета министров, его заместителя, министра внутренних дел, министра финансов, министра сельского хозяйства и др. Кроме коммунистов, в правительство вошли представители социал-демократической, национально-социалистической, народной и демократической партий, имевших в парламенте соответственно 39, 55, 46 и 43 мандата, и 2 беспартийных.

Положение Коммунистической партии упрочилось в органах местного самоуправления. В национальные комитеты было избрано свыше 6 тыс. коммунистов¹. Так, в Чехии, Моравии и Силезии в 134 (из 163) окружных национальных комитетах и в большинстве местных национальных комитетов (54%) председателями были коммунисты.

Будучи самой сильной, авторитетной и влиятельной партией Национального фронта, Коммунистическая партия, однако, ни в правительстве, ни в парламенте еще не имела большинства. Буржуазия, опиравшаяся на оставшиеся в ее руках экономические позиции и на свою агентуру в рядах буржуазных и мелкобуржуазных партий, имела еще много возможностей для свержения народно-демократического строя и восстановления капитализма.

В такой сложной политической обстановке Коммунистическая партия повела борьбу за окончательную победу над буржуазией, за упрочение народно-демократического строя и власти рабочего класса в государстве. Коммунистическая партия видела, что полный разгром буржуазии может быть обеспечен при условии укрепления союза рабочего класса с трудящимися города и деревни, изоляции масс от реакции и ее скрытой агентуры. Завоевание большинства народа оставалось основной стратегической задачей Коммунистической партии.

В области экономической Коммунистическая партия в качестве руководящей партии в государстве поставила перед народом задачу добиться восстановления довоенного уровня народного хозяйства и превзойти его.

Опираясь на экономические предпосылки, созданные национализацией крупной промышленности и банков, используя советский опыт планирования, Коммунистическая партия Чехословакии разработала проект двухлетнего плана развития народного хозяйства страны.

С изложением правительственной программы, содержащей и основные задачи двухлетнего плана, 8 июля 1946 г. в парламенте выступил Клемент Готвальд. Основные задачи двухлетнего плана сводились к следующему:

1) Полностью восстановить разрушенное оккупантами народное хозяйство и в промышленном производстве превзойти на 10% уровень довоенного 1937 г., сосредоточив основное внимание на развитии ключевых отраслей промышленности.

2) Поднять до довоенного уровня сельскохозяйственное производство и завершить социально-экономические преобразования в деревне, в особенности земельную реформу.

3) Положить основы индустриализации Словакии с целью ликвидации ее экономической отсталости за счет использования природных ресурсов Словакии и переброски на ее территорию части промышленных предприятий из чешских областей.

4) Завершить заселение пограничных районов с тем, чтобы в полной мере восстановить имеющееся здесь промышленное и сельскохозяйственное производство.

¹ Klement Gottwald. 1946—1948, sv. I, str. 107.

Программа правительства Готвальда намечала и устранение основных трудностей выполнения двухлетнего плана: недостатка рабочей силы, кредитования строительства и т. п. Наряду с этим программа правительства Готвальда намечала также осуществление мероприятий по повышению жизненного уровня трудового народа, мероприятий социального и культурного характера по улучшению жилищного положения, народного здравоохранения и т. п.

Правительство обязывалось завершить чистку учреждений и общественных организаций от предателей и лиц, активно сотрудничавших с оккупантами, укрепить Корпус национальной безопасности, упрочить обороноспособность республики.

В области внешней политики правительство ставило своей важнейшей задачей укрепление дружбы и сотрудничества с СССР. «Внешняя безопасность — и даже больше того — само существование нашей республики, — декларировалось в программе, — покоится на длительной дружбе и всестороннем сотрудничестве с нашим могущественным союзником, Советским Союзом»¹.

Важнейшим своим долгом правительство считало разработку проекта новой конституции, призванной законодательно закрепить завоевания чехословацкого народа.

Программа правительства Готвальда была единогласно принята всеми депутатами парламента; следовательно, она была формально принята всеми партиями Национального фронта. Однако, как показали дальнейшие события, буржуазные партии прилагали все усилия, чтобы сорвать ее выполнение.

В целях практического осуществления экономической части программы правительства были созданы Высший Экономический совет и Центральная плановая комиссия. На последнюю была возложена задача разработки двухлетнего плана восстановления и развития народного хозяйства. Большую помощь комиссии оказали профсоюзы, которые приняли активное участие в установлении конкретных заданий роста промышленного производства.

25 октября 1946 г. закон о двухлетнем плане был принят Законодательным Национальным собранием. Двухлетний план предусматривал в 1948 г. прирост промышленного производства, если принять за 100% уровень 1937 г., на 10%². Планом предусматривалось также значительное увеличение производительности труда (на 40%).

Для обеспечения выполнения двухлетнего плана было намечено осуществить капиталовложения в объеме 70 млрд. крон (25 млрд. крон в промышленность, 15 млрд. крон в транспорт, 14 млрд. крон в жилищное строительство, 5,2 млрд. крон в сельское хозяйство и т. д.).

Из общей суммы капиталовложений 22 млрд. крон планировалось вложить в промышленное строительство и развитие транспорта Словакии

¹ Строительственная программа правительства Готвальда. Чехословацкое министерство информации, 1946, стр. 45.

² К концу двухлетки добычу каменного угля намечалось увеличить с 14,1 млн. т в 1946 г. до 17,7 млн. т в 1948 г., бурого угля — с 19,4 млн. т до 23,9 млн. т, железной руды — с 1 млн. т до 1,7 млн. т, нефти — с 29 тыс. т до 82 тыс. т, выплавку чугуна — с 961 тыс. т до 1,56 млн. т, выплавку стали — с 1,7 млн. т до 2,4 млн. т. План предусматривал значительное увеличение производства машиностроительных заводов. Так, должно было быть произведено в 1948 г.: железнодорожных вагонов 15 240 (против 10 600 в 1946 г.), автомобилей грузовых 14 тыс. (4183 в 1946 г.), тракторов 9 тыс. (870 в 1946 г.), обрабатывающих станков 12,5 тыс. (7,2 тыс. в 1946 г.), электромоторов 220 тыс. (169 тыс. в 1946 г.), сельскохозяйственных машин 170 тыс. (115 тыс. в 1946 г.) и т. д.

с целью создания основ для индустриализации этой части страны. Капиталовложения обеспечивались в первую очередь за счет накопленных национализированных предприятий.

Народно-демократическое государство отказалось от кабальных иностранных займов капиталистических государств.

При разработке двухлетнего плана враги народа и империалистическая агентура, действовавшая в рядах КПЧ, стремились нанести ущерб народному хозяйству вредительским планированием его развития. Они ставили своей целью задержать развитие тяжелой индустрии, ориентировать промышленность на ввоз сырья из капиталистических стран, игнорируя разработку местных источников сырья.

Под предлогом создания более мощных заводов уничтожались предприятия, которые можно было использовать на благо народа. Диверсия врагов народной демократии нанесла большой ущерб чехословацкой экономике¹.

Исходя из принципов программы, народно-демократическое правительство приступило к осуществлению демократических преобразований в деревне. Летом 1946 г. министерство земледелия разработало и предложило правительству шесть законопроектов: о ревизии (пересмотре) земельной реформы 1919 г. с целью устранения злоупотреблений, допущенных при проведении земельной реформы в буржуазной республике; о ликвидации чересполосицы крестьянского землевладения за счет помещичьего и кулацкого землевладения; о закреплении права собственности на землю, полученную при проведении конфискации; о ликвидации монопольного права помещиков на охоту; об упорядочении права наследования земельной собственности; об оказании помощи крестьянам в выполнении заданий двухлетнего плана по увеличению сельскохозяйственного производства.

Проекты этих мероприятий осенью 1946 г. были обнародованы. Их горячо обсуждали на крестьянских собраниях. Беднейшее и среднее крестьянство, независимо от политической принадлежности, в большинстве поддержало законопроекты. Деревенская беднота явилась самой активной силой в борьбе за их осуществление.

Против законопроектов выступили помещики и буржуазия города и деревни, так как помещичье землевладение было одним из важнейших социально-экономических оплотов реакции.

Политическими выразителями антинародного блока выступали засевшие в правительстве и парламенте реакционные представители национально-социалистической, народной, словацкой демократической партий. Реакционные депутаты Законодательного Национального собрания открыто заявили, что они не допустят обсуждения сельскохозяйственных законопроектов в парламенте. Руководство буржуазных партий мобилизовало все силы, чтобы поддержать помещиков и кулаков, подорвать авторитет коммунистов в деревне. В деревне реакция распространяла листовки с враждебными выпадами против народно-демократического строя, создавала и поддерживала вооруженные банды².

Однако в большинстве деревень республики крестьяне не поддались на агитацию реакции. Благодаря настойчивой разъяснительной работе коммунистов крестьянство стало яснее понимать смысл политики буржуазных партий и начало резко выступать против них.

Так, в ходе борьбы за осуществление насущных требований трудового крестьянства, Коммунистическая партия разоблачала политику правых пар-

¹ «Rudé právo», 24.XI 1952 г.

² «Rudé právo», 4.XII 1946 г.

тий, защищавших интересы помещиков, отрывала от этих партий трудящиеся слои деревни, завоевывала их на свою сторону. Упрочение руководящей роли рабочего класса во главе с Коммунистической партией усиливало революционную активность беднейшего и среднего крестьянства.

Состоявшийся в январе 1947 г. пленум ЦК КПЧ подчеркнул, что существующая расстановка политических сил в Национальном фронте и соответствующая расстановка этих сил в органах власти не позволяют со всей полнотой и быстротой осуществлять назревшие мероприятия, вытекающие из программы народно-демократического правительства. Центральный комитет указал на реакционные силы внутри Национального фронта. Эти силы формально признали его программу, но на деле саботировали принятие важнейших решений, направленных на выполнение программы. Они намеренно занижали цены на продукцию национализированной промышленности и, наоборот, завышали цены на товары ненационализированной промышленности, мешали правильной организации национализированного сектора промышленности, вызывали финансовые затруднения, задерживали решение вопроса о реорганизации торговой системы, о конфискованных предприятиях, срывали осуждение врагов и коллаборационистов, нападали на основную линию внешней политики правительства и т. д.¹

Январский пленум ЦК КПЧ поставил перед партией задачу завоевания большинства масс на свою сторону. Активной борьбой за удовлетворение требований трудящихся, указал пленум, Коммунистическая партия должна расширить свои позиции в органах власти с тем, чтобы обеспечить быстрое осуществление революционных преобразований, обеспечить разгром контрреволюционных выступлений буржуазии.

Руководствуясь решениями январского пленума ЦК КПЧ, Коммунистическая партия поставила вопрос о полной ликвидации помещичьего землевладения и проведении других демократических преобразований в деревне. Новые мероприятия Коммунистической партии, обнародованные 4 апреля 1947 г. на массовом митинге крестьян в г. Градец-Кралове, получили по названию этого города наименование Градецкой программы.

Градецкая программа исходила из принципа: «Земля принадлежит тому, кто на ней работает». В соответствии с этим предлагалось ограничить максимальные размеры хозяйств 50 гектарами, а всю землю, сверх такого предела, выкупить у собственников и передать безземельным и малоземельным крестьянам.

Градецкая программа намечала целый комплекс мероприятий, отвечавших интересам трудового крестьянства². Беднейшее и среднее крестьянство встретило Градецкую программу с большим удовлетворением.

Реакция пыталась использовать свои позиции в парламенте и правительстве, чтобы сорвать принятие сельскохозяйственных законов. Обсуждение законопроектов в комиссиях парламента и в правительстве подвигалось крайне медленно.

Коммунисты-депутаты разоблачили реакционеров в парламенте. Повсюду в стране состоялись многолюдные крестьянские митинги и собрания, на

¹ Klement Gottwald. 1946—1948, sv. I, str. 117.

² В Градецкой программе речь шла о механизации сельского хозяйства путем создания государственных машинно-тракторных станций; о введении единого сельскохозяйственного налога и социального страхования для крестьян; об обеспечении крестьянских хозяйств дешевым кредитом; о демократизации сельской кооперации; об узаконении единых союзов чешских и словацких крестьян в качестве демократических крестьянских организаций профессионального типа и других мероприятиях. См. «Hradecký program», Praha, 1947.

которых крестьяне резко выступали против реакционеров-саботажников. По инициативе коммунистов десятки крестьянских делегаций из различных районов страны в мае—июне приехали в Прагу, чтобы выразить волю трудового крестьянства и заставить парламент принять законы.

Не дожидаясь издания законов, крестьяне-бедняки начали повсеместно составлять описи владений помещиков и лиц, сдающих землю в аренду, избирали крестьянские комиссии, подготавливали списки лиц, имеющих право на получение надела¹.

Широкому крестьянскому движению реакция попыталась противопоставить выступление кулацко-помещичьих элементов. Под видом «конных состязаний» в начале июля 1947 г. было намечено в Неханицах близ Градец-Кралова устроить смотр сил кулацко-помещичьей части деревни. Рабочие заводов в Градец-Кралове объявили забастовку протеста, а министерство внутренних дел запретило «состязания».

Широкое крестьянское движение, а также провал неханицкой авантюры заставили реакционеров отступить.

11 июля законопроект о ревизии земельной реформы 1919 г. был принят. Согласно закону о ревизии земельной реформы 1919 г., вся земля сверх 150 га пахотной и свыше 250 га всей площади выкупалась у владельцев по стоимости земли в 1913—1915 гг. Кроме того, ликвидировались «збытковые» поместья, если их первоначальный владелец не имел права на получение земли по закону о земельной реформе 1919 г. или приобрел ее незаконным путем.

Земля, изъятая у помещиков, передавалась малоземельным крестьянам, сельскохозяйственным рабочим и взрослым детям малоземельных крестьян, общественным организациям, кооперативам, а также рабочим и служащим (последним — мелкими участками до 0,5 га). Прежним владельцам устанавливалось вознаграждение в размере средней стоимости земли в 1913—1915 гг.²

В течение 1947 г. были изданы и другие законы, разработанные министерством сельского хозяйства.

Закон о ревизии земельной реформы 1919 г. и другие законы означали новый шаг в решении земельного вопроса в стране, нанесли новый удар по помещичьему землевладению. Их осуществление подрывало социально-экономическую базу капитализма в деревне и укрепляло союз рабочих и крестьян.

Борьба за принятие сельскохозяйственных законов, завершившаяся победой народа и поражением буржуазно-помещичьего блока, выявила революционные возможности крестьянства и показала, что все более широкие трудящиеся массы чехословацкой деревни порывают с буржуазными партиями и принимают руководство Коммунистической партии. Эта борьба стала основным фактором, обеспечившим завоевание на сторону КПЧ большинства крестьянства.

ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В СТРАНЕ. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТРАНЫ

Летом 1947 г. страну постигла катастрофическая засуха, убытки от которой составили 15 млрд. крон, или 25% всей стоимости продукции сельского хозяйства. Засухой было уничтожено около 40% урожая.

¹ «Zemědělské noviny», 30.V 1947 г.

² «Sbírka zákonů», № 145, 1947.

Вину за трудности реакция пыталась клеветнически взвалить на народно-демократический строй. Буржуазно-помещичий блок свои усилия направлял на усугубление последствий неурожая, на срыв продовольственного снабжения населения, на развал экономики страны.

Спекулируя на угрозе голода, реакционеры призывали крестьян к саботажу продовольственных поставок. Помещики и кулаки прятали, уничтожали зерно или сбывали хлеб на черном рынке по спекулятивным ценам, чтобы не отдавать его народно-демократическому государству¹. Помещики и кулаки все чаще стали прибегать к террористическим актам против членов Коммунистической партии, против активистов крестьянских комиссий.

Реакция попыталась использовать стихийное бедствие для того, чтобы оторвать страну от лагеря мира и демократии, возглавляемого Советским Союзом, и вернуть ее в империалистический лагерь. Однако эта попытка потерпела позорный провал.

В течение послевоенных лет внешнеполитическое положение страны значительно упрочилось.

В качестве полноправного представителя страны-победительницы Чехословакия принимала активное участие в работах Парижской конференции по разработке мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией. На конференции представители Чехословакии исполняли ответственные функции в комиссиях, где они поддерживали борьбу Болгарии, Румынии и Венгрии за справедливые мирные договоры. Чехословацкая делегация, благодаря поддержке делегаций Советского Союза, Украинской ССР и Белорусской ССР, а также делегации народно-демократической Польши добилась включения в мирные договоры всех своих основных требований. Ей было предоставлено право подписать от имени союзного государства мирные договоры 10 февраля 1947 г.

Особенно важное значение для упрочения внешнеполитического положения страны имело подписание мирных договоров с Болгарией, Румынией и Венгрией, в основу которых были положены проекты, представленные Советским правительством, основанные на принципе уважения независимости этих стран, принципе справедливости и упрочения мира во всем мире. Подписание мирных договоров с этими странами создало Чехословакии возможность установить с ними добрососедские, дружественные отношения, развить торговые и культурные связи и т. д.

В течение послевоенных лет между Чехословакией и Советским Союзом продолжало укрепляться сотрудничество во всех областях внешней политики, а также упрочились экономические связи.

10 июля 1946 г. между правительством СССР и правительством Чехословакии было подписано соглашение о праве оптации и переселении, по которому гражданам чешской и словацкой национальностей, проживавшим в СССР, предоставлялось право оптировать чехословацкое гражданство и переселиться в Чехословакию, а лицам украинской, русской и белорусской национальностей, проживавшим на территории Чехословакии, предоставлялось право оптировать советское гражданство и переселиться в СССР².

Важнейшим явлением в укреплении политических и экономических связей между странами было посещение СССР в июле 1946 г. чехословацкой правительственной делегацией во главе с премьер-министром Клементом Готвальдом.

На совещаниях делегации с членами Советского правительства были обсуждены важные вопросы чехословацко-советских взаимоотношений.

¹ «Творба», № 2, 1950.

² «Внешняя политика Советского Союза. 1946 год». Госполитиздат, 1952, стр. 149.

В ходе переговоров решено было заменить временный торговый договор длительным, в котором должны были найти отражение потребности народного хозяйства Чехословакии в связи с ее двухлетним планом развития¹.

Значительные успехи были достигнуты Чехословакией в установлении дружественных взаимоотношений со странами народной демократии. В марте 1947 г. Чехословакия укрепила свои взаимоотношения с народно-демократической Польшей путем заключения договора о дружбе и взаимопомощи. Это был после договора с Советским Союзом второй договор с дружественным государством, значительно укрепивший внешнеполитическое положение Чехословакии. Этим договором был положен конец многим разжигавшимся крупными империалистическими державами враждебным актам, имевшим место во взаимоотношениях между Польшей и Чехословакией в прошлом. Отныне эти взаимоотношения становились на прочный фундамент дружбы и взаимопомощи.

На основе договора стало возможным заключение соглашений об экономическом, культурном и техническом сотрудничестве между Чехословакией и Польшей.

Чехословацкая реакция прилагала большие усилия, чтобы помешать развитию и укреплению сотрудничества с СССР и странами народной демократии. Пользуясь тем, что частнокапиталистический сектор занимал основные позиции во внешней торговле, а в министерстве внешней торговли находились представители буржуазии в лице Рипки и других, буржуазия стремилась сохранить и укрепить экономические связи с капиталистическими странами. В первом полугодии 1947 г. Чехословакия ввезла из стран долларового и стерлингового блока 66% сырья для текстильной промышленности, 88% сырья для кожевенной и резиновой промышленности, 35% руд черных и цветных металлов.

В первые 9 месяцев 1947 г. 83% вывоза страны также приходилось на капиталистические государства. В результате действий врагов народа уже в первой половине 1947 г. создалась значительная задолженность капиталистическим странам: США — свыше 1 млрд. крон, Англии — свыше 0,5 млрд. крон и т. д.

Одновременно реакция пыталась установить такие политические связи Чехословакии с империалистическими державами, которые подорвали бы союзнические отношения между Чехословацкой республикой и СССР. Так, реакционные круги стремились противопоставить Договору о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, заключенному между Чехословакией и СССР в 1943 г., договор с буржуазной Францией. Особенно ярким приверженцем такой политики выступал Бенеш, который, несмотря на возражения членов правительства и парламента, готовился к поездке в Париж².

Члены Правительства — коммунисты и левые социал-демократы — сорвали этот замысел империалистов.

Международный империализм и внутренняя реакция, используя экономические затруднения, вызванные засухой, предприняли в середине 1947 г. генеральную атаку на внешнюю политику страны.

Международная реакция усилила подрывную деятельность против народно-демократической Чехословакии. В страну направлялось много шпионов и диверсантов, которые организовывали заговоры против закон-

¹ «Внешняя политика Советского Союза. 1946 год», стр. 154—155.

² Zdeněk Fierlinger. Zrada československé buržoasie a jejích spojenců. Praha, 1951, str. 156.

ного правительства, устраивали поджоги на заводах, взрывы железных дорог и т. д. Шайки бандеровцев, действуя по полученным из-за рубежа инструкциям, убивали женщин, детей и стариков, грабили села страны. В феврале 1946 г. группой, перешедшей из американской зоны оккупации Германии в Чехословакию, был похищен штеховицкий архив, содержащий документы о шпионской сети гитлеровской разведки, которые представляли ценность лишь для тех, кто намеревался использовать фашистских агентов в борьбе против СССР и народно-демократических стран.

Главную угрозу безопасности Чехословацкой республики создавали действия определенных кругов западных держав, ориентированных на нарушение принятых в Ялте и Потсдаме решений, на возрождение германского милитаризма. Этому содействовал и «план Маршалла», который ничего, кроме бедствий, не мог принести чехословацкому народу.

Однако чехословацкая реакция меньше всего заботилась о национальных интересах народа. Она готова была охотно принести их в жертву классовым интересам буржуазии.

Агенты буржуазии развернули агитацию за принятие Чехословакией «плана Маршалла». Бенеш в специальном письме правительству заявил, что принятие Чехословакией «плана Маршалла» он считает неизбежным и само собой разумеющимся¹. В публичных выступлениях, в контролируемой ими прессе реакционеры восхваляли «великодушные» американского империализма и пытались всячески принизить роль и значение освобождения страны Советской Армией, а также помощь советского народа народам Чехословакии. Была начата провокационная кампания умаления заслуг Советской Армии в освобождении столицы Чехословацкой республики — Праги. Реакционные «теоретики» стремились протащить в народ пресловутую теорию о том, что Чехословакия призвана сыграть роль моста между Востоком и Западом. Все эти маневры были направлены на отрыв страны от лагеря демократии, возглавляемого СССР.

Только твердая позиция коммунистов избавила страну от угрозы закабаления иностранными монополиями. Чехословацкое правительство вместе с правительством СССР и правительствами других стран народной демократии отвергло «план Маршалла». Тем самым страна была спасена от экономической разрухи и ликвидации своего суверенитета.

Вместо кабалы иностранного империализма, вместо ликвидации национального суверенитета Чехословакии и уничтожения народно-демократического государства Коммунистическая партия указала иной выход, отвечающий коренным интересам народа. Она предложила обратиться за помощью к правительству Советского Союза.

В Советский Союз в июле 1947 г. выехала правительственная делегация во главе с Клементом Готвальдом.

В ходе переговоров в Москве представителями Чехословацкого и Советского правительств были обсуждены важнейшие вопросы взаимоотношений между Чехословакией и Советским Союзом.

«Особое внимание было уделено экономическим вопросам, — говорилось в советско-чехословацком коммюнике о пребывании в Москве чехословацкой правительственной делегации. — Представители обоих Правительств подробно обсудили вопросы экономического сотрудничества между ЧСР и СССР и пришли к заключению, что в дальнейшем будет необходимо расширить экономические отношения между обеими союзными странами, чтобы

¹ Z. Fierlinger. Указ. соч., стр. 161—162.

гарантировать бесперебойный и длительный товарообмен между обоими государствами в интересах обеспечения полного выполнения хозяйственных планов обеих стран и полного использования рабочей силы»¹.

Была достигнута договоренность о заключении соглашения о взаимных поставках товаров сроком на 5 лет. Советское правительство брало на себя обязательство в первую очередь поставить в 1948 г. Чехословакии 200 тыс. т пшеницы, 200 тыс. т кормов, 65 тыс. т калийных и азотных удобрений на чрезвычайно выгодных для Чехословакии условиях, по ценам значительно более низким, чем существовавшие на мировом рынке. Помощь Советского Союза хлебом спасла чехословацкий народ от угрозы голода и сорвала планы внутренней реакции, пытавшейся свергнуть народно-демократический строй, используя голод.

Советский Союз предоставил Чехословакии также значительное количество промышленного сырья: железной и марганцевой руд, хлопка, нефти, фосфатов и т. п. Это обеспечило бесперебойную работу чехословацкой промышленности, выполнение двухлетнего народнохозяйственного плана, расширение торговли со странами народной демократии.

Одновременно была расширена торговля с Польшей, Румынией, Венгрией и Болгарией.

В июле 1947 г. между Польшей и Чехословакией был заключен на пять лет торговый договор, который предусматривал значительное расширение товарооборота между странами. Чехословакия получила возможность вывозить в Польшу значительное количество промышленного оборудования и изделий промышленности и получать в обмен сельскохозяйственную продукцию, сырье и необходимые ей изделия польской промышленности.

В начале сентября Чехословакию посетила румынская правительственная делегация. В ходе переговоров было подписано соглашение о культурном сотрудничестве. 5 сентября была достигнута договоренность о предоставлении Чехословакии продукции сельского хозяйства Румынии, в частности 25 тыс. вагонов кукурузы в обмен на машины и оборудование, необходимое для промышленного строительства Румынии. Предусматривалось также заключение договора о широком экономическом сотрудничестве².

Правительство также предприняло меры по улучшению взаимоотношений с народно-демократической Венгрией. Реакционные круги Чехословакии, а также Венгрии долгое время препятствовали установлению нормальных добрососедских взаимоотношений между Венгрией и Чехословакией. В 1947 г., после того как Венгерская партия трудящихся значительно усилила свои позиции в правительстве, произошло улучшение венгерско-чехословацких отношений.

1 ноября 1947 г. Чехословакия и Венгрия подписали торговое соглашение и соглашение о платежах. Торговое соглашение предусматривало увеличение торгового оборота между странами в 3—4 раза. Венгрия обязалась поставить Чехословакии в течение года 30 тыс. т кукурузы, значительное количество продовольствия и промышленного сырья, крайне необходимого для промышленности Чехословакии. Чехословакия обязывалась поставить Венгрии кокс, железную руду, огнеупорный кирпич, машины, обувь, автомашины, автомобильные части и т. д.³

Укрепление торговых связей страны с СССР и странами народной демократии было проявлением распада после второй мировой войны единого

¹ «Внешняя политика Советского Союза. 1947 год», ч. II, Госполитиздат, 1952, стр. 17.

² «Rudé právo», 6.IX 1947 г.

³ «Rudé právo», 4.XI 1947 г.

мирового рынка на два параллельных рынка: капиталистический и социалистический. СССР оказывал огромную экономическую поддержку народно-демократическим странам, строя свои экономические отношения с дружественными странами на основе новых, социалистических взаимоотношений, на принципах помощи, доверия и взаимной поддержки, исключаящих какое-либо вмешательство во внутренние дела и суверенные права других народов.

Для народно-демократической Чехословакии присоединение к социалистическому мировому рынку являлось вполне закономерным явлением, ибо только дружественные страны с плановым развитием народного хозяйства, избавленные от кризисов, могли обеспечить постоянный, все возрастающий, обоюдовыгодный для торгующих сторон товарооборот. Укрепление торговых связей с этими странами избавляло страну от экономических потрясений.

Наряду с развитием внешнеторговых связей, в первую очередь со странами народной демократии, КПЧ призывала трудящихся добиться мобилизации всех наличных внутренних ресурсов продовольствия.

Уже в июне 1947 г. пленум ЦК КПЧ обратил внимание на необходимость использования всех внутренних ресурсов для преодоления последствий засухи. Была проведена широкая разъяснительная работа среди трудящегося крестьянства. Для изъятия излишков хлеба у помещиков и кулаков были созданы чрезвычайные продовольственные комиссии при национальных комитетах. Благодаря этим мерам государство получило дополнительно значительное количество хлеба и кормов.

Коммунистическая партия, исходя из политики защиты интересов трудового крестьянства, пострадавшего от засухи, предложила оказать деревне широкую материальную помощь.

В сентябре были значительно повышены закупочные цены на важнейшие сельскохозяйственные продукты при сохранении на прежнем уровне продажных цен. КПЧ наряду с этим предложила оказать мелким крестьянам единовременную денежную помощь в размере 500 млн. крон и снизить продажные цены на корма, закупаемые беднотой. Для покрытия всех этих расходов коммунисты потребовали обложить чрезвычайным налогом помещиков, предпринимателей, оптовых торговцев и других лиц, стоимость имущества которых превышала 1 млн. крон¹.

Буржуазные партии выступили против налогообложения миллионеров, предложили изыскать средства для помощи деревне за счет государственного бюджета, за счет налогоплательщиков, т. е. прежде всего за счет трудящихся города и деревни. 2 сентября правительство голосами 11 министров — членов национально-социалистической, чешской народной и словацкой демократической партий — отвергло предложение министров-коммунистов о чрезвычайном налоге с миллионеров и приняло реакционный законопроект.

Действия одиннадцати министров-реакционеров вызвали у народа бурю возмущения. По стране прокатилась волна митингов и манифестаций рабочих и крестьян, которые единодушно потребовали принятия закона о чрезвычайном налоге с миллионеров. Подавляющее большинство рабочего класса, крестьянства и интеллигенции поддержало законопроект, предложенный коммунистами.

От имени 35-тысячного коллектива рабочих заводской совет крупнейшего в стране Витковицкого металлургического комбината заявил в своей

¹ В стране имелось около 35 тыс. таких миллионеров (среди них было около 14 тыс. промышленников, около 16 тыс. помещиков, имевших свыше 50 га земли), имущество которых в целом оценивалось на сумму свыше 50 млрд. крон. См. «Rudé právo», 4.XI 1947.

резолуции: «Работники комбината согласны с проектом тех министров, которые предлагают изыскать средства на помощь крестьянам путем обложения миллионеров. Рабочие уже многократно доказали свою любовь к республике своим трудом. Пусть поэтому 35 тыс. новоиспеченных миллионеров пожертвуют из своих 50 млрд. некоторый процент на благо пострадавших земледельцев»¹. За принятие проекта КПЧ об обложении миллионеров в течение немногих дней высказались коллективы почти всех предприятий страны. Центральный совет профсоюзов от имени двух миллионов своих членов заявил, что единое революционное профсоюзное движение полностью поддерживает предложение Коммунистической партии и сделает все, чтобы добиться его осуществления.

Много собраний состоялось в деревне. На этих собраниях трудовое крестьянство также принимало резолюции, горячо одобрявшие предложение Компартии об оказании помощи крестьянству за счет миллионеров и выразившие протест против действий министров-реакционеров².

Резолюции протеста против действий министров-реакционеров, за поддержку предложений КПЧ, принимались также низовыми организациями национально-социалистической, народной и социал-демократической партий. Низовые организации этих партий на заводах, в деревне, в учреждениях выступили единым фронтом с коммунистами³. Под давлением народных масс руководство социал-демократической партии вынуждено было отмежеваться от действий министров-реакционеров и высказаться за предложение Коммунистической партии.

11 сентября между руководством Центрального комитета Коммунистической партии и руководством социал-демократической партии была достигнута договоренность о внесении в правительство совместного предложения об обложении миллионеров. Соглашение предусматривало также проведение согласованной политики в разрешении других важнейших вопросов, как упорядочение зарплаты служащим и т. п. Обе партии взяли обязательство укрепить Национальный фронт, обеспечить разработку и принятие новой конституции, проведение в положенное время очередных парламентских выборов. Центральные органы Коммунистической и социал-демократической партий в совместном обращении призвали все свои низовые организации наладить тесное сотрудничество на местах⁴.

Соглашение было горячо одобрено рядовыми членами и низовыми организациями обеих партий, профсоюзными организациями, коллективами многих заводов и шахт, всем рабочим классом Чехословакии.

Реакция была принуждена отступить. 21 октября Совет министров отменил свое постановление от 2 сентября 1947 г. и принял решение о чрезвычайном налоге с имущества и прибылей предпринимателей, торговцев-оптовиков и помещиков⁵. Этот налог дал правительству 7 млрд. крон, которые были использованы для помощи трудовому крестьянству.

Получив от народно-демократического государства щедрую помощь, трудящиеся крестьяне еще теснее сплотились вокруг рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии.

Итогом борьбы за обложение миллионеров чрезвычайным налогом явились рост авторитета коммунистов в народе и дальнейшая изоляция бур-

¹ «Rudé právo», 15.IX 1947 г.

² «Rudé právo», 7.IX 1947 г.

³ «Rudé právo», 11.IX 1947 г.

⁴ «Rudé právo», 12.IX 1947 г.

⁵ «Rudé právo», 22.X 1947 г.

жуазных партий от масс. Ряды Коммунистической партии быстро росли. В октябре в КПЧ вступило 35 052 новых члена, из которых 4678 были выходцами из национально-социалистической партии¹. Это свидетельствовало о значительном повороте непролетарских трудящихся масс города и деревни в сторону Коммунистической партии.

В ноябре поток желающих вступить в КПЧ еще более усилился. Только за один день 23 ноября в ряды КПЧ вступило 34 573 человека. Число членов КПЧ достигло в ноябре 1947 г. 1 281 138, а к февралю 1948 г. возросло до 1 414 тыс. человек. Численный состав Коммунистической партии превышал численный состав всех других партий страны, вместе взятых.

Утрачивая свое влияние в массах трудящихся, реакция стремилась укрепить свое положение за счет усиления притока в буржуазные партии всякого рода предателей и врагов народа, сотрудничавших с оккупантами в прошлом, в особенности членов бывшей аграрной партии, глинковской партии и т. п. Этим элементам был открыт широкий доступ в буржуазные партии. Так, в национально-социалистической партии все большее влияние приобретали деятели бывших аграрной и национально-демократической партий. Во главе партии стояли бывшие руководители прежней национально-демократической партии: министры Рипка, Дртина, Странский, генеральный секретарь Крайна.

Потерпев поражение в борьбе за массы, руководство национально-социалистической партии, являвшейся главным орудием реакции в чешских районах, и заправила демократической партии в Словакии стали разрабатывать новые планы организации контрреволюционного мятежа против республики.

В июле 1947 г. руководство национально-социалистической партии разработало план контрреволюционного переворота, который получил название «Меморандум XXII». В сентябре этот план был значительно конкретизирован. Были созданы вооруженные банды. В подготовке контрреволюционного переворота важное место отводилось саботажу продовольственных поставок с целью создания в стране голода, разным диверсиям и т. п.² План был рассчитан на активную поддержку иностранных империалистов, в первую очередь американского империализма.

В Словакии средоточием реакционных элементов была демократическая партия. Через демократическую партию реакционные элементы пробрались на ведущие посты в государственном аппарате, захватили руководство важными предприятиями, кооперативными и другими организациями Словакии. Эти позиции реакционеры использовали для борьбы против народной демократии. Пытаясь вызвать озлобление у трудящихся против народно-демократического строя, реакционеры срывали снабжение населения.

Антигосударственная политика руководства демократической партии встречала поддержку реакционных элементов в чешских буржуазных партиях, которые рассчитывали на то, что свержение народно-демократического строя в Словакии облегчит им восстановление капиталистических порядков во всей стране. Эта политика поддерживалась буржуазными националистами, пробравшимися на руководящие посты в Коммунистической партии Словакии.

Чрезвычайно большую роль в заговоре против республики играло высшее католическое духовенство, деятельность которого направлял Ватикан по указанию американских разведывательных органов. Католическое цен-

¹ «Rudé právo», 6.XI 1947 г.

² «Tvorba», № 2, 1950.

тральное бюро организовало в Словакии широкую сеть разведывательной службы, превратило церкви и монастыри в склады оружия, прибежища шпионов, диверсантов, вооруженных банд и т. п. Целью антигосударственного переворота, подготавливаемого словацкими реакционерами, было свержение народно-демократического строя и восстановление в Словакии фашистского сепаратистского государства.

Центральный комитет Коммунистической партии Чехословакии уже в июне 1947 г. указал на необходимость очищения государственного аппарата Словакии от антинародных элементов, чтобы сорвать антигосударственный заговор реакционных элементов.

В сентябре 1947 г. этот заговор был раскрыт. Как было установлено, заговорщики готовили вооруженное восстание против народно-демократического правительства, рассчитывая на поддержку вооруженных фашистских банд, действовавших в горных районах Словакии¹. В заговоре принимал участие ряд руководителей демократической партии, в том числе Ян Урсини, занимавший пост заместителя премьер-министра чехословацкого правительства, два генеральных секретаря партии Кемпны и Бугар.

Сообщение о заговоре вызвало сильнейшее возмущение трудящихся масс. Съезд представителей заводских советов, происшедший 30 октября в Братиславе, потребовал немедленной отставки прежнего Корпуса уполномоченных. «Составленный из людей, которые пользуются доверием широких масс населения Словакии — новый Корпус уполномоченных, — говорилось в резолюции съезда, — должен управлять Словакией в духе созидательной программы правительства Готвальда, довести до конца чистку государственного аппарата, наказать государственных преступников, возможно быстрее передать конфискованную землю крестьянам и узаконить все социальные завоевания»². К этому требованию заводских советов присоединились многие общественные организации Словакии.

Однако, несмотря на волну всенародного возмущения, руководители буржуазных партий продолжали сопротивляться очищению Корпуса уполномоченных и других государственных учреждений в Словакии от реакционеров-заговорщиков.

5 ноября 300 тыс. рабочих и служащих Словакии провели одночасовую забастовку. Многолюдные митинги требовали немедленного выполнения резолюции съезда заводских советов о создании нового Корпуса уполномоченных, угрожая в противном случае всеобщей забастовкой.

5 ноября правительство приняло решение об образовании нового Корпуса уполномоченных. 18 ноября был создан новый Корпус уполномоченных, в котором демократическая партия имела 6 постов (прежде 9), в том числе посты уполномоченного земледелия и снабжения. Коммунистическая партия попрежнему имела 5 постов.

Разрешение кризиса не было полным. Это был лишь первый шаг к устранению реакционных элементов из государственного аппарата в Словакии.

Раскрытие антигосударственного заговора в Словакии разоблачало демократическую партию как прибежище фашистских элементов, организатора антигосударственного заговора. Национально-социалистическая и чешская народная партии, взявшие под свою защиту изобличенных заговорщиков, дискредитировали себя в глазах народа. В то же время Компартия еще более укрепила свое влияние в массах.

¹ «Rudé právo», 16.IX 1947 г.

² «Pravda», 31.X 1947 г.

РАЗГРОМ КОНТРЕВОЛЮЦИОННОГО ЗАГОВОРА В ФЕВРАЛЕ 1948 г.

Укрепление народно-демократического строя и быстро развивавшаяся изоляция буржуазных партий от масс вынуждали реакционный лагерь спешить с подготовкой антигосударственного переворота с тем, чтобы осуществить его еще до выборов в Национальное собрание. По указке американо-английских империалистов заговорщики лихорадочно собирали силы, готовые выступить против народа. Реакция обратила свое внимание на социал-демократическую партию, которую она рассматривала как одно из наиболее слабых, уязвимых звеньев демократического фронта. Правые оппортунисты, находившиеся в руководстве социал-демократической партии, во всех важнейших вопросах выступали в блоке с буржуазными партиями.

Поэтому реакция развила бешеную деятельность для того, чтобы помочь оппортунистам захватить руководство партией на предстоящем съезде, который был намечен на ноябрь 1947 г. В ход были пущены подкуп, шантаж, клевета на сторонников сотрудничества с коммунистами — все средства, чтобы подорвать влияние левого крыла в партии¹.

На съезде социал-демократической партии, состоявшемся 14—16 ноября 1947 г. в г. Брно, разгорелась ожесточенная борьба между левыми и оппортунистами. Последним удалось добиться того, что вместо Фирлингера председателем партии съезд избрал «центриста» Лаушмана, поддерживавшего тайные связи с правыми социалистами западноевропейских стран.

Победа правых на Брненском съезде не отражала подлинной расстановки сил в социал-демократической партии, ибо подавляющее большинство ее низовых организаций прочно стояло за единство действий с коммунистами в борьбе за упрочение народно-демократического строя. Реакционное руководство партии в этих условиях не могло открыто и активно поддерживать реакцию. Это являлось одной из причин последующего поражения буржуазно-помещичьего блока в феврале 1948 г.

Реакция предприняла попытку также объединить и организационно укрепить контрреволюционный антинародный блок. С этой целью руководство национально-социалистической партии осенью 1947 г. начало тайные переговоры с руководством словацкой демократической партии о создании единого центра, в задачу которого входила бы координация действий контрреволюционных сил в чешских областях и в Словакии. Национальных социалистов энергично поддержала в демократической партии так называемая аграрно-лютеранская группа (Урсини, Леттрих, Годжа, Кветко, Кочвара и др.)².

Коммунистическая партия с полной отчетливостью представляла намерения реакции и, разоблачая ее перед народом, мобилизовала его на защиту народно-демократического строя.

Важную роль в этом отношении сыграл ноябрьский пленум ЦК КПЧ, обсудивший внутреннее и внешнее положение страны.

Ноябрьский пленум ЦК КПЧ разоблачил намерения реакции совершить антигосударственный переворот и поставил перед партией конкретные за-

¹ Активное участие в этих интригах реакции лидеров социал-демократической партии принял президент Бенеш. Бенеш вызывал к себе лидеров социал-демократической партии и попытался склонить их разорвать сотрудничество с коммунистами, угрожая тем, что якобы приближающаяся война между Западом и СССР при условии сохранения в Чехословакии народно-демократического строя превратит страну в арену губительных военных действий. См. Z. Fierlinger. Указ. соч., стр. 166.

² «Rudé právo», 28.I 1948 г.

дачи по укреплению народно-демократического строя. План реакции Клемент Готвальд нарисовал в следующих словах: «Хотя она открыто и заявляет, что никто у нас не думает о ликвидации национализированного хозяйства, мы знаем, что реакция стремится к ликвидации, что она желает возвращения к домюнхенским условиям. Она хочет в сотрудничестве с внешней реакцией использовать продовольственные затруднения с целью подрыва народно-демократического режима. Проникнув во все области, реакция будет стремиться еще больше подрывать деятельность правительства, парламента и других народных органов, чтобы в определенный момент сделать совершенно неработоспособными правительство и парламента. Она хотела бы вызвать в выгодный момент правительственный кризис и сделать попытку создать чиновничье правительство... Необходимо на это дать соответствующий сокрушительный для реакции ответ»¹.

Пленум поставил перед Коммунистической партией следующие главные задачи: обеспечить бесперебойное снабжение населения продовольствием, навести порядок в торгово-распределительной сети, выполнить план первого года двухлетки, довести до конца ликвидацию антигосударственного заговора в Словакии, вести борьбу против подрывных элементов, саботажников, агентов внутренней и иностранной реакции, добиться очищения всех организаций Национального фронта от агентов реакции и подрывных элементов, объединив всех людей доброй воли вокруг партии и, наконец, в области внешней политики подавлять все антигосударственные тенденции, направленные на подрыв союза с СССР и странами народной демократии.

Коммунистическая партия призывала трудящихся к борьбе против саботажников — помещиков, кулаков, спекулянтов с целью разрешения продолжавшего еще оставаться острым в стране продовольственного вопроса.

В постановлении пленума отмечалось, что выход из тяжелого продовольственного положения заключается в мобилизации всех внутренних ресурсов, что в этом направлении будет вестись главная борьба с реакцией.

Разъясняя широким массам крестьянства необходимость выполнения поставок, вовлекая их в борьбу с помещиками и кулачеством, саботировавшими поставки, опираясь на органы народной власти, Коммунистическая партия добилась того, что к концу 1947 г. план поставок хлеба государству был выполнен на 75% в чешских землях и на 90% в Словакии.

Коммунистическая партия навела порядок в торговле промышленными товарами и продовольствием. При этом Компартия столкнулась с большими трудностями ввиду того, что в частных руках оставалось еще около 75% внутренней торговли и подавляющая часть внешней торговли. Воспользовавшись экономическими затруднениями, вызванными неурожаем, частные торговцы фактически прекратили розничную торговлю товарами массового потребления. Подавляющее количество таких товаров было задержано на складах-распределителях, откуда они тайно выбрасывались на черный рынок по спекулятивным ценам². Миллионеры-оптовики под покровительством министра внешней торговли Рипки поспешно переводили свои капиталы за границу, главным образом в США. Значительная часть средств, полученных от спекулятивных операций, шла на финансирование буржуазных партий, их заговорщической и подрывной деятельности.

Благодаря широкой поддержке масс Коммунистическая партия, выполняя решения ноябрьского пленума Центрального комитета, сломала сопротивление реакционеров и провела реорганизацию торговой сети, в особен-

¹ Klement Gottwald. 1946—1948, sv. I, str. 279.

² «Černá kniha», str. 85—86.

ности системы оптовой торговли. Оптовики-капиталисты были полностью отстранены от распределения текстиля. Во главе министерства торговли, по предложению КПЧ, был поставлен 4 декабря Алексей Чепичка. В январе 1948 г. были созданы областные распределители товаров текстильной промышленности, осуществлявшие в тесном содружестве с национальными комитетами контроль над распределением и продажей товаров населению.

Чехословацкий народ, ведя под руководством КПЧ борьбу против реакции, смог опереться на огромную братскую помощь Советского Союза. Когда в ноябре 1947 г. выяснилось, что хлеба, собранного в Чехословакии и полученного из СССР, все же не хватит до нового урожая, чехословацкое правительство решило обратиться снова за помощью к Советскому Союзу.

Советское правительство предоставило Чехословакии дополнительно 200 тыс. т хлеба. 11 декабря 1947 г. в Москве был подписан договор о торговле и судоходстве между СССР и Чехословакией. Согласно чехословацко-советскому торговому договору, заключенному на 5 лет, Советский Союз обязался поставить Чехословакии, кроме хлеба, значительное количество хлопка, удобрений, нефтепродуктов, железной, марганцевой и хромовой руд и другого сырья, которое обеспечило бесперебойную работу чехословацкой промышленности¹. Советское правительство предоставило Чехословакии краткосрочный кредит. Говоря о значении помощи Советского Союза, оказанной осенью 1947 г., Клемент Готвальд подчеркивал: «Советский Союз спас нас от голода, он уберег нас и от реакционного путча, который произошел бы тогда, в значительно более тяжелых для нашего народного режима условиях, чем позже, в феврале 1948 года»².

Энергичные меры, принятые Компартией, и дружественная помощь Советского Союза обеспечили преодоление последствий засухи, укрепили экономическое положение народно-демократического государства и, в частности, сделали возможным успешное выполнение плана первого года двухлетки.

Промышленность Чехословакии, выполнив план 1947 г. на 100,9%, поднялась к концу 1947 г. до 98% — уровня 1937 г., в 2 раза увеличила объем валовой продукции против 1945 г. Производительность труда достигла к концу 1947 г. довоенного уровня. Что особенно характерно, в национализированных отраслях промышленности производительность труда была значительно выше, чем на частнокапиталистических предприятиях.

Строительство новых предприятий в Словакии двинуло вперед индустриализацию этого экономически отсталого края республики. Словацкая промышленность к концу 1947 г. давала продукции на 67,8% больше, чем в 1937 г.

Успехи в выполнении двухлетнего плана вызвали новый трудовой подъем народа, уверенность в своих силах.

Улучшилось и материальное положение трудящихся. Индекс средней заработной платы рабочих в промышленности в декабре 1947 г. вырос до 316,5 по сравнению с мартом 1939 г. Особенно возросла зарплата низкооплачиваемых категорий рабочих и работниц. Она увеличилась к концу 1947 г. в 4—5 раз против 1939 г. Реальная зарплата чехословацкого рабочего уже в 1947 г. была в 3 раза выше, чем в капиталистической Италии, и в 2,4 раза выше, чем во Франции³. Полностью провалились пророчества реакционеров о том, что хозяйство страны без капиталистов развалится.

¹ «Внешняя политика Советского Союза. 1947 год», ч. II, стр. 102—110.

² Klement Gottwald. 1949—1950. Praha, 1951, str. 202.

³ «Rudé právo», 12.XII 1947 г.

4 Ученые записки, т. XI

Наоборот, налицо были доказательства, что народ без капиталистов может лучше вести народное хозяйство.

Национализированная промышленность продемонстрировала свои преимущества над частнокапиталистическим хозяйством. В строительной промышленности, где на долю частнокапиталистического сектора приходилось 76% производства, план 1947 г. был выполнен всего на 53,7%, в пищевой промышленности, где капиталисты держали еще 47% производства, — на 72%, в то время как отрасли, где национализация охватила подавляющее большинство производства, успешнее выполняли план (горная промышленность — на 99,8%, энергетика — на 98,9%, металлургия — на 111%).

В стране обострялась борьба между рабочим классом, который во главе с Коммунистической партией мобилизовал силы народа на строительство народно-демократической республики, и эксплуататорскими классами, лихоградно готовившимися к антигосударственному перевороту.

Такое обострение классовой борьбы было закономерным явлением в этот революционный период. Успехи трудящихся в строительстве новой жизни, лишавшие буржуазию новых экономических позиций, усиливали у эксплуататоров стремление к свержению народно-демократического строя. Закономерность обострения классовой борьбы в революционный период В. И. Ленин характеризовал следующим образом: «Переход от капитализма к коммунизму есть целая историческая эпоха. Пока она не закончилась, у эксплуататоров неизбежно остается надежда на реставрацию, а эта надежда превращается в попытки реставрации. И после первого серьезного поражения, свергнутые эксплуататоры, которые не ожидали своего свержения, не верили в него, не допускали мысли о нем, с удесятеренной энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат, бросаются в бой за возвращение отнятого «рая»...»¹.

Реакция в Чехословакии, опираясь на поддержку внешней реакции, предприняла новые попытки собрать в единый кулак свои силы и бросить их в бой против народа.

В январе 1948 г. в Словакию руководством национально-социалистической партии была послана делегация во главе с Рипкой для продолжения переговоров с демократической партией о совместном выступлении против народно-демократического строя². На съезд демократической партии, проходивший в январе 1948 г., национальные социалисты направили Дртину с поручением окончательно договориться с руководством демократической партии о создании единого антикоммунистического блока³. Закулисные переговоры реакционеров не остались без последствий. Как сообщало 9 февраля английское радио, была достигнута договоренность о совместном заседании исполнительных комитетов национально-социалистической и демократической партий для обсуждения «общей избирательной политики, направленной против Коммунистической партии».

В начале января по инициативе Зенкла состоялось совещание руководства национально-социалистической партии и правых социал-демократов. На этом и последующих совещаниях было выработано соглашение, предусматривавшее совместные выступления национал-социалистов и правых социал-демократов против Коммунистической партии и Центрального совета профсоюзов, выдвинувших проект упорядочения зарплаты государственных слу-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 233.

² «Rudé právo», 28.I 1948 г.

³ «Rudé právo», 14.I 1948 г.

жащих, против министерства внутренних дел и Корпуса национальной безопасности, против проекта закона о новой земельной реформе. Соглашение предусматривало, что во время избирательной кампании национальные социалисты и социал-демократы воздержатся от взаимных нападок и направят усилия на борьбу против Коммунистической партии. Реакционные руководители обеих партий договорились о совместном выступлении против Центрального совета профсоюзов и против решений о созыве съезда представителей заводских советов. Представители национально-социалистической партии заверили правых социал-демократов в поддержке всех этих мероприятий со стороны народной и демократической партий¹.

Реакция стремилась парализовать работу органов народной власти, не допустить осуществления дальнейших революционных преобразований, в особенности законодательного закрепления завоеваний народа в конституции.

Чтобы облегчить достижение этих целей, контрреволюция предприняла попытку внести раскол в ряды профсоюзов, подорвать их единство. Рассчитывая использовать отсталые настроения среди части государственных служащих, руководство национально-социалистической партии выдвинуло демагогическое требование — увеличить на 30% заработную плату рабочим и служащим государственных предприятий и учреждений. Национальные социалисты предлагали значительное повышение зарплаты для высокооплачиваемых категорий и небольшое — для низкооплачиваемых категорий. Этим демагогическим маневром реакционеры надеялись укрепить свое влияние среди рабочих и служащих государственных и общественных предприятий (700 тыс. человек), и тем самым опустошить государственную казну выплатой 15 млрд. крон.

Коммунистическая партия разоблачила вылазку врагов народа и поддержала революционные профсоюзы, предложившие выплатить указанным категориям рабочих и служащих временное пособие, а в дальнейшем упорядочить их зарплату, причем в первую очередь и более значительно повысить зарплату низкооплачиваемых категорий. Однако, используя свое формальное большинство в совете министров, министры буржуазных партий в блоке с правыми социал-демократами 10 февраля протащили проект правого социал-демократа Майера, который существенно не отличался от проекта национальных социалистов.

С яростным упорством реакционеры саботировали также осуществление закона о ревизии земельной реформы 1919 г. и принятие закона о новой земельной реформе. 12 февраля сельскохозяйственный комитет Национального собрания, в котором большинство принадлежало буржуазным партиям и правым социал-демократам, отказался обсуждать законопроект о новой земельной реформе.

На провокации и саботаж контрреволюции рабочий класс, руководимый Коммунистической партией, ответил мобилизацией сил для дальнейшего расширения и углубления революционных преобразований.

12 февраля президиум Центрального совета профсоюзов принял решение созвать 22 февраля 1948 г. съезд представителей заводских советов. Программа съезда заводских советов включала важнейшие политические и экономические проблемы (в том числе вопрос о дальнейшей национализации), имеющие жизненное значение для развития народно-демократического государства².

¹ «Rudé právo», 17.II 1948 г.

² «Rudé právo», 13.II 1948 г.

По примеру рабочего класса поднялось и трудовое крестьянство. 16 февраля в Праге состоялась конференция председателей окружных крестьянских комиссий. Она потребовала проведения всех аграрных мероприятий, предложенных КПЧ, и, следуя за Центральным советом профсоюзов, приняла решение созвать в Праге 29 февраля крестьянский съезд¹.

Решения о созыве съезда представителей заводских советов и крестьянского съезда вызвали смятение в лагере контрреволюционной буржуазии. Видя, что рабочий класс в союзе с крестьянством предпринимает новое наступление на важнейшие экономические позиции эксплуататорских классов, контрреволюция решила осуществить антигосударственный переворот в ближайшее время.

Действия чехословацких реакционеров-заговорщиков направлялись американским и английским империализмом.

За рубежами страны имелись три основных центра, непосредственно связанных с контрреволюционным заговором в Чехословакии: в Америке, которым руководил Буллит, в Риме, в резиденции папы в Ватикане, и в Лондоне, возглавлявшийся Локкартом. Главным был американский центр, на его службе находилось большинство контрреволюционных заговорщиков в Чехословакии.

На поддержку внешней империалистической реакции опирались изолированные от своего народа крупные промышленники и торговцы Чехословакии, выступавшие главной внутренней силой заговора против народной демократии. Состоявшееся 16 февраля собрание крупных оптовых торговцев и промышленников страны, объединенных в пресловутом Совете торговли и промышленности², постановило перейти к открытой атаке против народно-демократического строя³. Было решено собрать среди членов Совета 5 млн. крон на финансирование борьбы против народно-демократического строя, в первую очередь для срыва съезда заводских советов.

На следующий день после заседания Совета торговли и промышленности реакционные министры намеренно сорвали заседание правительства. Они потребовали обсуждения действий министерства внутренних дел, намереваясь парализовать его деятельность по борьбе с контрреволюцией и иностранными разведками. Это выступление реакции показало, что силы контрреволюции приступили к выполнению своего плана антигосударственного переворота.

В тот же день, 17 февраля, президиум Центрального комитета КПЧ рассмотрел политическую обстановку в стране. В своем обращении, опубликованном в вечерних газетах и переданном по радио, Президиум ЦК КПЧ разоблачил замыслы заговорщиков и призвал народ к бдительности и боевой готовности. «В настоящий серьезный момент, — говорилось в обращении Президиума ЦК КПЧ, — необходимо, чтобы все трудящиеся, рабочие, крестьяне, ремесленники, интеллигенты, все демократические и прогрессивные люди без различия партийной принадлежности, все чехи и словаки были готовы всеми силами в самом зародыше уничтожить

¹ Dny, které dovršily vítězství lidu. Praha, 1948, str. 8.

² Эта незаконно созданная организация контрреволюционной буржуазии Чехословакии уже в ноябре 1947 г. объединяла 1600 крупнейших спекулянтов и промышленников. Связанный с важнейшими монополиями капиталистических стран, Совет торговли и промышленности имел в своем распоряжении крупные денежные фонды, за счет которых щедро финансировалась антинародная деятельность национально-социалистической и народной партий.

³ «Rudé právo», 21.II 1948 г.

любые подрывные замыслы реакции и защитить интересы государства и нации»¹.

Заводские организации Компартии, заводские советы и профсоюзные организации заводов привели в боевую готовность рабочую милицию, приняли меры к охране предприятий. Многотысячный коллектив завода имени И. В. Сталина в Мосте, 20-тысячный коллектив завода «Батя» (теперь «Свит» в г. Готвальдов), коллективы заводов «Ческо-Моравска—Кольбен—Данек» (Прага), «Татра», «Авиа», «Ява», «Збройовка» в Брно и многих других заводов единодушно осудили контрреволюционных заговорщиков и потребовали обеспечить безопасность республики и ее мирное развитие, единство профсоюзов, создать условия для строительства социализма². Митинги и собрания на заводах, фабриках, в учреждениях и массовых организациях, происходившие 18 и 19 февраля, принимали резолюции с требованием осуществления новых преобразований, об очищении государственных учреждений от агентов буржуазии. Только за один день, 20 февраля, Центральный совет профсоюзов получил свыше тысячи таких резолюций³.

Однако реакция предпочла не считаться с волей рабочего класса. Авантюризм, присущий буржуазным политическим деятелям в условиях всеобщего кризиса капитализма, проявил себя в полной мере в ходе февральских событий в Чехословакии. Представители буржуазии полностью игнорировали вполне очевидные факты, что в народно-демократическом государстве решающее слово принадлежало народным массам, а во внешнеполитической обстановке произошли такие коренные изменения, которые в значительной степени парализовали возможность военного вмешательства империалистических стран в развитие событий в Чехословакии.

Реакция намеревалась обеспечить свою победу закулисными переговорами и сделками, рассчитывая повторить маневр 1920 г. Ее главной целью была изоляция коммунистов в правительстве и парламенте. Она надеялась использовать формальное большинство в парламенте, давно уже не отражавшее воли народа, для насилия над народными массами.

В ход внутривнутриполитических событий, являвшихся делом самого чехословацкого народа, все активнее и наглее вмешивалась международная реакция. 18 февраля папский нунций Риттер от имени Ватикана дал архиепископу Берану указание, чтобы чехословацкий епископский собор приложил все усилия для обеспечения победы реакции. Утром 19 февраля Беран пригласил к себе лидера национально-социалистической партии Зенкла и рекомендовал ему действовать решительно и твердо, обещав поддержку церковной иерархии Ватикана и стоявшего за его спиной американского империализма. В случае неудачи захвата власти собственными силами архиепископ рекомендовал открыть границы иностранным оккупационным армиям и немцам, которые «быстро рассчитаются с коммунистами».

Важная роль в развитии политических событий отводилась реакцией тогдашнему президенту Бенешу, который по конституции был наделен правом принять отставку правительства и организовать формирование нового правительства. Бенеш был одним из ведущих организаторов февральского контрреволюционного заговора и активно участвовал в его осуществлении.

¹ «Rudé právo», 18.II 1948 г.

² Там же.

³ «Rudé právo», 21.II 1948 г.

Уже 18 февраля рано утром Бенеш принял Зенкла и Рипку, которые информировали его о планах национальных социалистов спровоцировать правительственный кризис, чтобы сорвать съезд представителей заводских советов. «Как вы на это смотрите?» — спросил Рипка Бенеша. «Думаю, что вы правы», — ответил Бенеш, выслушав Рипку¹.

Зенкл и Рипка обратили внимание Бенеша на важность позиции социал-демократов, решение которых об отставке будет означать полную изоляцию коммунистов в правительстве. Они просили Бенеша оказать содействие правым социал-демократам в полном завоевании руководства партии.

Действительно, 19 февраля Бенеш принял Лаушмана, Вилима и заместителя председателя совета министров Тымеша, чтобы оказать влияние на позицию социал-демократов в правительстве².

19 февраля в Прагу поспешно вернулся американский посол Штейнгард. Уже по дороге в Прагу он выразил намерения определенных американских кругов изменить политическое положение в Чехословакии и навязать ей «план Маршалла». Штейнгард созвал журналистов и на пресс-конференции сделал следующее заявление: «Я до сих пор не потерял надежды на то, что чехословацкое правительство обдумает свое решение (об отказе от «плана Маршалла». — А. Н.) и примет вероятно позднее непосредственное участие в плане европейского восстановления»³.

Это было явным расчетом на победу чехословацкой реакции, так как только реакционное буржуазное правительство могло принять «план Маршалла», враждебный коренным национальным интересам Чехословакии.

В тот же день вечером на приеме в одном иностранном посольстве американский посол заявил, что правительственный кризис в Чехословакии очень кстати. Он выразил сожаление, что этот кризис не произошел годом раньше⁴.

На следующий день, 20 февраля, 12 министров — члены национально-социалистической, народной и демократической партий — официально подали в отставку.

Вечером, когда один из руководителей народной партии Гала сообщил Бенешу об отставке министров — членов народной партии, Бенеш просил передать Шрамеку благодарность за совместное выступление с национальными социалистами. «Я, само собой разумеется, не приму вашу отставку, — заявил при этом Бенеш. — Нужно, чтобы капитулировали коммунисты»⁵.

После отставки явных реакционеров в совете министров осталось 14 членов правительства — представители Коммунистической и социал-демократической партий и два беспартийных. Коммунистическая партия поставила перед президентом вопрос о пополнении правительства.

Коммунистическая партия обратилась к народу с воззванием, в котором разъясняла смысл происходящих событий, и призвала его на защиту народно-демократического строя:

«Внутриполитический кризис, неожиданно вызванный представителями некоторых правительственных партий, поставил нас, таким образом, не

¹ Z. Fierlinger. Указ. соч., стр. 171.

² «Rudé právo», 20.II 1948 г.

³ А. Свобода, А. Тучкова, В. Свободова. Так было в феврале. М., 1950, стр. 61—62.

⁴ Там же, стр. 67.

⁵ Z. Fierlinger. Указ. соч., стр. 172.

только перед опасностью внутреннего разлада, но создал угрозу республике со стороны агентов иностранной реакции.

Необходимо поставить в известность широкие массы нашего народа, что развитие кризиса приобрело серьезный характер. Группировка трех политических партий — национально-социалистической, народной и демократической партий Словакии, как это со всей ясностью видно, является антидемократическим, антинародным, антисоциалистическим блоком, который поставил своей целью свергнуть режим народной демократии и вынудить передачу власти объединенным силам реакции.

Президиум КПЧ и КПС в настоящий серьезный момент призывает всех трудящихся города и деревни — рабочих, крестьян, ремесленников, интеллигенцию, всех истинных чехов и словаков сплотиться в крепкий Национальный фронт, который создал бы прочную опору правительству Готвальда, обеспечил бы осуществление всех задач, которого требуют интересы республики, интересы защиты великого дела нашей народной революции и дальнейшее сохранение наших братских союзнических отношений с СССР и другими славянскими государствами»¹.

По призыву коммунистов на защиту народно-демократического строя поднялись широкие народные массы. Уже в ночных сменах на многих заводах происходили митинги и собрания рабочих. «Изменники и покровители шпионов не смеют вернуться в правительство», — заявили в своей резолюции рабочие Брненской Эбройовки, одного из крупнейших заводов Чехословакии.

«Кто покинул правительство, тому в нем нет места. Мы требуем революционного правительства!» — говорили рабочие авиазавода в Чаковицах.

«Мы не будем работать на Ларишей, угольных магнатов и Рстшильдов, хотя бы они и прятались за Зенкла и Шрамека! Мы не потерпим в правительстве врагов национализации и народно-демократического порядка!»², — заявили рабочие Витковицкого металлургического комбината, собравшись в полночь на митинг.

21 февраля в 10 час. утра на Староместской площади состоялся огромный массовый митинг трудящихся. На него прибыли по решению партии не только пражане, но и жители многих пригородов Праги. Клемент Готвальд рассказал о заговоре внутренней и международной буржуазии против Чехословацкой республики. Он сказал, что правительственный кризис может быть разрешен законным, конституционным, демократическим путем, путем принятия отставки министров-реакционеров и пополнения правительства новыми, честными людьми, стоящими на платформе Национального фронта. Готвальд призвал к созданию комитетов действия.

На митинге выступили также оставшиеся верными принципам Национального фронта представители от других партий национально-социалистической, социал-демократической партий, представители рабочих, крестьян и интеллигенции. Митинг транслировался по всей республике, и во многих городах и деревнях также возникали митинги и собрания. Митинг на Староместской площади, в котором приняли участие десятки тысяч трудящихся, превратился в мощную манифестацию доверия народа к Коммунистической партии, его решимости добиться удаления реакционных элементов из правительства, расчистить путь к социализму. На митинге единодушно была принята резолюция, в которой говорилось: «Со всей решимостью мы

¹ Klement Gottwald. Kupředu, zpátky ni krok! Ministerstvo informací a osvěty, 1949, str. 23—26.

² А. Свобода, А. Тучкова, В. Свободова. Указ. соч., стр. 74—75.

требуем, чтобы президент республики принял отставку министров — членов национально-социалистической, народной и словацкой демократической партий, которые своим безответственным поступком изменили Национальному фронту и перешли в оппозицию к правительству.

Мы требуем, чтобы согласно конституции и в духе демократических традиций премьер-министр Клемент Готвальд пополнил правительство новыми членами, верными программе Национального фронта и готовыми преданно служить интересам народа и народно-демократической республике»¹.

Призыв к созданию комитетов действия, провозглашенный коммунистами на Староместской площади, был подхвачен народом. По всей стране, начиная с 21 февраля, трудящиеся создавали комитеты действия Национального фронта — органы защиты народно-демократического строя и борьбы с реакцией.

В Словакии делегация рабочих братиславских заводов, явившись в Корпус уполномоченных, потребовала, чтобы уполномоченные — члены демократической партии, — явно враждебные народу, но пока еще выжидавшие развития событий в Праге, немедленно подали в отставку.

Политическая активность народных масс Чехословакии, определившая исход февральских событий, быстро нарастала.

22 февраля явилось знаменательной датой в развитии февральских событий. В этот день в 9 час. утра открылся съезд представителей заводских советов. Во Дворце промышленности собралось 8 тыс. избранников рабочего класса. За ходом съезда пристально следил не только рабочий класс, но и вся страна. Съезд заводских советов выразил волю рабочего класса, господствующего класса народно-демократического государства, — обеспечить движение страны к социализму. В своей речи на съезде Клемент Готвальд отметил успехи народно-демократического строя, достигнутые после освобождения страны Советской Армией, и подчеркнул огромную роль рабочего класса, добившегося этих успехов.

Оценивая политический кризис в стране, Клемент Готвальд вскрыл истинные замыслы реакционеров, направленные на свержение народно-демократического строя и установление в стране капиталистического строя со всеми присущими ему пороками: голодом, безработицей и режимом полицейских дубинок. Готвальд призвал рабочий класс к укреплению единства и сплоченности своих рядов, к укреплению единства рабочих, крестьян, ремесленников и интеллигенции.

С речью на съезде выступил председатель Центрального совета профсоюзов Антонин Запотоцкий. Он разоблачил измышления реакции, ее антинародные замыслы и сформулировал основные задачи профсоюзов в осуществлении дальнейших преобразований.

Выражая требования всего рабочего класса Чехословакии, съезд с огромным воодушевлением принял резолюцию, в которой была сформулирована программа дальнейших революционных преобразований.

От имени миллионов рабочих и служащих съезд заявил, что рабочий класс не допустит осуществления замыслов контрреволюционной буржуазии и твердой рукой пресечет все ее реакционные действия. Съезд потребовал устранения реакционеров из правительства и парламента. «Мы работали и отказывали себе во всем более двух лет не для того, чтобы старые и новые реакционные силы ставили на карту наше будущее, — говорилось в резолюции съезда. — Нашу независимость и свободу может обеспечить только

¹ «Что произошло в Чехословакии», «Орбис», Прага, 1948, стр. 24—25.

постепенное устранение паразитических элементов и неуклонный путь к социализму, верный союз со славянскими государствами и социалистическим Советским Союзом»¹.

Съезд выдвинул следующие требования: 1) немедленное узаконение социального страхования для рабочих и служащих и национального страхования для ремесленников и крестьян; 2) принятие конституции и закрепление в ней всех прав народа, ликвидация капиталистической эксплуатации и обеспечение дальнейшего движения страны к социализму; 3) урегулирование зарплаты государственных и общественных служащих; 4) национализация оптовой и внешней торговли, производства спиртных напитков, медикаментов и всех капиталистических предприятий, на которых работает свыше 50 рабочих и служащих.

Со всей решимостью съезд заводских советов поддержал требования крестьянства, приветствовал созыв крестьянского съезда и заверил, что рабочий класс окажет ему полную поддержку. «Чтобы подчеркнуть нашу твердую и единую волю, сделать все для осуществления наших требований, — заявлялось далее в резолюции, — мы объявляем во вторник, 24 февраля, часовую манифестационную забастовку на всех заводах, во время которой рабочим и служащим будет сделано сообщение о ходе и постановлениях общегосударственного съезда и о проведении, в случае надобности, мобилизации»².

Решения съезда нашли горячий отклик не только среди рабочего класса, но и среди всех трудящихся слоев населения страны, подняв боевую решимость народа сломить происки буржуазной контрреволюции и внешней империалистической реакции.

22 февраля в Национальном театре открылся съезд Союза чехословацко-советской дружбы. Съезд имел большое значение именно в этот момент, когда под угрозой находилось существование народно-демократического строя, союз и дружба с великим Советским Союзом, верным другом, освободителем и защитником чехословацкого народа.

Выступивший на съезде Клемент Готвальд подчеркнул значение дружбы и сотрудничества с СССР для свободы и независимости народов Чехословакии: «... судьба нашей народной демократии, судьба наших революционных завоеваний, как и само существование нашего народа и свободы нашего государства, тесно связана с судьбой нашего союзника — Советского Союза. Только этот союз представляет нам возможность строить свое государство на основе свободно выраженной воли народа. С другой стороны, каждая попытка изменить наш новый строй и возродить домюнхенские капиталистические порядки связана с планами и интригами западных империалистов...»

Для нас, для каждого честного чеха и словака, не может быть колебаний в выборе между двумя путями. В тяжелые годы оккупации и в период нашей освободительной борьбы мы уже сделали свой выбор. Мы избрали путь свободы, самостоятельности, путь народной демократии. Мы идем рядом с нашим освободителем и лучшим другом — Советским Союзом»³.

Съезд Союза чехословацко-советской дружбы явился мощной манифестацией огромной любви, дружбы чехословацкого народа к Советскому Союзу. Этот съезд выразил непоколебимое стремление чехословацкого народа отстоять союз и дружбу с СССР.

¹ «Что произошло в Чехословакии», стр. 34—35.

² Там же.

³ Klement Gottwald, Kupředu, zpátky ní krok! str. 68—69.

Важную роль в развитии событий сыграли комитеты действия Национального фронта, которые возникли в течение двух-трех дней во всех городах, на предприятиях, в учреждениях и организациях, в районах и деревнях страны. Комитеты действия мобилизовали массы на борьбу с реакцией; там, где оказалась парализованной работа национальных комитетов, они взяли на себя их функции, следили за общественным порядком, заботились о снабжении населения продовольствием.

В министерствах комитеты действия, созданные из служащих министерств, отстраняли от работы министров-реакционеров, подавших в отставку, а также реакционных чиновников.

На заводах комитеты действия совместно с заводскими советами обеспечивали охрану заводов, приводили в боевую готовность рабочую милицию, вооружали рабочих. В организациях национально-социалистической и народной партий комитеты действия начали группировать вокруг себя всех членов партий, оставшихся верными принципам Национального фронта. Мероприятия комитетов действия являлись ясным свидетельством того, что подлинная власть в стране находилась в руках народа, что реакции не удалось разбить единство рабочего класса, трудового крестьянства, ремесленников и трудовой интеллигенции. Наличие этого единства, упроченного в ходе народно-демократической революции, позволило быстро возродить Национальный фронт, который попыталась разбить реакция.

23 февраля, в соответствии с решением съезда заводских советов, была созвана конференция, в работе которой приняли участие 300 делегатов от всенародных организаций, выдающиеся политические и культурные деятели страны. Среди участников конференции были члены Коммунистической партии, революционных профсоюзов, прогрессивные элементы из социал-демократической, национально-социалистической, народной и других партий, а также представители единого союза крестьян, делегаты кооперативов, союза партизан и т. д.

Конференция по предложению Компартии обратилась с воззванием к народу. В этом воззвании подчеркивалась необходимость обновления Национального фронта. На конференции был создан подготовительный комитет по созданию Центрального комитета действия Национального фронта.

Выполняя наказ народных представителей, подготовительный комитет начал переговоры с руководством Коммунистической и социал-демократической партий, а также с представителями других партий, высказавшимися за возрождение Национального фронта. Переговоры закончились вполне успешно ввиду того, что массовая база Национального фронта, его принципы не могли быть разрушены реакцией. 25 февраля был избран президиум Центрального комитета действия Национального фронта. Председателем его был избран Антонин Запотоцкий.

Со всей силой в февральские дни проявились роль и значение одного из важнейших новых органов народно-демократического государства — органов безопасности в лице Корпуса национальной безопасности. Корпус национальной безопасности вместе с рабочей милицией обеспечил революционный порядок в стране. Опираясь на поддержку народа, Корпус пресек в самом зародыше попытки реакции предпринять вооруженный мятеж.

Вооруженный мятеж готовился военными комиссиями национально-социалистической партии, которые снабжали преданных реакции людей оружием, полученным от американских империалистов, имели своих агентов в армии, рассчитывали на присоединение к ним реакционной части «Сокола» и части личного состава других партий. Они намерены были захватить в надлежащий момент важнейшие стратегические объекты столицы,

в том числе радиостанцию, начать в стране гражданскую войну, в которую должна была вмешаться американская армия, как раз в февральские дни проводившая демонстративные маневры у западной границы Чехословакии. Заговор путчистов напоминал испанский мятеж Франко, организованный немецкими и итальянскими фашистами в 1936 г. против республиканской Испании. В ночь с 23 на 24 февраля были арестованы некоторые из главных организаторов путча, у которых были найдены оружие и важные документы, в том числе приказ о захвате радиостанции. Арест нескольких главарей заговора предотвратил вооруженное выступление реакции в стране и тем самым сорвал планы иностранных империалистических держав по развязыванию гражданской войны и вооруженной интервенции. Это серьезно облегчило ликвидацию всего контрреволюционного заговора.

24 февраля в 12 час. в стране, по решению съезда представителей заводских комитетов, состоялась демонстративная одночасовая забастовка рабочих всей страны. Работа не была приостановлена лишь на тех предприятиях и в учреждениях, где забастовка могла повредить народному хозяйству.

Забастовка продемонстрировала несокрушимую мощь и единство рабочего класса в борьбе с заговором реставраторов капитализма. Два с половиной миллиона рабочих и служащих заводов, фабрик и учреждений еще раз проявили свою волю покончить с происками внутренней реакции, вдохновляемой иностранным империализмом.

Рабочие приняли участие в очищении министерств от реакционеров-министров, отставка которых не была еще принята президентом. Враги народа были отстранены трудящимися от исполнения обязанностей. Это оказало существенное влияние на ход ликвидации контрреволюционного заговора. Наконец, рабочие социал-демократы помогли левому крылу своей партии овладеть помещением центрального секретариата партии, а затем изгнать из руководства партии реакционные элементы.

Развитие событий показало полный крах заговора реакции. Бенеш понял, что дальнейшая поддержка заговорщиков может кончиться отстранением его с поста президента и разблачением его подлинной роли в заговоре врагов народа. После неоднократных посещений президента делегацией Центрального комитета КПЧ, решительно требовавшей принятия отставки министров-реакционеров и утверждения нового правительства, Бенеш 25 февраля принял отставку и подписал декрет о назначении новых министров. В 5 час. вечера перед народом, заполнившим Вацлавскую площадь, выступил Клемент Готвальд, который сообщил трудящимся о ликвидации заговора реакции. Он выразил смысл происшедших событий в следующих словах: «Реакция, которая готовила удар против народа, сама потерпела поражение и разбита. Твердость и бдительность народа дали возможность нанести это поражение реакции... Теперь, когда атака реакции отражена, мы снова возвращаемся к своему труду, к своей созидательной работе по выполнению двухлетки»¹.

28—29 февраля открылся крестьянский съезд, созванный по решению конференции председателей окружных крестьянских комиссий.

Шесть тысяч делегатов съезда, представлявших широкие массы трудового крестьянства, заслушали выступления членов правительства, изложивших итог деятельности народно-демократической власти в области сельского хозяйства и внесших на обсуждение трудового крестьянства предложения о новых мероприятиях.

¹ Klement Gottwald. 1946—1948, sv. II, str. 44.

Съезд единодушно высказался за проведение новой земельной реформы, одобрил все намечавшиеся правительством мероприятия в области улучшения положения крестьянства и потребовал их быстрейшего проведения в жизнь.

Съезд еще раз продемонстрировал, что в февральские дни трудовое крестьянство, как верный и надежный союзник рабочего класса, оказало ему активную поддержку, помогло разбить контрреволюционную буржуазию и окончательно утвердить диктатуру пролетариата. Наличие прочного союза рабочего класса с трудовым крестьянством, единство их действий в конечном счете предопределило полное поражение чехословацкой буржуазии и поддержавших ее сил внешней реакции.

«Единство нашего народа, единство рабочего класса, единство рабочих, крестьян, ремесленников и интеллигенции дало нашему народу достаточно сил, чтобы в течение немногих дней уничтожить в зародыше замыслы и расчеты реакции»¹, — указывал Клемент Готвальд на одну из важнейших причин победы народа в феврале 1948 г.

Без активной поддержки крестьянства рабочий класс не был бы в состоянии окончательно разбить буржуазию и утвердить в стране диктатуру пролетариата.

Наличие могущественного Советского Союза, верного защитника свободы и независимости чехословацкого народа, и ослабление сил империализма после второй мировой войны обусловили победу чехословацкого народа в феврале 1948 г. Связанный с Чехословацкой республикой договором о дружбе и сотрудничестве, Советский Союз готов был в случае необходимости оказать всестороннюю помощь чехословацкому народу. Это заставило империалистов отказаться от подготовленной вооруженной интервенции против народно-демократической Чехословакии с целью свержения существующего в стране нового, прогрессивного общественного строя.

Историческое значение февральских событий заключалось в том, что реакции было нанесено решающее поражение, была окончательно устранена возможность восстановления капитализма в стране внутренними силами буржуазии, был укреплен режим народной демократии как формы диктатуры пролетариата.

Февральская победа чехословацкого народа окончательно решила вопрос о дальнейшем развитии страны по пути к социализму и упрочила братский союз Чехословацкой республики с СССР. Народно-демократическая Чехословакия решительно отбросила попытки реакции перетянуть страну в лагерь империализма и бесповоротно примкнула к лагерю мира, демократии и социализма, возглавляемому Советским Союзом. Поэтому победа чехословацкого народа в феврале 1948 г. была победой всего лагеря мира и демократии.

Февральскую победу чехословацкого народа подготовила Коммунистическая партия своей неустанной борьбой за сплочение народных масс, за интересы трудящихся. Исходя из марксистско-ленинской стратегии и тактики революционной борьбы, Коммунистическая партия вооружила рабочий класс четкой и ясной программой подхода к социалистической революции через осуществление демократических преобразований, программой завоевания диктатуры пролетариата.

Под руководством Коммунистической партии рабочий класс осуществил первоочередные демократические преобразования: демократизацию общественного строя, конфискацию и передачу крестьянству земли немцев, венг-

¹ Klement Gottwald. 1946—1948, sv. II, str. 44.

ров, а также земли врагов народа, изменил политику цен в государстве в интересах крестьянства и т. п.

Все это привело к укреплению союза рабочего класса с трудовым крестьянством — основы народно-демократического строя — и руководящей роли рабочего класса в этом союзе.

Опираясь на окрепший союз с трудовым крестьянством, используя благоприятную внешнеполитическую обстановку, созданную победой Советской Армии, рабочий класс смог вскоре после освобождения страны приступить к осуществлению такого революционного преобразования, как национализация ключевых отраслей промышленности и банков.

Только таким путем было возможно последовательное завершение демократических преобразований, последовательное развитие борьбы против носителей всякой реакции, империализма и фашизма — крупнейших промышленно-финансовых монополий.

Вместе с тем национализация в условиях наличия власти в государстве в руках рабочего класса вела к разрушению капиталистических производственных отношений и созданию новых, социалистических производственных отношений. Она знаменовала начало социального освобождения трудящихся масс от капиталистической эксплуатации.

Опиравшийся на объективный закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил пролетариат выступил в роли передового революционного класса. Он боролся за торжество новых, прогрессивных производственных отношений против реакционного класса буржуазии, отстаивавшей существование изжившего себя капиталистического базиса. Поэтому победа рабочего класса в феврале 1948 г. была победой революционного класса над реакционным классом — буржуазией.

Ожесточенная борьба за революционные преобразования имела своим последствием уяснение подавляющим большинством народа того факта, что буржуазные партии являются врагами интересов трудящихся. И, наоборот, в авангарде рабочего класса — в Коммунистической партии — они увидели защитника своих интересов, своего политического вождя и руководителя. Поэтому революционное рабочее движение в феврале 1948 г. было поддержано широким движением трудового крестьянства, боровшегося за ликвидацию помещичьего землевладения. Лишенная в значительной мере экономических позиций, не имея в своем распоряжении орудий насилия над народом, буржуазия к февралю 1948 г. оказалась без сколько-нибудь значительной политической армии и была обречена на поражение. Тем более авантюристической представляется попытка чехословацкой буржуазии низвергнуть народно-демократический строй в феврале 1948 г.

Февральская победа привела к окончательной победе в стране диктатуры пролетариата, возникшей в ходе революции.

Укрепление руководящей роли рабочего класса в борьбе за революционные преобразования вело к закономерному развитию диктатуры пролетариата и крестьянства в диктатуру пролетариата. Каждое революционное преобразование являлось ступенью в процессе становления диктатуры пролетариата. «Диктатура пролетариата, — говорил И. В. Сталин, — возникает не на основе буржуазных порядков, а в ходе их ломки, после свержения буржуазии, в ходе экспроприации помещиков и капиталистов, в ходе социализации основных орудий и средств производства, в ходе насильственной революции пролетариата»¹.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 114.

Базой, на которой создавалась и крепла диктатура пролетариата, был союз рабочего класса с трудовым крестьянством. Основы этого союза были заложены еще в доюнхенской Чехословакии и укреплены в ходе национально-освободительного движения. Упрочение союза рабочего класса и крестьянства в ходе народно-демократической революции и руководящей роли рабочего класса в нем обусловило утверждение диктатуры пролетариата.

Утверждение диктатуры пролетариата открывало дорогу для осуществления и завершения дальнейшей коренной ломки буржуазного строя в городе и деревне. Оно было неперенным условием для развертывания строительства основ социализма в стране.

После февральской победы в стране были завершены такие коренные преобразования, как национализация промышленности, оптовой и внешней торговли, как земельная реформа, была принята новая конституция, закрепившая создание новой экономической основы народно-демократического строя, его политического аппарата государственной власти, политические и социальные права трудящихся — великие завоевания чехословацкого народа. Победа рабочего класса и крестьянства в феврале 1948 г. была поэтому выдающейся исторической вехой на пути перерастания народно-демократической революции в революцию социалистическую.

Февральская победа чехословацкого народа окончательно решила вопрос о социалистическом пути развития Чехословакии.

А. Н. Куршевская

ПАДЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО СОЮЗА В БОЛГАРИИ

В конце 1919 г. в Болгарии в результате победы на выборах в Народное собрание пришла к власти мелкобуржуазная партия, пытавшаяся представлять интересы крестьянства в целом, — Болгарский Земледельческий Народный Союз (БЗНС). 6 октября 1919 г. под председательством лидера БЗНС Александра Стамболийского было сформировано коалиционное правительство в составе Земледельческого союза и партии крупной буржуазии — народняков, а 21 мая 1920 г. в результате новых выборов — однопартийное правительство БЗНС.

Приход к власти БЗНС произошел в чрезвычайно сложной и своеобразной обстановке.

В Болгарии, как и в других капиталистических странах, в условиях общего кризиса капитализма, начавшегося в период первой мировой войны, особенно в связи с отпадением Советской России от мировой капиталистической системы, в условиях обнищания и разорения масс, экономической разрухи и огромных бедствий, принесенных войной, созрели элементы революционного кризиса. Трудящиеся массы, доведенные до крайней степени истощения, поднимались на борьбу. Осенью 1918 г. произошло массовое солдатское восстание. В течение 1919 г. нарастала волна стачечного движения, достигшая высшего подъема в декабре 1919 г. в грандиозной забастовке транспортных рабочих.

Буржуазия не могла больше править по-старому. Полностью разоблачившие себя своей преступной политикой партии крупной буржуазии одна за другой были вынуждены уйти от власти.

Но господствующие классы не уступают добровольно своего господства. Сместить сопротивление отживающих классов может только общественная сила, какой является союз рабочего класса и крестьянства. Такой силы тогда в Болгарии еще не было. Созданная в мае 1919 г. Болгарская коммунистическая партия не освободилась от пережитков теснячества и не сумела создать тогда боевого союза рабочих и крестьян.

В этой обстановке своеобразного равновесия сил, когда буржуазия уже не могла осуществлять свое господство прежними методами, а пролетариат еще не мог взять власть в свои руки, БЗНС и идущее за ним крестьянство объективно оказались орудием в руках буржуазии против пролетариата. Буржуазия временно отошла на задний план, чтобы собраться с силами.

Как внутренняя, так и внешняя политика правительства БЗНС была непоследовательна и глубоко противоречива.

Проповедуя идею «крестьянской диктатуры» и считая центральной фигурой общества мелкого производителя — крестьянина, руководители земледельческого правительства пытались провести реформы, задевавшие интересы крупной буржуазии, но в то же время выступали против пролетариата и его партии. Подобно всем прочим мелкобуржуазным демократам, они хотели не уничтожения капитализма, а лишь смягчения его противоречий. Буржуазная государственная машина сохранялась, экономические командные высоты оставались в руках крупной буржуазии.

Однако несмотря на то, что у руководства организациями БЗНС стояла зажиточная верхушка деревни, основную членскую массу Земледельческого союза составляли бедняки и середняки, с интересами которых в условиях возрастающей активности масс нельзя было не считаться. Под влиянием идей Великой Октябрьской социалистической революции и героического примера трудящихся Советской России, побеждавших своих врагов и закладывавших основы нового, социалистического строя, пробуждалось сознание самых широких слоев трудящихся Болгарии. Поэтому Земледельческий союз пошел дальше своих первоначальных требований.

Реформы земледельческого правительства (закон о наказании виновников войны, реорганизация налоговой системы, монополия внешней торговли хлебом, аграрная реформа, всеобщая трудовая повинность, закон о водных синдикатах, реорганизация школы и т. д.) в своем первом варианте отражали демократические стремления трудящегося крестьянства, изнывавшего под гнетом крупных монополий и полуфеодальных пережитков в деревне. Но в эпоху империализма, когда все противоречия капиталистической системы доходят до крайней степени, подлинным последовательным борцом за демократию может быть только рабочий класс. В союзе с пролетариатом и под его руководством крестьянство выступает решительным борцом за демократический переворот. Только рабочий класс, как гегемон революции, может подавить сопротивление реакции и осуществить демократизацию общества.

Без руководства со стороны рабочего класса крестьянство, не дифференцированное от своего врага, а связанное с ним тысячью нитей, потому что мелкое товарное производство постоянно выделяет и не может не выделять капиталистические элементы, не в состоянии претворить в жизнь собственные демократические требования. Этим определялся и крах политики Земледельческого союза, отражавшего колебания и слабость крестьянства. Реформы, задуманные как широкие мероприятия для реорганизации общества, в ходе своего создания переделывались и изменялись под давлением крупной буржуазии, демократическое же содержание их выхолащивалось.

Так, всеобщая трудовая повинность, имевшая своей первоначальной целью привлечение паразитических классов к производительному труду, очень скоро превратилась в принудительный труд лишь для рабочих и крестьян, так как последняя редакция закона допускала денежный выкуп вместо отбывания повинности. Налог на общий доход, задуманный как прогрессивно-подходящий налог с высокими ставками обложения крупного капитала, несколько раз пересматривался, в результате чего прогрессивное возрастание ставок было резко снижено, основная тяжесть обложения по-прежнему лежала на трудящихся. Единовременный налог на капитал так и не был введен, подготовленный законопроект был снят с обсуждения. Государственно-кооперативная монополия внешней торговли хлебом (консорциум) превратилась в ширму для деятельности хлебных торговцев, а потом

была отменена совсем. Налог на прибыли, полученные во время войны, взимался через старый буржуазно-монархический аппарат власти и давал ничтожные результаты. От суда над виновниками войны, проведение которого было поручено старым судам, ускользнули все ее действительные виновники. Аграрная реформа (закон о трудовой поземельной собственности), осуществляемая назначаемыми сверху комиссиями, не дала сколько-нибудь ощутимых итогов. Уже к осени 1921 г. внутренняя политика земледельческого правительства потерпела полный крах. С начала 1922 г. реакция перешла в наступление¹.

Настоящая статья имеет целью рассмотреть обстоятельства, подготовившие падение правительства Земледельческого союза и фашистский переворот 9 июня 1923 г.

КОНСОЛИДАЦИЯ АНТИНАРОДНЫХ ПРОФАШИСТСКИХ СИЛ В БОЛГАРИИ К НАЧАЛУ 1922 г.

Крупная буржуазия готовилась к борьбе за восстановление всей полноты своей политической власти. С этой целью буржуазные партии приступили к реорганизации своих рядов. Полностью обанкротившиеся, дискредитировавшие себя в глазах народа, они не могли выдвигать свои прежние лозунги и программы. Ни одна из буржуазных партий, выступая в отдельности, не могла рассчитывать на успех. Единственным выходом для них являлось объединение всех реакционных сил. Платформой буржуазного блока была борьба якобы «за восстановление поправленных земледельческим правительством демократических прав и свобод». В устах буржуазных политиков лозунги «чистой демократии» служили целям гнуснейшего обмана народа.

Подготовка к созданию блока началась уже в середине 1921 г. Выступая в июне 1921 г. в клубе народняков, А. Буров говорил о необходимости объединения партий². Вскоре народняки и народные прогрессисты слились в общую партию объединенцев с печатным органом «Мир». Кроме того, они стали издавать якобы независимую газету «Ден».

В середине марта 1922 г. буржуазные партии создали в Софии так называемое общегражданское собрание. Подлинные инициаторы его скрывались за спиной неких «нейтральных культурных бюро». В собрании, помимо народняков и демократов, участвовали также и болгарские оппортунисты — широкие социалисты. Выступивший на собрании генерал Луков сожалел об «унизительной участи» болгарского офицерства³. С самых первых шагов будущего «блока» мы видим тесную связь его с монархическим офицерством, а также поддержку его «широкими».

10 апреля начала выходить газета «Слово», которую финансировали крупные капиталисты, в частности табачные торговцы. Редактором ее был Александр Греков — директор Объединения экспортеров и фабрикантов табака. Передовая статья первого номера так формулировала задачи газеты: «В области внутренней политики газета будет выступать в защиту конституционных прав и правового порядка, за воспитание чувства гражданского долга и... государственной идеи. Газета будет бороться против узко партийного духа, против сословности, вообще — против всякого рода крайно-

¹ Подробнее о первом периоде пребывания у власти Земледельческого союза (1920—1921) см. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. X.

² «Работнически вестник», 29.VI 1921 г.

³ «Земледельско знаме», 23.III 1922 г.

⁵ Ученые записки, т. XI

стей... В области хозяйства — за обеспечение простора действий частной инициативы»¹. В действительности задачей газеты было сплочение сил буржуазии в единый блок для свержения правительства Стамболийского.

В середине апреля переговоры между народниками и демократами закончились успешно. Обе партии договорились о создании блока для борьбы за власть, а затем для совместного управления². 30 апреля блок, окончательно оформившийся и принявший название «Конституционного блока», провел публичное собрание в Софии³. В блоке недоставало лишь «широких»⁴, и газета «Радикал», указывая на Италию, где парламентская группа социал-предателей во главе с Туратти сотрудничала с буржуазией, спрашивала, почему «широкие» не хотят последовать примеру итальянских социал-демократов⁵. Это было прямым приглашением. Но «широкие», опасаясь окончательно потерять влияние, которое они еще имели среди некоторых, наиболее отсталых, слоев рабочих, не решились ему последовать. Широкие социалисты предпочли, оставаясь формально вне блока, оказывать ему фактическую поддержку. Они клеветали на Коммунистическую партию и призывали к свержению земледельческого правительства.

Руководители Земледельческого союза не понимали всей глубины опасности, связанной с усилением активности антинародных сил. Правда, 20 февраля 1922 г. ближайший соратник Стамболийского Р. Даскалов выступил в газете «Земедельско знаме» со статьей с мобилизующим якобы заголовком: «Фронт справа»⁶. Но статья эта, наполненная обычными для земледельцев измышлениями о некоей «средней линии» и о необходимости бороться как с «правыми» (партиями крупной буржуазии), так и с «левыми» (коммунистами) и утверждавшая, что лишь на данном этапе «правый фронт» представляет наибольшую опасность, свидетельствовала о том, что руководители Земледельческого союза продолжали оставаться на своей порочной позиции. Отказываясь от союза с коммунистами, они не могли правильно оценивать расстановку классовых сил. К факту блокирования буржуазных партий Стамболийский относился с пренебрежением, ошибочно полагая, будто объединение приведет к их ослаблению⁷.

Только Болгарская коммунистическая партия — подлинная защитница интересов трудящихся — последовательно и настойчиво сигнализировала об опасности, разоблачая коварные замыслы буржуазии. Она раскрывала глаза народа на то, что «Конституционный блок» представляет собой блок виновников народной катастрофы, которые хотят снова вернуться к власти, переложить все тяготы послевоенного кризиса на плечи народа, подготовить новую войну.

* * *

Помимо политических партий, крупная буржуазия имела еще ряд своих организаций: союз акционерных обществ, союз владельцев мельниц, союз крупных земельных собственников, союз промышленников и т. д.

¹ Е. Стайков и Ц. Стефанов. Болгарския печат от 1918 до 1944. София, 1949, стр. 5.

² «Работнически вестник», 18.IV 1922 г.

³ «Работнически вестник», 3.V 1922 г.

⁴ О включении в блок либералов, объединившихся к тому времени в одну общую «национал-либеральную» партию, не могло быть и речи, так как они потеряли всякое влияние даже среди буржуазии.

⁵ «Работнически вестник», 8.VI 1922 г.

⁶ «Земедельско знаме», 20.II 1922 г.

⁷ «Земедельско знаме», 14.III 1922 г.

В первой половине 1922 г. было создано новое акционерное общество «Стопанско развитие», капитал которого в сумме 2 млн. левов был составлен из взносов крупнейших банков и акционерных обществ. К этому обществу перешло редактирование и издание газеты «Слово»¹.

Все это были легальные формы объединения. Одновременно происходило укрепление и развитие нелегальных организаций и ударных сил, на которые опиралась крупная буржуазия в своей борьбе за установление фашистской диктатуры.

Одной из таких сил была «Военная лига». Еще до прихода земледельческого правительства к власти, в январе 1919 г. в Шумене, где был расположен самый большой после софийского гарнизон, была основана тайная военная организация монархически настроенных офицеров. Эта организация впоследствии стала известна под именем «Военной лиги». Номинально ее целями было сохранить дисциплину в армии и скрыть как можно больше оружия от комиссии Антанты, спрятав его на частных квартирах. Однако намерения организаторов «Лиги» шли дальше. Вопреки заявлению об отказе от вмешательства армии в политическую жизнь страны, организация готовилась именно к такому вмешательству. С этой целью ее инициаторы связались с дворцом. Царь Борис стал подлинным ее вдохновителем. «Лига» быстро развивалась и охватила офицерство 7 из 10 дивизий. В софийском гарнизоне была создана аналогичная организация². Когда к власти пришло коалиционное правительство Стамболийского, деятельность «Военной лиги» активизировалась.

«Военная лига» поставила своей задачей захватить в свои руки ответственные посты в военном министерстве. По решению «Лиги» ее председатель — полковник С. Василев — был назначен начальником канцелярии военного министерства. Народ требовал демократизации армии, и именно сюда, в канцелярию министерства, приходили многочисленные решения низовых организаций Земледельческого союза — земледельческих дружб — с требованиями уволить или переместить отдельных реакционно настроенных офицеров. «Могу с удовольствием отметить, — писал впоследствии С. Василев, — что пока я занимал пост начальника канцелярии — до 15 мая 1920 г., не была удовлетворена ни одна просьба, ни одно решение дружб»³.

Опасаясь раскрытия своих связей, Василев перешел затем на должность начальника военного училища, а осенью 1920 г. вместе с группой высших офицеров ушел в отставку, ни на день не прерывая своей активной подпольной деятельности.

Согласно статьям 65 и 66 мирного договора в Нейи, Болгарии разрешалось иметь только наемную армию не более чем в 20 тыс. человек. В связи с этим большое число кадровых офицеров и унтер-офицеров оказалось вне армии. К маю 1920 г. было уволено 1449 офицеров и подлежало увольнению еще 1649 человек⁴. Единственной профессией этих людей была военная служба, и теперь они представляли собой силу, которая могла быть использована для реакционного переворота. Сюда и перенесли центр своего внимания руководители «Военной лиги». Уволенные в запас офицеры — члены «Лиги» — получали задание любой ценой пробраться к руководству суще-

¹ «Работнически вестник», 14.VI 1922 г.

² Н. Агънски. 1923-а година. София, 1946, стр. 34—35.

³ С. Василев. 9 юний и събития около Т. Пазарджик. Пловдив, 1924, стр. 8.

⁴ Дневници (стенографски) на XIX Обикновено Народно Събрание, I извънредна сесия, кн. I, стр. 271 (В дальнейшем — Дневници на... ОНС, и. с. (или р. с. — редовна сесия).

ствовавшего легально Союза запасных офицеров, чтобы использовать эту организацию для борьбы с правительством. В Союз запасных офицеров привлекались также и активные члены реакционных партий крупной буржуазии, включая и бывших министров¹.

Коммунистическая партия Болгарии допустила в этот период ошибку, создав отдельный, параллельно действующий, Союз запасных офицеров и унтер-офицеров и фактически отказавшись вести работу в существующей, хотя бы и реакционной, организации. Этим самым коммунисты оказывались изолированными от всей массы запасных офицеров и унтер-офицеров и лишались возможности действительно бороться против превращения Союза в оплот реакции².

«Военная лига» имела также свою агентуру в самом государственном аппарате. Как утверждает С. Василев, адъютант Стамболийского, некто П., изменив Земледельческому союзу, вошел в контакт с «Лигой».

В октябре 1920 г. состоялась встреча Василева с будущим главой контрреволюционного переворота Ал. Цанковым и некоторыми другими представителями буржуазных партий. Было решено готовиться к свержению земледельческого правительства³.

Земледельческое правительство уже весной 1920 г. имело сведения о деятельности «Военной лиги» и даже проводило, как оно уверяло, «борьбу» с ней. Однако практических результатов эта борьба не дала. В феврале 1921 г., т. е. в то самое время, когда «Лига» усиливала свою деятельность среди запасных офицеров и укрепляла свои организационные связи, Стамболийский, выступая на XVI съезде БЗНС, утверждал, что «Военной лиги» более не существует⁴.

Помимо «Военной лиги», реакция опиралась также на кадры террористических организаций македонских националистов.

«Македонский вопрос» и «македонское движение» издавна служили полем безудержной политической спекуляции как со стороны великосербских, так и со стороны великоболгарских шовинистов. Те и другие стремились использовать в собственных корыстных целях борьбу македонского народа за свое освобождение. В начале 90-х годов, вскоре после того, как в Салониках была создана Внутренняя македонская революционная организация (ВМРО), которая объединила деятелей македонского освободительного движения, стремившихся бороться за освобождение Македонии революционным путем, болгарский царь Фердинанд, намереваясь захватить руководство движением в свои руки, создал в Болгарии параллельную организацию, так называемый Македонский верховный комитет, перед которым поставил задачу добиваться присоединения Македонии к Болгарии. Участники Македонского верховного комитета получили название «верховистов». Несколько позднее, в 1902 г., на средства сербского правительства в Белграде была создана аналогичная организация, ставившая целью борьбу за присоединение Македонии к Сербии. История македонского движения полна фактами борьбы этих организаций, грязных провокаций, убийств честных македонских деятелей террористическими шайками верховистов и сербских националистов.

¹ Н. Агънски. Указ. соч., стр. 38.

² Эта ошибка была исправлена несколько позднее.

³ С. Василев. Указ. соч., стр. 14.

⁴ А. Стамболийский. Земледельско управление. София, 1921, стр. 49. Можно предположить также, что притуплению бдительности Стамболийского способствовало отчасти и то обстоятельство, что упоминавшийся уже руководитель «Лиги» — полковник С. Василев был его земляком и однокашником. Н. Агънски. Указ. соч., стр. 82.

В 1919 г. руководители верховистов Александров и Протогеров в числе других виновников войны были арестованы, но им удалось бежать. Протогеров скрылся за границу, а Александров стал членом «Военной лиги» и начал восстанавливать верховистскую организацию. Он собирал и комплектовал небольшие группы террористов, которые должны были стать ядром организации для свержения земледельческого правительства. Македонские националисты выпускали газеты «Илинден» и «Македония», на страницах которых они развернули яростную кампанию против земледельческого правительства. Одновременно террористические банды организовывали убийства деятелей Коммунистической партии и Земледельческого союза¹. В середине 1922 г. произошло слияние «Союза македонских благотворительных братств», как именовалась националистическая организация Александрава, с остатками федералистов — Македонской федеративной организацией².

Наибольшие свои надежды болгарская реакция возлагала, однако, на находившиеся в Болгарии остатки разбитых Красной Армией врангелевских войск.

Согласно секретной сводке штаба врангелевцев, в январе 1922 г. на территории Болгарии в кадровых частях находилось 6708 офицеров и 12 457 солдат. Кроме того, в различных подсобных военных организациях было 1829 человек, т. е. всего около 21 тыс. вооруженных людей. Они имели около 25 тыс. винтовок, 156 пулеметов и около 1,5 млн. патронов³.

Врангелевские части расположились в Болгарии, как у себя дома. Они имели свои учреждения и военные училища и вели телеграфную переписку, пользуясь шифром. Военные суды творили расправу над начавшими проявлять недовольство солдатами. На территории Болгарии, без ведома болгарских судебных властей, выносились и приводились в исполнение смертные приговоры. Представляя собой как бы государство в государстве, эта контрреволюционная сила вмешивалась и во внутренние дела Болгарии. Так, например, в Орхание белогвардейский гарнизон выставил ночью на улицах свой патруль, а начальник гарнизона обнаглел до того, что отправил угрожающее письмо местной организации Коммунистической партии, обещая «расправиться» с ней⁴.

Активизация деятельности белогвардейских подонков в этот период объяснялась двумя обстоятельствами. Во-первых, несмотря на возросший авторитет Советской России на международной арене и на провал расчетов империалистов покончить с Советской властью, используя голод в Поволжье, среди империалистических хищников имелись еще группы, которые не оставляли надежды возобновить военное нападение на страну Советов. На эти именно группы и ориентировались врангелевские главарь, усилением своей активности стремясь показать, что они еще пригодны для роли душителей народа. Во-вторых, внутри врангелевских войск начался процесс разложения. Амнистия, объявленная Советским правительством, вызвала среди солдат и даже среди части офицеров движение за возвращение на родину. Этот процесс не смогли приостановить ни безудержный террор, ни приговоры военных судов.

Болгарская буржуазия открыто поддерживала эту антинародную силу, представлявшую серьезную угрозу для безопасности болгарского государства.

¹ Д. Г. Кьосев. Борбите на македонския народ за освобождение. София, 1950, стр. 121—123.

² «Дневник», 24.VI 1922 г.

³ «Работнически вестник», 3.VI 1922 г.

⁴ «Работнически вестник», 9.III 1922 г.

Буржуазные газеты гостеприимно предоставили свои страницы материальному контрреволюционеру и провокатору А. Бурцеву, который открыто заявлял, что врангелевская армия готовится к нападению на Советскую Россию, и призывал Болгарию принять участие в этом нападении¹.

Земледельческое правительство заняло по отношению к врангелевским войскам позицию невмешательства.

Приняв подсказанную крупной буржуазией формулировку, руководители земледельческого правительства упорно твердили, что в Болгарии нет якобы никаких войск, а есть только «русские беженцы».

Коммунистическая партия последовательно разоблачала эту ложь, настойчиво боролась за изгнание врангелевских войск из страны. 21 декабря 1920 г. ЦК БКП(тс) опубликовал обращение, в котором приводились документы, доказывавшие, что в страну впущены иностранные войска, борющиеся против Советской России, и что они получают от болгарского правительства оружие. Коммунистическая партия проводила широкую кампанию по разоблачению этих враждебных Советской России и опасных для Болгарии действий². 26 декабря 1921 г. коммунистическая фракция внесла в Народное собрание запрос по поводу пребывания в Болгарии врангелевских войск и их действий³. Но земледельческое правительство медлило с принятием решительных мер.

В начале 1922 г. крупная буржуазия при помощи дворца создала тайную фашистскую организацию «Народный сговор», которая явилась своего рода политическим штабом «Военной лиги».

В момент революционного кризиса осенью 1918 г., когда под натиском мощного народного движения Фердинанд был вынужден отречься и бежать в Германию, институт монархии все же сохранился. Уцелел он и в последующий период острых классовых боев 1919 г. В этом в немалой степени повинен Земледельческий союз, поддерживавший и «теоретически обосновывавший» свойственные впервые приобщившимся к политике широким массам мелкобуржуазные иллюзии о возможности сочетания «народовластия» и монархии⁴.

Излюбленной формулой Стамболийского было сравнение монархии со змеей, которая сидит в кошелке, наполненной яйцами. «Вопрос тактики, а не принципа, — говорил он на XVI съезде БЗНС, — как можно удалить змею, чтобы ее убить, не разбив яиц». Владайское восстание он называл неудачной попыткой это сделать. Стамболийский хотел бы бескровной революции, но, сознавая, что она невозможна, звал народ к примирению с монархией⁵.

В то же время Стамболийский тешил себя надеждой, что царь послужит ему оплотом против возможного переворота со стороны «Военной лиги»⁶.

Стамболийскому был нужен царь, который «царствует, но не управляет», который решительно ничем не проявляет себя, царь «над партиями и вне партий», как некое воплощение воображаемого равновесия классов. Он полагал, что такого царя он нашел в лице Бориса. При условии невмешательства последнего в управление государством Стамболийский создавал ему ореол «царя-демократа», царя, который в любой момент может быть из-

¹ «Работнически вестник», 15.III 1922 г.

² Дневници на XIX ОНС, II р. с., кн. 4, стр. 3244.

³ Там же, кн. 2, стр. 975—976.

⁴ Там же, кн. 3, стр. 2074.

⁵ А. Стамболийский. Указ. соч., стр. 113.

⁶ Там же, стр. 123.

бран председателем республики. «Мы ныне имеем настоящую земледельческую республику, председателем которой является царь Борис III», — говорил он¹.

Подобные заблуждения были как нельзя более на руку реакционерам. Более хитрый и тонкий политик, нежели его отец, Борис учитывал веяния времени и приспособлялся к ним. Он охотно принял предложенную роль, ибо она служила ему прекрасной маскировкой. Борис подписывал законы земледельческого правительства и разъезжал со Стамбульским по стране «для общения с народом», но в то же время вел тайную работу по организации и сплочению антинародных, профашистских сил. Дворец с его окружением являлся подлинным гнездом реакции.

С дворцом была связана и под его руководством действовала тайная масонская организация, поставившая своей задачей вовлечение в контрреволюционные масонские ложи ответственных сотрудников министерств, которые не могли быть членами «Военной лиги». В тесной связи с дворцом развивал свою деятельность тайный фашистский военный союз «Кубрат», вербовавший своих членов главным образом среди молодежи.

Кроме того, в руках Бориса была особая тайная дворцовая полиция с разветвленной сетью агентов, созданная еще Фердинандом, помимо государственной тайной полиции.

Своеобразные «совместители», занимавшие ответственные посты одновременно в нескольких тайных организациях, осуществляли связь между «Военной лигой», македонскими террористами, масонами, кубратистами и легальным Союзом запасных офицеров².

Перед Земледельческим союзом и его правительством, твердившими о возможности «чистой демократии» в классовом обществе, стоял до зубов вооруженный противник.

ЗАГОВОР ВРАНГЕЛЕВЦЕВ И ЕГО РАСКРЫТИЕ. УЛЬТИМАТУМ МЕЖСОЮЗНИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Стремления болгарской реакции использовать в качестве ударной силы для фашистского переворота находившиеся в Болгарии остатки врангелевской армии совпадали с желаниями врангелевских главарей и их покровителей — англо-американских империалистов. И тех и других больше всего устраивало установление в Болгарии фашистского режима и превращение страны в плацдарм для нападения на Советскую Россию. Врагам болгарского и русского народов нетрудно было сговориться.

С начала 1922 г. расквартированные в разных городах Болгарии врангелевские части начали проявлять подозрительную активность. Происходила передвижка частей и их концентрация. Усилилась деятельность военно-полевых судов. С 20 января врангелевцы приступили к усиленным строевым занятиям. Проводилась перерегистрация личного состава и готовились приказы о мобилизации.

Болгарская коммунистическая партия забила тревогу по поводу готовящегося переворота. Коммунистическая печать и в первую очередь газета «Работнически вестник» последовательно разматывала нити заговора и показывала глубину опасности, возникшей перед болгарским народом. Под руководством Коммунистической партии по всей стране поднялась волна народного протеста против заговорщиков. Коммунистическая партия требо-

¹ А. Стамболийский. Указ. соч., стр. 123.

² Н. Агънски. Указ. соч., стр. 40—42.

вала от земледельческого правительства решительных действий по отношению к врангелевским главарям и их болгарским сообщникам. Центральный Комитет привел партию в боевую готовность. Массовые митинги охранялись коммунистическими вооруженными отрядами.

17 марта в Софии состоялось большое собрание протеста. «Вон из Болгарии контрреволюционные штабы и генералов!», — требовала резолюция собрания¹.

В тот же день коммунистическая фракция в Народном собрании заявила решительный протест против пребывания в Болгарии врангелевцев и категорически потребовала от правительства ответа на запрос по этому поводу, внесенный еще в декабре².

Митинги и собрания проходили по всей стране.

Под натиском мощного народного движения правительство приняло решение обезоружить находившиеся в стране врангелевские войска. Однако это решение выполнено не было. Начальник болгарского генерального штаба полковник Топалджиков дал разрешение каждой врангелевской учебной части иметь по 6 пулеметов и 100 винтовок³. По улицам Софии продолжали ходить врангелевские офицеры в полном вооружении⁴.

Между русскими белогвардейцами и болгарской военщиной существовали тесные связи. Болгарское интендантство бесплатно снабжало врангелевские части обмундированием. Как установили коммунисты, тот же полковник Топалджиков в январе 1922 г. приветствовал собравшихся в военном клубе врангелевцев⁵.

26 марта в Софии, Пловдиве, Варне, Тырново, Габрово, Стара-Загоре и других городах вновь состоялись многолюдные митинги⁶.

Народное возмущение нашло свое выражение в грандиозном митинге протеста, организованном Коммунистической партией 30 марта в Софии. «Долой новую войну против единственной нашей надежды и опоры, против братской нам Советской республики!» — так заканчивалась резолюция митинга⁷.

Подозрительная деятельность врангелевцев в Болгарии и преступное попустительство со стороны болгарских властей не укрылись от внимания Советского правительства. 3 апреля 1922 г. Наркоминдел Украины обратился к болгарскому правительству с нотой протеста в связи с враждебными действиями врангелевцев.

Указывая на факты, свидетельствующие о поддержке со стороны болгарского правительства белогвардейцев, стремившихся нарушить безопасность и мирный труд советского народа, Наркоминдел настаивал, чтобы болгарское правительство приняло все меры к устранению этих угроз⁸. В ответной ноте заместитель председателя совета министров Р. Даскалов повторил утверждение о том, что врангелевские солдаты были допущены на территорию Болгарии лишь как «беженцы» и были якобы разоружены сразу после высадки. Далее Даскалов заверял, что болгарское правительство «приняло все меры... чтобы парализовать всякие действия, направленные против

¹ «Работнически вестник», 18.III 1922 г.

² Дневници на XIX ОНС, II р. с., кн. 3, стр. 2073.

³ «Работнически вестник», 25.III 1922 г.

⁴ «Работнически вестник», 27.III 1922 г.

⁵ Дневници на XIX ОНС, II р. с., кн. 4, стр. 3245.

⁶ «Работнически вестник», 27.III 1922 г.

⁷ «Работнически вестник», 1.IV 1922 г.

⁸ «Известия ВЦИК», 26.IV 1922 г.

Украинской республики, которые могли бы быть подготовлены среди русских беженцев в Болгарии»¹.

Однако никаких эффективных мер, помимо упоминавшегося уже распоряжения о разоружении, оставшегося невыполненным, принято не было. Активность белогвардейских банд, вдохновляемых и поддерживаемых «Конституционным блоком», возросла.

Против болгарского народа в этот период готовился двойной удар. Помимо активизации врангелевцев, в действие был приведен и такой мощный рычаг, находившийся в распоряжении международной реакции, как мирный договор в Нейи, и созданная в соответствии с ним комиссия по репарациям.

После отзыва из Болгарии союзнических оккупационных войск англо-французские империалисты продолжали хозяйничать в Болгарии через Межсоюзническую комиссию и комиссию по разоружению. Эти комиссии, содержание многочисленного штата которых было возложено на Болгарию, обходились болгарской казне во много миллионов левов.

Согласно официальным сведениям, министерство финансов до 1 января 1922 г. израсходовало на комиссию по репарациям и на аренду помещения для военной комиссии 53,7 млн. левов. Кроме того, французская делегация при военной комиссии представила болгарскому правительству счета на 20 млн. левов. На арбитражные суды в Париже, Лондоне и Риме еще до начала их функционирования было истрачено 1,8 млн. левов, на комиссию по греческому и болгарскому переселению (согласно конвенции об обмене беженцами) — 3 млн. левов, на международную дунайскую комиссию — 1 млн. левов, на организацию Лиги Наций — 12 млн. левов, на перевозочные средства, материалы и другие расходы комиссии — 30,5 млн. левов. Расходы на содержание войск Антанты от перемирия до 30 января 1922 г. составили 395,6 млн. левов, расходы по передаче скота Сербо-Хорватословенскому королевству, Греции и Румынии — 169 млн. левов и расходы по передаче угля этим же государствам — 124 млн. левов².

Таким образом, за сравнительно короткий срок Болгария вынуждена была выплатить на расходы, связанные с выполнением мирного договора, свыше 800 млн. левов. И в то же время в счет основного репарационного долга (2,25 млрд. золотых левов) не было уплачено ни копейки.

Финансовое положение Болгарии с учетом этого огромного долга было катастрофическим. Болгария задолжала за 1921 и 1922 гг. около 200 млн. золотых франков (более 6 млрд. бумажных левов), т. е. сумму, которая почти вдвое превышала государственственный бюджет³. Около года шла переписка между болгарским правительством и Межсоюзнической комиссией, представлявшей в Болгарии комиссию по репарациям, об отсрочке этих совершенно невыполнимых обязательств. В руках англо-французских империалистов репарационный долг был мощным средством давления на болгарское правительство с целью наиболее полного экономического закрепощения страны.

Признавая репарации непомерно большими и невыполнимыми, руководители земледельческого правительства тем не менее заверяли, что Болгария во что бы то ни стало будет платить. «Вопреки всему мы все же говорим — мы будем честно платить!» — утверждал военный министр К. Томов на массовом собрании в Русе 21 декабря 1921 г.⁴ 10 января 1922 г. болгарское

¹ «Известия ВЦИК», 26.IV 1922 г.

² Дневники на XIX ОНС, II р. с., кн. 2, стр. 1349—1350 и 1363.

³ «Работнически вестник», 4.IV 1922 г.

⁴ К. Томов. Политика външна и вътрешна на БЗНС. София, 1922, стр. 6.

правительство уведомило Межсоюзническую комиссию, что оно приняло и постоянно принимает меры для сокращения расходов и увеличения доходов, но все же не видит возможности предусмотреть в ближайшем бюджете полностью суммы на покрытие уплат по репарационному долгу, и в связи с этим снова просило дать отсрочку на 3 года¹. Не дожидаясь ответа, министерство внутренних дел разослало окружным управителям и околийским начальникам телеграмму о том, что главная комиссия по репарациям в Париже пошла навстречу болгарским требованиям и отложила уплату очередных взносов по репарационному долгу на 3 года². Вскоре сообщения об этом появились в газете БЗНС «Земеделско знаме» и полуофициозе правительства газете «Победа». Последняя в восторженной статье воспевала дипломатический гений Стамболийского, который во время своего путешествия за границу завоевал якобы сердца государственных деятелей стран Антанты и добился отсрочки уплаты по репарациям³.

Однако сразу же после этих победных реляций земледельческой прессы Межсоюзническая комиссия опубликовала коммюнике, в котором сообщала, что никакой отсрочки не дано и что она изучает бюджет Болгарии на 1922 г. с тем, чтобы включить в него суммы для уплаты репараций⁴. 1 марта 1922 г. Межсоюзническая комиссия потребовала включения в бюджет 300 млн. левов кредита на уплату очередных взносов. 16 марта в дополнение к этой ноте был дан список статей дохода, которые Межсоюзническая комиссия требовала передать ей для обеспечения уплаты репарационного долга.

В этот список входили: 1) Таможенные пошлины. 2) Доходы от использования подземных богатств. 3) Водочная монополия, или налог на напитки. 4) Увеличенный налог на табак. 5) Налог с оборота. 6) Налог на использование лесов (который должен быть установлен). 7) Сборы с разных сельскохозяйственных продуктов. 8) Сборы с сахара, каменного угля, налог на перевоз, монополия на курительную бумагу и т. п.⁵

28 марта, в самый разгар борьбы народных масс против заговора врагелевцев, Межсоюзническая комиссия предъявила болгарскому правительству в ультимативной форме новую ноту. Болгарии давалась отсрочка до 1 июня 1924 г. Уплата репарационного долга должна была производиться равномерными взносами 2 раза в год, но с остающейся суммы долга Болгария должна была платить 5%, начиная с января 1922 г. из расчета сложных процентов. За эту чисто фиктивную уступку (общая сумма долга при этих условиях фактически возрастала с 2250 до 2604,6 млн. золотых франков) англо-французские империалисты требовали экономического подчинения страны. Нота сопровождалась конвенцией, содержание которой сводилось к следующему. Бюджеты на 1922/23 и 1923/24 годы должны быть составлены без дефицита и предусматривать сверх того 10 млн. золотых франков в 1922/23 году и 30 млн. золотых франков в 1923/24 году для уплаты взносов по репарационному долгу.

Прямые налоги должны составлять 25% всех доходов государства, причем 60% всех прямых налогов должно падать на сельское население и лишь 40% — на городское.

¹ С. Обрейков. Българските държавни дългове и поспециално репарационният дълг. Пловдив, 1928, стр. 104.

² «Работнически вестник», 13.II 1922 г.

³ «Работнически вестник», 14.II 1922 г.

⁴ «Работнически вестник», 22.II 1922 г.

⁵ С. Обрейков. Указ. соч., стр. 105.

Правительство должно было до 30 апреля провести через Народное собрание законопроект об ограничении выпуска банкнот, а также о распределении таможенных доходов и о контроле над ними.

Все доходы от государственных угольных шахт предназначались для уплаты репарационного долга. На этих шахтах должен был быть установлен контроль Межсоюзнической комиссии. В дальнейшем без согласия Межсоюзнической комиссии не могли быть даны никакие концессии.

Межсоюзническая комиссия оставляла за собой право одобрять и изменять бюджеты, а также и все законы, касающиеся дополнительных кредитов.

Получив иностранный заем, правительство должно было выделить значительную часть его на уплату репарационного долга.

В случае невыполнения условий конвенции Межсоюзническая комиссия, совместно с правительствами союзных государств, могла принять принудительные меры.

Срок ультиматума устанавливался до 30 апреля 1922 г.

В случае непринятия конвенции до 30 апреля Межсоюзническая комиссия угрожала немедленно взыскать необходимые суммы по текущим взносам¹.

Ультиматум Межсоюзнической комиссии представлял собой развернутую программу экономического порабощения Болгарии, прямое и неприкрытое посягательство на ее национальный суверенитет.

Несмотря на то, что текст этого ультиматума сохранялся в тайне и даже обсуждение его происходило на закрытом заседании Народного собрания, сообщения о нем проникли в печать и вызвали серьезную тревогу в стране. Все честные болгарские патриоты — рабочие, крестьяне, мелкие служащие — выражали свое возмущение наглым вмешательством империалистов во внутренние дела страны.

Предавая национальные интересы, буржуазные партии и здесь выступили в своей обычной роли. Лицемерно скорбя по поводу ультиматума Межсоюзнической комиссии, они в то же время развешивали агитацию в пользу его принятия. «Эти условия не являются исключительными: другие страны неоднократно принимали при различных обстоятельствах установление гарантий подобного рода и имели от этого пользу... Болгария должна принять известный контроль и передачу источников дохода, чтобы гарантировать различные финансовые операции», — писала газета «Дневник»².

Среди противников принятия конвенции отчетливо выявились две линии.

Коммунистическая партия, как всегда, обратилась к массам. Под ее руководством 9 апреля в рабочих районах Софии и в других городах Болгарии прошли массовые митинги протеста³. 12—13 апреля состоялось заседание партийного совета, в решениях которого была дана оценка огромной опасности, возникшей перед болгарским народом в связи с ультиматумом Антанты и усилением активности врангелевцев⁴.

Земледельческое правительство попрежнему возлагало все свои упования лишь на милость «великих держав», именно на те империалистические правительства, в чьих интересах и был составлен план экономического

¹ С. Обрейков. Указ. соч., стр. 106—109.

² «Дневник», 21.IV 1922 г.

³ «Работнически вестник», 10.IV 1922 г.

⁴ «Работнически вестник», 18.IV 1922 г.

удушения Болгарии. Большие надежды оно также возлагало на конференцию в Генуе.

Важнейшим событием международной жизни этого периода был созыв 10 апреля 1922 г. в Генуе европейской финансово-экономической конференции с участием Советской России.

Потерпев провал своих планов экономического удушения Советской России, империалисты были вынуждены договариваться с ней, пригласив ее на конференцию. Они рассчитывали применить к Советской России метод организованного давления. Однако эти замыслы разбились о позицию советской делегации. Советское правительство выдвинуло программу экономического восстановления Европы на основе мирного сотрудничества. Особенно широкий отклик среди трудящихся капиталистических стран вызвало советское предложение о всеобщем разоружении. Выступления советских делегатов излагались и сочувственно комментировались в Болгарии не только коммунистической, но и земледельческой печатью.

Болгария также была приглашена участвовать в Генуэзской конференции. Принимая за чистую монету лживые заявления организаторов конференции, будто их целью является оказание экономической помощи в восстановлении малых стран, земледельческое правительство ждало от Генуэзской конференции чуть ли не избавления от всех зол и напастей.

18 апреля болгарская делегация представила Генуэзской конференции меморандум, в котором подробно излагала тяжелое финансовое положение страны и, ссылаясь на статью 122 мирного договора¹, просила отсрочки уплаты по репарациям². Выступив с большой речью, Стамболийский поставил вопрос о нацменьшинствах, о выходе Болгарии к Эгейскому морю, о восстановлении обязательной военной службы.

Болгарская печать была наполнена шумными восторгами по поводу мнимых успехов Болгарии³. Но для этого не было ни малейших оснований, так как ни меморандум, ни выступление Стамболийского не привели решительно ни к каким результатам. Болгарское заявление было поставлено 10 мая девятым в числе тридцати других заявлений и обращений к конференции. Почти все эти обращения были отклонены как «выходящие за рамки конференции»⁴. Некоторые из них, в том числе и болгарское предложение о нацменьшинствах, были переданы Лиге Наций. Здесь они были фактически похоронены.

Межсоюзническая комиссия в Софии тем временем отвергла просьбу болгарского правительства об отсрочке ответа на ее ультиматум и в качестве крайнего срока установила 20 мая⁵. Новый обмен нотами не привел ни к какому изменению. Межсоюзническая комиссия настаивала на своем решении и угрожала, что если до 20 мая не будет создано Народное собрание и не будет принят ультиматум, то это приведет к тяжелым последствиям для Болгарии⁶. Тревога в стране усилилась.

«Решающие дни» — так была озаглавлена передовая статья газеты «Земедельско знаме» от 4 мая 1922 г. В ней редактор газеты Н. Калычев писал: «Если до 20 мая не будут выполнены требования комиссии, последняя гро-

¹ Согласно ст. 122 мирного договора в Нейи, репарационной комиссии давалось право производить в случае необходимости сокращения и перенос долга. Мир в Нейи. М., 1926, стр. 41.

² «Земедельско знаме», 24.IV 1922 г.

³ «Дневник», 14, 15 и 21.V 1922 г.

⁴ «Europe nouvelle», 20.V 1922 г.

⁵ «Работнически вестник», 21.IV 1922 г.

⁶ «Работнически вестник», 3.V 1922 г.

зит санкциями, которые, вероятно, выразятся в давно желаемой ею оккупации. О сопротивлении не может идти и речи — мы не располагаем войсками даже для того, чтобы с оружием в руках справиться с несколькими разбойничьими бандами, которые бродят вдоль границы и внутри страны». «Уйти от власти?» ставит вопрос газета и отвечает, что это не являлось бы выходом. «Поставленные перед решающими для нашего народа днями, мы призываем членом Земледельческого союза сказать на околийских и окружных собраниях 7 и 14 мая свое хозяйское слово по поднятым вопросам, и это должно быть ответом земледельческого правительства на ультиматум репарационной комиссии»¹.

В этой статье отразились столь характерные для руководителей Земледельческого союза растерянность, страх перед империалистами, мощь которых им попрежнему кажется совершенно незыблемой, неверие в силы народа. Обращаясь к рядовым членам Союза за «хозяйским словом» по поводу ультиматума Межсоюзнической комиссии, они тем не менее не мобилизовывали их на борьбу, а заранее предрешали, что «о сопротивлении не может идти и речи». «Народ в тревоге, доходящей до отчаяния», — писала газета «Земедельско знаме» в передовой статье, сообщая о тысячах протестов против ультиматума, поступавших в редакцию². Идеологи мелкой буржуазии не умели и не могли указать выход из создавшегося положения и впадали в панику.

Нажим со стороны Межсоюзнической комиссии и вызванная им растерянность в правительственных кругах воодушевили реакцию. План фашистского переворота с помощью врангелевской армии готовился к выполнению.

Величайшая заслуга БКП в том, что она во-время разоблачила этот план, раскрыла его организаторов и, показав всему народу неопровержимые факты заговора, толкнула земледельческое правительство к действиям.

8 мая газета «Работнически вестник» привела на своих страницах выдержки из белогвардейского «Информационного листка штаба 1-го армейского корпуса», в котором были даны наименования ряда военных частей и училищ и указывалось их местонахождение. Из самого расположения войск можно было заключить, что врангелевцы собирались вести военные действия на территории Болгарии. Они прежде всего хотели занять все морские и речные пристани, железнодорожные узлы, основные пути из Северной Болгарии в Южную.

«Слово за правительством, которое две недели назад официальной нотой сообщило Украинскому советскому правительству, что в Болгарии находятся только русские беженцы», — писала газета³.

Номер газеты «Работнически вестник» от 10 мая открывался шапкой: «Военный заговор врангелевских генералов. Буржуазный блок готовит государственный переворот. Независимость и свобода болгарского народа в опасности». В номере были опубликованы секретные документы врангелевских штабов (приказ генерала Кутепова от 2 января 1922 г. о назначении начальников «русских гарнизонов» в 17 городах Болгарии, приказ от 8 февраля о назначении «комендантов», мобилизационный план врангелевцев)⁴.

«Нет, преступники и предатели, мы имеем сегодня в Болгарии не «русских беженцев», а вооруженную армию, которая оккупировала Болгарию и разделила ее на военные округа», — писал «Работнически вестник» по адресу

¹ «Земедельско знаме», 4.V 1922 г.

² «Земедельско знаме», 7.V 1922 г.

³ «Работнически вестник», 8.V 1922 г.

⁴ «Работнически вестник», 10.V 1922 г.

буржуазных газет, отрицавших самый факт наличия в Болгарии белогвардейских войск. Коммунистическая партия показывала подлинных организаторов и руководителей заговора. «Врангелевские генералы не одни. За ними стоит буржуазный блок, — предупреждала передовая газеты «Работнически вестник» 10 мая. — Это союз обанкротившихся буржуазных групп с империалистами Антанты и русскими контрреволюционерами против независимости и свободы болгарского народа»¹. Газета приводила данные, свидетельствовавшие о том, что уже в течение полугода руководители буржуазного блока находились в тесной связи с врангелевскими генералами. Были раскрыты десятки фактов о совместных совещаниях народняков и демократов с врангелевцами в Софии и в провинции.

По городам и селам Болгарии вновь прокатилась волна митингов протеста.

Подталкиваемое Коммунистической партией, перед лицом неопровержимых доказательств, земледельческое правительство предприняло шаги для ликвидации заговора. Были произведены обыски и аресты. Полиция раскрыла обширную шпионскую сеть, обнаружила подробные карты Софии с указанием местоположения казарм, складов, караульных помещений, электрической и водопроводной сети, железнодорожных мостов и т. д. У заговорщиков были найдены также списки деятелей Коммунистической партии с их адресами. В отдельных местах (например, на вилле генерала Кутепова, близ Тырново) врангелевцы пытались оказать вооруженное сопротивление².

16 мая «Работнически вестник» выступил с новыми разоблачениями, публикуя секретный приказ Врангеля от 9 апреля 1922 г.: «Частям быть наготове и по первой тревоге выступать»³.

Партийный совет БКП издал манифест к болгарскому народу, в котором призывал немедленно обезоружить и распустить врангелевскую армию и изгнать ее штабы, отдать под суд предателей из буржуазного блока, установить мир и союз с Советской Россией, аннулировать мирный договор и военные долги, переложить налоговое бремя на буржуазию и обеспечить снабжение народных масс⁴.

К этому времени относится попытка Коммунистической партии установить более тесное взаимодействие с земледельческим правительством в борьбе против фашистской опасности. В. Коларов обратился тогда к заместителю председателя совета министров Р. Даскалову и потребовал вооружить рабочие отряды для активного отпора готовящемуся фашистскому перевороту. Даскалов не решился ответить прямым отказом, но заявил, что оружие будет выдано лишь тогда, когда организаторы переворота начнут действовать⁵. Так руководители Земледельческого союза снова продемонстрировали свое нежелание сотрудничать с Коммунистической партией в борьбе против общего врага. Они лишним раз подтвердили на своем примере слова Ленина о том, что «мелкие хозяйчики не могут ни вполне довериться капиталистам, ни сразу и все решиться на братски-тесный союз с рабочим»⁶.

¹ «Работнически вестник», 10.V. 1922 г.

² «Работнически вестник», 13.V. 1922 г.

³ «Работнически вестник», 16.V. 1922 г.

⁴ Там же.

⁵ Вълко Червенков. Българска комунистическа партия (тесни социалисти) през 1919—1923 гг., стр. 31.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 282.

Коммунистическая партия проявила в этой борьбе большую гибкость и маневренность. Организуя массы для отпора фашистской опасности, она в то же время стремилась использовать и такую трибуну, как Народное собрание, и потребовала немедленного его созыва для решения вопроса об отдаче под суд главарей буржуазного блока¹.

Буржуазные газеты «Мир», «Препорец» и другие в первый день после разоблачений, произведенных Коммунистической партией, пытались отмолчаться, но затем подняли шумную кампанию, стремясь опровергнуть достоверные факты. Они открыто встали на сторону врангелевцев, печатая заявления врангелевских генералов, содержавшие клевету на Коммунистическую партию. Обеспокоенный произведенными арестами, Врангель 16 мая отправил из Белграда болгарскому правительству письмо, полное скрытых угроз². Однако его покровители — империалисты Антанты не могли оказать ему в тот момент никакой поддержки. Решающее значение для разоблачения врангелевских банд имело выступление советской делегации на Генуэзской конференции.

Раскрыв с документами в руках приготовления Врангеля в ряде стран, в том числе и в Болгарии, к новой войне против Советской России, в которую он хотел вовлечь и эти страны, советская делегация потребовала разоружения и расформирования врангелевских банд. Международный авторитет Советской России настолько упрочился и возрос, что требования советской делегации нельзя было не учитывать. 18 мая ликвидком военной комиссии в Болгарии отправил болгарскому правительству письмо о том, что оружие, находящееся у «русских беженцев», должно быть изъято и передано ликвидкому, а «русские общества» должны соблюдать условия договора в Нейи и не быть военными организациями³.

Не просьбы Стамболийского, обращенные к Генуэзской конференции и ее запрашивав, а смелое и последовательное разоблачение советской делегацией политики империалистов и защита ею прав всех народов сыграли решающую роль в этот ответственный для судеб Болгарии момент. Советская внешняя политика, основанная на мире и дружбе между народами и полном равноправии наций — малых и больших, — оказала неоценимую помощь болгарскому народу, борющемуся против нависшей над ним опасности.

В ответ на письмо Врангеля болгарское правительство опубликовало коммюнике, в котором указывало, что так как недавние разоблачения вскрыли наличие военной и конспиративной организации врангелевцев, то оно вынуждено принять необходимые меры, «не желая быть обвиненным в преступной небрежности к высшим интересам государства»⁴.

Злодейские замыслы врангелевцев и буржуазного блока на этот раз оказались сорванными. Руководитель шпионской организации полковник Самохвалов и лица, связанные с ним, были арестованы. Несколько десятков врангелевских офицеров было выслано из Болгарии. Однако в ликвидации заговора врангелевцев правительство проявило свою обычную непоследовательность и медлительность. Начальник штаба врангелевской армии в Болгарии генерал Кутепов был выслан, но перед отъездом он официально назначил себе заместителя; это же сделали и другие генералы. Правитель-

¹ «Работнически вестник», 17.V 1922 г.

² «Работнически вестник», 19.V 1922 г.

³ Там же.

⁴ Там же.

ство распустило лишь некоторую часть врангелевской армии, находившуюся близ Софии. У значительной части врангелевцев еще оставалось оружие¹.

Коммунистическая партия, неуклонно находясь на страже интересов народа, разоблачала эту медлительность и подталкивала земледельческое правительство к более решительным действиям.

ХVII СЪЕЗД БЗНС. УГЛУБЛЕНИЕ РАСКОЛА В РЯДАХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО СОЮЗА

Внутреннее разложение, вполне отчетливо наметившееся в рядах Земледельческого союза уже в 1921 г., к началу 1922 г. получило свое дальнейшее развитие. Оно являлось прямым следствием сложных процессов, происходивших среди крестьянства.

В деревне кипела борьба прежде всего вокруг закона о трудовой поземельной собственности, принятого Народным собранием 25 апреля 1921 г. Проведение закона в жизнь, как бы медленно оно ни проходило, задевало интересы крупных земельных собственников. Для противодействия изъятию земли последние создали свой союз. Издавалась и распространялась антиправительственная литература, направленная против закона о трудовой поземельной собственности (ТПС) как якобы антиконституционного².

Бешеную борьбу против закона о ТПС развернули церковники. Конфликт между земледельческим правительством и церковью, возникший еще в конце 1920 г. из-за перевода духовной семинарии из Софии в Рильский монастырь и требований некоторых церковных реформ, резко обострился к весне 1922 г. в связи с проведением аграрной реформы. Синод направил земледельческому правительству протест против изъятия монастырских земель и сокращения бюджетных ассигнований на церковь, угрожая разорвать союз церкви с государством³. Церковники грозили отлучением от церкви членам правительства и всем лицам, получившим монастырскую землю⁴.

В своей борьбе против аграрной реформы крупные землевладельцы, как духовные, так и светские, рассчитывали на помощь Межсоюзнической комиссии.

Безземельное и малоземельное крестьянство требовало незамедлительного проведения в жизнь закона о трудовой поземельной собственности. «Категорически протестуем против домогательств чифликчиев⁵ отменить закон о ТПС. В случае, если чифликчии попытаются путем обращения к иностранцам или каким-либо иным способом отменить этот необходимый для трудящегося крестьянства закон, заявляем, что мы сами воздадим чифликчииям по заслугам», — такую резолюцию подписали 250 малоземельных и безземельных крестьян с. Мыртвицы Плевенской околии в феврале 1922 г.⁶ Члены земледельческой дружбы в с. Мокреш Ломской околии послали правительству протест против каких бы то ни было изменений закона о трудовой поземельной собственности⁷.

¹ «Работнически вестник», 26.V 1922 г.

² А. Владов. Аграрната реформа. София; Папазов. Собственоста и посегателства върху нея. София.

³ «Работнически вестник», 9.III 1922 г.

⁴ «Утро», 14.V 1922 г.

⁵ Чифликчии — крупные землевладельцы.

⁶ «Земедельско знаме», 20.II 1922 г.

⁷ «Земедельско знаме», 16.III 1922 г.

«Просим премьер-министра сообщить комиссии по репарациям, что если последняя, опираясь на неосновательные жалобы, отменит закон о ТПС, мы, вопреки этому, будем продолжать его применение», — писали в газету «Земедельско знаме» 163 крестьянина с. Вылчедрым Ломской околии¹. Газета была заполнена протестами крестьянских собраний против попытки отменить закон о трудовой поземельной собственности. Наибольшее количество этих протестов поступало из Плевенского и Ломского округов, где имелось много крупных земельных владений.

Но если в борьбе за изъятие крупной земельной собственности крестьянство выступает как целое, ибо закон о трудовой поземельной собственности фактически был направлен почти исключительно против землевладельцев, не связанных с сельским хозяйством, то при распределении земли, отчужденной в государственный фонд, сталкивались интересы отдельных групп крестьянства. Новый слой сельской буржуазии, окрепший под защитой кооперативной политики правительства, тесно связанный с руководством земледельческих дружб и захвативший посты в местном самоуправлении, прибирал к рукам лучшие участки земли, вопреки интересам беднейшей части деревни.

Подлежащие распределению земельные фонды находились в распоряжении комиссий общин, утверждаемых дирекцией трудовой поземельной собственности по рекомендации местных дружб. В сотнях заявлений крестьяне жаловались на преступную игру, которая велась на местах вокруг этих комиссий. В с. Мененкево Пазарджикской околии кулаки пытались тайком провести выборы члена комиссии, но беднота узнала и выставила своего кандидата, который и был избран. Однако кулаки добились отмены выборов. В с. Пыстрен Старозагорской околии кулаки запугивали членов комиссии и угрожали убить каждого, кто начнет строиться на полученной земле².

Скупые газетные сообщения о столкновениях при распределении земли, нередко имевших кровавый исход, позволяют судить об остроте классовой борьбы в деревне³.

Серьезное недовольство трудящегося крестьянства вызывала налоговая политика правительства. Вопреки многочисленным обещаниям, налог на общий доход не стал единственной формой налогового обложения, а продолжал оставаться дополнительным к другим налогам. Кроме того, при взимании налогов на местах допускалось множество злоупотреблений. Так, например, крестьяне с. Люта Фердинандовской околии отправили министру финансов протест против непосильного обложения налогом на общий доход. Они жаловались на то, что с мнением крестьян совершенно не считались, избранный ими представитель был из налоговой комиссии изгнан, а налог был распределен таким образом, что бедноте пришлось платить больше, нежели кулакам. Крестьяне требовали повышения необлагаемого минимума до 30 тыс. левов и проверки системы обложения⁴. Аналогичные протесты выносили собрания крестьян в Никопольской, Бургазской и других околиях⁵.

Таким образом, налицо было зарождающееся разочарование крестьянства политикой земледельческого правительства.

¹ «Земедельско знаме», 19.III 1922 г.

² «Работнически вестник», 24.VII 1922 г.

³ Так, например, газета «Утро» 14.IV 1922 г. сообщала о кровавом столкновении в с. Куланли Ямболовской околии при распределении земли. Газета «Дневник» 13.IV писала о вооруженном нападении крестьян с. Клементицы Горна-Оряховицкой околии на Окружную комиссию ТПС.

⁴ «Работнически вестник», 18.IV 1922 г.

⁵ Дневници на XIX ОНС, II р. с., кн. 1, стр. 786.

⁶ Ученые записки, т. XI

Земледельческий депутат Народного собрания Ц. Матов в своей статье в газете «Земледельско знаме» метко охарактеризовал земледельческое управление следующим образом: «Мы держим повод, а корову доят другие»¹.

Усиление классовой борьбы среди крестьянства не могло не найти своего отражения в Земледельческом союзе. В начале 1922 г. активизируется деятельность Драгиева, исключенного из рядов Союза еще XV съездом БЗНС в 1919 г.² Для того чтобы нейтрализовать влияние Драгиева, Стамболийский 15 января предпринял поездку в Стара-Загора, где выступил с большой речью³. Газета «Земледельско знаме» на протяжении нескольких номеров подряд разоблачала Драгиева, как раскольника и врага.

Однако главная опасность Земледельческому союзу шла не отсюда. В первой половине 1922 г. все более отчетливо выступает, как оформившееся течение, правое крыло Союза, возглавляемое министром финансов М. Турлаковым, который вел линию на сближение Союза с буржуазными партиями. Напряженные отношения между руководителями земледельческого правительства время от времени внезапно проявлялись в связи с какими-либо малозначащими фактами. Так, например, в марте 1922 г. едва не произошел министерский кризис по совершенно ничтожному поводу. Турлаков и Омарчевский (министр просвещения) обиделись на Стамболийского за то, что последний, не посоветовавшись с ними, внес в Народное собрание предложение не применять никаких санкций по отношению к нарушителям распоряжения о новом правописании. Они демонстративно ушли из зала, а на другой день не явились на заседание бюджетной комиссии⁴. Газета «Победа» сообщала о недовольстве в парламентской группе Земледельческого союза, где был поднят вопрос о взаимоотношениях членов кабинета, о дисциплине и т. д.⁵

Буржуазная печать указывала на Турлакова, как на возможного преемника Стамболийского на посту премьера, если последнему не удастся найти выхода из создавшегося положения в связи с ультиматумом репарационной комиссии⁶.

После отмены цензуры в печати появились выступления против многих видных руководителей Земледельческого союза и правительства, которых обвиняли в злоупотреблении служебным положением, в участии в различных аферах и т. д. Эти обвинения получили большой отзвук среди рядовых членов Земледельческого союза. В отдельных дружбах они явились предметом специального обсуждения. Плевенская окружная дружба, например, внесла решение создать комиссию для проверки выдвинутых против земледельческих деятелей обвинений. В случае, если факты подтвердятся, дружба требовала исключения виновных из БЗНС и отдачи их под суд⁷.

В то же время газета «Земледельско знаме» ставила вопрос о расширении базы земледельческого движения: «Запись новых членов означает создание новых кадров для грандиозной борьбы за спасение отечества, которая нам предстоит». Обращалось особое внимание на работу среди

¹ «Работнически вестник», 25.I 1922 г.

² Д. Драгиев — откровенный сторонник подчинения БЗНС буржуазным партиям, проповедник ханжеской морали «христианского смирения». В сентябре 1918 г. Драгиев выступил с резким осуждением Владайского восстания. В начале 1919 г. Драгиев развернул борьбу против Стамболийского, стремясь захватить руководство Земледельческим союзом, но потерпел поражение.

³ «Земледельско знаме», 4.II 1922 г.

⁴ «Утро», 24.III 1922 г.

⁵ «Работнически вестник», 27.III 1922 г.

⁶ «Дневник», 9.IV 1922 г.

⁷ «Утро», 22.IV 1922 г.

молодежи. «Второй источник новых сил — подрастающее поколение», — писала газета¹.

В такой обстановке 28—30 мая 1922 г. был созван XVII съезд БЗНС. К съезду велась деятельная подготовка. 30 апреля проводились собрания местных дружб для обсуждения политики правительства, 7 мая этот же вопрос обсуждался околийскими дружбами, 15 мая — окружными.

«Члены БЗНС оставят свои полевые работы и соберутся в Софию на конгресс не для пререканий и ссор, а для спокойной самокритики, из которой Союз выйдет с новыми силами, обновленный и возрожденный для новой борьбы», — писала газета «Земедельско знаме» в ответ на распространившиеся слухи о серьезных разногласиях между Стамболийским и Турлаковым и наметившемся расколе в дружбах².

XVII съезд проходил в торжественной обстановке. Для участия в нем было привлечено свыше 15 тыс. делегатов с мест, были приглашены делегации из-за границы³. 27 мая, накануне открытия съезда, заседал так называемый малый съезд, в котором участвовали руководители БЗНС, министры, члены земледельческой парламентской группы и руководители дружб⁴. На этом предварительном совещании были сделаны, повидимому, серьезные попытки устранить разногласия в Земледельческом союзе.

В воскресенье, 28 мая, состоялась массовая демонстрация делегатов съезда по улицам Софии. Демонстранты шли с лозунгами: «Да здравствует крестьянская диктатура!», «Вон из Болгарии врангелевцев!», «В тюрьму их пособников!», «Земля должна принадлежать крестьянам!», «Царь будет царствовать, но не управлять!»⁵. Затем открылся митинг, на котором выступил Стамболийский с большой речью. Вечером состоялось факельное шествие. Работа съезда началась 29 мая.

Из отчета Стамболийского съезду явствовало, что количество членов Союза выросло за последний год на 12 738 человек, было создано 435 новых дружб. Общее количество членов БЗНС достигло 150 838 человек. Во всех самостоятельных общинах были созданы земледельческие дружбы. Однако организационное состояние Союза продолжало оставаться попрежнему слабым: из общего количества 3399 дружб лишь 1976 дружб (58%) были регулярными, а остальные 1423 почти бездействовали. Сведения о социальном составе членов БЗНС имелись только в отношении 132 081 человека, сведения о занятиях и возрасте членов БЗНС — о 121 356 человеках.

О социальном составе членов БЗНС свидетельствуют следующие данные:

Безземельных			3 268 человек	(2,5%)
Владевших от	1	до 20 декар	40 115	„ (30,4%)
„	20	„ 50 „	57 683	„ (43,7%)
„	50	„ 100 „	27 176	„ (20,5%)
„	100	„ 200 „	3 422	„ (2,6%)
„	200	„ 300 „	363	„ (0,27%)
„	300	„ 500 „	48	„ (0,03%)
„	свыше	500 „	6	„

Всего 132 081 человек⁶ (100%)

¹ «Земедельско знаме», 7.V 1922 г.

² «Земедельско знаме», 11.V 1922 г.

³ «Утро», 29.V 1922 г.

⁴ «Работнически вестник», 29.V 1922 г.

⁵ «Утро», 31.V 1922 г.

⁶ «Земедельско знаме», 9.VI 1922 г.

Таким образом, после XV съезда БЗНС в 1919 г. число членов БЗНС возросло почти вдвое (с 77,3 до 150,8 тыс. человек).

За счет каких слоев деревни шел в основном этот рост?

Сравнение данных об имущественном положении членов БЗНС в 1919 и 1922 гг. показывает, что этот рост происходил главным образом за счет беднейшей части деревни. Так, процент безземельных членов БЗНС возрос с 1 до 2,5, процент беднейших крестьян, владевших от 1 до 50 декар земли, — с 51 до 74,1, процент середняков, владевших от 50 до 100 декар, упал с 32 до 20,5, а процент зажиточных крестьян, владевших свыше 100 декар, упал с 16 до 2,9¹.

Настроения этих вновь влившихся в Союз масс нашли отражение на съезде.

Выступления делегатов с мест ярко свидетельствовали о недовольстве широких слоев трудящегося крестьянства непоследовательной, колеблющейся политикой земледельческого правительства, в особенности в отношении аграрной реформы.

Представитель Видинского округа сообщил о том, что крестьяне этого округа решили снизить максимальный размер владений с 300 до 150 декар. «Дирекция трудовой поземельной собственности связывает руки общинным комиссиям», — жаловался он. Далее он сформулировал требования своей делегации: наделять землей исключительно безземельных крестьян, а не кулаков; отнять у окружных комиссий право изменять решения общинных; уволить провинившихся чиновников министерства земледелия; дать околийским начальникам право приводить в исполнение решения общинных комиссий; инспекторов по проведению аграрной реформы назначать из членов земледельческих дружб; крестьянские земли, проданные Земледельческим банком за долги, вернуть их прежним собственникам с уплатой процентов².

Это была целая программа аграрных преобразований в деревне, гораздо более радикальная, нежели аграрная реформа, принятая правительством; это была программа, отвечающая интересам бедняцкой части деревни.

Тот же видинский делегат выдвинул и другие требования: отмена акциза как отдельного налога; проведение обложения прогрессивно-подходным налогом на открытых собраниях; отдача под суд и суровое наказание финансовых чиновников, виновных в злоупотреблениях, а также немедленная организация суда над кметами и сборщиками налогов, грабившими крестьян во время войны; ускорение судебного процесса над бывшими министрами кабинета Радославова; эффективная борьба с коррупцией в судебных органах; сокращение чиновничества; организация бесплатной медицинской помощи, государственных аптек и противомалярийных станций.

Все эти демократические требования не выходили из рамок программы БЗНС. Однако правительство Земледельческого союза, несмотря на то, что оно находилось у власти третий год, к выполнению этих требований еще не приступило.

Суровым обвинением земледельческому правительству звучали слова видинского делегата о том, что министрам и палате следует прекратить на некоторое время свою законодательную деятельность и заняться проведением в жизнь уже принятых законов. «Мы требуем, чтобы были полностью проведены в жизнь все те резолюции, которые здесь принимаются. За

¹ «Рабочнически вестник», 3.VI 1919 г. и «Земедельско знаме», 9.VI 1922 г. Возможно, что эти данные не вполне точны.

² «Утро», 31.V 1922 г.

прошедший год лишь сотая часть принятых резолюций была проведена в жизнь», — говорил он в заключение¹.

Решительных мер по отношению к представителям старых буржуазных партий и чистки аппарата от чуждых элементов требовал делегат Врачанского округа: «Чиновники финансового ведомства, которые служили при предыдущих министерствах, не могут служить при нынешнем».

Бургасский делегат потребовал отдать под суд министров кабинета 1912 г. Софийский делегат заявил, что если придется платить репарационные долги, необходимо конфисковать имущество Фердинанда и депутатов Народного собрания, которые голосовали за войну, а также церковные имущества.

«Кюстендилский край — республиканский. Мы предлагаем правительству не кокетничать с дворцом», — заявил кюстендильский делегат, поддерживая требование конфискации имущества Фердинанда.

Все выступавшие единодушно требовали отвергнуть конвенцию, предложенную репарационной комиссией. «Правительство удержится у власти до тех пор, пока гарантирована самостоятельность Болгарии», — говорили они.

Осудив борьбу внутри правительства, делегаты предложили создать союзный суд из представителей округов для проверки выдвинутых против руководящих деятелей БЗНС обвинений.

В речах многих делегатов звучала тревога за сохранение мира, наиболее полно сформулированная в выступлении представителя Варненского округа Г. Трайкова².

Однако, несмотря на резкую критику деятельности правительства, съезд выразил полное доверие Стамболийскому, единогласно, под шумные возгласы одобрения, поручив ему формирование кабинета. Заместителем Стамболийского столь же единогласно был избран его ближайший соратник Р. Даскалов³.

Популярность Стамболийского была очень велика. Он пользовался по-прежнему огромным авторитетом среди крестьянства. Ему верили, надеялись, что именно он способен наиболее полно обеспечить интересы крестьян.

Съезд одобрил мирную внешнюю политику правительства и заявил категорический протест против домогательств репарационной комиссии. Резолюция съезда предписывала правительству и земледельческой парламентской группе никоим образом не принимать проект конвенции в том виде, в каком он был предложен⁴.

В области внутренней политики съезд одобрил принятые Народным собранием законы и осудил, не указывая на лица, тех, кто был виновен в том, что эти законы осуществлялись непоследовательно и не в полной мере. Съезд потребовал, чтобы все законопроекты вносились предварительно на обсуждение дружб.

Резолюция съезда указывала, что царь должен быть лишь конституционным главой правительства и не должен забывать, что он только царствует, но не управляет, а управляет ответственная земледельческая власть. Съезд осудил старые партии, которые «прибегают к помощи иностранцев, дворца

¹ «Утро», 31.V 1922 г.

² Там же.

³ «Утро», 1.VI 1922 г. Церемония вручения Стамболийским съезду отставки кабинета была повторена на XVII съезде БЗНС в том же виде, в каком она была проведена и на XVI съезде. Она призвана была выразить проведение в жизнь «принципа народо-властия».

⁴ «Земледельско знаме», 9.VI 1922 г.

и других не ответственных перед болгарским народом факторов». «Настаиваем перед земледельческой властью на том, — говорилось в резолюции, — чтобы были немедленно приняты срочные и эффективные меры для сохранения порядка и спокойствия в стране, и предатели получили бы по заслугам». Съезд потребовал реорганизации административного аппарата и жандармерии с подчинением последней непосредственно администрации. Далее в резолюции отмечалось, что, вопреки многочисленным решениям дружб, околийских и окружных собраний, все еще не введена автономия общин¹.

Резолюция съезда была принята единогласно².

Лишь в конце съезда вновь проявились признаки внутрисоюзной борьбы. Делегаты Старозагорского округа выдвинули кандидатуру Хр. Манолова в состав Управительного совета Союза. Стамболийский резко воспротивился, называя Манолова «раскольником»³. Манолов пытался оправдаться, но был освистан сторонниками Стамболийского. В Управительный совет Манолов избран не был⁴. В Верховный союзный суд также были избраны только сторонники Стамболийского⁵.

После съезда борьба вспыхнула с новой силой. 17 июня одним из земледельческих депутатов был внесен в Народное собрание запрос об имущественном состоянии и источниках обогащения министра финансов М. Турлакова. В запросе указывалось, что состояние М. Турлакова в короткий срок возросло с 60 тыс. до 1 млн. левов. Его обвиняли в злоупотреблениях в связи с ценами на спирт, а также в связях с американской фирмой, которой он сдал заказ на печатание банкнот, вопреки результатам публичного торга⁶.

Выступление депутата в парламенте со столь тяжелыми обвинениями против одного из министров указывало на то, что в правительственном большинстве не было единства.

Ожидались серьезнейшие разоблачения. Однако не прошло и недели, как запрос был без всякой мотивировки взят его автором обратно⁷. Никакие протесты оппозиционных депутатов не помогли. Председатель Народного собрания разъяснил, что каждый депутат имеет право снимать внесенный им ранее запрос и обсуждать этот запрос собрание уже не правомочно. Больше всех возмущался снятием запроса сам Турлаков. Став в позу оскорбленной невинности, он метал гром и молнии против обидчика, требуя немедленного расследования и полной реабилитации. «Я не преступник, не вор, не контрабандист, а министр Болгарии», — кричал он. «Кто имеет смелость обвинять, должен иметь мужество поддержать свое обвинение»⁸. Он разошелся до того, что выразил недоверие председателю Народного собрания⁹. Таким образом, последнее слово осталось за Турлаковым, и вся история была, в конечном счете, использована им для укрепления своего авторитета.

¹ «Земедельско знаме», 9.VI 1922 г.

² По крайней мере, ни орган Коммунистической партии «Работнически вестник», ни буржуазные газеты «Дневник» и «Утро» не указывают на какие-либо разногласия при ее голосовании.

³ Манолов участвовал в составлении резолюции Чирпанской земледельческой дружбы, которая требовала расследования обвинений, выдвинутых против отдельных земледельческих министров, и заявляла протест против конгрессов «с парадами и торжествами». «Дневник», 2.VI 1922 г.

⁴ «Работнически вестник», 31.V 1922 г.

⁵ «Утро», 2.VI 1922 г.

⁶ «Работнически вестник», 19.VI 1922 г.

⁷ «Работнически вестник», 24.VI 1922 г.

⁸ «Дневник», 25.VI 1922 г.

⁹ «Утро», 26.VI 1922 г.

Что же послужило причиной снятия запроса? Позднее, выступая в Народном собрании в феврале 1923 г., Стамболийский признал, что это было сделано по решению земледельческой парламентской группы. Автор запроса «нарушил порядок и дисциплину в нашей организации тем, что внес по собственной инициативе в мое отсутствие интерпелляцию ко мне, и по моему предложению он был принужден ее снять и не защищать», — говорил Стамболийский¹. Но здесь влияли, разумеется, не только формальные причины. Дело заключалось в том, что Стамболийский, как это можно видеть и на других примерах, во что бы то ни стало хотел сохранить хотя бы внешнее подобие единства в организации, опасаясь потерять большинство в Народном собрании.

При неизбежном процессе все более усиливающегося расхождения двух течений в Земледельческом союзе левое его крыло, отражавшее интересы беднейшего и отчасти среднего крестьянства, могло победить лишь при одном условии: при тесном сотрудничестве с рабочим классом и под руководством Коммунистической партии. Но этого Стамболийский не хотел и боялся. Занимая позиции центра и стремясь примирить непримиримое, он предпринимал огромные усилия, чтобы замазать противоречия в Союзе, сделать невидимым для постороннего глаза раскол. Такая политика была лишь на руку правым. В конце июня газета «Радикал» поместила высказывание Турлакова о том, что нашумевший запрос в Народном собрании явился результатом «внутренних недоразумений» и что Турлаков не уйдет в отставку, «как этого ожидали бы некоторые»². Позиция Турлакова в отношении дальнейшей политики земледельческого правительства отчетливо характеризуются следующим его высказыванием: «Думать, что если мы взвалим все тяжести на капитал, то дело пойдет — значит заблуждаться. Мы должны быть реалистами, и я не боюсь, если нас назовут прихвостнями буржуазии. Без капитала нельзя»³.

Вокруг Турлакова складывалась группа для борьбы с большинством Союза, возглавляемого Стамболийским.

В конце июня 1922 г. эта группа выпустила листовку, которая призвала раскрыть замыслы Стамболийского, задумавшего разогнать Народное собрание, чтобы создать себе прочное большинство⁴. Такое желание у Стамболийского действительно было. 10 июня он нашел нужным через газету «Земледельско знаме» сделать серьезное предупреждение земледельческой парламентской группе. Он указывал, что если Народное собрание захочет узурпировать права Земледельческого союза, то оно будет заменено другим ранее истечения конституционного срока⁵. В связи с намерением Стамболийского разогнать Народное собрание распространились слухи и о возможных переменах в кабинете⁶.

Внутренняя борьба среди верхушки Земледельческого союза в первой половине 1922 г. еще не привела к роспуску Народного собрания и изменениям в кабинете, однако она не могла не найти отзвука в местных организациях, усиливая в них процессы брожения. Земледельческий союз все более обнаруживал свою слабость перед лицом возникающих трудностей. А трудности были значительные.

¹ Дневники на XIX ОНС, III р. с., кн. 3, стр. 1125.

² Цит. по газ. «Работнически вестник», 30.VI 1922 г.

³ «Работнически вестник», 14.VI 1922 г.

⁴ «Работнически вестник», 1.VII 1922 г.

⁵ «Работнически вестник», 11.VII 1922 г.

⁶ «Работнически вестник», 13.VII 1922 г.

**ДАЛЬНЕЙШИЙ НАЖИМ РЕПАРАЦИОННОЙ КОМИССИИ.
ПРОВОКАЦИИ МАКЕДОНСКИХ ТЕРРОРИСТОВ И УСИЛЕНИЕ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ТРУДНОСТЕЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА**

После раскрытия злодейских планов врангелевцев фашистские заговорщики лишь несколько изменили свою тактику, но не отказались от новых попыток захватить власть. Шла дальнейшая консолидация антинародных сил.

29 мая, одновременно со съездом БЗНС, в Софии открылся съезд Союза запасных офицеров. Можно полагать, что такое совпадение было далеко не случайным: софийская буржуазия опасалась выступления земледельческих делегатов, которых прибыло в Софию несколько тысяч. Съезд запасных офицеров приветствовали многочисленные организации, в том числе «Народный сговор», представитель которого проф. Кулев заявил, что как Союз запасных офицеров, так и его организация имеют «идейный характер». Он назвал и «идею», объединяющую их. Это — переворот в «народном духе». Делегаты съезда призывали бороться как против земледельцев, так и против коммунистов. Попытка одного из делегатов критиковать деятельность руководства Союза запасных офицеров была встречена в штыки¹. Съезд вынес резолюцию, что в случае «опасности анархии в стране» Союз офицеров немедленно созовет свой съезд в Софии².

Воячески отрицая свою связь с разоблаченными врангелевцами, главари «блока» в то же время выступали в их защиту³. Да и сами врангелевцы не были обезврежены до конца. Земледельческое правительство оставило в Болгарии заклятого врага русского и болгарского народов — «дипломатического представителя» несуществующего царского правительства Петряева. Больше того, оно продолжало снабжать белогвардейцев средствами. «Работнически вестник» опубликовал к всеобщему сведению отношение главного интендантства Болгарскому народному банку от 8 июля 1922 г., в котором оно просило предоставить в распоряжение «русского представителя» 3440 тыс. левов из специального фонда министерства финансов для содержания находившихся в Болгарии солдат врангелевской армии⁴.

Помещая сообщение о нерасформированных врангелевских частях в разных городах Болгарии, «Работнически вестник» призывал массы к борьбе.

IV съезд БКП, состоявшийся 4—7 июня 1922 г., указал на огромную опасность, которую представлял для болгарского народа «блок» буржуазных партий.

Проявляя подлинный героизм и самоотверженность, болгарские коммунисты и передовые рабочие боролись за свободу и независимость болгарского народа против наступающей реакции.

«Вся партия была мобилизована. По ночам все клубы охранялись вооруженными отрядами. Члены партии и комсомольцы показали в этой борьбе огромную дисциплинированность и преданность партии. Рабочие и служащие после десятичасового рабочего дня отправлялись с готовностью к партийным клубам, чтобы нести ночью их охрану. В партии велась уси-

¹ «Утро», 1.VII 1922 г.

² «Утро», 2.VII 1922 г.

³ За горячую защиту врангелевцев «объединистом» Ц. Брышляновым в брошюре «Шантажът против блока» Врангель послал автору этой брошюры благодарственное письмо. «Работнически вестник», 7.IX 1922 г.

⁴ «Работнически вестник», 20.VI 1922 г.

ленная работа по ее вооружению. Ежедневно она разъясняла массам опасность фашистского переворота», — пишет тов. Вьлко Червенков в своих лекциях по истории БКП(тс)¹. В. Червенков в этот период вел работу среди рабочей молодежи и участвовал в охране своего близкого друга и учителя — Георгия Димитрова, который был вынужден скрываться от полиции, но, уйдя в подполье, продолжал вести огромную работу по организации и сплочению рабочего класса.

Растущее влияние Коммунистической партии вселяло тревогу в лагерь реакции, заставляло его спешить. После разоблачения заговора врангелевцев главные свои упования болгарские реакционеры возложили на македонских террористов и на помощь международного империализма. Межсоюзническая комиссия продолжала требовать принятия ультиматума. «Условия жесткие, но экономические возможности страны значительны», — заключал болгарский корреспондент журнала «Еуроге nouvelle», — выражая надежду, что после некоторого колебания земледельческое правительство примет предложенную конвенцию².

1 июня открылась III Чрезвычайная сессия XIX Народного собрания. В тронной речи, прочитанной Даскаловым, говорилось, что чрезвычайная сессия созывается «ввиду спешности и неотложного характера некоторых административных, финансовых, экономических, юридических, военных и других мероприятий»³. Положение правительства было затруднительным. С одной стороны, оно не могло не считаться с ясно выраженной волей болгарского народа, в том числе и волей рядовых членов Земледельческого союза, сформулированной в резолюции съезда БЗНС, — ни в коем случае не принимать конвенции. С другой стороны, верноподданническая по отношению к «великим державам Антанты» политика имела свою логику и заставляла идти по пути дальнейших уступок.

И земледельческое правительство принялось лавировать и торговаться. В первых числах июня оно ответило Межсоюзнической комиссии, что не может принять конвенции в предложенном виде. В ноте подчеркивалось, что наименее приемлемыми являются условия относительно таможен, концессий и распределения налогового обложения между городским и сельским населением⁴. 11 июня Стамболийский в интервью корреспондентам буржуазных газет заявил, что он не подпишет конвенции. Но в то же время правительство начало вносить в Народное собрание законопроекты, направленные на выполнение требований Межсоюзнической комиссии. Были внесены законопроекты об изъятии оружия у населения, об училищах и обществах, об ограничении банкнотного обращения, о новых налогах. Все они имели одну краткую мотивировку: «по требованию ликвидационного органа военной комиссии Антанты»⁵.

12 июня Межсоюзническая комиссия заявила, что предпочитает не отвечать на ноту болгарского правительства, и вновь потребовала, чтобы правительство «распорядилось до 23 июня принять законопроекты о банкнотном обращении и о списке налогов для обеспечения уплаты репарационного долга». Эти законы должны были быть приняты в редакции, предложенной комиссией⁶. Буржуазные партии продолжали свой натиск на правительство,

¹ Вьлко Червенков. Българска комунистическа партия (тесни социалисти) през 1919—1923 г., стр. 30—31.

² «Еуроге nouvelle», № 19, 1922.

³ «Работнически вестник», 2.VI 1922 г.

⁴ «Работнически вестник», 9.VI 1922 г.

⁵ «Работнически вестник», 14.VI 1922 г.

⁶ «Работнически вестник», 20.VI 1922 г.

требуя скорейшего принятия требований Межсоюзнической комиссии. «Репарационный кризис стал очень острым», — писала газета «Дневник» 14 июня. Далее она пугала правительство, что если не возобновятся переговоры с Межсоюзнической комиссией, то последствия могут быть печальными: комиссия уедет и Антанта примет решительные меры¹.

Совет министров поручил Даскалову и Турлакову вновь войти в переговоры об изменении текста конвенции². 18 июня состоялись переговоры, но они не привели ни к каким результатам. Правительство предлагало ограничиться введением новых налогов на оборот и на предметы роскоши, а Межсоюзническая комиссия настаивала, чтобы ей были переданы доходы от шахт, концессий и таможен³.

Тем временем Народное собрание при резких протестах коммунистов приняло так называемые репарационные законы, которые ограничивали национальный суверенитет страны. 20 июня был принят закон об ограничении банкнотной эмиссии⁴, 21 июня почти без обсуждения — закон об изъятии оружия у населения и закон об обществах. По этому последнему закону запрещались все общества, действующие не по уставам, утвержденным министерством внутренних дел⁵. В тот же день был принят и закон о налоге, которым облагались в пользу общин все местные и привозные товары⁶. Специальная таблица определяла размер налога на 48 наименований товаров. Непредвиденные в таблице товары облагались в размере 20% пошлины. Это было новым и весьма тяжелым бременем для трудящихся.

«Требование репарационной комиссии принять репарационные законы до 23 июня будет выполнено, — с удовлетворением констатировала газета «Дневник». — ... Этим в последний раз доказывается иностранцам, что Болгария добровольно принимает свои обязательства по мирному договору, как бы тяжелы и невыносимы они ни были»⁷.

Коммунистическая партия потребовала переложить тяжесть обложения на буржуазию. Коммунистическая парламентская фракция внесла развернутое предложение, предусматривавшее конфискацию имущества у Фердинанда и у всех министров кабинетов, находившихся у власти с 1912 по 1918 г., введение особого налога на имущество свыше 30 тыс. левов, увеличение налогового обложения предметов роскоши и перворазрядных отелей и ресторанов⁸.

Руководители земледельческого правительства не прочь были поговорить об обложении крупного капитала, но лишь поговорить для того, чтобы несколько напугать своих политических противников. Выступив в Народном собрании с большой речью, Стамболийский угрожал, что «в случае необходимости придется взять у всех», в первую очередь — у сторонников старых партий. Стамболийский заявил далее, что готов даже отдать собственное имущество. Но, добавил он, до этого дело не дойдет. И он снова вел разговор об «общественной совести», которая не допустит ограбления Болгарии⁹.

Предложение Коммунистической партии принято не было. 26 июня был утвержден список новых доходов, предназначенных для уплаты репарационного долга. Буржуазная пресса встретила капитуляцию земледельческого

¹ «Дневник», 14.VI 1922 г.

² «Работнически вестник», 17.VI 1922 г.

³ «Работнически вестник», 20.VI 1922 г.

⁴ «Работнически вестник», 21.VI 1922 г.

⁵ «Работнически вестник», 28.VI 1922 г.

⁶ «Работнически вестник», 22.VI 1922 г.

⁷ «Дневник», 23.VI 1922 г.

⁸ «Работнически вестник», 26.VII 1922 г.

⁹ «Земедельско знаме», 29.VII 1922 г.

правительства с нескрываемой радостью, снисходительно похваливая его за «умеренность» и «тактичность». Межсоюзническую комиссию, однако, не удовлетворили эти уступки. 13 июля она направила новую ноту земледельческому правительству, настаивая на принятии всех ее требований¹.

24 июля кончился последний, после нескольких отсрочек, срок ультиматума. Специальной нотой Межсоюзническая комиссия сообщила болгарскому правительству, что поскольку оно не ответило на предложение конвенции, последняя считается отвергнутой. При таком положении, говорилось далее, отсрочка дана быть не может, и Болгария должна уплатить просроченные взносы в сумме 120 млн. золотых левов, или 4 млрд. болгарских левов².

«Отсрочки не дают. Хотят, чтобы мы платили, хотя мы и не можем этого сделать. Наше государство стоит перед финансовой пропастью!.. На финансовой бирже наступает паника и полная катастрофа нашего лева!» — истерически писала передовая статья газеты «Земеделско знаме»³. Передовая призывала болгарское правительство и членов Земледельческого союза готовиться к «грядущему дню». «Нужно прибегнуть к конфискации части капитала, как к единственному средству, при помощи которого можно уплатить. Народ платил до сих пор. Наступил день, когда должны платить виновники этого несчастья!»⁴

Это выступление органа Земледельческого союза, как и заявление Стамболийского, было лишь словесной угрозой, не подкрепленной никакими практическими действиями. В торге земледельческого правительства с Межсоюзнической комиссией эта угроза сыграла все же некоторую роль. 27 июля М. Турлаков вручил председателю Межсоюзнической комиссии графу Боргезе ответную ноту, в которой указывалось, что болгарское правительство сделало все, что могло, но в целом конвенцию оно не подпишет⁵. Коммюнике Межсоюзнической комиссии, изданное 31 июля, было выдержано в неожиданно мирных тонах. Межсоюзническая комиссия заявляла, что последняя ее нота отнюдь не была новым ультиматумом. Она уверяла, будто финансовый контроль над таможенными не задевает национального суверенитета страны, и отрицала наличие разрыва между нею и болгарским правительством⁶. Рассмотрение вопроса о болгарских платежах было снова перенесено в главную репарационную комиссию в Париж⁷.

Одновременно с нажимом Межсоюзнической комиссии земледельческое правительство переживало и другие трудности внешнеполитического характера. Вопреки заверениям Стамболийского, Даскалова и других руководителей земледельческого правительства о том, что в результате «стодневной поездки»⁸ Стамболийского и деятельности болгарской дипломатии отношения Болгарии с соседними государствами полностью урегулированы, дело в действительности обстояло иначе.

Мирный договор в Нейи, подобно другим договорам версальской системы, был неспособен открыть путь к мирному разрешению вопросов. Он создал сложные, запутанные отношения между Болгарией и ее соседями.

¹ «Работнически вестник», 14.VII 1922 г.

² «Работнически вестник», 24.VII 1922 г.

³ «Земеделско знаме», 26.VII 1922 г.

⁴ Там же.

⁵ «Работнически вестник», 28.VII 1922 г.

⁶ «Работнически вестник», 1.VIII 1922 г.

⁷ «Работнически вестник», 5.VIII 1922 г.

⁸ Название «стодневного путешествия» получила заграничная «поездка Стамболийского в октябре 1920 г.—январе 1921 г., во время которой он посетил столицы ряда европейских государств с целью укрепления международных связей Болгарии.

Согласно греко-болгарской конвенции, подписанной Стамбульским одновременно с мирным договором, предусматривался обмен населением между обеими странами. Но вместо добровольного переселения греческое правительство проводило насильственное изгнание болгар из Македонии и Западной Фракии, перешедших к Греции. Десятки тысяч семей, насильственно согнанных с насиженных мест, увеличивали число бездомных и безработных в Болгарии. Общее число беженцев из Фракии и Македонии к апрелю 1922 г. достигало в Болгарии 200 тыс. человек¹.

Неразрешенность, запутанность национального вопроса создавали базу для действий буржуазной националистической организации македонских террористов. Вооруженные четы этих террористов хозяйничали вдоль болгаро-греческой и болгаро-сербской границ.

Связь буржуазных партий с руководителями македонского движения не укрылась от внимания земледельческого правительства. «Они (буржуазные партии. — А. К.) ищут силу, которая заменила бы расстроенную армию вёршителю переворота ген. Врангеля», — констатирует газета «Земедельско знаме». Однако никаких выводов из этой констатации газета не делала². Действенной борьбы с македонскими террористами земледельческое правительство не проводило.

В первой половине 1922 г. провокации македонских террористов на сербской и греческой границах участились. Увеличилось количество инцидентов также и на болгаро-румынской границе, где было большое количество беженцев из Добруджи, отошедшей к Румынии.

Все это повлекло за собой ухудшение отношений Болгарии с соседями, в первую очередь с Сербо-Хорватско-Словенским государством. Последнее подготовило совместное выступление против Болгарии трех государств. 14 июня 1922 г. министр иностранных дел Румынии вручил болгарскому послу в Бухаресте ноту, составленную во время встречи министров иностранных дел Греции, Румынии и Сербо-Хорватско-Словенского государства в Белграде. Нота обвиняла болгарское правительство в попустительстве террористическим бандам и угрожала серьезными последствиями для Болгарии в случае, если не будут приняты радикальные меры³. Письмом генеральному секретарю Лиги Наций болгарский представитель 17 июня полностью отрицал какую-либо причастность болгарского правительства к деятельности чет, переходящих границу соседних с Болгарией государств. Он указывал, что на болгаро-греческой границе наблюдается движение в обратном направлении, т. е. вооруженные четы вторгаются в Болгарию из Греции и производят насилия над мирными жителями, и просил вмешательства Лиги Наций в создавшийся конфликт путем организации Международной комиссии для обследования положения на границах⁴. Вслед затем болгарское правительство направило вербальную ноту правительствам Румынии, Греции и Сербо-Хорватско-Словенского государства с предложением установить контакт пограничных властей в преследовании нарушителей границы, организуя телеграфную и телефонную связь и обмен информацией по поводу продвижения вооруженных чет⁵. Ответом была новая нота трех правительств от 16 июля, в которой они требовали, чтобы болгарское правительство устранило из пограничной полосы всех должностных лиц, связанных с заговорщиками и пользующихся дурной славой

¹ Дневники на XIX ОНС, II р. с., кн. 4, стр. 2818.

² «Земедельско знаме», 9.VI 1922 г.

³ «League of nations. Official Journal», Genève, 1922, № 8, р. 764.

⁴ Там же, стр. 764—766.

⁵ Там же, № 10, стр. 1110.

в соседних с Болгарией государствах, и впредь не допускало деятельности так называемых благотворительных обществ, которые, как говорилось в ноте, «прикрываясь благотворительной работой, организуют нападения вооруженных чет» на территорию соседних с Болгарией государств¹.

18—19 июля 1922 г. вопрос о вторжениях вооруженных чет на территорию государств, соседних с Болгарией, обсуждался на сессии Совета Лиги Наций в Лондоне.

Болгарский представитель заявил, что болгарское правительство обращается к Лиге Наций в тот момент, когда его страна находится в чрезвычайно тяжелом положении: «Болгария является мишенью неистовой кампании дискредитации, и в этой атмосфере подозрений и антипатии ставится вопрос о вторжениях вооруженных чет в соседние с Болгарией страны». Далее он напомнил, что болгарское правительство неоднократно предлагало создать смешанную комиссию для расследования положения на границе, однако не достигло никаких результатов и теперь прибегает к ст. 11 устава Лиги Наций, предусматривающей разрешение споров между государствами — членами Лиги².

Но Лига Наций отнюдь не была инструментом мира, как склонны были полагать руководители земледельческого правительства. Не в интересах империалистов Антанты было уменьшать или сглаживать трения между отдельными государствами. «... Лига наций — союз только на бумаге, а на деле это группа хищных зверей, которые только дерутся и нисколько не доверяют друг другу»³. Непрекращавшаяся грызня между балканскими странами обеспечивала возможность усиления влияния на каждое из них в отдельности со стороны «великих держав». Именно поэтому Англия и Италия, имевшие свои захватнические планы на Балканах, упорно противодействовали болгаро-сербскому сближению. Македонские террористы являлись орудием не только внутренней болгарской реакции, стремившейся подорвать и ослабить власть земледельческого правительства, но и орудием итальянских империалистов, провоцировавших обострение отношений между Болгарией и Сербо-Хорвато-Словенским государством. Итальянский коммерческий банк в Софии имел связи с македонскими организациями и тайно субсидировал провокационные акты на границах.

Потратив немало времени на обсуждение жалобы Болгарии, Совет Лиги Наций постановил предоставить заинтересованным государствам самим договориться между собой, т. е. фактически оставил жалобу без последствий⁴.

Окончательно похороненным оказалось и заявление Болгарии о защите национальностей, адресованное еще в апреле 1922 г. Генуэзской конференции, а затем переданное Лиге Наций. В своем заявлении болгарское правительство указывало, что около 2 млн. болгар, оставшихся после договора в Нейи вне границ Болгарии, подвергаются национальному угнетению. Огромное число их вынуждено покидать свои очаги и бежать в Болгарию, и это именно и служит причиной организации вооруженных чет, с которыми болгарское правительство не может справиться. Болгарское правительство предлагало применить по отношению к беженцам амнистию, разрешавшую им вернуться домой, вернуть им их имущество, применить статьи мирного договора, которые защищают национальностей⁵.

¹ «League of nations. Official Journal», 1922, № 10, pp. 1110—1111.

² Там же, № 8, стр. 795—797.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 149.

⁴ «League of nations. Official Journal», 1922, № 8, p. 804.

⁵ Там же, стр. 921—922.

Прямые переговоры продвигались медленно. От Болгарии требовали принятия условий, сформулированных в совместной ноте трех правительств от 16 июля, а болгарское правительство, указывая, что они содержат в себе необоснованные обвинения, отвергло их и предлагало установить прямое сотрудничество пограничных властей в борьбе с четами¹. Отношения с соседями продолжали оставаться напряженными.

УСИЛЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В СТРАНЕ. ВЫЛАЗКИ РЕАКЦИИ

Середина 1922 г. характеризуется новым подъемом классовых боев болгарского пролетариата. Росло число стачек и их участников. Характерной особенностью этого периода является вовлечение в стачечное движение наиболее отсталого слоя рабочего класса — сельскохозяйственных рабочих. В начале июня забастовало свыше 300 батраков в Айтосе, они требовали повышения заработной платы. Борьба велась упорно, дело доходило до кровавых столкновений с полицией. Стачка закончилась победой рабочих. Затем выступили сельскохозяйственные рабочие в Урум Ени Кью². Большую кампанию помощи сельскохозяйственным рабочим в их борьбе за повышение зарплат и за улучшение условий труда проводил Общий рабочий профессиональный союз под руководством Г. Димитрова.

3 августа в Пловдиве вспыхнула большая стачка табачников, охватившая свыше 5 тыс. человек³. Вскоре к ним присоединились табачники Хаскова, Станимака, Ихтимана, Куклена. Борьба разгоралась, число участников достигло 12 тыс. человек⁴. 6 сентября стачка закончилась успешно: рабочие добились повышения зарплаты на 35%. Табачники Софии и Радомира продолжали борьбу.

С большой стойкостью боролись рабочие кожевенных предприятий Габрова и Софии.

21 сентября забастовало 800 табачников Ямбола, требуя также повышения зарплаты на 35%.

В течение нескольких месяцев произошло 200 стачек, в которых участвовало около 20 тыс. человек⁵.

В то же время капиталисты усиливали свое наступление на рабочих, не стесняясь в выборе средств. Владельцы металлического завода «Мюлчаупт» в Русе объявили локаут, выбросив всех рабочих на улицу⁶.

Габровские фабриканты проводили поход против рабочих организаций, увольняя руководителей этих организаций и заносая их имена в черные списки. Они поместили на фабриках под видом рабочих врангелевских офицеров и солдат, платили им больше, чем квалифицированным рабочим, и готовились использовать их для вооруженного нападения на рабочих. Многие фабриканты (владельцы текстильной фабрики «Св. Георги» в Трявне, сахарных фабрик в Горна-Оряховице и Каяли, некоторых габровских фабрик и некоторых шахт) под различными предлогами создавали собственную полицию на предприятиях⁷.

Буржуазия усиленно вооружалась против пролетариата и превращала предприятия в казармы и военные лагеря.

¹ «League of nations. Official Journals», 1922, № 10, pp. 1111, 1113.

² «Работнически вестник», 20 и 21.VI 1922 г.

³ «Работнически вестник», 27.VII и 4.VIII 1922 г.

⁴ Дневници на XIX ОНС, III р. с., кн. 2, стр. 547.

⁵ «Работнически вестник», 6, 7, 15, 23.IX и 31.X 1922 г.

⁶ «Работнически вестник», 13.VII 1922 г.

⁷ «Работнически вестник», 29.VII 1922 г.

Особенное внимание было обращено на Перник. Со всех концов страны сюда ежедневно прибывали части врангелевских войск во главе с командирами и зачислялись на шахту в качестве «рабочих». К концу августа их было уже около 2 тыс. человек¹.

Рост фашизма в Италии и начало спада революционного движения в Западной Европе вдохновляли болгарскую реакцию. В ожесточенной борьбе против пролетариата и его боевого вождя — Коммунистической партии — реакция стремилась убрать ставшее ей совсем ненужным земледельческое правительство и установить фашистскую диктатуру. Легальным штабом подготовки переворота попрежнему являлся блок буржуазных партий, который крепил в этот период свои организационные связи. 16 июля в Софии состоялось организованное блоком публичное собрание². Вслед затем центральный комитет блока дал указание о том, чтобы на местах создавались бюро блока³.

Пришла в движение буржуазная интеллигенция. Состоявшийся в начале июля съезд адвокатов предложил «начать общую борьбу против... некультурной и антиконституционной политики правительства». Совет союза врачей откликнулся и разослал своим организациям на местах письма с просьбой обсудить предложение адвокатов⁴. Чрезвычайный съезд судей 6 августа обсуждал вопрос о формах борьбы с правительством⁵.

Одним из этапов подготовки к антиправительственному выступлению явилась смена офицерского состава в софийском гарнизоне, которая была использована руководителями блока для замены негодных им офицеров⁶.

Левое крыло Земледельческого союза требовало решительных мер против блока буржуазных партий. Отражая эти требования, газета «Земледельско знаме» 20 июня выступила с резкой статьей под многозначительным заголовком: «До каких пор?». Описывая преступные действия блока, статья ставила вопрос, до каких же пор правительство намерено все это терпеть.

«Черный блок нагнет, — писала газета, — а земледельческое правительство смотрит почти как пассивный зритель... До каких пор проявлять терпимость к бессовестным противникам? Опомнитесь!»⁷

Однако призыв этот повис в воздухе. Никаких решительных мер принято не было, потому что внутри правительства отсутствовало единство. В то время как Стамболийский на страницах той же газеты звал народ «уничтожить разбойничье гнездо блока»⁸, члены правительства Томов и Манолов почти открыто защищали сторонников антинародного блока.

Коммунистическая партия вскрыла подозрительные связи начальника канцелярии военного министерства полковника Димитрова с одним из деятелей демократической партии Иосифчевым: ими был составлен список офицеров, которые в связи с предстоящими событиями должны были быть убраны из софийского гарнизона. В то же примерно время в софийский гарнизон был назначен вольнонаемным некий «русский беженец» Митрофан Ефимов. Правительственная пресса молчала, а Томов и Манолов нашли возможным выступить на страницах буржуазной печати с отрицанием этих фактов. Лишь под давлением неопровержимых доказательств Томов высту-

¹ «Работнически вестник», 24.VIII 1922 г.

² «Работнически вестник», 17.VII 1922 г.

³ «Работнически вестник», 26.VII 1922 г.

⁴ «Земедельско знаме», 2.IX 1922 г.

⁵ «Работнически вестник», 10.VIII 1922 г.

⁶ «Работнически вестник», 7.VIII 1922 г.

⁷ «Земедельско знаме», 20.VII 1922 г.

⁸ «Земедельско знаме», 9.VIII 1922 г.

пил в буржуазной газете «Мир» с признанием, что «вольнонаемный» Ефимов — не кто иной, как генерал врангелевской армии. Опубликованный газетой «Работнически вестник» документ, согласно которому Ефимову поручалась организация каких-то «мастерских» для обучения добровольцев, проливает свет на истинный смысл этого назначения¹. Реакция при тайной поддержке правых земледельцев готовила под самым носом у правительства свои военные кадры.

Буржуазный блок все более нагнул. Руководитель демократической партии Александр Малинов выступил в газете «Зора» с прямым призывом свергнуть правительство². Его поддержала газета «Ден». «Психологический момент уже наступил, самыми малыми усилиями, одним дуновением можно сбросить... правительство», — писала «Ден» 26 августа. «Блокированным партиям предстоит совершить это... как можно скорее»³.

Входившие в блок радикалы пытались скрыть истинный характер готовившегося переворота. «О фашизме со стороны блоковых или других оппозиционных партий не может быть и речи», — уверяла газета «Радикал». В то же время газета демократов «Препорец» перепечатывала статьи из фашистской газеты «Джорнале д'Италия», а шеф народняков Тодоров, выступая перед делегатами съезда молодежной организации народняков, открыто поучал их не стыдиться называть себя фашистами.

Фашистские бандиты совершали вооруженные нападения на рабочие клубы и коммунистические организации. 30 июля вооруженные головорезы напали на собрание коммунистической молодежи в Дупнице. Вслед затем произошли нападения в Трявне и Черешине. 2 сентября подвергся налету коммунистический клуб в Габрове. 10 сентября в завязавшейся схватке с шайкой фашистов, напавших на собрание молодежи в с. Слатина близ Софии, был тяжело ранен руководитель софийской молодежи тов. Вылко Червенков⁴.

Буржуазный блок намеревался провести пробную мобилизацию своих сил. На 17 сентября было назначено всеболгарское собрание блока в «защиту конституции» в Тырново.

Со своей стороны Земледельческий союз объявил о созыве на 16—18 сентября в Тырново съезда союза свекловодов.

Значение как того, так и другого мероприятия выходило далеко за рамки обычных собраний или съездов. Стороны готовились померяться силами. С конца августа газеты обоих лагерей полны взаимных угроз и обещаний 17 сентября в Тырново рассчитаться с противником.

10 сентября в Тырновском, Шуменском, Плевенском и Русенском округах были созваны околийские собрания земледельческих дружб. Объявление о повестке дня этих собраний было опубликовано в зашифрованном виде. Извещение заканчивалось предупреждением, что на собрание будут допущены только «верные и преданные делегаты дружб, снабженные необходимыми полномочиями»⁵. По селам руководители Земледельческого союза проводили собрания крестьян⁶. На съезд свекловодов в Тырново готовились съехаться десятки тысяч людей. Околийские дружбы одного только Видинского округа потребовали в свое распоряжение три поезда.

«Священный долг зовет вас в Тырново 17 сентября, вопреки всем

¹ «Работнически вестник», 7, 14 и 17.VIII 1922 г.

² «Земедельско знаме», 19.VIII 1922 г.

³ «Работнически вестник», 29.VIII 1922 г.

⁴ «Работнически вестник», 2, 25, 26 и 31.VIII, 4, 6, 11, 12.IX 1922 г.

⁵ «Земедельско знаме», 8.IX 1922 г.

⁶ «Земедельско знаме», 16.IX 1922 г.

преградам, выполнить решения великих шестнадцатого и семнадцатого съездов. Ударил час сведения счетов... Да будет проклят тот сын села, который скрестит руки, не выполнив своего священного долга по отношению к народу, когда черноблоковые изменники с помощью генерала Врангеля хотят ввергнуть его в новую кровавую войну», — призывала крестьян гавета «Земеделско знаме»¹.

Земледельческий союз обращался к низам своей организации. Земледельческое правительство, претендовавшее на осуществление «крестьянской диктатуры», не было в состоянии обеспечить подавление реакции и выполнение демократических требований крестьян. Теперь оно предоставляло самим крестьянам завоевать выполнение их требований в рукопашной схватке с врагом. Руководители Земледельческого союза верили сами и уверяли идущих за ними крестьян, что от исхода этой схватки зависит победа.

Крестьянские массы откликнулись на призыв. Со всех сторон страны к Тырнову и Горна-Оряховице специальными поездами съезжались тысячи крестьян. Еще в пути они начинали расправляться со своими противниками. На станции Провадия стреляли в поезд, везущий сторонников блока. На станции Преслав многие сторонники блока были избиты и выброшены из поезда.

Центральный штаб блока выехал из Софии 15 сентября. В том же поезде направлялся к месту разворачивающихся событий и Р. Даскалов². На станции Мездра поезд был встречен шумными криками сторонников обоих лагерей.

На станции Долни Дыбник, куда поезд прибыл на рассвете 16 сентября, полиция заявила, что начинает обыск. Пассажиров попросили выйти на перрон. В это время огромная толпа крестьян напала на сторонников блока и схватила их руководителей. Началось массовое избиение. Только благодаря вмешательству Р. Даскалова руководителей блока удалось вырвать из рук разъяренных крестьян и заключить под стражу. В Горна-Оряховице навстречу прибывающим поездам вышли крестьяне, вооруженные коляями. Сторонники блока рассеялись. Некоторым из них удалось выехать в Тырново, а значительное большинство осталось в Горна-Оряховице.

Тырново было наполнено возбужденными крестьянами. Арестованных руководителей блока отвели в казармы и передали под охрану войсковой части. Остальных сторонников блока просто не пустили в город. Вечером земледельцы устроили большой митинг.

На следующий день, 17 сентября, открылся съезд свекловодов, на котором присутствовало около 30 тыс. человек. После съезда крестьяне отправились в Горна-Оряховицу, где разогнали оставшихся еще там сторонников блока и разгромили дом реакционера Бурова³.

Это был стихийный подъем, выражавший накопившуюся в течение долгих лет ненависть крестьянских масс к крупной буржуазии и ее партиям. «В тот момент я видел народную душу взволнованной, как никогда ранее... Даже на Владе она не была так взволнована, как в Тырново», — говорил впоследствии Р. Даскалов⁴.

¹ «Земеделско знаме», 16.IX 1922 г.

² Стамболийский 11 сентября выехал в Женеву, извинившись через газету «Земеделско знаме» перед членами Союза в том, что он впервые не может принять участия в таком «крупном выступлении союза, каким является выступление 17 сентября». См. «Земеделско знаме», 16.IX 1922 г.

³ «Работнически вестник», 18.IX 1922 г.

⁴ Дневници на XIX ОНС, IV и. с., стр. 25.

⁷ Ученые записки, т. XI

Каково же было объективное значение событий 17 сентября в Тырново? Как признавала и земледельческая печать, победа земледельцев в Тырново являлась всего лишь «уроком», который должен был «вразумить» фашистских заговорщиков. Силы блока не были не только уничтожены, но и даже надломлены. Земледельческий союз все еще, в который уже раз, только грозил уничтожить «банкиров и ростовщиков»¹, а пока все оставалось по-старому.

Итог и не мог быть иным. Борьба крестьян против их врагов, какие бы внешне революционные формы она ни принимала, может привести к решающей победе только в том случае, если она ведется под руководством пролетариата и его партии. Вне этого руководства дело ограничивается стихийной вспышкой. Крестьянство, как мелкая буржуазия, вообще, в силу своей классовой природы, органически неспособно к решительной и беспощадной борьбе с крупной буржуазией.

События 17 сентября показали, какие глубокие революционные возможности имеются в крестьянстве, как велика ненависть народных масс ко всем тем, кто готовил и проводил войны, кто заключал тайные договоры за спиной болгарского народа, кто вошел в связь с врагом русского и болгарского народов — Врангелем — и толкал Болгарию к гибели.

Выдвинутое еще ранее Коммунистической партией требование народного суда над бывшими министрами кабинетов 1913—1918 гг., ставшими затем главарями «Конституционного блока», превратилось в общенародное.

Резолюция съезда свекловодов в Тырнове требовала немедленного ареста всех министров кабинетов 1913—1918 гг. и созыва не позднее 5 октября чрезвычайной сессии Народного собрания для изменения закона о суде над министрами. Многочисленные резолюции местных дружб требовали смертной казни для предателей, связанных с Врангелем².

Столкновение крестьянских масс со сторонниками блока, происшедшее 17 сентября в Тырново, хотя и было инспирировано земледельческим правительством, явилось в то же время свидетельством слабости этого правительства и невыполнения им своих обещаний. Этого не могли не признать сами руководители земледельческого правительства.

«Мы должны были покончить с прошлым: изгнав Фердинанда, мы должны были изгнать и их, — говорил Стамболийский о главарях антинародных буржуазных партий, — но мы оказались нерешительными: три года мы топтались на месте³. Опасность разрыва со своей социальной базой встала перед руководителями Земледельческого союза вполне реально. «События 17 сентября — результат того, — надо это признать открыто, — что земледельческое правительство не выполнило своей программы в данном пункте. В течение трех лет оно не могло найти времени, чтобы предать народному суду убийц, палачей и кровопийц болгарского народа, — заявил в Народном собрании Р. Даскалов. — Это опоздание может иметь свои причины. Мы можем извиниться за него, — пытался даже оправдаться он, — но народ требует их наказать... Он требует этого удовлетворения, и если ему его не дать, он не потерпит и нынешних правителей»⁴.

Коммунистическая партия широко развернула и возглавила борьбу за предание суду виновников народной катастрофы в 1918 г. — вожаков демократической, народно-прогрессивной и радикальной партий, которые являлись руководителями «Конституционного блока».

¹ «Земедельско знаме», 21.IX 1922 г.

² Там же.

³ Дневники на XIX ОНС, III р. с., кн. 1, стр. 169.

⁴ Дневники на XIX ОНС, IV н. с., стр. 28.

Под давлением широкого народного движения земледельческое правительство созвало 2 октября чрезвычайную сессию Народного собрания и внесло законопроект о всенародном референдуме по вопросу о суде¹. Это решение было принято не без внутренней борьбы в Союзе. Правое крыло Союза втайне противилось аресту руководителей блока². Главари блока, бывшие министры кабинетов Малинова и Гешова, арестованные по требованию народа 17 сентября в Тырново, были доставлены в Софию и здесь освобождены с обязательством явиться по первому требованию полиции³. Вскоре они были арестованы вновь, но несколько человек (А. Буров, Р. Маджаров и др.) успели бежать за границу⁴.

В Народном собрании развернулась ожесточенная борьба вокруг законопроекта о референдуме. Коммунистическая партия и Земледельческий союз выступали совместно против партий «Конституционного блока». Левые элементы Земледельческого союза активно призывали в Народном собрании к совместным действиям с Коммунистической партией, так как только она вела последовательную наступательную борьбу против врагов народа. Представители правого крыла БЗНС воздерживались от выступлений.

Беспощадную критику земледельческого правительства, его колебаний, половинчатости, нерешительности в проведении собственных решений дал представитель левого крыла Союза депутат Ц. Матев. Отвечая представителям буржуазных партий, потребовавших предания суду и министров земледельческого правительства, он заявил, что их будут судить трудящиеся, но совсем не за то, за что хочет судить буржуазия. «Вы будете их судить за то, что они посягнули на ваши капиталы, а трудящийся болгарский народ будет их судить за то, что они не конфисковали их; вы будете их судить за то, что они создали закон об изъятии излишних земель; болгарский народ будет их судить за то, что этот закон стал посмешищем и не применяется...

Вы будете их судить за то, что они создали закон о трудовой поземельной собственности и взяли у вас чифлики, но болгарский трудовой народ, объединенная земледельческая Болгария будет их судить за то, что этот закон не проводится в жизнь и не дал до сих пор ощутительных результатов. Вы будете их судить за то, что они ввели трудовую повинность, а болгарский трудящийся народ будет их судить за то, что они создали возможность откупаться деньгами.

Вы будете их судить, наконец, за то, что они вас предают суду, а болгарский трудящийся народ будет их судить за то, что вы не осуждены до сих пор»⁵.

14 октября 1922 г. Народное собрание приняло закон о проведении референдума. Народ должен был сказать свое слово по вопросу о предании суду 22 бывших министров кабинетов И. Гешова (1911—1913), С. Данева (1913) и А. Малинова (1918). Голосование производилось путем опускания двух видов бюллетеней: белые означали «виновны», черные — «не виновны». Все бюллетени с приписками, пометками и лозунгами объявлялись недействительными⁶.

Коммунистическая партия и Земледельческий союз выступили совместно, призывая голосовать белыми бюллетенями. Это был, безусловно,

¹ Дневници на XIX ОНС, IV н. с., стр. 2.

² М. Турлаков. Кой и защо ме изключи от БЗНС, Бм. б. г., стр. 47.

³ «Работнически вестник», 21.IX 1922 г.

⁴ «Работнически вестник», 25.IX 1922 г.

⁵ Дневници на XIX ОНС, IV н. с., стр. 41.

⁶ Там же, стр. 217.

акта, составленного общинной комиссией, одобренного окружной комиссией и утвержденного дирекцией ТПС.

Одновременно законопроект предусматривал повышение платы за землю: лица, получившие земельные участки из фонда ТПС, должны были платить уже не на 20, а на 30% больше того, что было выплачено прежним владельцам. Специальным примечанием оговаривалось, что цена, по которой будет раздаваться земля, ни в коем случае не должна быть ниже, чем 100 левов за 1 декар (без 30% надбавки)¹.

При втором чтении законопроекта были внесены еще более существенные изменения. Надбавка в пользу дирекции возрастала уже до 40%, уничтожалась рассрочка (взамен нее предлагалось пользоваться ипотекой, закладывая вновь полученную землю банку), из объектов отчуждения изымались сады и огороды, министру земледелия давалось право отменять решения комиссий ТПС. 12 декабря эти изменения были утверждены².

Совершенно очевидно, что как повышение цены за землю, так и отмена рассрочки, создавая непреодолимые препятствия для получения земли крестьянской беднотой, были всецело в интересах кулацкой части деревни.

Таким образом, столь широко разрекламированная земледельческим правительством аграрная реформа, проведение в жизнь которой бесконечно затягивалось, теряла постепенно свои демократические черты.

Неудивительно поэтому, что результаты реформы были ничтожны. Подлежало отчуждению 2360 тыс. декар. До фашистского переворота 9 июня 1923 г. было фактически отчуждено у частных лиц 352 тыс. декар³. Подало заявление на получение земли свыше 110 тыс. человек. Право на приобретение земли получили 79 тыс. человек. Из них только 1963 человека успели оформить акты, а фактически земель было наделено только 760 человек⁴.

* * *

В дни кюстендилских событий Стамболийского в Болгарии не было. Он еще в начале ноября выехал за границу для участия в Лозаннской конференции по ближневосточным вопросам, надеясь добиться на этот раз благоприятного разрешения оставшегося попрежнему открытым вопроса о выходе Болгарии к Эгейскому морю.

Решающая победа турок над греческими войсками, закрепленная перемирием в Муданье, изменила положение на Ближнем Востоке. Попытка империалистов произвести раздел Турции потерпела крах. Кабальный Севрский договор оказался разорванным. В Лозанне предстояло заключить новый мирный договор с Турцией. Это не могло не оживить и в Болгарии надежд на смягчение тяжелых условий договора в Нейи. «Севрский договор положен уже на стол. А он связан с договором в Нейи и не может не задеть и последний», — говорил Стамболийский в интервью газете «Новини»⁵.

Передачу Восточной Фракии по муданийскому перемирию Турции земледельческое правительство склонно было рассматривать чуть ли не как

¹ Дневници на XIX ОНС, III р. с., кн. 1, стр. 280.

² Дневници на XIX ОНС, III р. с., кн. 2, стр. 468—469, 472—473 и 485—486.

³ Дневници на XXVI ОНС, кн. I. София, 1946, стр. 188. См. Мотивировка законопроекта о трудовой поземельной собственности.

⁴ Х. Кабакчиев. Национальный и аграрно-крестьянский вопрос на Балканах. «Коммунистический Интернационал», 1928, № 27—28, стр. 867; М. Горов. Аграрная реформа крестьянского правительства в Болгарии. «На аграрном фронте», № 10, 1927, стр. 83.

⁵ «Работнически вестник», 19.X 1922 г.

Положение в Кюстендиле давно уже было беспокойным. Македонские террористы совершали нападения на прогрессивные организации и отдельных лиц. 15 октября вооруженная банда напала на собрание граждан в городской читальне; три человека было убито, шесть — ранено.

Пользуясь безнаказанностью, бандиты все более наглели. В ночь на 4 декабря македонские террористические отряды под командованием Пенчо Михайлова подошли к городу и под предлогом, будто они хотят наказать виновных в убийстве одного из террористов, заняли вокзал, казармы, почту и все государственные учреждения. Ни войска, ни жандармерия не оказали сопротивления.

Правительство направило из Софии войсковые части под командованием военного министра Томова, но последний повел себя чрезвычайно странно. Прибыв днем 5 декабря в Кюстендил с силами, намного превосходящими силы македонских террористов, он вступил с Михайловым в переговоры, дал террористам спокойно уйти из города и не преследовал их. В течение недели македонские четы оставались в соседних с Кюстендилем селах¹.

Известие о захвате Кюстендила террористами и о полной их безнаказанности вызвало тревогу в Софии и по всей стране.

Коммунистическая партия указывала, что кюстендилские события — это разведка со стороны реакции, и предупреждала о готовящемся перевороте². Однако в целом она заняла неправильную позицию, выступив главным образом против земледельческого правительства, а не против организаторов переворота³.

Представители буржуазных партий в Народном собрании, за исключением одного либерального депутата, который открыто встал на сторону македонских террористов, воздерживались от оценки кюстендилских событий⁴.

По решению совета министров были арестованы и преданы военному суду все руководители гражданских и военных властей в Кюстендиле, допустившие захват города террористами⁵. В Кюстендилском округе было введено военное положение.

Но все эти меры, спешно принимаемые земледельческим правительством, не могли скрыть тот основной факт, что правительство не может положить на армию и что поведение самого военного министра — правого земледельца Томова — во время кюстендилских событий было более чем подозрительным.

В разгар этих весьма серьезных событий внимание Народного собрания еще раз было возвращено к вопросу о трудовой поземельной собственности.

Согласно ст. 46 закона о ТПС, документы, удостоверяющие право новых владельцев на полученные ими участки земли, должны были быть подписаны прежними владельцами этих участков. Разумеется, последние отнюдь не были заинтересованы в скорейшем окончании дела и всячески срывали и затягивали оформление документов. 24 ноября 1922 г., т. е. спустя полтора года после принятия закона о трудовой поземельной собственности, в Народном собрании начал рассматриваться законопроект об изменении ст. 46. Для введения в собственность теперь достаточно было

¹ «Работнически вестник», 6 и 19.XII 1922 г.

² Дневници на XIX ОНС, III р. с., кн. 2, стр. 506—510.

³ Вълко Червенков. Българска комунистическа партия (тесни социалисти) през 1919—1923 г., стр. 33.

⁴ «Работнически вестник», 16.XII 1922 г.

⁵ «Работнически вестник», 18.XII 1922 г.

акта, составленного общинной комиссией, одобренного окружной комиссией и утвержденного дирекцией ТПС.

Одновременно законопроект предусматривал повышение платы за землю: лица, получившие земельные участки из фонда ТПС, должны были платить уже не на 20, а на 30% больше того, что было выплачено прежним владельцам. Специальным примечанием оговаривалось, что цена, по которой будет раздаваться земля, ни в коем случае не должна быть ниже, чем 100 левов за 1 декар (без 30% надбавки)¹.

При втором чтении законопроекта были внесены еще более существенные изменения. Надбавка в пользу дирекции возрастала уже до 40%, уничтожалась рассрочка (взамен нее предлагалось пользоваться ипотекой, закладывая вновь полученную землю банку), из объектов отчуждения изымались сады и огороды, министру земледелия давалось право отменять решения комиссий ТПС. 12 декабря эти изменения были утверждены².

Совершенно очевидно, что как повышение цены за землю, так и отмена рассрочки, создавая непреодолимые препятствия для получения земли крестьянской беднотой, были всецело в интересах кулацкой части деревни.

Таким образом, столь широко разрекламированная земледельческим правительством аграрная реформа, проведение в жизнь которой бесконечно затягивалось, теряла постепенно свои демократические черты.

Неудивительно поэтому, что результаты реформы были ничтожны. Подлежало отчуждению 2360 тыс. декар. До фашистского переворота 9 июня 1923 г. было фактически отчуждено у частных лиц 352 тыс. декар³. Подало заявление на получение земли свыше 110 тыс. человек. Право на приобретение земли получили 79 тыс. человек. Из них только 1963 человека успели оформить акты, а фактически землей было наделено только 760 человек⁴.

* * *

В дни кюстендилских событий Стамболийского в Болгарии не было. Он еще в начале ноября выехал за границу для участия в Лозаннской конференции по ближневосточным вопросам, надеясь добиться на этот раз благоприятного разрешения остававшегося попрежнему открытым вопроса о выходе Болгарии к Эгейскому морю.

Решающая победа турок над греческими войсками, закрепленная перемирием в Муданье, изменила положение на Ближнем Востоке. Попытка империалистов произвести раздел Турции потерпела крах. Кабальный Севрский договор оказался разорванным. В Лозанне предстояло заключить новый мирный договор с Турцией. Это не могло не оживить и в Болгарии надежд на смягчение тяжелых условий договора в Нейи. «Севрский договор положен уже на стол. А он связан с договором в Нейи и не может не задеть и последний», — говорил Стамболийский в интервью газете «Новини»⁵.

Передачу Восточной Фракии по муданийскому перемирию Турции земледельческое правительство склонно было рассматривать чуть ли не как

¹ Дневници на XIX ОНС, III р. с., кн. 1, стр. 280.

² Дневници на XIX ОНС, III р. с., кн. 2, стр. 468—469, 472—473 и 485—486.

³ Дневници на XXVI ОНС, кн. I. София, 1946, стр. 188. См. Мотивировка законопроекта о трудовой поземельной собственности.

⁴ Х. Кабакчиев. Национальный и аграрно-крестьянский вопрос на Балканах. «Коммунистический Интернационал», 1928, № 27—28, стр. 867; М. Горюв. Аграрная реформа крестьянского правительства в Болгарии. «На аграрном фронте», № 10, 1927, стр. 83.

⁵ «Работнически вестник», 19.X 1922 г.

прецедент в отношении возможной передачи Западной Фракии Болгарии. Но оно забывало о главном: победы турок были завоеваны ими в борьбе, а Стамболийский ждал «милости» от империалистических хищников.

Подлинным защитником всех угнетенных, глашатаем прав малых народов, несгибаемым борцом за мир во всем мире с первого дня своего существования являлась Советская Россия. Бескорыстная помощь Советской страны всем борющимся против неравноправных, кабальных договоров, смелая защита ею на международной арене прав малых народов являлись фактом, который все глубже проникал в сознание широчайших народных масс. К концу 1922 г. в отношении руководителей земледельческого правительства к Советской России наметились значительные сдвиги. Выступая 26—28 октября в Народном собрании с большой речью о международном и внутреннем положении Болгарии, Стамболийский открыто выразил свои симпатии к советскому народу, покончившему с вековым злом — царизмом. Он заявил, что между Болгарией и Советской Россией не стоит ничего. Но в то же время со свойственной ему непоследовательностью он заявил, что пора «протянуть руку» еще не наступила¹.

Земледельческое правительство и его руководители попрежнему оглядывались на «великие державы Антанты», считая их вершителями судеб народов, из их рук надеясь получить смягчение условий договора. «Если великие державы Антанты найдут, что для того, чтобы предотвратить конфликты, нужно произвести известную ревизию и этого договора, пусть они сделают это. Мы только указываем на наши нужды... в рамках договора», — говорил Стамболийский в той же речи². Руководители стран Антанты, однако, нисколько не считались с интересами Болгарии. Больше того, они вообще не собирались приглашать Болгарию на конференцию в Лозанне. Только благодаря вмешательству Советского Союза Болгария была допущена на конференцию³.

Стамболийский отправился в Лозанну заблаговременно и для того, чтобы подготовить почву, по пути заехал в Бухарест и Белград, ища у румынского и югославского правительств поддержки своих требований о предоставлении Болгарии выхода к Эгейскому морю. 21 ноября, на второй день после открытия конференции, еще до прибытия всей болгарской делегации, Стамболийскому представили слово, и он выступил с большой декларацией. Стамболийский заявил, что в связи с поставленными на обсуждение конференции вопросами Болгарию интересуют пять касающихся ее проблем: 1) выход Болгарии к Эгейскому морю, 2) участь беженцев из обеих Фракий, 3) участь нацменьшинств в обеих Фракия, 4) территориальная неприкосновенность Болгарии, как страны разоружившейся, 5) режим проливов. Однако подробно он остановился лишь на первой проблеме.

Стамболийский ставил вопрос так: передача Восточной Фракии Турции может служить примером для передачи Западной Фракии Болгарии. Это, казалось бы, диктуется логикой, правом, наконец, интересами мира на Балканах и во всей Европе, говорил он. Но это будет рассматриваться как страшный удар по мирному договору в Нейи. «Стремясь быть лояльным

¹ Дневники на XIX ОНС, III р. с., кн. 1, стр. 138 и 154.

² Там же, стр. 136.

³ В ноте правительствам Англии, Франции и Италии от 2 ноября 1922 г. Советское правительство возражало против произвольного и лишнего всяких законных оснований подбора участников конференции по ближневосточным делам, при котором в числе приглашенных оказалась Япония и отсутствовала ближайшая соседка Турции — Болгария. «Внешняя политика СССР», т. 2. М., 1944, стр. 638.

до конца», болгарское правительство не решалось и ставить об этом вопроса. Оно просило для Западной Фракии автономии, а в случае, если Антанты не пойдет и на это, — возвращения к положению, которое было в момент подписания мирного договора, т. е. оставления Западной Фракии в распоряжении союзников и превращения ее в нейтральную зону¹.

После длительных обсуждений вопрос был передан в подкомиссию. 24 ноября подкомиссия доложила свои рекомендации: создать международную комиссию под председательством представителей Англии, Франции и Италии для наблюдения за железной дорогой и свободным портом в Дедеагаче или поблизости от него. Болгарская сторона это предложение отвергла и настаивала на том, чтобы территория, прилегающая к железной дороге и порту, была передана Болгарии или на этой территории был установлен автономный режим, экономически связанный с Болгарией специальными соглашениями². Вопрос был отложен. 23 января 1923 г. были вновь предложены не приемлемые для Болгарии условия, и на этом переговоры прервались.

Как известно, одним из центральных вопросов Лозаннской конференции был вопрос о проливах. Но и здесь, вопреки интересам укрепления мира, вопреки собственным национальным интересам, болгарская делегация не поддержала советского предложения о закрытии проливов для всех военных кораблей в мирное и военное время и полной свободе торгового мореплавания, а покорно попелась за Антантой.

ВНУТРЕННИЙ КРИЗИС ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

В конце декабря 1922 г., не дожидаясь завершения работ Лозаннской конференции, Стамболийский вернулся в Софию. Его приезд был, очевидно, ускорен известиями о напряженном положении в стране.

«То, что я застал по возвращении из-за границы, мне совсем не нравится. Необходимо не только стабилизировать положение власти, не только вернуть ее авторитет, но и сделать все возможное для еще более прочного обеспечения внутреннего мира, порядка, прав и свобод болгарского народа», — заявил Стамболийский³.

Оснований для тревоги было достаточно.

Реакция, ободренная успешной разведкой в Кюстендиле, все более поднимала голову. Реакционная пресса почти открыто призывала к убийству руководителей Земледельческого союза. Газета социал-предателей «Эпоха» в статье «Чего еще ждете!» описывала убийство диктатора Стамболова, очевидно, в качестве примера для подражания. 15 декабря произошло покушение на Р. Даскалова⁴. Нападение было совершено в седьмом часу вечера, когда Даскалов на автомобиле возвращался с заседания Народного собрания. 28 января в нескольких шагах от своего дома подвергся нападению министр общественных сооружений Ц. Бакалов⁵. Оба покушения были неудачными, однако показателен сам факт возможности нападения на членов правительства и полной безнаказанности покушавшихся.

Предательское поведение военного министра К. Томова в Кюстендиле свидетельствовало о его связях с реакционными силами. Измена проникла

¹ Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques Conférence de Lausanne, v. I. Paris, 1923, pp. 22—23.

² Там же, стр. 65—66.

³ «Земледельско знаме», 12.I 1923 г.

⁴ «Работнически вестник», 16.XII 1922 г.

⁵ «Земледельско знаме», 3.II 1923 г.

в самый центр государственной власти. Правое крыло Земледельческого союза открыто шло навстречу буржуазному блоку.

Политика Стамболийского, направленная на примирение борющихся внутри Земледельческого союза течений, потерпела крах. Это был, по существу, крах не только политики, но и всей идеологии Земледельческого союза и лежащей в основе ее «сословной теории». Центробежные силы, непрерывно действующие в деревне и делающие «единство земледельческого сословия» лишь фикцией, привели к расколу в Земледельческом союзе. Правительство Стамболийского находилось в состоянии глубокого внутреннего кризиса.

Перед лицом неопровержимых фактов, говорящих об измене правых земледельцев, Стамболийский все еще колебался. Он боялся потерять большинство в Народном собрании, а, возможно, боялся и раскола всей организации. Пытаясь создать хотя бы видимость единства, он противопоставлял печальной действительности вымысел. В течение января в своих многочисленных выступлениях в печати и в Народном собрании он не переставал утверждать, что международное и внутреннее положение Болгарии лучше, чем когда-либо. «Чем больше мы управляем, тем больше растет сила земледельческого объединения. Если три года тому назад я говорил, что БЗНС будет управлять непрерывно в течение двадцати лет, то теперь я вижу, что этот срок будет удлинён», — твердил он¹.

4 февраля произошло новое покушение. Во время спектакля в Народном театре в Софии в правительственную ложу, где находились Стамболийский и министры «большинства», была брошена бомба. И на этот раз обошлось без жертв. Имя покушавшегося было установлено. Это был П. Даскалов из Радомира, но задержать его не удалось².

Случай этот, несомненно, явился толчком, ускорившим развязку. Но сила инерции была такова, что и после 4 февраля пропаганда велась в старом направлении, имея целью любыми способами успокоить возбужденное общественное мнение. Дело дошло до забавного казуса.

«Ходят слухи, что якобы произойдет реорганизация кабинета, что Народное собрание будет распушено для выборов нового. Кто распускает эти слухи, мы не знаем; знаем только то, что они ежедневно повторяются, главным образом газетами черного «блока» и широкими социалистами. Повторяю: ни совет министров, ни земледельческая группа, ни самые важные и власть имеющие по таким вопросам органы Земледельческого союза — съезд и верховный управительный совет — не занимались подобными вопросами», — сердито выговаривал Стамболийский в передовой статье газеты «Земедельско знаме» от 10 февраля.

А на второй странице того же номера газеты приотлилась скромная заметка о том, что «вчера члены Верховного союзного совета на совместном заседании с членами Верховного союзного суда и парламентской группы принял отставку кабинета. Сегодня, 9 февраля, Верховный союзный совет поручил председателю совета министров Стамболийскому произвести реконструкцию кабинета»³.

¹ «Земедельско знаме», 24.I 1923 г. —

² «Земедельско знаме», 7.II 1923 г.

³ «Земедельско знаме», 10.II 1923 г. Объяснением может служить тот факт, что организация издания газеты «Земедельско знаме» была очень примитивна, газета выходила раз в 3—4 дня, материалы ее готовились заранее и нередко безнадежно отставали от жизни. Тем не менее остается несомненным, что Стамболийский и руководимое им большинство буквально до последнего дня отрицали возможность разрыва, надеясь, очевидно, закончить дело и на этот раз миром.

Экстренное заседание Верховного союзного совета БЗНС длилось три дня (8—10 февраля 1923 г.). Три министра земледельческого правительства — Марко Турлаков, Коста Томов и Христо Манолов — были обвинены в предательстве союзных интересов и корыстном использовании власти и исключены из рядов БЗНС навсегда¹. «И если исключенные появятся среди крестьян для того, чтобы оправдываться и продолжать вводить народ в заблуждение, — говорилось в решении Совета, — Постоянному присутствию поручается зорко за ними следить и сразу же посылать союзных деятелей и делать все возможное, чтобы они были разоблачены перед самим народом»².

Одновременно с тремя исключенными из Земледельческого союза вожаками правого крыла из состава правительства (очевидно, из соображений некоего «равновесия») выводился и ближайший друг и единомышленник Стамболийского Р. Даскалов. Освободившиеся портфели были временно распределены между остальными министрами.

Раскол БЗНС и исключение из состава правительства ряда лиц вызвали огромный резонанс в стране.

Буржуазные партии подняли шум, обвиняя правительство в нарушении конституции, поскольку министерский кризис был разрешен помимо Народного собрания. Они не скрывали своих симпатий к Турлакову, Томову и Манолову. На возобновившемся 12 февраля после недельного перерыва заседании Народного собрания буржуазные депутаты требовали объяснения причин их отставки³. «Во всяком случае, болгарское общество знает, что три министра, которые изгнаны из кабинета, являлись наиболее умеренными», — писала газета демократов «Препорец»⁴.

Исключенные из Земледельческого союза министры развернули активную борьбу против Стамболийского. 11 февраля, на следующий же день после заседания Верховного совета БЗНС, Турлаков выступил перед корреспондентами буржуазных газет с обвинениями против Стамболийского⁵. Он угрожал, что положение кабинета будет непрочным, так как при пополнении его новыми министрами встретятся значительные трудности. Затем он обратился с открытым письмом к земледельческим друзьям⁶. Такое же письмо отправил и Томов⁷.

Брожение проникало в низовые организации. С мест поступали протесты против исключения из БЗНС трех министров и требования указать более определенно их вину⁸. Собрание дружб Плевенской околии в своей резолюции записало, что оно не признает исключения трех бывших министров и считает, что Верховный союзный совет не имел права заниматься вопросом исключения, который находится в компетенции самих дружб, союзного суда и съезда. Белослатинская дружба послала Стамболийскому, председателю Народного собрания, Высшему союзному совету и редакции «Земедельско знаме» резолюцию протеста против исключения трех министров и требовала созыва в марте чрезвычайного съезда. «Слушайте нас, а если не послушаете, то увидите, что будет», — так заканчивалась эта резолюция⁹.

¹ По уставу БЗНС применялось иногда и исключение на определенный срок.

² «Земедельско знаме», 14.II 1923 г.

³ Дневници на XIX ОНС, III р. с., кн. 3, стр. 1120—1125.

⁴ «Препорец», 13.II 1923 г.

⁵ М. Турлаков. Кой и защо ме исклучи от БЗНС, стр. 67.

⁶ Там же, стр. 17—19.

⁷ «Работнически вестник», 19.II 1922 г.

⁸ «Работнически вестник», 21.II 1923 г.

⁹ «Работнически вестник», 28.II 1923 г.

Кое-где дело доходило до раскола. Отколовшиеся объединялись с драгиевистами. Во Вратце была создана новая драгиевистская группа. В Варне борьба дошла до такой остроты, что Даскалова, приехавшего помирить две расколовшиеся группы, выгнали с собрания дружбы¹. Во взаимных обвинениях члены враждующих групп раскрывали многочисленные факты мошенничества и злоупотреблений властью.

Прямых сторонников Турлакова в Земледельческом союзе было все же меньшинство. Гораздо больше было колеблющихся, сомневающихся, недоумевающих по поводу столь быстрого, казалось бы, поворота. Политика замазывания противоречий давала свои плоды.

Стамболийский выступил с разъяснениями. Он вынужден был признать, «что сила первого земледельческого правительства иссякла», так как «броня» его уже более года назад треснула под ударами его врагов, и внутрь хлынула «чужая вода и отравы». «Нет более ужасной коалиции, чем та, которую переживало около года земледельческое правительство. Коалиция с открытыми врагами менее опасна, чем коалиция со скрытыми врагами или с друзьями и товарищами, которые служат и нам и врагам. Отсюда бессилie земледельческого правительства. Переустройство кабинета кладет конец источнику бессилия. Земледельческое правительство восстановит свою силу снова», — писал он о реорганизации кабинета².

14—19 февраля в Софии были произведены массовые обыски. Органы общественной безопасности произвели аресты некоторых близких к Турлакову лиц, но ни его самого, ни двух других бывших министров не тронули. Пользуясь широко предоставившей им свои страницы буржуазной печатью, они развернули борьбу против правительства.

Буржуазный блок рассчитывал использовать внутренний кризис земледельческого правительства для того, чтобы свергнуть его «конституционным» путем. Для этого был произведен нажим на Бориса. Газета «Зора», издававшаяся демократами, «теоретически» обосновывала право царя активно участвовать в законодательстве, не утверждать законов, которые он считает противоконституционными, проводить контроль над исполнительной властью, и призывала Бориса осуществить эти свои права, отстранить земледельческое правительство и призвать к власти партии блока. Аналогичные призывы к Борису появились и в газетах широких социалистов «Народ» и «Эпоха»³. «Препорец» выступила против Бориса, обвиняя его в бездеятельности. Перечислив обвинения против земледельческого правительства, газета писала: «Можно ли предположить, что глава государства так слеп и глух, так бесчувственен и несознателен, что не видит этого?». «Препорец» требовала, чтобы Борис не давал санкции на роспуск XIX Народного собрания, так как это означало бы, писала газета, вручение земледельцам мандата еще на четыре года⁴.

27 февраля представители трех буржуазных партий блока были на аудиенции у Бориса. Повидимому, на эту аудиенцию возлагались большие надежды, так как на улице представителей этих буржуазных партий ждали толпы сторонников⁵. Однако Борис не решился на выступление.

Земледельческое правительство, между тем, действительно готовило роспуск Народного собрания. Для того чтобы обеспечить себе большинство при новых выборах, оно, при бурных протестах оппозиционных партий, про-

¹ «Работнически вестник», 28.II 1923 г.

² «Земедельско знаме», 15.II 1923 г.

³ «Работнически вестник», 20.II 1923 г.

⁴ «Препорец», 15.II 1923 г.

⁵ «Земедельско знаме», 2.III 1923 г.

вело изменение избирательного закона, заменив пропорциональную систему выборов мажоритарной¹.

11 марта Народное собрание приняло законодательное предложение об отдаче под суд бывших министров кабинетов Ив. Гешова, Ст. Данева и Ал. Малинова за нарушение конституции, законов страны и другие преступления². Государственным обвинителем был назначен Р. Даскалов, его помощниками — Ал. Радолов, К. Консулов и В. Величков³. Это было последним актом XIX Народного собрания. В тот же день был прочитан указ о его роспуске и назначении новых выборов.

Вознося всевозможные похвалы XIX Народному собранию, которое «по своему творчеству и работоспособности останется может быть непревзойденным», Стамболийский в передовой газеты «Земедельско знаме» «Почему оно распускается?» так объяснял причины его роспуска:

«Мы спрашиваем: может ли и должна ли оставаться палата неразогнанной, если часть ее в тюрьме за тяжелейшие преступления, когда целые партийные группы растопились, как лед, и превратились в болото; называемое «блоком», когда целая партийная группа (широкосоциалистическая) продавалась на торгу и продана ужаснейшим политическим торгашам; когда отдельные депутаты точно так же продаются и когда, наконец, министры, часть этой палаты, выбрасываются из политической жизни за кражи среди бела дня и взяточничество?»⁴

Предвыборная борьба с каждым днем разгоралась с новой силой. Блок снова попытался оказать давление на Бориса, напоминая ему о его ответственности, но «глава государства» и на этот раз предпочел остаться в тени⁵. Возможно, впрочем, что эти выступления буржуазных газет с призывами к использованию «конституционных прав царя» были не более как маскировкой начавшейся уже тогда подготовки военного заговора.

Исключенные из БЗНС бывшие министры образовали со своими сторонниками «Болгарский земледельческий народо-властнический союз» и вели усиленную агитационную деятельность против земледельческого правительства. 12 марта они обратились к дружбам с открытым письмом, в котором обвиняли Стамболийского и его сторонников в крупных аферах в «Народном магазине» и призывали бороться против Стамболийского⁶. В середине марта они начали выпускать газету «Обнова»⁷.

В БЗНС шли новые исключения. 14 марта постоянное присутствие БЗНС исключило из рядов Союза группу бывших земледельческих депутатов Народного собрания — С. Дряновского, Ц. Матева, З. Каменова и М. Караваневского — «за измену и предательство союзных интересов»⁸. Под этой общей формулой, однако, скрывались совершенно различные вещи: если С. Дряновский был «правым» и бесцеремонно требовал капитуляции земледельческого правительства и соглашения с буржуазными партиями, то Ц. Матев, как показывают его многочисленные выступления в Народном собрании, начиная еще с 1919 г. резко критиковал правительство именно за невыполнение им своих обещаний и требовал решительных мер по отношению к крупному капиталу. В исключении Матева сказалось еще раз

¹ Дневници на XIX ОНС, III р. с., кн. 3, стр. 1185—1187.

² Там же, стр. 1620—1623.

³ Там же, стр. 1624.

⁴ «Земедельско знаме», 16.III 1923 г.

⁵ «Препорец», 12.III 1923 г.

⁶ «Работнически вестник», 15.III 1923 г.

⁷ «Препорец», 19.III 1923 г.

⁸ «Работнически вестник», 15.III 1923 г.

стремление Стамболийского и его группы во что бы то ни стало «удержаться посередине», проводить якобы возможную «среднюю линию».

В середине марта 1923 г. из состава правительства были выведены еще два министра: министр промышленности Ал. Радолов, участвовавший в правительстве с момента организации земледельческого управления, и министр общественных сооружений Ц. Бакалов — первый земледельческий министр еще в кабинете Малинова, сформированном в октябре 1918 г. Бывший министр юстиции П. Янев был назначен министром финансов.

На освободившиеся места были назначены пять новых земледельческих министров: Хр. Стоянов (внутренних дел), С. Дупаринов (юстиции), К. Павлов (общественных сооружений), Н. Атанасов (железных дорог и связи) и К. Муравиев (военный)¹. Немного позднее, в начале мая, был назначен и шестой министр — Зографский (промышленности, торговли и труда)².

Реорганизация кабинета была закончена. Точнее — это было создание нового, ибо из состава прежнего в нем оставалось, помимо Стамболийского, лишь три человека (Оббов, Омарчевский и Янев). Стамболийский называл его «третьим земледельческим кабинетом» (считая первым коалиционный кабинет, в котором земледельцы сотрудничали с народниками) и рассматривал как новый этап земледельческого управления³.

Стамболийскому удалось ликвидировать правительственный кризис внутренними силами Земледельческого союза, не обращаясь к помощи других партий. Экстренными мерами он сумел починить расползающееся здание «земледельческого управления». Однако само здание отнюдь не стало более прочным.

Вместо разоблаченных сторонников крупной буржуазии, какими являлись Турлаков, Томов и Манолов, в состав правительства были введены ее тайные агенты. Как показали последующие события, министр внутренних дел Хр. Стоянов и военный министр К. Муравиев имели тесные связи с заговорщиками.

Сколько бы литературного таланта ни тратил Стамболийский на обличение «перерождения» в среде руководящих деятелей Земледельческого союза, ни уничтожить, ни хотя бы приостановить это перерождение было невозможно. Оно неизбежно вызывалось двойственной, колеблющейся природой мелкой буржуазии, составлявшей социальную базу Земледельческого союза.

* * *

В течение марта 1923 г. земледельческому правительству ценою значительных уступок удалось урегулировать два важных вопроса: о репарациях и об отношениях с Сербо-Хорватско-Словенским государством в связи с действиями чет.

Испытывая значительные внутренние трудности, земледельческое правительство опасалось, что конфликт с репарационной комиссией еще более осложнит положение, и решило во что бы то ни стало добиться соглашения. 12 февраля оно направило Межсоюзнической комиссии в Софии еще одно письмо, в котором вновь излагало финансовые и экономические трудности, в которых находилась страна. Указывая, что финансовое напряжение достигло крайнего предела, оно просило финансовой помощи в виде

¹ «Работнически вестник», 13, 15 и 19.III 1923 г.

² «Работнически вестник», 10.V 1923 г.

³ «Земеделско знаме», 23.III 1923 г.

иностранным кредитом, а также вновь ставило вопрос о сокращении суммы долга¹. Для того чтобы сделать свою просьбу более убедительной, правительство угодливо перечисляло свои заслуги перед репарационной комиссией (отмена ст. 4 закона о суде и наказании виновников народной катастрофы, отмена консорциума, снятие законопроекта о налоге на капиталы, пересмотр бюджета 1921/22 года и принятие дополнительного бюджета, представление бюджета 1922/23 года на предварительное ознакомление репарационной комиссии)². Уверяя в своей готовности платить репарации, оно соглашалось даже, если это необходимо, выделить часть доходов таможен в уплату долга.

После обмена еще несколькими нотами 27 февраля начались устные переговоры, в ходе которых земледельческое правительство пошло на значительные уступки. 21 марта Стамболийский, с одной стороны, и Колвин (Англия), Шеризе (Франция) и Кароббио (Италия) — с другой, подписали соглашение. Вся сумма репарационного долга делилась на две части. Часть «А» в сумме 550 млн. золотых франков должна была уплачиваться полугодовыми взносами в течение 60 лет, начиная с 1 октября 1923 г., причем Болгария должна была также платить сложные проценты на эту сумму из расчета 5% годовых. Часть «Б», включавшая остаток долга, не должна была взыскиваться в течение ближайших 30 лет. За эту прозрачную уступку (ибо, в конечном счете, сумма долга не уменьшалась, а возрастала) земледельческое правительство сдавало основные экономические позиции. Оно уступало доходы от таможен, а в случае, если этих доходов окажется недостаточно для покрытия полугодовых взносов, Болгарский народный банк обязывался удерживать разницу из государственных сумм и незамедлительно передавать Межсоюзнической комиссии. Необходимые кредиты для уплаты взносов должны были включаться в государственный бюджет³.

Правительство вплоть до выборов не опубликовывало текста соглашения, надеясь скрыть его тяжелые условия от народа, и ограничивалось заявлениями о «большой победе». Земледельческие газеты даже поместили дружеский шарж на Стамболийского, победившего «чудовище» репарации⁴. В интервью корреспондентам газет Стамболийский говорил о своей якобы «мудрой политике», приведшей к столь значительному успеху⁵. «Уменьшение репарационного долга с 2250 до 550 млн. является большим успехом, достигнутым без капли крови, без оккупации, без обещаний и без обязательств», — писала газета «Земеделско знаме», искажая действительность⁶.

Все это было, разумеется, продиктовано интересами предвыборной борьбы.

Но если правительственная пресса, умалчивая об одной части репарационного соглашения, весьма шумела о другой, то в отношении болгаро-сербского соглашения она вообще хранила молчание, желая оставить его до поры до времени в тайне, так как земледельческое правительство не без оснований опасалось осложнений внутри и вне страны.

В действительности суть дела была такова.

¹ С. Обрейков. Указ. соч., стр. 121.

² «Работнически вестник», 6.IV 1923 г.

³ С. Обрейков. Указ. соч., стр. 122—130.

⁴ «Работнически вестник», 30.IV 1923 г.

⁵ «Земеделско знаме», 25.III 1923 г.

⁶ Там же.

С 1 по 17 марта 1923 г. в Нише происходили переговоры между болгарскими и сербскими комиссиями по вопросу о борьбе с четами. Обе стороны согласились на проведение некоторых совместных мероприятий — усиление вооруженной стражи на границе, установление телефонной связи между постами и взаимной информации о появлении чет. Пограничным патрулям, преследующим нарушителей границы, разрешалось переходить на территорию соседнего государства.

Было решено выслать из районов, прилегающих к границе, всех беженцев, не имеющих дома и семьи, и поселить их в отдаленных районах внутри страны, а также удалить из пограничной зоны всех должностных лиц и служащих, которые имеют отношение к македонским комитетам и принимают участие в их деятельности. Обе стороны обязались передавать друг другу нарушителей границы. Однако в отношении части вопросов соглашение достигнуто не было. Болгарская делегация не согласилась на требование сербской — установить уголовную ответственность за участие в македонской организации. Она заявила, что это предложение должно быть изучено особой комиссией с участием юристов. В свою очередь, сербская делегация не приняла предложения болгарской — объявить общую амнистию и разрешить македонским эмигрантам вернуться на родину, заявив, что вопрос амнистии является «одной из исключительных прерогатив короны»¹. Согласно Нишскому соглашению, земледельческое правительство окончательно отказалось от всяких притязаний на Македонию и сделало значительный шаг вперед в давно желаемом им сближении с Сербо-Хорвато-Словенским государством. Это сближение вызвало, однако, серьезное неудовольствие Англии и в особенности Италии, строивших свои империалистические расчеты на Балканах на взаимном натравливании балканских стран. Болгарская реакционная буржуазия также рассматривала Нишское соглашение как удар по своим захватническим планам, поэтому она усилила натравливание террористических македонских шайк на земледельческое правительство и подготовку переворота. Но руководители земледельческого правительства не видели опасности. Они продолжали усиливать борьбу против коммунистов.

Подготовка к выборам в XX Народное собрание происходила в обстановке ожесточенного правительственного террора по отношению к коммунистам. Победа земледельцев в Тырново и успех референдума вскружили голову руководителям земледельческого правительства. Они не сделали никаких выводов из последующих событий, решили, что с блоком в основном покончено, и направили весь огонь против коммунистов. «Борьба против блока подходит к концу. Очередь за коммунистами», — писал Р. Даскалов в газете «Земедельско знаме»². В этих условиях реакция распоясалась. В день выборов, 22 апреля 1923 г., в 13-й избирательной секции было совершено нападение на руководителя болгарского пролетариата Георгия Димитрова³.

Несмотря на бешеный террор, БКП(г) получила почти на 28 тыс. голосов больше, чем в предыдущие выборы, однако в результате изменений в избирательной системе она потеряла количество мест в Народном собрании: вместо 51 мандата в XIX Народном собрании она имела в XX всего лишь 16.

Общие результаты выборов, согласно официальным данным, были следующие:

¹ «League of nations. Official Journal», 1923, № 7, pp. 724—726.

² См. «Работнически вестник», 3.IV 1923 г.

³ «Работнически вестник», 28.IV 1923 г.

БЗНС получил	569 139	голосов и	212	мандатов
Другие группы БЗНС	2 768	„	—	„
БКП(гс)	203 972	голоса „	16	„
Блок	166 909	голосов „	14	„
«Коалиция»	31 768	„ „	3	мандата
Нац. либералы	55 963	голоса	—	„
Широкие социалисты	27 816	голосов	—	„
Другие	141	голос	—	„
<hr/>				
Всего	1 058 476	голосов ¹	245	мандатов

Большинство земледельческих депутатов составили представители низовой администрации, бывшие окружные управители, околийские начальники и приставы. Известную часть депутатов составила городская молодежь — сынки лавочников².

ФАШИСТСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 9 ИЮНЯ 1923 г.

Победа на выборах создала у руководителей земледельческого правительства иллюзию необычайной прочности власти. Они были убеждены, что блок окончательно разбит и земледельческой диктатуре ничто уже не грозит. Стамболийский строил радужные планы на будущее. В середине мая появились сообщения о предстоящем съезде Великого народного собрания для изменения конституции. На 30 августа назначался юбилейный торжественный съезд БЗНС. В упоении своими действительными и мнимыми успехами руководители земледельческого правительства еще более ожесточенно начали преследовать коммунистов.

Озлобление против Земледельческого союза, вызванное преследованиями со стороны правительства, помешало болгарским коммунистам трезво учесть обстановку и выбрать правильное направление удара. Решив, подобно земледельцам, что опасность фашистского переворота теперь уже мало вероятна, они заявляли, что земледельческое правительство является ничуть не меньшим злом по сравнению с тем, что несет «Конституционный блок». 25—26 апреля состоялось заседание Высшего партийного совета БКП(гс). Оно ориентировало партию на проведение борьбы в равной мере как против буржуазного блока, так и против земледельческого правительства. На страницах газеты «Работнически вестник» хотя и появлялись призывы к массам бороться против фашистской опасности, но БЗНС отождествлялся целиком и полностью с реакционным блоком. Это было, безусловно, серьезной ошибкой и сводило на нет успехи, достигнутые Коммунистической партией в период проведения референдума. В момент решительного наступления реакции силы пролетариата и трудящегося крестьянства, которое все еще в значительной мере шло за БЗНС, снова оказались разобщенными.

В конце апреля, когда выяснились результаты выборов в XX Народное собрание и распределение мандатов, среди буржуазных партий блока обсуждался вопрос о бойкоте парламента. Газета демократов «Зора» призвала депутатов — участников блока покинуть Народное собрание, однако другая газета демократов — «Препорец» — объявила это дезертирством. Газета народняков «Мир» утверждала, что место оппозиции не в парла-

¹ «Статистика на изборите за народни представители за XX Обикновено Народно Събрание». София, 1927, стр. 93.

² «Работнически вестник», 22.V 1923 г.

менте, а «среди народа»¹. По существу речь шла о том, нуждается ли блок в легальном прикрытии своей деятельности по подготовке переворота. В конце концов вопрос был решен положительно, и в открывшемся 21 мая XX Народном собрании буржуазные депутаты приняли участие.

Одновременно шла тщательно законспирированная подготовка заговора. Руководство возлагалось на два центра: технический и политический. Связь между ними поддерживал профессор университета Александр Цанков. Во главе технического штаба стоял полковник Волков, в состав политического центра входили представители всех буржуазных партий, от национал-либералов до социал-предателей².

Македонские террористы со своей стороны вели наступление на правительство. Нишское соглашение вызвало тревогу в их кругах. В конце апреля главарь македонских террористов Т. Александров отправил наглое, полное угроз, письмо Стамболийскому, протестуя против высылки террористов из Болгарии³. 2 мая автономисты напали на отряд солдат во Врачко и убили несколько человек⁴.

Правительство было вынуждено принять контрмеры. 8 мая оно провело массовые аресты членов македонской илинденской организации, закрыло газеты «Илинден», «Епоха» и «Слово». Однако эти удары наносились вслепую. Измена, проникшая в самое правительство, приводила к тому, что репрессии обращались лишь против второстепенных лиц, а заправилы заговора оставались на свободе.

Среди руководителей Земледельческого союза продолжали царить настроения благодушия. Одно за другим проводились празднества, должностующие демонстрировали мощь земледельческого правительства. В воскресенье, 6 мая, в обстановке чрезвычайной торжественности был организован праздник «Оранжевой гвардии»⁵. Через неделю, 13 мая, состоялось пышное празднество в Хасково по поводу открытия железной дороги Раковский—Хасково. Стамболийский на белом коне открыл шествие. Затем он выступил с большой речью, в которой снова говорил о прочности земледельческой власти⁶.

Оппозиционная печать в этот период оставила свои прежние нападки на правительство и начала лицемерно взывать к «примирению». Д. Казасов в своих мемуарах с исключительным цинизмом раскрывает, что это было не что иное, как маневр для усыпления бдительности правительства⁷.

Решительное выступление первоначально приурочивалось к 24 мая, но заговорщики колебались, так как не были уверены в превосходстве сил, и в середине мая отложили свое намерение⁸. Руководители заговора решили объединиться с македонскими террористами. 27 мая состоялась встреча Казасова с Александровым, который обещал вооруженную помощь⁹. 2 июня был установлен день переворота — 9 июня¹⁰. В целях маскировки усилен-

¹ «Работнически вестник», 3.V 1923 г.

² Д. К а з а с о в. В тьмнината на заговора. София, 1925, изд. 2-е, стр. 37—39.

³ «Работнически вестник», 28.IV 1923 г.

⁴ «Работнически вестник», 4.V 1923 г.

⁵ «Работнически вестник», 7.V 1923 г. «Оранжевой гвардией» назывались крестьянские военизированные отряды, организованные Земледельческим союзом в 1919 г.

⁶ «Работнически вестник», 18.V 1923 г.

⁷ Д. К а з а с о в. Указ. соч., стр. 54.

⁸ Там же, стр. 61.

⁹ Там же, стр. 65.

¹⁰ Там же, стр. 74.

ного движения курьеров по всей стране было объявлено о созыве 24 июня съезда Союза запасных офицеров¹.

Положение становилось все более напряженным. В конце мая Т. Александров отправил околийским начальникам в Петричском округе угрожающие письма. В связи с этим правительство издало коммюнике, в котором сообщало о раскрытии подготовки македонскими террористами покушения на Стамболийского и других министров².

Весьма характерно, что земледельческое правительство, имевшее в своих руках всю полноту государственной власти, предприняло в этот период попытку создать нелегальным путем боевую силу, на которую оно могло бы опереться. По строго секретному указанию Постоянного присутствия БЗНС, местные дружки должны были приступить к организации боевых групп, готовых выступить по первому зову правительства³. Земледельческая газета писала: «Мы не боимся. В случае нужды 40 тысяч конников примчатся в Софию». Затем было приступлено к принятию клятвы. Та же газета писала: «Покалялись уже 300 тысяч бойцов. При первом зове они отзовутся на помощь правительству и земледельческой власти»⁴.

Но ведь требовались не клятвы, а реальное оружие, а его-то и не было. Земледельческое правительство не торопилось вооружать народные массы. Военное министерство изымало оружие и оставляло его на складах. Больше того, буквально накануне 9 июня по распоряжению военного министра Муравиева было проведено изъятие оружия из воинских частей, кроме необходимого по количеству охраны, под благовидным предлогом «необходимости чистки»⁵.

Буржуазная пресса почти открыто говорила о возможности переворота. «Правительства, как и люди: смотришь, здоров, ходит, а вот и умер... Завтра может появиться такая необходимость, и правительству придется быстро уйти, даже не прощаясь», — писала газета «Радикал» в начале июня⁶.

Насколько Стамболийский был уверен в прочности своей власти, показывает тот факт, что в этот напряженный момент он спокойно уехал «составлять важные государственные проекты» на свою виллу Чачовица близ родного села Славовица. Министры его кабинета Хр. Стоянов и К. Муравиев, оставшиеся в Софии, явились покровителями реакционеров. Когда пловдивский окружной управитель, которому стали известны некоторые факты деятельности заговорщиков, прибыл в Софию, чтобы сообщить о них министру внутренних дел Хр. Стоянову, он не был допущен в дом министра, а когда он все-таки добился свидания, Стоянов не обратил на его сведения никакого внимания. Военный министр К. Муравиев заявил по поводу сообщенного ему списка членов тайной организации, что он лично знает большинство из поименованных как хороших офицеров⁷.

Штаб заговорщиков расположился на квартире генерала Русева, недалеко от ряда министерств, центрального телеграфа и комендатуры⁸.

Вооруженные до зубов заговорщики подготовили переворот по всем правилам военного искусства с помощью армии и македонских вооруженных отрядов под руководством «Народного сговора» и «Военной лиги».

¹ Д. К а з а с о в. Указ. соч., стр. 77.

² «Работнически вестник», 4.VI 1923 г.

³ Д. К о с е в. Семптеврийского встание в 1923 година. София, 1954, стр. 50—51.

⁴ Н. А г ъ н с к и. Указ. соч., стр. 70.

⁵ Там же, стр. 75.

⁶ См. «Работнически вестник», 8.VI 1923 г.

⁷ Н. А г ъ н с к и. Указ. соч., стр. 72.

⁸ Д. К а з а с о в. Указ. соч., стр. 79.

В 2 часа ночи на 9 июня военные части, расположенные в Софии, были подняты по тревоге. Заговорщики беспрепятственно захватили почту, телеграф, телефон, вокзал, государственные учреждения, арестовали министров и видных земледельческих деятелей. Полиция не оказала сопротивления, да она и не могла бы этого сделать, так как полицейские участки были заранее «усилены» переодетыми сторонниками блока. В половине четвертого утра царь Борис во дворце «Враня» подписал указ об отставке правительства Александра Стамболийского и образовании нового правительства под председательством Александра Цанкова. С утра 9 июня по улицам Софии патрули разгоняли народ. Во многих местах стояли пулеметы. Днем вышел манифест о свержении земледельческого правительства¹. Фашистский переворот стал фактом.

Известие о фашистском перевороте застало Стамболийского на его вилле близ Славовицы. Как ни непоследовательна и противоречива была его политика в целом, как ни велики были его уступки крупному капиталу, сводящие на нет существо задуманных им реформ, Стамболийский был все же подлинным крестьянским демократом, ненавидевшим фашизм и угнетение народа. В момент грозной опасности он не только не попытался искать компромисса с новой властью, но объявил ей решительную войну.

Шансы на успех были ничтожны. Связи с организацией отсутствовали. Предстояло бороться местными силами. Уже в первой половине дня 9 июня из ближайших сел собралось несколько тысяч крестьян. Был создан штаб во главе со Стамболийским.

Плохо вооруженный крестьянский отряд, неся большие потери, под огнем артиллерии в течение нескольких дней оборонялся против наступающих со стороны Пловдива регулярных частей и был почти целиком уничтожен. Тогда Стамболийский решил распустить оставшихся людей. Часть успела бежать в Югославию. Александр Стамболийский с братом Василем скрывались в лесу². Как рассказывают жители соседних сел, оба они были схвачены фашистами 14 июня в лесу близ с. Голак и отправлены в Славовицу. Здесь их подвергли зверским истязаниям и затем убили³.

Так погиб в борьбе с фашизмом Александр Стамболийский, более трех лет стоявший во главе земледельческого правительства Болгарии, заслужив своей героической смертью признание всех прогрессивных сил болгарского народа.

* * *

Победа фашистских заговорщиков была быстрой, но это отнюдь не означало, что она была прочной. Широким массам была ясна антинародная сущность переворота, и реакция не могла чувствовать себя сколько-нибудь спокойно. По всей Болгарии народ стихийно поднимался против фашистского переворота. «Никогда еще такие огромные массы — можно сказать без преувеличения: громадное большинство болгарского народа — не были готовы решительно противопоставить себя реакции, как 9 июня 1923 года», — пишет В. Червенков⁴. В Плевене и Плевенской околии, в Тырновской,

¹ «Работнически вестник», 11.VI 1923 г.

² Н. Агънски. Указ. соч., стр. 79—86.

³ Для того чтобы труп Александра Стамболийского не был опознан крестьянами, фашисты отрезали голову и похоронили ее отдельно. Могила Стамболийского была найдена только после установления народно-демократической власти в Болгарии. «Отечествен фронт», 7.VI 1946 г.

⁴ Вълко Червенков. Българска комунистическа партия (тесни социалисти) през 1919—1923 г., стр. 34.

Шуменской, Карловской, Новозагорской, Пазарджикской и других околиях страны поднялись народные восстания. Особенно мощным было плевенское восстание, руководимое коммунистами и приведшее в неопикуемый ужас реакцию.

Это поднимавшееся народное движение требовало руководства.

«Взоры были устремлены к Коммунистической партии — как к единственной силе, которая может возглавить рабоче-крестьянские массы и обеспечить разгром организаторов переворота... По всей стране ждали решающего слова коммунистов. Но его не последовало»¹. Как известно, тесно-социалистическое, доктринерское понимание революционного процесса в этот период взяло верх в позиции партийного руководства, ЦК БКП поспешил заявить, что «в борьбе между двумя крыльями буржуазии» Коммунистическая партия участия не примет.

Это было ошибкой, облегчившей победу фашистских заговорщиков. Речь не шла тогда о земельном правительстве: его уже более не существовало. Речь шла о том, чтобы повести массы на борьбу против пришедшего к власти крупного капитала: «Если бы Коммунистическая партия последовала примеру большевистской партии во время попытки Корнилова к перевороту (сентябрь 1917 г.), если бы она объединилась со здоровыми силами Земледельческого союза и решительно объявила себя противницей фашистских заговорщиков, фашистский переворот несомненно был бы подавлен», — отмечал Г. Димитров в своем докладе на V съезде Болгарской коммунистической партии².

В момент героической борьбы плевенских рабочих, когда последние уже соединились с восставшими крестьянами, ЦК БКП послал плевенской организации распоряжение сложить оружие. Восставшие массы оказались без руководства.

Доктринеры и начетчики из партийного руководства, вопреки фактам, пытались утверждать, будто народные массы отнеслись равнодушно к перевороту: «Народные массы в Софии держались с полным безучастием и апатией по отношению к происшедшему перевороту, как будто он их не касался», — писал теоретический орган Коммунистической партии журнал «Ново време»³. Это было абсолютно неверно. Общее количество восставших против фашистского режима рабочих и крестьян достигало 100 тыс. человек⁴. Однако разрозненные и не руководимые Коммунистической партией восстания были обречены на неуспех. Лишь позднее, во время нового кризиса в августе 1923 г., марксистское ядро Болгарской коммунистической партии, поддержанное Коминтерном, одержало верх в руководстве партии и обеспечило коренное изменение ее стратегии и тактики. Взяв курс на сплочение всех антифашистских сил, партия повела массы на вооруженное восстание против монархо-фашистской диктатуры. Несмотря на то, что героическое сентябрьское вооруженное восстание 1923 г. закончилось неудачей, оно явилось крупной вехой на пути большевизации Болгарской коммунистической партии, важным шагом в деле создания и укрепления боевого союза рабочих и трудящихся крестьян против общего врага — крупного капитала.

* * *

¹ Вълко Червенков. Българска комунистическа партия (тесни социалисти) през 1919—1923 г., стр. 34.

² Георгий Димитров. Политический отчет ЦК БРП(к) на V съезде БРП(к). София, 1948, стр. 21.

³ «Ново време», год XXII, 1923, № XIX, стр. 619.

⁴ Вълко Червенков. Указ. соч., стр. 35.

Фашистский переворот 9 июня 1923 г., свергнув земледельческое правительство, послужил толчком для более открытого проявления глубоких внутренних противоречий, разведавших Земледельческий союз как организацию, пытающуюся объединить «все крестьянство в целом».

Последующая история БЗНС показала это совершенно наглядно.

В острых боях между двумя резко очерченными политическими лагерями — лагерем трудящихся и лагерем наступающего фашизма — Земледельческий союз должен был определить свое место.

Вскоре после переворота наметилась тенденция к возвращению к БЗНС исключенных ранее из него правых. Были восстановлены Томов, Турлаков и др. Они откровенно прислуживали реакции, стремясь превратить БЗНС в простой придаток буржуазных партий.

В то же время усилилось и левое крыло Союза. Избрав единственно правильный путь, левые земледельцы шли на сближение с Коммунистической партией и выступали с ней единым фронтом в борьбе за демократию и свободу.

Находившиеся у руководства Союзом представители «центра», в числе которых были бывшие министры правительства Стамболийского Б. Янев и К. Павлов, продолжали все ту же порочную политику уступок правым в интересах якобы «единства» Союза, и к началу 1925 г. руководство Союзом перешло целиком в руки правых.

После апрельских событий 1925 г., когда фашистская реакция, воспользовавшись взрывом в софийском соборе, организовала чудовищный кровавый погром всех антифашистских демократических сил, в первую очередь Коммунистической партии, левое крыло БЗНС было также разгромлено. В результате террора погибли мужественные борцы единого фронта — Грынчаров, Петрини, Косовский и др.

В последующие годы в руководстве Союза шла непрерывная борьба между вожаками отдельных фракционных групп. Предатели интересов трудящегося крестьянства — гичевисты входили в состав буржуазных правительств, проводя антинародную политику. БЗНС влачил жалкое существование, теряя остатки своего влияния на крестьянство.

Только победа антифашистского народного восстания 9 сентября 1944 г. вместе со свободой народа принесла и восстановление Земледельческого союза, но это восстановление проходило уже на новой основе.

Участие в Отечественном фронте, совместная борьба под руководством Коммунистической партии против гитлеровского фашизма и его болгарских пособников активизировали широкие массы трудящегося крестьянства Болгарии. В селах стали создаваться местные дружбы. Попытки врагов народа, пробравшихся к руководству БЗНС, повернуть эту организацию на службу американскому империализму, были разбиты народом, сплотившимся вокруг Коммунистической партии. Борьба в БЗНС закончилась победой его здорового ядра. БЗНС превратился ныне в организацию беднейших и средних крестьян, в которой нет места кулацким элементам.

Прогрессивные демократические требования широких масс болгарского трудящегося крестьянства смогли быть выполненными только после победы народной демократии в Болгарии, только в условиях строительства социалистического общества. Опираясь на неоценимую бескорыстную помощь и поддержку Советского Союза, используя богатейший всемирно-исторический опыт КПСС, Болгарская коммунистическая партия уверенно осуществляет социалистическое переустройство сельского хозяйства. В трудовых кооперативных земледельческих хозяйствах болгарские крестьяне нашли путь к зажиточной и счастливой жизни. В условиях проч-

ного и все более укрепляющегося союза рабочих и крестьян под руководством рабочего класса и его Коммунистической партии БЗНС воспитывает ныне трудящихся крестьян в духе народной демократии и социализма.

История правительства Земледельческого союза в Болгарии с чрезвычайной убедительностью иллюстрирует известное положение марксистско-ленинской теории об обреченности попыток мелкой буржуазии установить свою власть.

«...Везде и всегда результат был именно такой: все попытки мелкой буржуазии вообще, крестьян в частности, осознать свою силу, по-своему направить экономику и политику кончались крахом. Либо под руководством пролетариата, либо под руководством капиталистов — середины нет. Все, кто о ней мечтает, пустые мечтатели, фантазеры. Их опровергает политика, экономика и история», — говорил В. И. Ленин¹.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 254.

Ю. А. Писарев

ВЕНГЕРСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА И СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ

Великая Октябрьская социалистическая революция в России пробудила к революционному движению народы мира. Она указала трудящимся путь освобождения от гнета помещиков и капиталистов, подтвердила на практике гениальное ленинское учение о возможности победы социалистической революции первоначально в одной, отдельно взятой стране. Она опровергла и разбила в прах ревизионистские «теории» социал-предателей, предрекавших поражение социалистической революции. Рабочие и крестьяне Советской России не только взяли власть в свои руки, но и отстояли завоевания революции в смертельной схватке с белогвардейщиной и международным империализмом, доказав преимущества советского государственного строя и его жизнеспособность. Трудящиеся Советской России разгромили поход 14 капиталистических государств против Республики Советов, защитили победоносное знамя пролетарской революции.

Пример Советской России вдохновил народы всего мира на борьбу за социальное и национальное освобождение. Под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1918—1919 гг. резко усилилось движение под лозунгом «Вся власть Советам!».

В 1919 г. в Венгрии, Баварии и Словакии были провозглашены советские республики, которые, несмотря на краткий период своего существования, провели в жизнь важнейшие революционные мероприятия в интересах трудящихся масс и тем оказали значительное влияние на развитие революционного движения в соседних странах.

История этих республик представляет большой интерес для советского исследователя. Именно этим объясняется значительное количество статей, опубликованных на эту тему еще в 20—30-х годах в журналах «Историк-марксист», «Пролетарская революция», «Коммунистический Интернационал», «Борьба классов» и др.

В 1927 г. вышла в свет переведенная на русский язык книга А. Хевеши «Венгерское крестьянство и его борьба»¹, в которой содержатся некоторые материалы о крестьянском движении в Венгрии в 1918—1919 гг.

Из работ советских историков, вышедших в последнее время и затрагивающих проблемы революционного движения в странах Юго-Восточной

¹ А. Хевеши. Венгерское крестьянство и его борьба. М., 1927.

Европы после первой мировой войны, следует отметить интересные исследования И. Н. Мельниковой, В. М. Турока и М. А. Бирмана.

В работах И. Н. Мельниковой «Как была включена Закарпатская Украина в состав Чехословакии в 1919 г.»¹ и «Установление диктатуры чешской националистической буржуазии в Закарпатской Украине в 1919—1920 гг.»² изучается история революционного движения в Закарпатье в 1918—1919 гг. и освещаются отдельные вопросы, связанные с Венгерской Советской республикой; в статьях В. М. Турока «Захватнические планы американского империализма в странах Юго-Восточной Европы в 1919 г.»³ и М. А. Бирмана «Контрреволюционная роль империализма США и Антанты в Болгарии в 1919 г.»⁴ разоблачается агрессивная политика империализма США и других стран Антанты в Юго-Восточной Европе в те же годы.

Интересные материалы по вопросам истории Венгерской Советской республики и революционного подъема зимы 1918 и весны 1919 г. в других странах, образовавшихся на развалинах Австро-Венгерской империи, можно найти в книге Ф. Фюрнберга «Коммунистическая партия Австрии»⁵ и в его же статье «Революция 1918 г. в Австрии»⁶, а также в статье М. Госиоровского «О Советах в Словакии в 1919 г.», опубликованной в чешском журнале «Новая мысль»⁷, и в его книге «К истории словацкого рабочего движения»⁸.

В Праге вышла книга Веселого «Из истории создания Коммунистической партии Чехословакии», в которой содержатся данные о рабочем движении в Чехословакии в 1918—1919 гг.⁹

В 1954 г. в журнале «Исторический часопис» была опубликована интересная статья Мартина Виетора «К тридцать пятой годовщине Словацкой Советской республики»¹⁰.

Важной работой является вышедшая в 1952 г. в Будапеште книга Матиаса Ракоши «Путь нашей народной демократии»¹¹. Первый раздел этой книги посвящен борьбе Коммунистической партии Венгрии за массы в период подготовки и проведения советской революции в 1919 г. Новая работа Матиаса Ракоши во многом дополняет его доклад о Венгерской Советской республике, сделанный им на II конгрессе Коммунистического Интернационала в 1920 г.¹²

В настоящее время историками Венгерской Народной Республики ведется большая работа по изучению истории Венгерской Советской республики 1919 г. На состоявшемся 6—13 июня 1953 г. в Будапеште конгрессе венгерских историков некоторые исследователи выступили с интересными докладами по истории Советской Венгрии.

¹ «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», 1951, т. III.

² Там же, т. IV.

³ «Вопросы истории», 1950, № 11.

⁴ «Вопросы истории», 1951, № 5.

⁵ Ф. Фюрнберг. Коммунистическая партия Австрии. М.—Л., 1928.

⁶ «Коммунистический Интернационал», 1938, № 12.

⁷ M. Gosiorovsky. O sovietch na Slovensku u roku 1919. «Nova mysl», 1949, N 3.

⁸ М. Госиоровський. До історії словацького робітничого руху. Пряшів, 1954.

⁹ J. Veselý. O vzniku a založení KSC. Praha, 1953.

¹⁰ M. Vietor. K tridsiatemu piatemu vyročiu slovenskej republiky rad. «Historicky časopis», 1954, číslo 2.

¹¹ Матиас Ракоши. Путь нашей народной демократии. Будапешт, 1952.

¹² Матиас Ракоши. Отчет Венгерской компартии на II конгрессе Коммунистического Интернационала. Доклады второго конгресса Коммунистического Интернационала. Пг., 1920.

Ласло Рети прочитал доклад «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на подъем революционного движения в Венгрии»¹.

Э. Болгар сделал сообщение «Помощь Ленина Венгерской Советской республике»². Ш. Дьерфи выступил с докладом «Борьба венгерского народа против западных империалистов, в защиту Венгерской Советской Республики»³. Д. Немеш сообщил конгрессу о своей работе по изучению братских связей народов Венгрии и Советского Союза с первых дней возникновения Советского социалистического государства⁴.

Все эти доклады опубликованы на правах рукописи в сборнике «Конгресс венгерских историков 6—13 июня 1953 г.», переведенном на русский язык.

При написании настоящей статьи мы использовали эти доклады, которые дают ценный материал по истории Венгерской Советской республики.

Для освещения вопроса о контрреволюционной роли Антанты, организовавшей кровавую интервенцию против Советской Венгрии, нами были использованы отдельные материалы, приводимые в выпущенном в 1941—1942 гг. Государственным департаментом США многотомном издании документов о внешней политике американского правительства во время Парижской мирной конференции⁵, а также некоторые данные, почерпнутые из высказываний политических деятелей и в той или иной мере относящиеся к интересующей нас проблеме⁶. Разумеется, что все эти данные требовали самой тщательной и критической проверки, так как сборник документов Госдепартамента США и мемуары буржуазных политических деятелей составлены весьма тенденциозно, сплошь и рядом фальсифицируют исторические факты. Однако большинство этих данных было приведено уже в опубликованных в советской периодической печати работах М. А. Бирмана, И. Н. Мельниковой, В. М. Турока и других авторов. Буржуазные историки США, Англии и Франции не смогли опровергнуть факты, приводимые советскими исследователями, которые разоблачают агрессивную роль англо-франко-американского империализма.

Для освещения вопроса об интернациональных связях венгерского, чешского, словацкого, хорватского и других народов во время Венгерской революции была привлечена советская пресса того времени — газеты «Правда» и «Жизнь национальностей» — и отдельные номера югославских, венгерских и других иностранных газет, имеющихся в Москве. К сожалению, этот вопрос оказался недостаточно изученным из-за отсутствия многих источников.

Данная статья не претендует на сколько-нибудь полное исследование истории Венгерской Советской республики и революционного движения

¹ Л. Рети. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции в Венгрии и венгерское революционное движение 1918—1919 гг. «Конгресс венгерских историков 6—13.VI 1953 г.», т. IV. Будапешт, 1953. На правах рукописи.

² Э. Болгар. Помощь Ленина Венгерской Советской республике. «Конгресс венгерских историков...»

³ Ш. Дьерфи. Борьба венгерского народа против западных империалистов, в защиту Венгерской Советской республики. «Конгресс венгерских историков...»

⁴ Д. Немеш. Любовь и доверие к Советскому Союзу в массах венгерского народа. «Конгресс венгерских историков...»

⁵ Papers Relating to the Foreign Relation of the United States 1919. The Paris peace conference. Washington, 1941—1942.

⁶ Архив полковника Хауза, т. III, IV; Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, М., 1933; Г. Никольсон. Как делался мир в 1919 г. ОГИЗ, 1945; Т. Масарик. Мировая революция, т. II. Прага, 1927.

в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1919 г. Такая задача могла бы быть разрешена лишь в специальной работе. Задача статьи состоит в другом — привести некоторые новые данные из истории революционной борьбы народов того времени и систематизировать материалы, приведенные в других работах, мало известных советскому читателю. Основное внимание в статье посвящено проблеме взаимоотношений славянских народов с венгерским народом в период Советской республики в Венгрии.

* * *

В октябре—ноябре 1918 г. окончательно развалилась многонациональная австро-венгерская монархия. Поднявшиеся под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России на революционную борьбу трудящиеся массы ликвидировали тюрьму народов — реакционную империю Габсбургов. На ее развалинах были созданы новые национальные государства — Чехословакия, Австрия, Венгрия и Югославия (Сербо-Хорватско-Словенское государство). Однако плодами побед народа воспользовались крупная буржуазия и помещики, которые, захватив в свои руки власть во всех вновь созданных государствах, приступили к подавлению революционного движения.

При проведении контрреволюционной политики буржуазия опиралась на свою агентуру в рабочем классе — социал-демократию, которая, маскируя свое истинное лицо, выступала с широкой социальной демагогией и проповедью классового мира.

Войдя во вновь созданные буржуазные кабинеты, лидеры социал-демократических партий Австрии, Венгрии, Чехословакии и Сербо-Хорватско-Словенского государства заявили, что отныне рабочий класс якобы имеет своих представителей в правительстве и что ввиду этого он должен сложить свое оружие.

«Пролетариат должен прекратить классовую борьбу на шесть недель», — заявил 16 ноября 1918 г., в день провозглашения Венгерской республики, лидер венгерских правых социалистов Сигизмунд Кунфи¹.

«Мне, убежденному социал-демократу, — писал он в газете «Непсава», — глжело заявлять, но все же я заявляю, что мы против применения средств классовой ненависти и классовой борьбы. И мы требуем, чтобы все, отбросив в сторону классовые интересы и религиозные распри, поддержали нас в предстоящей нам великой работе»². Социал-демократия Венгрии объявила 16 ноября 1918 г. днем классового мира.

С призывами к классовому примирению выступили также австрийские, чешские, сербские и хорватские правые социалисты.

Заклучив союз с контрреволюционной буржуазией, лидеры социал-демократии Австрии вошли в буржуазное коалиционное правительство, а затем, после выборов в феврале 1919 г. Учредительного собрания, возглавили это правительство (кабинет Реннера—Бауэра).

В Королевстве сербов, хорватов и словенцев правые социалисты на состоявшихся в конце 1918 г. конференциях социалистических партий прогнали резолюции о поддержке реакционного югославского правительства³. Три лидера социал-демократических партий Хорватии и Словении —

¹ «Népszava», 16.XI 1918 г.

² Там же.

³ «Жизнь национальностей», 1919, № 37.

Витомир Корац, Вилим Букшег и Анте Кристан — вошли в это правительство.

В Чехословакии социал-демократы выступили с поддержкой реакционных теорий Томаша Масарика и Эдуарда Бенеша о «национальном мире» во вновь созданном чехословацком государстве. Совместно с помещичье-аграрной партией и партией крупной чешской буржуазии — национально-демократической партией — правые социалисты подготовили условия для открытого выступления контрреволюции против пролетариата в декабре 1920 г.

Правые социалисты поддержали буржуазные режимы в эти годы и в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы — в Польше, Румынии, Болгарии, Германии. Они сыграли самую предательскую роль по отношению к рабочему классу, способствовали поражению революционного движения, развернувшегося в 1919 г.

Могучее влияние на подъем этого движения оказали героическая борьба советского народа против белогвардейщины и мирового империализма, пример Советского социалистического государства, дальнейшее развитие социалистической революции в России.

Трудящиеся стран Центральной и Юго-Восточной Европы на собственном опыте все более убеждались в том, что переход власти в руки национальной буржуазии в новых государствах привел лишь к смене одних эксплуататоров другими. Они видели, что ни одно из обещаний, данных буржуазией, — установление демократических и национальных свобод, ликвидация национального гнета в отношении неполноправных народов, устранение феодально-крепостнических пережитков в деревне в виде крупного помещичьего землевладения и т. д. — не было выполнено. Материальное положение громадного большинства населения не только не улучшилось после войны, но стало еще более тяжелым. Непрерывно росла дороговизна, ощущалась острая нехватка предметов широкого потребления. Положение с продовольствием становилось катастрофическим.

«Разорение и обнищание дошло до того, — отмечал В. И. Ленин, характеризуя послевоенное продовольственное положение в Австрии, Венгрии, Германии, Чехословакии и других странах Западной Европы, — что в самых передовых, цивилизованных и культурных странах, в течение не только десятилетий, но и столетий не знавших, что такое голод, война довела до голода в самом подлинном, в самом буквальном значении слова... От голода, от самого подлинного голода, страдают, например, Германия и Австрия в течение долгого времени...»¹

В страшную голодную зиму 1918/19 года от болезней, недоедания и голода умерли сотни и тысячи людей. Несколько миллионов мужчин унесла война². Десятки тысяч солдат вернулись с фронта калеками, неспособными к работе. Они влачили нищенское существование.

Колоссальных размеров достигла безработица. Попрежнему, как и в годы войны, из-за отсутствия топлива и сырья стояли сотни фабрик и заводов, обслуживавших гражданское население. К числу бездействовавших предприятий после войны присоединилась значительная часть крупных заводов, выполнявших ранее военные заказы. Владельцы предприятий саботи-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 385. Голландская газета «Allgemeen Handelsblad» писала: «Верхняя Венгрия находится в настоящее время накануне голода. Наряду с этим ощущается острая нужда в угле» («Правда», 5.1.1919 г.).

² В одной лишь Венгрии война унесла свыше 1 млн. человек. Г. Короткевич. Венгрия в 1918—1919 гг. М., 1950, стр. 2. В Сербии было убито и ранено свыше 600 тыс. человек.

ровали их восстановление и перевод на мирные рельсы, предпочитая помещать свои капиталы в заграничные банки и предприятия¹. Кулаки, торговцы и сельские ростовщики прятали хлеб, взвинчивали цены на продовольственные продукты. Спекуляция принимала все более чудовищные размеры. Цены на продукты питания, на предметы первой необходимости и топливо росли день за днем. Домовладельцы непрерывно повышали квартирную плату.

В Чехословакии и Венгрии цены на основные продукты — хлеб, масло, сахар, картофель — в 1918—1919 г. выросли в среднем на 400—600% по сравнению с 1914 г.², цены же на предметы первой необходимости и топливо выросли более чем на 700—800%³.

В Боснии и Герцеговине стоимость жизни в 1919 г. возросла по сравнению с 1913 г. в 40 раз, в Сербии — в 10 раз⁴, по всему Сербско-Хорватско-Словенскому государству — в 13—14 раз⁵.

Буржуазные правительства ничего не делали для улучшения положения народных масс. Напротив, они проводили политику инфляции, потворствовали ростовщичеству и спекуляции и все более ставили свои страны под финансово-экономический и политический контроль иностранного капитала.

В Чехословакии американским, английским и французским монополистам удалось купить часть акций чешских предприятий и банков у их бывших немецких и австрийских владельцев. Кроме того, американцы, французы и англичане, пользуясь попустительством чешских буржуазных правительств, начали создавать в Чехословакии свои промышленные кондерны и торговые организации. Американский капитал в Чехословакии захватывал промышленность, связанную с добычей и переработкой нефти, английский — металлургическую и горную, французский — различные отрасли промышленности: военную, текстильную и т. д. Известное количество акций чехословацких промышленных предприятий и банков принадлежало также шведским, голландским, бельгийским и швейцарским монополистам.

В Королевстве сербов, хорватов и словенцев иностранный капитал — в первую очередь французский, английский и американский — начал захватывать ключевые отрасли экономики еще в 1918—1919 г., сразу после образования Сербско-Хорватско-Словенского государства⁶.

То же самое наблюдалось в Венгрии, Австрии и Румынии, экономические ресурсы и природные богатства которых привлекали алчные взоры английских, французских и американских монополистов⁷.

Проникновение иностранного капитала в экономику стран Центральной и Юго-Восточной Европы приводило к резкому ухудшению положения трудящихся, усилению их эксплуатации.

Борьба рабочего класса этих стран все более приобретала антиимпериалистический характер. Разбуженный Октябрьской революцией в России, рабочий класс Чехословакии, Венгрии, Австрии, Сербско-Хорватско-Словенского государства начал выдвигать новые, социалистические требования.

¹ В. Розенберг. Иностранни капитал у југословенској привреди. Београд, 1937.

² «Internationale Presse-korrespondenz», 1921, № 8, str. 69.

³ Там же.

⁴ «Коммунистический интернационал профсоюзов», 1921, № 8, стр. 294.

⁵ Centralni Radnički Sindikalni Odbor Jugoslavije. Izveštaj za 1923—1927 godinu. Beograd, 1927, str. 11.

⁶ В. Розенберг. Указ. соч.; Kukoleča. Industrija Jugoslavije, Beograd, 1947.

⁷ Тудор Савин. Иностранний капитал в Румынии. М., 1951.

Народы Австро-Венгрии, отмечал И. В. Сталин в декабре 1918 г., вступили силой вещей в полосу борьбы с империализмом¹.

В Венгрии эта борьба переросла в марте 1919 г. в пролетарскую революцию.

НАЗРЕВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА В ВЕНГРИИ (ноябрь 1918 — март 1919 г.)

В итоге буржуазно-демократической революции 16 ноября 1918 г. в Венгрии была провозглашена республика и были декларированы некоторые политические свободы. Пролетариату удалось вырвать у правительства обещание ввести на промышленных предприятиях трудовое законодательство, ограничить рабочий день, повысить заработную плату, разработать законопроекты о социальном обеспечении престарелых рабочих и инвалидов труда.

Напуганное развитием революционных событий, правительство дало также обещание провести аграрную реформу и предоставить населявшим Венгрию национальным меньшинствам права национальной автономии.

Но это были лишь пустые, лживые обещания. Правительство прожженного политического интригана графа Михая Карольи, которого В. И. Ленин называл «венгерским Керенским»², ничего не делало для их выполнения. Прошли ноябрь и декабрь 1918 г., январь и февраль 1919 г., а политические свободы так и не были обеспечены, закон о трудовом кодексе не осуществлен, аграрная реформа не проведена, обещания предоставить национальные свободы не выполнены.

Для отвлечения трудящихся масс от революционной борьбы в правительство были введены представители социал-демократической партии — Кунфи (министр труда) и Гарампи (министр социального обеспечения). Правые социалисты демагогическими речами и другими маневрами должны были прикрыть реакционную политику правительства.

Одновременно, чтобы удушить революционное движение, правительство Карольи вело секретные переговоры с Антантой, прося посылать в Венгрию интервенционистские войска. В ноябре 1918 г. в Белград, в штаб командующего войсками Антанты на Балканах генерала Франше д'Эспере, для переговоров отправился сам премьер-министр граф Михай Карольи³. Ему очень скоро удалось достигнуть соглашения о посылке в Венгрию французских войск. 21 ноября 1918 г. в Будапешт были направлены первые 11 тыс. солдат французских колониальных войск⁴. Тогда же, в ноябре 1918 г., Антанта приняла решение об оккупации чехословацкими войсками Закарпатской Украины, входившей в состав Венгрии⁵. Посылая свои войска и войска своих сателлитов в Венгрию, англо-франко-американские империалисты хотели поддерживать реакционное правительство Карольи и задушить революционное движение.

Но эти расчеты не оправдались. После заключения позорного соглашения с Антантой буржуазное венгерское правительство потеряло остаток влияния среди населения. Решение же о присылке французских войск

¹ См. И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 181.

² В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 244.

³ «Правда», 26.XI 1918 г.

⁴ «Правда», 29.XI 1918 г.

⁵ И. Н. Мельникова. Как была включена Закарпатская Украина в состав Чехословакии. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», 1951, т. III, стр. 117.

и оккупация в январе 1919 г. части Закарпатской Украины чехословацкими войсками вызвали новый взрыв возмущения трудящихся Венгрии.

Революционное движение стремительно нарастало. По всей стране непрерывно вспыхивали экономические и политические стачки, происходили выступления крестьянства, организовывались голодные демонстрации, митинги безработных и ветеранов войны. Трудящиеся требовали принятия и проведения решительных мер по борьбе со спекуляцией и дороговизной, увеличения заработной платы, сокращения рабочего дня, немедленного улучшения продовольственного положения, обеспечения всех работой, гарантии демократических свобод и ликвидации террористического режима реакции.

Все более часто стали выдвигаться требования передачи всей власти Советам рабочих и солдатских депутатов. Пример рабочего класса Советской России, взявшего власть в свои руки, вдохновлял венгерский пролетариат на борьбу за социалистическую революцию.

В Венгрии и других странах Юго-Восточной Европы, несмотря на жестокую цензуру и преследования, стали распространяться идеи революционного марксизма, всепобеждающие идеи Великой Октябрьской социалистической революции.

Большую роль в распространении этих идей сыграли военнопленные, вернувшиеся из Советской России и Советской Украины¹, где они были очевидцами, а часто и непосредственными участниками революционных событий.

Отмечая роль вернувшихся из Советской России военнопленных, В. И. Ленин говорил в докладе на VIII съезде РКП(б): «Сотни тысяч военнопленных из армий, которые империалисты строили исключительно в своих целях, передвинувшись в Венгрию, в Германию, в Австрию, создали то, что бациллы большевизма захватили эти страны целиком»².

В Венгрию возвратилось из Советской России около полумиллиона военнопленных. Из них почти 100 тыс. принимало активное участие в Октябрьской революции. Вернувшись на родину, военнопленные стали распространителями идей социалистической революции, организаторами первых марксистских кружков и групп.

В ноябре 1918 г. марксистские организации Австрии и Венгрии создали коммунистические партии, которые вступили в Коммунистический Интернационал и признали его программу³. 21 ноября 1918 г. в Будапеште состоялся I съезд Коммунистической партии Венгрии. Создание Венгерской коммунистической партии имело огромное значение для дальнейшего подъема революционного движения, начавшего принимать организованный и сознательный характер.

Под руководством коммунистов рабочий класс стал выдвигать более решительные требования, прибегать к более действенной революционной тактике и методам борьбы. На фабриках и заводах начали создаваться рабочие комитеты, которые устанавливали контроль за деятельностью администрации, отстраняя саботажников и врагов народа и захватывая предприятия в свои руки.

В конце ноября 1918 г. капитан полиции в Туркеве доносил жандармскому управлению в Будапеште: «Рабочие Туркеве провели митинг с целью

¹ В русском плену находилось около 2 млн. солдат и офицеров австро-венгерской армии: Л. С. Каминский, С. Л. Новосельский. Потери в прошлых войнах. М., 1948, стр. 75 и сл.

² В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 141.

³ Ф. Фюрнберг. Указ. соч., стр. 21.

заставить нас, представителей старого режима, покинуть службу. Бургомистр, вице-бургомист, капитан полиции и сборщик налогов были вынуждены выполнить требования митинга и оставить должность»¹.

В декабре 1918 г. рабочие крупного венгерского промышленного центра г. Дебрецена арестовали бургомистра, который проводил антинародную политику². В г. Сегеде рабочими были взяты под стражу правительственные чиновники, поощрявшие ростовщиков и спекулянтов³. Во многих провинциальных городах страны Советы рабочих депутатов заставили торговцев снизить цены на продовольственные товары и предметы первой необходимости.

Вслед за рабочим классом стало подниматься крестьянство. Оно боролось за ликвидацию феодально-помещичьей эксплуатации, за экспроприацию и раздел помещичьей земли. В ноябре 1918 г. вспыхнуло восстание крестьян в Дебреценском уезде. Центром восстания явилось с. Пюшпекладень. Крестьяне пытались здесь захватить усадьбу помещика и разделить между собой его землю.

Зимой 1918/19 года насильственный захват крестьянами помещичьей земли начался уже во многих областях Венгрии — в комитетах Шомодь, Пешт, Ваш, Берег и др.⁴

То же самое происходило в Закарпатье. Вооруженные крестьянские отряды в Великом Раковиде, Великих Лучках, Новом Селе, Подмонастыре, Гармяге и других деревнях Закарпатской Украины захватывали помещичьи земли и сельскохозяйственный инвентарь и делили их между собой⁵.

Революционное брожение перебросилось в армию, где коммунисты развертывали большую пропагандистскую и разъяснительную работу. Особенно значительных успехов Коммунистическая партия достигла среди солдат будапештского гарнизона⁶. Марксистская пропаганда постепенно проникала и в иностранные войска. Французское командование во избежание полного разложения своих частей в декабре 1918 г. отдало приказ об их срочной эвакуации из Будапешта⁷.

Большое внимание Коммунистическая партия уделяла работе среди безработных, инвалидов и ветеранов войны. Она выдвигала лозунги, которые находили понимание и поддержку среди самых широких слоев населения⁸.

Готовясь к революции, Коммунистическая партия создавала политическую армию. Авторитет и популярность коммунистов — передовых борцов за дело рабочего класса — росли изо дня в день.

Одновременно катастрофически падало влияние социал-демократической партии и буржуазных партий.

Лидеры австрийской и венгерской социал-демократических партий, чтобы подорвать авторитет коммунистов, обрушились на них с грязной клеветой, но потерпели полный провал. Опубликованные в газете «Непсава» — органе социал-демократической партии Венгрии — антисоветские и

¹ Л. Рети. Указ. соч., стр. 674.

² «Вереш Уйшаг», 21.XII 1919 г.; Л. Рети. Указ. соч., стр. 682.

³ Л. Рети. Указ. соч., стр. 682.

⁴ А. Хевеши. Венгерское крестьянство и его борьба. М.—Л., 1927, стр. 117.

⁵ И. Н. Мельникова. Указ. соч., стр. 109—110.

⁶ Матиас Ракоши. Путь нашей народной демократии, стр. 17.

⁷ «Правда», 29.XII 1918 г.

⁸ Так, например, коммунисты развернули кампанию против грабительских цен, взимаемых домохозяевами с квартиросъемщиков. Они призвали трудящихся не платить квартплату, размер которой сильно возрос, и создавать в домах домовые комитеты, которые должны взять в свои руки управление домами. Это предложение коммунистов было подхвачено широкими массами городского населения («Правда», 22.II 1919 г.).

антикоммунистические статейки Отто Бауэра¹ и Макса Адлера² были встречены с негодованием венгерскими и австрийскими рабочими. Рабочие-печатники типографии газеты «Непсава» заявили решительный протест против вражеской деятельности социал-предателей и отказались печатать их антисоветские статьи³.

В январе 1919 г. лидеры венгерской социал-демократической партии, опираясь на большинство в Главном правлении профессиональных союзов, исключили коммунистов из профсоюзов и Будапештского совета рабочих депутатов⁴. Это решение было очень непопулярным и встретило организованый отпор рабочих. Самый крупный в стране профессиональный союз металлургов постановил не мешать своим членам вступать в Коммунистическую партию. Решение о поддержке коммунистов вынес и профсоюз печатников.

Тогда правительство прибегло к репрессиям. 3 февраля 1919 г. полиция разгромила типографию центрального органа Коммунистической партии Венгрии «Красная газета», 22 февраля 1919 г. деятельность коммунистической партии была запрещена, а ее руководители арестованы⁵.

Но реакционному правительству не удалось ликвидировать Коммунистическую партию. Уйдя в подполье, коммунисты продолжали работу. Уже 24 февраля 1919 г., т. е. через два дня после ареста почти всех членов Центрального комитета, коммунистическая партия обратилась к трудящимся Венгрии с призывом вести активную подготовку к свержению буржуазного правительства. В тот же день митинг 5 тыс. рабочих-металлистов и безработных резко осудил предательскую политику социал-демократов и произвол полиции. Собравшиеся единодушно потребовали немедленного освобождения всех арестованных коммунистов⁶.

18 марта 1919 г. в Будапеште состоялся грандиозный митинг 10 тыс. рабочих оружейного завода, потребовавший прекращения преследований Коммунистической партии. Рабочие митинги и забастовки состоялись также и в других городах Венгрии. Венгерский пролетариат заявил, что если коммунисты не будут освобождены правительством, то рабочие освободят их силой⁷.

К середине марта 1919 г. в стране созрела революционная ситуация. Активность революционных масс достигла высшей точки — они ждали лишь сигнала к вооруженному восстанию. Налицо был и другой основной признак революционной ситуации — кризис верхов. Среди правящих кругов царил полная растерянность: они были неспособны предотвратить выступление рабочего класса.

«Все враждебные нам классовые силы, — отмечает Матиас Ракоши, — были расстроены и выведены из равновесия. С другой стороны с каждым днем росли голоса и крепло настроение широких масс пролетариата в пользу захвата власти»⁸.

О кризисе верхов свидетельствовал и самороспуск буржуазных партий. Первым об этом решении заявило руководство радикальной партии. В принятой незадолго до 21 марта 1919 г. правлением партии резолюции гово-

¹ «Népszava», 7.XI 1918 г.

² «Népszava», 22.XI 1918 г.

³ Г. Короткевич. Указ. соч., стр. 4.

⁴ Матиас Ракоши. Отчет Венгерской компартии..., стр. 42 и «Правда», 22.II 1919 г.

⁵ Матиас Ракоши. Отчет Венгерской компартии..., стр. 42.

⁶ Там же, стр. 43.

⁷ Там же, стр. 44.

⁸ Там же.

рилось, что партия распускается ввиду того, что «страна находится в состоянии открытой гражданской войны»¹; всем членам радикальной партии рекомендовалось голосовать на парламентских и муниципальных выборах за кандидатов социал-демократической партии и поддерживать ее в дальнейшем². Аналогичные решения приняли и другие буржуазные партии. Они стремились передать власть социал-предателям.

Революционный взрыв был ускорен вмешательством Антанты. Последняя уже давно с тревогой следила за ростом революционного движения в Венгрии. Чтобы предупредить революцию в Венгрии, Антанта решила ввести в страну свои войска.

«... Когда эти звери, английские и французские империалисты, — отметил В. И. Ленин в докладе на чрезвычайном заседании пленума Московского Совета 3 апреля 1919 г., — предвидели в Венгрии революцию, они хотели ее уничтожить, не дать ей родиться»³.

20 марта 1919 г. союзное командование через своего представителя в Будапеште, французского полковника Викса, предъявило венгерскому правительству ультиматум, потребовав передать часть территории страны антантовским вассалам — Сербо-Хорвато-Словенскому государству, Румынии и Чехословакии, которые должны были оккупировать почти всю Венгрию. Принятие этих неслыханных по наглости требований означало бы фактическую ликвидацию Венгрии как государства, отклонение требований — войну против Антанты. Правительство графа Карольи не решилось ни на то, ни на другое; оно боялось народа и не могло выступать против Антанты, с которой оно к тому же заключило секретное соглашение. Ввиду безвыходности положения Карольи передал власть социал-демократам.

В. И. Ленин в докладе на VIII съезде РКП(б) говорил по поводу событий в Венгрии: «... Союзные державы предъявили самый зверский ультиматум Венгрии о пропуске войск. Буржуазное правительство, видя, что союзные державы хотят провести свои войска через Венгрию, видя, что на Венгрию падает опять неслыханная тяжесть новой войны, — буржуазно-соглашательское правительство само подало в отставку...»⁴.

Наглое посягательство англо-франко-американского империализма на территориальную целостность и государственный суверенитет Венгрии вызвало взрыв возмущения венгерского народа.

21 марта рабочие и солдаты заняли в Будапеште все важные стратегические пункты и фактически взяли власть в свои руки, потребовав от социал-демократов, которым ушедшее в отставку правительство Карольи передало министерские портфели, решительных действий против Антанты. Но как раз это и не собирались делать социал-соглашатели. Вместе с тем они боялись выступить открыто против требований народа, понимая, что отказ от выполнения этих требований приведет к окончательному их разоблачению и политической изоляции. Лидеры социал-демократической партии видели, как неудержимо падает их влияние в массах, как распадаются многие социал-демократические местные организации, из которых выходят рядовые члены и вступают в Коммунистическую партию, как на собраниях и митингах рабочие проваливают резолюции социалистов и изгоняют их ораторов⁵. 11 марта в г. Сегеде состоялась демонстрация вооруженных рабочих и солдат. Она была направлена не только против правительства,

¹ Матнас Ракоши. Отчет Венгерской компартии..., стр. 44.

² Там же.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 244.

⁴ Там же, стр. 199.

⁵ Матнас Ракоши. Отчет Венгерской компартии..., стр. 46.

9 Ученые записки, т. XI

но и против социал-демократического руководства и созданного им лжесовета¹. 18 марта рабочие крупнейшего в стране Чепельского металлургического завода провалили резолюцию социалистов и потребовали освобождения арестованных руководителей Коммунистической партии. 19 марта ранее верные социалистам многие профсоюзы заявили о необходимости соглашения с коммунистами, а 21 марта началась революция.

В этой обстановке лидеры социал-демократической партии решили пойти на маневр. Чтобы выиграть время и выждать более благоприятный момент для нанесения удара революции, они сделали вид, что идут на союз с коммунистами. «Нам приходится, — заявил на заседании ЦК социал-демократической партии один из ее руководителей, Вельтнер, — сделать выбор между двумя возможностями самоубийства — объединиться или отстраниться. Надо спасти по крайней мере то, что спасти еще можно»².

Лидеры социал-демократической партии вступили в переговоры с находившимися в тюрьме руководителями Коммунистической партии и предложили им создать единую партию. Коммунисты в качестве предварительного условия для объединения двух партий выдвинули требование создания Советского правительства, разоружения буржуазии и вступления партии в Коммунистический Интернационал.

Коммунисты заявили также, что они будут добиваться осуществления Советским правительством мероприятий, направленных на подрыв позиций буржуазии и улучшение положения трудящихся масс. В числе этих мероприятий предусматривалась национализация промышленности, банков, транспорта и оптовой торговли, введение трудового законодательства и др.

Требования коммунистов стали широко известны трудящимся массам Венгрии и нашли у них горячую поддержку.

С этим не могли не считаться лидеры социал-демократии, которые боялись своего полного разоблачения в глазах масс в случае отказа принять предварительные условия коммунистов. Но принимая эти условия, социал-предатели не думали их выполнять на деле. Они стремились обмануть бдительность рабочего класса и развернуть в Советском правительстве подрывную деятельность. К тому же они рассчитывали, что в результате объединения двух партий Коммунистическая партия растворится в рядах социал-демократической партии и потеряет свою боеспособность.

Эти расчеты в значительной мере оправдались. В итоге переговоров и принятого руководством обеих партий соглашения Коммунистическая партия Венгрии объединилась с венгерской социал-демократической партией. Объединение это произошло не на базе марксизма-ленинизма и беспощадного разоблачения оппортунизма и социал-реформизма, а как результат формального слияния двух партий. В объединенную социалистическую партию Венгрии вошли и враждебные рабочему классу элементы — верхушка социал-демократической партии, являвшаяся прямой агентурой контрреволюционной буржуазии.

«Объединение, — вспоминает Матиас Ракоши, — представляло почти сплошь растворение слабых, поредевших от преследований коммунистических организаций, в старых, не тронутых борьбой организациях социал-демократии»³. Механическое слияние Коммунистической партии с социал-

¹ Е. Андич. Венгерская советская республика. «Историк-марксист», 1932, т. 4—5, стр. 176.

² Там же, стр. 177.

³ Матиас Ракоши. Отчет Венгерской компартии..., стр. 44—45.

демократической партией привело фактически к самороспуску молодой, еще не окрепшей Коммунистической партии и ослабило венгерский пролетариат в самые решающие и ответственные дни, когда в Венгрии была провозглашена Советская республика и власть перешла в руки рабочего класса.

ВЕНГЕРСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Вечером 21 марта 1919 г. Будапештский Совет рабочих депутатов объявил Венгрию Советской республикой. В стране была установлена диктатура пролетариата.

Это событие имело первостепенное значение. Оно свидетельствовало о большом влиянии Великой Октябрьской социалистической революции в России на рабочий класс Венгрии.

Сообщая VIII съезду РКП(б) о победе пролетарской революции в Венгрии, В. И. Ленин отмечал: «Если до сих пор Советская власть побеждала только внутри, среди входивших в состав бывшей Российской империи народов, если до сих пор близорукие люди, особенно трудно расстающиеся с рутинной, со старыми привычками мысли (хотя бы они и принадлежали к лагерю социалистов), могли думать, что только особенности России вызвали этот неожиданный поворот к пролетарской советской демократии... — если такое мнение еще могло держаться, то теперь оно разрушено до основания»¹.

Подчеркивая и развивая дальше эту мысль, В. И. Ленин отмечал, что победа рабочего класса в Венгрии означает моральную победу идей революционного марксизма над реформизмом².

В. И. Ленин указывал и на другую важную сторону победы трудящихся в Венгрии. Он говорил о том, что переход власти в руки народа произошел в самый критический для истории Венгрии момент, когда над страной нависла угроза интервенции Антанты и когда во весь рост встал вопрос о самом существовании венгерского национального государства. Венгерская буржуазия показала свою полную несостоятельность в организации отпора Антанте. Она уже давно превратилась в реакционную силу и предавала национальные интересы Венгрии. Не решаясь на открытую измену, она трусливо отказалась от власти, вышла из правительства, на которое ложилась задача организации обороны государства перед лицом экспансионистских требований Антанты.

Только народная власть могла дать отпор империалистам и защитить свою родину. Это понимали все слои населения Венгрии — рабочий класс, крестьянство, интеллигенция, демократическая часть буржуазии.

«Самая радикальная, наиболее демократическая, соглашательская буржуазия, — отмечал В. И. Ленин, — признала, что в момент величайшего кризиса, когда на истощенную войной страну надвигается новая война, Советская власть является исторической необходимостью, признала, что в такой стране не может быть иной власти, кроме власти Советов, кроме диктатуры пролетариата»³.

Это положение В. И. Ленина о том, что только рабочий класс может возглавить борьбу против империализма и защитить национальную независимость своей страны, находит свое яркое подтверждение и ныне, когда народы капиталистических стран под руководством рабочего класса под-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 199.

² См. там же, стр. 200.

³ Там же.

нимают знамя национально-освободительного, антиимпериалистического движения.

История Венгерской республики наглядно показала, что крупная буржуазия Венгрии срывала дело обороны страны от нашествия интервенционистских армий, что она организовывала контрреволюционные заговоры и опиралась в своей подрывной антинародной деятельности на социал-предателей.

Все прогрессивные мероприятия Венгерского советского правительства были проведены вопреки правым социалистам, которые делали все возможное для срыва этих мероприятий. Коммунисты, внося в Совет народных комиссаров свои предложения, опирались на поддержку народа, который горячо одобрял правильные решения Советского правительства.

Под давлением народных масс социалисты были вынуждены на первых порах соглашаться на словах с предложениями коммунистов. Так были выработаны и утверждены Советским правительством Венгрии декреты, имевшие жизненно важное для трудящихся масс значение.

Первым мероприятием Советской власти в Венгрии было установление союза с братским народом Советской России. В Москву, в Совет Народных Комиссаров, В. И. Ленину Венгерским советским правительством была послана приветственная радиogramма.

Текст радиogramмы был оглашен на VIII съезде РКП(б), который поручил В. И. Ленину составить ответ на приветствие Венгерского советского правительства.

22 марта 1919 г. VIII съезд РКП(б) послал ответную радиogramму в Венгрию:

«Правительству Венгерской Советской республики, Будапешт.

VIII съезд Российской коммунистической партии шлет пламенный привет Венгерской Советской республике. Наш съезд убежден в том, что недалеко то время, когда во всем мире победит коммунизм. Рабочий класс России всеми силами спешит к вам на помощь. Пролетариат всего мира с напряженным вниманием следит за вашей дальнейшей борьбой и не позволяет империалистам поднять руки на новую Советскую республику»¹.

Приветствие великой Коммунистической партии Советской России было напечатано 25 марта 1919 г. всеми венгерскими газетами и встретило всеобщее ликование и энтузиазм народных масс². Именем В. И. Ленина были названы многие учреждения, школы, заводские цехи, дома рабочих в Будапеште. Солдаты будапештского гарнизона присвоили своим казармам имя Владимира Ильича Ленина, а также имя Маркса, Энгельса и Либкнехта. Трудящиеся города Эржебетварош (близ Будапешта) переименовали свой город в Ленинварош. В. И. Ленин был избран почетным председателем первого расширенного заседания Будапештского Совета рабочих и красноармейских депутатов 11 апреля 1919 г.

Владимир Ильич Ленин внимательно следил за развитием событий в Венгрии, давал венгерским коммунистам советы и указания, критиковал их ошибки, предостерегал от доверия социал-предателям и перерожденцам. Он предпринимал все возможные меры, чтобы наладить связь с Советской Венгрией, требовал постоянной информации о положении дел в стране. 22 марта 1919 г. в своем приветствии по радио правительству Венгерской Советской республики В. И. Ленин подчеркнул: «Безусловно необходимо постоянное радиосообщение между Будапештом и Москвой»³.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 174.

² «Népszava», 25.III 1919 г.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 202.

На следующий день, 23 марта, В. И. Ленин, выражая опасения по поводу включения социалистов в правительство Венгерской Советской республики, в радиотелеграмме в Будапешт просил информировать его о составе и программе вновь созданного Венгерского советского правительства.

«Сообщите, пожалуйста, — запрашивал В. И. Ленин, — какие Вы имеете действительные гарантии того, что новое венгерское правительство будет на самом деле коммунистическим, а не только просто социалистическим, то есть социал-предательским?»

Имеют ли коммунисты большинство в правительстве? Когда произойдет съезд Советов? В чем состоит реальное признание социалистами диктатуры пролетариата?»¹

В апреле—мае 1919 г. В. И. Ленин в своих неоднократных выступлениях — на чрезвычайном заседании пленума Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов, на пленуме ВЦСПС, на конференции железнодорожников, на совещании слушателей первых московских советских командных курсов, в первомайском выступлении на Красной площади в Москве² — отмечал значение Венгерской советской революции, подчеркивал необходимость укрепления интернациональных связей пролетариата.

В мае 1919 г. В. И. Ленин встретился с одним из руководителей венгерских коммунистов Тибором Самуэли, который, перелетев на самолете линию фронта, прибыл в Москву. Получив подробную информацию от Самуэли, В. И. Ленин направил 27 мая 1919 г. венгерским рабочим специальное письмо, в котором давал коммунистам ценнейшие советы и указания, снова и снова предупреждал коммунистов, что нельзя ни на йоту доверять лидерам социал-демократической партии, которые являются скрытыми врагами рабочего класса.

«Большинство социалистических вождей в Европе, как социал-шовинистского, так и каутскианского направления, — писал В. И. Ленин венгерским коммунистам, — так погрязло в предрассудках чисто мещанских, воспитанных десятилетиями сравнительно «мирного» парламентаризма, что понять Советской власти и диктатуры пролетариата они не могут. Пролетариат не в состоянии совершить своей всемирно-исторической освободительной миссии, не устранив с своей дороги этих вождей, не удалив их прочь»³.

В. И. Ленин призывал венгерских коммунистов к бдительности по отношению к проiscaм врагов, к стойкости и решимости. Он указывал, что в борьбе против интервенционистских армий Антанты и внутренней контрреволюции можно победить только при условии железной выдержки, дисциплины, твердости и беспощадной расправы с врагами народа.

«Вам предстоит теперь, — писал В. И. Ленин, — благодарнейшая и труднейшая задача устоять в тяжелой войне против Антанты. Будьте тверды. Если проявятся колебания среди социалистов, вчера примкнувших к вам, к диктатуре пролетариата, или среди мелкой буржуазии, подавляйте колебания беспощадно»⁴.

Ленин учил венгерских коммунистов, что после того, как пролетариат в результате социалистической революции захватит государственную власть, классовая борьба не затухнет, а еще более обострится, что она примет лишь новые формы и что венгерский рабочий класс должен постоянно

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 203.

² См. там же, стр. 244, 268, 291, 218—219.

³ Там же, стр. 357.

⁴ Там же, стр. 360—361.

помнить об этом и всемерно укреплять диктатуру пролетариата, сурово и решительно подавляя сопротивление эксплуататоров¹.

Иным должно быть отношение венгерских коммунистов к трудящемуся крестьянству и городской мелкой буржуазии. «Крестьянин, — писал в приветии венгерским рабочим В. И. Ленин, — как труженик, тянет к социализму, предпочитая диктатуру рабочих диктатуре буржуазии». Венгерское советское правительство, указывал Ленин, должно завоевать «авторитет перед распыленным, менее развитым, менее твердым в политике трудящимся человеком из деревни или из мелкого производства, чтобы пролетариат мог вести за собой крестьянство и все мелкобуржуазные слои вообще»².

В письме В. И. Ленина содержались и другие важнейшие указания — об укреплении сознательной дисциплины и организованности пролетариата, о необходимости «порвать идейно со всей буржуазно-демократической идеологией» и выковать свою, марксистскую идеологию, о решительной борьбе против фразерства, косности, рутины, о выдвигании на руководящую работу на предприятиях передовиков производства³.

Советы В. И. Ленина имели исключительно большое значение для венгерских коммунистов. Они оказали огромную помощь рабочему классу Венгрии и всему венгерскому народу.

Венгерское советское правительство осуществило важнейшие революционные преобразования, которые встретили полное понимание и поддержку широких народных масс.

Большой энтузиазм вызвали декреты Венгерского советского правительства о разоружении буржуазии и создании Красной армии, о национализации промышленности, банков, транспорта, введении государственной монополии внешней торговли и другие мероприятия, направленные на подрыв политических и экономических позиций буржуазии и на защиту и укрепление Венгерской Советской республики.

Советская власть коренным образом улучшила положение трудящихся: впервые в истории Венгрии ввела 8-часовой рабочий день, повысила на 25—60% заработную плату рабочих, осуществила переселение бедняков из жалких лачуг в отобранные у буржуазии особняки, отделила школу от церкви, провела в жизнь крупнейшие культурные мероприятия, установила обязательное обучение для детей до 14 лет, дала трудящимся возможность получать образование. Было введено всеобщее государственное страхование для рабочих и служащих, установлена пенсия при потере работоспособности, намечено проведение больших мероприятий в области здравоохранения.

Огромное значение имел декрет Венгерского советского правительства о ликвидации национального гнета и предоставлении всем национальностям, проживающим на территории Венгрии, равных политических прав.

В декрете говорилось, что Венгерская Советская республика представляет собой братский союз всех народов, населявших Венгрию, что Советское правительство гарантирует всем национальностям равные политические права и уничтожает навсегда национальное угнетение и неравноправие, являющиеся порождением капитализма⁴. Советское правительство Венгрии

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 358—359.

² Там же, стр. 359.

³ Там же.

⁴ В декрете, однако, не говорилось о праве наций на самоопределение вплоть до государственного отделения. Недостаточно четко были определены и права народов, населяющих Венгрию. И хотя венгерские коммунисты проводили в общем правильную национальную политику, недостаточно четко сформулированная программа в нацио-

проявило большую заботу по отношению к национальным меньшинствам. В Закарпатской Украине и других районах были созданы органы местного самоуправления. Начали выходить газеты на национальных языках. Велась интенсивная подготовка к введению в школах национальных районов преподавания на родном языке. Из Будапешта в Закарпатскую Украину в порядке оказания помощи беднейшим слоям населения было отправлено 5700 ц муки, свыше 7500 ц семенного зерна, много одежды и обуви.

Однако венгерскими коммунистами не были претворены в жизнь все советы В. И. Ленина. Так, оказалось неосуществленным важнейшее указание В. И. Ленина по аграрному и крестьянскому вопросам. В своем «Письме к венгерским рабочим» от 27 мая 1919 г. В. И. Ленин особо подчеркивал значение союза рабочего класса и крестьянства для победы диктатуры пролетариата. Необходимо, писал В. И. Ленин, чтобы «пролетариат мог вести за собой крестьянство и все мелкобуржуазные слои вообще»¹.

В Венгрии не была проведена широкая демократическая аграрная реформа. Трудящиеся крестьяне так и не получили конфискованной помещичьей земли, которая была передана государственным хозяйствам (вроде совхозов)².

Декретом Венгерского правительства были национализированы не только крупные промышленные предприятия, но и мелкие кустарные предприятия и ремесленные мастерские. «Социализации подверглась как крупная оптовая торговля, так и мелкая розничная»³.

Отсутствие союза рабочего класса и крестьянства было одной из причин поражения Венгерской Советской республики, против которой объединились силы внутренней и международной контрреволюции.

Англо-франко-американский империализм с первых дней существования Советской Венгрии ожесточенно боролся против венгерского народа, руководил организацией подрывной деятельности внутри страны, готовил военную интервенцию, чтобы утопить в крови свободу, завоеванную венгерскими трудящимися.

Международный империализм как огня боялся дальнейшего распространения пролетарской революции из Советской России в другие страны, в особенности в страны Центральной Европы.

Настроения правящих американских и английских кругов в эти дни хорошо выразил личный представитель президента США Вильсона в Европе полковник Хауз, который 22 марта 1919 г. записал в своем дневнике: «Большевики повсюду завоевывают новые позиции. Только что подалась Венгрия. Мы сидим на пороховом погребе, и в один прекрасный день какая-нибудь искра может взорвать его...»⁴.

Буржуазная печать США, Англии, Франции и других стран забила тревогу по поводу революции в Венгрии. Агентство Рейтер сообщило из Нью-Йорка 28 марта, что «ни одна американская газета не недооценивает серьезность положения в Венгрии»⁵. «Нью-Йорк геральд» потребовала от правительства немедленно оккупировать войсками Антанты Будапешт и оказать быструю военную помощь соседним с Венгрией странам⁶. «Нью-Йорк

нальном вопросе давала возможность буржуазным националистам выступать с различного рода клеветническими утверждениями против венгерских коммунистов.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 359.

² Матиас Ракоши. Отчет Венгерской компартии..., стр. 55.

³ Там же.

⁴ «Архив полковника Хауза», т. IV, стр. 306.

⁵ «Neue Freie Presse», 29.III 1919 г.

⁶ Там же.

таймс» разразилась злобной статьей против венгерского народа и заявила, что «Венгрию надо проучить»¹. Французская «Тан» обратилась с призывом к союзному командованию «вооружить румынские войска, которые являются единственной защитой против большевизма»².

26 марта 1919 г. во французском парламенте с воинственной речью выступил министр иностранных дел Франции Пишон, который призвал к усилению борьбы о «революционной опасности». «Истинный мир, — сказал он, — возможен только тогда, когда русский вопрос будет разрешен и когда очаг коммунистической заразы, распространяющийся оттуда, будет окончательно потушен...». Переходя к событиям в Венгрии, он заявил, что «все державы должны объединиться между собой и преградить путь большевизму»³.

27 марта в Париже состоялось заседание руководителей американской делегации на Мирной конференции. Обсуждался венгерский вопрос. Арчибалд Кулидж — глава Восточной и Среднеевропейской американской разведывательной службы и капитан Рузвельт — американский шпион в Будапеште предложили три варианта для разрешения этого вопроса⁴.

Первый вариант — оккупировать Венгрию войсками союзников. Второй вариант — организовать интервенцию против Советской Венгрии югославскими, румынскими и чехословацкими войсками. Третий вариант — подготовить «внутренний переворот» при помощи империалистических агентов, подсланных в руководящие органы Советской власти в Венгрии, правых социалистов и предателей венгерского народа⁵.

Было решено осуществить одновременно второй и третий варианты.

Эти предложения были приняты штабом мировой контрреволюции — «Советом 4-х».

«Комиссия 4-х, — писала «Правда» 30 марта 1919 г., — заседала сегодня 2 раза: в отеле президента Вильсона и в кабинете Клемансо. На втором заседании присутствовали: маршал Фош, генерал Першинг, Перро и Вильсон... Речь шла о мерах, которые следует принять в связи с последними событиями в Венгрии»⁶.

Одной из мер Антанты было объявление политического бойкота Венгерской Советской республике. По указке США, Англии и Франции все капиталистические государства отказались признать Венгерскую Советскую республику и установить с ней дипломатические отношения (за исключением Австрии, где пролетариат принудил «социалистическое правительство» формально признать Венгерскую республику).

Другим орудием Антанты была экономическая блокада Венгрии. По распоряжению союзного командования была запрещена торговля с Венгрией. Прекратился подвоз каменного угля, железной руды, нефти, промышленного сырья. Остановились идущие в Венгрию поезда на железных дорогах и торговые суда на Дунае. Наглухо закрылась венгерская государственная граница. В Венгрию прекратился привоз хлеба. Продовольственная комиссия во главе с империалистом Гувером запретила также торговлю с Советской Венгрией всеми продуктами питания. При помощи голода Антанта хотела поставить венгерский народ на колени, задушить молодую Советскую республику.

¹ «Neue Freie Presse», 29.III 1919 г.

² «Правда», 28.III 1919 г.

³ «Правда», 29.III 1919 г.

⁴ Ш. Дьерфи. Указ. соч., стр. 748.

⁵ Там же.

⁶ «Правда», 30.III 1919 г.

Одновременно были приняты срочные меры по организации военной интервенции против Венгерской Советской республики.

Командование Антанты приказало генералу Франше д'Эспере, только 20 марта 1919 г. прибывшему из Константинополя в Одессу, чтобы руководить действиями французских интервенционистских войск на юге России, выехать в Белград и сформировать там армии для вторжения в Советскую Венгрию. Генералу Манжену поручалась подготовка румынских войск, генералу Эннокю — чехословацких¹.

Чтобы выиграть время, дезориентировать Венгерское советское правительство и ввести в заблуждение мировое общественное мнение, в Будапешт 1 апреля 1919 г. была направлена «мирная миссия» генерала Смэтса. В состав миссии был включен матерый американский разведчик Арчибальд Кулидж, который в начале января 1919 г. оказался в Вене, где находился центр американской разведки, занимавшийся сбором информационных и шпионских данных о Юго-Восточной Европе². Арчибальд Кулидж был связан с находившимся в Берне руководителем разведки США в Европе Алленом Даллесом³. Другим членом делегации был представитель Ватикана архиепископ Сплитский — ярый враг Советской власти и венгерского народа.

4 апреля в специальном поезде миссия Смэтса прибыла в Будапешт. Уже первые шаги миссии показали, что «мирная делегация» отнюдь не собирается вести переговоры с Венгерским советским правительством в деловой и нормальной обстановке. Смэтс начал с оскорблений. Он наотрез отказался от предоставленного миссии Венгерским правительством одного из лучших в Будапеште помещений — отеля «Венгрия» и предпочел вести переговоры в полутемном вагоне поезда, стоявшего на запасных путях⁴.

Представителю Венгерского советского правительства был вручен уже готовый проект решения Антанты, предусматривавший отторжение от Венгрии значительной части ее территории.

Вот как описывает это Г. Никольсон: «Комиссар приходит в 10.00. Смэтс вручает ему проект соглашения, по которому великие державы занимают центральную зону между Венгрией и Румынией. Если он согласен с этим, то мы снимем блокаду... Взяв документ он (представитель венгерского правительства. — Ю. П.) покидает нас, говоря, что ему нужно посоветоваться со своим правительством. Обещает дать ответ к 7 часам вечера. Смэтс отдает распоряжение: быть готовым к отъезду к 7.15»⁵.

Таким образом, на ответ и возражения (вместе с переводом документов с английского языка на венгерский и обратно) отводилось ограниченное время, а на сами переговоры всего 15 минут! Но Смэтсу показалось и этого мало. Ему нужно было во что бы то ни стало спровоцировать разрыв переговоров, и когда прибыли официальные представители Венгерского советского правительства, он отказался их даже выслушать. «Смэтс считает, что эти люди не располагают достаточными силами, оправдывающими заключение с ними какого бы то ни было договора. Он решает порвать переговоры сегодня ночью»⁶.

¹ Miloš Gosiorovský. O sovietoch na Slovensku u roku 1919. «Nova mysl», 1949, № 3; И. Н. Мельникова. Указ. соч., стр. 126—127.

² «Papers», vol. II, p. 219, 221, 224; В. М. Турок. Указ. соч., стр. 84.

³ «Papers», vol. II, p. 481.

⁴ Г. Никольсон. Как делался мир в 1919 г. ОГИЗ, 1945, стр. 233.

⁵ Там же, стр. 234.

⁶ Там же, стр. 235.

В ответ на предложение представителей Венгерского советского правительства созвать на следующее утро совещание и в спокойной обстановке обсудить взаимные предложения и претензии, Смэтс прервал переговоры и отдал приказ об отправке дипломатического поезда из Будапешта¹.

Совсем по-иному вели себя члены миссии в Праге, куда они прибыли на следующий день. Они наносят официальный визит президенту Чехословацкой республики Масарику и министру национальной обороны Чехословакии Клофачу. После официального обмена приветствиями ведутся секретные переговоры. Об этом Никольсон вспоминает следующее: «Смэтс просит нас оставить его с Масариком наедине. Мы удаляемся в холодную приемную, а Смэтс и Масарик остаются целый час за закрытой дверью»².

Сразу после переговоров Масарик посылает против венгерского народа интервенционистскую армию. 7 апреля министр национальной обороны Клофач отдает секретный приказ о подготовке к выступлению чехословацких войск против Венгерской Красной армии. В приказе говорится: «Вместе с наступлением чехословацких войск начнется также наступление румын и сербов. Исходя из общих задач генералу Энноку надлежит наладить связь с румынской армией»³.

В ночь с 16 на 17 апреля интервенция белогвардейских армий боярской Румынии против Советской Венгрии началась. Вооруженные и экипированные Антантой румынские войска без предупреждения вероломно напали на находившиеся на румыно-венгерской границе немногочисленные и разрозненные части Венгерской Красной армии и почти без боя продвинулись вглубь Венгрии, заняв линию Синерваралья—Зилах—Чуча.

27 апреля началось наступление чехословацких войск. Клофач специальным приказом передал командование над чехословацкими войсками французским и итальянским офицерам⁴.

После взятия чехами важнейшего стратегического пункта — г. Мишкольца — и соединения чехословацких и румынских войск общая линия фронта для Венгерской Красной армии удлинилась до 600 км⁵. Еще более ухудшилось положение Красной армии после интервенции в Венгрию югославских войск, которые напали на южные границы Венгерской Советской республики, захватив несколько пограничных городов Венгрии. Советская Венгрия оказалась зажатой в огненном кольце фронтов: в северном направлении от Будапешта до линии фронта было не более 160 км, в южном — 150 км, в западном — 100 км, а в северо-восточном — едва 60 км⁶. Что касается Австрии, то она формально объявила о нейтралитете, но фактически оказывала помощь Антанте. Австрийское правительство социалиста Реннера объявило блокаду Венгерской Советской республики, заморозило находившееся в Вене венгерское золото, запретило доставку в Венгрию продовольствия и оружия⁷. Вена служила прибежищем для контрреволюционных элементов, изменников и врагов венгерского народа. Здесь формировались группы шпионов, диверсантов и террористов, которые засылались в Венгрию. В Вене разрабатывались коварные планы контрреволюционных заговоров против Венгерской Советской республики.

¹ Г. Никольсон. Как делался мир в 1919 г., стр. 234.

² Там же, стр. 236.

³ «Nova mysl», 1949, № 3, str. 278.

⁴ J. Veselý, Op. cit., str. 77.

⁵ Матнас Ракоши. Отчет Венгерской компартии..., стр. 50.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

К концу апреля — началу мая 1919 г. военное положение Венгерской Советской республики стало критическим.

Интервенционистские войска, форсировав р. Тиссу, захватили большую часть территории Венгрии и находились всего в нескольких переходах от Будапешта¹. Внутренняя контрреволюция подняла голову. Социал-предатели заявили о бесполезности сопротивления и предложили сдаться на милость победителя. Они подрывали боеспособность Венгерской Красной армии. Находившееся в руках правых социалистов главное командование Красной армии (Вильгельм Бем и др.) отдавало изменнические приказы об отступлении без боя. На сторону врага переходили многие офицеры старой армии, обманным путем пробравшиеся на командные посты в Красной армии. В Будапеште зашевелились недобитые контрреволюционные элементы (организация Брауна и др.). Реакция почти открыто торжествовала в предвкушении близкой победы.

Газета «Таймс» в ультимативной форме писала:

«1) Венгерскому советскому правительству нужно немедленно капитулировать.

2) Все оружие и амуницию (Красной армии. — Ю. П.) ему надо немедленно сдать.

3) Будапешт оккупируют войска Держав Согласия.

4) Венгерское советское правительство должно подать в отставку...»².

Однако торжество реакции было преждевременным. Коммунисты призывали рабочий класс к отпору врагу. 1 мая в Будапеште состоялась многочисленная демонстрация, в которой участвовало свыше 75 тыс. рабочих и красноармейцев. Демонстранты несли портреты В. И. Ленина, красные знамена, лозунги: «Да здравствует Ленин — вождь мирового пролетариата!», «Да здравствует пролетарская диктатура!», «Да здравствует Советская Венгрия!».

Была создана новая Красная армия, в состав которой влилось свыше 100 тыс. рабочих. На фронт отправились коммунисты. В Красной армии был организован институт политических комиссаров и предприняты решительные меры по укреплению тыла и борьбе с внутренней контрреволюцией. Председателем чрезвычайной комиссии был назначен стойкий коммунист — Тибор Самуэли, начальником Отдела политической разведки Красной армии — коммунист Отто Корвин.

От имени чрезвычайной комиссии Тибор Самуэли опубликовал воззвание-приказ, в котором говорилось: «К классовому врагу пролетариата — буржуазии я не обращаюсь с какой-либо просьбой. Я хотел бы только, чтобы буржуазия запомнила следующее: кто поднимет руку на власть пролетариата, кто открыто или тайно будет подстрекать и скрывать ее агентов, кто не будет выполнять всех приказов Совета народных комиссаров и Главного командования, тот сам подпишет собственный смертный приговор. Исполнение приговора — наша задача»³.

Принятые коммунистами меры создали перелом в военных действиях. Венгерская Красная армия перешла в решительное контрнаступление, отбросила интервентов за Тиссу и 20 мая взяла г. Мишкольд, нарушив связь чехословацких и румынских войск. Первый натиск Антанты был отбит.

Большую помощь венгерскому народу оказали трудящиеся Советской России и других европейских стран.

¹ Матиас Ракоши. Отчет Венгерской компартии..., стр. 49.

² «Times», 7.V 1919 г. (Цит. по Ш. Дьерфи. Указ. соч., стр. 751).

³ «Népszava», «Pester Lloyd», «Vörös Ujsac» и другие газеты за 20.IV 1919 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ ТРУДЯЩИХСЯ. ВЕНГЕРСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА И СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ

Народы Советской России вели героическую самоотверженную войну против интервенционистских армий Антанты и белогвардейщины. Они приняли на себя главный удар международного империализма, вынесли основную тяжесть войны. Против Советской России Антанта предприняла три похода, вооружила, экипировала и снабдила военной техникой и боеприпасами полчища белогвардейских армий. Советский народ не только выстоял в этой смертельной борьбе, защитив свою Родину и завоевания Великого Октября, но и своим самоотверженным примером вдохновил народы мира на борьбу против империализма.

Ввиду сложившейся в 1919 г. тяжелой военной обстановки, когда армия Деникина подходила к Москве и в руках врага находилась почти вся Украина, Красная Армия Советской России не смогла оказать непосредственной военной помощи Венгерской Красной армии. Но огромное значение для венгерского народа имело то, что Советская Россия отвлекала на себя все главные силы Антанты.

Весной 1919 г. Антанта не решилась перебросить с советских фронтов на венгерский фронт французские и английские войска, а направила против Венгерской Советской республики лишь войска своих сателлитов. Против Венгерской Красной армии весной 1919 г. действовали 8 дивизий румынских войск, 4 чехословацкие дивизии и 4 сербские дивизии. И только несколько позже в Венгрию были двинуты 3 батальона французской пехоты и 6 эскадронов французской кавалерии, которые были расквартированы в южной части страны. Наступление же румынских, югославских и чехословацких войск Венгерская Красная армия смогла успешно приостановить, а затем и перейти в контрнаступление.

Венгерские красноармейцы защищали свою родную Советскую власть, завоевания революции. Они вели справедливую революционную войну. Они знали цели и задачи войны. Их вдохновляла оценка, данная действиям Венгерской Красной армии вождем международного пролетариата В. И. Лениным:

«Вы ведете единственно законную, справедливую, истинно революционную войну, войну угнетенных против угнетателей, войну трудящихся против эксплуататоров, войну за победу социализма. Во всем мире все, что есть честного в рабочем классе, на вашей стороне»¹.

Насильно же мобилизованные в армию чешские, словацкие, сербские, хорватские и румынские солдаты не хотели воевать против Советской Венгрии, где взявший власть народ осуществил в своих интересах революционные преобразования. Организую интервенцию, буржуазия была вынуждена скрывать от народа истинные цели войны. Снаряжая интервенционистские армии, она пыталась отравить сознание солдат ядом национализма, разжигала румыно-венгерскую, чешско-венгерскую и сербо-венгерскую национальную вражду, клеветала на Венгерскую Советскую республику, рисуя «ужасы красного террора», раздувала отдельные недостатки и ошибки венгерской коммуны. Ей удалось обмануть известную часть отсталых солдат, но в целом война против Советской Венгрии была непопулярной среди солдатской массы интервенционистских армий.

На защиту Венгерской Советской республики встала передовая и сознательная часть рабочего класса Чехословакии, Румынии, Сербско-Хорватско-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 361.

Словенского государства, Австрии. Советская революция в Венгрии оказала значительное влияние на развитие революционного движения в соседних странах. В венгерской революции трудящиеся массы увидели продолжение дела, начатого русским рабочим классом.

В Сербско-Хорватско-Словенском государстве известие о победе пролетарской революции в Будапеште было встречено рабочим классом с огромным воодушевлением. В крупнейших городах — Белграде, Загребе, Нише, Крагуеваце, на рудниках Боснии, в железнодорожных депо Марибора и Любляны стихийно возникли митинги и собрания рабочих, на которых принимались резолюции, приветствующие Венгерскую Советскую республику. Особенно грандиозным был рабочий митинг в Белграде. Он состоялся 26 марта и вылился в мощную демонстрацию пролетарской солидарности. «Собрание сербских рабочих, — говорилось в принятой на митинге резолюции, — восторженно приветствует диктатуру мадьярского пролетариата и заявляет о своей готовности поддержать всеми силами венгерских братьев»¹.

В апреле, когда сербское королевское правительство, по указке Антанты, послало интервенционистские войска против Венгерской Советской республики, югославские коммунисты развернули в войсках широкую разъяснительную работу. Созданная в апреле 1919 г. Коммунистическая партия Сербско-Хорватско-Словенского государства отправила в оккупационные войска своих лучших агитаторов, которые разоблачали захватнические планы сербских империалистов, сообщали солдатам правду о Советской Венгрии.

Одним из пунктов формирования югославских интервенционистских войск был порт Фиуме, куда прибывали мобилизованные в армию солдаты из Далмации, Хорватского Приморья и Черногории. Здесь они формировались и направлялись на сербско-венгерскую границу. Коммунистическая организация Фиуме повела работу среди солдат, а также среди железнодорожников и грузчиков порта. В течение весны и лета 1919 г. в Фиуме под влиянием коммунистической пропаганды неоднократно вспыхивали солдатские восстания и забастовки рабочих-железнодорожников, отказывавшихся отправлять в Венгрию оккупационные войска².

Постоянно вспыхивали восстания в югославских войсках, расквартированных в южной Венгрии. Соприкосновение с Венгерской Красной армией оказывало революционизирующее воздействие на оккупационные войска. Они не хотели воевать против революционных венгерских войск и братались с венграми. «В Беременде, — писала «Правда», — сербские солдаты вместо борьбы с венграми побратались с венгерскими красноармейцами. . . Братание происходило не в одном только Беременде, а шло по всей линии фронта»³.

В апреле 1919 г. вспыхнули восстания в Пече, Дравстваре, Беременде, Сегеде, Мике и других городах южной Венгрии, оккупированных югославскими войсками⁴. Сербское командование вынуждено было отозвать свои войска из этих городов. Вместо них были присланы французские войска. Но вскоре и они оказались неблагонадежными, и союзное командование заменило их колониальными войсками⁵. Однако и в их среде началось разложение⁶.

¹ «Жизнь национальностей», 26.IV 1919 г.

² «Жизнь национальностей», 15.VI 1919 г.

³ «Правда», 15.IV. 1919 г.

⁴ «Жизнь национальностей», 29.IV 1919 г., 25.V 1919 г.; «Коммунистический Интернационал», 1919, № 3.

⁵ Там же.

⁶ «Жизнь национальностей», 20.IV 1919 г.

18 апреля произошли восстания среди сербских солдат в Фюнфирхене (южная Венгрия). В казармах и городе появились плакаты: «Смерть Карагеоргиевичу!». Волнения перебрались в г. Ушегед. Югославские солдаты двинулись через р. Тиссу и организовали митинг солидарности с Венгерской Советской республикой. Значительная часть солдат перешла на сторону Венгерской Красной армии¹.

1 мая во всех крупных городах Сербско-Хорватско-Словенского государства состоялись многотысячные демонстрации². Они прошли под лозунгами пролетарской солидарности с Советской Россией и Советской Венгрией. По сообщению корреспондента французской газеты «Попюлер», особенно внушительными были первомайские демонстрации и митинги в промышленных районах Боснии.

«Сараево, а вместе с ним и почти вся Босния и Герцеговина, — пишет корреспондент, — были объявлены на военном положении. . . Правительство запретило 1 мая какие бы то ни было манифестации, угрожая расстрелами. В города были стянуты в большом количестве войска. Начались повальные аресты. Но несмотря на это широкие народные массы приняли участие в манифестациях в честь советских республик — России и Венгрии»³.

В июне—июле революционное движение в Королевстве сербов, хорватов и словенцев приобрело еще больший размах.

20—21 июня югославскими коммунистами была организована всеобщая забастовка протеста против подготовляемой Антантой новой интервенции в Советскую Венгрию⁴. Бастующих рабочих поддерживали солдаты ряда соединений в Хорватии, Словении и Воеводине.

24—25 июня состоялась новая всеобщая забастовка пролетарской солидарности. В течение трех дней во многих районах страны была прервана почтово-телеграфная связь, не работали заводы и фабрики, не функционировал железнодорожный транспорт⁵. Одновременно вспыхнули восстания словенских солдат в Мариборе, Прогерско и Дорнау, хорватских солдат в Загребе и Вараждине, сербских солдат в Воеводине⁶.

Югославские войска все более разлагались и выходили из повиновения командованию. Брожение стало охватывать даже младший офицерский состав. Многие унтер-офицеры и нижние чины срывали с себя знаки отличия и переходили на сторону Венгерской Красной армии⁷. Колоссальных размеров достигло дезертирство.

Уставшие от мировой империалистической войны солдаты не хотели вести новую войну, еще более несправедливую и захватническую. Они массами покидали войсковые соединения и уходили домой.

Иностранцы наблюдатели в своих депешах и корреспонденциях с тревогой сообщали «о росте анархии» в югославской армии. «В Югославии, — писал парижский корреспондент газеты «Сфатул-Церий», — господствует полная анархия. Солдаты-фронтовики ни с каким правительством не считаются и заявляют, что они сами себе правительство. На приказы местной власти они отвечают с оружием в руках. . . Объявлена мобилизация, но фронтовики являются на сборные пункты исключительно с целью взять

¹ «Жизнь национальностей», 29.IV 1919 г.; 25.V 1919 г.; «Правда», 18.IV 1919 г.

² «Жизнь национальностей», 25.V 1919 г.

³ «Правда», 3.VIII 1919 г.

⁴ «Коммунистический Интернационал», 1920, № 13, стр. 1567—1572.

⁵ «Правда», 26.VII 1919 г.

⁶ «Korrespondenz-Express», 25.VII 1919 г.; «Правда», 26.VII, 1.VIII 1919 г.

⁷ «Правда», 26.VII 1919 г.

оружие и вернуться домой. Сербские власти вынуждены во многих местах отказаться от мобилизации, которая очень непопулярна среди населения»¹.

В 20-х числах июля с венгеро-югославского фронта командованием была отозвана целая пехотная сербская дивизия ввиду ее «неблагонадежности». Заменявшая ее кавалерийская дивизия также оказалась ненадежной².

Сербское королевское правительство перестало доверять даже полиции и жандармерии. «Со вчерашнего дня, — пишет 24 июля болгарская газета «Утро», — королевский дворец охраняется уже не сербами, а двумя ротами войск Антанты, ибо сам король и принц Александр перестали доверять сербской охране»³.

Союзное командование ввело в Белград и другие города дополнительный контингент войск, установило полный контроль над телеграфом и почтой Сербо-Хорватско-Словенского государства. Ни одна телеграмма не пропущалась без визы союзного командования. Был установлен контроль над железными дорогами и судоходством. Повсеместно была введена военная цензура. Строго запрещалось употребление таких слов, как «революция», «демобилизация», «реквизиция», не говоря уже о словах «большевик», «пролетарская республика», «Ленин»⁴. Опираясь на поддержку Антанты, королевское правительство усилило репрессии по отношению к коммунистам и прогрессивным деятелям. Однако оно не смогло этим приостановить революционного движения, которое стремительно развивалось. В борьбу вовлекались все новые и новые слои рабочего класса. В июле забастовали типографские рабочие Боснии. Они требовали введения, по примеру Советской Венгрии, 8-часового рабочего дня и повышения зарплаты. Забастовка носила упорный характер и продолжалась 2 месяца⁵.

В Мариборе (Словения) в конце июля состоялась многолюдная антимонархическая демонстрация, которая переросла в вооруженное столкновение словенского населения с сербскими войсками и жандармами⁶. Повстанцы требовали ликвидации монархии Карагеоргиевичей и установления республики.

В столице Хорватии Загребе в июле произошли крупные волнения, которые охватили не только рабочих городских предприятий, но и железнодорожников, в результате чего прекратилась работа транспорта, используемого для перевозки карательных отрядов сербских войск. В самих этих войсках также началось брожение: Солдаты не только отказались выступить против хорватских рабочих, но потребовали провозгласить в Королевстве сербов, хорватов и словенцев Советскую республику⁷.

В Осиеке, Мариборе, Загребе, Кричевце и Вараждине были созданы Советы рабочих и солдатских депутатов⁸.

Революционное движение развернулось и в деревне. В Хорватии, Словении, Далмации и Боснии неоднократно происходили «аграрные беспорядки» — крестьяне захватывали помещичьи земли и самовольно отменяли многочисленные налоги и поборы⁹. В пограничных с Венгрией районах —

¹ «Жизнь национальностей», 6.VII 1919 г.

² «Жизнь национальностей», 27.VII 1919 г.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ «Коммунистический Интернационал», 1920, № 13, стр. 2567—2572.

⁶ «Правда», 1.VIII 1919 г.

⁷ «Neues Wiener Journal», 1.VII 1919 г.

⁸ «Sudslawische-Korrespondenz», 9.VIII 1919 г.

⁹ Ю. А. Писарев. Из истории революционного движения рабочего класса и крестьянства в Сербо-Хорватско-Словенском государстве в 1919—1923 гг. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», 1952, т. V.

северной Воеводине, Междумурье, северо-восточной Словении — крестьянское движение летом 1919 г. было наиболее сильным. В этих районах господствовало крупное помещичье землепользование с большой армией сельскохозяйственных рабочих, поденщиков и крестьян-отходников. Сельскохозяйственный пролетариат горячо поддерживал Венгерскую Советскую республику и, узнавая о приближении Венгерской Красной армии, поднимал волнения¹.

В постоянном брожении находились районы угнетенных национальностей королевства — Македония, Черногория, Хорватия, Словения.

В Сербо-Хорватско-Словенском государстве, таким образом, весной и летом 1919 г. налицо была революционная ситуация, и правительство не могло с этим не считаться. Под давлением революционного движения оно было вынуждено отказаться от посылки в Венгерскую Советскую республику новых интервенционистских частей. Югославский рабочий класс и трудовое крестьянство своей революционной борьбой оказали значительную помощь венгерскому народу.

Большую поддержку венгерский народ в своей борьбе за защиту Венгерской Советской республики получил от других славянских народов — закарпатских украинцев, чехов и словаков.

В Закарпатской Украине после победы Советской революции в Венгрии революционное движение резко усилилось. Повсеместно начали создаваться Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В Берегове, Мукачеве, Чопе, Хусте, Тячеве, Виноградове в марте—апреле 1919 г. Советы взяли всю власть в свои руки. Буржуазные органы самоуправления были распущены².

Всей деятельностью в неоккупированных чехословацкими войсками районах Закарпатья руководил «Русско-украинский комиссариат», который осуществлял мероприятия центрального правительства Венгерской Советской республики. Украинскому, русскому, словацкому и другим народам, населявшим Закарпатскую Украину, были предоставлены равные права и демократические свободы. Советское правительство национализировало банки, промышленные предприятия, торговые компании, провело реформу суда и школы, ввело всеобщее избирательное право для всех трудящихся, лишило избирательных прав помещиков и капиталистов³.

Для охраны завоеваний революции были созданы народная милиция и Красная гвардия, которая принимала непосредственное участие в боях вместе с Венгерской Красной армией против интервентов. Особенно проявили себя Русинская красная дивизия и Отдельный русинский батальон, героически сражавшиеся в районе Чоп—Мишкольц против белогвардейских войск⁴.

Во время июльского наступления Венгерской Красной армии русинские красновардейские части вместе с венгерскими отрядами вели бои против контрреволюционных войск в районе Требишова, Шайо-Петрия и Кошицы. Совместными усилиями революционных войск оккупанты были изгнаны из многих районов Закарпатской Украины, захваченных ими в апреле—мае 1919 г., во время первого похода интервенционистских армий против Советской Венгрии. В числе освобожденных городов был и г. Мукачево. Велись бои за Ужгород⁵. В тылу у врага развернулось массовое партизанское движение. Своей самоотверженной борьбой трудящиеся Закарпатской Украины

¹ «Жизнь национальностей», 25.V 1919 г.

² И. Н. Мельникова. Указ. соч., стр. 123—124.

³ Там же, стр. 125.

⁴ Там же, стр. 131.

⁵ Там же.

оказывали помощь молодым советским республикам — Венгерской и Словацкой. Только после их падения революционное движение в Закарпатской Украине было задушено.

В Чехословакии в момент провозглашения Советской республики в Венгрии у власти находилось реакционное правительство Крамаржа, в которое входили и представители социал-демократической партии. Правительство встретило известие о победе рабочего класса в Венгрии враждебно. Министр Клофач издал приказ о строжайшем закрытии чехословацкой границы со стороны Венгрии. На всех мостах через Дунай была введена усиленная охрана¹. Было запрещено распространение венгерских газет, прекращены радиопередачи из Будапешта.

Буржуазные национально-демократическая, народная (клерикальная) и национально-социалистическая партии вместе с правыми социал-демократами развернули клеветническую кампанию против Венгерской Советской республики, пытаясь подорвать влияние венгерской пролетарской революции в Чехословакии. Буржуазная пресса начала с того, что объявила произошедший в Венгрии переворот «делом рук шовинистических венгерских элементов, которые хотят создать Великую Венгрию, присоединив к ней Чехословацкую республику»². Буржуазная печать объявила «Отечество в опасности», а пражская газета «Večerník práva lidu» уже 22 марта, т. е. на следующий день после провозглашения Советской власти в Венгрии, выступила с воинственным заявлением о необходимости ликвидировать Венгерскую Советскую республику. «Возможно, что и Чехословацкая республика будет участвовать в военном нападении», — писала газета³.

Масарик и Бенеш, поддерживаемые правыми социалистами, выступили с теориями «национального и социального мира» и заявлениями о том, что «Чехословакия пойдет своим путем, а не путем Москвы и Будапешта»⁴.

Чтобы отвлечь трудящихся от революционной борьбы, правительство выступило с лживыми обещаниями осуществить социальные реформы, ввести трудовое законодательство, 8-часовой рабочий день, обеспечить государственную помощь безработным.

Крестьянам была обещана земельная реформа.

Буржуазия разжигала национализм. В печати появились статьи, в которых вековая борьба чешского и словацкого народов против Австро-Венгерской монархии выдавалась за борьбу против австрийского и венгерского народов.

Военщина выступила с агрессивными планами присоединения к Чехословакии всей Закарпатской Украины.

Американская продовольственная комиссия Гувера заявила о возможности «увеличить поставки хлеба в Чехословакию», а правительства Франции, Англии и США заговорили о кредитах для Чехословацкой республики⁵.

Очень скоро выяснилось, что за это чешский и словацкий народы должны расплачиваться своей кровью: 16 апреля чехословацкая армия была отправлена на подавление Венгерской Советской республики.

Посылая войска в Венгрию, правящие круги Чехословакии рассчитывали на скорую и легкую победу: сдавленная со всех концов Советская Венгрия

¹ «Жизнь национальностей», 20.IV 1919 г.

² Там же.

³ «Večerník práva lidu», 22.III 1919 г. (См. И. Н. Мельникова. Указ. соч., стр. 127).

⁴ «Жизнь национальностей», 20 и 27.IV 1919 г.

⁵ США отпустили на вооружение Чехословакии 3,3 млн. долларов («Правда», 1 и 16.IV 1919 г.).

должна была, по расчетам Антанты, быстро пасть под совместными ударами румынских, югославских и чехословацких войск. В ходе интервенции, — так рассчитывали ее организаторы, — должен был усилиться шовинистический угар, при помощи которого господствующие классы думали отвлечь трудящиеся массы от революционной борьбы.

Но все эти планы и расчеты потерпели позорный провал. Уже первые дни наступления чехословацкой армии показали, что одетые в солдатские шинели чешские и словацкие рабочие и крестьяне не хотят воевать против венгерских трудящихся, взявших власть в свои руки. 16 апреля, в первый же день военных действий, в Будапешт пришло известие о переходе двух чешских батальонов на сторону Венгерской Красной армии. Сведения об этом были опубликованы в центральном органе венгерской объединенной социалистической партии «Красной газете»¹.

Прошло несколько дней — и близ Унчвара чешские солдаты прекратили военные действия против Венгерской Красной армии, побратались с красноармейцами².

Вскоре чешскому командованию стали известны факты о событиях около Лосенца и Эльсекуйвара, где чешский отряд пулеметчиков отказался повиноваться своим офицерам и взорвал все огнестрельные припасы, а солдаты пехотного батальона вынесли решение разойтись по домам всем, кому исполнилось 30 лет³. Чехословацкая армия все более и более разлагалась. В ней усиливались революционные настроения.

Неспокойно было и в самой Чехии. Передовые чешские рабочие не только не поддались на лживую шовинистическую пропаганду чешской буржуазии, но и выступили с резким осуждением этой пропаганды.

Еще в марте, тотчас после получения известий о пролетарской революции в Венгрии, в Праге состоялась конференция городской организации социал-демократической партии. Правые лидеры пытались оклеветать Венгерскую Советскую республику и ее мероприятия. Неожиданно из зала попросил слово один из рядовых членов социал-демократической партии (фамилия его осталась неизвестной). Он заявил: «Свирепствующий шовинизм подготавливает почву для новой капиталистической войны. Социалисты должны разогнать парламент в его теперешнем составе. Мы не желаем войны, мы протягиваем руку как немецкому и венгерскому пролетариату, так и пролетариату всех остальных стран»⁴.

Эти слова оратора были встречены аплодисментами. Было принято решение бороться за создание Советов рабочих и солдатских депутатов⁵.

В апреле в Праге состоялось собрание членов одной из местных организаций социал-демократической партии. Собрание осудило реакционную политику правительства и потребовало осуществления демократических преобразований, конфискации рудников, железных дорог, банков, крупных заводов, помещичьих имений и издания закона о труде⁶.

Левые социалисты, объединившиеся впоследствии в Коммунистическую партию Чехословакии, вели среди рабочих большую разъяснительную работу, разоблачали буржуазных националистов, пропагандировали идеи Великого Октября⁷. Под их руководством на многих крупных предприятиях создавались рабочие комитеты, которые устанавливали контроль за деятель-

¹ «Vögs Ujsac», 16.IV 1919 г.; «Жизнь национальностей», 25.V 1918 г.

² «Правда», 4.V 1919 г.

³ Там же.

⁴ «Жизнь национальностей», 30.III 1919 г.

⁵ Там же.

⁶ «Жизнь национальностей», 20.IV 1919 г.

⁷ Veselý. Op. cit., str. 84—98.

ностью администрации, следили за соблюдением коллективных договоров рабочих с предпринимателями, контролировали выполнение администрацией трудового законодательства.

Под руководством коммунистов во время наступления чешских оккупационных войск против Советской Венгрии в Кладненском районе и других промышленных центрах страны были организованы забастовки протеста и массовые митинги¹.

Особенно усилилось революционное движение в Чехословакии после создания Словацкой Советской республики и успешного контрнаступления Венгерской Красной армии. В мае—июле, когда Венгерская Красная армия в ходе наступательных боев освободила часть Словакии и приблизилась к границам Чехии, во многих городах Чехии, Моравии и Силезии — Брно, Кладно, Хомутово и других — были созданы Советы рабочих депутатов.

В Праге, согласно сообщению французской газеты «Информасьон», 30 мая произошли серьезные беспорядки. Рабочие требовали передачи в их руки фабрик и заводов².

Правительство, перепуганное событиями в Словакии, объявило чрезвычайное положение. Военное министерство призвало в армию всех мужчин до 42-летнего возраста. Социал-демократия снова выступила с лозунгом «Единение всех классов во имя спасения республики».

Чтобы успокоить рабочих, правительство заявило о том, что оно приступило к «постепенной социализации». «Программа социализации производства, — говорилось в переданном для печати правительственным заявлении, — проводится в жизнь сообразно с состоянием зрелости тех или других областей производства»³. Конечно, это были одни слова и никакой «социализации» на деле не осуществлялось. Такой же демагогией было внесение в национальное собрание законопроекта о всеобщем избирательном праве⁴. Перед лицом революционных событий буржуазия была вынуждена лавировать. Она отказалась от слишком реакционного Крамаржа и поставила в июне 1919 г. во главе правительства лидера социал-демократической партии Тусара, который стал проводить ту же реакционную политику, но прикрывал ее социальной демагогией. Правительство Тусара должно было спасти чешскую буржуазию от надвигающегося революционного кризиса, который стремительно приближался. Революционные события в Словакии нарастали. День за днем из Словакии приходили известия о новых успехах Венгерской Красной армии, почти без боя продвигавшейся вглубь страны, о восторженной встрече революционных войск трудящимся населением, об установлении Советской власти на освобожденной территории. Одновременно чехословацкое правительство получало тревожные известия о разложении своей армии, о массовом дезертирстве, о переходе на сторону Венгерской Красной армии чешских и словацких солдат⁵.

Весьма показателен в этом отношении численный рост интернациональной бригады, сражавшейся в рядах Венгерской Красной армии⁶. Сначала это был полк, который назывался «Пролетарская армада» и состоял главным образом из бывших русских военнопленных, закарпатских украинцев и русин⁷. В ходе боев в него влились словацкие железнодорожники из

¹ «Жизнь национальностей», 25.V 1919 г.

² «Правда», 21.VI 1919 г.

³ «Жизнь национальностей», 17.VIII 1919 г.

⁴ Там же.

⁵ «Правда», 7.VI 1919 г.

⁶ M. Vietor. Op. cit., str. 164.

⁷ М. Гостіоровський. Указ. соч., стр. 120.

Новых Замков и их окрестностей¹, а также чешские, австрийские и русинские добровольцы, перешедшие линию фронта и присоединившиеся к Венгерской Красной армии. Интернациональная бригада превратилась в крупное боевое соединение.

В тылу чехословацких контрреволюционных войск действовали словацкие партизаны. Они нападали на отдельные отряды, захватывали военные склады, нарушали коммуникации. Так, например, партизаны и местное население оказали помощь Венгерской Красной армии во время боев у Златих Моравчах, когда они напали с тыла на белогвардейские чехословацкие войска и заставили их поспешно отступить². То же самое произошло во время боев в Кромнахах, Сабинове, Михаловче, Зволене и Нова Бане³. Около Левич местное население помогло приостановить контрнаступление войск, а в Жаровнице вооруженные словацкие рабочие окружили одну чешскую роту и с боями заставили ее отступить⁴.

В г. Кошице словацкие рабочие подняли восстание в тылу чехословацких белогвардейских войск, а в Пряшеве и Соливари организованные отряды рабочих участвовали в боях у стен города. Рабочие-железнодорожники в Кизаке оказали помощь революционным отрядам в доставке вооружения и боеприпасов⁵.

Все это способствовало быстрому продвижению Венгерской Красной армии. 16 июня она освободила крупный центр Словакии г. Пряшев. В тот же день трудящиеся Словакии провозгласили Словацкую Советскую республику. В Пряшеве состоялся многотысячный митинг, который принял воззвание к рабочему классу всего мира. В воззвании говорилось:

«Пролетарии всех стран! Победоносная мировая революция одержала новую победу: в Словакии, освобожденной от ига империализма, утвердилась советская рабочая республика... Вновь созданная Словацкая советская республика будет поддерживать тесную связь с советскими республиками братских народов — Советской Россией и Советской Венгрией. Она становится под защиту всего международного пролетариата, под защиту пролетарского III Интернационала. Свой первый привет она шлет также родственному чешскому народу, который пока еще томится в цепях империализма»⁶.

Призывая чешский народ порвать эти цепи, воззвание подчеркивало нерушимую дружбу двух родственных славянских народов — чешского и словацкого, их стремление жить в одном государстве.

«С чешским пролетариатом, — говорилось в воззвании, — мы связаны чувством братской солидарности и хотели бы жить с ним в неразрывном государственном союзе»⁷.

В воззвании далее перечисляются основные принципы внутренней и внешней политики Словацкого советского правительства:

«Словацкая Советская республика исходит из принципов широкой пролетарской демократии и дружбы народов. Но она будет вести самую решительную борьбу против всех тех, кто постарается помешать этой демократии, кто покусится на завоеванное словацким народом право самоопределения и независимости»⁸.

¹ M. Vietor. Op. cit., str. 164.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ «Nová mysl», 1949, № 3, str. 282.

⁷ «Жизнь национальностей», 29.VI 1919 г.

⁸ Там же.

Словацкая Советская республика, говорилось в конце воззвания, «ликвидирует всякую возможность эксплуатации человека человеком, будет бороться за счастливое будущее трудящихся»¹.

20 июня 1919 г. было избрано правительство Словацкой Советской республики — Словацкий революционный правительственный совет. В его состав вошло 20 человек. Председателем Правительственного совета был избран известный чешский коммунист Антонин Янушек². Столицей Словацкой Советской республики стал г. Кошице.

Словацкий революционный правительственный совет, несмотря на небольшой срок существования Словацкой Советской республики, проделал значительную работу, осуществил много важных демократических преобразований и революционных мероприятий. Он национализировал внешнюю торговлю, банки, страховые и акционерные общества, конфисковал помещичью землю, которую передал в руки государства³.

В интересах трудящихся крестьян была проведена налоговая реформа. От уплаты налогов были освобождены крестьянские хозяйства, владеющие менее 100 кадастровых ютаров земли⁴, а их старые долги были аннулированы. Престарелым, потерявшим трудоспособность и инвалидам войны были назначены пособия.

Большое внимание было обращено на развитие просвещения и национальной культуры. В республике начали выходить газеты на родном языке «Червени новины» («Красные известия»), «Кошицкие Красные Известия», «Наше Красное знамя»⁵. Были предприняты шаги к созданию милиции и Словацкой Красной армии⁶.

Велась работа по созыву съезда Советов Словакии, который должен был принять важнейшие законы, направленные на повышение благосостояния трудящихся и юридически закрепляющие революционные преобразования. Но эта работа не была завершена ввиду интервенции, организованной Антантой против Советской Словакии.

Несмотря на краткий срок своего существования, Словацкая Советская республика имела большое значение. Словацкий рабочий класс вместе с рабочим классом Венгрии продолжал дело, начатое Великим Октябрем. Своим революционным выступлением он оказал существенную помощь венгерскому пролетариату.

Значительную поддержку Венгерской Советской республике оказали также передовые рабочие Австрии и Румынии.

В обеих этих странах борьба передовых и сознательных рабочих за укрепление интернациональных связей пролетариата и поддержку венгерской коммуны проходила в сложных и тяжелых условиях. В боярской Румынии господствовал террористический режим военщины, применявшей жестокие репрессии против революционного движения; в Австрии буржуазия проводила ту же реакционную политику, но в более прикрытой форме: она поставила у власти социал-ревизионистов, которые при помощи лживой демагогии и ловких маневров должны были предотвратить революцию. И в той и в другой стране буржуазией широко использовался национализм как орудие борьбы с революционным движением.

¹ «Жизнь национальностей», 29.VI 1919 г.

² Антонин Янушек умер в Москве 30 марта 1941 г. в возрасте 64 лет.

³ «Nová mysl», 1949, № 3, str. 283.

⁴ 1 кадастровый ютар = 0,57 га.

⁵ «Nová mysl», 1949, № 3, str. 278—279.

⁶ Там же.

В Румынии был выброшен шовинистический лозунг создания «великой империи» за счет насильственного захвата Бессарабии, Добруджи, Баната, Трансильвании, Южной Украины и большей части Венгрии.

В Австрии «социалистическим» правительством Реннера—Бауэра проводилась более завуалированная националистическая политика: классовая борьба рабочих за диктатуру пролетариата подменялась борьбой за культурно-национальную автономию в рамках буржуазного государства, а революционные методы восстания для взятия пролетариатом власти объявлялись несвоевременными и вместо них провозглашались методы «постепенной социализации» и «мирного развития революции».

В боярской Румынии королевское правительство, рассчитывая на шовинистический угар, открыто послало интервенционистские войска для удушения Венгерской Советской республики и захвата ее территории; в «демократической» Австрии «социалистическое» правительство не могло действовать столь откровенно: оно объявляло «нейтралитет» в войне Антанты и ее сателлитов против Советской Венгрии, который позволял Антанте использовать Вену как центр для организации контрреволюционных заговоров и провокаций против Венгерской Советской республики.

Работа коммунистов Австрии и Румынии была направлена прежде всего на разоблачение националистической политики буржуазии и ее агентуры — социал-демократии и на налаживание интернациональных связей пролетариата.

В Австрии еще в ноябре 1919 г. возникла Коммунистическая партия. Она возглавила борьбу передовых австрийских рабочих за поддержку Венгерской Советской республики. 18 апреля под руководством коммунистов в Вене была организована многотысячная демонстрация пролетарской солидарности с венгерским рабочим классом. Демонстрация переросла в вооруженное столкновение с полицией. Завязались уличные бои¹. На заводах Австрии, несмотря на запрет правительства, рабочие изготовляли оружие для Венгерской Красной армии, из Австрии в Венгрию отправлялись сотни добровольцев, в стране создавались красногвардейские отряды, многие из которых приняли непосредственное участие в боях вместе с венгерскими красноармейцами².

В Румынии коммунисты организовали забастовки и распространяли листовки против интервенции, начатой буржуазно-помещичьим правительством по приказу империалистов Антанты для подавления революции в Венгрии³.

В апреле 1919 г., во время первого похода румынской интервенционистской армии в Венгрию, коммунистами были организованы забастовки в пограничной Трансильвании, где 20 апреля разразились забастовки, переросшие во всеобщую стачку. На многих предприятиях в тылу у румынских войск были созданы вооруженные отряды рабочих⁴. Румынскому командованию пришлось снять с фронта несколько подразделений и направить их в Трансильванию⁵. Были отправлены войска и в Буковину, где под влиянием венгерской революции усилилось революционное брожение крестьян, приступивших к захвату и разделу помещичьих земель⁶. Расположенные в Буковине румынские войска отказались усмирять восставших крестьян, и

¹ Ф. Фюрнберг. Указ. соч., стр. 24—25.

² «Борьба классов», 1935, № 6.

³ Г. Георгиу-Деж. 30 лет борьбы партии под знаменем Ленина—Сталина. Доклад на торжественном собрании, посвященном 30-летию со дня основания Коммунистической партии Румынии 8 мая 1951 г. Бухарест, 1951, стр. 15.

⁴ «Правда», 23.IV 1919 г.

⁵ Там же.

⁶ «Правда», 11.IV 1919 г.

королевское правительство было вынуждено направить сюда войска с венгерского фронта, что облегчило положение Венгерской Красной армии¹.

Летом 1919 г., во время второго похода румынской армии против Советской Венгрии, коммунисты организовывали забастовки на заводах и железных дорогах и проводили большую работу в армии.

В июле были организованы забастовки в Бухаресте, Яссах, Кишиневе и на железных дорогах Трансильвании².

Под влиянием коммунистической пропаганды в румынских войсках вспыхивали восстания. В июне произошло восстание в 16-й Валахской дивизии и королевской кавалерийской бригаде в Констанце. Солдаты потребовали прекратить войну с Советской Венгрией. К восставшим кавалеристам в Констанце присоединился артиллерийский дивизион. Рабочие порта в знак солидарности с солдатами прекратили работу. Восставшие расстреляли своего командира генерала Ионеску, работавшего ранее в контрразведке румынско-русского фронта и отличавшегося крайней жестокостью³.

Не успело правительство подавить это восстание, как произошли восстания в 4, 9, 161-м валахских полках. Солдаты этих подразделений отказались отправиться на румыно-венгерский фронт и расстреляли своих командиров⁴.

Оккупационная румынская армия, захватившая юго-восточные районы Венгерской Советской республики, разлагалась. Все более массовый характер приобретало дезертирство⁵. Командованию все чаще приходилось отзываться с фронта целые части из-за их неблагонадежности и заменять их новыми.

ПАДЕНИЕ ВЕНГЕРСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Антанта не могла положиться на своих сателлитов. Она с тревогой поглядывала на развитие революционных событий в Юго-Восточной и Центральной Европе. Стремительное контрнаступление Венгерской Красной армии и отступление белогвардейских чехословацких и румынских войск вызывали все более растущую тревогу в Париже, Лондоне и Вашингтоне.

Международная реакция опасалась распространения революционного пожара из Советской России, Советской Венгрии и Советской Словакии на другие страны не только Восточной, но и Западной Европы. Она видела, как быстро перебрасывается пламя революционной борьбы с Востока на Запад и рушатся планы и расчеты империалистов одним ударом покончить с советскими республиками.

Отражая тревогу международного империализма, полковник Хауз писал об этих днях в своем дневнике: «Вокруг нас рушится мир, и нам необходимо действовать с быстротой, соразмерной той опасности, которая нам угрожает»⁶.

Антанта решила предъявить Венгерскому советскому правительству ультимативное требование о прекращении наступления Красной армии и ее отводе за установленную союзным командованием линию.

Ультиматум был предъявлен председателем Парижской мирной конференции Клемансо 13 июня 1919 г. В ультиматуме говорилось:

«Венгерской армии, борющейся на чехословацкой территории, предлагается немедленно отступить назад за намеченную границу Венгрии. Все

¹ «Правда», 11.IV 1919 г.

² «Жизнь национальностей», 6 и 13.VII 1919 г.; «Правда», 8.VI и 2.VIII 1919 г.

³ «Жизнь национальностей», 29.VI 1919 г.

⁴ «Жизнь национальностей», 13.VII 1919 г.

⁵ «Правда», 17.V 1919 г.

⁶ «Архив полковника Хауза», т. IV, стр. 306.

венгерские войска должны остаться внутри этих границ. Если державы Согласия на основании информации своих представителей через 4 дня с полудня 14 июня не получат сведений о действительном выполнении этого распоряжения, они будут считать своим правом продвинуться вперед или принять иные меры, способные обеспечить справедливый мир»¹.

Ультиматум Клемансо был пустой угрозой: у Антанты в то время в этом районе не было реальных сил для его осуществления. Венгерская же Красная армия насчитывала свыше 280 тыс. бойцов и офицеров².

Вручая ультимативные требования, Антанта рассчитывала лишь на одно — на подрывную деятельность своей агентуры в Венгрии в лице социал-предателей и троцкистов. Эти расчеты оправдались. При обсуждении требований Антанты в венгерском правительстве правые социалисты (Кунфи и др.) настояли на принятии ультиматума. Тибор Самуэли, Матиас Ракоши, Отто Корвин, Рудаш и другие подлинные коммунисты резко выступали против принятия ультиматума, но оказались в меньшинстве. Правительство распорядилось отвести войска Венгерской Красной армии за установленную Антантой демаркационную линию³. После неоправданного отступления упал боевой дух Венгерской Красной армии; началось ее разложение, чему способствовала подрывная деятельность социал-предателей и старого офицерства.

Контрреволюция подняла голову. 24 июня 1919 г. в Будапеште был организован контрреволюционный путч⁴. Он был подавлен вооруженными отрядами рабочей самообороны. Но вмешавшиеся иностранные представители воспрепятствовали справедливому суровому наказанию антинародных заговорщиков. Глава итальянской миссии в Будапеште подполковник Романелли направил Венгерскому советскому правительству письмо, в котором требовал вынести мягкий приговор всем арестованным заговорщикам, угрожая передать дело в Международный суд.

Почти одновременно с контрреволюционным путчем в Будапеште были подняты контрреволюционные мятежи в Пакше, Калоче, Аквето и некоторых других местах Венгрии.

В Араде и Сегеде под охраной французских оккупационных войск было создано контрреволюционное правительство во главе с графом Юлиусом Карольи. Военным министром этого правительства был назначен адмирал Миклош Хорти — палач матросского восстания в Которе в январе 1918 г.⁵

В Вене на американских хлебах подкармливался другой претендент в правители Венгрии — социал-демократ Гарамб⁶. В самом Будапеште контрреволюционное подполье выдвигало в качестве главы будущего «чисто социалистического» правительства социал-предателя Юлиуса Пейделя.

Один из лидеров социал-демократии, Вильгельм Бем, ранее передававший военные планы врагу и, по его собственному циничному признанию⁷, способствовавший военным поражениям Венгерской Красной армии, командующим которой он долгое время являлся, продолжал изменническую деятельность на поприще посла Венгерской республики в Вене. Он вел тайные переговоры с Антантой, и по его совету Антанта предложила 28 июля 1919 г. снять с Венгрии продовольственную блокаду и завезти в страну хлеб, если из венгерского правительства будут исключены коммунисты.

¹ «Népszava», 19.VI 1919 г.

² Матиас Ракоши. Отчет Венгерской компартии... стр. 50.

³ Там же, стр. 54.

⁴ «Népszava», 25—27.VI 1919 г.

⁵ В. Frei. Die roten Matrosen von Cattaro. Wien, 1927.

⁶ «Papers», vol. XI, str. 322; В. М. Турок. Указ. соч., стр. 87.

⁷ W. Böhm. Im Kreuzfeuer zweier Revolution. München, 1924.

Империалистическая буржуазия, говорил В. И. Ленин 30 июля 1919 г. на Московской конференции фабзавкомов, «... дошла до такой наглости, что предлагает венгерскому правительству такие вещи: «Мы вам дадим хлеб, а вы откажитесь от Советской власти»»¹.

В конце июля Венгерская Красная армия потерпела поражение на румынском фронте из-за предательства правых социалистов и офицеров старой армии, передававших планы дислокации Красной армии врагу.

Белогвардейская румынская армия, укомплектованная ярыми националистами типа Антонеску и уголовниками (после летнего поражения из румынской армии были удалены все «неблагонадежные» элементы), обильно снабженная Антантой оружием и боеприпасами, под командованием французских и английских офицеров, 1 августа 1919 г. подошла к Будапешту. Но последний удар Венгерской Советской республике нанесли социал-предатели: они захватили власть в свои руки и создали правительство во главе с Пейделем и Пейером.

Правительство правых социалистов отменило постановление Венгерского советского правительства о национализации банков и промышленных предприятий, которые были возвращены их бывшим владельцам. Были отменены и другие завоевания венгерского народа. Так замкнулся круг предательства правых социалистов: они перешли от скрытой измены народу к открытому служению буржуазии.

«Социалисты» и «социал-демократы», отмечал В. И. Ленин, погубили Советскую власть в Венгрии². Они расчистили путь фашистской диктатуре Хорти, который ввел в стране кровавый террористический режим. Свыше 70 тыс. венгерских патриотов было брошено в тюрьмы, несколько десятков тысяч было вынуждено эмигрировать, около 8 тыс. героев Венгерской Советской республики отдало свою жизнь за дело революции.

Среди казненных были коммунисты Отто Корвин и Евгений Ласло. 2 августа 1919 г. при переходе через границу был изменнически убит пламенный венгерский революционер-коммунист Тибор Самуэли.

* * *

Венгерская Советская революция потерпела поражение. Но она не прошла бесследно для народа. В памяти венгерского пролетариата навсегда остались те героические дни, когда Венгерская Советская республика впервые в истории Венгрии дала трудящимся подлинно демократические свободы и осуществила глубокие социально-экономические завоевания в интересах народа.

Венгерская советская революция имела большое международное значение. Возникнув под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России, она продолжила дело Октября в Венгрии. Идеи Великой Октябрьской социалистической революции проникли и в другие страны, вызвав революционный пожар в Руре, Баварии, Италии, Чехословакии, Сербско-Хорватско-Словенском государстве и других странах.

События весны и лета 1919 г. показали, что в борьбе против международного империализма венгерский народ был не одинок, что ему огромную помощь и поддержку оказали народы соседних стран, в том числе славянские народы.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 488.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 330.

Ю. В. Бромлей

ВОССТАНИЕ ХОРВАТСКИХ И СЛОВЕНСКИХ КРЕСТЬЯН 1573 г.

Руководствуясь марксистско-ленинской теорией, советские медиевисты добились значительных успехов в изучении истории классовой борьбы в средние века. Однако это изучение велось преимущественно на основе западноевропейских материалов. Богатое революционными традициями историческое прошлое народов стран Юго-Восточной и значительной части Центральной Европы долгое время оставалось почти вне поля зрения медиевистов. Лишь в последние годы усилилось внимание наших исследователей к истории народных движений средневековья в этих странах; появились специальные статьи¹. И все же в данном направлении предстоит еще проделать значительную работу. Почти не исследована у нас история классовой борьбы в эпоху феодализма у южнославянских народов, в частности у хорватов и у словенцев.

Одним из наиболее ярких проявлений революционной энергии хорватского и словенского народов в средние века является крестьянское восстание 1573 г. История этого восстания — первого крупного массового движения хорватских крестьян — до сих пор по существу не изучена, хотя этому событию посвящено в исторической литературе в общей сложности немало страниц.

Значительный размах восстания 1573 г., его выдающееся место в истории хорватского и словенского народов не позволили даже дворянской историографии обойти молчанием это восстание.

Первый краткий очерк восстания принадлежит его современнику — венгерскому хронисту Николаю Иштванфи². Для хрониста повстанцы — «преступный сброд», «злодейски поднявший меч на господ». Однако, несмотря на всю ненависть к повстанцам, он вынужден признать, что следовало ожидать восстания, ибо крестьяне были «непосильно обременены муками рабского труда и денежными поборами». Указав таким образом на прямую зависимость возникновения восстания от усиления феодальной эксплуатации, Иштванфи дал материал, позволяющий судить о причинах крестьян-

¹ Например, И. С. Миллер. Крестьянское восстание в Подгалье в 1651 году. «Ученые записки Института славяноведения», 1950, т. II, стр. 156—215; Н. Н. Самохина. Феодальная реакция в Австрии во второй половине XVI в. и крестьянское восстание 1595—1597 гг. Сб. «Средние века», вып. V. М., 1954, стр. 86—110.

² *Historia regni Hungariae*. Lib. XXIV, Köln, 1724, p. 324, а также: F. Rački. *Gradja za povijest hrvatsko-slovenske seljačke bune god. 1573*. Starine, kn. VII. Zagreb, 1875, str. 215—218.

ского движения 1573 г. более верно, чем работы многих буржуазных историков. Открывая историографию вопроса, хроника Иштванфи представляет известный интерес и как источник по истории восстания. Впрочем, враждебное отношение Иштванфи к повстанцам привело к тому, что в хронике, наряду с интересными сведениями и замечаниями, имеются тенденциозные утверждения; Иштванфи, преуменьшая масштабы восстания, умалчивает о его распространении на территорию Штирии и Крайны. Основное место в хронике отводится описанию разгрома повстанцев; пред- история восстания и его ход излагаются Иштванфи бегло, многие важнейшие факты вообще упущены.

Еще более кратко, но не менее тенденциозно излагается история восстания автором XVII в. бароном И. Вальвасором, посвятившим этому событию всего-навсего одну страницу¹. Основываясь на материалах Люблянского архива, И. Вальвасор был вынужден отметить факт распространения крестьянского движения 1573 г. на территории Штирии и Крайны. Однако в вопросе о причинах восстания он сделал значительный шаг назад по сравнению с Иштванфи, отказавшись даже поставить этот вопрос; ни словом не обмолвился он и о целях повстанцев. По сути историю восстания И. Вальвасор подменяет простым перечнем побед над повстанцами.

Аналогичную антикрестьянскую интерпретацию истории восстания 1573 г. дает хорватский автор XVII в. Юрий Хабделич².

Одним словом, не будучи в состоянии полностью обойти молчанием события 1573 г., представители дворянской историографии прилагали все силы, чтобы изобразить их в самых мрачных красках.

Значительно больше внимания, чем дворянская историография, уделили событиям 1573 г. хорватские буржуазные историки второй половины XIX—начала XX в. Восстание 1573 г. привлекало их потому, что оно давало обильный материал для критики феодального строя. Вместе с тем их обращение к истории восстания отражало стремление отдельных групп формирующейся хорватской буржуазии найти поддержку у «родных низов» в борьбе против остатков феодализма и иноземного гнета³. События 1573 г. открывали перед хорватскими буржуазными историками широкую возможность представить, что класс, идеологами которого они являлись, якобы сочувственно относится к крестьянству. Иными словами, обращение к истории восстания имело целью завоевать расположение трудящегося народа. В то же время буржуазия Хорватии смертельно боялась революционной активности крестьянства⁴. Этим в первую очередь и были обусловлены основные недостатки и пороки в освещении восстания 1573 г. хорватскими буржуазными историками, их стремление всячески затушевать революционную сущность крупнейшего крестьянского движения в Хорватии.

Первая в буржуазной историографии работа, в которой дается более или менее обстоятельный очерк восстания 1573 г., появилась в Хорватии непосредственно после революционных событий 1848 г. и принадлежит перу

¹ I. Valvasor. Ehre des Herzogthums Krain, Bd. IV, S. 484, а также: F. Rački. Op. cit., str. 218—219.

² I. Habdelič. Prvi otca našega Adama greh; žalostno po njem vse človečanske nature porušenje. Gradec, 1674; I. Kukuljević. Dogdaji Medvedgrada. «Arhiv za povjestnicu Jugoslavensku», kn. III. Zagreb, 1854, str. 68—69.

³ Характеристику основных политических группировок хорватской буржуазии см. в статье В. И. Фрейдзона. Развитие капитализма в хорватской деревне и положение крестьян в Хорватии в конце XIX—начале XX в. «Ученые записки Института славяноведения», 1954, т. X, стр. 120—127.

⁴ См. там же, стр. 124.

их активного участника Кукулевичу-Сакцинскому. Работа эта «Dogadjaji Medvedgrada» была опубликована Кукулевичем в вышедшем под его редакцией в 1854 г. III томе сборника «Arkiv za povjestnicu Jugoslavensku». Она посвящена подробному описанию генеалогии многочисленных владельцев расположенной близ Загреба крепости Медведград с момента ее основания (конец XIII в.) до середины XVIII в. Рассматривая ход развернувшейся в конце 60-х—начале 70-х годов XVI в. борьбы между владельцами Медведградской вотчины Амброзом и Степаном Грегорианцами и владельцем соседнего Суседградского замка Франьо Тахи, И. Кукулевич специально останавливается на восстании 1573 г., одним из центров которого была Суседградская вотчина. В основе освещения Кукулевичем событий 1573 г. лежат работы представителей дворянской историографии и прежде всего хроника Иштванфи, дополненная материалами из люблянских архивов¹. Однако свое изложение истории восстания Кукулевич подчас «дополняет» данными, которые не только не находят подтверждения в доступных нам источниках, но и прямо противоречат им. Кроме того, в работе часто встречаются ошибки, обусловленные некритическим отношением Кукулевича к имеющейся в его распоряжении литературе, на что уже в свое время обратил внимание И. Хартингер². В изображении И. Кукулевича события 1573 г. — только эпизод в феодальной междоусобице. Не случайно причины восстания он видит «с одной стороны, в жестокости Тахи..., с другой, в злобе и жадности Амброза и Степана Грегорианца». Эта концепция происхождения восстания с легкой руки Кукулевича, с особой подробностью осветившего ход междоусобной борьбы Тахи и Грегорианцев, заняла прочное место в работах хорватских буржуазных историков, свидетельствуя о том, что их критика феодальных порядков носила ограниченный характер и была направлена не против класса эксплуататоров в целом, а лишь против его отдельных представителей, произволу которых приписывалась решающая роль в возникновении массового крестьянского движения 1573 г.

Важная веха в разработке истории восстания 1573 г. связана с именем хорватского историка Ф. Рачкого, опубликовавшего архивные материалы³, которые по сей день являются важнейшими источниками для исследователя событий 1573 г. К их характеристике мы вернемся несколько ниже. Здесь же только отметим, что материалы эти предполагалось издать к 300-летней годовщине восстания, однако они вышли в свет лишь в 1875 г. Объясняется это, видимо, тем, что как раз на юбилейный год приходится ряд выступлений хорватских крестьян и в этой обстановке всякое лишнее упоминание о событиях 1573 г. было сочтено неприемлемым⁴. Юбилейная дата не была даже отмечена в хорватской либеральной прессе. Только в следующем, 1874 г., в журнале «Виенац» появилась статья историка В. Клаича, посвященная восстанию. В статье, написанной в сочувственном к крестьянам духе, их выступление против феодалов оценивалось как естественный протест народа против тирании и прославлялся просвещенный XIX век, принесший крестьянам освобождение от феодальной зависимости⁵. Цель, кото-

¹ Часть этих материалов опубликована И. Кукулевичем в приложении к статье Dogadjaji Medvedgrada. «Arkiv za povjestnicu Jugoslavensku», kn. III, Zagreb, 1854, стр. 119—124.

² J. Hartinger. Hrvatsko-slovenska seljačka buna godine 1573. Osijek, 1911, стр. 132.

³ F. Rački. Gradja za povijest hrvatsko-slovenske seljačke bune godine 1573. Starine, kn. VII, Zagreb, 1875. (В дальнейшем — Ст., kn. VII.)

⁴ Е. И. Рябова. Роман А. Шеноа «Крестьянское восстание» (рукопись), стр. 3.

⁵ См. там же, стр. 3—4

рую преследовал В. Клаич, подчеркивая в данном случае различие в положении хорватских крестьян в XVI и XIX вв., совершенно очевидна. Такое подчеркивание, означая по существу утверждение, что в современной ему Хорватии якобы осуществлены те цели, которые ставили перед собой крестьяне во время восстания 1573 г., было на деле не чем иным, как попыткой лишить традиции этого восстания их революционизирующего воздействия на народные массы.

В начале XX в. в условиях дальнейшего роста политической активности крестьянства Хорватии¹ этот метод выхолащивания революционной сущности из событий 1573 г. нашел свое наиболее полное выражение на страницах вышедшей в 1908 г. работы хорватского историка Ф. Шишича «Hrvatska povjest». В этой работе Ф. Шишич прямо указывает, что задачи, выдвинутые повстанцами в 1573 г., полностью осуществлены в 1848 г.² Вместе с тем на освящении Ф. Шишичем истории восстания сказалось и пресмыкательство хорватской буржуазии перед Габсбургами. Это нашло, в частности, свое выражение в полном отрицании антигабсбургских настроений у хорватских повстанцев в 1573 г. Что касается изложения самого хода восстания, то здесь Ф. Шишич по существу следует за Кукулевицем, ограничиваясь лишь внесением на основании публикации Ф. Рачкого отдельных поправок чисто фактического характера. Подобно Кукулевицу, основную причину возникновения восстания Шишич видит в насилиях Тахи и в феодальной междоусобице, посвятив этим событиям половину своего очерка.

Повышенный интерес хорватских буржуазных авторов к истории взаимоотношений между крестьянами и Тахи привел, в частности, к появлению в том же 1908 г. публикации В. Клаича «Tužba Franje Taha protiv kmetova Susedgrada i Dolnje Stubice»³, а в 1909 г. — статьи словенского историка Касперта о насилиях Тахи и его сына Габриэля в имении Словенская Бистрица⁴.

В последующей историографии восстания 1573 г. заслуживает внимания выход в 1911 г. третьего тома обобщающего труда В. Клаича «Povjest Hrvata». В этой работе Клаич сделал попытку связать возникновение восстания с ухудшением положения хорватских крестьян в XVI в. Однако он видит это ухудшение прежде всего в изменении правового положения крестьян, а именно, в отмене венгерским сеймом в 1515 г., после подавления восстания куруцев, права крестьянского выхода⁵. Основное зло, по мнению Клаича, заключалось в том, что крестьянин лишался возможности переселиться в безопасные от турецких набегов районы страны; при этом Клаич указывает, что в дальнейшем феодалы, осознав якобы всю тяжесть для крестьян этого запрещения, в 30-х годах XVI в. отменили его. Таким образом, Клаич впадает в противоречие с самим собой: с одной стороны, ухудшение положения хорватских крестьян в XVI в. выразилось в запрещении выхода, с другой — это запрещение было, оказывается, отменено. Впрочем, он указывает еще на одно обстоятельство, которое действительно было страшным бичом для крестьян, однако само по себе не могло послужить причиной антифеодального восстания, — на разорение страны турками. В результате Клаич приходит почти к тому же

¹ См. В. И. Фрейдзон. Указ. соч., стр. 130—134.

² F. Šišić. Hrvatska povjest, dio II. Zagreb, 1908, str. 46.

³ «Vjesnik kr. Hrvatsko-slavonsko-dalmatinskoga zemaljskoga arkiva», god. XI, sv. II. Zagreb, 1908, str. 134—136.

⁴ Kasper. Tiranstvo graščaka Frana Taha in njegovega sina Gabrijela. Casopis za zgodovino in narodopisje. 6 Letnik. 1—2 snopič. Maribor, 1909.

⁵ V. Klaić. Povjest Hrvata, sv. III, dio. I. Zagreb, 1911, str. 282—283.

выводу, что и Кукулевич, относительно причин возникновения восстания 1573 г. По Клаичу, восстание вызвано прежде всего насилиями Тахи и междоусобной борьбой вокруг Суседградского имения. Следовательно, восстание у Клаича — тоже эпизод в междоусобной борьбе феодалов. Не случайно, что именно перипетии этой междоусобицы, а не история борьбы крестьян против Тахи, занимают основное место на страницах, посвященных предистории восстания 1573 г. Характерно в этом отношении также и то, что последствия восстания для Клаича — лишь разоренные и разграбленные феодалами крестьянские села.

Несколько особое место в историографии восстания занимает вышедшая в 1911 г. в Осиеке работа хорватского историка И. Хартингера «Hrvatsko-slovenska seljačka buna godine 1573»¹. Это единственная из известных нам монографий о восстании 1573 г. И. Хартингер значительно расширил круг источников для освещения как хода восстания, так и особенно истории борьбы за владение Суседградским имением в годы, предшествующие восстанию. Более обстоятельна в монографии Хартингера, чем у Клаича, и характеристика положения хорватского крестьянства, которая дается автором в тонах, явно сочувственных крестьянам. Хартингер приводит данные о крестьянских платежах, государственных налогах и повинностях, о правовом положении крестьян. Однако данные эти не проанализированы. Особенно показателен в этом отношении параграф, посвященный характеристике крестьянских повинностей и платежей. Автор ограничивается здесь лишь цитированием отдельных довольно пространных отрывков из поземельных описей, содержащих перечень крестьянских повинностей. Наряду с материалами конца XV—XVI вв. в работе приводятся отрывки из описи середины XIV в., но не делается ни малейшей попытки сопоставить эти данные². Естественно, что при таком изложении читатель не в состоянии уловить те изменения в положении хорватского крестьянства, которые привели к возникновению восстания. В результате в монографии осталась нераскрытой основная материальная предпосылка восстания — усиление феодального гнета в хорватской деревне. Что касается трактовки И. Хартингером перемен в правовом положении хорватского крестьянства в XVI в., то эта трактовка по существу ничем не отличается от изложенных выше взглядов Клаича по этому вопросу. Только параграф о налогах и государственных повинностях дает некоторое представление об ухудшении положения хорватского крестьянства в XVI в. и то лишь благодаря наглядности самого материала. Не случайно поэтому всю вину за возникновение восстания И. Хартингер возлагает на Тахи и Грегорианца³. Таким образом, восстание превращается им из закономерного события, обусловленного всем ходом социально-экономических отношений в Хорватии XVI в., в случайное явление, вызванное насилиями одного феодала и подстрекательствами другого. Одним словом, Хартингеру не удалось преодолеть традиционного изображения восстания как эпизода в борьбе двух феодальных семей. Характерно, что в конце своей монографии он вновь обращается к перипетиям этой борьбы, приводя в заключение пространную эпитафию с надгробия Ф. Тахи⁴.

Неразработанным остался в монографии И. Хартингера вопрос о программе восстания. Правда, Хартингер приводит отдельные лозунги восстав-

¹ J. Hartinger. Hrvatsko-slovenska seljačka buna godine 1573. Osijek, 1911, str. 61—71.

² Там же.

³ Там же, стр. 129—133.

⁴ Там же, стр. 179.

ших, которые сами по себе свидетельствуют об антифеодалном характере выступления хорватских и словенских крестьян в 1573 г. Но, молчаливо признавая антифеодалную направленность движения, Хартингер категорически отвергает наличие у повстанцев антиабсбургских настроений¹, выходящая тем самым народно-освободительную сторону программы восстания 1573 г.

Изложение хода восстания в работе Хартингера оказалось, вследствие некритического подхода автора к источникам, далеко не полным, а главное содержащим немало фактических неточностей, что будет отмечено нами в соответствующих местах данной статьи.

В целом монография И. Хартингера, являющаяся последней значительной в хорватской буржуазной историографии работой по истории восстания, наглядно показывает, что в силу своей тенденциозности, методологической беспомощности и классово ограниченной буржуазные историки не могли дать подлинно научное освещение событий 1573 г. и вскрыть их действительные причины.

В последующий период в условиях дальнейшего подъема революционной активности народных масс, принявшей особенно мощный размах под воздействием Великой Октябрьской социалистической революции, югославская буржуазная историография встала на путь фактического замалчивания восстания 1573 г. Отдельные статьи справочного характера, появившиеся в этот период, излагают с большей или меньшей подробностью очерк Хартингера².

В XIX и XX вв., помимо хорватских и словенских авторов³, история восстания 1573 г., насколько нам известно, не привлекала внимания исследователей других стран. Исключение представляет только наша отечественная историография. Среди работ в нашей исторической литературе, авторы которых специально останавливаются на событиях 1573 г. в Хорватии, можно назвать одно из ранних исследований Е. В. Тарле «Крестьяне в Венгрии до реформы Иосифа II»⁴, монографию Б. Д. Грекова «Полица»⁵, диссертацию Н. Н. Самохиной «Крестьянские восстания в Австрии в конце XVI—середине XVII в.»⁶. Однако, касаясь восстания хорватских и словенских крестьян 1573 г. в связи с изучением других народных движений, авторы данных трудов естественно не претендовали на то, чтобы заново пересмотреть историю этого восстания. Так, Б. Д. Греков, кратко изложив события 1573 г. в Хорватии, прямо указывает, что в дальнейшем «эту важную сторону дела необходимо исследовать самым тщательным образом»⁷.

В настоящей статье, пытаясь восполнить существующий пробел в нашей историографии, мы ставим себе целью на основе всех доступных материалов

¹ J. Hartinger. Hrvatsko-slovenska seljačka buna godine 1573, str. 164.

² М. Прелог. Сельска буна 1573. «Народна енциклопедија српско-хрватско-словенска», кн. IV. Загреб, 1929, стр. 109—116.

³ Следует оговориться, что в нашем распоряжении находились далеко не все работы по истории средневековой Хорватии. В частности, необходимо указать, что мы ознакомились с недавно опубликованной в Загребе работой Ф. Чулиновича «Крестьянские восстания в Хорватии», один из параграфов которой посвящен событиям 1573 г., уже в то время, когда печатание данной статьи заканчивалось.

⁴ Е. В. Тарле. Крестьяне в Венгрии до реформы Иосифа II, «Русская мысль», 1896, кн. 8, стр. 2—3.

⁵ Б. Д. Греков. Полица. М., 1951, стр. 122—123.

⁶ Н. Н. Самохина. Крестьянские восстания в Австрии в конце XVI—середине XVII в. (диссертация). М., 1952. История восстания 1573 г. была также предметом изучения проф. В. Т. Дитякина. К сожалению, результаты этого изучения до сих пор не опубликованы.

⁷ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 122.

дать очерк истории восстания хорватских и словенских крестьян, уделив при этом главное внимание тем вопросам, которые в буржуазной историографии либо вообще остались неразрешенными, либо получили искаженное освещение (возникновение восстания, его программа, значение для последующего развития классовой борьбы в хорватской деревне и др.).

Подавляющее большинство источников, использованных нами при изучении истории восстания 1573 г. в Хорватии и Словении, сконцентрировано в уже упомянутой публикации Ф. Рачкого, содержащей около двухсот документов. Основная их масса извлечена Рачким из архивов Любляны, Граца и Загреба и издана им впервые. Кроме того, здесь помещены источники, перепечатанные из различных более ранних публикаций¹.

К сожалению, многие источники опубликованы Рачким не полностью. Правда, во многих случаях дается краткий пересказ опущенной части документа, однако само собой разумеется, что это не может заменить подлинного текста источника. Весьма возможно, что в результате отдельных существенных для нас сведений о восстании остались за пределами публикации. К тому же далеко не все источники хорошо сохранились, о чем свидетельствуют довольно часто встречающиеся пропуски отдельных слов и даже целых фраз².

Наиболее многочисленны среди материалов, опубликованных Рачким, документы эпистолярного характера, принадлежащие как официальным, так и частным лицам. Это прежде всего переписка хорватского бана Г. Драшковича, императора Максимилиана II и имперского наместника в Венгрии и Хорватии эрцгерцога Карла, затем — переписка между краинскими, штирийскими и каринтскими «сословиями» и «чинами», письма светских и духовных феодалов, донесения управляющих имениями своим господам и т. п. Наконец, весьма близки по своему характеру к данной группе источников рапорты и распоряжения командиров отрядов, посланных для подавления восстания.

Материалы эти дают возможность составить довольно отчетливое представление о реакции господствующих классов Хорватии и соседних с ней земель империи на крестьянское восстание 1573 г., а также о тех мерах, которые были предприняты хорватскими, штирийскими, краинскими и австрийскими властями для подавления восстания. Значительно меньше данных в документах этой группы относительно хода восстания и характера действий восставших; почти совсем отсутствуют сведения о целях восстания и истории его возникновения. Последнее отчасти объясняется тем, что публикация Рачкого открывается документами, датированными 1 февраля 1573 г., т. е. составленными через несколько дней после начала восстания.

В целом же данная группа источников характеризуется крайней противоречивостью содержащихся в них сведений, обусловленной прежде всего тем, что все они вышли из рук представителей враждебного восставшим лагеря, каждый из которых к тому же стремился изобразить то или иное событие в выгодном для себя свете. В известной мере противоречия эти вызваны недостаточной осведомленностью авторов большинства писем. Одним словом, к источникам эпистолярного характера приходится подходить весьма осторожно, тщательно проверяя их показания путем взаимного сопоставле-

¹ F. Krones. Aktenmässige Beiträge zur Geschichte des Windischen Bauernaufstandes 1573; Monumenta Hungariae historica. Budapest, 1873; «Arkiv za povjestnicu Jugoslavensku», кн. III. Zagreb, 1854. Почти все документы из архива Любляны и Граца, а также из публикации Кронеса даны на немецком языке, остальные — на латыни (один документ — на итальянском языке).

² См., например, St., кн. VII, № 2, 3, 4, 6, 7, 8 и др.

ния, а также, когда это возможно, посредством сравнения с показаниями документов иного рода.

Не столь многочисленную, но не менее важную группу материалов по истории восстания 1573 г. составляют извлеченные Ф. Рачким из Люблянского архива протоколы допросов пленных повстанцев, в большинстве своем вожаков крестьянского движения. В этих протоколах имеются сведения относительно истории возникновения восстания и его развития. Но основное значение протоколов определяется наличием в них, хотя весьма общих и довольно скудных, но все же сравнительно многочисленных данных о программе движения.

Несмотря на то, что протоколы допросов основаны на показаниях участников восстания, они требуют не менее критического подхода, чем документы эпистолярного характера. Во-первых, все они прошли через руки представителей господствующего класса; во-вторых, не исключено, что среди них имеются ложные показания, вызванные как тем, что большинство этих показаний было дано под пыткой, так и нежеланием пленных сообщать сведения, которые могли поставить под удар товарищей по борьбе или усугубить их собственную вину.

Помимо документов эпистолярного характера и протоколов допросов, в публикации Рачкого помещены отрывки хроники Иштванфи и очерк истории восстания Вальвасора. О хронике Иштванфи, как источнике по истории восстания, говорилось выше. Очерк Вальвасора, будучи основанным на материалах словенских архивов, почти ничего нового не прибавляет к документам, помещенным в публикации Рачкого, и может иметь лишь вспомогательное значение.

Значительно более важным дополнением к основным материалам являются опубликованные в 1916 г. хорватским историком Ф. Шишичем протоколы хорватских саборов за период с 1558 по 1577 г.¹ В этих протоколах удастся обнаружить отдельные свидетельства о классовой борьбе крестьянства накануне восстания, а также сведения по истории его возникновения. К сожалению, в силу неизвестных нам обстоятельств само восстание в протоколах саборов не нашло никакого отражения.

Исключительно ценными источниками для раскрытия социально-экономических предпосылок восстания 1573 г. являются хорватские урбарии конца XV—XVI в.² Урбарии эти уже были предметом специального рассмотрения на страницах данного издания³. Поэтому здесь ограничимся лишь напоминанием основных выводов относительно эволюции феодальной ренты в Хорватии второй половины XV—XVI в., к которым мы пришли в статье, представляющей опыт исследования хорватских урбариев.

Эти выводы сводятся к следующему. Во второй половине XV в. производство хорватскими феодалами прибавочного труда непосредственных производителей осуществлялось преимущественно в форме натуральной и денежной ренты. Размеры отработочной ренты были сравнительно невелики, что соответствовало небольшим масштабам собственной запашки хорватских землевладельцев. Более того, в конце XV в. в отдельных районах Хорватии барская запашка сокращалась, отработочная рента заменялась денежной.

¹ Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium, vol. XXXIX. Zagreb, 1916. (В дальнейшем — MSHSM).

² См. Monumenta historico-juridica slavorum meridionalium, vol. V. Zagreb, 1894. (В дальнейшем — MHJSM).

³ См. Ю. В. Бромлей. Эволюция докапиталистической земельной ренты в Хорватии второй половины XV и XVI веков. «Ученые записки Института славяноведения», 1951, т. IV, стр. 284—306.

Иную картину раскрывают урбарии XVI в. Уже для 40-х годов этого столетия они позволяют констатировать повышение заинтересованности хорватских феодалов к собственной запашке и увеличению барщины кметов (так именуется в урбариях крестьяне). В последующие десятилетия наблюдается дальнейший рост отработочной ренты. В последней четверти XVI в. барская запашка, обрабатываемая зависимыми кметами, доставляла хорватским землевладельцам подавляющую часть доходов. Господствующей формой феодальной эксплуатации в это время становится отработочная рента: барщина кметов достигает 6 дней в неделю. Денежным и натуральным платежам принадлежит второстепенная роль, хотя их номинальная величина остается неизменной¹.

Таким образом, в Хорватии XVI в. наблюдается тот же процесс усиления феодальной эксплуатации за счет увеличения барщинных повинностей крестьян, как и во всех европейских странах к востоку от Эльбы. Как и в этих странах, в Хорватии данный процесс был вызван значительным ростом потребностей феодалов. Рост же потребностей феодальной знати в свою очередь был обусловлен как дальнейшим развитием товарно-денежных отношений внутри страны, так и теми крупными переменами, которые происходили в XV—XVI вв. в экономической жизни всей Европы. Как указывает Энгельс, «капиталистический период оповестил на селе о своем пришествии в форме крупного сельскохозяйственного производства на основе барщинного труда крепостных...»²

Важнейшее условие перехода к барщинной системе эксплуатации — наличие сравнительно устойчивого рынка сбыта для сельскохозяйственных продуктов, полученных феодалом о доменальной запашки. В этой связи следует отметить, что, помимо обычных возможностей для сбыта продукции сельскохозяйственного производства на внутреннем и внешнем рынках³, в Хорватии XVI в. имелся дополнительный спрос на эту продукцию, создаваемый потребностями пограничных войск.

В Хорватии, как и повсюду, превращению барщины в основную форму эксплуатации сопутствовало установление крепостничества в узком значении этого термина. Так, из декрета императора Фердинанда от 1538 г. следует, что уже в это время кметы-колоны в Славонии были фактически лишены свободного перехода; только феодалы имели право «вывозить» крестьян из других владений⁴.

Помимо урбаральных платежей и повинностей, среди которых основное место занимала барщина, хорватское крестьянство в XVI в. было обременено другими поборами и тяготами. В их числе следует отметить церковные десятины (лат. *decimae*, хорв. *dižme*)⁵, таможенные пошлины (лат. *tricesima*, хорв. *harmica*) и «дымницу» (лат. *resuniae fumales*). Последняя собиралась ежегодно от каждого кметского хозяйства в пользу местных хорватских и славонских властей⁶.

¹ См. Ю. В. Бромлей, Указ. соч. «Ученые записки Института славяноведения», 1951, т. IV, стр. 305.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 642.

³ Вопрос о том, какой рынок — внутренний или внешний — имел большое значение для реализации хорватскими феодалами сельскохозяйственной продукции, требует специального исследования.

⁴ I. Kukuljević. *Jura Regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae*, pars. III, p. 26.

⁵ Размер десятины определялся величиной крестьянского надела и числом принадлежащего ему скота. С «полного» крестьянского надела (8—12 югеров) в счет десятины обычно выплачивалось 6 динар; за одну голову мелкого скота — 1 динар (I. Hartinger. *Op. cit.*, str. 59—60).

⁶ Величина «дымницы» ежегодно определялась сабором и колебалась от 10 до 40 динар (J. Hartinger. *Op. cit.*, str. 56—58).

В XVI в. весьма тяжелым грузом на плечи хорватского крестьянства, особенно в Славонии, легли из года в год возрастающие платежи и повинности для военных нужд. Первое место среди них принадлежало подымному налогу (лат. *dica*, хорв. *riz*), который собирался в Славонии¹ для содержания императорских пограничных войск. Хотя налог этот считался нерегулярным, однако, судя по сохранившимся данным, славонские крестьяне во второй половине XVI в. должны были вносить его весьма часто. Известно, что за 56 лет (с 1543 по 1598 г.) сбор «дики» производился 20 раз². Размер «дики» определялся сабором хорватско-славонских «сословий и чинов» и обычно составлял $\frac{1}{2}$ флорина, а иногда даже 2 флорина с «дыма». Наряду с уплатой «дики» хорватские кметы должны были исполнять работы по восстановлению разрушенных крепостей, а также подвозить продовольствие на границу. Кроме того, в 1538 г. решением крижевацкого сабора было установлено, что от 36 крестьянских хозяйств каждый феодал составляет одного конного солдата для несения службы в пограничных войсках; тот же сабор предоставил хорватскому бану право мобилизовать в случае особо опасного положения на границе всех кметов, способных носить оружие³.

Неисчислимые бедствия несли хорватскому крестьянству частые опустошительные вторжения и набеги турок. Следы этих опустошений нашли свое отражение в большинстве урбариев изучаемого периода; почти все они пеэтрят указаниями о пустыющих кметских наделах. Такого рода свидетельства уже весьма часто встречаются в Модрушском урбарии 1486 г. Например, по его данным, в этом году в с. Машник из двадцати одного крестьянского хозяйства осталось только четыре, в с. Пищатки было заброшено 65% кметских наделов и т. д.⁴ Еще более яркую картину разорения крестьян в результате турецких набегов дает опись имущества князя Степана Франкопана от 1558 г. В ней указаны не только разоренные, но и полностью опустевшие селения; в описи упоминаются также угнанные турками крестьяне⁵.

Тяжелое положение сельского населения усугублялось грабежами и насилиями наемных войск и внутрифеодальными войнами, принимавшими по мере роста потребностей феодалов все более ожесточенный характер.

Вместе с тем феодальные междоусобицы, ослабляя власть господствующего класса, создавали благоприятные условия для развития классовой борьбы крестьянства. Другим существенным в этом отношении фактором были углублявшиеся противоречия между хорватскими феодалами, цеплявшимися за свои сословные «вольности», и Габсбургами, стремившимися к установлению абсолютистского режима в подвластных им землях. Способность хорватского «государственного» аппарата «держатъ в узде» эксплуатируемые народные массы ослаблялась также и тем, что основные его силы постоянно были отвлечены на выполнение внешней функции — обороны страны от турецких нашествий.

Восстанию 1573 г. предшествовали такие крупнейшие крестьянские движения в соседних землях, как восстание венгерских крестьян 1514 г. и Великая крестьянская война в Германии, а также выступления словенских и немецких крестьян в Каринтии, Крайне и Штирии в 1503, 1514 и 1515—1516 гг. Последнее из этих выступлений представляет для нас особый

¹ Собственно Хорватия была освобождена от уплаты подымного налога.

² Граклои: Monumenta comitalia regni Hungariae, vol. II, p. 256—257.

³ Там же, стр. 254.

⁴ МНЖСМ, vol. V, стр. 78—81.

⁵ E. Laszowski. Popis i prociena dobara kneza Stjepana Frankopana-Ozalskoga god. 1558. Starine, kn. XXX. Zagreb, 1902, стр. 210.

интерес, поскольку оно охватило часть той территории, на которой впоследствии развернулись события 1573 г.

Упомянутые движения словенских и немецких крестьян Штирии, Крайны и Каринтии привлекли внимание Ф. Энгельса. Эти движения, по его словам, «опираясь на заговор», который «... возник в этой разоренной вымогательствами дворян и императорских чиновников, опустошенной набегами турок и измученной голодом области еще в 1503 г. и тогда же вызвал восстание»¹. В 1513—1514 гг. словенские и немецкие крестьяне этих местностей снова неоднократно поднимались против господ под лозунгом защиты «старых прав». Однако феодалам с помощью обмана удалось временно подавить эти движения. Но весной 1515 г. вспыхнуло новое восстание, которое приняло широкие размеры. Оно охватило почти всю Крайну и частично Штирию и Каринтию. Основной очаг восстания находился в районе Кршко (Гуркфельд) и Брежец (Райн), т. е. как раз на той территории, где в 1573 г. отряды повстанцев добились наибольших успехов.

Непосредственным толчком к выступлению в 1515 г. послужило введение нового налога; не последнюю роль в этом сыграли также насилия местного феодала барона Юрия Турна.

Лозунг восставших был все тот же — восстановление «старых прав». Возглавил движение крестьянин Клондер, вокруг которого собралось до 20 тыс. повстанцев. Крестьяне призывали духовенство и бюргеров принять участие в восстании, но те и другие уклонились от этого.

Опасаясь дальнейшего роста движения, феодалы были вынуждены встать на путь переговоров с повстанцами, пытаясь убедить их в бесполезности борьбы. В ход было пущено напоминание о тех расправах, которые постигли восставших крестьян в Венгрии и Германии². Однако эти угрозы не дали никаких результатов: повстанцы попрежнему продолжали борьбу. Лишь в Штирии и Каринтии императорскому военачальнику Дитрихштейну сравнительно быстро удалось затушить восстание; но в Крайне оно было подавлено только осенью 1516 г. в результате внезапного нападения на Брежец (Райн) и «последовавших затем бесчисленных зверств австрийских властей»³.

Все эти жестокости феодалов не могли не оказать воздействия на хорватских крестьян. В сохранившихся материалах мы имеем прямые свидетельства о том, что память о расправах феодалов в 1516 г. была еще свежа у участников восстания 1573 г.⁴, усиливая ненависть крестьян к своим угнетателям. Несомненно и то, что практика предшествующих крестьянских движений и восстания 1515—1516 гг. не прошла бесследно для хорватских и словенских крестьян, выступивших в 1573 г. против своих угнетателей. Не случайно среди их лозунгов опять фигурирует призыв к борьбе за восстановление «старых прав».

Усиление в XVI в. эксплуатации со стороны хорватских феодалов, связанной с активизацией их хозяйственной деятельности, не могло не вызвать сопротивления со стороны крестьян, отдельные проявления которого можно наблюдать уже в 40-х годах XVI в. Так, в жалобе грижанских кметов князю Франкопану от 1544 г. прямо сказано, что если не будут отменены вновь введенные повинности, то они откажутся от выполнения всех «служб»⁵.

¹ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., 1952, стр. 64.

² S. Dimitz. Geschichte Krains von der ältesten Zeiten bis auf das Jahr 1813, B. II. L., 1875, S. 20—30.

³ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 64.

⁴ St. kn. VII, № 129 (2), str. 253.

⁵ MHJSM, vol. V, str. 88—89.

Но особого обострения классовые противоречия в хорватской деревне достигают к 60-м годам XVI в. Это было обусловлено дальнейшим ростом феодального гнета, а также опустошениями страны турками, последовавшими за падением Сигета в 1566 г., и связанными с борьбой против турок новыми, военными тяготами.

Дошедшие до нас источники сохранили известия о том, что крестьянские волнения в конце 60-х годов принимают массовый характер. Так, в протоколах сентябрьского сабора 1567 г. прямо говорится, что «бунтующие колоны господ и знати, имеющих владения в королевстве Славония, не дают платежей и (не исполняют) положенных служб своим господам»¹. К вопросу о «бунтующих и восстающих колонах» хорватские «сословия» вновь возвращаются на загребском саборе 25 июня 1568 г., который предписал применение к «бунтовщикам» закона короля Владислава от 1514 г.² По этому закону смертная казнь угрожала всем, кто осмелится выступить против господ.

Таким образом, уже в конце 60-х годов в хорватской деревне налицо явные симптомы предстоящего взрыва крестьянского возмущения. Дополнительным фактором, ускорившим этот взрыв, явился голод 1570 г., во время которого погибло немало крестьян. «Те, кто остался жив, — отмечает Т. Смичиклас, — сушили древесную кору и, перемалывая ее, поддерживали этим свое существование»³.

Рассматривая обстоятельства возникновения восстания 1573 г., необходимо специально остановиться на происходивших в канун восстания событиях в Суседградском и Нижне-Стубицком имениях. События эти представляют для нас значительный интерес в том отношении, что сохранившиеся о них материалы позволяют проследить различные этапы и формы классовой борьбы хорватских крестьян в период, предшествующий восстанию. К тому же здесь возник один из основных очагов массового крестьянского движения 1573 г.; из числа суседградских и стубицких кметов вышло большинство руководителей движения.

Выдающаяся роль суседградских и стубицких крестьян в восстании 1573 г. не случайна — она коренится в той обстановке, которая сложилась в этих имениях в 60-е годы XVI в. и превратила Суседград и Н.-Стубицу в район напряженной классовой борьбы.

В середине XVI в. Суседградское и Нижне-Стубицкое имения, охватывающие обширную территорию к северо-западу от Загреба, составляли одно из крупнейших владений в Славонии. В 1543 г. в Суседградском имении насчитывалось 350 дымов, в Н. Стубицком — 150⁴.

Не вдаваясь в подробности сложной и запутанной генеалогии владельцев Суседграда и Н.-Стубицы, отметим лишь, что в середине XV в. эти имения находились в руках феодальной семьи Хенингов, мужская линия которых прекратилась в начале XVI в.; имения перешли во владение дочерей последнего из Хенингов, а от них — к их мужьям и детям. В середине 30-х годов XVI в., когда умер фактический владелец Суседградского и Нижне-Стубицкого имений Степан Дешхази, Суседград и Н.-Стубица как выморочные вотчины, к явному неудовольствию его многочисленных косвенных наследников, были конфискованы королевской камерой. За

¹ MSHSM, vol. XXXIX, str. 175.

² Там же, стр. 218.

³ J. T. Smičiklas. Poviest Hrvatska, dio II. Zagreb, 1879, str. 60.

⁴ V. Klaić. Popis ratne daće u Slavoniji godine 1543. «Vjesnik kr. Hrvatsko-slavonsko-dalmatinskoga zemaljskoga arkiva», god. IX. Zagreb, 1907, str. 90.

17-летний период, когда Суседград и Н.-Стубица находились в руках королевской камеры, здесь сменилось 8 владельцев, одним из которых император Фердинанд отдавал эти имения в «заставу»¹, другим — просто в награду за службу². Столь частая смена владельцев была подлинным бичом как для господского, так и для крестьянского хозяйства. Весьма характерно в этом отношении свидетельство одного из таких временных владельцев Суседграда — Еронима Лаского.

В одном из своих писем к императору Фердинанду он сообщал, в частности, что предшествующий владелец Суседграда «оставил замок столь опустошенным, что не сыщешь... ни зернышка ячменя, пшеницы, ржи или овса, и ни капли вина; все увезено и даже сено... Имение оскудело людьми, люди — продовольствием»³.

В 1551 г. после многочисленных жалоб и тяжб вопрос о Суседградском и Нижне-Стубицком имениях, наконец, был решен императором Фердинандом в пользу дальних родственников Ст. Дешхази. Они были переданы во владение венгерскому магнату Андрею Баторию и штирийскому дворянину Андрею Теуфенбаху. Каждый из них получил по половине владений в Суседграде и Н.-Стубице⁴. Теуфенбах уже в 1559 г. заложил свою часть в Нижне-Стубице (за 2133 форинта) тогдашнему хорватскому подбану, владельцу Медведграда — Амброзу Грегорианцу⁵. Таким образом, Андрею Теуфенбаху, а после его смерти (1563) его жене Уршule Мекницер (Хснииг) и дочерям осталась лишь половинная доля Суседградских владений, составляющая примерно $\frac{1}{4}$ всей Суседградско-Стубицкой вотчины.

Недолго владел своей долей этого имения и Андрей Баторий, в 1564 г. он продал ее за 50 тыс. форинтов королевскому советнику, капитану канижского кавалерийского гарнизона, Франьо Тахи⁶, тому самому Тахи, в насилиях которого по отношению к крестьянам хорватские буржуазные историки усматривали основную причину восстания 1573 г. После всего сказанного о положении хорватских крестьян, и, в частности, о резком обострении социальных противоречий в хорватской деревне в 60-х годах XVI в. нет необходимости доказывать, что такое объяснение причин массового крестьянского движения далеко от истины. Крайний произвол Тахи был всего-навсего одним из факторов, создавших ту особенно напряженную обстановку в Суседградско-Стубицкой вотчине, которая привела к локальному выступлению суседградско-стубицких кметов и лишь несколько ускорила возникновение массового восстания, превратив эту вотчину в один из основных его очагов. В этом мы убедимся еще не раз.

Вступление Тахи во владение Суседградско-Стубицким имением вызвало энергичное сопротивление со стороны У. Мекницер, претендовавшей на все имение и к тому же быстро ощутившей на себе произвол Тахи. К их междоусобной борьбе за Суседград примкнули, по словам В. Клаича, почти все феодалы Западной Славонии. К Франьо Тахи присоединились бан Петр Эрдеди, князь Алапич и князь Кеглевичи; к Уршule Мекницер присоединились подбан Амброз Грегорианец, князь Секели из Крапины, а затем

¹ «Застава» — одна из форм феодального землевладения, получившая широкое распространение в Хорватии XVI в. Держатель «заставных» земель получал их в виде обеспечения за врученную собственнику этих земель денежную ссуду.

² J. Hartinger. Op. cit., str. 90—97.

³ Там же, стр. 96—97.

⁴ I. Bojnićić. Kraljevske darovnice, odnoseće se na Hrvatsku. Iz kraljevskih registarunih knjiga «Libri Regii». «Vjesnik kr. Hrvatsko-slavonsko-dalmatinskoga zemaljskoga arkiva». god. VIII. Zagreb, 1906, № 152, str. 104—106.

⁵ J. Hartinger. Op. cit., str. 101.

⁶ I. Kukuljević. Dogadjaji Medvedgrada, str. 61—62.

князь Николай Зринский, поссорившийся с Тахи из-за имени Оток в Междумурье. Вслед за магнатами на сторонников Тахи и приверженцев Уршулы Мекницер разделились племичи¹.

В эту борьбу вскоре были втянуты и кметы Суседградско-Стубицкого имения, что достаточно ярко проявилось уже в 1565 г. В первой половине этого года, воспользовавшись тем, что Тахи находился в Венгрии, Мекницер с отрядом в 800 человек, в большинстве своем кметов, заняла суседградский замок, изгнав семью Тахи и захватив все его имущество. Когда же по настоянию Тахи бан Петр Эрдеди выступил с несколькими отрядами против Уршулы Мекницер, она вместе с Грегорианцами вновь собрала 3 тыс. кметов и 3 июля 1565 г. разбила банские отряды, захватив при этом 3 пушки².

Победа над отрядами бана, однако, не решила исход борьбы за Суседград в пользу У. Мекницер и ее сторонников. 25 июля 1565 г. вопрос о «бунтовщиках, которые под Сомседваром выступили против господина бана»³, рассматривался на хорватско-славонском саборе в Загребе; очевидно, за участие в сражении под Суседградом сабор отстранил от должности подбана Амброза Грегорианца. Против Уршулы Мекницер, обвиненной в оскорблении бана, было начато судебное дело. Вслед за тем Тахи был вновь введен во владение своей частью Суседградско-Стубицкой вотчины, а часть Мекницер была передана в руки венгерской королевской камеры. В 1569 г. несмотря на многочисленные жалобы У. Мекницер, обращенные к бану, сабору и императору, и эта последняя часть Суседградско-Стубицкого имения была передана Ф. Тахи в «заставу» за 4,5 тыс. форингов⁴.

Возвращение Тахи в Суседградско-Стубицкое имение, сопровождавшееся новыми насилиями, еще более ухудшило и без того тяжелое положение местных кметов. В этой связи небезинтересно отметить, что уже в 1567 г. в Суседград для разбора жалобы на Тахи, поданной управляющим королевской частью имения, прибыла специальная комиссия, направленная императорским наместником в Венгрии. Члены комиссии — Гаспар Друшкович и загребский каноник Франьо Филипович — опросили более 508 свидетелей (в большинстве своем крестьян). Результаты их обследования составили «лист длиной в 6,5 метров»⁵. Сохранился «вопросник», которым должны были руководствоваться члены комиссии при проведении расследования. Составленный, повидимому, на основе жалобы управляющего королевской частью Суседградского имения, «вопросник» касается преимущественно насилий, которые Тахи причинил самому управляющему, затем присвоения Тахи доходов от королевской части имения, а также совершенных по приказанию Тахи убийств стубицкого «дворника» Уршулы Мекницер и бывшего суседградского подкастеляна Андрея Батория. Только один пункт «вопросника» непосредственно говорит о насилиях Тахи по отношению к суседградским и стубицким крестьянам. Согласно этому пункту, комиссии предлагалось установить: «действительно ли Тахи согнал многих кметов с их наделов, а у других отнимал виноградники и движимое имущество»⁶.

¹ V. Klaić. Povjest Hrvata, dio III, sv. I, str. 286.

² J. Hartinger. Op. cit., str. 105.

³ MSHSM, vol. XXXIX, str. 123.

⁴ I. Kukuljević. Susjedgrad. «Njeke gradine i gradovi u kraljevini Hrvatskoj», sv. I. Zagreb, 1869, str. 6.

⁵ I. Kukuljević. Dogadjaji Medvedgrada, str. 63.

⁶ Там же, стр. 62.

Эту несколько краткую, но весьма выразительную характеристику произвола Тахи по отношению к кметам подтверждают и дополняют материалы следствия над участниками восстания 1573 г. Так, по показаниям одного из предводителей восстания — Ильи Грегорица Тахи отнял у него все имущество, включая виноградник, коня и рогатый скот, в общей сложности на сумму в 200 дукатов¹.

Наряду с прямым захватом крестьянского имущества Тахи применял самые разнообразные способы увеличения своих доходов за счет усиления нажима на крестьян. Яркую характеристику этого мы находим в протоколах допроса того же И. Грегорица. «Когда Тахи Ференц, — говорится в этом протоколе, — приобрел старую лошадь, то он отдавал ее одному из своих подданных... За эту лошадь он (подданный. — Ю. Б.) должен был платить столько, сколько с него потребуют: если же он отказывался, то Тахи его принуждал. Также когда упомянутый Тахи имел 1000 ведер кислого вина, то он его разделял среди своих подданных и брал за это столько, сколько ему захочется..., а иначе он отнимал у них лошадей и скот. Также они должны были содержать за свой счет его скот, и если одна голова скота падет, то должны были возместить не другой,² а чистыми деньгами. Затем они должны были содержать и охранять его охотничьих собак и если одна из них пропадала или погибала, — за каждую он требовал быка»².

Не останавливался Тахи и перед тем, чтобы произвольно увеличивать размеры фиксированных платежей и устанавливать новые повинности. Так, например, в Суседградско-Стубицком имении Тахи повысил ренту с каждого кметского виноградника на 22 пинты вина, сверх ранее установленного количества³. В жалобе крестьян Штетенбергского имения (близ Словенской Бистрицы), приобретенного Тахи в 1556 г., прямо указывается на увеличение барщинных работ⁴.

Судя по этой же жалобе, Тахи злоупотреблял и подводной повинностью, обязывая крестьян не только возить в город «господские» продукты, но и реализовать их по заранее установленным явно завышенным ценам⁵.

Особое возмущение у крестьян вызывали насилия, чинимые Тахи над девушками и женщинами. Упомянутой выше комиссии было представлено 14 девушек, изнасилованных Тахи.

По мере того, как усиливался феодальный гнет и произвол Тахи, обстановка в Суседградско-Стубицком имении становилась все более напряженной. Отдельные конфликты между Тахи и крестьянами начались, очевидно, вслед за его вступлением во владение Суседградско-Стубицким имением, а с момента возвращения его в 1565 г. приняли уже массовый характер. Как отмечал на допросе стубицкий крестьянин М. Бистрич, жители Стубицы уже 7 лет в ссоре с Тахи⁶, т. е. как раз с года вступления Тахи во владение Суседградом и Нижне-Стубицей.

В конце 1571 г., по свидетельству Тахи, дело дошло до открытого неповиновения крестьян, отказавшихся выполнять повинности и платить налоги; когда в декабре этого года (на Рождество) в Стубицу для сбора «дики» явились слуги Тахи — Михаил Хорват и чиновник венгерской королевской

¹ St., kn. VII, № 163 (1), str. 295.

² Там же, стр. 294—295.

³ Там же, № 165, стр. 304.

⁴ J. Hartinger. Op. cit., str. 116, 117.

⁵ Там же.

⁶ St., kn. VII, № 140, str. 265—266.

камеры Никола Стенко, — то стубичане напали на них, убив Хорвата и тяжело ранив Стенко¹.

Таким образом, уже первое из известных нам волнений в Суседградско-Стубицком имении свидетельствует о том, что сопротивление кметов этого имения было направлено не только против Тахи. Обстоятельство это, кстати сказать, осталось незамеченным буржуазными историками.

Выступление кметов Суседградско-Стубицкого имения, совпавшее с новой волной турецких набегов, вызвало серьезную тревогу у венгерской королевской камеры. Явно опасаясь роста крестьянского движения, камера направила в Суседград своих представителей, которым предписывалось именем императора призвать к повинности всех жителей суседградского и стубицкого «котара»². Одновременно уполномоченным поручено было изъять у Тахи «заставную» часть Суседградского имения. Однако все попытки, предпринятые ими в этом направлении, оказались безуспешными. Как отмечает И. Кукулевич, Тахи не желал возвращать камере «заставное» владение; в начале 1572 г. он снова обращается к императору с просьбой сохранить за ним все права на Суседград и Н.-Стубицу³.

Шаги, предпринятые камерой для урегулирования конфликта, не могли удовлетворить и крестьян Суседградско-Стубицкого имения, поскольку даже в случае изъятия у Тахи «заставного» держания, большая часть имения попрежнему оставалась бы в его руках. Вместе с тем вмешательство камеры в этот конфликт, как и расследование специальной комиссией жалобы на Тахи, видимо, несколько подогрели иллюзорные представления крестьян о возможности избавиться от ненавистного феодала или по крайней мере оградить себя от его насилий, прибегнув к посредничеству императора и венгерской королевской камеры. О наличии такого рода иллюзий свидетельствует, в частности, посылка суседградскими и стубицкими крестьянами в конце марта—начале апреля 1572 г. депутации к императору в Вену⁴.

Избрание ходоков происходило в Брдовце; здесь же местным сельским священником Иваном Бабичем был написан текст петиции⁵, к сожалению, не сохранившийся. В состав депутации, по данным Р. Радича, вошли представители от каждого села Суседградско-Стубицкого имения⁶. Нам известны (на основании протоколов допросов повстанцев) имена лишь двух ходоков. Любопытно отметить, что оба они, Матия Бистрич и Иван Сврач, — подданные Грегорианца. Известно также, что впоследствии Иван Сврач был посредником при переговорах Ст. Грегорианца с вождями восставших крестьян. Все это наводит на мысль, что при посылке крестьянской депутации дело не обошлось без участия Ст. Грегорианца и У. Мекницера, заинтересованных в любом действии крестьян, направленном против Тахи, а тем более в их жалобе на его насилия, адресованной императору.

Надежды на помощь со стороны императорской власти уже весной 1572 г. сочетались у значительной части, если не у всех Суседградско-Стубицких крестьян, с убеждением, что лучшей гарантией избавления от Тахи является изгнание его из имения собственными силами и средствами. Как заявил на следствии Илья Грегориц, «год тому назад (т. е. весной 1572 г. — Ю. Б.) они объявили, что не желают оставаться под властью

¹ V. Klaić. Tužba Franje Taha protiv kmetova Susjedgrada i Dolnje Stubice. «Vjesnik kr. Hrvathko-slavonsko-dalmatinskoga arkiva», god. XI, sv. I. Zagreb, 1908, str. 134.

² «Котар» — административная единица в средневековой Хорватии (часть жупы).

³ I. Kukuljević. Dogadjaži Medvedrada, str. 64.

⁴ St., kn. VII, № 129 (2), str. 255.

⁵ Там же, № 141 (2), стр. 269.

⁶ R. Radić. Herbard VIII. Freiherr zu Auersperg. Wien, 1862, str. 293.

Тахи, а сами себя хотят освободить и подчиниться его императорскому величеству» (курсив наш. — Ю. Б.). На основании показаний того же Грегорица можно заключить, что уже в это время был составлен крестьянский «союз» (verbinthuss); вступающий в него должен был принести клятву, что он не будет более повиноваться Тахи¹.

Намерение крестьян изгнать Тахи из Суседградско-Стубицкого имения тайно поддерживали Ст. Грегорианец и У. Мекницер. По словам Ильи Грегорица «они их (крестьян. — Ю. Б.) подстрекали и обещали всяческую помощь и поддержку». Но, как он тут же замечает, вся их помощь выразилась лишь в том, что Грегорианец послал крестьянам с неким Шайновичем 4 талера для покупки пороха. Явно опасаясь огласки своих действий, Ст. Грегорианец просил крестьян держать этот факт в тайне и впредь в случае надобности обращаться к нему только через Шайновича². Конечно, нет никаких оснований, подобно буржуазным авторам, видеть в подстрекательствах Ст. Грегорианца и У. Мекницера одну из основных причин восстания. Однако сбрасывать это обстоятельство совсем со счета, рассматривая развитие борьбы суседградско-стубицких кметов против Тахи, вряд ли было бы верно.

Начало активных действий крестьян против Тахи приходится на вторую половину апреля 1572 г. «Восстание, — отмечал на следствии Ив. Сврач, — началось еще в прошлом году на Георгиев день»³, т. е. 24 апреля.

Последовавшие затем события довольно подробно освещены в «жалобе» самого Тахи⁴. Из нее следует, что суседградские и стубицкие крестьяне, воспользовавшись пребыванием Тахи на венгерском сейме в Пожуне, напали на Суседградский замок, изгнали из замка его сыновей и слуг, ранив при этом одного из господских стражников. Завладев Суседградом, они захватили господский скот и мельницу, а также паром на Саве и, передвинув его на новое место, начали сами взимать сбор за перевоз. Из Суседграда восставшие двинулись на Брдовец; заняв здешнюю таможенную, которой Тахи владел совместно с королевской камерой, они направились в господский двор, где захватили несколько ружей и господское вино. Вслед за тем в целях обороны крестьянские отряды заняли все дороги между левым берегом Савы и Загреб-горой.

Все это, по словам Тахи, произошло в апреле и мае 1572 г. Тем временем, вернувшись из Пожуна, Тахи поручил своему сыну Габриэлю предпринять карательную экспедицию против повстанцев. 7 июня Габриэль Тахи с конным отрядом, состоявшим из мелких феодалов и служилых людей отца, выступил из Загреба, намереваясь проникнуть на территорию Суседградского имения с правого берега Савы. Избрание такого маршрута, видимо, было продиктовано расчетом, что крестьяне не ожидают нападения в этом направлении и потому не смогут оказать здесь серьезного сопротивления. Однако попытка отряда Габриэля Тахи форсировать у вышеупомянутого перевоза Саву вплавь на конях не увенчалась успехом; крестьяне встретили отряд ружейным огнем. Испуганный выстрелами и криками крестьян, конь Габриэля Тахи выбросил всадника из седла, и он спасся лишь благодаря помощи своего слуги; в Саве погиб оруженосец Тахи. Крестьяне преследовали отряд Габриэля Тахи вплоть до границы имения Алапичей (в Турополье).

¹ St., kn. VII, № 161, str. 290.

² Там же, № 165, стр. 304.

³ Там же, № 128, стр. 255.

⁴ V. Klaić. Tužba Franje Taha protiv kmetova Susjedgrada i Dolnje Stubice. «Vjesnik kr. Hrvatsko-slavonsko-dalmatinskoga zemalškoga arkiva», god. XI, sv. II. Zagreb, 1908. str. 134—136.

Через две недели после неудачной вылазки Габриэля Тахи суседградские крестьяне овладели замком в Нижне-Стубице, конфисковав и здесь все движимое имущество. Насколько можно судить, по сообщению Тахи, восставших поддерживали в их борьбе оба управляющих венгерской королевской камеры: Михаил Хербинович в Суседграде и Иван Бакшай в Н.-Стубице¹.

Захватив в свои руки Суседградско-Стубицкое имение крестьяне направляют в Вену (24 июля 1572 г.) новую депутацию, в состав которой опять вошел М. Бистрич².

Между тем события в Суседградско-Стубицком имении заставили обратить на себя внимание хорватских феодалов. Для характеристики их отношения к движению суседградских и стубицких крестьян, а вместе с тем и для понимания обстановки, в которой развивалось это движение, важнейшее значение имеют протоколы хорватских саборов. Эти протоколы — единственные источники по данным вопросам.

Первое упоминание о выступлении суседградских и стубицких крестьян встречается в протоколах загребского сабора, состоявшегося 2 июня 1572 г., т. е. за несколько дней до известной нам экспедиции Габриэля Тахи.

Сославшись на то, что «мятеж суседградских и стубицких крестьян не может быть подавлен без ясного указания его императорского величества»³, сабор ограничился избранием двух послов к императору, Шимуна Кеглевича и Ивана Беца, с поручением передать сообщение сабора о мятеже суседградских крестьян.

Чем же объясняется столь уклончивая позиция хорватских сословий в вопросе о волнении суседградских крестьян.

Их обращение к императору за разрешением этого вопроса в значительной степени было обусловлено тем особым интересом, который Габсбурги проявляли к Суседградско-Стубицкому имению, неоднократно распоряжаясь им как своей доменальной собственностью. На решении сабора, видимо, также сказались незавершенность борьбы за это имение между Тахи и Мекницер; все предложения о «подавлении мятежа», надо полагать, вызвали, как и на последующем саборе, противодействие со стороны многочисленных приверженцев Уршулы Мекницер и Грегорианцев. Известную роль в уклончивой позиции сабора сыграло и отсутствие у хорватских сословий необходимых военных сил, которые бы позволили им подавить восстание, не прибегая к помощи императорских войск. Дополнительный свет на эту сторону дела проливает хроника Иштванфи. Для автора хроники совершенно очевидна подлинная подоплека миссии Кеглевича и Беца; цель их миссии, по его мнению, заключалась в получении «императорского мандата с приказом» командующим пограничными наемными войсками Витту фон Галлеку и Герберту Ауэршпергу «выступить военным строем против мятежников»⁴.

Несколько больше внимания движению суседградских и стубицких крестьян уделил хорватско-славонский сабор, состоявшийся 10 августа 1572 г. в Загребе. В работе сабора приняли участие имперские комиссары, которым было поручено «положить конец мятежу» кметов Суседградско-Стубицкого имения⁵. На саборе выступил с уже известной нам «жалобой» Тахи, требовавший наказания «мятежников». Это требование было опротестовано Грегорианцем. О мотивах такого протеста нетрудно догадаться: расправа

¹ V. Klaić. Povjest Hrvata, sv. III, dio I, str. 134—136.

² St., kn. VII, № 129 (2), str. 254.

³ MSHSM, vol. XXXIX, p. 347.

⁴ St., kn. VII, № 81, str. 216.

⁵ MSHSM, vol. XXXIX, p. 353.

Тахи с крестьянами грозила претендентам на «свою» долю Суседградско-Стубицкого имения не только разорением имения, но и потерей значительной части рабочих рук. Цену этой «защиты», как нельзя лучше, раскрывает заявление самого Грегорианца на том же саборе. В этом заявлении он от своего имени и от имени Уршулы Мекницер и ее дочерей потребовал, чтобы прежде всего был произведен раздел имения, «после чего господин Тахи, мог бы, наконец, наказывать своих крестьян, как ему вздумается»¹.

Однако требования Фр. Тахи и Ст. Грегорианца сабором удовлетворены не были. Члены сабора и на этот раз уклонились от самостоятельного разрешения вопроса. Их позицию в этом вопросе от июльского сабора отличает лишь определенность в оценке выступления суседградско-стубицких крестьян. Констатировав, что «мятежные крестьяне не желают прекратить мятеж»², сабор квалифицировал это движение как «преступление не только против самого господина Тахи, но и против его величества и свободы всего королевства». Сабор ходатайствовал перед Максимилианом и предстоящим сеймом венгерских сословий в Пожуне о принятии мер для того, чтобы «крестьяне-мятежники... не избежали заслуженного наказания»³. Одновременно было предложено судьям загребской жупании Рашкаю и Микуличу добиться любыми средствами от суседградских и стубицких кметов выполнения повинностей по укреплению крепости Иванич, поскольку они отказываются исполнять таковые в замке Божьяковина, принадлежащем Тахи⁴.

В начале октября 1572 г. вопрос о положении в Суседградско-Стубицком имении рассматривался венгерским сеймом в Пожуне. По инициативе хорватских депутатов сейм обратился к Максимилиану за разрешением передать дело о «мятежных крестьянах, которые захватили Стубицу и в течение нескольких месяцев приостановили проезд через Суседград», на рассмотрение «добрым и почтенным мужам», поручив исполнение вынесенного ими приговора Фр. Тахи⁵.

В связи с этим венгерские сословия просили императора отменить свое распоряжение, последовавшее, очевидно, за августовским хорватским сабором, которым запрещалось Тахи «наказывать своих колонов», а также как можно быстрее уладить конфликт между Фр. Тахи и У. Мекницер⁶. Однако Максимилиан не удовлетворил ходатайство венгерского сейма; в своем ответе венгерским сословиям он заявил, что примет сам необходимые меры по урегулированию суседградских дел⁷.

Между тем крестьяне же послали третью депутацию к императору; на сей раз — в Пожун⁸.

Обращение хорватских сословий, венгерского сейма, крестьянских депутатов, а главное само положение в Суседградско-Стубицком имении в конце концов вынудили императора направить в Славонию специальную комиссию во главе с веспримским епископом Фехерковичем. Комиссия эта, как следует из предписания самого Максимилиана венгерской королевской камере (от 4.XII 1572 г.), была послана в начале декабря 1572 г.⁹

¹ MSHSM, vol. XXXIX, str. 353.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 352—353, 362.

⁵ J. Hartinger. Op. cit., str. 126—127.

⁶ Там же, стр. 127.

⁷ Там же.

⁸ St., kn. VII, № 165, str. 304.

⁹ MSHSM, vol. XXXIX, str. 359—360.

Подробности о деятельности комиссии Фехерковича мы узнаем из письма епископа Ивана Лисци к архиепископу Вранчичу. Фигура Фехерковича занимает центральное место в этом письме. Особое внимание, которое уделяет Ив. Лисци Фехерковичу, надо думать, стоит в связи с тем, что последний был преемником И. Лисци по веспримской епископии¹.

Как указывает в своем письме Лисци, «инструкция его величества обязывала самих (комиссаров. — Ю. Б.) ... разрешить спор между Тахи и его колонами». Однако, по словам Лисци, Фехеркович и его коллеги, прибыв в Славонию пренебрегли инструкцией и передали это дело хорватскому сабору, созванному в это время баном Драшковичем для решения других вопросов².

Какой же именно сабор имеет в виду Лисци? С момента выезда миссии Фехерковича до возникновения массового восстания состоялось два сабора хорватских сословий. Один из них был 7 декабря 1572 г.³, т. е. через три дня после того как Максимилиан сообщил венгерской камере о посылке Фехерковича в Славонию. Почти исключено, чтобы имперские комиссары, которые к тому же, как замечает Лисци, «отправились с опозданием»⁴, могли успеть принять участие в заседаниях этого сабора. Наиболее вероятно, что Лисци имеет в виду загребский сабор 18 января 1573 г. Правда, в протоколах этого сабора нет прямых свидетельств, что по просьбе Фехерковича сабор рассматривал вопрос о положении в Суседградско-Стубицком имении. Однако в них есть материалы, косвенно подтверждающие наше предположение, что в письме Лисци речь идет именно о январском саборе. Его материалы показывают, что сабор не только не прошел мимо суседградско-стубицких дел, но занялся ими отчасти в связи с предшествующей деятельностью комиссии Фехерковича. При этом протоколы январского сабора раскрывают весьма существенные изменения, произошедшие в конце 1572—начале 1573 г. не без содействия Фехерковича и его коллег в Суседградско-Стубицком имении. Как следует из зафиксированного в протоколах сабора протеста Тахи, плодами борьбы суседградско-стубицких кметов воспользовалась прежде всего Уршула Мекницер, которая, как заявил здесь Тахи, «была насильственно введена королевскими комиссарами... во владение крепостью Зомзедвар и Нижней Стубицей»⁵.

Аналогичную характеристику этим событиям дает и содержащееся в протоколах того же сабора контрзаявление Ст. Грегорианца о том, что «наследственное имущество (У. Мекницер и ее дочерей. — Ю. Б.)... было им возвращено его святейшим императорским и королевским величеством»⁶. Других материалов, касающихся событий в Суседградско-Стубицком имении, в протоколах январского сабора нет.

По свидетельству Лисци, имперскими комиссарами на сабор были вызваны суседградские крестьяне, которые представили жалобу на Тахи. При этом крестьяне заявили, что жалобу эту «уже прежде приносили императору и что факты, изложенные в ней, расследовались и подтвердились, однако правосудием не было принято никаких мер; они больше не желают ни Фр. Тахи, ни его наследников иметь своими господами, но во всем будут повиноваться и служить его величеству и кому угодно, кроме Тахи»⁷.

¹ MSHSM, vol. XXXIX, p. 252.

² St., kn. VII, № 152, str. 278.

³ MSHSM, vol. XXXIX, p. 360—364.

⁴ St., kn. VII, № 152, str. 278.

⁵ MSHSM, vol. XXXIX, p. 370.

⁶ Там же, стр. 371.

⁷ St., kn. VII, № 152, str. 278.

После этого заявления, опротестованного Тахи, члены сабора вынесли решение, в котором кметы «были объявлены изменниками и подлежащими наказанию». «Возмущенные этим колоны, — говорится в заключительной части письма Лисци, — тотчас восстают»¹.

Таким образом, по мнению Лисци, которое повторяют и буржуазные историки², непосредственным толчком к восстанию явилось постановление хорватского сабора, обвинявшее суседградско-стубицких кметов в измене и санкционировавшее расправу с ними.

Если отдельные положения письма Лисци выглядят довольно правдоподобно (в частности, факт присутствия крестьянских депутатов на саборе и характер их заявления), то содержащаяся в нем трактовка повода к возникновению восстания вызывает серьезные возражения.

Обращает на себя внимание уже то обстоятельство, что приведенная И. Лисци квалификация сабором действий суседградско-стубицких крестьян ничем не отличается от аналогичного постановления августовского сабора 1572 г. (не исключено, что мы имеем дело с анахронизмом, обусловленным недостаточной осведомленностью И. Лисци). Но главное — указанная трактовка повода к возникновению восстания стоит в непримиримом противоречии с событиями, произошедшими в Суседградско-Стубицком имении примерно через неделю после январского сабора хорватских сословий. Возможно, что Лисци об этих событиях и не было известно; хорватские же историки, писавшие о восстании, хотя и знали о них, однако в силу не критического подхода к источникам не заметили, что события эти полностью отрицают возможность видеть основной повод к восстанию в каком-либо постановлении сабора³. Речь идет о событиях, отмеченных во введении к протоколу второго допроса И. Грегорица. «За три дня до восстания, — сказано здесь, — господин Стефан Грегорианец в присутствии многих господ договорился с Тахи Ференцем делить пополам доходы от владения Суседграда, затем присутствовавшие при этом крестьяне поклялись Грегорианцу и его шурина в послушании и все дело было урегулировано»⁴.

Таким образом, Ст. Грегорианцу удалось, наконец, урегулировать конфликт с Фр. Тахи, которого борьба крестьян заставила сделать уступки претендентам на Суседградское имение. Ясно, что этот компромисс, а тем более присяга крестьян не могли иметь места в обстановке всеобщего восстания крестьян, вызванного решением сабора по делу суседградско-стубицких кметов. Одним словом, за три дня до массового выступления крестьян в Суседградско-Стубицком имении внешне не обнаруживалось никаких явных симптомов этого выступления, каковые неизбежно должны были бы проявиться, если бы дело обстояло именно так, как это изображает Лисци.

Каковы же в таком случае непосредственные предпосылки и обстоятельства возникновения массового восстания?

Дать однозначный ответ на этот вопрос, как это делали буржуазные историки, было бы неверно; имелся ряд связанных в той или иной степени с основной материальной предпосылкой восстания обстоятельств, одни из которых непосредственно подготовили переход к массовому крестьянскому движению, другие — сыграли роль толчка в его возникновении.

¹ St., kn. VII, № 152, str. 278.

² V. Klaić. Povjest Hrvata, sv. III, dio I, str. 293; J. Hartinger. Op. cit., str. 129—130.

³ Характерно, что ни в одном документе, кроме письма И. Лисци, возникновение восстания не ставится в зависимость от какого-либо постановления сабора.

⁴ St., kn. VII, № 163 (1), str. 294.

Прежде всего совершенно очевидно, что перспектива возвращения Тахи в Суседградско-Стубицкое имение, которую открывала сделка между ним и Ст. Грегорианцем, отнюдь не могла способствовать успокоению кметов этого имения. Достаточно вспомнить заявление Ст. Грегорианца на августовском саборе, чтобы отчетливо представить, что сулило суседградско-стубицким крестьянам это возвращение. Характерно, что, хотя большинство крестьян, присутствующих при заключении «договора» между Грегорианцем и Тахи, принесло присягу новым владельцам имения, однако нашлись и такие (например, Илья Грегориц), которые сразу же открыто проявили свое отрицательное отношение к этому акту, отказавшись от присяги¹. К тому же, крестьяне Стубицкой части имения, очевидно, вообще не должны были приносить присяги, так как поделено было лишь Суседградское владение.

В возникновении массового крестьянского восстания, несомненно, сыграло свою роль и то обстоятельство, что в предшествующем движении суседградских и стубицких кметов имелась тенденция к расширению целей борьбы. Независимо от тех конкретных задач, которые они ставили перед собой в апреле 1572 — январе 1573 г., логикой самой борьбы их действия оказались направленными против различных видов феодальной эксплуатации и ее основы — феодальной собственности (отказ от выполнения повинностей по укреплению крепости Иванич, захват имущества королевской камеры и т. д.). Не случайно хорватские сословия расценивали их действия как «преступление против императора и свободы всего королевства». Почти в течение восьми месяцев крестьяне Суседградско-Стубицкого имения находились вне сферы феодальной эксплуатации. Эта практика борьбы суседградских и стубицких кметов, несомненно, создавала благоприятные условия для возникновения среди наиболее радикально настроенных крестьян новой программы действий, более широкой как по своим целям, так и по масштабам, чем борьба против Тахи.

Само собою разумеется, что борьба суседградских и стубицких кметов оказывала сильное воздействие на крестьянское население всей страны. В свою очередь движение суседградских крестьян, как мы увидим ниже, не могло не испытать на себе влияния борьбы крестьян в других районах.

Рассматривая вопрос о возникновении массового крестьянского восстания, нельзя не учитывать, что движение суседградских кметов не было одиноким. Этот важнейший для понимания перехода к массовому крестьянскому движению фактор обычно оставался в тени буржуазными авторами, пытавшимися свести причины восстания к насилиям Тахи и междоусобной борьбе вокруг Суседградско-Стубицкого имения.

Выше мы уже приводили материалы о крестьянских волнениях в конце 60-х годов, т. е. до начала открытого выступления суседградских крестьян. Свидетельства о продолжении и развитии в последующие годы этого процесса, параллельно с движением крестьян Суседградско-Стубицкого имения, имеются во многих источниках. Так, в протоколах августовского сабора 1572 г. непосредственно за известной нам квалификацией выступления суседградских крестьян приводится жалоба некоего Владислава Сибирки на «мятежных крестьян» замка Лудбрег, которые напали на замок и избili его владельца².

Важные сведения об интересующем нас процессе дает одно из показаний Ивана Сврача, в котором указывается, что «в течение ряда лет (предшествующих восстанию, — Ю. Б.) имели место волнения (unwillen) среди подданных бана Петра Эрдеди»³. Владения Петра Эрдеди, а после его

¹ St., kn. VII, № 163 (1), str. 264.

² MSHSM, vol. XXXIX, p. 353.

³ St., kn. VII, № 160, str. 268.

смерти (1569 г.) его жены Барбары Алапич состояли из Окичского (306 дымов¹) имения между Купой и Савой, а также Цесарградского (нем. Кайзерсбергского; 856 — дымов) и Мославинского (440 дымов) имений в Вараждинской и Крижевацкой жупаниях. Трудно сказать, имеет ли в виду показание Ивана Сврача поданных всех этих имений или части из них. Несомненно лишь, что к ним прежде всего следует отнести крестьян наиболее крупного из этих имений — Цесарградского. В этом нас убеждает то особое место, которое отводится источниками цесарградским крестьянам в истории восстания. Касаясь обстоятельств его возникновения, современники в первую очередь указывают на суседградских и цесарградских крестьян или соответственно — на Суседградское и Цесарградское имения². Более того, в нескольких случаях источники даже отдают предпочтение цесарградским крестьянам перед суседградскими. Например, введение к протоколу первого допроса Ильи Грегориича, определяя территорию основного района восстания, называет Кайзерсберг (Цесарград), Суседград и Стубицу³. Сам Илья Грегориич под пыткой «возлагал всю вину (за возникновение восстания. — Ю. Б.) на кайзерсбергских и суседградских крестьян»⁴.

Роль цесарградских крестьян в зарождении восстания, отмечаемая приведенными источниками в общей форме, а также характер их взаимоотношений с суседградскими крестьянами позволяет несколько конкретизировать уж известное нам введение к протоколу второго допроса Ильи Грегориича. Согласно этому документу, в ночь накануне всеобщего восстания Илья Грегориич послал крестьянам Брдовца следующий приказ: «Так как кайзерсбергские крестьяне хотят напасть на суседских, ибо они предались этим господам (имеются в виду Ст. Грегорианец и У. Мекницер. — Ю. Б.), что не соответствовало их клятве и присяге, то они (жители Брдовца. — Ю. Б.) должны выступить вместе с ними и прислать тотчас к его дому 60 стрелков»⁵.

Этот приказ явно предполагает существование еще до начала всеобщего восстания взаимной договоренности суседградских и цесарградских крестьян о совместных действиях. Аналогичную характеристику взаимоотношений крестьян Суседградского и Цесарградского имений накануне восстания дает одно из писем управляющего Вислеровским имением. В этом письме прямо указывается, что первоначально союз (der Pintnus) возник в Суседграде и Кайзерсберге⁶.

Сохранившиеся источники, к сожалению, не позволяют точно установить момент возникновения у суседградских и цесарградских крестьян замысла совместного выступления. Некоторый свет на это, на наш взгляд, проливает лишь ответ Ильи Грегориича на вопрос следователей: «давно ли он задумал и предпринял... это зло»⁷, т. е. пришел к мысли о всеобщем восстании и начал ее осуществлять. «После того, как они узнали, — сказано в этом ответе, — что госпожа Эберау Алибановски и ускоки намереваются на них напасть, они за месяц (до начала восстания. — Ю. Б.) собрались и приготовились к защите»⁸. Госпожа Эберау Алибановски — это Барбара Алапич, вдова бана Петра Эрдеди. Причину ее намерения выступить против

¹ Данные на 1453 г. см. V. Klaić. Popis ratne daće i Slavoniji godine 1543. «Vjesnik kr. Hrvatsko-slavonsko-dalmatinskoga zem. arkiva», god. IX. Zagreb, 1907, str. 83, 88, 89.

² Ст., кн. VII, № 2, стр. 167; № 3, стр. 168; № 133, стр. 259; № 153, стр. 279 и др.

³ Там же, № 161, стр. 287.

⁴ Там же, № 165, стр. 302; см. также № 81, стр. 218.

⁵ Там же, № 163, стр. 294.

⁶ Там же, № 133, стр. 259.

⁷ Там же, № 161 (1), стр. 288.

⁸ Там же, № 161 (2), стр. 290

суседградских крестьян скорее всего следует искать в том, что последние оказывали поддержку ее подданным в их борьбе против своей госпожи. После всего сказанного о тесных взаимосвязях суседградских и цесарградских крестьян совершенно очевидно, что таковыми подданными могли быть прежде всего наиболее активные из них — цесарградские крестьяне, населявшие ближайшее к Суседграду имение Барбары Алапич. Принимая данное предположение и учитывая при этом указания Ильи Грегорица о времени ожидаемого нападения Барбары Алапич и ускоков, мы, видимо, вправе заключить, что начало совместных действий суседградских и цесарградских крестьян следует отнести по крайней мере за месяц до того, как вспыхнуло всеобщее восстание.

Роль крестьян Цесарградского имения в возникновении восстания отнюдь не исчерпывается их соучастием в замысле совместного выступления. Из «приказа» Ильи Грегорица, адресованного жителям Бродовца, следует, что в канун самого восстания инициатива выступления перешла в руки цесарградских крестьян. На основании этого «приказа» можно заключить, что их реакция на возвращение в Суседградское имение феодалов, видимо, явилась сигналом ко всеобщему восстанию. Убедительное подтверждение данного заключения содержится в письме Ст. Грегорианца от 3 февраля 1573 г., в котором со всей определенностью отмечается, что восстание началось выступлением цесарградских подданных Барбары Алапич¹.

Итак, несомненно существование двух основных очагов возникновения восстания: суседградского и цесарградского, — факт, в свете которого становится очевидной вся несостоятельность попыток буржуазных историков превратить восстание 1573 г. в случайное явление, вызванное насилиями одного феодала.

Правда, приведенные материалы о роли цесарградских крестьян в возникновении восстания весьма наглядно раскрывают стихийный характер этого процесса. Однако стихийность того или иного явления отнюдь не исключает его закономерного, объективного характера. К тому же стихийность перехода крестьян к массовому выступлению сочеталась с элементами организованности, сознательной его подготовки. Об этом свидетельствует существование до начала восстания «союза» суседградских и цесарградских крестьян и наличие у них замысла совместного выступления. Имеются сведения, что в канун всеобщего выступления повстанцами были посланы специальные эмиссары к крестьянам других имений².

Начало массового восстания датируется в источниках 29 января 1573 г. В этот день поднялись цесарградские подданные Барбары Эрдеди. Расправившись с управляющим имением, овладев замком и захватив в нем значительное число огнестрельного оружия, они тотчас же направили несколько небольших отрядов в соседние имения с тем, чтобы поднять и там крестьян на восстание³. В ночь на 30 января к цесарградцам присоединились суседградские и стубицкие крестьяне.

Для первых дней восстания за отсутствием данных, к сожалению, не удается установить, в какой хронологической последовательности движение распространялось на другие имения. Очевидно лишь, что процесс этот протекал весьма интенсивно. В документах от 1 февраля в числе восставших, наряду с цесарградскими, суседградскими и стубицкими крестьянами, называются уже бизельские (нем. вислеровские), мокрицкие, самоборские и брежецкие (нем. райнские) подданные; создается угроза захвата повстанцами местечка Брежец (нем. Райн)

¹ St., kn. VII, № 5, str. 169.

² Там же, № 81, стр. 215.

³ Там же, № 5, стр. 169; № 7, стр. 171.

⁴ Там же, № 20, стр. 177—178.

Таким образом, на четвертый день после выступления цесарградских крестьян восстанием было охвачено по крайней мере 6 имений общей площадью около 600 кв. км. Движение сразу же вышло за пределы Хорватии и распространилось на словенских крестьян: два из названных имений (Бизельское и Брежецкое) находились в Штирии. С левого берега Савы движение быстро перекинулось на правый — в Мокрицкое имение Ст. Григорианца и в окрестности Самобора. Основные силы повстанцев в это время были сосредоточены близ Суседграда и в районе между Цесарградом и Сабоком¹.

С первых же дней восстание охватило самые широкие слои крестьянства. Насколько позволяют судить весьма случайные и отрывочные данные о повстанцах, содержащиеся в некоторых протоколах допросов, в восстании приняли участие не только неимущие и беднейшие крестьяне², но также сравнительно обеспеченные крестьяне³ и даже, как мы увидим, представители сельской верхушки.

Возглавил восстание стубицкий кмет Матия Губец, которого, по словам Н. Иштванфи, крестьяне «считали храбрейшим и умнейшим из всех, а также самым изоциренным в ненависти и непримиримым»⁴. К сожалению, о биографии Губеца и его роли в подготовке и руководстве восстанием нам известно очень немного. Это объясняется как отсутствием протоколов допросов М. Губеца, которые не сохранились или до сих пор не опубликованы, так и тем, что показания пленных повстанцев о своем вожде были весьма скупы.

Кроме того, что Матия Губец — житель Н.-Стубицы и в прошлом подданный Тахи⁵, других данных о социальном лице Губеца в сохранившихся источниках не имеется, если не считать одну, к тому же довольно неясную, деталь. Как правило, в дошедших до нас документах имя Губеца сопровождается эпитетом «Бег»⁶. Это прозвище, данное М. Губецу, по мнению В. Клаича, крестьянами⁷, на наш взгляд, либо свидетельствует о том, что Губец бежал с территории, занятой турками, либо указывает на его несколько особое положение среди стубицких крестьян. О том, что по своему социальному положению Губец несколько выделялся среди стубицких кметов, мы находим свидетельство у И. Кукулевича. Правда, свидетельство это основано, видимо, на устной традиции о вожде восставших хорватских крестьян. «Рассказывают, что он (Губец. — Ю. Б.) был «span»⁸, т. е. сельский староста.

Весьма важное сведение, раскрывающее активное участие Губеца еще задолго до восстания в борьбе стубицких и суседградских крестьян против Тахи, содержится в опубликованном Ф. Рачким кратком отрывке одного из документов королевского загребского архива. В этом документе зафиксировано, что Матия Губец в 1567 г. явившись в Брдовец, «выступил свидетелем против Тахи в вопросе о Суседграде»⁹. Повидимому, уже в эти годы, Губец, говоря словами Иштванфи, отличался своим непримиримым отношением к знати.

¹ St., kn. VII, № 2, str. 167—168.

² Такие, как беглый подданный Тахи — Микула Купиник и Симон Григорич, о котором в источнике прямо сказано, что «он беден» (там же, № 129, стр. 252; № 139, стр. 263).

³ Таков, например, Якоб Франтич из Ястребарска, владевший помимо пахотной землей виноградником (там же, № 129, стр. 253).

⁴ Там же, № 181, стр. 216.

⁵ Там же, № 159, стр. 265.

⁶ Там же, № 78, стр. 212; № 163 (2), стр. 295 и др.

⁷ V. Klaić. Povjest Hrvata, dio III, sv. I, str. 291.

⁸ I. Kukuljević. Dogadjaji Medvedgrada, str. 66.

⁹ St., kn. VII, str. 295, op. 1.

Хотя в отдельных документах главой восставших именуется Илья Грегориц¹, однако в главенствующей роли Губеца как руководителя в период локального выступления соседградских и стубицких крестьян и особенно во время всеобщего восстания не приходится сомневаться.

Свидетельства источников об этом довольно многочисленны. Отметим наиболее существенные из них. Так, например, сам Грегориц называет Губеца первым в числе «главных подстрекателей восстания»². Буквально теми же словами характеризуется роль Губеца и в протоколах допроса Гушетича³. О выдающемся месте, занимаемом Губецем среди руководителей восставших, свидетельствуют и данные источников, относящиеся к вопросу об избрании крестьянами Губеца своим королем (смотри ниже). Но особенный интерес в связи с рассматриваемым сюжетом представляют показания пленного крестьянина Ивана Сврача, проливающие некоторый свет на деятельность Губеца как вождя восставших крестьян. Из этих показаний следует, что Матия Губец и два других стубицких кмета, Иван Пасанец и Иван Могач, составляли нечто вроде «совета», одна из важнейших функций которого заключалась в осуществлении высшей судебной власти среди восставших. «Когда кто-нибудь провинится, Илья, — отмечал Ив. Сврач, имея в виду Илью Грегорица, — приносил жалобу им троим (Губцу, Пасанцу и Могачу. — Ю. Б.), а они наказывали преступника»⁴. Другая из известных нам функций этого руководящего центра повстанцев состояла в назначении отдельных предводителей восставших крестьян. «Пасанец, Губец и Могач, — говорится в том же документе, — как зачинщики, избрали Илью (Грегорица. — Ю. Б.) и других главарей»⁵.

Являясь главой высшего судебно-административного органа повстанцев в основных очагах восстания, Губец вместе с тем не был в стороне и от военных дел. Есть основания полагать, что он принимал самое активное участие в составлении общего плана военных действий восставших. Известно также, что Губец возглавлял одну из группировок крестьянских отрядов; под его непосредственным руководством проходило наиболее значительное сражение во время восстания.

Командование другим крупным соединением повстанческих отрядов принадлежало Илье Грегоричу. Имеются также свидетельства, что И. Грегориц считался главным военачальником восставших. Так, по словам Ив. Сврача, Грегориц «был самый старший капитан»⁶. Возможно, что фактически общее руководство военными действиями на Илью Грегорица и не было возложено. Однако известные основания для такой характеристики и даже для оценки его как главного руководителя движения у современников имелись. Эти основания станут очевидными, если принять во внимание разобщенность повстанцев: там, где действовали отряды, находившиеся под общим командованием Грегорица, он естественно воспринимался как вождь всего движения.

Протоколы допросов Грегорица сохранили нам основные вехи его биографии. Хорват по национальности, Илья Грегориц родился в 20-х годах XVI в. (к моменту восстания ему было около 50 лет) в имении Рыбник (близ Метлики), принадлежавшем в те годы Ст. Франкопану. В течение 30 лет Грегориц был подданным князей Франкопанов; в 50-х годах, во время одного из очередных турецких набегов (очевидно, в 1553 г.) он попал

¹ St., kn. VII, № 129, str. 250; № 139, str. 263.

² Там же, № 163 (1), стр. 295.

³ Там же, № 163 (2), стр. 300.

⁴ Там же, № 140, стр. 268.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

в плен. По возвращении из плена (обстоятельства этого возвращения не известны) Грегориц поселился в дер. Брдовец близ Суседграда, где «имел дом, двор, виноградники и пахотную землю»¹. Здесь по большей части ему приходилось служить солдатом (*als ein Kriegsmann*) на хорватской границе, сначала под командованием Ленковича, а затем Семенича. Примерно за пять лет до начала восстания, по словам Грегорица, «жена Ференца Тахи послала его вместе с другими на добычу; тогда его снова со всей компанией поймали турки... и отвели в Константинополь». Однажды, уловив удобный момент, Грегориц освободился от оков и снова бежал². За свои побеги из турецкого плена И. Грегориц получил от крестьян прозвище «Прибег», которое не раз фигурирует в протоколах допросов.

Мы уже отмечали, что Тахи присвоил себе имущество И. Грегорица. Неизвестно, когда он совершил этот акт (наиболее вероятно, что во время пребывания Грегорица в турецком плену). Во всяком случае, у И. Грегорица были все основания по возвращении из плена стать активным участником борьбы суседградских крестьян. Как следует из показаний самого Грегорица, еще в начале открытого вооруженного выступления крестьян против Тахи, он был назначен ими «верховным капитаном»³. Значительные военные навыки, большой жизненный опыт, недюжинные личные качества обеспечили И. Грегорицу роль одного из главных руководителей восставших крестьян.

Итак, хотя инициаторами всеобщего выступления были крестьяне цесарградской вотчины, руководство движением оказалось в руках суседградско-стубицких кметов, имевших большой опыт классовой борьбы и принимавших, видимо, особенно деятельное участие в подготовке восстания. Основное ядро руководителей восстания сложилось еще в тот период, когда борьба суседградско-стубицких крестьян носила локальный характер. Скорее всего, что именно в это время возник уже известный нам «совет» из трех стубицких кметов — Губеца, Пасанца и Моганча. Еще до начала всеобщего восстания в Суседградско-Стубицком имении сложилась и своеобразная военная организация во главе с Ильей Грегорицем. В каждом из сел имения было создано по одному—два отрядам (в Стубице — три), возглавлявшимся постоянным начальником — «капитаном». Впоследствии эти отряды составили основной костяк повстанческих войск.

Подавляющее большинство суседградско-стубицких «капитанов» были кметами-колонами; лишь один из них, Михаил Гшетиц, видимо, был крестьянином — «слободняком»⁴. Крестьянами были и руководители других повстанческих отрядов. Только о предводителе отряда вислеровских крестьян, Павле Штерце, в источниках имеется указание, что он был слесарем (*Schlosser*)⁵. Несомненно, в восстании участвовали и другие сельские ремесленники.

Не остались в стороне от восстания также жители многих торгово-ремесленных местечек — центров феодальных вотчин, расположенных на территории, охваченной восстанием. Даже «власти» отдельных из этих местечек проявляли открытое сочувствие к повстанцам. Однако, как мы увидим, за небольшим исключением горожане активного участия в движении хорватских и словенских крестьян не принимали.

¹ St., kn. VII, № 161 (2), str. 290.

² Там же, стр. 289—290.

³ Там же, стр. 290.

⁴ Там же, № 128, стр. 254; № 158, стр. 299. «Слободняками» в Хорватии XVI—XVII вв. именовались крестьяне, обязанные нести военную службу в отрядах хорватских феодалов, но освобожденные за это от большинства исполняемых кметами повинностей (см. *MHISM*, vol. V, str. 133).

⁵ St., kn. VII, № 140, str. 267.

Сохранились известия о том, что во время восстания имелись отдельные случаи выступления на стороне повстанцев представителей низшего духовенства и вотчинной администрации. Более того, удается установить, что к повстанцам примкнула часть загорских мелких племичей, рассчитывавших с помощью крестьян свести давние счёты с местными магнатами¹.

Наконец, в числе повстанцев мы встречаем отдельных представителей ускоков — военных поселенцев, исполнявших пограничную службу. В частности, известно, что ускок Марко Ножина в течение года находился у цесарградских крестьян, помогая им «разрушать и грабить дворы господи баницы и других знатных»². Во время восстания Ножина был послан крестьянами к жумберацким ускокам, размещавшимся в районе Жумберацких гор на границе Крайны и Хорватии. Он должен был убедить их перейти на сторону повстанцев. Однако привлечь к восстанию значительные силы ускоков крестьянам так и не удалось. Причины этого, видимо, следует искать в несколько привилегированном положении ускоков по сравнению с крестьянами. Являясь в подавляющем большинстве переселенцами с занятой турками территории Хорватии, Боснии и Сербии, ускоки в вознаграждение за несение военной службы, помимо денежного и продовольственного содержания, которое, правда, выплачивалось весьма нерегулярно, получали также земельные участки на льготных условиях. В частности, от середины XVI в. сохранились грамоты, свидетельствующие о передаче жумбецким ускокам земель с освобождением от всех налогов на 20 лет³.

Итак, с момента возникновения до окончания восстания 1573 г. в Хорватии, Штирии и Крайне оставалось почти исключительно крестьянским.

Сколь грозную силу представляли восставшие хорватские и словенские крестьяне, явствует из следующего признания бана Драшковича. «Их (повстанцев. — Ю. Б.) следует опасаться гораздо более, чем турок, — подчеркивает он в одном из писем Максимилиану, — ибо крестьяне из этих мест — сильные, воинственные, обученные обращению с оружием, большей частью служившие на границе и отважные; ... они значительно превосходят числом господ своих»⁴.

Восстание началось совершенно неожиданно для хорватских властей и местных феодалов и вызвало в их среде полную растерянность. По словам Драшковича, крестьянский «мятеж» возник «столь внезапно, что все были растеряны и поражены»⁵.

Весьма показательна в этом отношении и предпринятая Драшковичем попытка приостановить движение посредством переговоров с крестьянами. При первых же вестях о восстании, не надеясь на подавление массового выступления крестьян находившимися в его распоряжении наемными войсками и отрядами местных феодалов, он послал к повстанцам своих «людей как церковных, так и светских, ... которые их увещевали сложить оружие»; через своих парламентаров бан обещал крестьянам «быть посредником перед их господами, чтобы те их не отягощали помимо закона и справедливости, и ... ходатайствовать перед императором, чтобы своеволие этих господ в притеснении крестьян впредь не допускалось». Однако, по признанию

¹ St., kn. VII, № 140, str. 268; № 146, str. 273; № 165, str. 302; № 172, str. 309—311; № 173, str. 314.

² Там же, № 139, стр. 264.

³ A. Ivić. Dolazak uskoka u Žumberak. «Vjesnik kr. Hrvatsko-slavonsko-dalmatinskoga zém. arkiva», god. IX. Zagreb, 1907, str. 122—124.

⁴ St., kn. VII, № 1, str. 167.

⁵ Там же, № 112, стр. 237.

самого Драшковича, «ни добрые слова, ни обещания не подействовали»¹. Уже 1 февраля он обращается к императору с просьбой о помощи².

Безуспешной оказалась и попытка Ст. Григорианца вступить через своего кмета Ив. Сврача в переговоры с предводителями суседградских крестьян; в ход были пущены угрозы, но безрезультатно³. Когда же к восставшим присоединились крестьяне его мокрицких владений, Григорианец посылает полное отчаяния письмо начальнику жумберацких ускоков барону И. Турну. В этом письме, с четырьмя пометками «сто», он умолял Турна прислать ему на помощь 5—6 сотен «добрых ускоков»⁴.

О панике, охватившей местных феодалов при первых вестях о восстании, не менее ярко свидетельствуют и другие сохранившиеся письма. Вместе с тем из этих писем явствует, что уже с первых дней восстания начались измышления относительно действий и планов крестьян: им приписывались различные зверства, намерение перейти к туркам и т. п.⁵

Какие же в действительности цели преследовали восставшие хорватские и словенские крестьяне, какова была программа крестьянского восстания 1573 г.?

Этот особенно важный для правильного понимания характера всего движения вопрос является вместе с тем и самым трудным. Для суждения о программе восстания мы не располагаем материалами, вышедшими непосредственно из рук самих повстанцев. Документов, подобных «Двенадцати тезисам», периода Крестьянской войны в Германии, у хорватских и словенских крестьян, видимо, вообще не было; другие же, непосредственно исходящие от участников восстания материалы (подложные «императорские послания», письма к ускокам и т. п.), о существовании которых во время восстания мы можем предположить на основании отдельных косвенных показаний источников, либо не сохранились, либо до сих пор не опубликованы.

Для решения вопроса о программе восстания в нашем распоряжении имеются только отрывочные данные, содержащиеся в протоколах допросов пленных повстанцев и в переписке феодалов — современников восстания. Данные эти довольно противоречивы, что обусловлено как нечеткостью представлений самих повстанцев относительно целей борьбы, так и происхождением дошедших до нас источников. Если показания пленных о задачах восстания, как правило, носят следы того, что они давались далеко не добровольно⁶, то на соответствующих сообщениях современников из лагеря врагов повстанцев обычно лежит печать тех страхов, которые вызвало у них крестьянское восстание; несомненны и тенденциозность, и недостаточная осведомленность авторов таких сообщений. Все это делает особенно необходимым, не ограничиваясь лишь показаниями источников, содержащих высказывания современников о целях восстания, максимально использовать при решении вопроса о его программе и те данные, в которых раскрывается сам характер действий повстанцев.

Впрочем буржуазные историки легко «преодолевают» указанные трудности, ограничиваясь при характеристике программы восстания эклектичным соединением в двух-трех фразах отдельных сообщений современников относительно целей повстанцев⁷. Отказ хорватских буржуазных историков

¹ St., kn. VII, № 112, str. 237.

² Там же, № 1, стр. 167.

³ Там же, № 128, стр. 254—255.

⁴ Там же, № 5, стр. 169.

⁵ Там же, № 1, стр. 167; № 18, стр. 176; № 47, стр. 191—192 и сл.

⁶ Об этом особенно наглядно свидетельствуют протоколы допросов Григорича St., kn. VII, № 161, стр. 287—292; № 163, стр. 293—297, № 165, стр. 301—305.

⁷ T. S mičičklas. Povjest Hrvatska. Zagreb, 1879, dio drugi, str. 66; V. Klaić. Povjest Hrvata, sv. III, dio I, str. 294; I. Hartinger. Op. cit., str. 135—136.

от какого бы то ни было анализа программы восстания был на деле не чем иным, как средством замолчать революционный характер борьбы крестьянских масс в 1573 г. Вместе с тем, как уже отмечалось, подавляющее большинство хорватских историков конца XIX—начала XX в. стремилось «доказать», что требования, выдвинутые повстанцами в 1573 г., полностью осуществлены в 1848 г.¹

В числе приемов хорватских буржуазных историков, с помощью которых они пытались выхолостить революционную сущность восстания 1573 г., немаловажная роль принадлежала неизменному подчеркиванию среди программных требований повстанцев лозунга восстановления «старых прав»: этот лозунг, как правило, или выдвигается ими на передний план, или даже вообще приводится как единственный². Такая акцентация внешне консервативного требования восстановления «старых прав» без раскрытия его антифеодалного характера неизбежно вела к принижению революционного содержания программы восстания в целом.

Движения крестьян под лозунгом защиты «старых прав» в XVI в. хорошо известны многим европейским странам; в частности, требование восстановления «старых прав» было основным лозунгом во время восстаний словенских и немецких крестьян «Виндской марки» (Каринтии, Крайны и Штирии) в 1503, 1513 и 1515—1516 гг.³ Движения эти стоят в прямой связи с так называемой сеньориальной реакцией, т. е. усилением феодального нажима на крестьян. В этих условиях лозунг восстановления «старых прав» отражал стремление крестьян избавиться от новых повинностей и платежей, появление которых они, естественно, рассматривали как посягательство на свои «права». Антифеодалная направленность движений в защиту «старых прав» не вызывает сомнений. Консервативный по форме лозунг этот объективно означал призыв к борьбе против существующей нормы феодальной эксплуатации и, следовательно, звал не к восстановлению старины, а к установлению порядков, которые уже не могли быть прежними, хотя бы в силу того, что при наличии товарно-денежных отношений всякое ослабление феодальной эксплуатации неизбежно открывало перед крестьянами новые возможности для их превращения в мелких товаропроизводителей. К тому же далеко не всегда выступления крестьян во имя «старых прав» носили ограниченный характер борьбы с «нововведениями». В отдельных случаях, как это, например, было во время крестьянского восстания 1595—1597 гг. в Австрии, лозунг этот приобретал характер призыва к отмене всех феодальных повинностей, к полному упразднению феодальных отношений⁴. Не исключено, что и часть хорватских крестьян в 1573 г. вкладывала в лозунг восстановления «старых прав» требования, далеко выходящие за рамки борьбы против новшеств. Впрочем, имеющиеся в нашем распоряжении источники хотя и свидетельствуют о наличии у повстанцев весьма радикальных представлений о целях восстания, все же не дают основания заключить, что эти представления носили форму защиты «старых прав». Одно из донесений барона Турна краинским властям (единственный источник, из которого мы узнаем, что среди требований крестьян во время

¹ F. Šišić. Hrvatska povjest, dio II. Zagreb, 1908, str. 46; J. Hartinger. Op. cit., str. 136.

² Так, И. Хартингер, указав лишь в одном случае основные лозунги повстанцев, во всех других — характеризует их движение, как борьбу за «старые права». J. Hartinger. Op. cit., str. 142.

³ См. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 38.

⁴ Н. Н. Самохина. Феодальная реакция в Австрии во второй половине XVI в. и крестьянское восстание 1595—1597 гг. «Средние века». М., 1954, вып. V, стр. 105—106.

восстания 1573 г. фигурировал этот лозунг) свидетельствует как раз об ином. «Мятежные крестьяне девятнадцати замков (на территории между Савой и Купой. — Ю. Б.) обратились ко мне с просьбой, — говорится в этом документе, — чтобы я никому не оказывал помощи против них, так как они поднялись не против своих господ, а только затем, чтобы их оставили при старых правах (sondern das man sy nur bei Iren alten gerechtigkeit verbleiben liss)»¹. Таким образом, хорватские крестьяне считали, что их борьба за «старые права» направлена лишь на улучшение существующих порядков. Обращение крестьян к Турну с просьбой не выступать против них только подчеркивает как наивность представлений повстанцев о характере их собственной борьбы, так и наличие у них иллюзий по отношению к феодалам.

Данное сообщение имеет в виду только часть повстанцев, действовавших на славонском правобережье Савы. Во всех других документах, в той или иной степени раскрывающих представления участников восстания относительно целей борьбы, мы ни разу не встретим даже намека на лозунг защиты «старых прав». Совершенно очевидно, что при современном состоянии источников нет никаких оснований считать, подобно буржуазным историкам, будто этот лозунг был типичен для программных требований хорватских и словенских крестьян во время восстания 1573 г. Сам факт появления такого лозунга только лишний раз указывает на прямую зависимость возникновения восстания от усиления феодального нажима. Интерпретация повстанцами в 1573 г. лозунга защиты «старых прав» свидетельствует о существовании у части крестьян в отдаленных от основных очагов восстания районах сравнительно умеренных требований, в частности, представления, что их борьба направлена на улучшение существующих порядков, но не на ликвидацию феодального строя и феодалов.

Однако в целом движение хорватских и словенских крестьян 1573 г. далеко вышло за рамки такого рода умеренных требований. Своим основным острием оно было направлено не на устранение одних «новшеств», а на ликвидацию всей системы феодальной эксплуатации и в первую очередь всех видов феодальных поборов.

Представление повстанцев об уничтожении феодальных поборов, как о главной задаче восстания, нашло свое отражение даже в протоколах допросов. Так, в показаниях пленного крестьянина Ив. Сврача, раскрывающих различные стороны программы повстанцев, упразднение платежей и налогов фигурирует на первом месте². В показаниях другого крестьянина, Матии Бистрича, к этому вообще сведена цель восстания³. Не случайно о намерении повстанцев уничтожить феодальные поборы не раз говорится и в анкетах-вопросниках к протоколам допросов⁴. Что хорватские и словенские крестьяне считали основной целью своей борьбы ликвидацию феодального гнета, свидетельствует и заявление Павла Штерца гайрахскому аббату, в котором Штерц указал, что они выступили, чтобы добиться отмены различных поборов⁵. Характерно также, что в ходе самого восстания, неоднократно проявлялась ненависть повстанцев к представителям фискального аппарата. В перечне подлежащих уничтожению феодальных поборов, наряду с различного рода платежами (Zinssen, Steuer, Leibsteuer), неизменно фигурирует церковная десятина (Däcz), что не оставляет сомнений относительно намерения повстанцев ликвидировать феодальную эксплуатацию

¹ St., kn. VII, № 61, str. 202.

² Там же, № 146, стр. 247.

³ Там же, № 140, стр. 266.

⁴ Там же, № 159, стр. 288; № 163 (2), стр. 298.

⁵ Там же, № 36, стр. 185.

как со стороны светских, так и церковно-монастырских господ. Если к этому добавить данные о планах повстанцев отменить таможенные и торговые сборы (Harmizen, Meut, Aufschlag)¹, то станет совершенно очевидным, что центральным пунктом программы восстания 1573 г. являлось полное упразднение феодального гнета.

Радикальный характер программы повстанцев нашел свое яркое выражение в провозглашении ими принципа «братства» как нормы общественных отношений во время восстания. Источники неоднократно отмечают, что крестьяне именовали свой повстанческий союз «братством». Подходя «к замку, городу или торговому местечку (Markt), — писал один из очевидцев, — (повстанцы) предлагали ему капитулировать и объявляли, что каждый должен стать их братом и к ним присоединиться»². В сообщении другого современника восстания указывается случай вступления в «братство» повстанцев радечского бюргера Хрибара и судьи Копривича³.

Социальная подоплека возникновения и распространения у хорватских и словенских повстанцев идеи «братства» очевидна. Этот обычный для средневековых народных движений призыв к «братству» был не чем иным, как стихийным протестом широких крестьянских масс «против вопиющих социальных неравенств, против контраста между богатыми и бедными, между господами и крепостными...»⁴. Превращение принципа «братства» в норму общественных отношений выражало полное отрицание существующих феодальных порядков с их сословными привилегиями одной части общества и неравноправием — другой. Само собой разумеется, что это отрицание сословного деления общества, подобно требованию раннехристианского равенства средневековых ересей, на практике «могло, самое большее, вылиться в буржуазное «равенство перед законом»»⁵.

Тем, кто отказывался присоединиться к их «братству», повстанцы угрожали уничтожением. Одним из условий этого присоединения являлось или личное вступление главы семьи в один из отрядов, или направление им взамен себя «хорошего солдата». «...И от каждого дома должен был быть выставлен или хозяин, или хороший крепкий солдат», — сообщается в одном документе⁶. Известно также, что радечский судья Копривич, вступив в повстанческое «братство», послал за себя «одного местного жителя»⁷. В свой союз повстанцы предлагали вступать не только крестьянам и горожанам, но и обитателям замков, что, конечно, не исключало возможности расправы с отдельными наиболее ненавистными представителями господствующего класса. О том, что вступление феодалов в повстанческий «союз» могло иметь место в действительности, позволяет заключить уже известный нам факт участия в восстании мелких племичей Загорья. Однако феодалы и управляющие их вотчинами не подлежали уничтожению, очевидно, не только при условии непосредственного участия в движении, но и в случае полного отказа от сопротивления действиям повстанцев. Например, повстанцы писали из Севницы радечскому управляющему, что не причи-

¹ См. St., kn. VII, № 19, str. 176; № 36, str. 185; № 129, str. 257; № 140, str. 266; № 161, str. 288, 291; № 163, str. 297. О значении терминов «Harmizen» и «Meut» см. R. Radić. Op. cit., str. 295; J. Hartinger. Op. cit., str. 53; M. Kos. Srednjeveški urbarji za Slovenijo. Zv. tretji. Ljubljana, 1954, str. 392. Слово «Aufschlag» в документах по истории восстания 1573 г., опубликованных Ф. Рачким, обычно приравнивается термину «Meut».

² St., kn. VII, № 18, str. 176; а также № 7, str. 171; № 132, str. 258.

³ Там же, № 129, стр. 257.

⁴ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1952, стр. 100.

⁵ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 38.

⁶ St., kn. VII, № 18, str. 176.

⁷ Там же, № 129, стр. 257.

нят ему «никакого зла», если он не окажет им «сопротивления и не пустит в дело военные силы»¹.

Свидетельствуя о стремлении повстанцев навсегда покончить с существующими феодальными порядками, этот метод «устранения» господ при наличии у крестьян известной нерешительности и доверчивости на практике приводил к тому, что на территории, охваченной восстанием, значительной части феодалов удалось сохранить свою жизнь и свое имущество. Как правило, для выражения своего «расположения» к повстанцам владельцы замков выставляли им различного рода угощения, и крестьянские отряды, подчас довольствуясь этим, продвигались дальше. Так, в своих показаниях Илья Грегориц приводит 8 случаев, когда феодалам таким способом удалось «откупиться» от повстанцев². Имеются об этом и свидетельства самих владельцев замков³. В результате, в тылу повстанцев оставались враждебные им силы, что не могло не сказаться на исходе восстания.

Вместе с тем повстанцы ставили перед собой и задачу вооруженной победы над феодалами. В частности, в одном из позднейших донесений крайним властям барон Иосиф Турн, ссылаясь на показания пленных, писал, что крестьяне «поклонились уничтожить господ (die Herren) и всех знатных (und was nur Adl sein)»⁴. Это сообщение Турна, конечно, можно было бы поставить под сомнение, если бы у нас не было аналогичных свидетельств самих крестьян. Особенно ценно в этом отношении уже известное нам показание Ив. Сврача, в котором подчеркивается, что повстанцы намеревались «сразиться с господами, которые будут против них», и «одолеют господ»⁵. Следовательно, часть феодалов, по мнению Сврача, не должна была оказывать повстанцам сопротивление. Основное же в этом показании Сврача, конечно, — свидетельство о том, что важнейшим методом уничтожения феодальных порядков повстанцы считали вооруженную борьбу и победу над господами. Но, как мы увидим, на путь решительного применения этого метода повстанцы встали лишь в конце восстания.

Из протоколов допросов следует, что значительная часть крестьян была склонна расценивать свои действия как борьбу во имя «императорской справедливости». Так, Матко Турчич из Ястребарска, подданный Барбары Алапич, показал: «от других крестьян отряда, в котором он был, он узнал, что они хотели установить императорскую справедливость. Поэтому и начался этот бунт»⁶. Примерно то же самое сообщил Илья Грегориц в своем ответе на специально поставленный следователями вопрос об отношении повстанцев к императору в случае победы. «Если бы им удалось одержать верх, — сказано в протоколе его допроса, — то они хотели тотчас же покориться» императору⁷. Дословно такой же ответ на идентичный вопрос дал М. Гушетич, добавив лишь при этом, что они не хотели «впредь служить никому другому»⁸. Весьма возможно, что характер некоторых из этих показаний вызван стремлением уклониться от полного раскрытия тех целей, которые ставили перед собой повстанцы. Но так или иначе из приведенных показаний следует, что значительная часть крестьян связывала свою борьбу с установлением «императорской справедливости». В этом нас еще раз

¹ Ст., кн. VII, № 129, стр. 255.

² Там же, № 163, стр. 296.

³ Там же, № 18, стр. 176; № 36, стр. 185.

⁴ Там же, № 47, стр. 192.

⁵ Там же, № 146, стр. 274.

⁶ Там же, № 129 (2), стр. 253.

⁷ Там же, № 161 (2), стр. 291.

⁸ Там же, № 163 (2), стр. 300.

убеждает указание источников о распространении повстанцами среди крестьян подложного «императорского послания»¹.

Лозунг установления «императорской справедливости» мог выражать любые как самые умеренные, так и наиболее радикальные антифеодальные настроения крестьян. «Императорской справедливости» добивались суседградские и стубицкие кметы во время своей борьбы против Тахи. Иное содержание вкладывали крестьяне в этот лозунг в ходе восстания: он теперь уже предполагал, как это видно из протоколов допросов, не только неповиновение феодалам и местным властям, но и победу над ними. Таким образом, свидетельствуя об иллюзии широких крестьянских масс относительно императорской власти, данный лозунг в период восстания мог прикрывать весьма радикальные представления о характере их собственной борьбы.

Не исключено, что отрицание всех властей, кроме императора, отражало также стихийное стремление хорватских и словенских крестьян к ликвидации феодальной раздробленности. Однако в ходе восстания отчетливо наметился совершенно иной путь решения повстанцами этой проблемы, о чем свидетельствуют сохранившиеся сведения относительно попытки избрания крестьянами своего короля. Сведения эти весьма противоречивы, что и создало благоприятную почву для возникновения в историографии восстания различных точек зрения по данному вопросу. Все представители феодальной историографии, не щадя красок для изображения «зверств» и «преступлений» восставших крестьян, в один голос обвиняют их в избрании Губца своим королем, что в представлении феодалов было одним из тяжчайших преступлений. Обвинение это, видимо, отчасти было обусловлено также стремлением несколько оправдать ту жесточайшую казнь, которой усмирители восстания подвергли Матию Губеца и которую они связывали с избранием крестьянами Губеца королем. Так, уже современник восстания Н. Иштванфи в своей хронике писал: «при стечении многих тысяч преступного сброда они (восставшие. — Ю. Б.) избрали себе вождем некоего Матвея Губеца... и безрассудно наделили его королевским титулом»². Об избрании Губеца «мужицким королем» говорится и в работах авторов XVII в. барона И. Вальвасора и загребского каноника Ю. Раткая³.

Совершенно по-иному трактуется этот вопрос хорватскими буржуазными историками конца XIX—начала XX в.: Р. Хорватом, Ф. Шишичем, И. Хартингером и др.⁴ Стремясь доказать, что крестьяне всегда были верны австрийскому императорскому дому, они категорически отрицали не только сам факт избрания Губеца королем крестьян, но и даже возможность возникновения у восставших такой мысли. Наименование Губеца «крестьянским королем», пишет, например, Ф. Шишич, — клевета, сказка и вымысел феодалов»⁵. И. Хартингер, ссылаясь на показания Грегорица и Гущетича⁶, утверждал, что «на протяжении всего крестьянского движения у крестьян не было и мысли о нелояльном отношении к императору»⁷.

На факт избрания восставшими Губеца «своим королем», как уже гово-

¹ St., kn. VII, № 25, str. 181.

² Там же, № 81 (1), стр. 216.

³ J. Valvasor. Ehre des Herzogstums Krain. Bd. IV, s. 485; J. Ratkay. Memoria regnum et bannorum regnorum Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae. Viennae, 1652, str. 148.

⁴ См. R. Horvat. Seljačka buna godine 1573. Sarajevo, 1897, str. 50; F. Šišić. Hrvatska povjest, dio II. Zagreb, 1908, str. 49; J. Hartinger. Op. cit., str. 164.

⁵ F. Šišić. Hrvatska povjest, dio II. Zagreb, 1908, str. 49.

⁶ Показания эти приведены нами ниже (см. стр. 188).

⁷ J. Hartinger. Op. cit., str. 165.

рилось, указывает Иштванфи. Однако достоверность показаний данного источника вызывает серьезные сомнения. Они начинают возникать, как только мы обратим внимание на то, что Иштванфи располагал сведениями о восстании лишь из вторых рук. Принимая при этом во внимание отмеченную выше тенденциозность хрониста в вопросе об избрании Губеца крестьянским королем, нетрудно усомниться в том, соответствует ли его интерпретация данного вопроса действительности. Кроме хроники Иштванфи, ни один из источников, касающихся вопроса об избрании повстанцами Губеца «своим королем», не говорит об этом, как о совершившемся факте. И все же нет никаких оснований для отрицания самой возможности возникновения у восставших мысли об избрании «своего короля». Хотя действительно предводители повстанцев, Илья Грегорич и Михаил Гушетич, на допросе дали отрицательный ответ на вопрос об избрании М. Губеца королем, однако это еще не дает права говорить о лояльном отношении повстанцев к габсбургскому дому на протяжении всего восстания. Это отрицание и вместе с тем акцентирование Грегоричем и Гушетичем намерения повстанцев подчиниться императору, как уже отмечалось, могли быть вызваны стремлением уклониться от полного раскрытия действительной программы восстания. Весьма возможно, что Грегоричу, находившемуся во время восстания в районах, отдаленных от мест пребывания Губеца, на самом деле не было известно о планах повстанцев избрать Губеца «своим королем». Но Гушетич об этом, несомненно, знал. В его показаниях имеется следующее весьма существенное замечание: «он действительно слышал, что его (Губеца. — Ю. Б.) собирались произвести в короли»¹.

Таким образом, категорически отрицая сам факт избрания, отводя от себя возможные подозрения в соучастии с теми, у кого была такая мысль (он всего лишь слышал об этом), Гушетич вместе с тем признает, что у крестьян было намерение провозгласить Губеца «своим королем».

Об этом же свидетельствуют и донесения хорватского бана Георгия Драшковича, о которых, кстати сказать, в данном случае И. Хартингер и другие хорватские буржуазные историки вообще умалчивают. Между тем донесения эти являются хронологически первыми документами, затрагивающими рассматриваемый вопрос. Так, уже 11 февраля 1573 г., сообщая императору о разгроме крестьян под Стубицей, Драшкович писал: «Одного из них, Губеца Бега, которого называли королем, мы для назидания остальным коронуем раскаленной железной короной»². Что подразумевал Драшкович, говоря, что Губеца называли королем, раскрывает аналогичное его донесение эрцгерцогу Карлу от того же 11 февраля. «Среди других главарей, — писал он в этом донесении, — был пленен Губец, именуемый Бегом и предназначаемый в короли (*in regem nominatus fuerat*)»³.

Наконец, в этой связи нельзя вновь не сослаться на показания Сврача, который отмечал, что после победы над господами повстанцы «хотели установить в Загребе королевскую власть»⁴. Следовательно, по мнению Сврача, предварительным условием избрания повстанцами «короля» являлся разгром феодалов. Весьма возможно, именно потому, что это не было достигнуто, повстанцы и не осуществили свою идею провозглашения Губеца королем.

Итак, если у нас нет оснований считать избрание повстанцами Матии Губеца «своим королем» совершившимся фактом, то само их намерение произвести этот акт не подлежит сомнению. Конечно, такое намерение было совер-

¹ St., kn. VII, № 163, str. 300.

² Там же, № 77, стр. 112.

³ Там же, № 78, стр. 113.

⁴ Там же, № 146, стр. 274.

шенно несовместимо с лояльным отношением к Габсбургам. Иными словами, в ходе восстания значительная часть крестьян утрачивает прежние иллюзорные представления относительно императорской власти и приходит к выводу о необходимости избрания своего крестьянского короля, т. е. в конечном счете к идее создания самостоятельного крестьянского государства.

Важнейшей функцией этого государства повстанцы считали защиту страны от турок. Установив королевскую власть, сказано в протоколах допроса Сврача, крестьяне собирались «сами охранять границы, так как господа не заботятся о границах»¹. Более того, судя по словам Сврача, с этой целью повстанцы намеревались сами собирать чинши (Zinss) и платежи (Steuer)². Следовательно, участники восстания не только были далеки от намерения перейти к туркам, как это утверждали многие современники из лагеря феодалов, но выдвигали свою собственную программу борьбы против турецкого вторжения, неразрывно связанную с ликвидацией феодальных порядков и передачей власти народу, организующему действительную защиту границ. В этой революционной программе борьбы против турецкой агрессии со всей силой проявился горячий патриотизм хорватских и словенских крестьян. Вместе с тем значение, которое придавалось повстанцами защите от турок, лишней раз свидетельствует о глубоком принципиальном отличии плана создания «крестьянского царства» от лозунга «подчинения императору», который был сопряжен с предоставлением решения вопроса об обороне страны, как, впрочем, и всех других проблем, воле Габсбургов.

Однако при всем различии плана создания «крестьянского царства» и лозунга «подчинения императору» нетрудно заметить одну общую характерную им черту — оба они, хотя и в разных формах, отражали «царистскую» психологию крестьян. Как известно, эта психология не раз отчетливо выступала в средневековых крестьянских движениях, в частности в крестьянских войнах в России XVII—XVIII вв., во время которых народные массы выступали против помещиков, но за «хорошего царя»³. С другой стороны, в противоположность подавляющему большинству крестьянских движений в Западной Европе, где «классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток»⁴, восстание 1573 г. в Хорватии, Штирии и Крайне, видимо, почти полностью было лишено конфессиональной оболочки. Лишь два показания сохранившихся источников намекают на то, что движение хорватских и словенских крестьян 1573 г. не был совершенно чужд «религиозный отпечаток». Одно из них — заявление Штерца гайрахскому аббату, в котором он указывал, что «священники вместо слова божьего проповедают с кафедр о десятинах и других платежах»⁵. Это заявление — явное свидетельство о наличии у части повстанцев убеждения, что духовенство извращает «слово божье». Другое показание принадлежит штирийскому феодалу и содержит сообщение о том, что «мятежники именуют свою войну крестовым походом (Khraiz-khrieg); и из платья знатных... делают кресты и пришивают их к своей одежде»⁶. И. Хартингер считает это сообщение целиком вымышленным⁷. Действительно, нет никаких оснований полагать, что представление о восстании, как о крестовом походе против знати, было характерно для всех повстанцев. Однако отнюдь не исключено, что такое представление

¹ St., kn. VII, № 146, str. 274.

² Там же.

³ И. В. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. М., 1938, стр. 9.

⁴ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 33.

⁵ St., kn. VII, № 36, str. 185—186.

⁶ Там же, № 70, стр. 209.

⁷ J. Hartinger. Op. cit., str. 136—137.

могло иметь место в отдельных районах восстания, в чем, весьма возможно, сказалось влияние движения куруцев 1514 г. Вместе с тем оба только что приведенных показания не колеблют общего заключения, что во время восстания 1573 г. религиозное обоснование программных требований не играло существенной роли.

В своей совокупности рассмотренные материалы показывают, что восстание 1573 г. в Хорватии, Штирии и Крайне носило ярко выраженный антифеодальный характер и было в конечном счете направлено на ликвидацию феодальных порядков. В ходе восстания у его участников возникла глубоко патриотическая идея создания своего самостоятельного государства. Однако как на этой идее, так и на всех других представлениях повстанцев о конечных целях движения лежала печать ограниченности их мировоззрения. Экономические и политические условия самой жизни крестьян неизбежно приводили к тому, что они, «стремясь к новым формам общежития, относились очень бессознательно, патриархально, по-юрродивому, к тому, каково должно быть это общежитие...»¹ Особенно отчетливо крестьянский образ мышления отразил выдвинутый повстанцами принцип «братства», как нормы общежития. В своей же программе создания нового государства повстанцы не смогли порвать с традиционной для феодализма формой политического строя. Сказалась на характере представлений участников восстания о его целях и «разобщенность крестьян», которая во время всех крестьянских движений «чрезвычайно затрудняла возможность общего соглашения»².

Однако то обстоятельство, что антифеодальная борьба хорватских и словенских повстанцев в 1578 г. проходила под самыми разнообразными лозунгами, нет оснований связывать с имущественной дифференциацией крестьян. Не только в феодальном, но даже и в капиталистическом обществе «против крепостничества, против крепостников-помещиков и служащего им государства крестьянство продолжает еще оставаться *классом*...»³ Вряд ли сколько-нибудь заметную роль сыграло в появлении у повстанцев различных представлений о конечных целях их борьбы, участие в движении горожан и мелких феодалов в силу того, что оно было весьма незначительным. Насколько позволяют судить источники, отсутствие единых представлений о целях борьбы у хорватских и словенских повстанцев связано отчасти с эволюцией программных требований в ходе восстания, а главное, с локальными особенностями развития классовой борьбы в отдельных охваченных восстанием районах Хорватии, Штирии и Крайны. Так, требование восстановления «старых прав», очевидно, было главным лозунгом лишь некоторых крестьян на периферии восстания. Наиболее радикальные задачи движения были сформулированы в первую очередь крестьянами основных очагов восстания. В этом нас еще раз убеждает составленный в первые дни восстания, если не ранее, суседградско-стубицкими и цесарградскими крестьянами, по инициативе Грегорица, план дислокации и передвижения основных сил повстанцев⁴, свидетельствующий о далеко идущих замыслах его составителей. Согласно этому плану, часть крестьянских отрядов во главе с Губецом, Пасанцем и Могачем должна была остаться в районе Н.-Стубицы для прикрытия тыла восставших от возможных нападений местных феодалов или турок⁵. Почему для этих целей был избран

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 184.

² Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 31.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 97.

⁴ О существовании такого плана мы узнаем из показаний брата Ильи Грегорица — Симона. St., kn. VII, № 139, str. 263—264.

⁵ Там же, № 139, стр. 263; № 140, стр. 266.

именно район Н.-Стубицы, нетрудно догадаться. Суседградско-Стубицкое имение, расположенное в долине Дольно-Загорье, с востока защищено горным хребтом (Загреб-гора), что исключало возможность вооруженного нападения с этой стороны; с севера же, где находилась Н.-Стубица, долина не имела никаких естественных преград (если не считать мелководной Крапины) для продвижения войск.

Видимо, с целью блокирования прохода в долину Дольно-Загорье с юго-востока между Загреб-горой и Савой несколько отрядов повстанцев было оставлено также в районе Суседграда¹.

Основные силы суседградских, стубицких и цесарградских крестьян должны были, в соответствии с планом, выступить под общим командованием Ильи Грегориича в юго-западном направлении. Предполагалось, что одна группа отрядов Грегориича первоначально займет Брежец (Райн), расположенный на стыке хорватской, штирийской и краинской границ, пополнится за счет местных крестьян и затем разделится на две части. Одна из них, переправившись около Брежеца через Саву, направится в район Самобора и Ястребарска. Другая же часть продвинется к Кришко (Гуркфельд) и, заняв его, далее отправится на Новое Место (Рудольфеверт, Неуштетль) с тем, чтобы по пути присоединить к себе жумберацких ускоков². Было решено также, что из Нового Места объединенные силы крестьян и ускоков выступят на соединение с повстанцами, действующими в районе Самобора и Ястребарска.

Сам же Илья Грегориич с одним из отрядов должен был отправиться вдоль левого берега Савы по штирийской территории на запад и занять Севницу (Лихтенвальд), Радеч (Ратшах); у Радеча, повернув на север, продвигаться вдоль Савины к Лашке (Тюффер) и далее — к Целью; затем возвратиться через Рогатец в район Цесарграда—Н.-Стубицы³, проделав таким образом путь общей протяженностью около 180 км.

Этот поход Ильи Грегориича, видимо, был рассчитан, во-первых, на расширение восстания на значительную часть штирийской территории и пополнение за счет местных крестьян его отряда; во-вторых, на захват ряда спорных пунктов и блокирование основных путей, связывающих Хорватию с Краиной, Штирией и Австрией, откуда можно было ожидать наступление противника. Тем самым этот поход в сочетании с действиями отрядов по направлению Кришко—Новое Место должен был создать необходимые условия для дальнейшего успешного развития движения как на самой хорватской территории, так и в соседних землях. Есть основание думать, что только после концентрации крестьянских войск в районах Цесарград—Н.-Стубица и Самобор—Ясеница предводители повстанцев предполагали начать осаду Загреба⁴. Имеется прямое свидетельство о намерении крестьян занять Люблян и «пройти вплоть до берегов (Адриатического. — Ю. Б.) моря»⁵. Одним словом, план военных действий повстанцев предполагал установление их власти во всей Хорватии и на значительной части Штирии и Краины. Видимо, не без основания многие современники отмечали, что восставшие крестьяне намеревались занять Хорватию, Штирию,

¹ St., kn. VII, № 2, str. 167.

² Там же, № 146, стр. 274. Возможно, что в избрании крестьянами в качестве союзников именно жумберацких ускоков известную роль сыграло то обстоятельство, что И. Грегориич значительную часть своей жизни провел в имении Рыбник, расположенном неподалеку от Жумберацких гор.

³ St., kn. VII, № 138, str. 263.

⁴ Там же, № 146, стр. 274.

⁵ Там же, № 139, стр. 264.

Крайну и даже Карст¹, т. е. почти все населенные славянами земли в южной части Габсбургской империи.

Свидетельствуя о далеко идущих намерениях повстанцев, об их попытке преодолеть повседневную разобщенность крестьян, о значительных познаниях в области военного дела, план военных действий вместе с тем не был лишен отдельных недостатков. В частности, Грегориц явно недооценивал значение для успешного развития восстания немедленного взятия Загреба, что не только значительно затруднило бы хорватским феодалам мобилизацию сил для борьбы с повстанцами, но и открыло бы возможность установления революционного союза крестьян с жителями хорватской столицы, имевшей наиболее многочисленное городское население в стране.

На первых порах продвижение главных сил повстанцев в основном соответствовало предварительно намеченному плану. Так, по словам И. Вальвасора, когда крестьян собралось до 20 тыс., они, имея при себе более 30 пушек, разделились на три части: «Первая была направлена через Саву в Хорватию; другая — в Нижнюю Штирию на Райн; а третья — в Крайну на Гуркфельд»².

Точно определить время выступления крестьянских отрядов из районов Цесарграда—Н.-Стубицы не удается. Можно лишь полагать, что это произошло не позднее 2 февраля. В этот день один из отрядов, находящийся под общим командованием Грегорица, захватив на Саве принадлежащие Ст. Грегорианцу паромы, разбил свой лагерь в с. Добово (в 3—4 км от Брежца) при впадении Сутлы в Саву³. В ночь на 3 февраля отряд этот без особого труда овладел местечком Брежец⁴. Когда же крестьяне попытались занять Брежецкий замок, управляющий замком открыл по ним огонь из «большой пушки», и они были вынуждены отступить⁵. Решив не задерживаться под Брежецким замком, часть повстанцев на следующее утро в соответствии с планом переправилась на правобережье Савы⁶, где к этому времени подданные Барбары Эрдеди захватили господский двор под Самобором, а крестьяне Ст. Грегорианца овладели его имением под Окичем⁷. Другая часть крестьян во главе с подданным Тахи Николаем Купиником⁸, оставив Брежец, выступила к Кршко (Гуркфельду) и 3 февраля расположилась около Видема на левом берегу Савы напротив Кршко⁹. Здесь к этому времени уже находилась группа повстанцев под непосредственным командованием Ильи Грегорица, прошедшая по маршруту Цесарград—Пишец—Видем¹⁰. По пути к ней присоединились два отряда бизельских и пишецких крестьян. Бизельский отряд возглавлял сначала Христоф Пустак, а затем — крестьянин из Бизельского имения Филипп Вичерич; во главе отряда пишецких крестьян стоял райхенбургский подданный Петр — жупан из Вайсмансдорфа¹¹. Происшедшие вслед за тем события под Кршко представляют для исследователя истории восстания особый интерес. Сохранившиеся о них источники открывают перед историком одну из немногих возможностей несколько приподнять завесу, прикрывающую характер взаимоотно-

¹ St., kn. VII, № 81, стр. 218.

² Там же.

³ Там же, № 5, стр. 169.

⁴ Там же, № 19, стр. 172.

⁵ Там же, № 7, стр. 170—171.

⁶ Там же, № 29, стр. 182.

⁷ Там же, № 7, стр. 171.

⁸ Там же, № 129, стр. 250, 252.

⁹ Там же, стр. 252.

¹⁰ Там же, № 11, стр. 172; № 129, стр. 252; № 133, стр. 259.

¹¹ Там же, № 133, стр. 259.

шений восставших крестьян и горожан. Это тем более ценно, что Кршко — весьма типичный для Крайны, Штирии и Хорватии того времени феодально зависимый город. Расположенный на правом берегу Савы и населенный несколькими сотнями человек, он представлял собой небольшое торгово-ремесленное местечко и административный центр одной из крупных феодальных вотчин в Верхней Крайне¹.

Прибыв в Видем, Илья Грегориц немедленно начал переговоры с жителями Кршко. Имеются данные, что с этой целью два кршских горожанина Юрий и Освальд, сапожники по профессии, дважды или трижды переправлялись на левый берег Савы. Горожане обещали продать повстанцам вино, хлеб, порох и все необходимое, а также предоставить средства для переправы через Саву².

В конце того же дня Илья Грегориц послал из Видема Марка Ножину с письмом к жумберацким ускокам, в котором предлагал им присоединиться к крестьянам³.

Получив от горожан средства для переправы, повстанцы утром 4 февраля форсировали Саву и заняли замок и местечко Кршко⁴, жители которого, по всей вероятности, не оказали крестьянам никакого сопротивления. Как следует из писем барона Турна, повстанцам содействовали каштелян и судья Кршко. Впоследствии, после подавления восстания, Турн дважды вызывал к себе кршского судью, но тот к нему не явился⁵. Заняв город, повстанцы, по свидетельству костаневицкого аббата, напали на местных сборщиков таможенных пошлин (Aufschlageren), «отнимая у них все, разбивая (в их домах. — Ю. Б.) окна, разрушая стены и печи»⁶.

У нас нет возможности проверить, насколько нарисованная костаневицким аббатом картина расправы повстанцев со сборщиками пошлин соответствует действительности. Однако несомненно, что при взятии Кршко ярко проявилось общее резко враждебное отношение крестьян к представителям фискального аппарата. По признанию самого Ильи Грегорица, ему пришлось останавливать крестьян, намеревавшихся разрушить здание кршской таможи (Aufschlaghaus)⁷.

Характер отношения повстанцев к сборщикам таможенных пошлин составляет в свою очередь думать, что хотя крестьянам оказывали содействие даже кршский каштелян и городской судья, однако не все горожане питали к ним дружеские чувства. Впрочем, если не считать вполне возможных столкновений с местными фискальными чиновниками, других конфликтов между крестьянами и жителями Кршко, видимо, почти не было. И когда на допросах у крестьян неоднократно выспытывали, не был ли кто-либо из кршских горожан ими ограблен, повстанцы неизменно давали отрицательные ответы. Постановка этого вопроса лишь в самой общей форме, кстати сказать, свидетельствует о том, что и сами следователи никакими данными об этом не располагали. Настроение крестьян во время пребывания в Кршко прекрасно раскрывает заявление на допросе одного повстанца, что они «разгуливали (по городу. — Ю. Б.) как в церковный праздник»⁸.

¹ «Народна енциклопедија српско-хрватско-словеначка», кн. II, стр. 480.

² St., кн. VII, № 140, стр. 266—267; здесь же имеются данные, что крестьяне приобредли у кршских горожан «на три дуката пороха».

³ Там же, № 139, стр. 265; № 140, стр. 266—267.

⁴ Там же, № 19, стр. 176.

⁵ Там же, № 25, стр. 181; № 91, стр. 223.

⁶ Там же, № 19, стр. 176.

⁷ Там же, № 161, стр. 291.

⁸ Там же, № 140, стр. 266.

Взятие Кршко было крупным успехом повстанцев: оно открывало перед ними возможность дальнейшего продвижения вглубь Краины и распространения восстания на ее территории, а также перспективу соединения с жумберацкими ускоками.

Вечером 4 или рано утром 5 февраля Илья Грегориц, возвратившись из Кршко в Видем, выступил с несколькими отрядами по направлению к Севнице¹; остальная часть крестьянского войска, численностью около 2 тыс. человек, осталась в Кршко с тем, чтобы отсюда отправиться по ранее намеченному маршруту через Констаньевицу к Новому Месту на соединение с ускоками².

Само собой разумеется, что развитие движения не сводилось лишь к действиям отрядов, находившихся первоначально под общим командованием Ильи Грегорица. Одновременно с их продвижением стихийно возникают новые самостоятельные очаги борьбы, появляются отдельные крестьянские отряды, действующие, как правило, совершенно независимо; активную борьбу с феодалами ведут и повстанцы, оставшиеся в основных районах восстания.

Так, еще в первые дни восстания крестьяне в районе к северо-западу от Суседградско-Стубицкого имения осадили в крепости Лобор хорватского подбана Симона Кеглевича³. Весьма возможно, что в этом им оказали содействие отряды, находившиеся в распоряжении Губеца. В то же время в другое имение Кеглевичей — Шабац вторглись загорские племиши вместе со своими кметами. Возглавили их конюший и казначей владельцев Крапинского имения братьев Секель; подойдя к сильно укрепленному замку Шабац, повстанцы штурмом овладели замком и «до основания его разорили»⁴.

Параллельно с основными силами повстанцев успешно действовал крупный отряд словенских крестьян Куншперкского имения. Во главе его стояли слесарь Павел Штерц и кмет Филипп Кукетич. По свидетельству очевидца, куншперкские крестьяне явились в местечко Подсреда (Херберг) и предложили горожанам «вступить в их братство и повстанческий союз». Пополнившись за счет жителей Подсреды, отряд Штерца и Кукетича отправился на Козье (Трахенбург), Пильнштейн и Планину (Монпрайс)⁵. Уже 3 февраля эрцгерцог Карл в своем приказе обер-лейтенанту Ауэршпергу отмечал, имея, очевидно, в виду куншперкский отряд, что 2 тыс. повстанцев напали на Пильнштейн и овладели им⁶.

На основании письма некоего Ганса Гельдриха из Севницы можно заключить, что еще до прихода отряда Штерца в Планину здесь поднялись местные крестьяне, осадившие 1 февраля близлежащий Гайрахский монастырь. Из этого же письма следует, что 3 февраля крестьянами был занят Райхенбург⁷.

Наконец, из донесения И. Турна, датированного 4 февраля, мы узнаем, что к этому времени восстали крестьяне в районе Радеча (Ратшаха), сконцентрировавшиеся на левом берегу Савы напротив города. В том же донесении отмечается, что «большая толпа» крестьян расположилась в окрестностях Ястребарска⁸.

¹ St., kn. VII, № 25, str. 180; № 163, str. 296.

² Там же, № 19, стр. 177.

³ Там же, № 77, стр. 212.

⁴ Там же, № 172, стр. 309—311; № 173, стр. 314.

⁵ Там же, № 132, стр. 258.

⁶ Там же, № 13, стр. 173.

⁷ Там же, № 18, стр. 176.

⁸ Там же, № 16, стр. 175.

Таким образом, к 4 февраля восстанием была охвачена территория приблизительно в 3 тыс. кв. км; в руках повстанцев находились города — центры крупных феодальных вотчин: Кршко, Брежец, Видем, Райхенбург, Пильнштейн, а также несколько десятков замков и господских дворов.

Успехи повстанцев, быстрое распространение движения по территории Штирии и Крайны вызвали серьезную тревогу у здешних «сословий и чинов», непрерывно получавших многочисленные послания с просьбой о помощи от феодалов из районов восстания.

Принимаются меры для локализации крестьянского движения. Так, в уже известном нам приказе эрцгерцога Карла от 3 февраля предписывалось краинским властям предотвратить возможность переписки и всех иных способов установления контакта местных крестьян с повстанцами¹.

Одновременно началась срочная мобилизация военных сил и денежных средств, необходимых как для уплаты жалования наемным солдатам, так и для приобретения боеприпасов. Первым инициативу в этом отношении проявил капитан жумберацких ускоков барон Йосиф Турн. Получив от Ст. Грегорианца 3 февраля сообщение о выступлении крестьян, он немедленно обратился в Любляну с просьбой прислать ему в подкрепление 200 стрелков, а также 1500 гульденов для выплаты ускокам и стрелкам, ибо иначе «благодаря их крайней бедности в этом году они отказываются куда-либо выступить». «Если своевременно это не будет принято во внимание, — замечает Турн здесь же, — вы подвергнетесь страшной опасности и неизбежному ущербу»².

В ночь с 3 на 4 февраля Турн вновь пишет краинским властям, что ему требуется «2 тыс. ускоков и других солдат и все необходимое для их обеспечения»³. Из этого же письма следует, что Турну уже было известно о намерении крестьян привлечь на свою сторону ускоков. В донесениях краинским сословиям, датированных 4 февраля, Турн прямо высказывал опасение, что ускоки могут присоединиться к восставшим крестьянам. При этом он отмечал, что в его распоряжении, помимо ускоков, имеется всего лишь несколько «знатных людей», и опять просил, чтобы срочно прислали денег и в подкрепление — немецких солдат⁴.

В тот же день эрцгерцог Карл, видимо, еще недостаточно ясно представляя действительные масштабы крестьянского движения, отдал распоряжение обер-лейтенанту хорватских пограничных войск Герберту Ауэршпергу взять из люблянского арсенала 12 пушек и вместе с необходимыми для них боеприпасами тотчас в сопровождении 40 солдат направить в район Брежеца⁵.

Гораздо более трезво оценил создавшуюся ситуацию командующий краинскими войсками генерал И. Эрк, объявивший 4 февраля всеобщую мобилизацию в Крайне; одновременно мобилизация «против бунтовщиков» была объявлена и в Штирии⁶. Вместе с тем штирийские «сословия» запросили у Максимилиана разрешение приступить к подавлению восстания. Явно не рассчитывая на свои собственные силы, штирийцы 5 февраля обращаются уже с просьбой о «дружеской и соседской помощи» к краинским и каринтским властям.

¹ St., kn. VII, № 13, str. 173.

² Там же, № 6, стр. 170.

³ Там же, № 11, стр. 172.

⁴ Там же, № 16, стр. 175; № 17, стр. 175—176; первое из этих писем сопровождается семью пометками «cito» и предписанием доставлять «днем и ночью».

⁵ Там же, № 14, стр. 173—174.

⁶ Там же, № 15, стр. 174; № 21, стр. 178.

Между тем Турн посылает уже пятый по счету запрос краинским властям относительно подкрепления и денег, подчеркивая в нем, что из «хорватской знати» никто не может оказать ему поддержку, поскольку «сами нуждаются в помощи ускоков»¹.

Не дождавшись ни денежных средств, ни подкреплений, ни каких-либо указаний из Любляны, И. Турн 5 февраля в 11 час. утра выступил с отрядом в 500 «ускоков, ополченцев и подданных» из Костаньевицы, куда он прибыл еще накануне из Нового Места, по направлению к Кршко (Гуркфельду)². Цель, которую при этом преследовал Турн, очевидна: нападением на повстанцев, находившихся в районе Кршко, он рассчитывал ликвидировать угрозу продвижения крестьянских войск вглубь Краины. Известную роль в том, что Турн, по собственной инициативе, выступил против повстанцев, надо думать, сыграло и следующее обстоятельство: в 40—50 км от Кршко на штирийской территории (в Планине) находилось его собственное имение³, перспектива восстания в котором не могла не вызывать серьезных опасений у Турна.

Невдалеке от Кршко отряд Турна встретился с 2-тысячной колонной повстанцев. Заметив приближение этого отряда, крестьяне тотчас же повернули назад к Кршко, видимо, надеясь найти защиту за стенами города.

Турн, разделив свой отряд на две части, начал штурм города, направив с одного фланга пехоту, а с другого — кавалерию⁴.

В своей реляции о победе под Кршко Турн изображает дальнейший ход сражения таким образом, что создается впечатление, будто при первой же атаке его войск все повстанцы обратились в паническое бегство. Большинство крестьян, видимо, в действительности очень быстро поддалось панике, но есть сведения и о том, что часть повстанцев значительное время вела весьма упорную борьбу с ускоками Турна. Так, например, удается установить, что энергичный отпор противнику оказала группа повстанцев (в 16 человек), засевшая в городской башне (при взятии этой башни погиб один из командиров Турна — дворянин Даниэль Лассер). Известно также, что несколько повстанцев, забаррикадировавшись в четырех домах, героически оборонялось, пока эти дома не были подожжены ускоками⁵.

Основные причины поражения крестьянских отрядов под Кршко ясны. Несмотря на значительный численный перевес, первое крупное сражение с противником повстанцами было проиграно прежде всего потому, что их плохо вооруженным и слабо дисциплинированным отрядам противостояло отлично экипированное регулярное войско. Известную роль, видимо, сыграла также внезапность появления отрядов Турна. В результате отсутствия необходимой дисциплины и военной выучки отступление повстанцев к городским стенам неизбежно должно было создать среди них пораженческие настроения, что в значительной степени предопределило исход борьбы в самом городе.

¹ St., kn. VII, № 24, str. 179—180.

² Донесение Турна, из которого мы узнаем об этом, датировано «5 февраля в 3 ч. ночи» (St., kn. VII, № 25, str. 180), поэтому на первый взгляд может показаться, что описываемые здесь события относятся к 4 февраля. Однако сопоставление с другими документами (St., kn. VII, № 24, str. 179—180) показывает, что в действительности это донесение было составлено в ночь с 5 на 6 февраля и речь в нем идет о событиях, имевших место 5 февраля. Это же подтверждают и документы, датированные 6 февраля. Из них следует, что ни эрцгерцогу Карлу, ни Экку в этот день еще не было известно о сражении у Кршко (St., kn. VII, № 29, str. 182—183; № 30, str. 183—184).

³ St., kn. VII, № 62, str. 203—204.

⁴ Там же, № 25, стр. 180.

⁵ Там же, № 25, стр. 180; № 52, стр. 195.

Во время сражения, по свидетельству Турна, погибло около 300 крестьян, «многие же во время бегства утонули в Саве». Ворвавшись в город, ускоки «так зверствовали», что, по лицемерному признанию Турна, он и «сам не мог наблюдать это без сожаления»¹.

Еще более яркая характеристика зверств ускоков в Кршко дана другим современником восстания, отметившим, что ускоки «не могли воздержаться от того, чтобы не убивать повстанцев, разграбить весь город... и убивать многих мужчин, женщин и детей, которые им попадались»². Это описание интересно не только как лишнее свидетельство того, что Турн, надеясь завоевать расположение ускоков, отдал им город «на поток и разграбление». Содержащиеся в нем сведения о репрессиях ускоков по отношению к горожанам заставляют предположить, что во время сражения под Кршко горожане не остались нейтральными.

Сражением под Кршко завершается тот этап в развитии восстания, на протяжении которого крестьянам не приходилось сталкиваться со сколько-нибудь значительными военными силами противника. Подобно тому, как это было во время большинства средневековых крестьянских движений, хорватские и словенские повстанцы легко справлялись со своими местными господами, но сравнительно быстро потерпели поражение от организованных войск³.

Впрочем, военно-стратегическое значение победы Турна под Кршко было не велико. Она сама по себе могла лишь временно приостановить продвижение основных сил повстанцев в Крайну. Ограниченный характер своей победы прекрасно сознавал Турн. В известном нам донесении о сражении 5 февраля он писал, что «если я выведу солдат (из Керестинца. — Ю. Б.), то мятежные крестьяне смогут его легко взять. Когда они овладеют им, тогда Гуркфельд (Кршко. — Ю. Б.) и Св. Бартоломей⁴ будут опять их»⁵. Это опасение барона Иосифа Турна было небезосновательным. Уже 7 февраля его брат Вольфганг сообщал краинским властям, что «бунтовщики» опять собираются под Кршко⁶.

Конечно, победа Турна не могла не оказать морального воздействия на повстанцев и в первую очередь на участников сражения под Кршко; но даже они, судя по сообщению Вольфганга Турна, сравнительно быстро оправдись от первого поражения. Еще меньший резонанс это поражение имело в других районах восстаний. К тому же вести о событиях под Кршко пришли в другие районы лишь спустя некоторое время.

Почти не изменилась после сражения у Кршко стратегическая обстановка на территории между Савой и Купой. Весьма показательна в этом отношении данная самим Иосифом Турном оценка положения; сложившегося здесь к исходу 5 февраля. Ссылаясь на только что полученные известия, он в ночь с 5 на 6 февраля писал краинским властям, что у Ястребарска и Окича собралось около 4—5 тыс. крестьян, намеревающихся соединиться с ускоками и совершить нападение на Метлику. Высказав при этом надежду, что «с ускоками этого не случится», Турн тут же подчеркнул, что он весьма опасается, «как бы с Метлингом (Метликой. — Ю. Б.) не произошло того же, что и с Гуркфельдом»⁷.

¹ St., kn. VII, № 25, str. 180.

² Там же, № 52, стр. 195.

³ Ср. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 60.

⁴ Монастырь св. Бартоломея, расположенный между Кршко (Гуркфельдом) и Керестинцем.

⁵ St., kn. VII, № 25, str. 181.

⁶ Там же, № 46, стр. 191.

⁷ Там же, № 25, стр. 181.

Вследствие того, что Турн не рискнул переправиться на левый берег Савы, в еще меньшей степени сказалась его победа под Кршко на стратегическом положении повстанцев, действовавших в Штирии. Крестьянские отряды попрежнему продолжали продвижение вглубь Штирии, им не угрожала опасность удара противника с тыла; и если продвигались они менее интенсивно и успешно, чем в предшествующие дни, то это происходило не в результате воздействия событий под Кршко, а по совсем иным причинам. Лишь на действия отряда Грегорица эти события оказали некоторое, но отнюдь не решающее влияние.

5 февраля его отряд численностью в 600 человек, миновав Райхенбург, уже ранее занятый крестьянами, подошел к Севнице¹. Неизвестно, пришлось ли Грегорицу брать Севницу или она была взята местными крестьянами еще до его прихода (удается лишь установить, что город находился в руках повстанцев)². Во время пребывания отряда Грегорица в Севнице была получена весть о поражении под Кршко. Судя по показаниям брата Ильи Грегорица — Симона, Илье понадобился весь его авторитет, чтобы сдержать панику, охватившую отряд при этой вести³. Видимо, чем дальше уходили от мест своего жительства, тем более неуверенно чувствовали себя крестьяне его отряда. Не оправдались надежды на пополнение отряда за счет местных крестьян (после ухода из Севницы отряд Грегорица попрежнему насчитывал 500—600 человек). Все это, а также опасение нападения с тыла ускоков Турна заставило Илью Грегорица изменить ранее намеченный план продвижения на Радеч—Целе и, несколько сократив маршрут своего отряда, отправиться с ним через Глейс на Планину (Монпрайс). Здесь он, видимо, рассчитывал соединиться с действующими в этом районе крестьянами под руководством Павла Штерца. Вечером 5 февраля отряд Ильи Грегорица, выступив из Севницы по направлению к Планине, разбил на ночь лагерь в имении Глейс⁴.

В изображении В. Клаича, И. Хартингера и других хорватских буржуазных историков это изменение Грегорицем маршрута своего отряда выглядит как его полный отказ от прежних планов⁵. Однако в сохранившихся источниках имеются данные, позволяющие установить, что до того, как Илья Грегориц покинул Севницу, он принял некоторые меры, направленные на реализацию первоначального замысла овладения Радечем (Ратшахом). Как следует из письма управителя Радеча Ганса Гведица краинским властям, 5 февраля повстанцы из Севницы предупредили его, что они собираются прийти в Радеч и не причинят ему никакого зла, если он не будет «сопротивляться и не применит военные силы»⁶. 6 февраля в Радеч, говорится в том же документе, явился «один бюргер, по имени Андрей Хрибар, который заключил с ними (повстанцами. — Ю. Б.) союз в Гуркфельде, и принес... петушиное перо, как знак верности»⁷. Правда, И. Хартингер в своей монографии сообщает об этих фактах, однако он не связывает их с деятельностью И. Грегорица⁸. Между тем трудно допустить, чтобы повстанцы обратились из Севницы к управителю Радеча без ведома и даже санкции на то находившегося в это время в Севнице Ильи Грегорица; еще

¹ St., kn. VII, № 62, str. 203.

² Там же, № 129, стр. 256.

³ Там же.

⁴ Там же, № 139, стр. 265.

⁵ V. Klaić. Povjest Hrvata, sv. III, dio I, str. 297; J. Hartinger. Op. cit., str. 155—156.

⁶ St., kn. VII, № 129, str. 255.

⁷ Там же, № 129, стр. 257.

⁸ J. Hartinger. Op. cit., str. 157—158.

менее вероятно, чтобы он не знал о миссии Андрея Хрибара, который, несомненно, прибыл из Кршко (Гуркфельда) в Севницу вместе с его отрядом. Наконец, в письме Гведица мы находим и прямое свидетельство, что даже после ухода из Севницы Илья Грегориц не отказался от мысли активизировать борьбу крестьян в окрестностях Радеча. Гведиц указывает, что утром 6 февраля Грегориц отправил из Глейса небольшую группу повстанцев на запад, из которых «около 15 дошли до Локи»¹.

Весьма интересны и собошенные Гведицем сведения о событиях, происходивших в эти дни в самом Радече и его окрестностях. Эти сведения позволяют составить некоторое представление о том, как реагировали крестьяне наиболее отдаленных от основных очагов движения районов на вести о восстании и о приближении повстанцев. Вместе с тем письмо Гведица раскрывает и действия местной администрации в условиях реальной угрозы нападения повстанцев. Не располагая в замке силами, способными оказать серьезное сопротивление (в его распоряжении находилось всего 5—10 человек), Гведиц, получив уже известное нам предупреждение от повстанцев из Севницы, решил заручиться поддержкой крайних крестьян Радечского имения². Когда он их с этой целью созвал и, сообщив им о восстании, «напомнил об их долге», то выяснилось, что «все желают, чтобы бунтовщики как можно скорее пришли»³. Лишь после долгих уговоров, в результате различного рода обещаний Гведицу удалось убедить часть крестьян отправиться в замок. Однако, когда крестьяне проходили через радечское подградье, их встретил здесь один из местных жителей и «повернул назад». Безуспешными оказались все дальнейшие попытки Гведица возвратит крестьян. Ему удалось лишь отнять ружье у их «жупана», который, видимо, не оказал особого сопротивления⁴. Весь этот эпизод, сообщаемый Гведицем в свое оправдание и потому, надо думать, изображенный им далеко не точно, как нельзя лучше свидетельствует о колебаниях крестьян, их нерешительности, склонности к компромиссам, доверчивости. В то же время рассказ Гведица о его взаимоотношениях с местными крестьянами наглядно демонстрирует, что достаточно было незначительного толчка, чтобы они проявили открытое неповиновение представителю господской администрации и свою солидарность с повстанцами; наконец, из этого рассказа следует, что отдельные жители городов — центров крупных феодальных вотчин, не только глубоко сочувствовали повстанцам, но и оказывали на местных крестьян революционизирующее воздействие.

Значительно активнее, чем крайние подданные Радечской вотчины, действовали штирийские крестьяне той же вотчины, которые, как мы видели, еще 4 февраля сконцентрировали свои силы на левом берегу Савы напротив Радеча. По словам Гведица, подданные в Локе (Лааке) и Рачице (Малом Ратшахе)⁵ ему «совсем не повиновались» и передали через их «жупана» и приказчика (Ambtman), что его «господство и деяния не будут долго продолжаться»⁶. Еще более решительно повели себя штирийские крестьяне 6 февраля, что, насколько можно судить по письму Гведица, находилось в какой-то связи с действиями повстанцев, возглавляемых И. Грегорицем (скорее всего это было связано с приходом той группы повстанцев, которую

¹ St., kn. VII, № 129, str. 256.

² Радечское имение находилось в «заставе» у барона фон Ламберга.

³ St., kn. VII, № 129, str. 255.

⁴ Там же, № 129, стр. 255—256.

⁵ Рачица (Малый Ратшах), так же как и Лока (Лаака), была расположена в Штирии на левом берегу Савы.

⁶ St., kn. VII, № 129, str. 256.

он направил к Радечу из Глейса). В этот день к Гведицу явилась депутация штирийских крестьян и предложила ему капитулировать, указав на то, что даже «такие хорошо укрепленные города, как Лихтенвальд, Райхенбург, Гуркфельд и другие замки, им уже сдались»¹.

Однако штирийским подданным Радечского имения, видимо, так и не удалось овладеть Радечем, управляющий которого предусмотрительно сосредоточил все средства переправы у правого берега Савы. Лишь у Шарфенберга, где местный перевозчик предоставил крестьянам 5 паромов, они переправились через Саву. Здесь, так же как и в Кршко, крестьяне прежде всего опустошили местную таможенную (Aufschlaghaus)². Известно также об активном выступлении локских крестьян. В Локе, как пишет Гведиц, местные подданные «причинили ущерба больше, чем бунтовщики»³. К сожалению, о том, что происходило в Радечском имении и его окрестностях в последующие дни, в письме Гведица не сообщается. Но и то, что нам удается узнать из этого письма, позволяет заключить, что восстанием была охвачена большая часть левобережья Савы от Локи до Севницы; на грани активного выступления находились краинские крестьяне Радечского имения, повстанцам сочувствовали и даже содействовали бюргеры Радеча.

Одновременно с борьбой крестьян в окрестностях Радеча и продвижением отряда Ильи Грегориша от Кршко на Севницу и Глейс в штирийских горах, в районе Планины, продолжали успешно действовать повстанцы под руководством Павла Штерца. Вечером 5 февраля отряды Штерца подошли к Планине, а на следующий день утром овладели городом. Один отряд, численностью в 600 человек, остался в Планине, другой, насчитывавший 120 повстанцев, направился в Гайрахский монастырь. Сюда же вместе с повстанцами приехал и сам Штерц. Из письма гайрахского аббата Кристофа Бруннера⁴ мы узнаем некоторые подробности пребывания этого отряда в монастыре. Так, при первых же вестях о приближении отряда Бруннер послал двух монастырских подданных выведать у повстанцев об их намерениях. Возвратившись в монастырь, они сообщили, что повстанцы обещают не причинять никакого вреда ни монастырским подданным, ни господскому хозяйству (Meierhofu). Это обещание крестьян отряда Штерца было ими сдержано. Явившись в Гайрахский монастырь, они всего-навсего потребовали, чтобы им была выдана пища. Их «капитан» подтвердил аббату, что ему «ничего беспокоиться», а на его вопрос относительно целей повстанцев сделал уже известное нам заявление, что они собираются ликвидировать всякого рода платежи и повинности. Подводя итог пребыванию этого отряда в монастыре, Бруннер отметил лишь, что пришлось «их угощать и выслушивать их угрозы»⁵.

Вряд ли есть основания подозревать аббата Гайрахского монастыря в сочувствии к повстанцам. Следовательно, его письмо — одно из наглядных свидетельств применения повстанцами тактики «устранения», а не ликвидации господ; лишь с отдельными, наиболее ненавистными феодалами крестьяне были готовы расправиться решительно.

Сказывалась на отрядах Штерца, основной контингент которых составляли куншперкские крестьяне, и отдаленность от местожительства. Умень-

¹ St., kn. № 129, str. 256.

² Там же, № 129, стр. 257.

³ Там же, стр. 256. Под «бунтовщиками» Гведиц подразумевает повстанцев из отряда, направленного И. Грегоришем в Локу.

⁴ Там же, № 36, стр. 185—186. К сожалению, в публикации Ф. Рачкого значительная часть этого письма, как и многих других документов, дана в пересказе.

⁵ Там же.

шилась численность отрядов. Если в Пильнштейне они насчитывали около 2 тыс. человек, то к моменту прибытия в Планину в них было не более 1 тыс.¹ Чувство неуверенности, появившееся у повстанцев, создало благоприятную почву для всякого рода провокаций. Это и предредило дальнейшую судьбу отрядов Штерца. Пока сам Штерц находился в Гайрахском монастыре, в Планине был пущен провокационный слух, что в окрестностях Козье (Трахенберг) появились турки и направляются в Планину. Этого оказалось достаточно, чтобы расположившихся в городе повстанцев охватила паника и они «обратились в бегство»; из всего отряда в Планине не поддалось провокации лишь 60 человек².

Когда Штерц, узнав об этом, прибыл в Планину, то здесь, видимо, не обошлось без предательства: как только он появился в местечке, на него напали «горожане и его собственные люди» и отвели в замок³.

Через несколько часов после ухода Штерца из Гайрахского монастыря сюда прибыл отряд Ильи Грегориича. Узнав здесь о событиях в Планине, он немедленно отправился с отрядом в город. Прибыв в Планину, Грегориич предпринял несколько попыток добиться освобождения Штерца, что свидетельствует о том, как глубоко у повстанцев было развито чувство солидарности. Однако, не располагая достаточными силами, чтобы взять штурмом замок, Илья Грегориич был вынужден на следующий день выступить со своим, в значительной степени деморализованным, отрядом на Пильнштейн. Перед тем, как оставить Планину, Грегориич поручил местным крестьянам передать Зибенайцеру, что если Штерц не будет освобожден, то повстанцы по возвращении сожгут город и господский двор⁴.

Движение на Пильнштейн означало на сей раз полный отказ Грегориича от первоначальных планов; он явно отступал к району основных очагов восстания.

В целом же в ходе событий, связанных с продвижением отрядов Грегориича и Штерца в Штирии, отчетливо проявилась неспособность крестьян преодолеть узко местные интересы, неуверенность и нерешительность их действий на «чужой», неизвестной территории.

О ходе борьбы крестьян в эти дни в Славонии к северу от основных очагов восстания известно очень немного. Объясняется это тем, что подавляющее большинство сохранившихся источников по истории восстания принадлежит кранским и штирийским архивам и поэтому освещает преимущественно ход восстания в Крайне и Штирии. Это особенно досадно, поскольку есть основания считать, что именно на славонской территории борьба крестьян носила наиболее ярко выраженный антифеодальный характер. Насколько можно судить по скудным и подчас косвенным данным источников, к северу от Нижне-Стубицы и Цесарграда движение развивалось с прежней силой. Крестьянские отряды попрежнему блокировали хорватского подбана Симона Кеглевича в замке Лобор⁵. Имеются сведения о взятии повстанцами Лепоглавы⁶. Более того, из одного документа следует, что колонна крестьян находилась на расстоянии «3 венгерских миль» от Вараждина⁷. Из другого документа выясняется, что подданные графа Серина в его имениях между Муром и Дравой поддерживали связи с повстанцами

¹ St., kn. VII, № 62, str. 203.

² Там же, № 35, стр. 185; № 62, стр. 203.

³ Там же, № 62, стр. 203.

⁴ Там же, стр. 204.

⁵ Там же, № 77, стр. 211.

⁶ Там же, № 79, стр. 214.

⁷ Там же, № 67, стр. 206.

и были готовы к «бунту», так же как и многие крестьяне за Дравой, вблизи и вдали от Вараждина¹.

Одним словом, несмотря на отдельные неудачи повстанцев, положение в Хорватии, Штирии и Крайне продолжало оставаться для господствующих классов этих земель весьма угрожающим.

В этом убеждает нас и продолжавшаяся в эти дни лихорадочная мобилизация военных ресурсов краинскими и штирийскими властями. Отдаются распоряжения о сроках и местах сбора дворянского ополчения², направляются в села специальные провиантмейстеры для обеспечения этих ополчений провиантом и фуражом³, посылаются многочисленные донесения о положении в районах восстания и различного рода приказы. 6 февраля краинские власти обращаются с просьбой о помощи к графству Герц⁴. В тот же день была объявлена всеобщая мобилизация дворян в Каринтии⁵. Нисколько не уменьшилась интенсивность этих мероприятий после получения известий о победе, одержанной Турном над крестьянами у Кршко⁶. Утром 7 февраля из Любляны на подкрепление Турну направляется 100 немецких солдат в сопровождении оружейной прислуги и 20 пушек⁷. Одновременно люблянские власти принимают дополнительные меры по изоляции местного населения от влияния восстания: на состоявшейся 7 февраля люблянской еженедельной ярмарке было объявлено запрещение под угрозой смертной казни выезжать с торговыми и иными делами в Нижнюю Крайну, Славонию и Хорватию⁸.

Штирийские власти не останавливаются даже перед тем, чтобы снять часть войск с границы, несмотря на всю напряженность сложившейся здесь обстановки. Как следует из донесения от 7 февраля командующего виндскими пограничными войсками Витта фон Галлека, по приказу эрцгерцога Карла им были посланы в район восстания два отряда харамиев: один — численностью в 50 человек — в Брежец (Райн), другой — из 60 харамиев — в Загреб⁹.

Продолжают также энергичную подготовку к вооруженному выступлению против повстанцев хорватский бан и «сословия». Успеху этой подготовки в немалой степени способствовало то обстоятельство, что крестьяне не решились не только двинуться в пограничные районы Хорватии, но и даже сразу же предпринять попытку овладеть Загребом, а также медлительность их действий на территории между Савой и Купой. Еще 6 февраля хорватский подбан Гаспар Алапич выступил против повстанцев, действовавших на этой территории¹⁰. При этом первым объектом нападения он избрал район Турополья, где находилось одно из его имений. Здесь, на Туропольской равнине, близ Керестинца крестьянам было нанесено второе поражение. Подробности битвы у Керестинца не сохранились. Весьма немного известно и о соотношении сил противников во время сражения. По поводу войск Алапича в источниках сказано лишь, что под его командованием находились «подвластные ему люди» (очевидно, бандерильные сол-

¹ St., kn. VII, № 56, стр. 198.

² Там же, № 28, стр. 182; № 34, стр. 184; № 38 (2, 3), стр. 187.

³ Там же, № 37, стр. 187; № 38 (4), стр. 187.

⁴ Там же, № 34, стр. 184.

⁵ Там же, № 31, стр. 183.

⁶ Краинские власти получили это известие в ночь с 6 на 7 февраля. St., kn. VII, № 43, стр. 190.

⁷ St., kn. VII, № 29, стр. 183.

⁸ R. Radić. Op. cit., стр. 305.

⁹ St., kn. VII, № 39, стр. 187.

¹⁰ Там же, № 39, стр. 188.

даты войск, подчиненных хорватскому бану и его заместителю), отряд, выставленный его сестрой Барбарой Эрдеди, а также пополнение туропольских племичей¹. Кроме того, есть косвенные данные, позволяющие составить некоторое представление о численности отрядов Алапича. Выясняется, что через день в его распоряжении было около 5 тыс. всадников и пехоты².

Вопрос о том, сколь значительные силы повстанцев противостояли солдатам Алапича, был уже в свое время поставлен И. Хартингером, по мнению которого дать хотя бы самый приблизительный ответ на этот вопрос невозможно³. В доказательство Хартингер приводит два, на его взгляд, взаимоисключающих свидетельства: одно — уже известное нам сообщение Турна, что в районе Окича и Ястребарска восстало около 4—5 тыс. крестьян, другое — показание пленного крестьянина Марко Турчица о том, что отряд повстанцев у Ястребарска насчитывал не более 500 человек⁴. Однако данные, приводимые И. Хартингером, несопоставимы, поскольку в первом случае имеется в виду общее число повстанцев (возможно преувеличенное) на территории между Савой и Купой, а во втором — число людей в одном из отрядов, действовавших на этой территории. Но главное — в двух других документах, правда, принадлежащих одному лицу, имеется прямое свидетельство о том, что в Туропольском сражении был разбит 2-тысячный отряд крестьян⁵. Такая же цифра фигурирует и в письме Турна краинским властям, в котором он сообщает полученные от Ст. Грегорианца в канун этого сражения сведения относительно численности повстанцев в окрестностях замка Мокрицы⁶. Конечно, не исключено, что эти цифры, как и большинство подобных сведений наших источников, несколько преувеличены. Не подлежит сомнению, что Алапич нанес в Турополье поражение если не основным силам повстанцев на правобережье Савы, то одному из крупнейших отрядов местных крестьян. Помимо приведенных цифровых данных, в этом нас убеждают как дальнейшие действия самого Алапича (переброска его отряда в другой район восстания), так и та оценка значения Туропольского сражения, которая была дана хорватским баном Драшковичем в специальном донесении эрцгерцогу Карлу. Отметив в этом донесении, что во время сражения погибло много крестьян, немалое число было ранено, часть взята в плен, бан заключает: «таким образом, чума на этом участке, повидимому, устранена»⁷.

Для такого суждения у Драшковича были тем большие основания, что в тот же день вечером Алапич разбил в окрестностях Мокриц еще один отряд повстанцев, численностью около 400—500 человек⁸. В битве под Мокрицами с особой силой проявилась классовая ненависть хорватских феодалов к восставшим крестьянам. По сути дела, это была дикая расправа с почти безоружными людьми. Активное участие в этих зверствах приняли усюки Турна, прибывшие сюда два часа спустя после сражения. С повстанцами, по словам Турна, поступали «по турецкому способу: поджигали крестьянские дома, предварительно ограбив их; у пленных повстанцев отрезали носы и уши в назидание другим»⁹.

¹ St., kn. VII, № 55, str. 197.

² Там же, № 55, стр. 197.

³ J. Hartinger. Op. cit., str. 154.

⁴ Там же, стр. 154.

⁵ St., kn. VII, № 56, str. 198; № 68, str. 206.

⁶ Там же, № 61, стр. 202.

⁷ Там же, № 55, стр. 197.

⁸ Там же, № 56, стр. 198; № 61, стр. 202; № 68, стр. 206.

⁹ St., kn. VII, № 55, str. 197.

8 февраля повстанцев постигла новая неудача. Вблизи монастыря св. Пегра под Куншперком цельский окружной капитан Шратенберг и местные штирийские феодалы неожиданно напали на отряд Грегорица, направившийся в район основных очагов восстания. Превосходящим силам феодалов удалось рассеять отряд Грегорица; часть повстанцев осталась на поле боя или попала в плен, но подавляющее большинство их, в том числе Грегориц и Гушетич, спаслось бегством¹.

Несмотря на поражения, понесенные крестьянами, беспокойство не покидает хорватских, штирийских и краинских феодалов. Это нашло свое отражение даже в победной реляции бана Драшковича эрцгерцогу Карлу о Туропольской битве². Весьма характерно в этом отношении и письмо от 8 февраля цельского каштеляна Хельфенберга штирийским властям. Сообщая о поражении крестьян под Кршко и неудаче, постигшей отряд Штерца в Планине, Хельфенберг умоляет их немедленно прислать в Целе для подкрепления 100—200 гвардейцев, так как, по его сведениям, повстанцы намереваются напасть на город³. Но особенно ярко свидетельствуют о панических настроениях штирийских и краинских феодалов их новые просьбы, чтобы власти Каринтии, Герца и даже Триеста держали в полной боевой готовности местное ополчение⁴.

Серьезную тревогу вести о восстании вызвали в Вене. Получив 8 февраля сообщение о событиях в Хорватии и Штирии, император Максимилиан немедленно направил через венгерскую канцелярию хорватскому бану Драшковичу приказ любыми средствами подавить восстание. Одновременно он отдал распоряжение командующим славонскими и хорватскими пограничными войсками выделить для помощи бану часть наемных солдат. Но, считая и это недостаточным, Максимилиан в тот же день направил из Вены в район восстания отряд в 500 немецких кнехтов⁵.

Все эти запоздалые мероприятия императора не успели оказать скольнибудь серьезного влияния на судьбу восстания. Пока в Вене готовились предписания, хорватские феодалы уже стягивали военные силы для уничтожения основных очагов восстания. По приказу бана Драшковича, 8 февраля Алапич с 5 тыс. всадников и пехотинцев выступил из Загреба, куда он, видимо, возвратился еще накануне из окрестностей Мокрицы. В Загребе отряды Алапича были значительно пополнены за счет наемных солдат, которых бан, по его собственным словам, «не без опасения вынужден был снять с границы»⁶.

Маршрут продвижения войск Алапича из Загреба к Н.-Стубице, где они совершили нападение на повстанцев, точно установить не удастся. Однако есть основание полагать, что Алапич не рискнул направиться в район основных очагов восстания по кратчайшему пути, который проходил между Савой и Загребскими горами. Здесь от Загреба до границ Суседградско-Стубицкой вотчины было всего 20—25 км. Нетрудно догадаться, почему Алапич, как в свое время Габриэль Тахи, отказался избрать этот маршрут. На узкой дороге, проходящей между Загребскими горами и Савой, крестьяне без особого труда могли нанести значительный урон войскам противника. Наиболее вероятно, что отряды Алапича двинулись в обход Загребских гор и с северо-востока вторглись в Суседградско-Стубицкие владения. На это как будто указывает уже само место сражения — северная

¹ Там же, № 58, стр. 200; № 81 (2), стр. 219; № 139, стр. 263.

² Там же, № 55, стр. 197.

³ Там же, № 52, стр. 195—196. Письмо сопровождается девятью пометками «cito».

⁴ Там же, № 53, стр. 196.

⁵ Там же, № 48, стр. 193; № 49, стр. 193.

⁶ Там же, № 55, стр. 197.

часть Суседградско-Стубицкой вотчины. В пользу предположения, что отряды Алапича проделали значительный путь до момента столкновения с повстанцами, говорит и тот факт, что сражение произошло лишь на следующие сутки после их выступления из Загреба. Наконец, о вторжении войск Алапича в Суседградско-Стубицкую вотчину с северо-востока свидетельствуют и сообщения современников о столкновении 9 февраля солдат Алапича с повстанцами у моста через Крапину¹, которое, очевидно, следует рассматривать как авангардный бой, предшествующий генеральному сражению.

Как только Губецу стало известно о приближении отрядов Алапича, он немедленно начал подготовку к сражению. Возможно, что в этой связи стоит отход 9 февраля в район основных очагов восстания колонны крестьян, действовавших в окрестностях Вараждина². Во всяком случае очевидно, что первоначальный контингент войск Губеца к моменту сражения был значительно пополнен. После поражений, понесенных повстанцами, Стубицкая долина стала для них единственным убежищем. Сюда шли поднявшиеся на борьбу против господ крестьяне соседних имений, над которыми нависла угроза расправы; сюда же возвращались местные жители, принимавшие участие в боях, происходивших в Штирии, Крайне и на правобережье Савы. Например, удается установить, что суседградский кмет Матия Бистрич принимал участие в Кршской, Костаневицкой и Стубицкой битвах³.

Достоверно неизвестно, какими силами располагал во время сражения М. Губец. В дошедших до нас источниках лишь отмечается многочисленность крестьян, расположившихся лагерем у Н.-Стубицы⁴. Тем не менее в отдельных работах, посвященных истории восстания, встречаются цифровые данные о численности войск Губеца. Появление таких данных следует связывать не столько с наличием у авторов этих работ недоступных для нас материалов, сколько с произвольным толкованием ими показаний источников и даже с их собственными домыслами. Так, И. Кукулевич, указывая, что у Губеца было 10 тыс. человек, вместе с тем, явно противореча себе, тут же приводит косвенное свидетельство о том, что повстанцы своей численностью в 10 раз превосходили солдат Алапича⁵, т. е. насчитывали около 50 тыс. человек. И. Хартингер определяет величину отрядов Губеца в 8 тыс. крестьян⁶. Не исключено, что даже минимальная из всех этих цифр несколько преувеличивает действительные размеры крестьянского войска, противостоящего отрядам Алапича. Однако не подлежит сомнению, что Губец на заключительном этапе восстания обладал весьма значительными силами, которые, как это продемонстрировал ход сражения, могли оказать упорное сопротивление 5-тысячному войску Алапича.

Решающая битва произошла 9 февраля, вблизи Стубицких теплых источников, в долине, окаймленной с востока высокими Загребскими горами, а с запада — лесистыми стубицкими холмами⁷.

¹ St., kn. VII, № 79, str. 214; № 80, str. 214.

² Там же, № 67, стр. 206.

³ Там же, № 125, стр. 248.

⁴ Там же, № 77, стр. 211; № 81, стр. 217.

⁵ I. Kukuljević. Dogadjaji Medvedgrada, str. 68—69. Первая цифра приводится Кукулевичем без всяких ссылок на источники, недостоверность второй очевидна.

⁶ J. Hartinger. Op. cit., str. 163. Хартингер при этом ссылается на Иштванфи, однако в хронике (на соответствующей странице) фигурирует не цифра 8 тыс., а 800 (DCCC), которая к тому же приводится Иштванфи для обозначения числа всадников (equitas) в войсках Алапича. См. St., kn. VII, № 81, str. 217.

⁷ St., kn. VII, № 77, str. 211; № 78, str. 212; также I. Kukuljević. Dogadjaji Medvedgrada, str. 68.

Прорвавшись в Стубицкую долину по мосту через Крапину, отряды Алапича двинулись к Стубицким теплым источникам, где находились основные силы повстанцев. Поставив в центр своих войск вооруженную пищальными пехоту, а с флангов — конницу, Алапич завязал бой с крестьянами¹.

Перед самым сражением, сообщается в хронике Иштванфи, Матия Губец, «построив своих людей в боевой порядок», стал ободрять их такими словами: «Этот день, эта ожидаемая битва принесет вам почет и свободу, если вы окажетесь победителями, если же, побежденные, вы обратитесь в бегство, можно ли назвать какой-либо вид жестоких и ужасных мучений, которых бы не следовало опасаться от взбешенной и лютот знати. Итак, направьте все свои усилия к тому, чтобы показать себя мужественными, владейте оружием с предельной отвагой...»².

Трудно сказать, имело ли в действительности место такого рода обращение Губеца к повстанцам. Во всяком случае, нет никаких оснований рассматривать вложенную Иштванфи в уста Губеца речь как точное воспроизведение подобного обращения. Скорее всего эта речь — просто литературный прием хрониста³, основанный, возможно, на устной народной традиции о сражении под Н.-Стубицей. Весьма любопытно, что И. Кукулевич, ссылаясь на хронику Николая Иштванфи и сочинение хорватского автора XVII в. Юрия Хабделича⁴, приводит в своей работе «Dogadjaji Medvedgrada» почти аналогичную речь Губеца⁵.

Оба варианта обращения М. Губеца являются ценным свидетельством того, что даже в представлении современника из враждебного повстанцам лагеря, а также автора XVII в. восставшие крестьяне боролись за свободу, против феодального гнета. Привлекают внимание сообщения Иштванфи и Хабделича о мужестве повстанцев, их намерении одержать решительную победу.

Об упорном сопротивлении, оказанном повстанцами отрядом Алапича, сообщает Иштванфи и при описании самого сражения. «Когда с большим шумом оба войска, — говорится в хронике, — сошлись в рукопашном бою, то воины Губеца, против ожидания, долго сражались и (борьба) шла с переменным успехом; от рук повстанцев погибло немало солдат Алапича, в том числе начальник конницы — Ладислав Плоудив»⁶. По свидетельству другого современника, Стубицкое сражение длилось четыре часа⁷.

Решительность, проявленная повстанцами в сражении 9 февраля, их массовый героизм существенно отличают это сражение от других, имевших место в предшествующий период восстания, сравнительно крупных столкно-

¹ St., kn. VII, № 81 (1), str. 217.

² Там же.

³ В пользу такого заключения говорит и то, что вслед за речью Губеца Н. Иштванфи приводит обращение «вождей знати» к своим солдатам. St., kn. VII, № 81 (1), str. 217.

⁴ J. Habdelić. Prvi otca našega Adama greh i žalostno po njem človečanske nature porušenje. Gradec., 1674.

⁵ В изложении И. Кукулевича обращение Губеца к повстанцам выглядит так: «Подумайте, что будет с вами и с вашими детьми, если победят племиши. Нет таких мучений, которыми вы тогда подвергнетесь, нет таких тягот, которыми вас не захотят обременить; сейчас должны победить или умереть, или оружием отстоять старую свободу и старые права, или постыдно снова попасть в рабство и познать его тяжелые оковы. Подумайте, наконец, сколько нас по сравнению с теми, которые противостоят нам, наших десять приходится на каждого из них» (J. Kukuljević. Dogadjaji Medvedgrada, str. 68—69). Ссылки на два источника и далеко не полная идентичность текста, приводимого И. Кукулевичем, тексту одного из них заставляют предположить, что мы имеем в данном случае дело с компиляцией, соединяющей в одно целое два различных варианта одной и той же речи.

⁶ St., kn. VII, № 8 (1), str. 217.

⁷ Там же, № 147, стр. 275.

вений, во время которых крестьянам не удавалось длительное время оказывать сопротивление регулярным войскам. Особенно бросается в глаза резкий контраст между ярко выраженным в Стубицком сражении стремлением повстанцев одержать решительную победу и непоследовательным отношением к отдельным представителям господствующего класса крестьянских отрядов, действовавших в Штирии.

Очевидно, практика предшествующей борьбы не прошла бесследно для хорватских повстанцев. Понесенные ими поражения и особенно сопровождавшие их жестокие расправы отчетливо показали крестьянам невозможность добиться уничтожения повинностей и налогов без решительной ликвидации самих феодалов; в ходе восстания не могла не поколебаться и наивная вера в установление «императорской справедливости», надежда найти покровительство и защиту у Габсбургов.

Все это дает основание полагать, что именно в канун Стубицкой битвы повстанцами на передний план выдвигается лозунг вооруженной борьбы и достижения полной победы над феодалами, чему отчасти должно было способствовать и то обстоятельство, что основное ядро войск Губеца составляли суседградские, стубицкие и цесарградские крестьяне, имевшие значительный опыт классово-крестьянской борьбы.

Конечно, весьма возможно, что необходимость решительной борьбы против феодалов была ясна отдельным, наиболее передовым представителям хорватского крестьянства еще в период подготовки к восстанию. Но тогда необходимость такой борьбы была очевидна лишь ограниченному кругу лиц. Теперь же, на заключительном этапе восстания, ее неизбежность была осознана широкими массами хорватского крестьянства; этим прежде всего объясняется стойкость, проявленная повстанцами в Стубицком сражении.

Имеются основания полагать, что повстанцы, постепенно утрачивающие иллюзии относительно императорской власти, как раз в последние дни движения и выдвигают задачу создания государства, где власть принадлежала бы народу. Во-первых, наиболее вероятно, что мысль об избрании Матии Губеца «мужицким царем» возникла в районе основных очагов восстания — месте пребывания самого Губеца; следовательно, скорее всего, что эта идея принадлежала крестьянам, принимавшим участие в Стубицком сражении. Во-вторых, в пользу заключения, что программа создания «крестьянского царства» была сформулирована повстанцами на последнем этапе движения, говорит и тот факт, что свое намерение избрать Губеца крестьянским «царем» они не успели осуществить.

Таким образом, за сравнительно короткое время, отделяющее Стубицкую битву от момента возникновения восстания, массовое крестьянское движение поднялось на новую, высшую ступень. И если первоначально оно было лишь объективно направлено на ликвидацию феодального строя, то теперь прежние расплывчатые лозунги заменяет программа уничтожения феодалов и создания «крестьянского царства».

Сильная своей негативной стороной, резко выраженной антифеодальной направленностью, программа повстанцев и в этот период страдала отсутствием четкого представления о том строе, который должен был установиться в результате победы восстания. Ее идеологическая оболочка, отражающая «царистскую» психологию крестьянства, только сильнее подчеркивает беспомощность крестьян выдвинуть задачу создания государства, отличного по своей форме от политической организации современного им феодального общества.

Мужество и упорное сопротивление, проявленные повстанцами в Стубицкой битве, не могли изменить ее исход. Поражение крестьян в этой

битве в значительной степени было предрешено характером их предшествующей борьбы. Как сообщает Иштванфи, повстанцы, «терпя большой урон, с одной стороны от огнестрельного оружия пехоты, а с другой — от вооруженных копьями всадников, стали колебаться, ... зная, обладающая лучшим вооружением... в конце концов вынудила мятежников к отступлению, перешедшему в беспорядочное бегство»¹. По мнению участника Стубицкого сражения Бистрича, одна пехота не могла одолеть повстанцев и, если бы не вмешательство конницы, они бы не потерпели поражения². Примерно так же характеризует ход этого сражения барон Л. Унгнад, который прямо указывает, что крестьяне не были бы разбиты, если бы в бой не вступили во-время подоспевшие конные отряды харамиев³. Видимо, действительно главную роль в разгроме повстанцев сыграла конница — опаснейший враг повстанцев во время всех средневековых крестьянских движений⁴.

Во время Стубицкой битвы были разбиты последние крупные отряды повстанцев. В последующие два-три дня происходили, очевидно, лишь незначительные, разрозненные столкновения крестьян с чинившими расправу отрядами феодалов. 11 февраля бан Драшкович писал эрцгерцогу Карлу, что, как он надеется, «вскоре наступит мир и спокойствие во всем государстве, хотя еще... крестьяне снуют туда и сюда для оказания взаимной помощи»⁵. «Уже нет никаких вооруженных банд, — говорится в датированном тем же числом донесении бана императору, — которые были бы в состоянии открыто противостоять войскам Вашего Величества. Лишь тайно кое-кто сохранил еще вражду в своей груди без надежды что-либо предпринять»⁶. Одним словом, разгром крестьян в Стубицком сражении означал конец массового крестьянского движения.

Антифеодальное движение 1573 г. потерпело поражение потому, что в Хорватии XVI в. не сложились необходимые социально-экономические предпосылки для ликвидации феодального строя. Те социальные отношения, без появления и известного развития которых в недрах феодального общества невозможно уничтожение феодализма, находились еще в самом зачаточном состоянии. Как в Хорватии, так и в Словении городская жизнь, в которой прежде всего следует искать наличия такого рода отношений, была развита относительно слабо, и города, как правило, имели довольно малочисленное население; подавляющее большинство их находилось в зависимости от феодалов. Господствующее положение в экономике хорватских городов продолжало занимать простое товарное производство, тесно переплетавшееся с феодальными отношениями; отсутствовали необходимые условия для превращения товарного производства в капиталистическое.

Восстание носило почти исключительно крестьянский характер; участие других классов и социальных групп хорватского общества было весьма незначительно. В частности, в силу слабого развития подавляющего большинства городов, расположенных на территории, охваченной восстанием, горожане не могли сыграть и не сыграли сколько-нибудь значительной роли в массовом крестьянском движении 1573 г.; их участие почти не отразилось на его характере.

Восстанию 1573 г. были присущи все слабости самостоятельных крестьянских движений: стихийность, неорганизованность, преобладание узко

¹ St., kn. VII, № 81 (1), str. 217.

² Там же, № 125, стр. 248.

³ Там же, № 147, стр. 275.

⁴ См. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 89.

⁵ St., kn. VII, № 78, str. 212.

⁶ Там же, № 77, стр. 211.

местных интересов и т. п. Особенно ярко в ходе восстания проявилось отсутствие связей и согласованности действий между отдельными очагами борьбы. Основным средством установления контакта главных сил повстанцев с крестьянами отдаленных от центра восстания районов было продвижение в тот или иной район одного из основных повстанческих отрядов: с его уходом борьба местных крестьян снова приобретала локальный характер. Отсутствовали прочные связи между крупными крестьянскими отрядами, действовавшими на свой собственный риск. В результате феодалы получили возможность подавлять восстание по частям.

В сравнительно быстром поражении повстанцев не последнюю роль сыграло также сочетание в их программе весьма радикальных требований с иллюзиями относительно императорской власти, с лозунгами, предполагающими лишь исправление существующих порядков, с методом «устранения», а не ликвидации господ. Все это способствовало медлительности и нерешительности действий вооруженных отрядов повстанцев против феодалов и дало последним возможность быстро организовать и собрать силы для подавления восстания.

В известной мере тактические ошибки, допущенные крестьянами в ходе восстания, ускорили их поражение. Несомненно, крупной тактической ошибкой был отказ от немедленного продвижения на Загреб. Взятие Загреба открывало перспективу усиления повстанцев за счет населения самого крупного из хорватских городов, а главное — могло создать серьезные затруднения для организации и объединения сил противника. Как мы видели, именно из Загреба выступили отряды феодалов, нанешие решающий удар основным силам крестьян.

Свою победу над повстанцами хорватские феодалы увенчали кровавыми зверствами, свидетельствующими о том, сколь сильный страх и ожесточение вызвало у них крестьянское восстание. Так, Иштванфи, смакуя подробности свирепой расправы солдат Алапича с обратившимися в бегство после сражения под Н.-Стубицей крестьянами, пишет в своей хронике: «их убивали во время этого бегства, или брали в плен, и лишь немногие спасли свою жизнь... сдавшихся в плен повсюду развешали на длинных шестах, перекинутых через ближайшие деревья... а на одной высокой и ветвистой груше... были выставлены на всеобщее обозрение 16 или более повешенных тел, которые колебались ветром и разрывались на части птицами. Некоторые были отпущены изувеченными — с разорванными ноздрями и ушами для того, чтобы они постоянно носили позорный след о мятеже и о злодейском поднятии меча против господ»¹. Как следует из донесения Драшковича, отряды Алапича еще 11 февраля продолжали «карат мятежников огнем и мечом»².

Одновременно расправу с крестьянами чинили возвратившиеся в свои имения феодалы. Сохранились, в частности, свидетельства о жестокостях Тахи по отношению к крестьянам — участникам восстания, с которыми, по словам современника, он «поступал по-тирански»³.

Страшным пыткам подверглись пленные крестьяне, находившиеся под следствием в тюрьмах Загреба, Любляны и Целья⁴. Как свидетельствуют

¹ St., kn. VII, № 81 (1), str. 217.

² Там же, № 77, стр. 211.

³ Там же, № 147, стр. 275, см. также № 136, стр. 261.

⁴ Имена некоторых находившихся в заключении повстанцев удалось установить. Так, известно, что в люблянской тюрьме были «капитаны»: Матия Бистрич, Иван Сврач, Гргур Дрводелич, Никола Бартолич, Матко Турчич. Кроме того, здесь были заключены крестьяне: Никола Шпиллер, Юрий Вранчич, Гргур Павлиша, Гашпар Бендекович,

протоколы расследований, при допросах неизменно применялась дыба. Но из тех же протоколов следует, что, несмотря на страшные пытки, большинство повстанцев проявили исключительную стойкость и давали, как правило, весьма уклончивые показания по всем наиболее интересующим следователей вопросам.

Особенно изощренная жестокость была проявлена хорватскими феодалами по отношению к вождю повстанцев — Матии Губецу. Еще 11 февраля бан Драшкович запросил у императора Максимилиана разрешение короновать Губца «в назидание другим раскаленной железной короной»¹. Эта «идея» бана и епископа, Драшковича, предопределила способ расправы с Губецем.

В воскресенье 14 февраля 1573 г. в Загребе на площади св. Марка Матия Губец и его ближайший соратник Андрей Пасанец были подвергнуты страшным пыткам. После того, как на его глазах погиб от руки палача Пасанец, Губецу была надета на голову раскаленная железная корона; затем его подвергли четвертованию².

Другой предводитель повстанцев, Илья Грегориц, арестованный в конце февраля 1573 г. вблизи венгерской границы, почти год находился в заключении в венской тюрьме, где его неоднократно подвергали различного рода истязаниям. Затем его отправили в Хорватию и здесь казнили осенью 1574 г.³

По данным самого императора Максимилиана, всего во время подавления восстания 1573 г. было уничтожено около 4 тыс. хорватских и словенских кметов⁴. Эта цифра ярко свидетельствует о тех огромных размерах, которые приняли репрессии смертельно напуганных восстанием феодалов по отношению к его участникам. Особенно сильно было опустошению подверглись районы основных очагов восстания. Некоторое представление об этом позволяет составить произведенная в Славонии в середине 1573 г. опись хозяйств, способных нести военное тягло. Из нее мы узнаем, что во владении Н.-Стубица насчитывалось в этом году 45 сожженных, опустошенных и разграбленных и 25 полностью уничтоженных «дымов», т. е. почти половина всех дворов; в Суседградском имении было 87 пустующих, разграбленных и сожженных крестьянских хозяйств⁵, что составляло более 20% от общего числа «дымов» этого имения.

Во время восстания 1573 г. на антифеодалную борьбу поднялись широкие массы хорватского и словенского крестьянства. Восстанием были охвачены вся, за небольшим исключением, Славония, почти все Цельское графство в Штирии, значительная часть Верхней Крайны, т. е. территория общей площадью около 5 тыс. кв. км. Современники определяли численность по-

Михаил Солинкович, Валентин и Иван Пикац, Матия Гулич, Иван и Ловро Тацман, Павел Биркович, Иван Маркович, Юрко Хошевич, Карл Маршанич, Юрко Гержачич, Лука Сумарич, Ладислав Тринич, Степан Стобенчич, Фабиан Примпши, Степан Богичич, Ульрих Вернак, Иван Гарбец, Лука Дулош, Степан Шаферич, Лука Лебеч, Бенедикт Шимункович, Кристоф Тишич, Никола Кработ, Ловро Маркович, Бальтазар Толач, Ловро Фельстер, Юрий Молко, Андрия Глович, Копел и Михайло Кнежич. Всего — 40 человек (St., kn. VII, № 129, str. 250—255; № 145, str. 272—273). В Целе находились в заключении 42 пленных крестьянина, в том числе один «капитан», повидимому, Павел Штерц (St., kn. VII, № 137, str. 262).

¹ St., kn. VII, № 77, str. 212.

² Там же, № 81 (1), стр. 218—219; № 119, стр. 254; см. также J. Kukuljević Dogadjaji Medvedgrada, str. 70.

³ St., kn. VII, № 161, str. 287—292; № 163, str. 293—297; № 165, str. 301—305; № 186, str. 320, а также J. Hartinger. Op. cit., str. 177.

⁴ Там же, № 148, стр. 276.

⁵ V. Klaić. Povjest Hrvata, sv. III, dio I, str. 300—301.

встанцев еще в канун выступления их основных сил из районов Цесарграда — Н.-Стубицы не менее чем в 10 тыс. человек¹. Цифра эта, если принять во внимание, что только суседградские, стубицкие и цесарградские крестьяне выставили около 4—5 тыс. человек, способных носить оружие², выглядит довольно правдоподобно. Суммируя данные об известных нам наиболее крупных повстанческих отрядах, мы получаем 13—14 тыс.³ Общее число крестьян, принимавших участие в восстании, исчислялось современниками в 40—60 тыс.⁴ Вряд ли эти последние цифры о числе участников крестьянского движения точны, но и нет никаких оснований считать их значительно преувеличенными⁵. В пользу того, что они довольно близки к действительности, говорят только что приведенные сведения о первоначальном числе повстанцев в их основных отрядах. В том же убеждают и имеющиеся в нашем распоряжении данные, что, лишь в Славонии, большая часть территории которой была охвачена восстанием, в середине XVI в. насчитывалось около 30—40 тыс. взрослого мужского населения⁶. Во всяком случае, в 1573 г. на борьбу против господ поднялось несколько десятков тысяч крестьян.

Обнажив всю глубину социальных противоречий в хорватском обществе XVI в., восстание 1573 г. выдвинуло задачу ликвидации феодального строя в Хорватии. Будучи направлено своим острием против господствующих классов Хорватии, Штирии и Крайны, подавляющее большинство которых составляли немецкие (в Штирии и Крайне) и венгерские (в Хорватии) феодалы, оно уже тем самым приобретало народно-освободительный характер. В ходе массового крестьянского движения возникла глубоко патриотическая идея создания самостоятельного Хорватско-Словенского государства. Не менее патриотичным было намерение повстанцев организовать собственными силами действительную защиту страны от турецких набегов. Замечательной чертой восстания 1573 г. явилась совместная борьба двух братских народов — хорватского и словенского.

Широкий размах восстания 1573 г., его ярко выраженная направленность против всей феодальной системы свидетельствуют о том, что это была антифеодальная крестьянская война⁷.

¹ Цифру 10 тыс. называет Н. Иштванфи, говоря о числе повстанцев перед их выступлением из основных очагов восстания (St., kn. VII, № 139, str. 215); в двух документах соответственно называется цифра 16 тыс. (St., kn. VII, № 26, str. 191; № 80, str. 214). И. Вальвасор говорит даже о 20 тыс. повстанцев, собравшихся в лагере под Н.-Стубицей (St., kn. VII, № 139 (2), str. 218).

² По данным описи 1543 г., в Суседградско-Стубицком и Цесарградском имениях насчитывалось 1358 дымов (V. Klaić, Popis ratne daće u Slavoniji godine 1543, str. 88). Учитывая, что в Славонии в это время довольно распространенной формой семьи была семейная община, в состав которой входило до 8—10 взрослых мужчин, мы, очевидно, вправе допустить, что в каждом крестьянском хозяйстве в среднем было не менее 3—4 человек, способных носить оружие. Таким образом, все взрослое мужское население этих имений исчислялось в половине XVI в. примерно в 4—5 тыс. человек.

³ 2-тысячный отряд Николая Купника под Кршко; 2-тысячный отряд Павла Штерца под Пилянштейном; 600 повстанцев у И. Грегорича; 4—5 тыс. повстанцев, действовавших на территории Славонии между Савой и Купой; около 5 тыс. человек у М. Губца во время Стубицкого сражения.

⁴ St., kn. VII, № 18, str. 176.

⁵ J. Hartinger. Op. cit., str. 136—137.

⁶ По данным описи 1543 г., на территории Славонии было в этом году 10 645 дымов (V. Klaić, Popis ratne daće u Slavoniji godine, 1543. «Vjesnik kr. Hrvatsko-slavonsko-dalmatinskoga zemaljskoga arkiva», god. IX, Zagreb, 1907, str. 74—94). Считая в каждом хозяйстве по 3—4 взрослых мужчины, мы получаем 30—40 тыс.

⁷ О применении термина «крестьянская война» к крестьянским движениям см. статью В. И. Лебедева. К вопросу о характере крестьянских движений в России XVII—XVIII вв. «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 92.

По числу участников, глубине социального конфликта и, главное, по историческому значению поставленных задач восстание 1573 г. в масштабах Хорватии XVI в. было событием не менее крупным, чем крестьянская война 1525 г. для Германии.

Несмотря на то, что антифеодальная война хорватских и словенских крестьян закончилась в сравнительно короткий срок, она произвела столь сильное впечатление на господствующие классы Хорватии, Штирии и Крайны, что им долгое время казалось, будто пронесшаяся над этими землями гроза крестьянского восстания все еще не миновала. Об этом особенно наглядно свидетельствуют рассчитанные на борьбу с восставшими крестьянами мероприятия, которые штирийские и краинские феодалы продолжают предпринимать уже после получения вестей о поражении основных сил повстанцев. Так, например, 12 февраля власти Граца сообщали своим краинским коллегам, что «хотя опасность уменьшилась, однако штирийцы находятся в полной боевой готовности: все вооружены и отправляются в Мариенбург»¹. 13 февраля краинские власти посылают в графство Герц и в Триест очередную просьбу об оказании «христианской помощи и поддержки»². Что феодалам все еще продолжал мерещиться грозный призрак восстания, ярко демонстрирует письмо управляющего Целе — Хельфенберга, отправленное в тот же день в Грац. «С набором ополчения в графстве Цили обстоит очень плохо», — констатирует Хельфенберг и при этом замечает, что «никто не хочет понять, какая опасность грозит от этих восставших крестьян». «Я думаю, — пишет он далее, — мы все сошли с ума и сами идем навстречу своей гибели»³.

Опасение, как бы снова не вспыхнуло восстание, красной нитью проходит через все протоколы допросов пленных крестьян. Следователи прежде всего допытывались о зачинщиках и составе руководства движением, о действительных и предполагаемых союзниках крестьян (ускоках), горожанах и даже турках (и их помощи повстанцам), о связях и наличии общей договоренности между крестьянами различных районов. За всем этим стоял один вопрос — не осталось ли каких-нибудь корней восстания.

Под непосредственным впечатлением от восстания многие феодалы высказывали даже опасение, что крайние жестокости и чрезвычайный нажим на крестьян могут толкнуть их на новые выступления против господ⁴. В частности, раздается требование приостановить насилия Тахи⁵.

Восстание 1573 г. нанесло весьма ощутимый удар хорватским феодалам. О силе этого удара убедительно свидетельствует последующий рост противоречий внутри господствующего класса Хорватии. Правда, во время борьбы против повстанцев отмечалась известная консолидация феодалов, однако она была далеко не полной: отдельные представители господствующего класса, преимущественно мелкие племичи, даже примкнули к восставшим крестьянам, рассчитывая с их помощью свести давние счеты с некоторыми своими соседями — крупными феодалами. В ходе крестьянского движения к прежним факторам, порождавшим феодальные междоусобицы, прибавился новый — разорение многих вотчин. Известную роль в междоусобных войнах, вспыхнувших с возросшей силой непосредственно вслед за подавлением восстания, сыграли как стремления отдельных магнатов отомстить тем племи-

¹ St., kn. VII, № 96, str. 225.

² Там же, № 99 (2), стр. 226.

³ Там же, № 101, стр. 226—227.

⁴ Там же, № 178, стр. 316; № 180, стр. 317.

⁵ Там же, № 147, стр. 275.

чам, которые выступали против них во время восстания, так и желание некоторых феодалов заняться просто грабежами¹.

Потерпев поражение, восстание 1573 г. не смогло изменить то направление развития аграрных отношений в хорватской деревне, которое намечалось еще в первой половине XVI в. в связи с активизацией хозяйственной деятельности феодалов. Более того, сломив в ходе подавления восстания сопротивление крестьян, хорватские феодалы заметно увеличили размеры отработочной и отчасти денежной рент.

Как показывает анализ хорватских урбариев XVI в., именно те из них, которые приходятся на последующий за восстанием отрезок этого столетия, фиксируют наибольшие размеры крестьянских повинностей и прежде всего барщинных работ на господской запашке². Об усилении феодальной эксплуатации после подавления восстания сохранились и прямые свидетельства. Так, например, в источниках отмечается, что Барбара Эрдеди уже в конце 1573 г. резко увеличила барщину и денежные платежи крестьян³. Но если новое усиление гнета все же лишь в сравнительно редких случаях принимало размеры, прямо ведущие к разорению крестьянского хозяйства, то в этом, помимо чисто экономических факторов, немалую роль сыграло впечатление, произведенное восстанием на господствующий класс, опасение нового взрыва крестьянского возмущения.

Усиление после восстания в связи с ростом феодального нажима социальных противоречий в хорватской деревне подготовило почву для новых крестьянских восстаний, для новых ударов по устоям феодализма в Хорватии.

На развитие классовой борьбы хорватского крестьянства восстание 1573 г. оказало значительное революционизирующее воздействие. В ходе восстания широкие массы крестьянства накопили немалый опыт классовой борьбы, частично утратили прежние иллюзии; массовое антифеодальное движение содействовало росту классовой солидарности крестьян, нарушило их повседневную разобщенность и способствовало зарождению элементов революционных связей как между хорватскими и словенскими народами, так и крестьянами отдельных районов Хорватии, Штирии и Крайны. Вместе с тем восстание обогатило практику всей последующей антифеодальной борьбы крестьянства. За поставленную им задачу уничтожения феодализма хорватский народ боролся в течение нескольких столетий.

История классовой борьбы хорватского крестьянства в последующие за восстанием 1573 г. десятилетия XVI и первой половины XVII в. мало изучена. Но и те материалы, которые оказались для нас доступными, убедительно свидетельствуют, что жестокая расправа феодалов с повстанцами не смогла хотя бы временно приостановить антифеодальную борьбу хорватского крестьянства, положение которого в связи с усилением феодального гнета все более ухудшалось. Так, через две недели после подавления восстания барон Унгнад, свидетельствуя о накоплении крестьянами опыта классовой борьбы в ходе восстания, сообщал краинским властям, что «повсюду появляются люди, которые понаторели в мятеже и снова хотят разжечь восстание»⁴. Необычайный размах непосредственно после восстания приняла такая форма пассивного крестьянского сопротивления, как бегство

¹ St., kn. VII, № 106, str. 231—232; № 116, str. 242—243; № 117, str. 244; № 147, str. 275; № 153, str. 279—281; № 158, str. 285; № 169, str. 306—308, а также J. Hartinger. Op. cit., str. 70—71.

² Ю. В. Бромлей. Указ. соч., стр. 300—301.

³ St., kn. VII, № 179, str. 316; № 180, str. 317.

⁴ St., kn. VII, № 147, str. 275.

крестьян¹; весьма широкое распространение получил осенью 1573 г. и такой своеобразный, не встречавшийся ранее, вид борьбы крестьян с растущими феодальными поборами, как отказ от обмолота своих собственных хлебов с тем, чтобы лишить феодалов возможности конфисковать у них обмолоченное зерно. Но особенно показательно, что уже осенью 1573 г. вспыхивают крупные волнения в имениях Барбары Эрдеди — Желине и Окиче. Среди выдвинутых крестьянами требований вновь встречается требование восстановления «старых прав»². Выступления подданных Барбары Эрдеди быстро нашли отклик у соседних крестьян; источники намекают даже на существование контакта между ними и крайскими крестьянами³. Волнения в Желинском и Окичском имениях вызвали серьезное беспокойство не только у хорватских, штирийских и крайских властей, но даже и в Вене. Опасаясь нового взрыва всеобщего крестьянского возмущения, при первых симптомах волнения местные власти, по указанию императора Максимилиана и эрцгерцога Карла, срочно начали подготовку к подавлению движения. В частности, известно, что соответствующие указания были даны Максимилианом обер-лейтенанту хорватской границы Герберту Ауэршпергу; в боевую готовность были приведены дворянское ополчение в Крайне, ускоки Турна и наемные пограничные солдаты. Лишь благодаря срочно принятым мерам феодалам удалось довольно быстро ликвидировать волнение крестьян: первые свидетельства о явных признаках недовольства крестьян в Желинской и Окичской вотчинах относятся к середине ноября; а в начале декабря, после того, как были арестованы предводители крестьян, волнения затухают⁴.

Сохранились также сведения о волнениях и восстаниях хорватских и словенских крестьян в первой половине и середине XVII в.

Среди наиболее значительных крестьянских движений этого периода в Хорватии мы имеем возможность указать на выступления штибренецких кметов загребского капитула в 1609—1610 гг., на волнения крестьян в 1633—1636 гг., охватившие все принадлежащие загребскому капитулу села на левобережье и правобережье Савы; на выступления в 1553 г. подданных графа Эрдеди во владениях Новиград и Шишак; на волнения в вотчинах загребского капитула в 1554 г.⁵

Из антифеодальных выступлений словенских крестьян в первой половине XVII в. известны волнения: в Толминске в 1627 г., в Студеницах под Марибором в 1634 г., в Вольске, Островце и Лашко под Цельем в 1635 г., во владениях монастыря св. Петра под Куншперком в 1644 г., в Сливнице и Трбовле в 1650 г.⁶

Одним словом, после восстания 1573 г., несмотря на то, что жестокая расправа феодалов с повстанцами на время в значительной мере обескровила хорватское и словенское крестьянство, их открытые антифеодальные выступления следовали теперь одно за другим с необычайной до сих пор частотой, ярко свидетельствуя о революционизирующем воздействии восстания 1573 г. и о дальнейшем нарастании социальных противоречий в хорватской и словенской деревне.

И если все эти выступления хорватских и словенских крестьян не достигали масштабов восстания 1573 г., то объясняется это тем, что хорват-

¹ St., kn. VII, № 180, str. 317—318.

² Там же.

³ Там же, № 174, стр. 315; № 175, стр. 315.

⁴ Там же, № 174, стр. 315; № 177, стр. 315—316; № 179, стр. 319; № 180, стр. 317.

⁵ V. Klaić. Crnice iz hrvatske prošlosti. Zagreb, 1928, str. 5—13.

⁶ M. Dolenc. Pravna zgodovina za slovensko ozemlje. Ljubljana, 1935, str. 197.

ские, штирийские и крайнские феодалы, перед глазами которых при первых же вспышках крестьянского возмущения немедленно вставал грозный призрак крестьянской войны, срочно принимали все меры к тому, чтобы предотвратить перерастание того или иного локального движения в массовое выступление крестьян. В одних случаях феодалы с этой целью были вынуждены идти на некоторые уступки крестьянам, как это было, например, во время выступления кметов загребского капитула в 1636 г.¹ В других — сразу же прибегали к вооруженному подавлению крестьянских волнений. Уже не было и следа той медлительности хорватских «сословий и чинов», подобно той, которая имела место во время борьбы соседградских и стубицких кметов против Тахи, когда им удалось на восемь с лишним месяцев вырваться из сферы феодальных отношений. К тому же борьба господ против выступлений крестьян во многом облегчалась наличием в их распоряжении значительных контингентов войск ускоков, наемных солдат, дворянского ополчения (поскольку Хорватия, Штирия и Крайна находились на военном положении). Лишь в 1755 г., когда была осуществлена выдвинутая повстанцами в 1573 г. идея совместной борьбы крестьян и пограничных солдат, в Хорватии произошел революционный взрыв, не уступающий по своей силе крестьянской войне 1573 г.²

Оказав мощное влияние на развитие классовой борьбы в хорватской и словенской деревне, крестьянское восстание 1573 г. нашло широкий отклик в соседних землях. Так, из донесений властей графства Герц явствует, что под влиянием этого восстания в феврале 1573 г. начались волнения среди местных крестьян³, имеются также сведения о выступлении во время восстания 1573 г. венгерских крестьян и крестьянских волнениях в Австрии, Каринтии и Карсте⁴. В связи с восстанием 1573 г., как полагает Б. Д. Греков, стоит обострение классовой борьбы в Полице в середине 70-х годов XVI в.⁵ По мнению Н. Н. Самохиной, на крестьянских восстаниях в Австрии в конце XVI—середине XVII в. также сказалось воздействие событий 1573 г. в Хорватии, Штирии и Крайне⁶.

Будучи первым крупным массовым движением хорватских крестьян с широкой антифеодальной программой, восстание 1573 г. заняло видное место в революционных традициях хорватского народа. Героический пример повстанцев 1573 г. в течение столетий вдохновлял трудящиеся массы Хорватии на борьбу против эксплуататоров. Событиям 1573 г. хорватские крестьяне посвятили немало песен и легенд, укреплявших боевой дух народа. Так, согласно одной из легенд, вождь повстанцев Матия Губец «не умер, но над ним и его войском сошлись две скалы и их замкнули». Здесь «он со своими первыми помощниками сидит за каменным столом, уставленным чашами с вином... И вокруг стола обвивается его борода и когда она в девятый раз обовьется вокруг него, тогда скалы над ним разомкнутся, а он и его войско возвратятся к себе и завоюют хорватам свободу»⁷.

Насколько прочно в память хорватского народа вошло восстание 1573 г. и сколь дикую ненависть вызывало у феодалов всякое воспоминание о нем,

¹ V. Klaić. *Crnice iz hrvatske prošlosti*. Zagreb, 1928, str. 8.

² L. Ivancan. *Buna varaždinskoga generalata i pograničnih kmetova godine 1755. «Vjesnik kr. Hrvatsko-slavonsko-dalmatinskoga zemaljskoga arkiva», god. IV, Zagreb, 1902, str. 151—173, 200—259.*

³ *St.*, kn. VII, № 94, str. 224.

⁴ Там же, № 43, стр. 190; № 57, стр. 199; № 117, стр. 244.

⁵ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 120—122.

⁶ Н. Н. Самохина. *Крестьянские восстания в Австрии в конце XVI—середине XVII в.* (автореферат диссертации). М., 1952, стр. 10.

⁷ F. Šišić. *Op. cit.*, str. 50.

свидетельствует появление примерно через полтора года лет (в 1713 г.) «памфлета», представляющего собой попытку опорочить повстанцев и их вождя Губеца. Написанный от имени Губеца в стиле старинных грамот, пасквиль этот изображает повстанцев пьяницами и тупыми животными¹. Тем же стремлением вытравить из сознания хорватского народа славные традиции 1573 г., как мы отмечали, проникнуты работы дворянских историографов — Иштванфи, Вальвасора и др. Однако их усилия были тщетны. Представление о событиях 1573 г., как образце героической борьбы против эксплуататоров, хорватский народ пронес через столетия.

Особое значение революционные традиции 1573 г. приобрели в период крушения феодального строя в Хорватии, когда резко обострилась классовая борьба в хорватской деревне.

Не случайно эта тема привлекла внимание крупнейшего хорватского писателя-демократа конца XIX в. — А. Шеноа. Он первый подверг критике направленный против повстанцев «памфлет» XVIII в., указав, что этот «пасквиль кладет пятно не на тех, кто в нем подвергается осмеянию», а на его составителей — «пьяную компанию аристократов, каких много было... в то время мрака и безделья»². Особенно следует отметить появление в 1877 г. романа А. Шеноа «Крестьянское восстание», посвященного событиям 1573 г.

Роман этот, по мнению одного из советских исследователей, является «лучшим произведением хорватской литературы XIX века, произведением в полном смысле классическим». Несмотря на отдельные слабые стороны романа, обусловленные ограниченностью мировоззрения автора, роман представляет собой «во многом правильный, правдивый рассказ о полной трагизма попытке хорватского и словенского крестьянства XVI века свергнуть тяжелейший гнет своих и иноземных помещиков и расчистить дорогу к новой светлой счастливой жизни»³.

Мимо восстания 1573 г. не могли пройти и хорватские буржуазные историки конца XIX—начала XX в. Несмотря на всю тенденциозность освещения ими событий 1573 г., стремление выхолостить революционную сущность из этих событий, целиком скрыть правду о героической борьбе крестьян они не могли, и, вопреки их желанию, страницы, посвященные им истории восстания, даже в известной мере способствовали его популяризации. Не помогло и фактическое замалчивание восстания 1573 г. в югославской буржуазной историографии 20—30-х годов XX в. Память о подвиге хорватских крестьян в 1573 г. прочно сохранилась в народе, укрепляя его боевой дух. Весьма показательно, что в годы национально-освободительной борьбы народов Югославии против фашистских оккупантов в Хорватии действовал партизанский отряд, носивший имя вождя повстанцев — Матии Губеца; гимном этого отряда была песня о крестьянском восстании 1573 г.

События 1573 г. в Хорватии и Словении занимают видное место в революционных традициях народов Югославии. Эти традиции, составляющие их национальную гордость, дороги и народам нашей страны, которых связывают с братскими народами Югославии узы старинной дружбы.

¹ «Vijenac», 1875, № 34.

² Там же.

³ В. Т. Дитякин. Август Шеноа и его роман «Крестьянское восстание» (Предисловие к русскому изданию романа А. Шеноа «Крестьянское восстание». М., 1949), стр. 9.

Б. Т. Рубцов

ЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ЧЕХИИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ XV в.

При изучении аграрной истории средневековой Чехии разрешение многих важных вопросов встречает серьезные препятствия ввиду отсутствия в имеющихся источниках — нарративных, законодательных и актовых — необходимых сведений и материалов. Тем большее значение приобретают в связи с этим чешские поземельные описи, которые в исторической науке принято называть урбариями¹.

Действительно, используя данные поземельных описей, значительное количество которых относится к последнему столетию накануне гуситских войн, исследователь получает возможность не только пополнить указания других источников, но и поставить проблемы, вытекающие из специфики самих поземельных описей, как памятника историко-статистического, соединяющего сведения описательные с большим количеством цифровых данных². Эти проблемы имеют первостепенное значение для понимания особенностей и темпа развития Чехии в XIV—начале XV в. и, следовательно, для понимания причин и характера чешской бюргерской реформации и Крестьянской войны XV в. как ее кульминационного пункта. Без анализа характера и основных направлений развития сельского хозяйства — основы экономики того времени, без выяснения положения крестьян — главных производителей материальных благ в средневековье, невозможно разобраться в ходе грандиозных событий, составивших важный момент не только чешской, но и всевропейской истории.

На ценность поземельных описей как исторических источников было обращено внимание около 100 лет назад³, однако приходится констатировать, что чешские поземельные описи разработаны все еще недостаточно⁴.

¹ В источниках встречаем следующие названия чешских поземельных описей: urbárium, registrum bonorum, conscriptio bonorum, liber censualis. В настоящей работе пользуемся как равнозначными терминами: поземельная опись, урбарий, регистр.

² Необходимо заметить, что цифровые данные поземельных описей и все содержание этих памятников, дающих массовые сведения, ставят их в особое положение среди других источников по аграрной истории средневековой Чехии.

³ В. Томек. Urbár kláštera Strahovského složený roku 1410. «Památky Archeologické», d. II, v Praze, 1856. Названная работа по своему характеру является не более чем пересказом поземельной описи Страговского монастыря, а выводы Томека, как это будет показано ниже, коренным образом расходятся с содержанием памятника.

⁴ Показательно в этом отношении, что материалы урбариев были оставлены без внимания Ю. Липпертом, пытавшимся обобщить результаты разработки социальной

Действительно, хотя в изучении чешских урбариев в буржуазной литературе было несколько направлений, но ни одно из них не использовало этих материалов для всестороннего изучения предпосылок гуситских войн.

К первому направлению в изучении чешских поземельных описей можно отнести исследователей, которые довольствовались внешним и формальным описанием урбариев, делая в лучшем случае не анализ, а более или менее подробный пересказ содержащихся в них сведений. Наиболее типичным представителем этого направления является Ф. Вацек. Его работа об урбариях¹, заслужившая признания в чешской буржуазной исторической науке², ничем не отличается от более кратких введений ученых, впервые напечатанных чешские поземельные описи, к изданным им текстам. В этой работе дается простой пересказ содержания документов, и нет даже попытки поставить вопрос о том, какая историческая обстановка породила урбарии вообще и каждый из них в отдельности. Вместо этого Вацек занимается выяснением термина «урбарий». Таким образом, сначала формальное источниковедение заменяет историю, а потом описание и этимология заменяют источниковедение.

Другие чешские буржуазные ученые (И. Шуста³, особенно И. Салаба⁴) пытались выйти за пределы чисто внешнего и описательного изучения чешских поземельных описей, стремясь установить отношение этих поземельных описей к другим видам сохранившихся первоисточников. Нельзя отрицать при этом значения полученных ими частных выводов и заключений, например, по вопросу датировки отдельных памятников, по вопросу выяснения палеографических особенностей и т. п. Однако и эти ученые не сумели использовать полученные результаты для воссоздания социальной истории Чехии накануне гуситских войн. Всего ярче выразилось их недостаточное понимание характера и значения поземельных описей в жизни чешского народа в средние века в том, что все они единогласно объявляли, что сами урбарии порождены не чешской действительностью, а являются результатом заимствования у западных соседей⁵.

Гораздо более плодотворно исследовал чешские поземельные описи А. Н. Ясинский, впервые привлечший их к изучению аграрной и социальной истории Чехии в средние века⁶. Ясинский сделал серьезную попытку выяснить условия происхождения урбариев, которые он совершенно справедливо считал явлением, закономерно порожденным социально-экономической обстановкой внутри самой Чехии⁷. Следует отметить, что в работе

истории Чехии в рамках своего труда «Socialgeschichte Böhmens in vorhusitischer Zeit», Prag, B. I—II, 1896—1898. В этом совершенно правильно упрекнул Липперта вскоре после выхода его труда А. Н. Ясинский.

¹ F. Vaček. Urbáře a pozemkové knihy. «Časopis pro dějiny venkově», v Praze, 1926.
² См., например, обзор В. Черного. V. Černý. Badania w zakresie dziejów gospodarczych, a szczególnie rolniczych, w Czechosłowacji od r. 1918. Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych, t. II, 1932—1933, str. 11.

³ I. Šusta. Glossy k rozberskému urbáru. «Český časopis historický», 1906, str. 34; I. Šusta. Uročni rejstřík kláštera zlatokorunského z počátku 15 věku. «Český časopis historický», 1907, str. 312.

⁴ J. Salaba. Příspěvky ke kritice urbárů, pozemkových a jiných knih, katastrů, map starých učtů ad. «Selský archiv», 1921—1923; J. Salaba. Doplnky ke Kritice českých urbárů. «Věstník kralovské česke společnosti nauk», 1929.

⁵ См., например, F. Vaček. Op. cit., str. 12; J. Salaba. Doplnky..., str. 30.

⁶ А. Н. Ясинский. Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии в средние века, т. I. Юрьев, 1901, стр. 26 и сл.

⁷ В этой связи особо следует отметить, что уже в самом начале XX в. А. Н. Ясинский дал резкую отповедь И. Шусте, пытавшемуся, вопреки фактам и исторической правде, доказать, что чешские урбарии являются заимствованием у «Западного мира». А. Н. Ясинский. Очерки..., стр. 24—25. Аргументированная критика Ясинским

о поземельной описи Градищенского монастыря А. Н. Ясинский показывает пример глубокого монографического анализа источника как со стороны его происхождения, так и со стороны заключавшихся в нем сведений¹.

Но не преодолев методологической ограниченности буржуазной науки, А. Н. Ясинский оказался не в состоянии четко поставить и разрешить вопрос о том, чьи классовые интересы выражают урбарии. Нельзя не признать также, что, привлекая данные поземельных описей конца XIV и начала XV в. для выяснения социально-экономического развития Чехии в XII—XIII вв. и систематически сопоставляя данные поземельных описей с показаниями грамот XIII, XII и даже XI вв.², А. Н. Ясинский в значительной мере лишил свое исследование правильной исторической перспективы. В самом деле, при таком подходе к памятникам из поля зрения исследователя совершенно выпал вопрос о том, каким образом правильно подчеркнутые самим Ясинским сдвиги в социально-экономическом положении Чехии, происшедшие на рубеже XIV—XV вв., подготовили Великую чешскую крестьянскую войну XV в.

Подлинно научное исследование общественных явлений могут дать только ученые, вооруженные единственно правильным методом — методом марксизма-ленинизма. К сожалению, приходится отметить, что материалы чешских поземельных описей до последнего времени не были использованы советскими историками.

Историки народно-демократической Чехословакии, уделяющие изучению Великой крестьянской войны XV в. большое внимание³, привлекли цифровые данные чешских поземельных описей для воссоздания подлинной картины жизни чешских крестьян накануне гуситских войн. Приходится, однако, констатировать, что в этом отношении предпринимаются только первые шаги. Так, в своем монографическом исследовании «Табор в гуситском революционном движении»⁴ И. Мацек использует сведения, почерпнутые из трех урбариев XIV—XV вв. — Златокорунского, Тржебоньского и Страговского. Оставляя в стороне выводы И. Мацека относительно дифференциации чешских крестьян накануне гуситских войн, сделанные на основании явно недостаточных материалов, следует признать серьезным достижением и самую постановку вопроса о расслоении чешского крестьянства в XIV в. и привлечение для его разрешения данных поземельных описей. Вместе с тем нельзя не отметить, что И. Мацек допускает неточность, рассматривая владения Страговского монастыря как единое компактное целое⁵. Вотчины Страговского монастыря были разбросаны по разным частям Чехии⁶.

этих лженаучных взглядов вызвала злобные нападки космополита и фальсификатора чешской истории И. Пекаржа (см. его статью «K českým dějinám agrárním ve středověku». «Český časopis historický», 1901, str. 331).

¹ А. Н. Ясинский, Поземельная опись Градищенского монастыря. Опыт изучения памятника аграрной истории Чехии. «Труды Белорусского государственного университета», 1926, т. XII, стр. 34 и сл.

² Особенно большое число примеров подобного сравнения и использования материалов урбариев мы находим в третьей главе работы А. Н. Ясинского. Очерки..., стр. 244 и сл.

³ П. И. Резонов, Г. Э. Санчук, А. И. Озолин. Гуситское революционное движение в новых работах чехословацких историков. «Вопросы истории», 1954, № 10, стр. 140 и сл.

⁴ J. Mašek, Tábor v hisitském revolučním hnutí, d. I. Praha, 1952.

⁵ Там же, стр. 119.

⁶ Вотчины Страговского монастыря делились на семь групп: ближайšie к монастырю села, правобережные Ватавские, южные Огржские, Колинские, Бероунские, Пацовские и Захлумские.

Поэтому надо было не механически суммировать данные о селах, расположенных на юге, севере и в центре страны, а рассмотреть положение каждой группы сел в отдельности, в зависимости от их локализации.

* * *

На пути изучения чешских поземельных описей XIV—XV вв. имеются значительные препятствия. Прежде всего необходимо отметить, что до настоящего времени изданы далеко не все из сохранившихся описей того времени. Кроме публикации Эмлера, который напечатал более половины всех изданных до наших дней урбариев¹, остальные памятники этого рода опубликованы в редко встречающихся и зачастую малодоступных чешских периодических изданиях конца XIX—начала XX вв. Следует добавить, что сами издания текстов поземельных описей во многих отношениях неудовлетворительны и не снабжены комментарием, глоссарием и прочим необходимым научным аппаратом². Нельзя умолчать также и о том обстоятельстве, что подавляющее большинство сохранившихся поземельных описей — и это в первую очередь относится к наиболее древним из них — дошло до современного исследователя в виде отрывков, иногда крайне фрагментарных и бессвязных. Работа с поземельными описями усложняется тем, что язык этих памятников отличается всеми качествами плохой средневековой латыни и к тому же обильно насыщен отдельными терминами и оборотами чешских и немецких языков. Во многих местах составители употребляли значки и обозначения, специально придуманные в каждом отдельном случае. Поэтому изучение чешских поземельных описей и использование их требуют значительных усилий³. Но усилия, потраченные на преодоление всех встречающихся трудностей, полностью окупаются. Материалы описей и тесно связанные с ними приходо-расходные ведомости позволяют довольно глубоко проникнуть в сущность революционных событий, взволновавших феодальную Европу XV в. Содержащиеся в урбариях сведения важны не только для изучения аграрного строя и развития социальных отношений в средневековой Чехии, но часто и уникальны. Приступая к описанию имения или группы имений, составляющих крупную феодальную вотчину, составитель наиболее подробных урбариев сообщает обыкновенно количество поземельных единиц — ланов или дедин в каждом населенном пункте, норму барщинных работ, сумму натурального и денежного обложения с каждой единицы земельной площади, перечисляет земельные держания, указывая количество земли в каждом, титул владения, имя держателя и общую сумму приходящихся на его долю отработок, повинностей и платежей. В заключение он подводит итог всем видам феодальной ренты по каждому селу или

¹ Decem registra censuum bohémica compilata aetate bellum husiticum praecedente. Deset urbářů českých z doby před válkami husitskými. K vydání upravil Josef Emler v Praze, 1881. (В дальнейшем — DR, римская цифра обозначает номер памятника, арабская — страницу).

² Исключением в этом отношении является новейшая публикация памятника подобного рода — урбария Тржебоньского монастыря в южной Чехии, изданного в народно-демократической Чехословакии в 1949 г. (Urbář z roku 1378 a účtý kláštera Třeboňského z let 1367—1407. Registrum censuum ac proventus de anno MCCCLXVIII nec non recepta et distributa monasterii Trzebonensis de annis MCCCLXVII—MCCCCVII. Ed. A. Křečák. Historický archiv, č. 52, v Praze, 1949). Это издание снабжено подробным введением, словарем, указателями, а в приложении помещены другие важные документы, характеризующие хозяйственную деятельность Тржебоньского монастыря в этот период.

³ Весьма поучительно в этом смысле высказывание А. Н. Ясинского в одной из последних его работ о том большом напряжении, которого требует работа над средневековыми чешскими урбариями. См. «Труды Белорусского государственного университета», 1926, т. XII, стр. 62.

хутору. Кроме того, подробные поземельные описи часто содержат и другие важные сведения. Здесь можно найти перечисление сельскохозяйственных культур, засевавшихся в той или иной вотчине, известия о наличии в том или ином населенном пункте домена, данные о количестве подсоседков, работающих, как правило, на этом домене, упоминания о панских стражниках и о их вооружении, ценные данные о взимании берны и других налогов, а также свидетельства о наличии в различных пунктах ремесленников и их мастерских¹. Краткие поземельные описи сообщают лишь часть этих сведений в различных сочетаниях, но почти всегда содержат указания о сумме феодальной ренты в каждом селе или по крайней мере приводят её нормальные размеры.

Все эти материалы нельзя не признать имеющими серьезное значение для советской исторической науки, которая не может «... сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»².

Но при изучении чешских поземельных описей неизменно приходится ставить вопрос о достоверности заключающихся в них сведений. Вместе с тем вопрос о достоверности урбарияльных записей неразрывно связан с другим вопросом, также не поставленным буржуазной наукой, — с вопросом о классовом характере и классовой направленности изучаемых памятников.

Для того чтобы иметь возможность перейти к постановке этих вопросов, необходимо, однако, подробно ознакомиться с содержанием и общим характером каждой из сохранившихся описей в отдельности. Несмотря на то, что такое рассмотрение может показаться несколько растянутым, оно представляется нам все же необходимым отправным пунктом дальнейшего исследования.

ОТРЫВОК ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ОПИСИ ИМЕННИЙ ЕПИСКОПСТВА ПРАЖСКОГО (ОКОЛО 1290 г.)

К числу наиболее древних из сохранившихся поземельных описей, свидетельствующих о том, что подобные документы составлялись уже в XIII в., принадлежит урбарий Пражского епископства³, составленный в 90-х годах XIII в. К сожалению, этот памятник почти полностью утрачен, сохранившаяся часть представляет собой небольшой отрывок, изданный Эмлером⁴.

¹ Материалы, содержащиеся в чешских поземельных описях, являются неоценимым пособием также и для изучения частных вопросов. Так, они дают многое для ознакомления с чешскими монетными единицами и монетным счетом, для установления единиц измерения земельных площадей и других метрологических величин, для уточнения географии, топографии и гидрографии средневековой Чехии. Кроме того, поземельные описи, содержащие большое количество личных и географических имен, составляют прочный фундамент для чешской исторической ономастологии и являются косвенным источником по истории языка.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11. Госполитиздат, 1952, стр. 591.

³ Что касается так называемого Нетолицкого урбария, упомянутого в известном библиографическом указателе Зиберта (С. Zibr. Bibliografie české historie, d. II, v Praze, 1902, str. 688), то подразумеваемый текст представляет лишь учредительную грамоту Нетолицкого монастыря, выданную маркграфом Бранденбургским Оттоном, опекуном малолетнего чешского короля Вацлава II 6 января 1281 г. Действительно, в примечании к этому тексту упоминается урбарий этого монастыря позднейшего времени начала XV в. (насколько нам известно, он до настоящего времени не издан).

⁴ Fragmentum urbarii episcopatus Pragensis anno cc. MCCXC compilatum, Zlomek urbare biskupství Pražského z r. asi 1290; DR, str. 1—3.

Отрывок состоит из одного пергаментного листа, уцелевшего в качестве подклейки к переплету позднейшей книги, исписанного с обеих сторон. В сохранившейся части текста имеется краткое описание части епископских владений и доходов в 12 селах Зерчицко-Бехарского округа, в 9 селах Штепановского дистрикта и в одном населенном пункте Ржчицкого. Отрывок, как это было определено Эмлером, относится к началу последнего десятилетия XIII в.¹ А. Н. Ясинский убедительно показал, что настоящий отрывок представляет часть той описи, о которой имеются неоднократные упоминания в урбарии архиепископства Пражского 1390 г.²

По своему характеру этот документ принадлежит к числу кратких поземельных описей, так как не содержит поименного перечисления держателей с их повинностями, ограничиваясь лишь указанием на общее количество поземельных единиц в каждом из упоминаемых населенных пунктов и приводя норму феодальных рент с каждой единицы земельной площади. Ценность сообщаемых фрагментом сведений значительно выигрывает от того, что при сравнении с упомянутым архиепископским урбарием мы имеем возможность, сопоставляя данные описи, касающиеся одних и тех же населенных пунктов, прийти к определенным заключениям об изменениях в структуре феодальных рент и общем росте их суммы за столетие.

ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ОПИСЬ ВЛАДЕНИЙ РУДНИЦКОГО МОНАСТЫРЯ (1338 г.)

Первая поземельная опись, полностью дошедшая до нас, — это опись имения Августинского монастыря в Руднице (составлена в 1338—1341 гг.)³. Опись была издана Эмлером, но по копиям, выполненным и сверенным другими лицами⁴. По свидетельству А. Н. Ясинского, лично изучавшего оригинал (который хранился в то время в Берлинской библиотеке), опись состоит из 13 пергаментных листов, заключенных в двух тетрадах⁵.

Урбарий содержит прежде всего краткое описание имений Рудницкого монастыря, составленное по приказу основателя монастыря пражского епископа Яна из Дражиц в декабре 1338 г.⁶ В этом описании имеются материалы о 30 селах, которые находились около монастыря, а также — в округах Сланы, Литомержицы, Мельник, Жагец и Рокицаны⁷. Составитель не всегда одинаково описывал села. Так, например, в пяти селах Сланы приведена норма обложения с 1 лана и подсчитана сумма денежного чинша со всего села, а в двух других случаях указана лишь норма обложения на каждый лан. При описании сел, расположенных между Литомержицами и Устьем, приводится, напротив, только общая сумма обложения с каждого села. Только в одном случае, при описании с. Шлапаницы, содержится подробное перечисление всех держателей и показана величина надела, что является первым случаем подобного рода⁸. Вслед за этой частью включены известия о дальнейших земельных приобретениях монастыря; значительная часть которых приходится до июня 1341 г., когда был подведен итог всех

¹ DR, úvod, str. V. С этой датировкой согласен и Ясинский (см. Очерки... стр. 31).

² А. Н. Ясинский. Очерки..., стр. 41.

³ Conscriptio bonorum monasterii S. Mariae Rudnicensis anno MCCCXXXVIII facta. Popis statků kláštera Panny Marie v Roudnici r. 1338 učiněny. DR, II, str. 4—19.

⁴ DR, úvod, str. VI.

⁵ А. Н. Ясинский. Очерки..., стр. 36.

⁶ DR, II, 4.

⁷ DR, II, 4, 19.

⁸ DR, II, 6.

чиншевых платежей, получавшихся монастырем с его владений¹. После этого в текст поземельной описи было внесено только два дополнения о новом расширении монастырских владений и об уплате берны в 1377 г.² После 1377 г. на полях рукописи были сделаны еще некоторые исправления и дополнения³.

Использование материалов рудницкого урбария затрудняется тем, что строгий географический порядок соблюдается только в начале рукописи, а в дальнейшем составитель заносил сведения о новых имениях монастыря по мере их приобретения, ввиду этого урбарияльные заметки или записи перепутались.

Тем не менее, значение рукописи Рудницкого монастыря достаточно велико. С одной стороны, это первый сохранившийся целиком памятник подобного рода; с другой — распределение земли между крестьянами с Шлапаницы является исходным пунктом при сравнении с аналогичными данными более поздних поземельных описей, относящихся к тому же району. Вместе с тем документ свидетельствует об укоренившемся обыкновении составлять поземельные описи в монастырских владениях; к моменту составления начальной части описи не прошло и пяти лет со дня основания монастыря. Наконец, вторая часть описи позволяет сделать вывод о темпах роста монастырских владений и доходов: в декабре 1338 г. сумма чиншей с монастырских сел составляла 237 марок $\frac{1}{2}$ фертона и 5 грошей, а в июне 1341 г. — уже 323 марки $\frac{2}{2}$ фертона, т. е. выросла за это короткое время более чем на одну треть.

Ценным дополнением к рудницкому урбарии является дипломатарий того же монастыря, изданный также Эмлером⁴. Содержащиеся в этом сборнике грамоты бросают дополнительный свет на рост монастырских владений, а также помогают изучить хозяйство монастыря, свидетельствуя, например, об укрепляющихся связях монастыря с рынком.

ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ОПИСЬ ИМЕННИЙ ЗБРАСЛАВСКОГО МОНАСТЫРЯ (1342 г.)

К первой половине XIV в. относится урбарий цистерцианского монастыря в Збраславе⁵. Этот небольшой по объему документ, изданный Эмлером в упоминавшемся уже много раз сборнике монастырских описей предгуситской поры, был обнаружен на предпоследнем листе одной из старинных рукописных книг пражского капитула⁶.

По своему характеру рассматриваемый текст представляет собой скорее развернутую приходо-расходную ведомость монастыря, чем поземельную

¹ DR, II, 17.

² В тексте указано «а. D. MCCCCLXII», но в перечислении сел, с которых поступала берна, указаны еще Домашицы и Обрутка, приобретенные монастырем лишь в сентябре 1377 г. (DR, II, 18 и 17), из чего следует, что в дате сбора берны допущена ошибка или опечатка.

³ А. Н. Ясинский, который отметил, что обмен с Либоржич на с. Брлог (этот факт он установил на основании актового материала, не включенного в издание) «не попал на страницы поземельной описи», не заметил, очевидно, что об этом обмене сказано на полях восьмой страницы рукописи в RD, II, 7. А. Н. Ясинский, Очерки... стр. 45.

⁴ Diplomatař klášteřa blahoslavené Panny Marie řeholních kanovníků řádu sv. Augustina v Roudnici. «Věstník Kralovské české společnosti náuk», Ročník, 1894, str. 1—54.

⁵ Registrum monasterii Aulæ Regiæ de omnibus preuentibus anno MCCCXLII scriptum. Urbář klášteřa Zbraslavského z. r. 1342. DR, X, 309—312. Поземельная опись Збраславского монастыря датируется случайным упоминанием в середине текста: «Nos anno scilicet MCCCXLII», DR, X, 310.

⁶ DR, úvod, str. XI.

опись обычного типа, а содержащиеся в нем сведения размещены довольно беспорядочно. При перечислении сел, далеко не полным и (как это было показано А. Н. Ясинским) не соответствовавшим действительному составу монастырских владений в момент составления описи¹, обычно указывается лишь весьма суммарно количество земли, принадлежавшее монастырю в каждом селе, но не названы имена держателей и величина их наделов. Другой особенностью этой поземельной описи является то обстоятельство, что при перечислении доходов с различных видов владений отмечено во многих случаях и то, на что должны расходоваться соответствующие суммы. Здесь перечислены следующие статьи расходов: на питание и обувь монахов, на школу при монастыре, на монастырского врача и т. д. Эти последние данные, неоднократно встречаемые и в других поземельных описях, подкрепляют свидетельство современников о высоком уровне культурного развития Чехии в XIV—XV вв. Вместе с тем опись показывает эксплуататорскую основу монастырского хозяйства — сравнительно высокую барщину (правда, полных данных о всех видах феодальной ренты источник не дает, так как в нем отсутствуют сведения о денежных и натуральных платежах, приходящихся на каждое хозяйство). Не лишено значения и то, что среди доходных статей монастыря отмечено и право собирания пошлин за перевозку, в том числе и по реке. В описи отмечено наличие большого количества рыбных садков, что свидетельствует о значении рыбозаведения в монастырском хозяйстве.

ОТРЫВОК ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ОПИСИ ВЛАДЕНИЙ ПОГЛЕДСКОГО МОНАСТЫРЯ (ОКОЛО 1350 г.)

К сожалению, невозможно определить с полной точностью время происхождения урбария Погледского цистерцианского монастыря², относимого исследователями к середине XIV в. (Эмлер, Ясинский, Вацек, Салаба)³. Эта опись сохранилась в составе небольшого рукописного отрывка монастырского хартулярия и состоит из трех пергаментных листов. Несмотря на краткость и фрагментарный вид, урбарий содержит список всех сел, принадлежавших монастырю в момент составления поземельной описи.

Поземельная опись владений Погледского монастыря распадается на две части: первая представляет собою список церковной десятины с 10 сел, причем в отношении семи сел указаны имена держателей и количество вносимого каждым зерна, а также общее количество десятинных взносов, а о трех селах имеются сведения только об общем количестве поступлений со всего села. В заключение первой части подведена общая сумма десятины со всех десяти сел⁴. Во второй части содержится описание двух сел, построенное по иному плану: при имени каждого держателя указано количество имеющейся у него земли и причитающиеся с него денежные и натуральные взносы, а в заключение подведена сумма денежных поступлений⁵. В конце помещена приписка о платежах некоего Гануша Гаммермайстера, относящаяся к 1478 г.⁶

¹ А. Н. Ясинский. Очерки... стр. 43, 44 и указанная там литература.

² Fragmentum urbarii monasterii Vallis S. Mariae. Zlomek urbáře kláštera Pohledského; DR, III, str. 20—22.

³ DR, úvod, str. VI. А. Н. Ясинский. Очерки... стр. 42; F. Vacek. Op. cit., str. 14; J. Salaba. Doplňky... str. 48, 55.

⁴ DR, III, 20—21.

⁵ DR, III, 21—22.

⁶ DR, III, 22.

При ознакомлении с данными описи бросаются в глаза отсутствие барщинных повинностей и сравнительно невысокий денежный чинш (12 грошей с лана, в то время как в Збраславском монастыре крестьяне платят 39,32 гроша и, кроме того, выполняють тяжелые барщинные повинности)¹. Разгадку этого явления можно видеть в том, что эти села были недавно основаны и заселены немецкими колонистами, о чем свидетельствуют как названия сел, так и имена крестьян².

Это является лишним подтверждением того, что чешские феодалы создавали для иноземных колонистов относительно льготные условия. Следует подчеркнуть, что к выводам, касающимся распределения земли в селах Погледского монастыря, следует относиться с известной осторожностью ввиду того, что условия землепользования, существовавшие во вновь основанных немецких селах, не могут считаться типичными для всей массы чешского крестьянства.

ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ОПИСЬ ВЛАДЕНИЙ ХОТЕШОВСКОГО МОНАСТЫРЯ (1367 г.)

Значительно более подробный и систематический характер имеет поземельная опись Хотешовского монастыря³, изданная Эмлером по двум сохранившимся спискам начала XVI в.⁴ Эта поземельная опись состоит из двух частей, из которых вторая (описание сел Энцеванского папства), написанная по-чешски⁵, была составлена, как это показал А. Н. Ясинский, не ранее конца XV в. и, уж во всяком случае, после гуситских войн⁶. Ввиду того в дальнейшем используется лишь первая (латинская) часть хотешовского урбария, и все упоминания о нем относятся к этой части.

Владения женского Хотешовского монастыря, который был одним из крупнейших в Чехии и принадлежал ордену премонстрантов, в момент составления описи состояли из 57 сел, 3 местечек и города Энцеваны, расположенных в Пльзеньском крае и у Рудницы⁷.

Рассматриваемая опись не является абсолютно полной и охватывает монастырские владения только Пльзеньского края. Урбарий Хотешовского монастыря составлен по известному плану, почти выдержанному на всем протяжении памятника. Здесь приводится количество земли в селах, указывается денежная, натуральная, отработочная рента с каждого лана крестьянских наделов, перечисляются монастырские леса, луга, мельницы с указанием получаемых от них доходов и, наконец, дается поименный список держателей с указанием количества земли, титула владения и часто профессии держателя, если он занимается, кроме сельского хозяйства, каким-либо про-

¹ DR, III, 21; DR, X, 310.

² Так, например, в этом урбарии в селах Летендорф, Шутцендорф, Партушдорф, Фравнталь и т. п. перечислены следующие имена держателей монастырских земель: Эксер, Кройцер, Виндер, Пешл, Юблер, Нихус, Куттнер, Кригер, Гомермайстер и др.

³ *Urbarium monasterii Chotiesšovensis anno MCCCLXII compilatum. Urbář kláštera Chotěšovského r. 1367 zloženo; DR, IV, str. 23—52.*

⁴ DR, úvod, str. VII.

⁵ DR, IV, 43—52. Эмлер считал вероятным, что описание сел Энцеванского имениа тоже относится к догуситскому времени и лишь позже было переведено с латыни на чешский язык. Однако это предположение было опровергнуто А. Н. Ясинским. Заблуждение Эмлера можно объяснить и тем обстоятельством, что составитель описи Энцеванской части владений широко использовал ныне утраченную часть урбария 1367 г., что не могло не наложить соответствующего отпечатка на эту часть поземельной описи.

⁶ А. Н. Ясинский. Очерки..., стр. 45—46, стр. 49, прим. I. Этот вывод русского ученого подтверждается также наблюдениями Вацека, самостоятельно пришедшего к тем же заключениям на 25 лет позже (см. F. Vasek. Op. cit., str. 15).

⁷ J. Salaba. Doplňky..., str. 48.

мыслом или ремеслом. Кроме того, в эти заметки включаются иногда также данные об уплате берны, подымного сбора и других налогов. Подробное перечисление всех многочисленных видов барщинных работ (пахота, уборка хлебов, сбор конопли, льна, заготовка сена и дров, извозная повинность и др.) и натуральных платежей (пшеница, рожь, овес, ячмень, просо, горох, лен, конопля, хмель, овощи, мак, ягнята, мясо, гуси, куры, цыплята, яйца, сыр, сало, жир и др.) дает известное представление как о развитии производительных сил страны, так и о положении крестьян на западе Чехии. Сведения о сельских ремесленниках и о многочисленной монастырской челяди дополняют картину о чешском феодальном селе XIV в. многими ценными подробностями, относящимися к хозяйственной жизни и социальным отношениям.

Следует, впрочем, заметить, что многие важные вопросы недостаточно освещены материалами описи. В ней почти полностью отсутствуют сведения о барской запашке, о ее относительных размерах по сравнению с крестьянскими наделами, о составе сельскохозяйственных культур на доменах и т. д.¹

ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ОПИСЬ ВЛАДЕНИЙ ТРЖЕБОНЬСКОГО МОНАСТЫРЯ (1378 г.)

К южным границам Чехии переносит нас урбарий Тржебоньского монастыря², изданный в 1949 г. и не ставший пока, насколько нам известно, предметом специального рассмотрения. Этот урбарий сохранился в копии, составленной в начале 70-х годов XVII в. Зибертом, архивариусом князей фон Шварценберг. Оригинал урбария был отослан в имперскую канцелярию для подтверждения прав князей фон Шварценберг на часть бывших владений монастыря. Ввиду утраты оригинала сейчас не представляется возможным решить, насколько точно была снята копия, и весьма вероятно предположение издателя, что имевшийся в его распоряжении текст был не копией, а скорее выписками из источника. Следует также добавить, что копист часто ошибался (особенно в цифрах), не отличал маргинальных записей от первоначального текста и до некоторой степени подправлял язык³.

Поземельная опись Тржебоньского августинского монастыря была составлена, как это видно из ее вводного абзаца, в 1378 г.⁴ В изданной части урбарий охватывает семь сел, расположенных в окрестностях монастыря вперемежку с владениями панов из Рожмберка, которые систематически оказывали поддержку монастырю и увеличивали его владения.

Во всех селах описание ведется следующим образом. Поименно перечисляются держатели, с указанием величины их участков и вносимого ими денежного чинша, затем подводятся суммы земель и сумма денежных поступлений, а в заключение перечисляются барщинные работы, как выполняемые всеми жителями села совместно, так и приходящиеся на каждый лан крестьянской земли. Описание с. Шальмановичи предворяется новой датой — 1382 г. В конце урбария содержится приписка, относящаяся к с. Дворжец и датированная 1401 г. В ней идет речь об условиях замены барщины денежными платежами⁵.

¹ О наличии домена свидетельствуют барщинные повинности крестьян. DR, IV, str. 23—42.

² Urbář, z roku 1378..., Ed. A. Krejčík, Historický archiv, č. 52, v Praze, 1949.

³ Там же, стр. I—V.

⁴ Там же, стр. I.

⁵ Там же, стр. 9—10.

При ознакомлении с урбарием Тржебоньского монастыря нельзя не заметить значительно большей парцелляции крестьянских земель, чем это мы видели в урбарии Хотешовского монастыря. Вряд ли это можно объяснить каким-нибудь серьезным изменением в хозяйственной жизни Чехии между 1367 и 1378 гг.; в этом различии приходится видеть скорее особенности местных условий.

К рассмотренному урбарии непосредственно примыкает приходо-расходная ведомость того же монастыря за 1367—1407 гг.¹ В этом документе содержатся краткое перечисление монастырских доходов и подробное указание статей расхода. Эти материалы ярко рисуют хозяйственную жизнь небольшого провинциального монастыря на юге Чехии, особенностью которого являлось, между прочим, сравнительно большое применение наемной рабочей силы крестьян (*safarzi, coloni*) как на полевых работах, так и в различных видах ремесла. Второй особенностью монастырского хозяйства было то обстоятельство, что оно было тесно связано с рынком. Монастырское хозяйство зависело от рынка, ибо покупало значительную часть продуктов питания, необходимых для монахов. Однако и сам монастырь выступает на рынке в качестве продавца, специально развивая некоторые отрасли хозяйства, например птицеводство.

Весьма важными являются также указания цен на многие продукты, что позволяет судить, в частности, о реальном значении крестьянских чиншей и платежей. Крестьяне Тржебоньского монастыря платили до 74—75 грошей с лана земли, не считая стоимости барщинных работ и натуральных повинностей, между тем в это время хорошая молочная корова стоила в среднем 30 грошей, откормленная свинья — 11—12 грошей, курица — $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ гроша².

По счетам прослеживается также значительный рост монастырских доходов, связанный с увеличением владений монастырей. Одновременно происходило расширение собственного монастырского хозяйства, о чем можно судить на основании того, что количество поденщиков за 30 лет выросло почти в 4 раза. Нельзя оставить без внимания и то обстоятельство, что сравнение приходо-расходной ведомости с поземельной описью показывает, что, несмотря на усилия монастырской администрации, имевшей в своем распоряжении все средства патримониальной юстиции, денежный чинш с крестьян почти никогда не соответствовал норме обложения. За семилетие недобор достигал суммы в 4882 гроша $1\frac{1}{2}$ денария, то есть составлял 81 копу 22 гроша и $\frac{1}{2}$ денария³. Все это является яркой иллюстрацией бедственного положения крестьян на юге Чехии.

ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ОПИСЬ ВЛАДЕНИЙ ПАНОВ РОЖМБЕРКОВ (ОКОЛО 1374—1379 гг.)

Одним из наиболее интересных и важных памятников изучаемой категории является обширный урбарий земель панов Рожмберков⁴ (по-чешски панов из Рожмберка, в статье пользуемся также латинской транскрипцией поземельных описей), выводящий нас за пределы монастырского земле-владения и показывающий особенности хозяйства и эксплуататорскую

¹ Urbář z roku 1378..., str. 11 a násl.

² Там же, стр. 13—29.

³ Там же, стр. 49—73.

⁴ Registrum bonorum Rosenbergorum a MCCCLXXIX compilatum. Urbář zboží Rožmberského z r. 1379. K vydání (z rukopisy bibliotéky křižovnické) upravil Jos. Truhlař. «Pojednání králevské české společnosti nauk», VI Rady, díl 10, v Praze, 1880.

сущность одного из наиболее крупных феодальных владений средневековой Чехии.

Земельный регистр Рожмберков распадается на две части — в одной описано общее владение братьев Петра и Яна, а в другой — описаны земли младшего брата Ольдржиха. Так как раздел рожмберкских владений произошел в 1374 г., то урбарий в том виде, в каком он сохранился, не мог возникнуть прежде этого времени. Но в первой части документа, где описывается общая доля братьев Петра и Яна, упомянут 1379 год, ввиду чего эта дата принималась некоторыми исследователями за дату составления всего памятника¹. Однако чешскими учеными было в дальнейшем показано, что доля Ольдржиха была описана в 1374—1379 гг.² Вторую часть памятника считают возможным датировать между 1379 и 1384 гг., когда умер старший брат Петр³. Обе части памятника написаны одним и тем же писарем⁴. В тексте урбария имеются неоднократные ссылки на более ранние описи рожмберкских владений, появление которых можно отнести к первой половине XIV в. и, может быть, даже, как предполагал Ясинский, к концу предыдущего века⁵. Именно эти ранние описи послужили основой рассматриваемого урбария.

К моменту составления описи Рожмберки владели 18 панствами в Чехии и одним в Австрии⁶. Эти владения не представляли собой цельной территории. Отдельные панства и села лежали на значительных расстояниях друг от друга и перемежались с имениями других феодалов, примером чего могут являться только что описанные села Тржебоньского монастыря, а также владения Вышебродского и Золотокорунского монастырей.

Внешней особенностью рожмберковского урбария является то, что весь текст разделен на снабженные заголовком разделы, в каждом из которых содержится описание какого-либо одного панства. Кроме того, описанию каждого населенного пункта предпосылается порядковый номер, общий для всей описи. Такая структура исследуемого документа облегчает процесс изучения и позволяет уточнить систему ссылок. Еще более важной является другая особенность документа, тесно связанная со спецификой хозяйственного развития южных районов Чехии, для которых было характерно резкое преобладание денежных платежей над другими видами феодальной ренты и даже частичное вытеснение их. Так, при показании чиншевых платежей, приходящихся на каждый лан земли (описание рожмберкских сел не включает поименных списков крестьян), стоимость натуральных взносов и отработок переведена на деньги и включена в сумму чинша, причем не всегда указывается, какие разновидности барщин подверглись в данном случае замене деньгами.

В огромных имениях Рожмберков мы видим разнообразные отрасли сельского хозяйства: полеводство, лесоразведение, садоводство, скотоводство, луговое хозяйство. Узнаем также и о других многочисленных отраслях панского хозяйства — об огородничестве, о рыборазведении, о пчеловодстве,

¹ См., например, введение Трухляржа к изданию Рожмберкского урбария, стр. II.

² J. Susta. Glossy..., str. 35.

³ Там же; J. Salaba. Doplňky..., str. 49—59.

⁴ В конце урбария владений братьев Петра и Яна имеется опись имения, принадлежавшего пробству всех святых в пражском Граде. Это объясняется тем, что Петру Рожмберку принадлежали эти земли на правах пробства. *Registrum bonorum Rosenbergorum...*, p. 57, № 480—486.

⁵ Там же, стр. 47, № 407—408, где упомянуты прежние описи «*registrum Thome*» и «*registrum Martini*». Ср. А. Н. Ясинский. Очерки..., стр. 37.

⁶ В Австрии находилось Газахское панство. Там же, стр. 24—25, № 197—205.

об изготовлении солода и пива, а также о дополнительных доходных статьях, как сбор с мельниц, корчм, лавок, рынков, бань, рихт и пошлины за переезд по мостам, переправу через реки и т. д. Узнаем также о строительстве искусственных водоемов, дорог, зданий и занятиях горным делом.

Существенным достоинством поземельной описи является то, что она представляет широкое поле, наглядно и убедительно рисующее одно из крупнейших феодальных хозяйств Чехии XIV в. Несмотря на некоторую неполноту, чрезмерную лаконичность и недостаточную ясность отдельных указаний, поземельная опись остается одним из ценнейших источников. На основании рожмберкского урбария можно изучить, в частности, структуру феодальной ренты в южной части Чехии на рубеже 70—80-х годов XIV в., познакомиться с характерными особенностями феодальной эксплуатации в чешской деревне накануне Великой крестьянской войны. С другой стороны, отсутствие показаний о величине и обложении отдельных крестьянских хозяйств и включение в состав чиншевых платежей стоимостного выражения других видов феодальной ренты затрудняют применение к рожмберкской описи статистических методов исследований. Кроме того, поскольку все данные рожмберкского урбария относятся к одному, и притом весьма ограниченному, периоду времени, они не дают материала для изучения развития аграрного строя в пределах интересующего нас времени. Ввиду этого приходится особенно пожалеть о том, что до настоящего времени остается неизданным другой урбарий рожмберкских владений, относящийся к 1415—1420 гг., о существовании которого известно лишь из попутного упоминания в одной из статей выдающегося буржуазного ученого Б. Мендля¹.

Важнейшим дополнением к поземельной описи рожмберкских владений является приходо-расходная книга Зубка, бургграфа (управителя) Новоградского панства, за 1390—1391 гг.² Здесь даже более отчетливо, чем в соответствующих документах Тржебоньского монастыря, отражается степень вовлечения вотчины в товарно-денежные отношения. При изучении этих документов мы видим, с одной стороны, что управитель барских имений получает за свою работу деньги и покупает на рынке подавляющее большинство необходимых ему продуктов питания. С другой стороны, помещиальная земля здесь сравнительно невелика и эксплуатируется не совсем обычным образом. Мелкие участки господской земли обрабатываются безземельными крестьянами (так называемые *safarzi, coloni*), сдающими все полностью на господский двор и получающими денежное вознаграждение — 1 копу в год. Орудия труда, скот и инвентарь эти крестьяне также получают от господина³.

Таким образом, в качестве характерной особенности ведения хозяйства в имениях панов из Рожмберка надо отметить значительное применение наемной рабочей силы (ср. соответствующие данные в тржебоньской поземельной описи). Вместе с тем приходо-расходная книга Новоградского бургграфа показывает, какую значительную часть доходов феодала составляли личные поборы с крестьян, сборы с вымороченного имущества и особенно судебные штрафы. Наконец, на основании этих документов можно составить представление о темпах роста крупной вотчины в конце XIV в.

¹ B. Mendl. Prameny k agrárním dějinám v rámci činnosti československého státního ústavu historického. «Věstník československé akademie zemědělské», 1938, str. 76.

² Purkrabské účty panství Novohradského z let 1390—1391. K vydání upravil Josef Šusta. «Historický archiv», č. 35, v Praze, 1909.

³ Там же, стр. 38—40.

ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ОПИСЬ ВЛАДЕНИЙ ОСТРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ (1388—1395 гг.)

Следующей по времени из уцелевших поземельных описей является урбарий Островского бенедиктинского монастыря¹, составленный, как это было показано А. Н. Ясинским, в 1388—1395 гг. и сохранившийся в рукописи, написанной около 1420 г.² Рукопись этого довольно объемистого памятника представляет собою целую книгу из 132 листов (к сожалению, многие страницы утрачены, а оставшиеся переплетены в произвольном порядке и перепутаны с грамотами и хроникальными записями позднейшего времени). Текст собственно урбария составляет 20 страниц этой книги³.

Состав поземельной описи Островского монастыря разделяется А. Н. Ясинским, детально изучившим как изданный Эмлером текст, так и рукопись, на две части. В первых строках рукописи указано, что уже в 1388 г. аббат Мстислав распорядился переписать монастырское имущество, но к выполнению этой работы приступили только в 1390 г., и лишь к 1395 г. большинство монастырских сел было внесено на страницы урбария. Это описание и представляет собой два раздела первой части островской поземельной описи⁴. Вторая часть изданного текста — остаток монастырского хартулярия, состоящего из грамот, определяющих положение сирот, находившихся под наблюдением монастыря, и документов, оформлявших куплю и продажу земель монастырем⁵.

При изучении островской поземельной описи серьезным препятствием является хаотическое состояние первой части изданного Эмлером текста. В самом деле, общий список населенных пунктов помещен между описаниями сел. В составе этих описаний заметки, относящиеся к одному селу, часто находятся в совершенно различных местах и перемежаются материалами о других населенных пунктах⁶.

Попытку объяснить такое состояние источника сделал А. Н. Ясинский, заслугой которого является то, что он выяснил связь нынешнего состояния текста с историей его происхождения⁷. Исходя из сравнения действительного географического расположения названных в островском урбарии сел с тем порядком, в каком они помещены в памятнике, Ясинский доказал, что первоначальные описания сел велись не в тетради, а на отдельных листах, сложенных определенным образом⁸, а впоследствии, когда эти листы были сшиты в тетради и разрезаны по сгибам, а затем переплетены вместе, некоторые листы попали не на свои места. При этом перечисление сел приняло тот вид и «порядок», в каком мы находим его в издании Эмлера. Ввиду этого при использовании материалов островского урбария необходимо всякий раз обращаться к соответствующим указаниям Ясинского⁹.

По своему содержанию данные островской поземельной описи довольно обильны: в описании многих сел содержатся сведения о величине крестьян-

¹ Registrum bonorum monasterii S. Johannis Bapt. — Ostroviensis. Urbār kláštera Ostrovskeho r. 1338; DR, V, 53—73. Издание этого текста было выполнено все тем же Эмлером, но довольно небрежно. См. А. Н. Ясинский. Очерки..., стр. 56 и сл.

² А. Н. Ясинский. Очерки..., стр. 57—59.

³ DR, úvod, str. VIII.

⁴ DR, V, 53—58, 58, 73.

⁵ DR, V, 73—91. Ср. А. Н. Ясинский. Очерки..., стр. 56—62.

⁶ См., например, заметки о с. Бояновице, DR, V, 54 и 58, о с. Билице — стр. 55 и 56, о с. Масечин — стр. 57 и 58 и т. д.

⁷ А. Н. Ясинский. Очерки..., стр. 63 и сл.

⁸ Там же, стр. 69—73.

⁹ Там же, стр. 56 и сл.

ских наделов, платежах и повинностях крестьян, подсчитаны общее количество земли и сумма денежных поступлений с каждого хозяйства, а в остальных случаях приводится лишь часть этих сведений. В поземельной описи, кроме того, перечисляются сельскохозяйственные культуры. В хозяйстве монастыря находим иногда довольно неожиданные доходные статьи, среди которых названы корабль и золотой прииск¹. Однако о монастырском домене мы встречаем и в этой поземельной описи только два случайных упоминания.

Примыкающие к урбарии грамоты представляют, несмотря на их специфический характер, также немалый интерес, так как позволяют снять с мероприятий монастыря, направленных, по заключению буржуазных историков, «в защиту сирот», покров святости и разоблачают ханжеское лицемерие монахов. Истинным побуждением монахов при установлении контроля над положением сирот являлось желание обеспечить регулярное поступление чиншей с наделов, лишившихся взрослых работников. Кроме того, грамоты настойчиво подчеркивают, что в случае смерти сирот все их имущество поступает в монастырскую казну².

ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ОПИСЬ ВЛАДЕНИЙ ПРАЖСКОГО АРХИЕПИСКОПСТВА (1390 г.)

Особое место занимает среди чешских поземельных описей обширный урбарий Пражского архиепископства, составленный в последнем десятилетии XIV в.³ Значение памятника определяется тем, что здесь мы находим и составленное по одинаковому плану развернутое описание более чем 200 сел, расположенных в 13 из 18 дистриктов архиепископства Пражского и разбросанных по всей Чехии⁴.

При описании сел составитель указывал следующие сведения: общее количество земли, обложение, приходящееся на 1 лан, держания лиц, связанных с монастырской администрацией, прочие доходные статьи (корчмы, лавки, пивоварни, мельницы, право на сбор пошлины и т. д.). Барская запашка упоминается только мимоходом и далеко не во всех случаях, когда есть известные основания, позволяющие предполагать ее присутствие. Кроме того, иногда приводится также и сумма королевской берны, подымного и других налогов. Несмотря на то, что данные поземельной описи Пражского архиепископства конца XIV в. не позволяют проследить за распределением земельного фонда, так как в ней не содержится ни одного примера указания величины земельных участков крестьян какого-либо села, значение описи много выигрывает ввиду возможности сравнения ее данных с материалами ранней описи епископства Пражского⁵. Описания 14 сел, из числа сохранившихся в отрывке епископского урбария⁶, могут быть сопоставляемы (по тем же пунктам) с данными описи конца XIV в. Такие сопоставления

¹ «navigium» в с. Бришев (DR, V, 63); «aurifodina» в с. Либен (DR, V, 89).

² DR, V, 75, 81 и др.

³ Registrum bonorum archiepiscopatus Pragensis a. CC. MCCCXC conscriptum, DR, str. 92 и сл. Рукопись памятника, насчитывающая 112 листов, половина которых не использована, сильно пострадала от времени: многие страницы истлели, а сохранившиеся во многих местах недоступны для чтения. Ср. DR, úvod, str. VIII—IX.

⁴ Кроме этого, у Пражского архиепископства было еще 3 крупных имения в Чехии, одно — в Моравии и одно — в Баварии. J. Sala v a. Doplnky..., str. 47.

⁵ Урбарий архиепископства Пражского конца XIV в. был уже не первой попыткой составить подробное описание его владений. В тексте памятника имеются неоднократные указания и ссылки на старые регистры. А. Н. Ясинский доказал, что составитель описи, делая эти ссылки, имел в виду опись, составленную около 1290 г., отрывок которой опубликован Эмлером (ср. А. Н. Ясинский. Очерки..., стр. 31—32).

⁶ DR, I, 1—3.

дают основания для некоторых заключений об изменениях, имевших место в течение ста лет.

Так, в параллельных показаниях епископской описи 1290 г. имеются данные по 5 из 7 населенных пунктов, упоминаемых в урбарии 1390 г. При этом в Штепанове, Хлуме, Дальковицах и Кеблове барщина вовсе не зарегистрирована, из чего видно, что в первых трех она прибавилась в течение предшествовавшего столетия. В Яворниках также прибавились пахотная и охотничья повинности, а уборочные работы увеличились вдвое¹. Зато в течение этого времени во многих селах исчезли натуральные взносы². Если прибавить к этому, что во всех тех случаях, где, если это представляется возможным проверить одновременно, сильно возросли денежные платежи, например, в Кеблове — с 36 до 64 грошей, в Яворнике — с 36 до 80 грошей (ср. также Степанов и Хлум), то общая картина движения ренты для этой, к сожалению, весьма немногочисленной группы сел вырисовывается довольно отчетливо. Натуральные платежи исчезают; увеличивается или появляется заново барщина, возрастают денежные платежи.

Исходя из того, что в урбарии Пражского архиепископства одновременно описаны различные районы Чехии, можно проверить получаемые из других описей наблюдения о локальных особенностях в социально-экономическом развитии этих районов. Так, в свете этих данных крайний юг Чехии, знакомый нам по описям Тржебоньского монастыря и имений Рожмберков, выступает в качестве района, где вотчина не использует барщинного труда в той мере, как в центре, на северо-западе и северо-востоке страны. Вместе с этим в урбарии архиепископства мы находим черты, показывающие сравнительно большую гибкость феодальных форм эксплуатации в условиях развития товарно-денежных отношений: в ряде сел в числе барщинных повинностей крестьян мы встречаем обязанность отвозить господские продукты на ближайший рынок, а в случае невыполнения этой повинности, крестьяне платят денежный штраф³.

Чрезвычайно важным дополнением к рассмотренному урбарии являются два документа, рисующие архиепископское хозяйство в XIV в. Это, во-первых, берновый регистр 1379 г.⁴, представляющий собой подробный список всех плательщиков берны в архиепископских владениях вместе с указанием количества находившейся в их пользовании земли и, во-вторых, приходо-расходная ведомость архиепископского казначея⁵.

Подавляющее большинство сел, перечисленных в берновом списке, включено и в архиепископский урбарий, что позволяет установить распределение земли в этих селах за несколько лет до составления последнего. Так как при взимании берны единицей обложения была мера земельного надела, составители проявляли стремление к большой точности при обмере крестьянских полей, стремясь выжать больше дохода. Размеры крестьянских

¹ Ср. DR, I, 1—3 и DR, VI, 110—112.

² Например, в Кеблове в 1290 г. упомянуто 6 кур, 30 яиц, 2 сыра и ягненок с лана. Ср. данные по Яворнику и Хлуму, где также упоминались куры, яйца, сыр, а также свиньи и поросята.

³ DR, VI, 110, 111 и др.

⁴ Registrum bernae in bonis archiepiscopatus Pragensis a. MCCCLXXIX collectae, DR, XI, 313—400. Особняком стоит второй из опубликованных берновых регистров, относящийся к тому же году, но к Пльзеньскому краю. Пльзеньский регистр составлен по иному принципу: он не содержит перечисления крестьянских держаний, а называет лишь имена феодалов с указанием причитавшихся с них берны (Ein Bernregister des Pilsner Kreises vom Jarhe 1379, Herausgegeben von Josef Emler, «Abhandlungen der königlichen böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften» 6. Folge, 8. Band, Prag, 1877).

⁵ Účet pokládníka arcibiskupa pražského. «Historický Archiv», díl 37, v. Praze, 1912.

земельных наделов показаны здесь с педантичной точностью (до $\frac{1}{4}$ югера, т. е. до $\frac{1}{240}$ лана — основной единицы). Документ явственно рисует картину потрясающей бедности подавляющей массы крестьянства, в особенности в областях к югу от Пржибрама. Здесь парцелляция крестьянских наделов и тесно связанная с нею дифференциация среди крестьян зашла весьма далеко.

С несколько другой стороны дополняет данные архиепископского урбара вышеотмеченная приходо-расходная ведомость. Этот документ свидетельствует о значительных связях хозяйства Пражского архиепископства с рынком. Среди приходных сумм видное место занимают доходы, полученные от продажи продуктов сельского хозяйства. Архиепископство продавало также лес, рыбу, которую специально разводили в его владениях и др.¹ Таким образом, архиепископство выступает перед нами как феодал, хозяйство которого уже прочно входит в систему рыночных связей.

При изучении поземельной описи владений архиепископства Пражского, регистра берны и приходо-расходной ведомости нельзя не отметить, особенно в первом, ряда признаков, которые можно было бы объяснить только нарастающей борьбой угнетенных масс крестьянства накануне Великой крестьянской войны XV в. в Чехии. Не говоря даже о том, что здесь встречается очень большое число архиепископских служащих и уполномоченных (бургграфы, управляющие, сеншалы, глашатаи, судьи, гласные, направники, лесники, сборщики налогов, сторожа лугов, сторожа леса, таможенные сборщики и т. д.), мы находим во многих селах привилегированных держателей архиепископских земель — стражников, владеющих сравнительно большим участком полевой земли и отправляющих вооруженную службу по указанию архиепископской администрации². Трудно сомневаться в том, что они являлись той реальной вооруженной силой, с помощью которой феодалы подавляли стихийные возмущения крестьян. Нельзя не сопоставить с этим и наличия в южных районах Чехии, являвшихся впоследствии главным очагом и опорой революционных таборитов, большого числа палачей, содержание которых ложилось тяжелым бременем на крестьянство, и без того придавленное различными феодальными поборами, барщинами и налогами. Например, в 33 селах (из 63) Речицкого округа население уплачивало специальный сбор на содержание палачей³.

ЧИНШЕВАЯ КНИГА ИМЕНЕЙ ВЫШЕБРОДСКОГО МОНАСТЫРЯ (ОКОЛО 1400 г.)

Значительно более ограниченный интерес представляют сохранившиеся отрывки чиншевой книги Вышебродского цистерианского монастыря⁴. Этот документ является одним из первых по времени издания среди всех чешских памятников подобного рода⁵. От описания владений монастыря сохранилось всего 8 листов.

Содержание уцелевшей части памятника несколько отличается от рассмотренных описей, так как в нем приводятся лишь суммы чиншевых

¹ Účet pokládníka arcibiskupa pražského, str. 35.

² DR, VI, 94—97, 103, 110, 116, 117, 119, 131, 132, 135 и др.

³ DR, VI, 114, 115, 116, 117, 120, 121, 123, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 132, 133. Любопытной чертой является то, что в довольно подробном и обстоятельном предметном указателе Эмлер вообще не упомянул слово «tortor» — палач, не желая, очевидно, бросать тень на идиллическую картину процветания крестьян во владениях благочестивого Пражского архиепископства.

⁴ M. Pangerl. Das älteste Zinsbuch des Stiftes Hohenfurt. Fontes Rerum Austriacarum, II Abth., B. XXIII, Wien, 1865, S. 221.

⁵ Как указано выше, он был напечатан М. Пангерлем еще в 1865 г.

поступлений с отдельных сел, без указания крестьянских наделов. Во второй части документа приведены сведения о натуральных сборах, которые под видом добровольных подношений вымогались монахами ко всем праздникам католического календаря¹.

Материалы Вышебродской чиншевой книги до некоторой степени дополняют данные других поземельных описей, но сами по себе не могут служить основанием для сколько-нибудь серьезных и обоснованных выводов о монастырском землевладении.

ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ОПИСЬ ВЛАДЕНИЙ БРЖЕВНОВСКОГО МОНАСТЫРЯ (1406 г.)

Относящийся также к первым годам XV в. объемистый урбарий Бржевовского монастыря², не без основания названный издавшим его Эмлером «жемчужиной» среди памятников подобного рода, сохранился в двух списках, из которых первый написан в середине XV в., а второй — в 1553 г.³

Монастырь бенедиктинцев в Бржевонове являлся одним из крупнейших в Чехии и в начале XV в. владел, как это видно из описи, многочисленными деревнями, огородами и отдельными дворами в Пражском, Литомержицком, Прахенском краях (юго-запад страны) и обширными вотчинами (северо-восток страны) в Полицком и Броумовском панствах. Кроме того, у монастыря еще были не включенные в опись владения в Чехии и Моравии, составлявшие в общей сложности 36 сел⁴.

Составитель рассматриваемой описи с особенной тщательностью фиксировал крестьянские повинности и денежные платежи. В урбарии обычно подробно указано количество земельно-хозяйственных единиц (ланов или ледин) в каждом селе, обложение, приходящееся на 1 лан, а затем детально перечислены денежные и натуральные оброки, а также барщинные работы зависимых крестьян. В заключение подведены итоги всех видов монастырских доходов. Иногда составитель довольствуется указанием одних только итоговых цифр монастырских доходов, а иногда перечисляет поименно всех держателей, с указанием причитающихся с них поборов и платежей.

Особенная ценность этого документа заключается в том, что в нем отчетливо отражается глубокая заинтересованность монастырской администрации в укреплении господского хозяйства и расширении доменальной земли. Это расширение барской запашки сопровождалось, вполне естественно, ослаблением внимания к собственно крестьянским наделам, и их держатели рассматриваются часто как рабочая сила домена; не случайно поэтому при описании столь большого количества сел составитель только в исключительных случаях счел нужным указать величину крестьянских полей. Нельзя не отметить, однако, что при всех таких упоминаниях величина этих наделов свидетельствует об искусственном выравнивании земельных участков⁵. Целью такого выравнивания было стремление феодала иметь полноценную

¹ Эти поступления свидетельствуют отнюдь не «о скромном образе жизни монахов», как об этом благочестиво пишет Пангерль (стр. 228).

² *Registrum bonorum monasterii Brzewnowiensis anno MCCCCVI conscriptum, Urbár kláštera Břevnovského r. 1406 zloženy. DR, VII, str. 151—218.*

³ DR, úvod, str. IX.

⁴ J. Salaba. *Doplňky...*, str. 48—49.

⁵ В с. Гиночаны, например, 9½ крестьянских участков состоят из 30 мер каждый (DR, VII, 157), в с. Тржебовцы — 4 дедины по 20 мер (стр. 162), в с. Тухман — 27 дедины все по 36 стриков (стр. 164), в селах Набдин и Камениче — 10 и 15½ крестьянских участков состоят соответственно из 38 и 40 стриков каждый (стр. 165), в селах Слатина и Бржестье — 11 и 28 дедины по 50 и 36 виргат (стр. 175), в с. Весеч — 14 дедины по 40 мер, в с. Мрачениче 10 дедины состоят из 62 мер (стр. 176), в с. Виканы было 35 дедины по 54 меры (стр. 178—179).

барщинную и оброчную единицы. Крестьянский надел здесь, как и вообще при феодализме, рассматривался как средство обеспечить помещика рабочими руками. В связи со всеми этими явлениями отмечается и значительный рост барщины, норма которой иногда устанавливается уже словами: «Работать на своих харчах во все дни, когда прикажут»¹.

Стремление обеспечить монастырское хозяйство рабочими руками приводит также к своеобразному распределению барщины, когда часть зависимых людей в каком-либо селе (обычно это наиболее слабо обеспеченные землей держатели) освобождается от денежного чинша и непосредственно прикрепляется к домену для ведения хозяйства на последнем. Вместе с возрождением крепостнических отношений все шире распространяется и термин колон (*colonus*), который до этого времени весьма редко встречался².

Следует отметить, что, превращая часть крестьян в прикрепленную к домену рабочую силу и «освобождая» их от чиншей, монахи (так же, как и светские феодалы) повышали денежные платежи другой части крестьян, оставшихся на положении чиншевиков³. Денежные платежи, встречаемые в бржевновском урбарии, вообще значительно превышают обычно наблюдаемые в предыдущих поземельных описях и в отдельных случаях поднимаются до 90—128 грошей⁴.

Таким образом, содержание бржевновской описи действительно представляет большую ценность, но, конечно, не в том смысле, в каком понимал Эмлер, видевший главное достоинство этой описи в том, что в ней приводятся церковно-топографические сведения⁵.

Описание небольшой части владений Бржевновского монастыря содержится также в отрывке инвентаря монастырского имущества, который был составлен в 1390—1394 гг.⁶ Сравнение остатков инвентаря с охарактеризованной поземельной описью показывает, что, несмотря на свою отрывочность, он может явиться серьезным дополнением к данным урбария. Среди прочего монастырского имущества в инвентаре перечислены рабочий и молочный скот, свиньи и птица, находившиеся на господских дворах, которые описаны в инвентаре сел. Кроме того, инвентарь перечисляет орудия труда, начиная от больших лемешных плугов и кончая мотыгами и косами, а также позволяет заглянуть в содержимое монастырских закромов и кладовых, где наряду с зерном хранились также репное семя, лен, овощи и всевозможные пищевые продукты (масло, сметана и т. п.). Нельзя не признать, что все эти данные детализируют картину монастырской вотчины и делают ее более конкретной.

¹ «Item due hereditates robotarie tenentur laborare in curi Miressicz omni die, quidquid ipsis mandatur suis expensis». DR, VII, 156.

² Правда, термин «колон» упоминается и в составе Островского урбария, но в тексте грамоты 1404 г., присоединяемой позже к основному тексту описи. DR, V, 76, ср. в Бржевновской описи. DR, VII, 155.

³ Наиболее ярким примером превращения части крестьян одного села в чиншевиков, а другой части в неплатящих чинша барщинников мы имеем в селе Збужаны. Согласно показанию источника, из 7 крестьянских хозяйств, правовое положение которых определяется одинаково (*hereditas*), пять «платят деньги» (*sunt solventes*), а два «отбывают барщину на домене» (*laborant robotati ad curiam*) (DR, VII, 156). Все дедины состоят из 60 мер земли, но при определении повинностей между ними проводится четкое разграничение — 5 дедин платят по 82 гроша, дают по 4 дышленка и выполняют некоторые барщины, главным образом сезонного характера, 2 другие дедины не платят чинша, не выполняют натуральных повинностей, но вместо этого должны отбывать барщину без всякого ограничения.

⁴ DR, VII, 176, 178, 179.

⁵ DR, úvod, str. IX.

⁶ Zlomek inventáře kláštera Břevnovského z let 1390—1394. Vyd. Jos. Emler. Věstník kralovské české společnosti nauk, Ročník 1888, v Praze, 1889.

**ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ОПИСЬ ВЛАДЕНИЙ ГРАДИЩЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ
(ОКОЛО 1409—1410 гг.)**

В первом десятилетии XV в. была составлена поземельная опись Градищенского монастыря, принадлежавшего цистерцианскому ордену. Эта опись, изданная И. Эмлером¹, сохранилась только наполовину в довольно неисправном списке, близком ко времени составления самого памятника. Для выяснения происхождения как самого урбария, так и опубликованного Эмлером текста много сделал А. Н. Ясинский, уточнивший и время его написания².

Поземельная опись Градищенского монастыря заключает в себе описание примерно половины монастырских владений. Все населенные пункты в нем перенумерованы; сохранившаяся часть открывается с половины абзаца, имевшего, по всей вероятности, № 33; название соответствующего села установить сейчас не представляется возможным. Параграфы, посвященные отдельным селам, состоят из двух частей: в первой — названы поименно держатели с перечислением размеров их участков и указанием суммы платежей, натуральных взносов и барщин. Иногда отмечается, что держания отдельных крестьян обусловлены специальными пунктами, изложенными в особых грамотах. Во второй части описи зафиксированы общие количества денежных и натуральных оброков и отработок по селам, а также норма уплачиваемой земской берны. В описи прямо указывается, в чье распоряжение должны поступать те или иные платежи. Внешней особенностью поземельной описи является то, что составитель ее перенумеровал в каждом селе зависимых людей и в дальнейшем при указании повинностей ограничивался ссылкой на типичные нормы обложения. При этом привлекает внимание частое несоответствие крестьянских повинностей величине земельных держаний. Можно было бы привести многочисленные примеры, когда в одном и том же селе одинаково облагаются держатели целых и половинных наделов и даже кварталов (четверть надела). Особенно резко проявляется это несоответствие при раскладке барщинных повинностей внутри сел³.

Поземельная опись Градищенского монастыря принадлежит к числу наиболее содержательных памятников подобного рода. Прежде всего она позволяет выявить хозяйственную специфику района, где располагались монастырские владения, сосредоточенные, против обыкновения, в ближайших окрестностях монастыря. Этой особенностью являлось распространение овцеводства как на домениальных землях, так и в хозяйстве крестьян⁴. Рост овцеводства сопровождался захватом общинных угодий, который происходит в этом урбарии со всей определенностью.

Другой особенностью хозяйства градищенских монахов является высокая барщина, которую отбывали крестьяне. При этом самый список барщинных работ очень обширен и разнообразен. Наряду с обычными барщинами (пахота, уборка хлеба, сенокос и т. д.) здесь находим такие работы, как приготовление кольев для господского хмельника, ремонт монастырского водопровода и т. п.⁵ Наконец, в градищенской поземельной описи имеются

¹ Zlomek urbáře kláštera Hradištského. Vydal Jos. Emler. «Pojednání kral. české společnosti nauk», г. VI, d. 12, v Praze, 1885.

² См. отзыв А. Н. Ясинского об этом издании в его работе «Поземельная опись Градищенского монастыря», стр. 34—36.

³ Zlomek urbáře kláštera Hradištského... , str. 4, № 41.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 9, № 48—49, стр. 10—11, № 52, стр. 14, № 57. Сведения о водопроводе в другом монастыре имеем из хроник Зbrasлавского монастыря.

упоминания о таких платежах, как «plaské», «orgawné», «plešne», значение которых впервые было выяснено А. Н. Ясинским: они представляли собой специальные сборы с крестьян за право выпаса в лесах и на пастбищах¹.

Из сказанного видно, что градищенский урбарий является весьма ценным историческим источником и помогает выяснить структуру феодальной ренты и распределение земли между держателями в одном из уголков северной Чехии, относительно которого мы не имеем других свидетельств.

ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ОПИСЬ ВЛАДЕНИЙ СТРАГОВСКОГО МОНАСТЫРЯ (1410 г.)

К числу наиболее ценных и полных поземельных описей кануна чешской Крестьянской войны XV в. принадлежит, наряду с только что рассмотренным памятником, поземельная опись Страговского монастыря², составленная, как это видно из ее вступительной части, в 1410 г.³

Во владениях Страговского монастыря, принадлежавшего ордену пре-монстратов, насчитывалось 61 село и 20 дворов, расположенных в разных районах Чехии: около Праги, в Захлумье, около Колина, в Лоунском крае. Монастырь вел обширное хозяйство — более чем в 20 селах имелись господские домены, поля и огороды, в 16 селах — виноградники, хмельники. Кроме того, монастырю принадлежало большое количество корчм, несколько доходных домов в Праге, а также леса, луга и рыбные угодья⁴.

По своей форме страговская опись очень близка к рассмотренным выше урбариям Бржевновского и Островского монастырей. Перечисляя монастырские села, составитель везде указывает количество единиц обложения и нормы платежей натуральных взносов и барщин, затем идет перечисление доходных статей — мельниц, лугов, корчм и других, попеременно с которыми перечисляются обычно и подсоседки, после чего следует список держателей, где приведены данные о количестве имеющейся у них земли. В отличие от бржевновской, эта поземельная опись не дает итоговых замечаний об общей сумме поступлений в каждом селе. Другим внешним отличием как от последней, так и от градищенского урбария является то, что в опись Страговского монастыря включено довольно большое количество грамот, уточняющих условия крестьянских держаний, а также условия их повинностей и платежей⁵.

Останавливаясь на содержании страговской поземельной описи, необходимо подчеркнуть, что здесь мы находим в зачаточной форме те хозяйственные инструкции, которые так типичны для Чехии уже более позднего времени⁶; в некоторых — к сожалению, очень немногочисленных — случаях составитель описи при перечислении барщинных работ указывает точный характер и порядок отдельных последовательных операций, например при обработке виноградников и т. д.⁷ Важность этих скупых указаний тем более велика, если принять во внимание, что от изучаемого периода сохранилось

¹ А. Н. Ясинский. Поземельная опись Градищенского монастыря, стр. 34 и сл.

² Registrum bonorum monasterii Strahoviensis a. MCCCCX compilatum. Urbář kláštera Strahovského, r. 1410 složeny, DR, VIII, str. 219—301. Опись сохранилась в одном списке второй половины XV века и еще прежде издания Эмлером была использована в научной литературе. См. настоящую работу, стр. 2, прим. 1.

³ DR, VIII, 221.

⁴ DR, VIII, 219—221, J. Salaba. Doplňky..., str. 49.

⁵ DR, VIII, 233 и сл.

⁶ См., например, Rady selské a instrukce hospodářské, «Archiv český», d. XXII—XXIII, v Praze, 1905—1907. См. также V. Cerný. Hospodářské instrukce, v Praze, 1930.

⁷ DR, VIII, 291.

очень мало письменных свидетельств, конкретно характеризующих не только развитие, но хотя бы состояние производительных сил.

Подобно поземельным описям владений Бржевновского и Градищенского монастырей, страговский урбарий отражает те изменения в хозяйственном и социальном развитии страны, которые произошли в Чехии накануне гуситских войн. Мы находим в нем довольно значительное число определенных указаний на наличие доменной земли, что, безусловно, является свидетельством возросшей роли господского хозяйства в экономике страны. Особенно ценно, что документ содержит прямые указания об увеличении домена за счет крестьянских участков и о неукротимом стремлении монахов к захвату полей и лугов¹. О путях увеличения домена за счет крестьянских участков говорят условия многих грамот, не случайно включенных в состав разбираемой описи. Просрочка чиншевых платежей на 1—2 недели вызывает очень высокие и прогрессивно возрастающие денежные штрафы, а опоздание уплаты платежей на 3 недели влечет за собой потерю прав крестьянина на землю².

Рабочую силу в барском хозяйстве составляли крестьяне, о чем прямо свидетельствует увеличение барщины во владениях Страговского монастыря, причем часто барщина вообще не нормируется, а в отдельных случаях даже отмечается: «постоянно работать, сколько будет необходимо и сколько будет приказано». Характерно, что применение такой формулировки относится не только к подсоседкам, наиболее обездоленной части крестьянства, но и к дедичам, наследственно владеющим своими наделами³.

Нельзя оставить без внимания также указание источника на укрепление связи монастырского хозяйства с рынком. Правда, об этом мы узнаем не непосредственно, а через барщинные повинности крестьян. Не говоря о том, что обязанность возить продукты на рынок встречается здесь достаточно часто, мы находим и другую характерную черту — обязанность крестьян пасти и стричь господских овец, распространенную почти по всем селам монастыря. Вероятно, о развитии животноводства свидетельствует и обязанность крестьян разводить на своих участках репу⁴. Быть может о связях с рынком говорит и широко поставленное рыбное хозяйство.

Таким образом, поземельная опись Страговского монастыря, будучи, как и бржевновский урбарий, показателем серьезных сдвигов в экономике и социальных отношениях в чешской деревне накануне гуситских войн, является одним из наиболее ценных памятников среди рассматриваемой группы источников.

ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ОПИСЬ ИМЕННИЙ ПРАЖСКОГО ПРОБСТВА (ОКОЛО 1410 г.)

По своему характеру к описываемым урбариям близка и поземельная опись Пражского пробства, составленная около 1410 г.⁵ Этот сравнительно небольшой по объему документ (3½ страницы рукописи начала XV в.) перечисляет 46 сел, принадлежавших пробству, и указывает доходы, которые с них поступали. Описания в большинстве случаев очень кратки и ограничиваются преимущественно указанием общей суммы доходов. В документе

¹ DR, VIII, 236.

² DR, VIII, 290—291.

³ DR, VIII, 291—292.

⁴ DR, VIII, 236.

⁵ Registrum bonorum praepositurae ecclesiae Pragensis saeculo XV ineunte compilatum. Urbář probostství kostela Pražského; DR, IX, 302—308.

дается сначала описание Волинского панства (у Прахатиц), а затем приводятся краткие сведения о других селах пробства, которые были рассеяны небольшими группами и даже поодиночке в различных краях Чехии. Наиболее подробными и ценными являются сведения о Волинских селах, которые описаны не совсем обычным образом. Сначала приводится подробный список повинностей крестьян с. Струнковичи, а в дальнейшем при описании сел этой группы указываются лишь количество ланов и сумма всех поступлений с каждого населенного пункта. Относительно же крестьянских повинностей составитель ограничивается констатацией, что они отбываются «*prout Strunkowiez*», или указывает на отличие их от таких платежей. Об остальных селах приводятся лишь весьма краткие справки о количестве причитающегося с них чинша, без указания величины крестьянских участков и норм обложения. Показательно, что, несмотря на крайне лапидарный стиль как этой части, так и всего памятника, в нем содержатся многочисленные сведения о наличии домениальных земель пробства в разных селах.

РЕЕСТР СБОРА ЧИША ВО ВЛАДЕНИЯХ ЗЛАТОКОРУНСКОГО МОНАСТЫРЯ (ОКОЛО 1415 г.)

Кроме рассмотренных поземельных описей, к началу XV в. относится также небольшой реестрик цистерианского Златокорунского монастыря в южной Чехии¹. В реестрик включены владения монастыря в округах (вилляциях) Нетолицком и Лгеницком, составлявшие в общей сложности 36 сел². Эта рукопись была известна еще Эмлеру³, но до настоящего времени остается ненапечатанной.

По описаниям, имеющимся в научной литературе⁴, документ представляет значительный интерес, так как в нем содержатся данные, подтверждающие значительную степень парцелляции крестьянских участков в Южной Чехии⁵. Характерно, что имеющиеся в тексте отметки об уплате отдельными крестьянами денежных и натуральных платежей выставлены не против всех упомянутых там имен, а это позволяет предположить, что многие из крестьян не могли своевременно уплатить причитающиеся оброки и помогает понять истинный смысл санкций в отношении неисправных плательщиков, встречаемых в грамотах, которые включены в состав Страговской поземельной описи.

ОТРЫВКИ ДРКОЛЕНСКОГО БЕРНОВОГО РЕГИСТРА

В заключение следует остановиться еще на двух памятниках, близких по своему характеру к поземельным описям, охарактеризованным выше. Первый представляет собой небольшой отрывок бернового регистра первой половины XIV в. и приводит данные о сборе берны в чешских владениях Баварского премонстратского монастыря в Дркольне⁶. В уцелевшем отрывке сохранились описания берны в 20 селах в Коуржимском и Колинском округах. По своему характеру отрывок дрколенского регистра довольно беден,

¹ J. Šusta. Uroční rejstřík klátera zlatokorunského z počátku 15 věku. «Český časopis historický», 1907, str. 312 a násl.

² Там же, стр. 312.

³ DR, úvod, str. XI.

⁴ J. Šusta. Uroční rejstřík..., str. 312 a násl.

⁵ Там же, стр. 314.

⁶ Rukopisné zlomky Drkolenské. Podava Ferd. Tadra «Věstník české akademie». Ročník VIII, 1899, str. 139—144.

так как лишь от случая к случаю указывает количество земли в селе, не говоря уже о ее распределении между держателями. Сведений о крестьянских повинностях здесь не содержится вовсе, и единственное, что можно извлечь из этого документа, — это данные о количестве лошадей у крестьян некоторых сел.

ВЕДОМОСТЬ О ДОХОДАХ ИСТЕБНИЦКОГО ПЛЕБАНА (ОКОЛО 1420 г.)

Еще более фрагментарны сведения, извлекаемые из ведомости о доходах Истебницкого плебана, составленной буквально накануне революционных событий Крестьянской войны XV в. Здесь мы находим записи, напоминающие по своему характеру урбаральные заметки, но ввиду чрезвычайной краткости документа, записанного первоначально на внутренней стороне переплета одной из книг, принадлежавших плебану, общее его значение невелико¹.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОДЕРЖАНИЯ ЧЕШСКИХ ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОПИСЕЙ

Подводя итоги рассмотренного содержания чешских поземельных описей, мы прежде всего устанавливаем, что охваченная ими (разумеется, не сплошь) территория относительно велика². Особенно ценным является то обстоятельство, что, в силу разбросанности монастырских, архиепископских и рожмберкских владений, мы получаем одновременные показания о различных по своим географическим и социально-экономическим условиям районах страны. Несмотря на всю недостаточность этих сведений, они все же позволяют с известной степенью вероятности наметить некоторые локальные особенности социально-экономического развития охваченных ими областей. Можно уже сейчас отметить, что южные области Чехии вырисовываются как район ясно выраженного раздробления крестьянских наделов и как район сильной раздробленности поземельных наделов. Именно в этой части страны, как явствует из документов, появились первые ростки зарождающегося наемного труда: В противоположность этому центральные и северные области Чехии выступают как районы, где барщина составляет одно из основных звеньев в системе феодальных рент, а крестьянские наделы сравнительно менее парцелированы. Само собой разумеется, что эти

¹ Urbář kostela Jistebnického z doby předhusitské (Kniha Rokycanova). Vyd. Truhlář Jos. Paběrky z rukopisů Klementinských. «Věstník české Akademie», Ročník IX, 1900, str. 150—151.

² В настоящей работе мы оставляем в стороне памятники, касающиеся Моравии, как материал, требующий самостоятельного исследования. Наиболее важными из моравских урбариев являются поземельные описи Ждарского монастыря и владений Лихтенштейна. Первый из этих памятников относится, однако, главным образом уже к послегуситскому времени (основная его часть составлена в 1462, 1483 и 1517 гг.) и только небольшие вводные замечания, писанные по-латыни, в отличие от остальной части, написанной уже по-чешски, датируются началом XV в. (См. В. Маšek. Časopis Matice Moravské. «Ročník sedmý», v Brně, 1875, стр. 139—151, а также «Selský Archiv», 1921—1923). Что касается обширного урбария князей фон Лихтенштейн, составленного на немецком языке в начале XV в., в котором описаны села 9 округов (Herrschaften), то следует отметить, что основная часть этих владений находилась в Австрии (от центра владений до Вены расстояние примерно в 5 раз меньше, чем до Праги). Что касается нескольких моравских сел, описанных в урбарии, то мы привлекаем в необходимых местах соответствующие материалы в качестве дополнений и иллюстраций. См. Das Urbar der Liechtensteinischen Herrschaften Nikolsburg, Dürnholz, Lundenburg, Falkenstein, Feldsburg, Rabensburg, Mistelbach, Hagenberg und Gnadendorf aus dem Jahre 1414. Bearbeitet von Bertold Bretholz, Reichenberg und Komotau, 1930.

тенденции обнаруживаются главным образом к концу изучаемого периода: в последнем десятилетии XIV и в первом десятилетии XV в.

Таким образом, несмотря на выборочность и некоторую случайность имеющихся в нашем распоряжении данных, они все же позволяют установить различие в социально-экономическом развитии между районами, явившимися в дальнейшем оплотом революционных таборитов, и остальной частью страны.

Преимуществом чешских поземельных описей, как исторического источника, является то обстоятельство, что содержащиеся в них сведения допускают сопоставление, сравнение и до некоторой степени и статистическую обработку. Ни один вид исторических источников не дает для аграрной и социальной истории Чехии накануне Великой крестьянской войны XV в. данных о таком большом количестве населенных пунктов. Для изучения, например, соотношения величины крестьянских наделов мы на основании поземельных описей располагаем материалами почти по 400 населенным пунктам, а для рассмотрения величины феодальных рент и установления удельного веса повинностей и платежей — материалами более чем 800 населенных пунктов. Ввиду этого и выводы, получаемые на таком сравнительно обширном материале, не будучи достаточно убедительными во всех отношениях, заслуживают, как нам кажется, определенного внимания.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что не одно лишь обилие и разнообразие сведений, заключающихся в поземельных описях, дает право говорить об их ценности в качестве исторического источника. Насыщенность рассмотренных документов однородными и массовыми данными о чешской деревне XIV и начала XV в. заставляет со всей серьезностью поставить вопрос о достоверности сведений, сообщаемых поземельными описями. При этом мы имеем в виду не только достоверность отдельных показаний в каждом из памятников этой категории, но и общую достоверность данных чешских поземельных описей в целом. Для разрешения этого вопроса необходимо выяснить классовую направленность памятника, его значение в момент составления и в ближайшее время после этого, его связь как с окружающей исторической действительностью, так и с другими видами сохранившихся источников. Постановка и разрешение этих вопросов неразрывно связаны с проблемой происхождения чешских поземельных описей.

Вопрос о происхождении чешских поземельных описей занимал сравнительно немногих исследователей. В дореволюционной русской науке ему уделил большое внимание А. Н. Ясинский, посвятивший значительную часть своей книги вопросам о способе составления урбария Островского монастыря и других подобных памятников и об их связи с иными документами¹. Среди чешских ученых над этими вопросами работал И. Салаба.

Несомненной заслугой А. Н. Ясинского является то, что ему удалось прочно обосновать следующее положение: чешские поземельные описи — не результат механического копирования иноземных образцов, как это еще в недалеком прошлом утверждали чешские буржуазные историки², а возникли в XIV—XV вв. на чешской почве на базе более древних аналогичных чешских документов, которые составлялись еще в XIII в., а может быть,

¹ А. Н. Ясинский. Очерки..., стр. 23—107.

² Такой взгляд чешской буржуазной науки на происхождение поземельных описей является чрезвычайно характерным в общем стремлении реакционных историков показать полную зависимость Чехии от Запада. Законченный вид эта концепция приобрела в антинаучных трудах И. Пекаржа. См. J. Масек. *Protí kosmopolitismu ve výkladu našich národních dějin*, Nova Mysl, № 8, 1952.

даже и в более раннее время¹. Нельзя не отметить также, что в результате скрупулезного изучения дипломатических и палеографических признаков рукописи островного урбария, с которой он имел возможность ознакомиться лично, А. Н. Ясинский выяснил технические особенности оформления подобных документов, не лишенных существенного значения для понимания процесса составления поземельных описей в целом².

Однако в вопросе об источниках чешских поземельных описей А. Н. Ясинский не всегда последователен: отмечая во многих случаях, что предшественниками описей могли быть инвентари монастырских и королевских имуществ³, Ясинский в разделе, специально посвященном установлению источников поземельных описей, называет только грамоты и устные показания населения — «сказки»⁴. Само собою разумеется, что как первые, так и вторые действительно являлись источниками при составлении урбариев, но представляется все же возможным заметить, что А. Н. Ясинский преувеличивает значение второго источника, считая, что устные показания имели во всех случаях для составителей урбариев непререкаемую силу и авторитет. Однако даже приводимые Ясинским в подтверждение этого положения примеры не дают основания заключить, будто конфликты между феодалами и крестьянами кончались обычно тем, что победа оставалась на стороне крестьян и землевладельцам приходилось уступать и преклоняться перед авторитетом устных показаний⁵. Напротив, самый факт включения в урбарий повышенных чиншей или барщинных повинностей наперекор заявлениям крестьян⁶ свидетельствует, что землевладельцы, стремясь обеспечить себе получение большей суммы феодальной ренты, очень мало считались с протестами крестьян при оформлении соответствующих мест в поземельных описях. Конечно, имеются все основания предположить, что в некоторых районах крестьянам удавалось на короткий, а иногда даже на длительный срок оградить свои права от посягательств феодалов, но это объяснялось не «уважением к договору», а ростом крестьянского сопротивления.

Что касается грамот, то никак нельзя согласиться с А. Н. Ясинским в том отношении, что последние являлись также результатом договора и что крестьянские повинности устанавливались на основе свободного двухстороннего соглашения⁷. Добровольно принимаемые на себя обязанности крестьян вытекали не из их свободного волеизъявления, но были следствием того, что «при феодальном строе основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства...»⁸ Кроме того, феодал не оставался перед нарушением старинных обычаев, когда этого требовали его интересы. Вряд ли землевладелец в таких случаях считался с тем, что его насильственные действия могут оцениваться как «самоуправство и неуважение к правовому порядку»⁹.

¹ А. Н. Ясинский. Очерки..., стр. 106.

² Там же, стр. 56 и сл.

³ Там же, стр. 28 и сл.

⁴ Там же, стр. 87 и сл.

⁵ Там же, стр. 104; ср. также стр. 98 и сл.

⁶ См. примеры, приводимые самим Ясинским в примечаниях на тех же страницах.

⁷ А. Н. Ясинский. Очерки..., стр. 93.

⁸ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, Госполитиздат, 1952, стр. 595.

⁹ А. Н. Ясинский. Очерки..., стр. 101. Ср. высказывания в одной из позднейших работ того же автора, где подчеркивается, будто права крестьян надежно ограждались «достаточной защитой и санкцией всеобщего признания и преклонения перед нормами обычного права». См. «Научные известия Смоленского государственного университета», т. II, 1924, стр. 134.

Таким образом, из вышеизложенного видно, что и в частном вопросе о происхождении чешских поземельных описей А. Н. Ясинский исходил из общего представления о существовании в средневековой Чехии прочного правопорядка, который, будучи наследием исконного «земского строя», надежно охранял права крестьян и гарантировал их от насилий и произвола со стороны землевладельцев. Хотя А. Н. Ясинский и допускал, что землевладелец мог нарушить старинные обычаи, но, по его мнению, должен был удерживаться от таких действий, так как «подобный поступок с его стороны был насилием»¹. Не случайно поэтому из поля зрения А. Н. Ясинского выпал третий важный источник поземельных описей — приходо-расходные ведомости и прочие хозяйственные документы вотчинной администрации. Между тем, как это было показано И. Салабой², хозяйственные документы феодальной вотчины были тем основным стержнем поземельной описи, вокруг которого постепенно наслаивались и грамоты и сведения, добытые из устных показаний населения.

Следует подчеркнуть, кроме того, что А. Н. Ясинский понимает вопрос об источниках поземельных описей в значительной мере внешне, отрывая происхождение и развитие поземельных описей от социально-экономических сдвигов, имевших место в Чехии в XIV и XV вв. Так, им не поставлен вопрос о том, что урбарии возникают в связи с формированием комплексов крупных земельных владений, принадлежавших одному сеньеру, духовному или светскому, единоличному или коллективному, но территориально разбросанных на значительных расстояниях друг от друга. Между тем поземельные описи возникают именно в крупных и крупнейших вотчинах. Феодалы средней руки, систематически разорявшиеся, и тем более шляхта, владения которой часто ограничивались частью отдельного села, не нуждались в систематическом описании своих имений и получаемых с них доходов, так как, во-первых, легко могли удержать в памяти соответствующие данные, а, во-вторых, именно в силу небольшого объема своих владений не вели, как правило, сколько-нибудь рационально поставленного хозяйства³.

Возникая в процессе становления и роста крупной феодальной вотчины и отражая как этот рост, так и крепнущие связи вотчины с рынком, поземельные описи были призваны к жизни интересами феодала и последовательно охраняли эти интересы. В то же время составление поземельных описей являлось косвенным выражением роста товарно-денежных отношений, заставлявших крупного сеньера точно учитывать доходы со своих имений и задумываться о путях их повышения. Поэтому составление поземельных описей, существовавших и ранее XIV в., только в XIV в. стало неотъемлемой частью деятельности вотчинной администрации. Действительно, материалы чешских поземельных описей свидетельствуют как о существовании крупных вотчин, так и о быстрых темпах их роста. Кроме того, при сравнении более ранних поземельных описей с поздними обнаруживается (по крайней мере, для центральных и северных областей Чехии) рост доминальной земли и соответствующая эволюция феодальной ренты. Все эти явления не привлекли должного внимания со стороны А. Н. Ясинского, изучавшего поземельные описи по преимуществу ретроспективно для освещения социально-экономического развития Чехии до XIV в.

¹ А. Н. Ясинский. Очерки... стр. 97, 101.

² J. Salaba. Doplůky..., str. 27.

³ Довольно большое число фактов о разорении шляхтичей и увеличении владений крупных вотчинников за счет земель мелких и средних феодалов находим в ряде документов, но особенно многочисленны такие сведения в приходо-расходной ведомости панов Розенбергов.

Между тем связь поземельных описей с крупной феодальной вотчиной XIV в. настолько ясна, что даже чешский буржуазный ученый И. Салаба не может отрицать того, что в XVI в. урбарии являются документами, значение которых состояло в защите интересов землевладельцев. Но переходя к поземельным описям XIV—начала XV в., тот же Салаба, справедливо связывающий возникновение урбариев с ростом крупного землевладения, при определении характера поземельных описей этой поры, исходит из представления, будто урбарии являются результатом свободного соглашения, рассматриваемого им как прототип капиталистической аренды земли¹. Такое противопоставление, поражающее своей непоследовательностью и нелогичностью, становится объяснимым, если мы вспомним, что все чешские буржуазные ученые, независимо от расхождений по многим вопросам (преимущественно в оценке идейных и культурных причин и следствий гуситских войн), тщетно пытались доказать, что положение крестьян накануне гуситских войн не ухудшалось и что только выступление народных низов привело в конечном итоге к разорению и упадку страны, к торжеству худших сторон феодализма. Именно поэтому И. Салаба подчеркивает различие в характере и назначении поземельных описей в период, предшествующий гуситским войнам, и в период после поражения гуситов.

В действительности и поземельные описи рассматриваемого времени являются ярким выражением господства феодала-собственника над деревней, зависимость которой от вотчины отнюдь не сводится к уплате одной только твердо установленной суммы чинша, но всегда или почти всегда включает более или менее значительные натуральные взносы и барщину, не говоря уже о непосредственной личной зависимости держателя земли, вытекающей из феодальных прав сеньера. Характерно, что составители поземельных описей, отмечая в ряде случаев расхождение между величиной денежных, натуральных и отработочных рент, считавшихся обычными в данной местности, и возрастающими требованиями вотчинника, всегда стоят на стороне владельца земли². Следует поэтому отказать от воззрения на поземельные описи как на документ, гарантирующий права крестьян и устанавливающий по соглашению с ними умеренную сумму феодальной ренты. Напротив, урбарий являлся средством — точнее одним из средств — в руках вотчинника для обеспечения своих выгод и повышения своих доходов, вытекающих из феодальной собственности на землю, которая является основой феодализма.

Стремление феодала получить с принадлежащих ему земель и обрабатывающих ее крестьян максимальную сумму феодальной ренты чрезвычайно рельефно выражается в той тщательности и педантичной мелочности, с какой составители чешских поземельных описей учитывают доходы господина, как бы малы они ни были. Денежные поступления измеряются во многих случаях с точностью до $\frac{1}{2}$ денария ($\frac{1}{12}$ гроша), натуральные взносы порой включают в себя такие величины как $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ цыпленка, половина яйца и т. д. По отношению к барщинным повинностям составитель прибегает к иным приемам. Вместо механического увеличения количества рабочих дней, приходящихся на каждое крестьянское хозяйство, блюстители господских интересов, достаточно хорошо зная, надо думать, о низкой производительности барщинного труда, устанавливали точные задания. При уборке хлеба, например, указывается не только количество снопов в каждой копне, но и количество зерна, которое должно быть получено

¹ J. Salaba, *Doplňky...*, str. 29, 35 a násled.

² Ср. DR, VI, 114, *Registrum bonorum Rosenbergicorum...*, 44, 45, № 394 и др.

с копны после обмолота. Фиксируя извозную повинность, составители не забывают заботливо отметить, что во время ее исполнения крестьянин находится на своих харчах; в тех немногих случаях, когда в силу необходимости или традиции господин снабжает работника предметами питания, точно указывается состав и количество продовольствия, отпускаемого крестьянам¹.

На основании всего вышеизложенного можно подойти, наконец, к выяснению вопроса о достоверности данных, содержащихся в чешских поземельных описях XIV—начала XV в.

Поскольку поземельные описи составлялись для текущих нужд крупного феодального хозяйства и являлись документом внутривотчинного пользования, в них мы, естественно, не ожидаем встретить таких отклонений от действительности, которые могли бы иметь место в том случае, если бы поземельные описи составлялись органами центральной власти с фискальной целью. Другими словами, поскольку каждая поземельная опись должна была быть постоянным руководством для действий вотчинной администрации, данные ее фиксировали действительное положение дел в том или ином селе. Это не исключает, конечно, пропусков, всякого рода ошибок, неправомерностей в подсчетах, которые не всегда могут быть объяснены рационально. Однако сравнительная достоверность многочисленных и разнообразных сведений, содержащихся в поземельных описях, далеко не одинакова. Во избежание могущих возникнуть в ходе исследования недоразумений целесообразно теперь же остановиться на этом.

Прежде всего возникает вопрос, насколько можно положиться на цифровые данные чешских поземельных описей XIV—начала XV в., которые могут быть в свою очередь разделены на несколько категорий.

ДАнные о количестве земли и вопрос о поземельных мерах в урбариях

На основании общего характера и цели составления поземельных описей, а также путем сравнения соответствующих данных поземельных описей с однородными данными других источников в тех немногих случаях, когда мы располагаем возможностью такого сличения, можно прийти к выводу, что общее количество земель в том или ином селе показано, как правило, в соответствии с действительностью.

Однако величина крестьянских держаний не всегда дана с надлежащей точностью. Трудно поверить, что чуть ли не во всех селах средневековой Чехии крестьянские наделы выражались в подавляющем большинстве случаев целым количеством или простой правильной дробью ($\frac{3}{4}$, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$) основной поземельной единицы, как это мы находим в поземельных описях. При изучении аналогичных показаний регистра берны убеждаемся, напротив, в чрезвычайной пестроте крестьянских участков. Очень трудно подобрать села, где было бы больше двух-трех хозяйств одинаковой величины. Например, в Пржибрамском дистрикте, где обмер крестьянских участков был произведен особенно тщательно, мы находим большое количество крестьянских участков разных размеров в пределах от 1 стрихона (югера) до 3 ланов². То же самое наблюдается и в с. Дубен, где при общем количестве

¹ Например, составитель бревновского урбария многократно отмечает, что именно должны получать крестьяне, работающие на барщине. См. описание сел Либочь, Тржебовцы и др. DR, VII, 160, 162—163 и др.

² В этом дистрикте на лан считали по 60 югеров или стрихонов. DR, XI, 321, 322, 323 и др.

земли в 15 ланов насчитывалось 39 крестьянских хозяйств разных размеров¹. При объяснении этого расхождения в показаниях урбариев и регистра берны, вытекающего из особенностей поземельных описей, нужно учесть, что для вотчинной администрации не столь важно было знать величину крестьянского участка, как знать и контролировать сумму причитающихся с него денежных и натуральных взносов. Можно допустить поэтому, что в тех случаях, когда участки, незначительно различавшиеся по величине, были обложены одинаковым размером чинша, составитель довольствовался показанием приближенной величины крестьянского участка, причем такое округление всегда производилось в сторону повышения². Но трудно допустить, чтобы такие округления могли сильно отклоняться от подлинной величины объекта измерения. Поэтому показания о величине крестьянских держаний вряд ли могут быть взяты под сомнение, особенно если учесть, что в подавляющем большинстве сумма отдельных наделов сходится с общим количеством земли в данном пункте. Другое дело, насколько можно положиться на эти данные при расчете общего количества земли, приходящегося на долю группы хозяйств одинакового или близкого размера. Но для разрешения этого вопроса необходимо рассмотреть, в каких единицах выражает изучаемый источник величину земельной площади.

Несмотря на то, что вопросом о поземельных мерах в средневековой Чехии занимались многие ученые, он все еще далек от окончательного разрешения³. Не ставя в данном случае перед собой задачи детального исследования предмета, считаем необходимым отметить следующее.

Единицей, наиболее часто употребляемой составителями поземельных описей, является лан. Из других источников известно, что эта мера не была одинаковой в разное время и в разных пунктах. В документах упоминаются ланы малые, большие, королевские, господские, сельские, а также ланы различных областей⁴. Иногда вместо лана в качестве единицы измерения выступают дедина (*hereditas*), поле (*ager*), плуг (*aratrum*), земля (*terra*), а также такие меры, как загон, рейт и др. Нетрудно установить, что во всех этих случаях имеется в виду одно и то же: не отвеченная величина земельной площади, но такое количество земли, которое при данном уровне развития сельскохозяйственной техники и при определенных природных условиях конкретных районов Чехии являлось необходимым и достаточным для более или менее обеспеченного существования одной крестьянской семьи, имеющей необходимый для самостоятельного хозяйства инвентарь. Но как показывает материал поземельных описей, наделами в лан и больше владела только незначительная часть крестьян. Основную массу сельского населения составляли держатели полулановых и четвертьлановых (или приближающихся к ним по величине) участков. Другой единицей измерения является подсоседский участок (*area subsidialis* или просто *area*), представляющий собой типичный для определенных условий карликовый надел крестьянина, лишенного, как правило, рабочего скота.

¹ DR, XI, 321—322.

² Припомним, что во многих случаях в поземельную опись включалась вообще только сумма платежей с каждого хозяйства, а величина крестьянского надела вовсе не включалась в урбарий. См., например, урбарий Збраславского монастыря, Пражского пробства и др. DR, X, 309—312; IX, 303—308.

³ Вопросу о поземельных мерах в средневековой Чехии посвящена на русском языке специальная статья А. Н. Ясинского «Происхождение и природа чешских поземельных единиц», «Научные известия Смоленского государственного университета», т. II, серия общественно-гуманитарных наук, 1924.

⁴ А. Н. Ясинский. Научные известия Смоленского государственного университета, т. II, 1924, стр. 135.

При чтении поземельных описей создается впечатление, неопровергаемое и детальными исследованиями, что, несмотря на естественные для средневековья колебания в размерах лана, он все же является единицей земельной площади, хотя несколько условной. Этого вывода не могут поколебать и те случаи, когда лан упоминается в смысле единицы обложения, так как сама такая единица, в свою очередь, восходит к определенной мере земли. Величина этой меры не может быть определена с точностью даже для одной какой-либо местности, ибо не только ланы были различной величины, но и состояли из различного числа единиц меньшего размера. Так, в описях, вошедших в сборник Эмлера, мы встречаем ланы мерой в 60, 64, порой 72, иногда даже и 96 югеров¹. Иногда величина ланов варьирует даже в пределах одного населенного пункта.

Обычно лан делится на четверти-кварталы, но иногда мы находим еще и промежуточную величину — виргату (в градищенском, иногда в бревновском урбариях). Тогда лан состоит из 12 виргат, а квартал уже является $\frac{1}{4}$ частью последней. Но вместе с тем обращает на себя внимание еще одно обстоятельство: составители поземельной описи при выведении итогов общего количества земли в каком-либо одном селе, округе или вилликации суммируют ланы заведомо разной величины, показывая сумму просто в ланах. Такое суммирование нельзя признать совершенно бесплодным: несомненно, что при большом числе слагаемых наибольшие и наименьшие величины ланов взаимно дополняли друг друга и общее количество земли выражалось в мерах, приближавшихся к некоторой средней единице измерения. Это обстоятельство подтверждает, что лан при всех колебаниях своего размера все же мог и может рассматриваться как некоторая единица измерения, и потому величины, выраженные в ланах, допускают сопоставление и сравнение, хотя, разумеется, получаемые в таких случаях выводы могут иметь лишь более или менее приближенный и относительный характер.

Итак, мы приходим к заключению, что при сравнении крестьянских наделов нельзя отказаться от использования данных об их размерах, выраженных в ланах и частях лана. Более того, мы можем сравнивать между собой материалы из разных областей Чехии. Хотя при этом абсолютная величина сравниваемых участков остается неизвестной, но соотношение между количеством хозяйств, имеющих полный надел или его половину, или четверть, или восьмую долю, все же дает представление об относительном распределении земли между крестьянскими хозяйствами и пренебрегать этим не приходится, хотя бы уже и потому, что мы не располагаем другими, более точно отражающими объективную действительность, цифровыми данными.

Таким образом, признавая недостаточную определенность показаний поземельных описей, выраженных в ланах, мы все же не имеем права игнорировать значение этих данных. Но, с другой стороны, было бы непростительной схематизацией утверждать, что даже процентные соотношения, полученные на столь зыбкой основе, являются полным отражением исторической действительности. Здесь перед нами не живая картина и даже не ясно очерченный силуэт, но, в лучшем случае, тень, лишь в самых общих чертах и с известными искажениями показывающая историческое прошлое.

¹ Например, с. Попелиштка «habet 12 laneos, quorum octo sunt maiores... et quatuor minores». DR, VI, 121, ср. стр. 164. Вместе с тем различались по величине и сами югеры или стрихоны — см., например, DR, VII, 164—165; VIII, 249, 254, 267 и др.

ДАННЫЕ О ДОМЕНЕ И ДОМЕНПАЛЬНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

К сожалению, данные о господском хозяйстве в поземельных описях не отличаются ни количеством, ни полнотой. Чаще всего урбарии лишь бегло упоминают о наличии в том или ином селе курии — господского двора и пахотной земли, не всегда приводя сведения о количестве последней. Иногда, правда, при описании барщинных повинностей в окрестных селах указано, что они отбываются на такой-то конкретной курии. Однако обычно материалы о домениальной земле даются в таких формулировках и в такой связи, что исчисление соотношения барской запашки к крестьянской (надельной земле) не может быть произведено с желательной точностью. Тем не менее из сопоставления данных, содержащихся в ранних и более поздних поземельных описях, все же заметно увеличение размеров домениальной земли, как это было выше отмечено при описании бревновского и страховского урбариев. Рабочую силу домена составляют не только подсоседки, как это утверждали даже наиболее добросовестные представители буржуазной науки, но и другие категории крестьян. Именно ко всем крестьянам, а не к одной какой-либо группе относится указание на пахоту господской земли (обычно по 16 или 18 борозд с лана рустикальной, т. е. держательской, земли), на уборочные и сенокосные работы, на извозную повинность, на строительные работы и многое другое. Эти барщинные повинности крестьян в селах, где не было домениальной земли, иногда отсутствуют.

Подобным же образом не всегда можно положиться на полноту сведений о господских виноградниках, хмельниках, садах, огородах, лугах, лесах, рыбных ловищах, пасеках и т. д. Во всяком случае данные о всех этих видах господского хозяйства не дают основания для каких-либо количественных наблюдений.

Упоминания о господском скоте носят также лишь случайный характер. Заключение о развитии господского животноводства, о росте его товарности мы можем сделать лишь благодаря многочисленным сведениям о крестьянских повинностях (пастьба господского скота, стрижка овец) и на основании скудных данных прихода-расходной книги архиепископства Пражского о продаже феодалами продуктов животноводства (шерсть, кожа и др.).

Основную часть указаний поземельных описей о домене составляют не сведения о собственно домениальной земле, а материалы о феодальной ренте, каждая из видов которой требует, однако, отдельного рассмотрения. При изучении разновидностей феодальной ренты следует исходить из того, что характерной чертой ее является переплетение денежных платежей с барщиной.

ДАННЫЕ О ДЕНЕЖНОЙ РЕНТЕ

Переходя к вопросу о достоверности данных, фиксирующих денежные взносы крестьян, мы попадаем на гораздо более твердую почву, во всяком случае там, где речь идет о регулярных чиншевых платежах так называемых *Jiřsko—havelských davkách*¹.

Поскольку поземельные описи по самому своему характеру были направлены на учет дохода, приносимого землей феодалу, соответствующие данные в большинстве случаев, несомненно, отличаются точностью. Это значит, что, несмотря на известные колебания, сумма чиншевых взносов в данной местности лишь незначительно отклонялась от цифр, выставленных

¹ Так назывались регулярные взносы чинша, уплачиваемые крестьянами 2 раза в год и приуроченные обычно к церковным праздникам св. Георгия и св. Галла.

в поземельных описях. С одной стороны, вотчинная администрация прилагала все усилия к тому, чтобы не допустить недоимок, а с другой стороны, систематическое нарастание последних свидетельствует о том, что записанные в поземельных описях цифры равнялись на максимальную платежеспособность податных единиц, возможную без нарушения дальнейшего функционирования крестьянского хозяйства, и сколько-нибудь значительные и систематические превышения фактических чиншевых платежей над данными урбария вряд ли могут быть признаны вероятными.

Из сказанного, однако, никоим образом не следует, что вся сумма денежных платежей крестьян в точности соответствовала величине чиншевых взносов. Напротив, при изучении поземельных описей мы убеждаемся, что они включают преимущественно только те платежи, которые вытекали из феодальной собственности на землю, на луга, на леса и т. д. Напрасно стали бы мы искать на страницах поземельных описей подробные указания на те платежи, которые были связаны с правами феодала на личность крестьянина. Между тем даже и априорно трудно представить себе, что средневековая Чехия была счастливым исключением из всех стран феодальной Европы, а чешские крестьяне не знали типичных для феодального способа производства сборов и повинностей, распространенных от России до Испании. Действительно, хотя соответствующие материалы сохранились для Чехии в сравнительно небольшом числе, они все же неопровержимо свидетельствуют, что и чешский крестьянин нес на себе тяжкое бремя многочисленных платежей и личных повинностей. Поэтому, признавая точность цифровых показаний поземельных описей в отношении чинша, подымного сбора и некоторых других учтенных составителем платежей¹, следует иметь в виду, что наш источник не выражает всей суммы остальных денежных платежей, приходившихся на каждый крестьянский двор².

При рассмотрении вопроса об отражении процесса коммутации ренты в поземельных описях мы сталкиваемся с рядом специфических затруднений. Только в сравнительно немногих случаях наш источник прямо отмечает, что та или иная повинность или натуральный взнос должны или могут быть заменены деньгами. Еще более редки места, где сумма денежных платежей заведомо включает в себя денежную оценку натуральных и отработанных повинностей, как это имеет, например, место в поземельной описи владений панов из Рожмберка.

Сплошь и рядом мы лишены возможности с уверенностью заключать, что невольная заставляющая насторожиться высокая сумма денежного платежа включает в себя оценку остальных видов рент, а не зависит от каких-либо иных причин. Ввиду этого расчеты, связанные с процессом коммутации рент, требуют особой осторожности.

ДАНИЕ О НАТУРАЛЬНОЙ РЕНТЕ

О показаниях относительно натуральных взносов можно в общем повторить то, что было выше сказано о денежных платежах. С одной стороны, трудно отрицать, что перечисленные в поземельных описях зерновой хлеб, мясо, гуси, куры, яйца и т. д. и т. п. действительно уплачивались крестьянами натурой или деньгами в указанные в источнике сроки, но, с другой

¹ Нельзя забывать, что практика их сбора открывала феодалу и его администрации возможности для дополнительного ограбления крестьян. К сожалению, характер нашего источника полностью исключает возможность найти в нем соответствующий материал.

² Буржуазные историки использовали отмеченную неполноту поземельных описей для идеализации положения чешских крестьян накануне гуситских войн.

стороны, данные поземельных описей содержат сведения о других экстраординарных поборах, практиковавшихся, надо полагать, значительно чаще, чем они упоминаются в источниках. Так, во многих случаях крестьяне должны были вносить к праздникам дополнительное количество продуктов¹. Поэтому признавая указанное в источниках количество регулярных взносов натурой близким к действительности, нельзя упускать из виду, что источник не перечисляет всех продуктов, вносившихся крестьянами, и всех случаев, когда от них требовались такие взносы. Показательно, например, полное отсутствие сообщений о натуральных поборах, взимавшихся при переходе крестьянского хозяйства в другие руки, о сборах, поступавших при свадьбах, рожденьях, смертях крестьян и т. д. Между тем все эти поборы в совокупности представляли для феодалов немаловажную статью доходов, как об этом можно судить на основании упоминавшихся выше приходо-расходных ведомостей Новоградского бургрфа².

ДАНИЕ ОБ ОТРАБОТОЧНОЙ РЕНТЕ

При исчислении размеров барщинных повинностей на основании данных поземельных описей необходимо иметь в виду то общее для феодализма явление, что повинности держателей могли быть «исчислены или днями работы или денежной оценкой. Способ их взимания на практике был гибок и мог варьировать из года в год»³. В большинстве случаев наш источник дает прямые указания на барщинные повинности, определяя их сумму либо количеством дней в году (или в неделе), либо конкретным указанием величины и характера самих работ. В некоторых местах специально подчеркнута, что данная повинность может быть заменена денежным платежом, но такие указания сравнительно не так часты.

Необходимо, однако, отметить, что эти указания определяют лишь теоретические размеры отработочной ренты, а практика постоянно создавала повод для раздвижения этих границ, во всяком случае, там, где этого требовали интересы господского хозяйства, например в центре страны и на севере.

Рост отработочных повинностей, как, впрочем, и других видов феодальной ренты, можно проследить по материалам некоторых поземельных описей. Так, в процессе рассмотрения крестьянских повинностей Страговских сел имеется возможность составить некоторое представление о движении феодальной ренты за 40—60 лет. Это связано с тем, что во многих селах поземельная опись содержит не только урбариальные заметки обычного характера, но и грамоты, подробно перечисляющие состав и характер крестьянских повинностей для более раннего времени. Рассмотрим в качестве примера материал по нескольким селам, где формулы грамот содержат наиболее полное перечисление крестьянских повинностей, и сравним полученный результат с данными собственно урбариальных заметок.

Уставная грамота с. Патек датируется 1374 г. В селе в это время насчитывалось 18 наново обмеренных полей по 72 югера в каждом. Держатели этих наделов уплачивали по 72 гроша чинша, сдавали по 6 стрихонов зерна (2 пшеницы, 2 ржи, 2 ячменя), по 1 кварталу конопли и обязаны были от-

¹ См., например, чиншевую книгу владений Вышебродского монастыря, стр. 225—228.

² Purkrabské účty panství Novohradského z let 1390—1391, v Praze, 1909, str. 29.

30 a násl.

³ Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии. 1947, стр. 109—110.

возить все это на барский двор. Кроме того, они должны были перевозить своими средствами по 10 стрихонов господского зерна и по 1 возу сена. Уборочная повинность состояла в обязанности выставлять по 6 косцов, и, наконец, крестьяне уплачивали по 6 куриц и по 6 яиц. Все эти повинности мы находим и в 1410 г., правда, с характерными прибавлениями — например, десять стрихонов господского зерна крестьяне должны перевозить по приказу управителя без всякого сопротивления и на своих хәрчах¹; сдаваемые крестьянами зерновые продукты также должны быть теперь привезены на курию, когда им будет приказано и в точно назначенный срок. Кроме того, для всех крестьян этого села, вопреки торжественному обязательству эмфитевтической грамоты ни в коем случае не увеличивать крестьянских повинностей², появилась новая обязанность убирать господский луг и, сверх того, прибавился обширный список работ, которые должны были выполнять подсоседки. Здесь мы находим разнообразные и тяжелые барщины: пахать 10 полос овса, 10 дней работать на уборке, 3 дня — на мельнице, 3 дня — на господском дворе, дважды в году мыть, стричь овец и, наконец, чесать коноплю всегда, когда требуется феодалу (*si opus fuerit*). В общем описании села на первое место вынесено описание господского хозяйства, из чего следует, что центр тяжести господского хозяйства составляет собственно господская запашка, а главной рабочей силой на домene являются подсоседки.

1374 годом датируются также эмфитевтические грамоты сел Радоницы и Страдомицы. Повинности, перечисленные здесь, полностью аналогичны повинностям крестьян с. Патек. Единственным исключением является отсутствие у страдоницких крестьян обязанности сдавать коноплю. В 1410 г. и в Страдомицах и в Радоницах мы находим расширение списка крестьянских повинностей, с одной стороны, а с другой стороны — свидетельство дробления и парцелляции крестьянских наделов. В с. Радоницы появились держатели полуквартальных наделов, которые должны были косить господские луга, — 7 подсоседков этого села должны были работать на жатве 9 дней и особо убирать овес, работать на плотине 3 дня и столько же — в курии. Кроме того, все они должны были мыть и стричь овец дважды в году и убирать коноплю на курии³. В с. Страдомицы подсоседки в 1410 г. обязаны были работать на уборке хлеба 6 дней, особо работать на курии и 3 дня — на мельничной плотине и, подобно подсоседкам сел Патек и Радоницы, обязаны были дважды в году мыть и стричь овец и убирать коноплю⁴. Общее увеличение суммы феодальной ренты отмечается и в других населенных пунктах этой группы сел. Так, в с. Оленицы чинш увеличился с 96 до 136 грошей, а к числу барщинных повинностей прибавилась обязанность крестьян пасти овец по приказу управляющего и выдергивать коноплю⁵. В с. Врбна чинш крестьян увеличился с 72 до 100 грошей и, кроме того, появилась новая повинность работать на мельничной плотине «*quocienscumque opus erit, prout incole villarum Patek, Radomicz et Stradomicz*»⁶.

¹ DR, VIII, 252: «Item quilibet de laneo debet et tenetur ducere 10 strichones cuis-cumque grani seu farine ad monasterium ad mandatum procuratoris non obstante aliqua contradicione suis sumptibus et expensis».

² DR, VIII, 255: «Promittimus autem tam aput nos quam aput posteros et successores in nullis aliis contribucionibus, solucionibus et exaccionibus, oneribus et honoribus non molestare et aggravare, nisi voluerint nos et successores nostros de mera eorum benivolencia voluntate cum aliquo subsidia honorare».

³ DR, VIII, 261.

⁴ DR, VIII, 266—267.

⁵ DR, VIII, 270, ср. стр. 271.

⁶ DR, VIII, 272.

Приступая к рассмотрению системы крестьянских повинностей в селах, расположенных вокруг Праги, можно отметить, что здесь не менее ярко замечается то же усиление барщинных повинностей. Так, из 16 левобережных Бржевновских и 10 левобережных Страговских сел барщина засвидетельствована в подавляющем большинстве случаев, причем барщинные повинности весьма тяжелы и разнообразны.

В Тржебоницы с каждой дедины крестьяне должны были пахать по одному дню озимое и яровое, убрать 42 копны, отработать сверх того 8 дней на уборке господского хлеба (*shon*), а также перевести 12 мер господского овса и 1 воз хвороста. Чинш составлял в этом селе 80 грошей, и, кроме того, каждый держатель лана должен был сдать по 5 мер овса и доставить их в монастырь, дать 9 куриц, 80 яиц и одну утку¹. Как можно судить из других мест того же документа, наиболее тяжелой повинностью крестьян была обязанность убирать господский хлеб, обозначенная количеством копен: при описании с. Бржевнов² по этому случаю дается такое разъяснение: «и каждая копна должна иметь 50 снопов, так что 50 снопов должны дать 4 стрихона при обмолоте»³. Столь же велики и крестьянские повинности в других селах этого района. В Иночанах, например, крестьяне ставят по 32 копны, 7 дней «*shona*», 2 дня пахоты, перевозят хворост; в Тржебовецье отсутствует пахота и «сгон» уменьшается до одного дня, однако остается обязанность убирать по 32 копны, а также появляются дополнительные работы: уборка овса, гороха и конопли, сушка сена, уход за овцами, при этом указано, что работа выполняется на господских харчах, но продолжительность ее по многим операциям никак не определяется⁴. В с. Збузаны крестьяне делятся на две группы: одни ставят по 20 копен и перевозят по 3 воза камней, а другие обязаны «работать каждый день, когда им прикажут» (*laborare omnia die quidquid ipsis mandatur*)⁵, первые платят высокий денежный чинш, вторые «освобождены» от него. Наконец, в с. Либоч уже все крестьянские дворы (18) должны «работать три дня в неделю» (*laborare 3 diebus in septimano suis sumptibus et expensis*)⁶.

Здесь перед нами впервые выступает с такой определенностью резкое увеличение отработочной ренты, доходящей в отдельных случаях до присвоения всего рабочего времени крестьянина. При этом обнаруживается и значительная гибкость форм последней, принимающей вид то еженедельной трехдневной барщины для всех крестьян, то концентрирующейся на одной лишь их части, но зато достигающей своего логического завершения в виде ничем не ограниченной барщины на воле господина.

Столь же безотрадно положение крестьян в соседних Страговских селах⁷. Например, в с. Угонице крестьяне пашут озимое и яровое (полдня), отработывают по 5 дней на уборке в порядке «сгона», ставят по 20 копен; кроме того, они должны работать на лугу (*laborare in pratis*) по 2 дня, перевозить, и притом на своих харчах, господское зерно (по 20 копен), сено (2 воза) и дрова (полвоза), а также принимать участие в господской охоте (2 дня). В этом же селе подсоседки (9 человек) работают по одному дню в неделю, причем даже установлено, какой день. В с. Горомержицы уборка

¹ DR, VII, 158.

² DR, VII, 155.

³ Там же.

⁴ DR, VII, 162—163.

⁵ DR, VII, 156.

⁶ DR, VII, 160.

⁷ DR, VII, 230—239.

заменяется деньгами (pro messe 7 gr.), но каждый крестьянин должен мыть и стричь овец весной и осенью по указанию монастырской администрации.

Материалы поземельных описей убедительно свидетельствуют, что в средневековой Чехии XIV—XV вв., так же как и в Германии, «повинности с крестьянских хозяйств рассматривались господами как основной источник удовлетворения всех своих потребностей», а потому «пределом барщины служили лишь потребности замка и господского хозяйства»¹. Подлинными размерами барщины не всегда поддаются точному учету как в тех случаях, когда составитель указывает урок, который не всегда легко перевести на дни, так в особенности и тогда, когда появляется формула «пахать сколько прикажут», «убирать по приказу господина» и т. д. Трудно не увидеть в этом случае указания на наличие такой системы, при которой размеры работ могут расширяться по усмотрению господина. Действительные размеры работ, отбываемых крестьянами, зачастую превосходили данные, указываемые в поземельных описях; это наглядно демонстрируется также такой формулировкой источника, когда после перечисления повинностей составитель особо оговаривает, что жители данного села или данное хозяйство не должно выполнять никаких других работ, кроме описанных выше. При повторении этой формулы трудно отрешиться от впечатления, что в других случаях введение новых повинностей или увеличение перечисленных предполагалось возможным. Все это затрудняет определение действительной величины отработочной ренты.

Поэтому следует сказать, что данные об отработочных повинностях крестьян не отличаются такой определенностью, как сведения об их чиншевых платежах.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ ОТНОСИТЕЛЬНО СУММЫ ФЕОДАЛЬНОЙ РЕНТЫ

Рассмотренные в настоящей статье платежи и повинности чешского крестьянства далеко не исчерпывают всей суммы феодальной ренты, которую оно уплачивало сеньеру, церкви и государству. Но возможен ли вообще сколько-нибудь полный учет всей рентовой массы на основе поземельных описей — и если возможен, то изменятся ли в связи с этим общие выводы из всего изученного материала? К сожалению, уже по первой части поставленного вопроса не легко прийти к твердому заключению. Урбарии архиепископства, панов из Рожмберка и крупных монастырей интересуются прежде всего той частью феодальной ренты, которую составляли платежи и повинности, взимавшиеся сеньером в качестве землевладельца, и приводят список всех крестьянских рент в таком виде, что многие и достаточно крупные платежи крестьян невольно исчезают из поля зрения исследователя. Составители поземельных описей обычно твердо фиксируют чинш, отработочные повинности и регулярные виды натуральных взносов. Все остальное частью упоминается только изредка, более или менее случайно, частью вовсе не находит себе места в этих документах. Так, систематически опускаются все указания на мелкие обычные платежи, взносы и «помочи» крестьян, которые, однако, во всей своей совокупности составляли немалую часть феодальной ренты. Никогда не указываются, что, впрочем, вполне объяснимо, такие поступления, которые обыкновенно характеризуются термином «случайных», посмертный побор, плата за наследство, свободный сбор и т. п. Весьма редки упоминания о баналитетах, о судебных штрафах,

¹ М. М. Смирин. Очерки истории политической борьбы в Германии перед реформацией. 1952, стр. 87.

даже о таких платежах, как всякого рода «почетные подношения» (*honorificentia*). Таким образом, определение полной суммы феодальной ренты сопряжено с немалыми затруднениями. Только соединяя многие случайные упоминания и попутные замечания источников в одно целое, можно попытаться определить, хотя бы и приблизительно, эту сумму. Но при этом было бы невозможно дать развернутую картину соответствующих повинностей в локальном и в хронологическом разрезах, а речь может идти лишь о наличии и определении характера отдельных налогов, барщин и натуральных взносов.

Кроме чинша, барщины и регулярных натуральных взносов, поземельные описи чаще всего упоминают о берне, которая представляла собой государственный поземельный налог, взимающийся нерегулярно¹. В поземельных описях упоминаются различные виды берны. Чаще всего засвидетельствована генеральная берна (*berna generalis*), которую держатели земельных участков уплачивали по 32 гроша с лана. Монастыри были обложены сверх того еще одним видом берны (*berna regularis*), которая всей своей тяжестью ложилась на плечи того же крестьянства. Наши представления о практике сбора берны расширяются благодаря привлечению двух специально касающихся ее документов. Оба они относятся к 1379 г. и представляют собой берновый регистр по нескольким архиепископским дистриктам и отдельно по Пльзеньскому краю². Сличение этих документов с данными о берне, находящимися в составе урбариев, показывает, что она взималась во всех частях страны в одинаковом размере и на равных основаниях³. сверх этого, в документах находим указания и на другую берну, взимающуюся по специальному распоряжению Королевской канцелярии: «*Item quilibet lanei cultor pro berna generali dum fuerit publice per fora terre proclamata, dabit et solvet 33 gr. pragens. Item pro berna exactionali, dum fuerit per terre principem imposita, sit parva sive magna, dabit et solvet 20 gr. pragens. Semel dumtaxat in anno*»⁴.

Кроме того, документы говорят еще о различных дополнительных сборах — «*contributio*», «*steura*». Эти сборы иногда прямо заменяются прямым обложением «*Preterea dicti nostri homines, heredes et eorum successores liberi erunt ab omnibus exactionibus particularibus sive steuris, pro quibus solvent nobis singulis annis tres grossos de laneo*»⁵.

Здесь перед нами уже, несомненно, случай присвоения сеньерами общегосударственного налога и превращения его в один из видов внутривотчинного обложения крестьянства. Впрочем во многих случаях и генеральная берна поступает в казну сеньера. Так, еще А. Н. Ясинский показал, что в уже нам известных владениях Градищенского монастыря берна от большинства крестьян поступала непосредственно в распоряжение монастырской администрации.

Обычно совместно с берной взимался особый налог, поступавший в пользу сборщиков последней «*pro delencialibus*» (*smazne*) и состоявший из 1 гроша. Кроме того, практика взимания берны предоставляла феодалам и их агентам широкие возможности для дополнительного ограбления и при-

¹ О сборе берны в Чехии накануне гуситских войн см. обстоятельную статью: С. Klier. *Bernictví Kralovství českého před valkami husitským*, С.С.М., 1902, стр. 217 a násl.

² См. настоящую статью, стр. 234—235.

³ Ср., например, материалы из Рудницкого (стр. 17), Хотешовского (стр. 33, 34), Островского (стр. 56, 58, 67, 89), архиепископского (стр. 95—150) урбариев; Бржевнойской (стр. 162, 182, 188, 191—198) и Страговской (стр. 233, 235, 239) и других описей.

⁴ DR, VIII, 268; ср. 263 и сл.

⁵ DR, VIII, 250.

теснения крестьян. О характере всякого рода вымогательств, сопровождавших сбор берны, красочно рассказывает Штитный¹.

Кроме того, постоянным общегосударственным налогом во многих местах являлся подымный сбор «подымное» (*fumales*). Этот налог распределялся «с каждого очага» (*de quolibet foco*) по одному, иногда по половине гроша² вне всякого соответствия имущественному положению облагаемых крестьян.

Все перечисленные налоги поступали, как правило, в денежной форме. То же можно сказать и о широко применявшейся в этот период сеньерами практике вымогательства у крестьян под различными предлогами всевозможных единовременных взносов — «помочей» (*pomozne, subsidium*). Наиболее ярким примером такого рода, является установленная в Жижелицком панстве Розенбергов специальная подать в помощь господину, отправляющему за границу «*quando dominus extra terram ad expeditionem iturus est per 4 grossos*»³. Подобный налог упоминается также в розентальском дистрикте архиепископства Пражского и во владениях Рудницкого монастыря. От этого вида «помочей» надо отличать зарегистрированную во владениях Градищенского монастыря особую повинность «*romozne*», заключающуюся в одном дополнительном дне барщины по усмотрению господина.

Особую группу дополнительных поборов, весьма недостаточно и неопределенно упоминаемых поземельными описями, представляют такие платежи, как «*plaske*» и «*orawne*» во владениях Градищенского монастыря, а также сбор «*pro equis*» в Полицком панстве и «*pro silva*», встречающийся во многих местах. Все они имеют то общее, что взимаются феодалом за пользование лугами, лесами и угодьями, чаще всего пастбищными. Природа двух первых установлена А. Н. Ясинским, который показал, что они представляют собой плату за выпас крупного рогатого скота и овец. Что касается «полошадного сбора», то он состоял не только, как предшествующие, из цыплят и овса, но и из денег⁴.

К перечисленным повинностям близки по своему характеру различного рода баналитеты, выступающие чаще всего в обязанности молоть зерно на господской мельнице или уплачивать особый денежный сбор. Сюда же следует отнести и обязательную покупку пива в господской корчме, пользование господским рыбником, право ловли рыбы с речного берега, принадлежавшего господину, и т. п.

Обширный список личных повинностей и «случайных» поборов открывается взносами так называемых «почетных» подношений (*honor, honorantia, honorificentia, rosta*). В большинстве случаев они состоят из кур (одна, две), иногда — из яиц, в редких случаях — из денег⁵. Тяжесть этого побора состояла не столько в размерах, сколько в самой его природе, так как уплата господину даже небольшого взноса означала признание незыблемых личных прав господина по отношению к его подданным.

Личные права господина проявлялись не только в получении сравнительно небольших регулярных поборов с подвластных ему крестьян, но и в особых правах на их имущество. Эти права реализовались при всякой

¹ Tábor, стр. 126.

² DR, 26, 27, 30—32, 34, 35, 38, 39, 41, 92, 93—150, 155—160, 162, 163, 166, 167, 255, 268, 270—273, 275, 278, 279.

³ Registrum honorum Rosenbergorum..., стр. 22, № 189.

⁴ DR, VII, 199, 200, 201. «Item notandum quod in toto districtu Policz, qui habet unum equum, forestario solvit 1½ gr. et unum quartale avene et unum pullum; et qui habet duos equos, solvit 3 gr. et tria quartalia avene et 4 pullos et si habet plures quam quatuor equos, non solvit nisi de quatuor».

⁵ Особняком стоит «*honorificentia*» в Тын-Бехинском дистрикте, где крестьяне обязаны были давать бургграфу откормленного поросенка. DR, VI, 142.

перемене в положении крестьянина, при переходе крестьянского имущества из одних рук в другие, а также в случае смерти держателя. Характер исследуемого источника не позволяет надеяться найти сколько-нибудь подробные известия о размерах и практике взимания этих платежей. Действительно, «о праве мертвой руки» находим лишь случайное упоминание в архиепископском урбарии и в некоторых грамотах, приложенных к поземельной описи Островского монастыря¹. Из приходно-расходной ведомости бурграфу Новоградского панства узнаем, что поступления по «праву мертвой руки» занимают заметное место среди «прочих доходов» (*percepta diversa*). Зато в грамотах засвидетельствована неоднократно плата за допуск. Что касается таких платежей, как «свадебный побор» и т. п., то о них в наших источниках не имеется сведений.

На грани между личными поборами и торговыми пошлинами находятся такие платежи, как «*przycemne*» и «*wzdaczie*», особенно обильно представленные во владениях Страговского монастыря. Эти поборы удерживались со всех приезжающих и выезжающих из пределов данной вотчины крестьян². Само собой разумеется, что уплата этих взносов не освобождала от пошлин в обычном смысле этого слова; последние взимались буквально со всех видов товаров и строго регламентировались. Примером такого рода может служить то место рожмберкского урбария, где говорится о торговых сборах со всех проезжающих с товарами через Буковскую заставу. При этом берется плата с каждой повозки, с бочки вина (2 денария), с мешка хмеля (2 денария), с каждого быка, со свиньи, а также при провозе ремесленных изделий, кос, мечей, сошников и т. п.³ Кроме провозных пошлин, крестьяне уплачивали еще и собственно торговые сборы, так в с. Тржесовицы упоминается обязанность всех продающих и покупающих уплачивать сбор по 2 гроша с каждой копы оборота⁴.

Отдельную и притом немаловажную графу феодальных доходов и соответственно обложения крестьян составляли судебные штрафы и платежи, связанные с содержанием органов феодальной юстиции. Во многих случаях составители архиепископского урбария при описании населенных пунктов отмечают, кому принадлежит право получения первых: бурграфу, рихтарю, камерарию или субкамерарию⁵. Иногда штрафы за различные преступления распределяются в одном населенном пункте между различными лицами, причем всегда указывается доля дохода каждого.

«*Item iudex recipit omnes culpas exceptis incendio, homicidio et stipro, quod dicitur vnoss, de quibus tribus iudex habet terciam partem*»⁶.

Бывают случаи, когда судебные штрафы упоминаются среди прочих доходов. Кроме того, во многих населенных пунктах засвидетельствованы спе-

¹ См. дипломаторий Островского монастыря, где неоднократно упоминается, что имущество сирот, умерших прежде достижения совершеннолетия, переходит господину. DR, стр. 74 и сл.

² DR, VIII, 252, ср. 242, 259—260, 266—268, 272. «*Item quilibet adveniens et recedens de bonis solvit per 1 gr. quod vulgariter vocatur przycemne et wzdaczie*».

³ *Registrum bonorum Rosenbergicorum*. . . , стр. 41, № 360.

⁴ DR, VIII, 292. Кроме того, нужно отметить особый сбор при продаже домов: «*quando domus venduntur, quod vulgariter nominatur wzdawne, 1 gr. et secundum gr. purgravius recipit*»; DR, VI, 110. Во владениях архиепископства засвидетельствован особый торговый сбор «*trzle*», DR, VI, 10; DR, IX, 305.

⁵ Так, например, в Штепанове, Хлуме, Льготе, Крживсудове, Ланне и других населенных пунктах штрафы получает бурграф (DR, VI, 110—112, 134—137, 146—147). В некоторых случаях штрафы получает рихтарж, за исключением тех, которые должны поступать камерарию, или субкамерарий. DR, VI, 111, 123, 125.

⁶ DR, VI, 124 и 125, ср. также распределение судебных доходов в с. Нова Весь, где бурграф получает $\frac{2}{3}$ доходов от штрафов, а судья — одну треть. Там же, стр. 136.

циальные денежные сборы на содержание судебного аппарата (*judicialia, expensae judiciae*)¹, принимающие иногда форму натуральных платежей на содержание судьи, приезжающего в данный населенный пункт для отправления своих функций². Сюда же относятся и многочисленные в архиепископских владениях сборы на палачей (*pro tortore*)³.

Перечисленные платежи и поборы, в свою очередь, не исчерпывают списка крестьянских повинностей. Сюда, например, не вошли все специально церковные доходы, начиная с десятины и кончая многочисленными платами за различные требы. Десятина взималась обыкновенно натурой. В одной из поземельных описей об этом имеется прямое упоминание: в урбарии Погледского монастыря перечислены зерновые, поступавшие в качестве десятины с крестьян 10 сел, причем указаны имена последних и количество поступавшего от них зерна. Насколько можно судить, десятина уплачивалась натурой и в начале XV в. во многих церковных и монастырских владениях, так, например, в Бржевновском монастыре «*quilibet laneus pro decimis tenetur dare in festo Michaelis unam mensuram siliginis et unam avenae*».

Насколько широко вошла в быт чешской церкви денежная уплата за молебны, панихиды и другие «духовные» услуги, на основании поземельных описей судить не представляется возможным, но счета Тржебонского монастыря показывают, что денежные поступления за требы (*ofěry*) могли составлять одну из главных статей духовных феодалов (на 60 коп. чинша эти доходы превышали 30 коп.).

ДАННЫЕ О ПРОЧИХ ДОХОДАХ И ХОЗЯЙСТВЕ ДОМЕЦА

Поземельные описи сравнительно богаты указаниями на мельницы, корчмы, рыбные пруды, а также доходы с пошлин и торговых сборов. Все эти доходные статьи, тяжелым бременем ложась на плечи крестьян, обогащали феодалов. Однако количественные данные поземельных описей не могут в этом случае претендовать на полноту и строить какие-либо выводы о месте соответствующих поступлений в бюджете вотчины.

Невозможно, к сожалению, прийти на основании данных поземельных описей также и к расчетам, связанным с определением обеспеченности барского и крестьянского хозяйства рабочим скотом. Хотя в поземельных описях упоминаются лошади, коровы, овцы, птица, но сведения эти в большинстве случаев стоят изолированно, и никаких выводов количественного порядка построить на них нельзя.

Таким образом, мы видим, что не все материалы массового характера, заключающиеся в чешских поземельных описях, обладают одинаковой степенью достоверности. Выводы о различной степени достоверности этих данных следует всегда помнить и учитывать в ходе анализа и операций над цифровыми данными.

Кроме материалов массового характера, позволяющих делать, конечно, с известными ограничениями, выводы и обобщения, в урбариях встречается больше количество разнообразных сведений, хотя не массового масштаба, но достаточно типичных, которые проливают свет на многие стороны жизни производителей материальных благ — крестьян и показывающих действительное положение трудящегося большинства, изнывающего под ярмом эксплуатации феодалов, особенно усилившейся в связи с развитием товарно-денежных отношений.

¹ DR, VI, 101—103; VII, 175, 191, 199—201, 206, 209 и др.

² DR, VII, 191—194.

³ DR, VI, 114, 115, 116, 117, 120, 121, 123, 125, 126, 127, 129.

На основании всего сказанного можно заключить, насколько ценным источником для аграрной и социальной истории Чехии являются поземельные описи. Это значение выясняется еще больше, если мы попытаемся определить, имеются ли вообще в распоряжении исторической науки другие подобные материалы для изучаемого периода истории Чехии и каково место поземельных описей среди всех источников по истории чешской феодальной деревни накануне Великой крестьянской войны XV в.

Выше уже отмечалась тесная связь поземельных описей с грамотами, значительная часть которых была источником последних. Особенностью сохранившегося актового материала является то, что среди документов имеется сравнительно немного грамот, которые относились бы к одному времени и к одному феодальному владению или к нескольким размещенным поблизости одна от другой вотчинам.

Кроме того, возникают специфические трудности в связи с тем, что большинство известных нам систематических публикаций актового материала, охватывая значительное количество документов, включает материал либо по предшествующему, либо по последующим периодам. Так, например, известный сборник грамот Эрбена—Эмлера—Мендля оканчивается на первой половине XIV в., а другие публикации, давая обильный актовый материал для второй половины XV, XVI и следующих веков, содержат лишь немногие грамоты второй половины XIV—первой четверти XV в.

Нельзя также забывать и о том обстоятельстве, что плодотворное использование актового материала, который рассредоточен по различным серийным и периодическим изданиям, требует многих лет упорного предварительного труда. Выводы, получаемые из грамот, которые являются, как правило, констатацией единичного факта или отношения, могут претендовать на общезначимость лишь тогда, когда основываются на исчерпывающем рассмотрении возможно большего количества актов и на специальном изучении противоречащих этому основному массиву случаев.

Грамоты, дополняя данные поземельных описей, не содержат в подавляющей своей массе материала цифрового характера, позволяющего делать количественные наблюдения и статистические обобщения. В этом отношении преимущество поземельных описей, являющихся по самой своей природе источником массового характера, стоит вне всяких сомнений.

Весьма существенным дополнением к материалам поземельных описей и грамот могли бы служить так называемые дворские и особенно земские доски, перечислявшие земельные владения светских феодалов и отражавшие во вносившихся на их страницы решениях королевской канцелярии и земских судов особенности социально-экономического развития отдельных районов страны. Но, к сожалению, пожар 1541 г. почти полностью уничтожил все памятники предшествующего времени, а небольшие сохранившиеся и опубликованные отрывки (чаще всего извлечения из других документов) скорее заставляют пожалеть об утрате столь важного источника, чем расширяют круг находящихся в распоряжении историка материалов.

Данные сохранившихся источников дополняются также и некоторыми уцелевшими документами хозяйственного учета (*učty, účetní knihy*). Эти приходо-расходные ведомости крупных вотчин приоткрывают нам завесу над той стороной исторической действительности, которая не нашла себе ясного выражения в поземельных описях. Последние указывают обычно лишь нормы и сроки обложения крестьян, учетные же книги обрисовывают конкретную практику выкачивания феодальной ренты. Помимо этого, эти документы позволяют судить о характере и темпах вовлечения вотчины в товарно-денежные отношения, и их показания в этом отношении являются

порой прямо-таки уникальными. Ввиду этого мы старались в настоящей работе использовать все доступные нам памятники такого рода.

Особое место среди учетных документов занимают «*Knihy městskysh ročtu*». Это — книги, куда заносились все сведения о земельных владениях горожан, о поземельных сделках бюргеров с крестьянами и решения городских судов в тех случаях, когда крестьяне окрестных сел судились по городскому праву. Однако эти документы, позволяющие судить о крепнущих связях между городом и деревней, в основной массе ожидают своего издателя, а опубликованные издания относятся главным образом только к столице Чехии — Праге и то преимущественно ко второй половине XV—XVI в.

Сохранившиеся хроники той поры почти не содержат материалов по аграрной истории. Несколько более широко можно использовать литературное и эпистолярное наследие эпохи, но только в качестве дополнения к показаниям других источников.

Значительно более важную роль могут сыграть указания законодательных памятников, среди которых на первом месте надо поставить «*Majestas Carolina*» — проект законника Карла IV, явившийся предметом специальной разработки в советской исторической науке¹.

* * *

Из всего изложенного видно, что чешские поземельные описи обладают значительным фондом данных первостепенного значения, что делает их одним из основных источников при изучении аграрного строя Чехии накануне гуситских войн.

Из числа проблем, для разработки которых урбарии и близкие к ним по характеру источники дают особенно много материала, можно выделить два основных вопроса: во-первых, характер, структура и до некоторой степени также и эволюция феодальной ренты в различных районах страны; во-вторых, положение феодально зависимого крестьянства, в частности его дифференциация накануне революционных событий XV в.

Если бы чешские поземельные описи XIV—начала XV в. давали бы нам возможность изучить только особенности структуры и эволюции феодальной ренты в стране и показать характер расслоения крестьянства, то и в этом случае трудно было бы не признать, что значение их чрезвычайно велико. Неправильно, однако, считать, будто роль их исчерпывается наличием материала для рассмотрения поставленных проблем. Поземельные описи и сопутствующие им документы проливают свет, — правда, не всегда достаточный — и на специфику развития производительных сил в чешской деревне. Они помогают тем самым показать те пути, по которым под влиянием роста товарно-денежных отношений феодальная вотчина развивалась в разных районах страны.

Поземельные описи не содержат, да, по всему своему характеру, и не могут содержать прямых сообщений об отдельных эпизодах нарастающей классовой борьбы. Однако нельзя не признать, что поземельные описи способствуют выяснению характерных черт борьбы классов феодальной Чехии, рисуя тот социальный фон и вместе с тем основу, на которой выростали вспышки крестьянского протеста, сочетавшиеся с выступлениями городских низов, накануне Крестьянской войны XV в. в Чехии.

¹ Г. Э. Санчук. Чешский земский законник «*Majestas Carolina*» (1355) как исторический источник для изучения начала образования национального государства. «Краткие сообщения Института славяноведения», 1951, № 2, стр. 99—109.

А. И. Виноградова

ЧЕШСКИЕ ЦЕХИ XIV — НАЧАЛА XV В. И СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА ВНУТРИ ИХ

Вопрос о цехах — один из важнейших в истории средневекового города, поскольку цехи являлись организациями непосредственных производителей материальных благ в феодальном обществе. В буржуазной литературе средневековые цехи освещались извращенно. Только советская историография, вооруженная марксистско-ленинским учением об обществе, дала новое, единственно научное толкование вопросам, связанным с организацией средневекового производства.

Для характеристики средневекового города и средневекового цеха в русской буржуазной и советской исторической науке изучались материалы, касающиеся больше всего немецких, частично французских и итальянских цехов. Цехи славянских стран, за исключением русских, не принимались во внимание.

История чешского средневекового цеха, как и история чешского средневекового города в целом, не нашла отражения ни в дореволюционной, ни в советской исторической литературе. Между тем она представляет интерес для изучения средневекового цеха, так как чешские цехи имели общие черты, свойственные всем средневековым цехам. Не меньшее значение она имеет и для познания истории чешского города.

В чешской буржуазной исторической науке изучение чешского феодального города занимало довольно значительное место. Но основное внимание чешских историков было сосредоточено на изучении вопросов городского права. Экономическая и политическая история города изучена была гораздо слабее, а вопросы социальных отношений и классовой борьбы почти совершенно не затрагивались.

Из немногочисленных исследований, посвященных экономической истории города XIV—XV вв., следует в первую очередь отметить работы С. Винтера, в которых собран богатый материал, свидетельствующий о сравнительно высоком уровне экономического развития чешского средневекового города, о степени развития ремесла и торговли¹. Работы С. Винтера опровергали утверждения немецких историков-шовинистов об отсталости чешских городов.

С. Винтер касался и вопросов об организации ремесла и о времени возникновения цехов, но решал эти вопросы с буржуазных позиций. Время

¹ Z. Winter. Dějiny řemesla a obchodu v Čechách v XIV. a XV. století. Praha, 1906. (В дальнейшем — Z. Winter. Dějiny řemesl...). První cechy řemeslní v Čechách, ČSM, 1904. Pražští měst ané čeští a němečtí v XIV věku. Osvěta, 1902.

оявления цехов в чешских городах он относил ко второй половине XIV в., связывая их зарождение с оформлением цехов уставами. Все противоречия в городах Винтер сводил только к национальным.

Первым из чешских буржуазных историков исследование социальных отношений и социальной борьбы в чешских городах начал Б. Мендл. В своей работе «Социальный кризис городов в XIV в.»¹ на большом фактическом материале он показывает обострение социальных противоречий в чешском городе накануне гуситского движения. Но эти противоречия он видел только между патрициатом и бюргерством. Третьего, самого многочисленного слоя городского населения — бедноты он совсем не замечал, а следовательно, вопрос об основных классовых противоречиях в феодальном городе он не ставил и ставить не мог. Время зарождения цехов он относил к началу XIV в.

Исследования Мендла сыграли очень большую роль, так как разоблачили господствовавшую в то время буржуазную теорию о социальной гармонии в городах XIV в., особенно усиленно проповедававшуюся немецкой школой Бюхера.

Чешскими буржуазными историками был собран богатый фактический материал, но буржуазная ограниченность не позволила им на основе этого материала сделать правильные научные выводы.

Историки народно-демократической Чехословакии начали изучение средневекового чешского города с марксистских позиций. Главным объектом исследования стали основные производители материальных благ в городе — ремесленники и беднота.

Ф. Граус в работе «Городская беднота в предгуситский период»² исследует экономическое положение третьего слоя городского населения — бедноты накануне гуситского движения. Он показывает ее тяжелое социальное и правовое положение, приводит многочисленные факты классовой борьбы. В работе «Суконное производство в предгуситский период»³ Ф. Граус показывает социальные противоречия среди ремесленников в одной отрасли промышленности — в сукноделии и приходит к очень важным выводам об отделении производителя от торговца в одной из наиболее развитых отраслей промышленности чешского города.

В работе Ф. Грауса «Чешская торговля сукном в XIV—начале XV в.»⁴ содержатся интересные сведения о торговле сукном, которая являлась центральной и наиболее важной отраслью торговли Чехии в то время.

В настоящей статье ставится задача выяснить характер чешских цехов XIV—начала XV в., показать социальную борьбу в цехах этого периода.

Главным источником, положенным в основу статьи, являются цеховые регламенты г. Праги. Отчасти использованы регламенты других городов и законодательные акты государственной власти, касающиеся цехов и ремесла.

* * *

В Чехии XIV—начала XV в. исключительно важную роль начинают играть города, которые, по словам Энгельса, были одним из важнейших

¹ B. Mendl. Sociální krise měst v století XIV-tem. Český časopis historický, 1924. 1925, 1926.

² F. Graus. Městská hudina v době předhusitské. Praha, 1949. (В дальнейшем — F. Graus. Městská hudina...)

³ F. Graus. Soukenictví v době předhusitské. Sborník pro hospodarské a sociální dějiny, roč. 1, 1946. (В дальнейшем — F. Graus. Soukenictví...)

⁴ F. Graus. Český obchod ze sукном v XIV. a počátkem XV. století. Praha, 1950.

факторов разложения феодального строя. Рождаясь из недр феодализма, они играли активную роль в его разложении¹.

Чешские города в XIV—начале XV в. уже имеют монополию ремесла и торговли, являются экономическими центрами, центрами товарного производства. Для этого периода характерен неуклонный рост городов за счет постоянного притока сельских ремесленников. В Чехии насчитывалось около 100 городов, из которых 35 были королевскими². Многие города были для своего времени очень крупными и не уступали по своим размерам и экономическому развитию крупным городам Западной Европы. В Праге в начале XV в. насчитывалось около 30 тыс. человек; в Брно около 8 тыс. человек, тогда как в одном из крупнейших европейских центров — в Нюрнберге в 1449 г. было 25 982 человека, в Базеле 8—10 тыс. человек³.

В чешских городах наблюдается расцвет ремесла и торговли, увеличивается число ремесленников и растет их специализация. Рост специализации был результатом улучшения техники ремесленного производства.

Характерной чертой этого периода является рост добычи сырья, о чем можно судить по росту числа так называемых «баньских городов», т. е. горнорудных городов, возникновение и развитие которых было неразрывно связано с добычей золота, серебра, железа, меди, олова и др. металлов. В Чехии в рассматриваемое время насчитывалось более 20 таких городов; среди них особенно выделялась Кутная Гора⁴.

Города являлись и центрами торговли, которая была важнейшим источником их богатства. Маркс и Энгельс определяют торговлю, как обособление производства от обращения, подчеркивают значение торговли в объединении отдельных областей, в исчезновении первоначальной местной ограниченности⁵.

Естественно, что обособление производства от обращения в Чехии могло возникнуть благодаря высокому уровню развития производительных сил.

Торговля в свою очередь способствовала развитию товарно-денежных отношений, складыванию внутреннего рынка. Именно о такой роли торговли можно говорить в это время в Чехии.

Значительные торговые связи существовали между городами и сельской округой. О развитии внутренней торговли свидетельствует специализация рынков, увеличение свободных еженедельных торгов и ежегодных торгов-ярмарок⁶, способствовавших росту внутренних экономических связей в стране.

Довольно обширной была внешняя торговля, которая основывалась на ряде договоров с другими странами и на взаимных привилегиях⁷. Чехия вела торговлю с Венецией, Австрией, Баварией, Венгрией, Польшей, Галичской Русью, Германией, Фландрией, Прибалтикой, Ганзейскими городами и др.

Из всех чешских городов выделялась Прага — столица государства, крупнейший экономический и культурный центр. Прага была центром вну-

¹ См. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., 1952. Приложения, стр. 155—156.

² Z. Winter. Dějiny řemesl., str. 118.

³ F. Graus. Městská hudina., str. 116—117.

⁴ Z. Winter. Dějiny řemesl., str. 156, 321, 340.

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 43.

⁶ J. Čelakovský. Codex juris municipalis. Díl I, Praha, 1886, čč. 75, 88, 96, 111; díl II, čč. 146, 566, 581, 590, 595, 608, 635, 710, 715, 739, 764, 790, 817, 910 и др. (В дальнейшем — J. Čelakovský, Codex...).

⁷ Там же. Díl I, čč. 14, 19, 27, 52—54, 59, 60, 64, 65, 67, 69—74, 82—84, 162, 177, 183; díl II, čč. 123—124, 155, 213, 292, 330, 421, 424, 484—485, 664, 684; H. Jireček. Codex juris Bohemici, t. II, pars 3, Praga, 1889, čč. 21, 22, 24, str. 339—343. (В дальнейшем — H. Jireček. Codex...)

тренней и внешней торговли. Все основные земские дороги проходили через Прагу. Здесь было сосредоточено и административное управление. Особенностью и одной из главных привилегий чешских городов XIV в. было собственное управление, собственный городской суд. Большой свободой в этом отношении отличались города, принадлежавшие королю. Панские города были более зависимыми от своих феодалов.

Во главе города стоял рыхтарж, или фойт, которому принадлежала главным образом судебная власть, и городской совет, которому принадлежало административное и хозяйственное управление. Члены городского совета назывались коншелами, скабинами и шеффенами. Из их среды избирался пуркмистр (бурмистр). С ростом самоуправления города пуркмистр все более возвышается над рыхтаржем, ставленником короля¹.

Городское население состояло из трех основных групп: патрициат, бюргерство, беднота. Экономическое и правовое положение отдельных групп было неодинаковым.

Самым имущим слоем городского населения, но в то же время самым малочисленным, был патрициат, который состоял из крупнейших торговцев, ростовщиков, домовладельцев. Основными доходами патрициата были иноземная, основанная на привилегиях, торговля, ростовщичество, откуп городских налогов, рента с домов (домовладение), торговля цеховыми и торговыми привилегиями, виноградарство и землевладение². По своему социальному положению патрициат приближался к панству. Связь его с феодальным классом усиливала его реакционность в городе.

Экономическая сила патрициата дала ему возможность захватить политическую власть в городе. Должности рыхтаржа и коншелов занимались только представителями патрициата. Высокий имущественный ценз (50 коп грошей!)³ и ценз оседлости, установленные городским правом, сделали эти должности монополией патрициата. Должность коншела и рыхтаржа становится по существу наследственной⁴. В результате этого привилегии и свободы, которые города получали от короля, использовались патрициатом в своих классовых интересах. Таким образом, «свобода» городов, которая так поднимается на щит буржуазными учеными, была свободой господствующего слоя городского населения — патрициата и кабалой для основного производительного населения городов — бюргерства и бедноты.

Патрициат в чешских городах с XIII в. и почти вплоть до гуситского движения был немецким⁵. Это придавало национальную окраску и социальному угнетению и социальной борьбе угнетенных классов.

Второй, средний слой городского населения составляло бюргерство. В отличие от патрициата это был производительный класс. Если торговля находилась главным образом в руках патрициата, то ремесло было целиком в руках бюргерства. В связи с расцветом ремесла в XIV в. значительно окрепло и выросло бюргерство, но полному экономическому его расцвету мешало господство в чешском городе немецкого патрициата. Основу бюргерства составляли цеховые мастера, средние торговцы, следовательно, бюргерство было зажиточным слоем города. Это чрезвычайно важно для оценки

¹ J. Čelakovský. O středověkém radním zřízení v kralovských městech Moravských. Časopis matice moravské, 1905.

² V. Tomek. Dějepis města Prahy, díl I, str. 292—312; díl II, str. 433 и сл.

³ J. Čelakovský. Codex..., díl I, č. 131.

⁴ V. Tomek. Dějepis města Prahy, díl I, str. 292 и сл.; díl II, str. 433 и сл.; díl V, str. 55.

⁵ V. Tomek. Dějepis města Prahy. I, díl V, str. 55.

его политической роли и борьбы, которая велась бюргерством в двух направлениях: борьба против патрициата за политическую власть в городе и борьба против третьего слоя городского населения — бедноты.

В борьбе против патрициата бюргерство использовало цеховую организацию. Этим было вызвано выступление патрициата за запрещение цехов — корпораций бюргерства.

Борьба патрициата с цехами происходит на протяжении всего XIV и начала XV в., т. е. вплоть до гуситского движения¹, в результате которого немецкий патрициат был изгнан из чешских городов.

Третий слой городского населения — беднота — был совершенно бесправным элементом в городе, поскольку это был наимущий слой городского населения. Беднота состояла из самых различных слоев — обедневших и разорившихся ремесленников и торговцев, подмастерьев, учеников, поденщиков, деклассированных элементов и т. д.² Беднота еще не составляла единого класса, а потому была не способна на самостоятельные выступления. Но она была активным участником всех городских движений бюргерства, направленных против патрициата.

* * *

Основную массу производительного населения городов Чехии XIV — начала XV в. составляли ремесленники. Формой организации ремесленного производства были цехи. В цехи объединялись мелкие производители отдельной специальности. Организации ремесленников складывались одновременно с городом и развивались параллельно эволюции городского строя. Объединения ремесленников появляются вскоре после поселения ремесленников в городах. Они возникали для защиты прав ремесленников от феодалов, поскольку города возникали на землях феодалов. Сам феодальный строй, вся система феодальных отношений толкали ремесленников к объединению³.

Первый период существования цехов, период начала цеховой жизни, во всех странах характеризуется довольно большой свободой в занятии ремеслом, стремлением обеспечить одинаковые условия производства и обмена для ремесленников, создать одинаковые условия жизни. Весь производственный процесс и производственные отношения в организации существовали на основе установившегося обычая. Уставами цехи стремились закрепить ранее существовавшие порядки в них и не допускать дальнейших нарушений.

Для начальной стадии развития городского ремесла характерны «ограниченность обмена, ограниченность рынка, стабильность способа производства, местная замкнутость по отношению к внешнему миру...»⁴.

Для буржуазных историков уставы являются основным признаком наличия цехов⁵. Поэтому в буржуазной историографии утвердился взгляд, что цехи в чешских городах возникли только в XIV в. Это неверное утверждение было связано с тем, что они подходили к вопросу происхождения цехов метафизически. Ими игнорировались конкретные исторические усло-

¹ V. Mendl. Sociální krise měst v století XIV-tém, ČSN, 1924, 1925, 1926. (В дальнейшем — ČSN, 1924; ČSN, 1925; ČSN, 1926). V. Mendl. Počátky našich cechů. Český časopis historický, 1927, sešit 1—2. (В дальнейшем — ČSN, 1927).

² См. F. Graus. Městská hudina v době předhusitské. Praga, 1949.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 14—15, 41.

⁴ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 256.

⁵ В. Томек, С. Винтер, Ф. Тадра, Г. Иречек, Б. Мендл и др.

вия, которые вызвали к жизни организацию ремесленников на определенном этапе развития производительных сил феодального общества. В основу они брали не фактическое развитие организаций ремесленников, а юридическое оформление уже ранее существовавших цехов.

О наличии цеховых организаций до XIV в. позволяют говорить сохранившиеся в достаточном количестве документы. Документы XIII в. свидетельствуют не только о существовании цехов, но и о характере их.

Из грамоты, выданной ремесленникам г. Брно королем Вацлавом II в 1292 г., следует, что цехи уже стремятся монополизировать производство в городе. В грамоте читаем: «тот, кто вновь получает городское право... не должен принуждаться своими собратьями что-нибудь платить в цех (cech) или объединение (uniones). Как всякий другой гражданин, он должен заниматься своим делом»¹.

О стремлении цехов монополизировать производство можно судить по другой более ранней грамоте короля Вацлава. Так, грамотой от 1241 г. король дает право селиться в Брно «человеку любого ремесла и заниматься тем, что каждый умел без каких-либо препятствий со стороны живших в Брно ремесленников»².

О наличии организаций ремесленников в XIII в. и монопольно-принудительном характере их свидетельствуют предписания короля Пржемысла Отакара II и Вацлава³ и привилегии, данные ремесленникам королем Яном Люксембургским⁴.

Тот факт, что в XIII в. цехи имели тенденцию превратиться в принудительные организации и стремились монополизировать производство в городе, говорит о том, что возникли они гораздо раньше XIII в., поскольку эти черты — монополия и принуждение — не присущи раннему периоду цехового развития.

С XIV в. чешские цехи вступают в новую полосу своего развития. Развитие товарно-денежных отношений, рост торговых связей, расширение рынка, развитие международной торговли, рост производительных сил, ремесленной техники и ремесленного производства приводят к конкуренции между членами цеха. Когда ремесленники стали больше связываться с рынком, то обычные правила и уравнительная система цехов стали сковывать их. Поскольку стали нарушаться установившиеся порядки цеховой организации, встала необходимость их записи. Так, с XIV в. и начинается оформление цехов уставами.

Определение характера ремесленных организаций XIV—начала XV в., показ социальной дифференциации и борьбы, происходившей в цехе в XIV—начале XV в., убеждает в неправильности утверждений буржуазных историков, что цехи в Чехии возникли в XIV в.

На развитии чешского ремесла и его организации — цехов сказалось отрицательное влияние немецкого патрициата.

Политика короля по отношению к цехам в XIV в. не отличалась постоянством.

¹ E. F. Rössler. Deutsche Rechtsdenkmäler aus Böhmen und Mähren. Dil II — Die Stadtrechte von Brünn aus dem XIII und XIV Jahrhundert, Prag, 1852, n. 477, str. 217—219. (В дальнейшем — F. Rössler. Op. cit., d. II).

² J. Čelakovský. Obnovování rad v kralovských městech; v Čechách. Český časopis historický, 1879, str. 103. (В дальнейшем — ČCH, 1879).

³ H. Jiresek. Codex..., str. 301—302.

⁴ J. Čelakovský. Codex..., dil II, n. 244; Z. Winter. Dějiny řemesl..., str. 68. и сл.; V. Tomek. Dějepis Prahy, dil I, str. 165.

В Чехии королевская власть не имела такого вмешательства в цеховую жизнь, как это было, например, во Франции, где король назначал цех-мистров, вмешивался в присуждение звания мастера (покупка митризы, утверждение программы шедевра), усиливал регламентацию ремесла и т. д.¹

Но в период цеховых движений, направленных против господства немецкого патрициата в городах, король выступал против цехов на стороне патрициата. Он требовал от цехов «послушания» и «подчинения» городскому совету².

Такое отношение короля к цехам объяснялось тем, что король часто находился в финансовой зависимости от патрициата. Король прибегал к займам денег у патрициата³, долги нередко оставались невозмещенными. За деньги король давал привилегии немецкому патрициату. Патрициат же использовал свои капиталы для умножения привилегий. Это дало возможность ему захватить управление в городах.

В XIV—XV вв. компетенция чешских цехов оказалась сильно суженной городскими советами, где заседал немецкий патрициат. В Чехии уставы цехам утверждал городской совет. Уставы ограничивали свободу занятия ремеслом. Зависимость цехов от городского совета проявлялась и при получении звания мастера. Согласно уставам, мастером мог быть только тот, кто имел городское право, которое приобреталось за деньги. Обычной платой за получение городского права считалось 30—34 гроша. Эти деньги шли членам городского совета — коншелам и городскому судье-рыхтаржу. В некоторых цеховых уставах отсутствует требование принадлежности к определенному цеху, но требование приобретения городского права констатируют без исключения все уставы⁴.

Зависимость цехов от городского совета проявлялась и в юрисдикции цеха. Судебно-административная власть находилась в руках городского совета, на долю цеха оставались лишь функции контроля над процессом производства и торговли готовым продуктом. Как правило, контроль над производством и продажей готовой продукции осуществлялся выборными органами цеха в лице старших мастеров, которых было обычно 3 или 4, и цехмистра («брат-мастера»)⁵.

Но были случаи, когда при осмотре мастерских цеховыми старшинами присутствовали и члены городского совета⁶.

¹ В. В. Стоклицкая-Терешкович. Проблема цеха на Западе и на Руси. «Средние века», вып. 3, М., 1951, стр. 80—81.

² J. Čelakovský. Codex..., díl II, n. 326, str. 474.

³ V. Tomek. Dějepis Prahy, díl I, str. 294, 297, 299, 302; díl II, str. 443 и сл.

⁴ а) В уставе пражских панцырщиков от 1328 г. говорилось: «Чуждые люди, будь то мастер или подмастерье, если хотят осесть в Праге, чтобы заниматься ремеслом, жестяшника, панцырщика или шлемщика, должны принять гражданство и стать гражданином по всем правилам». (E. F. Rössler. Deutsche Rechtsdenkmäler aus Böhmen und Mähren. díl. I.—Das alter prager Stadtrechts aus dem XIV Jahrhundert. Prag, 1845, str. 19. (В дальнейшем — F. Rössler, Op. cit., d. I).)

б) То же самое говорилось в уставе пражских солодовщиков и пивоваров от 1330 г.: «...если какой-либо человек хотел осесть в Праге, чтобы варить пиво и продавать его в розницу, он должен был приобрести бюргерское право и стать горожанином по всем правилам» (H. Jireček. Codex..., d. II, p. 3, str. 310).

в) Ст. 2 устава пражских портных от 1341 г. определяла: «...кто хочет заниматься в Праге портняжничеством, тот должен приобрести бюргерское право, заплатив за это судье и шеффенам 32 больших пфеннига» (H. Jireček. Codex..., d. II, p. 3, str. 310—312).

⁵ Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae, díl VIII, n. 176, 177. (В дальнейшем — CDM); H. Jireček. Codex..., str. 304—322. E. Rössler. Op. cit., nn. 29, 45, 58.

⁶ H. Jireček. Codex..., str. 310—312.

Старшины избирались, по всей вероятности, на общем собрании членов цеха, но утверждались ежегодно городским советом¹. Старшины приносили клятву, что «будут внимательно, заботливо, справедливо и согласно установленному порядку исполнять возложенные на них обязанности в цехе, во главе которого они поставлены»². При невыполнении предписанных обязанностей они несли наказание.

В тех городах, где цехи в борьбе с патрициатом терпели поражение, зависимость цехов от городского совета становилась большей. Городские советы в таких случаях не просто утверждали статьи уставов, но сами диктовали свои условия, сами назначали цеховых старшин. Так было в 50-е годы в моравских городах: Брно, Оломоуце, Зноймо и чешских городах: Грудиме, Кралове Граде³. Они становились орудием контроля над ремеслом в руках патрициата. Такое зависимое положение цеховых старших значительно сужало компетенцию цеха.

В руках цеха находились финансы, которыми ведал выборный казначей или цеховой мастер. Цеховая казна пополнялась за счет вступительных взносов и штрафов с провинившихся мастеров и подмастерьев. Но штрафы только частично шли в цеховую казну. Сумма вступительного взноса и штрафа всегда делилась на 3 части: одна часть шла в цех, другая — в пользу рыхтаржа, третья — в пользу коншелов. Это констатируют все уставы. Тот факт, что часть штрафов и вступительной платы в цех шла городскому судье и членам городского совета — коншелам, также свидетельствует о зависимости цехов от городских властей.

Не все цехи, даже в одном городе в один и тот же период, занимали одинаковое положение. Из устава пражских художников (от 1348 г.) следует, что правящим органом было общее собрание и выборные в лице старших и брата-мастера. Старшие мастера и цехмистр разбирали ссоры между мастерами. Если виновный не подчинялся их решению, он исключался из цеха (ст. 15-я). Цехмистр собирал членов цеха на собрание (ст. 21-я), следил за порядком в цехе, пресекал неблагонадежные разговоры (ст. 24-я). Старшины и цехмистр следили за выполнением всех предписаний устава (ст. 26, 28). В их руках был сосредоточен контроль над производством и продажей готовой продукции, в их руках находилась и цеховая казна⁴. Подобные функции выполняли старшины и цехмистр цеха пражских золотых дел мастеров⁵.

Еще большую автономию имел цех кутногорских плавильщиков серебра. Он не зависел от городского совета, а подчинялся, видимо, непосредственно королю. Управление в цехах принадлежало трем старшим мастерам. Они имели право принимать подмастерьев в свою организацию и выбирать членов товарищества, если в этом будет потребность и т. д.⁶

Но таких цехов было в городах мало. Независимое положение имели только очень богатые цехи. Как правило, такими были цехи золотых дел мастеров, объединение торговцев сукнами, членами которых были в большинстве немцы, заседавшие в городских советах. Компетенция цехов королевских городов была значительно сужена патрицианскими городскими

¹ E. Rössler. Op. cit., d. II, n. 409, str. 189.

² Там же.

³ CDM, d. VIII, n. 176—180; Rössler. Op. cit., d. II, str. 217—219, n. 477; Čelakovský. Codex..., d. II, č. 325, 326.

⁴ H. Jireček. Codex..., str. 314—318.

⁵ ČCH, 1927 sešit 1; str. 8.

⁶ H. Jireček. Codex..., str. 312.

совета, в панских городах — паном, владельцем города. Но несмотря на то, что компетенция чешских цехов была значительно сужена действиями городского совета, в XIV—начале XV в. для них характерно стремление к осуществлению монополии над производством в городе. Цеховая монополия выражалась в одних цехах в форме требования, чтобы желающий заниматься ремеслом в городе уплачивал в пользу цеха денежные взносы и вместе с членами цеха нес определенные повинности; в других — в форме запрета заниматься ремеслом лицам, не состоящим членами данной организации. Постановления целого ряда цеховых статут, изданные в разное время в различных городах, наглядно свидетельствуют об этом¹.

О монопольно-принудительном стремлении цехов в XIV в. свидетельствует также направленное против цехов законодательство чешских королей и маркграфов Моравии, решения городских советов моравских городов Брно, Знойма, Оломоуца, чешских городов Жатца, Грудима, Градца над Лабой и др.²

4 ноября 1352 г. маркграф Моравии дал городскому судье и шеффенам Брно грамоту, в которой запрещались ранее существовавшие «цехи, объединения и союзы» ремесленников³. Здесь же давалось предписание мясникам: «мясники не должны ни словом, ни делом препятствовать возвращению к их ремеслу любому, кто бы он ни был, родился ли он в роде мясников или других людей»⁴. Разрешалась свободная продажа мяса на торгу⁵. Но для занятия этим ремеслом попрежнему требовалась выучка: «Без выучки, навыка, приобретенного заранее, никто, будь он сын или зять мясника, не смел рубить мясо... Это должно твердо соблюдаться»⁶.

Противоцеховое законодательство моравского маркграфа от 1352 г. нашло отражение и в брненской городской книге. В разделе книги, озаглавленном «О городском праве, полученном вновь прибывшими, и о противодействии всеобщему злу, которое ремесленники сосредоточивают в своих цехах», читаем: «Кто вновь получает городское право после того, как сделает то, что велели судьи, не должен принуждаться своими собратьями-ремес-

¹ а) Устав пражских скорняков от 1418 г. гласит: «Кто хочет заниматься ремеслом, должен состоять в цехе, кто не является членом цеха, не может быть мастером и не может самостоятельно работать». ССН, 1927, str. 346.

б) В уставе ножовщиков г. Брно от 1361 г. читаем: «Ни один ножовщик, преднамеренно переселившийся в Брно, не может продавать кому-либо ножи, которые он изготавливает, до тех пор, пока он не приобретет городское право и права других ножовщиков, которые принадлежат цеху». Н. Jireček. Codex..., str. 319.

в) В уставе портных г. Праги от 1318 г. записано: «Ни один из людей (т. е. портных) не может стать мастером. За это каждый обязан заплатить 4 копы больших пфеннигов, терпеть вместе зло и добро год и день по городскому праву, дать для начала в цех полкопы грошей». Rössler. Op. cit., d. I, n. 45, str. 31—32.

г) В уставе пражских портных от 1341 г. читаем: «Кто хочет заниматься в Праге портняжничеством, тот должен приобрести бюргерское право, заплатив судье и коншелам (шеффенам) 32 больших пфеннига... дать мастерам 1 копу пражских пфеннигов. Тем самым он приобретает братство и общее с ним право». Н. Jireček. Codex..., str. 311—312, st. 2.

д) В статуте иглавских суконщиков от 1349 г. записано: «Если кто желает вступить в братство и получить звание мастера, должен получить городское право по обычаю, давая 2 grossis судье и 1 нотариусу, и обещать, что не будет работать до тех пор, пока он не станет членом цеха (получит цех с согласия мастеров)». Н. Jireček. Codex..., str. 318.

² CDM, d. VIII, nn. 176, 177, 180; d. XV, n. 108. E. Rössler. Op. cit., d. II, n. 477, str. 217—219; J. Čelakovský. Codex..., d. II, nn. 325, 326, 390, 646.

³ CDM, d. VIII, n. 180, str. 142.

⁴ CDM, d. VIII, str. 144.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

ленниками к тому, чтобы платить что-нибудь для их цеха или объединения. Как всякий другой горожанин, он должен заниматься своим делом свободно»¹. Далее в книге приводится содержание постановления, изданного Карлом IV в период его маркграфства. В этом постановлении несколько раз подчеркивается, что цехи ремесленников вредны и должны быть запрещены².

Далее перечисляются «злоупотребления», которые совершались цехами в Брно: «Кожевники с мясниками имели даже специальное соглашение, согласно которому никто не допускается к их делу, если не купит за деньги права цеха... Кожевники даже препятствовали тому, чтобы гости продавали в домах и на рынке кожи, которые они привозили в Брно сапожникам и другим ремесленникам. Сапожники также запрещают продавать башмаки даже в общие торговые дни многим людям своей специальности, которые проживают в городе и знают это ремесло, только из-за того, что они не находятся в их цехе... Особенно вредно то, что ремесленники в своих цехах приходят к общему соглашению, по которому юноша или мальчик не мог быть обучен их ремеслу прежде, чем его родители не приобретут себе права цеха. Так же поступают кожевники с подмастерьями. Подмастерья, приходившие в город, не должны работать у кожевников, не состоявших в цехе. Таким образом, их изгоняют из города»³.

В 50-х годах XIV в. в моравских и чешских городах прокатилась волна цеховых восстаний против политического господства немецкого патрициата. Восстания эти окончились поражением цехов. Склонив на свою сторону государственную власть, патрицианские советы, чтобы ослабить цехи экономически и этим подавить их стремление к политической власти, выступили против монополии цехов. Предписаниями короля и маркграфа были уничтожены не цехи, а лишь их монополия. Но цехи со временем восстановили монополию на производство в городе. Так, согласно уставу 1361 г., цех ножовщиков в Брно был принудительной организацией и имел монополию на производство и торговлю в городе⁴. Видимо, монополию на производство вернули себе и другие цехи в Брно, поскольку в 1367 г. там опять было издано городским советом постановление, по которому сукноделы лишались монополии на розничную торговлю сукном. В 1368 г. подобное постановление издала городская рада Оломоуца в отношении местных сукноделов⁵. А в 1366 г. маркграф Ян особым предписанием возвратил ремесленникам всех городов Моравии все старые права за исключением того, что ремесленники не могли принуждать вступать в цех тех, кто занимался ремеслом в городе⁶.

¹ E. Rössler. Op. cit., d. II, n. 478, str. 217.

² «...Поскольку порядки, — говорилось в брненской городской книге, — которые имеют обыкновение преступно устраивать между собой мясники, пекари и другие ремесленники разных специальностей и городов нашей моравской земли, чрезвычайно вредны общинам наших городов и вследствие того, что эти порядки не в состоянии больше выносить люди в Оломоуце и Знойме, мы их упразднили и хотели тоже самое сделать в Брно...» E. Rössler. Op. cit., d. II, str. 218.

³ E. Rössler. Op. cit., d. II, str. 219.

⁴ H. Jireček. Codex..., str. 319.

⁵ Там же, стр. 320 и CDM, d. X, n. 33, str. 25.

⁶ В предисловии маркграфа читаем: Мы возвращаем и восстанавливаем ремесленникам всех наших городов все отнятое у них... но так, чтобы ремесленники всех ремесел никак не принуждали ни одного ремесленника-пришельца вступать в их цех или соблюдать их порядок. Пришедшие ремесленники должны быть освобождены от всех платежей и не подвергаться притеснениям... Если же кто либо захочет принуждать пришельцев-ремесленников вступать в цех... за это понесет наказание (штраф)... Также хотим, чтобы между ремесленниками всех городов не было договоров и объединений при торговле». CDM, d. XV, n. 108, str. 89.

В панских городах наблюдалась большая свобода занятия ремеслом. Эти города в XIV в., как правило, были менее развиты в экономическом отношении, менее населены и имели меньше привилегий по сравнению с королевскими городами. Поэтому в панские города в меньшей мере устремлялись ремесленники из деревень и местечек. Владельцы панских городов были заинтересованы в росте населения. Поэтому они уничтожали препятствия, которые мешали вновь прибывшим в город заниматься ремеслом. В панских городах требовалась принадлежность к цеху при занятии ремеслом в городе, но при получении звания мастера вновь вступающему в цех ставилось меньше препятствий. Требовалась только определенная выучка в ремесле. Вступительный взнос зачастую ограничивался внесением определенного количества воска в цех. О такой относительной свободе занятия ремеслом свидетельствует устав суконщиков г. Рыхнова от 1378 г.¹

В панских городах было гораздо легче поступить в ученичество, чем в королевских городах. Желаящий учиться ремеслу, говорится в уставе рыхновских суконщиков, должен быть принят по договору, без всяких препятствий².

Таким образом, для чешских и моравских цехов XIV—начала XV в., особенно в королевских городах, характерно стремление к осуществлению монополии в производстве и торговле в городе и превращению их в принудительные организации. Но о полной монополии цехов в XIV в. нельзя говорить, так как в управлении городами стоял немецкий патрициат. Монопольные тенденции встречали противодействие со стороны патрицианских городских советов, сторону которых держали чешский король и моравский маркграф, находившиеся в финансовой зависимости от них. Цехи, особенно в Моравии, вынуждены были отстаивать свою монополию на производство и торговлю в городе.

* * *

О чешских цехах XIV—начала XV в. можно говорить, что они уже вполне сформировались. Рассмотрение цеховых уставов XIV в. приводит к выводу, что цеховое законодательство занималось всеми вопросами, свойственными развитому цеховому законодательству. Более того, уставы свидетельствуют о мелочной регламентации цехов. Регламентировались все стороны цеховой жизни, начиная от производства и продажи готового продукта и кончая производственными отношениями. Цех стремился выпускать только доброкачественную продукцию. Статуты различных цехов Праги, а также других городов пестрят десятками предписаний, направленных к повышению качества производимого продукта. Уставы требуют присяги от вновь вступающего члена, что он все будет делать по установленному образцу. Определялось не только качество готового продукта, но и количество и качество сырого материала, употребляемого в производстве.

Ярким примером мелочной регламентации производства и производственных отношений могут служить уставы мясников и мельников г. Брно от 1352 г., мясников г. Оломоуца от 1352 г., солодовщиков и пивоваров

¹ В ст. 11 устава читаем: «Если бы пришедший гость, верный и во всем добродетельный, хотел стать мастером в г. Рыхнове, он должен быть принят без всяких огорок, если он даст мастерам то, что для них положено, т. е. 4 либры воска». Н. Jirešek. Codex..., str. 321.

² Ст. 12 рыхновского устава гласила: «если кто захочет учиться ткать сукно, независимо от того, пришел он из города или деревни, лишь бы был надежным, должен быть принят суконщиками, а именно по договору». Н. Jirešek. Codex..., str. 321.

г. Брно от 1353 г., портных Праги от 1341 г., художников Праги от 1348 г.¹, рыхновских сукноделов от 1378 г.²

Чувствуется стремление цехов поддержать равенство среди мастеров — членов цеха. Цехи стремились уравнивать заработок своих членов, поставив всех в одинаковые условия как в производстве, так и в торговле. Они строго следили за тем, чтобы мастера использовали равное количество сырья и изготовляли одинаковое количество продукции, требовали одинаковых технических приемов производства³. За нарушение этих предписаний устава виновные подвергались высоким штрафам. Это свидетельствовало о том, что уставы, видимо, часто нарушались и цехи не могли уже поддерживать равенства среди своих членов.

Цехи следят за тем, чтобы мастера работали строго по специальности. Так, в цехах портных и сапожников строго запрещалось мастерами-ветошниками шить одежду и обувь из новой материи⁴.

Цехи стремятся сохранить тайну производства, за нарушение которой к виновнику применялась весьма строгая мера наказания — лишение на год работы⁵.

Уставы пестрят статьями, регламентирующими порядок торговли, где бы эта торговля ни производилась: в мастерской, в торговых рядах или на рынке.

Уставы предписывали количество предметов, подлежащих продаже, цену и способ продажи. Особенно характерны постановления о борьбе с посредничеством. Покупка с целью перепродажи запрещалась. Больше всего уделяется внимания этому в уставах мясников, пекарей и сукноделов⁶. Яркий пример мелочной регламентации торговли представляет устав брненских мясников 1352 г. В нем содержатся многочисленные предписания о весе, днях и числах торговли, указывается, сколько дней может лежать

¹ Н. Jireček. Codex..., str. 310—312, 314—318; CDM, d. VIII, nn. 176, 180, 250; J. Čelakovský. Codex..., d. II, nn. 325, 326.

² В уставе рыхновских суконщиков от 1378 г. сказано: «... суконщики договорились между собою и обещают ткать чистое сукно. Если кто-нибудь нарушил это предписание, уплачивал за провинность 20 грошей (ст. 1). Если у кого-нибудь были обнаружены изъяны на сукне и примеси на шерсти, они сжигались. Виновный отдавался на милость пана» (ст. 2). Тот, кто изготовлял кусок сукна короче или соткал его реже, чем установлено, должен уплатить за провинность 5 грошей (ст. 3). Каждый, кто ставил на куске изготовленного сукна клеймо лучшей шерсти, чем весь кусок, отдавал за провинность 4 гроша (ст. 4). Если кто соткал кусок сукна по весу больше, чем установлено правом, платит за провинность 1 грош» (ст. 5). Н. Jireček. Codex..., str. 321.

³ В уставе брненских солодовщиков и пивоваров от 1353 г. читаем: «Каждый, кто захочет варить брагу и пиво, должен брать 34 меры или половину — 17 мер (зерна) и варить одной очередью. Из полного количества должно наварить 8 сосудов пива, из половины — 4 сосуда, но не больше. Если кто наварит больше, заплатит штраф в размере полмарки (30 грошей, ст. 1). ... Если виновный не заплатит штраф деньгами (денариями), он подвергается заключению и там содержится столько, сколько заблагорассудит назначить судьям (ст. 2). Если кто для полной варки возьмет меньше, чем 34 меры, платит штраф 5 грошей (ст. 3). Если же кто при указанном числе сосудов использует больше солода, чем предписано, не подвергается штрафу» (ст. 4). CDM, d. VIII, n. 250, str. 188.

⁴ В уставе пражских портных от 1341 г. читаем: «Если ветошник сошьет новую одежду и будет уличен в этом, он должен за это понести наказание от судьи и шеффенов — уплатить полкопы (30 грошей) как штраф (ст. 8). Если обнаружат у ветошника новое платье в момент продажи, его берут судья и шеффены как штраф» (ст. 9). Н. Jireček. Codex..., str. 311.

⁵ В уставе пражских портных от 1318 г. читаем: «Ни один подмастерье (городской. — А. В.) не может уходить от своего мастера к дворовому. Того, кто это делает, ни один мастер не должен в течение года брать на работу». E. Rössler. Op. cit., d. I, n. 45.

⁶ CDM, d. VIII, nn. 176, 177, 180, 250. E. Rössler. Op. cit., d. I, nn. 19, 58, 96.

мясо при продаже, где должно оно продаваться¹ (вплоть до указания места в лавке), запрещается продажа на пути к рынку, определяются качество мяса и цена каждого сорта. Запрещается мясникам ругать чужой и хвалить свой товар, чинить препятствия друг другу на торгу. Устав провозглашал принцип «справедливой цены», требуя, чтобы «богатые и бедные одинаково и в одно время продавали». За нарушение каждого из этих предписаний виновные подвергались значительному денежному штрафу².

Цехи ограничивают размеры готовой продукции, предназначенной для продажи. За нарушение этого предписания виновные подвергаются штрафу, а товар, произведенный сверх установленной нормы, конфисковали³.

Строгие меры наказания говорят о том, что правила торговли, видимо, часто нарушались. Нарушения же свидетельствуют о росте конкуренции между ремесленниками с развитием ремесла и ростом товарно-денежных отношений, о том, что цеховые правила стали стеснять членов цеха.

Как уже указывалось, цехи регламентировали и производственные отношения. Для чешского цеха XIV — начала XV в. была характерна внутренняя трехчленная иерархия — ученик, подмастерье, мастер.

Ученичество было первой ступенью на пути к получению звания мастера. Цехи регламентировали число учеников каждого мастера. Как правило, мастеру разрешалось иметь только двух учеников, взаимные обязанности ученика и мастера обычно оформлялись договором между мастером и родителями ученика. Цехи определяли сроки ученичества, предписывая ученику полное повиновение мастеру, определяли плату за обучение, размер и сроки ее выплаты. Иногда встречаем указание на оплату работы учеников после определенного срока обучения. Сроки обучения в разных ремеслах были различные, в зависимости от сложности профессии.

Цехи регламентировали и отношения мастеров с подмастерьями: права и обязанности подмастерьев, сроки службы, размер платы за службу, сроки платы и т. д. Все это также оформлялось договором между мастером и подмастерьем⁴.

Цеховые уставы следили за тем, чтобы подмастерье не был конкурентом мастеру, и запрещали подмастерью самостоятельно изготовлять изделия для продажи⁵. За нарушение этого правила виновные наказывались вплоть до изгнания из цеха и лишения работы.

Цеховые уставы требуют, чтобы одинаково использовались подмастерья и ученики, чтобы для них были созданы одинаковые условия труда, чтобы мастера не повышали плату подмастерьям. Мастера, нарушавшие этот устав, подвергались штрафу⁶.

Чтобы мастера не переманивали друг у друга учеников и подмастерьев, уставы запрещали принимать на работу подмастерьев, бежавших от других мастеров. За невыполнение этого предписания налагался высокий денежный штраф⁷.

¹ Каждый мастер должен был иметь только одну скамью на рынке. За этой скамьей был обязан стоять сам мастер. Продажа разрешалась только внутри лавки.

² CDM, d. VIII, str. 142—144.

³ В уставе пражских портных от 1318 г. записано: «Каждый мастер мог иметь для продажи только две одежды (чешскую и швабскую) или только одну». E. Rössler. *Op. cit.*, d. I, n. 45, str. 31—32.

⁴ H. Jireček. *Codex...*, str. 306—307; CDM, d. VIII, n. 177.

⁵ H. Jireček. *Codex...*, str. 307—308; E. Rössler, *Op. cit.*, d. I, n. 29.

⁶ Так в уставе пражских панцирьщиков было записано: «Устанавливаем указанным мастерам твердым законом, чтобы никто из тех, кто станет подмастерьем по договору, не давал за его будущую службу никоим образом больше, чем $\frac{1}{4}$ гроша под угрозой штрафа в 1 копу грошей». H. Jireček. *Codex...*, str. 307.

⁷ В уставе пражских панцирьщиков читаем: «Ученик, который не отслужил на своем

Факт переманивания и использования мастерами бежавших подмастерьев свидетельствует о том, что обычное число подмастерьев — два не могло уже удовлетворять мастеров ввиду роста ремесленного производства, развития торговли и усиления конкуренции.

Цехи, как видим, стремились сохранить мелкий характер ремесленного производства и поддержать равенство между его представителями. Но уравнивательная регламентация все более становилась формальной. Сами предписания цехов, запрещающие нарушение этой регламентации, и особенно строгие меры наказания в форме больших денежных штрафов или даже изгнания из цеха свидетельствуют о том, что уравнивательная регламентация превращалась в пути для мастеров.

Уравнивательные тенденции были приемлемы лишь на первоначальной стадии существования цехов, когда производство с целью обмена только еще зарождалось. Имея в виду эту стадию, К. Маркс писал: «Главной целью этого производства является обеспечение существования ремесленника... стало быть потребительная стоимость, не обогащение, не меновая стоимость, как самоцель...»¹.

Частые упоминания в уставах о нарушении предписаний говорят о растущей конкуренции между ремесленниками, вызванной ростом производства и развитием товарно-денежных отношений.

С развитием производительных сил, с ростом торговых связей, с расширением рынка ремесленник все более становился товаропроизводителем. Возникает конкуренция между ремесленниками, стремящимися к обогащению за счет других. Ярким примером этого может служить борьба суконщиков с торговцами сукнами, а это ведет к расслоению цеха, к появлению богатой ремесленной верхушки в цехе. Для нее, в первую очередь, уравнивательные тенденции цехов становятся неприемлемыми, и она нарушает эту регламентацию. Цеховые уставы тщетно стремились приостановить эти нарушения различными мерами регламентации и наказаниями.

Борьба в цехе между мастерами и подмастерьями, изгнание из цеха за различного рода проступки могли повести к разложению цеха. Мелочная регламентация производства и торговли, стремление ограничить производство путем ограничения числа учеников и подмастерьев у одного мастера, привилегии, дававшиеся детям мастеров, вплоть до передачи в некоторых цехах звания мастера по наследству (об этом будет сказано ниже), рост преград на пути к получению звания мастера — все это превращало цехи в узко корпоративные организации.

* * *

Цехи ремесленников в XIV в. были далеко не равные в имущественном отношении. Как правило, самым богатым в городе был цех золотых дел мастеров. Члены этого цеха занимались чаще всего ростовщическими операциями, которые приносили его членам доходов больше, чем само произ-

месте, не принимается на службу ни к одному мастеру в Праге. Если кто совершит противное этому, тот платит 1 копу (sexagena) грошей... кроме того, мастер принявший этого ученика или подмастерья, должен его отпустить. Если подмастерье уйдет от своего мастера раньше срока, то он может к нему законно возвратиться в течение месяца и наверстать потерянное время. Подмастерье, который возвратился в течение 4 недель, ни один мастер не должен принимать на работу прежде, чем он не восполнит старому мастеру то время, которым пренебрег. А если кто из мастеров поступит иначе в этом отношении, заплатит 1 копу грошей в наказание». Н. Jirešck. Codex..., str. 306.

¹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому накоплению. М., 1940, стр. 50.

водство. Цех золотых дел мастеров носил аристократически замкнутый характер¹.

Высокое положение занимало во всех городах объединение розничных торговцев сукнами, но, поскольку торговцам сукнами запрещалось участвовать в производстве, их объединение правильнее отнести к купеческим организациям, тем более, что торговцы сукнами были выходцами из самых знатных немецких патрицианских семей².

Торговцы сукнами чаще всего заседали в городском совете; имущественный ценз³ не мешал им получать должность члена городского совета (коншела), ибо их имущество, как правило, превышало 100 коп грошей⁴.

Высокое имущественное положение занимали цехи по изготовлению продуктов питания: цех пекарей, цех мельников, цех пивоваров, а также цех мясников. Особенно богат был цех виноделов. Богатство его членов было основано главным образом на монопольной торговле редкими привозными винами, хотя и торговля отечественным вином приносила им большие доходы. По решению городского совета Брно от 1328 г., розничная торговля вином и пивом разрешалась тем, кто платил подать с 20 гривен имущества. Позже, в 1355 г., вином разрешалось торговать тем, кто имел собственный дом, облагаемый налогом не менее 3 гривен⁵.

О богатстве ремесленников, изготавливавших продукты питания, свидетельствуют податные городские книги⁶. Имущество этих ремесленников облагалось самым большим налогом. Об этом же свидетельствуют данные о сборе средств для короля Яна, произведенном пражскими мещанами в 1314 г. Из 30 ремесленников, участвовавших в сборе, половина занималась производством продуктов питания⁷. Об этом же говорит даже тот факт, что ремесленники, изготавливавшие продукты питания, чаще встречаются в долговых книгах среди кредиторов, а не среди должников. В Праге, согласно записи в книге долгов, среди мясников было 54 кредитора и 18 должников⁸.

Благоприятное имущественное положение занимали, как показывает податная книга г. Брно, мастера цехов скорняков и родственных им цехов портных по изготовлению поясов. У портных встречается имущества на 12—15 коп грошей, у поясников — на 15—20 коп грошей⁹.

Наряду с небольшой группой имущих ремесленников в городах было большое число малоимущих и совершенно неимущих ремесленников. В Брно, согласно податной книге 1365 г., среди населения было 41% неимущих, в Праге в начале XV в. — 40%. В Хрудиме в 1400 г. 51% населения имело имущества до 1 копы, в чешских Будейовицах в 1396 г. 53% населения имело имущество не выше 1 копы грошей¹⁰. Большую часть этих

¹ ССН, 1927, str. 7—8.

² Нам представляется неправильным мнение чешских буржуазных историков Томека, Винтера, Мендела, которые считали организацию торговцев сукнами цехом.

³ В Праге имущественный ценз для члена городского совета составлял 50 коп грошей. J. Čelakovský. Codex..., d. I, n. 131.

⁴ В 1336 г. одному пражскому торговцу сукнами король Ян был должен 760 гривен серебра, другой пражский торговец сукнами оставил наследство в 500 коп грошей. В 1396 г. торговец сукнами в г. Лоуни завещал своей жене 150 коп имущества. ССН, 1925, str. 549, 553.

⁵ ССН, 1925, s. 3, str. 553, 562.

⁶ ССН, 1925, str. 549, 553.

⁷ ССН, 1926, s. 2, str. 269.

⁸ F. Graus. Městská hudina..., str. 208.

⁹ V. Mendl. Hospodářské a sociální poměry v městech Pražských v letech 1378—1434. Český časopis historický, 1916, str. 443. (В дальнейшем — ССН, 1916).

¹⁰ ССН, 1925, s. 3, str. 563; ССН, 1926, s. 2, str. 251—263.

неимущих составляли ремесленники: подмастерья, мастера зависимых ремесел, разорившиеся и обедневшие мастера и мелкие лавочники.

Самым неимущим среди цехов во всех городах был цех сукноделов. Об этом свидетельствует тот факт, что среди суконщиков было больше всего неплатежеспособных элементов и плательщиков самого низкого налога с имущества. Например, в Брно, согласно налоговой книге от 1365 г., 62,9% сукноделов платило самый низкий налог с имущества — от 0 до 8 грошей в год¹. Налог размером выше 1 гривны сукноделы не платили, в то время как мясники и пекари платили более 5 гривен². Среди ремесленников, занятых в сукнодельной промышленности, 54% были совершенно неимущими³. Такие сукноделы занимали, разумеется, зависимое положение в производстве и были вынуждены наниматься на работу к более богатым мастерам.

Примечательно, что эти данные об имущественном положении сукноделов г. Брно сходятся с данными, установленными при исследовании имущественного положения других стран. Например, в городах Германии сукноделы также были самыми бедными из ремесленников⁴.

Бедность сукноделов объясняется тем, что в отличие от других ремесленников сами они не продавали свою продукцию. Между сукноделами и покупателями стояли торговцы сукном, не имевшие никакого отношения к производству, но сумевшие захватить в свои руки монопольное право на розничную торговлю сукном. Торговцы сукном принуждали сукноделов продавать исключительно им свой товар оптом и гораздо дешевле его действительной стоимости. Продавая сукно в розницу по более высоким ценам, торговцы выручали гораздо больше, чем платили ремесленникам. Таким образом, лишившись права продажи своей продукции, сукноделы лишались того дохода, какой получали другие ремесленники, сами продававшие свой товар. Так, в Брно торговцы сукном добились монополии на розничную продажу сукна в городе⁵. В 1367 г. эта монополия была обновлена: продажа сукон была полностью передана торговцам и под страхом строгого наказания запрещена непосредственным производителям сукна⁶. В Праге торговля сукнами также была захвачена торговцами. В 1337 г. суконщики добились некоторых уступок, получив разрешение на розничную торговлю отдельными сортами сукон. Однако неотделанное сукно ремесленники могли продавать лишь торговцам и только оптом⁷.

Впрочем, через несколько десятилетий сукноделы Праги лишаются всех прав на торговлю. Согласно предписанию рады от 1365 г., вся продажа сукна была вновь передана торговцам⁸.

Такой процесс происходил и в других местах страны⁹.

¹ F. Glaus. Soukenicvtví..., str. 172.

² Там же.

³ ССН, 1925, str. 563.

⁴ В. В. Стоклицкая-Терешкович. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV вв. М., 1936, стр. 78.

⁵ ССН, 1925, str. 553.

⁶ H. Jireček. Codex..., str. 320.

⁷ E. Rössler. Op. cit., d. I, n. 29.

⁸ «Ни один суконщик, — говорилось в предписании, — не может торговать сукнами за исключением грубых или изготовленных в стране или польских. Все остальные сорта сукон ремесленник обязан был продать оптом одному или двум лицам». E. Rössler. Op. cit., d. I, n. 58.

⁹ Решения о запрещении сукноделам торговать сукном были известны в 1343 г. в Усти над Лабой, в 1356 г. в Згорелице, в 1300 г. в Вратиславе, в 1367 г. в Оломоуце. (СДМ, d. X, n. 33, str. 25; ССН, 1927, str. 326—330). В 1352 г. в Хрудиме и Кралове Граде. (J. Čelakovský. Codex..., dil II, nn. 325, 326). В 1360 г. в Митце

Отделение производства от торговли произошло в суконном ремесле раньше, чем в любом другом, поэтому в этом ремесле раньше всего возникло понятие «товар» и образовался торговый капитал. В связи с этим рушились средневековые традиции производства, когда ремесленник работал на узкий круг покупателей, на местный рынок. Продукт труда суконщика в результате отделения производителя от торговли пошел на более широкий рынок. Известно, что торговля чешским сукном велась не только в пределах Чехии и Моравии, но и за границей, в Польше, Австрии и других странах¹.

При новых порядках непосредственные производители сукна фактически превращались в эксплуатируемых рабочих.

Такие отношения должны были привести — и действительно привели — к борьбе между сукноделами и торговцами, которая на протяжении всего XIV и начала XV в. шла уже во всех чешских и моравских городах. Борьба между суконщиками и торговцами сукнами поднималась до уровня классовой борьбы.

Низкое имущественное положение суконщиков было причиной того, что они были самым революционным элементом в городах и чаще всего стояли во главе многих городских движений. Так, сукноделы возглавляли движение в 1391 г. в Иглаве, в 1378 г. — в Брно². В Згорелицах (1370), в Жатце (1360 и 1387) сукноделы были активными участниками восстаний³.

В XIV в. социальная дифференциация наблюдается не только между цехами различных отраслей, но и в одной и той же отрасли ремесла.

В некоторых ремеслах существовали родственные цехи. Так, у сапожников и портных были цехи, изготовлявшие изделия из нового и из старого материалов. Члены последних цехов назывались ветошниками. Цех портных-ветошников был беднее цеха портных, шивших из нового материала, и цех сапожников, занимавшихся починкой и перетяжкой обуви, был беднее цеха, шившего из нового материала. Цеховые уставы строго следили за соблюдением сферы действия каждого цеха⁴.

Имущественное неравенство между цехами приводило к борьбе бедных цехов против богатых. Особенно большое недовольство вызывали цехи мясников и пекарей, от монополии которых терпели бедные цехи ремесленников, а также широкие слои городского населения: внецеховые ремесленники, поденщики, подмастерья, чернорабочие, и т. д. Из грамот маркграфа Моравии от 22 октября и 4 ноября 1352 г. следует, что бедных ремесленников обсытывали и обвешивали, что им продавали несвежее мясо, притом не в одно время с богатыми мещанами и т. д. Недовольство выражалось как в форме жалоб на эти цехи, так и в форме открытых столкновений, в виде движений более бедных цехов и городской бедноты. Примером такой борьбы служат выступления против мясников и пекарей в Брно, Оломоуце, Знойме в 1352 г.⁵

В городском движении 1378 г. в Брно против цеха пекарей, мясников и лавочников выступили все ремесленники. Городское движение началось с того, что в 1378 г. в монастыре миноретов собрались ремесленники на

была запрещена сукноделам торговля под штрафом 100 коп грошей, а в 1391 г. это решение было вновь подтверждено. (J. Čelakovský. Codex..., dil II, nn. 390, 646).

¹ ČSH, 1925, str. 555.

² CDM, d. XI, n. 119, 120, str. 108—110.

³ ČSH, 1927, str. 320, 340.

⁴ E. Rössler. Op. cit., d. I, n. 45. H. Jireček. Codex..., str. 304, 310—312.

⁵ CDM, d. VIII, n. 176, str. 135—136; n. 177, str. 136—138, n. 250, str. 188.

тайное совещание (*conspiraci*). На это совещание были приглашены представители от цехов пекарей, мясников и лавочников с тем, чтобы предъявить им обвинение и получить ответ на ряд вопросов. Но представители пекарей и мясников и лавочников отказались участвовать в этом тайном совещании, они, как говорится в петиции от 26 июля 1378 г., «пренебрегли и ответили, что имеют лишь двух панов, маркграфа и городской совет и что не желают в других случаях ни к кому ходить».¹ То обстоятельство, что на совещании присутствовали представители от всех ремесел, кроме пекарей, мясников и лавочников (крамаржей), свидетельствует об оппозиции к ним.

После отказа мясников, пекарей и лавочников явиться к совету на совещание в монастырь, собравшиеся заключили между собой тайный союз, составили петицию, в которой они изложили все свои требования и жалобы, и подали их 26 июня 1378 г. в городской совет.² В петиции содержались жалобы на пекарей, мясников и лавочников, которые объявлялись виновниками недостатка продуктов в городе и дороговизны их. Их обвиняли и в том, что они обвешивали, обсчитывали и незаслуженно оскорбляли «бедных жен» на рынке.³ Содержание петиции ясно свидетельствует о том, что все эти требования исходили в первую очередь от бедноты.

29 июля была подана в городской совет другая петиция, в которой составившие требования, чтобы городской совет организовал в Брно 2 раза в неделю свободные рынки — хлебный (в четверг) и мясной (в воскресенье).⁴ Как развернулись события дальше, неизвестно, но сохранившиеся петиции свидетельствуют о достаточно обострившихся противоречиях между цехами, а также между цеховыми и внецеховыми ремесленниками в городе.

Требование свободных рынков противоречило цеховым принципам. Свободные рынки разрушали узко цеховые рынки в городах и уничтожали господство цехов в торговле. На первом этапе развития, когда цехи были защитниками своих членов от феодала, они способствовали развитию производительных сил тем, что укрепляли положение отдельных групп мелких производителей и ограждали их от произвола феодала.

Цехи чинят препятствия тому, чтобы в производстве участвовали вновь прибывшие в города ремесленники. Монополия зажиточных цехов становится бременем и для бедных цехов. Все это приводит к обострению противоречий, к борьбе против зажиточных цехов городской бедноты, неполнокровных цехов и особенно внецеховых ремесленников.

* * *

В XIV—начале XV в. достаточно обостренными были отношения между ремесленниками внутри одного цеха. Ярче всего это неравенство проявилось в сукноделии, где одни мастера становятся эксплуататорами других.

В суконном производстве очень рано произошло разделение труда. В XIV в. оно было уже значительным. Раннее разделение труда в суконном производстве оказало влияние на расслоение между мастерами в цехе сукноделов.

Самое большое разделение в суконном производстве было в Брно и Праге. В Брно в производстве сукна были заняты ремесленники 8 специальностей: шерстянщики и чесальщики (готовили шерсть для пряжи), ткачи, валяльщики и ворсовщики (отдельвали сукно начисто) и др.

¹ CDM, d. XI, n. 119, str. 108.

² Там же, n. 119, str. 108—110.

³ Там же.

⁴ Там же, № 120, стр. 110.

Окраской готового сукна или сначала ниток, а потом еще раз сукна занимались красильщики¹.

Все эти ремесленники, занятые обработкой сырья, имели самое различное имущественное положение, которое зависело от разного отношения к орудиям производства, к сырью, к готовому продукту. Шерстянщики, ткачи и пряжи были по существу наемными рабочими мастеров-сукноделов, имевших ткацкие станки².

В Брно шерстянщики были самыми бедными из всех ремесленников, занятых в производстве сукна. Они были на 99,9% неимущими (неимущие сукноделы составляли 54,6%). Ворсовщики (постригачи) сукна в Брно и других городах были самыми богатыми из сукноделов³. Они стремились захватить производство в свои руки, но этому препятствовал городской совет. Так было в Брно, когда городская рада разрешила иметь ткацкий станок только тем постригачам, которые имели собственный дом и собственные пяльцы для стрижки сукон⁴.

В противном случае постригачам не разрешалось ни самим ткать, ни давать ткать подмастерьям или ткачам, нанявшимся за плату. В Праге и многих других чешских и моравских городах (Оломоуце, Жатце, Грудиме и др.) производство сукна стремились захватить торговцы сукнами, которые заседали в городских советах. Этому стремлению противодействовали сукноделы, которые опирались на городское средневековое законодательство, запрещавшее торговцам участвовать в производстве сукна⁵. Сделаться предпринимателем сукноделу, имевшему ткацкий станок, мешало цеховое законодательство: оно запрещало таким сукноделам иметь больше двух подмастерьев. Бедность шерстянщиков, чесальщиков, пряж обуславливалась их зависимым положением в системе производства: изготавливаемый ими полуфабрикат для выработки сукна приходилось продавать сукноделам по очень низкой цене. В продаже сукна они не участвовали, а между тем именно торговля готовым товаром приносила высокую прибыль. И если сукноделы могли продавать сукно куском, а иногда в борьбе с торговцами сукном добивались для себя и права розничной торговли, пряжи и чесальщики шерсти не имели и этой возможности. Все они, хотя и назывались еще мастерами, постепенно превращались фактически в наемных рабочих.

О найме имущими мастерами бедных мастеров в суконном производстве говорит устав иглавских сукноделов от 1349 г.⁶

Расслоение в среде мастеров-ремесленников наблюдалось не только в сукноделии, но и в остальных ремеслах. В других цехах встречаются полувисимые мастера и бедные мастера, нанявшиеся к богатым мастерам. Что заставляло бедных мастеров идти в наем? Богатые мастера добивались этого часто путем выдачи ссуды денег бедным мастерам. Не выплатив деньги в срок и не имея другого имущества для оплаты денег, бедный ремесленник принужден был отрабатывать их. Обедневшие мастера становились наемными рабочими и жестоко эксплуатировались богатыми мастерами. В настоящей статье не ставилось задачи установить степень эксплуатации наемных рабочих, поэтому ограничиваемся указанием, что определенные сведения на этот счет содержатся в записях пражской долговой книги⁷.

¹ F. Graus. Soukenictví... str. 170.

² Там же, str. 179.

³ Там же, str. 175.

⁴ ССН, 1925, str. 556.

⁵ E. Rössler. Op. cit., d. I, n. 29, 58, 96.

⁶ H. Jireček. Codex... str. 318.

⁷ В 1392 г. Миклаш Пухентрит обязуется доставлять своему кредитору пряжу

Фактически бедные мастера попадали через займы в такую зависимость от богатых мастеров, которая грозила потерей личной самостоятельности. При невыплате кредитор-мастер мог отдать должника под арест, нередко должник платился рукой¹.

Труд мастера, орабатывавшего долг, оплачивался крайне низко².

О расслоении между мастерами в цехе свидетельствуют и цеховые уставы, из которых видно, что существовали старшие мастера. Они называются в источниках «благородными», в других случаях — богатыми. Им, как уже говорилось, принадлежал полицейский и технический надзор над производством в цехе, в их руках находилась цеховая казна, они решали споры между мастерами, а также между мастерами и подмастерьями. От рядовых мастеров — членов цеха — требовалось полное повиновение старшим мастерам, иначе виновные лишались подмастерьев.

Выделение господствующего слоя старших мастеров зафиксировано уставами пражских художников (1348 г.), портных (1318 и 1341 гг.), мельников (1340 г.), золотых дел мастеров (1324 г.), суконщиков (1365 г.), литомышльских мясников и пекарей (1350 г.), будейовицких портных (1351 г.), иглавских сукноделов (1349 г.) и сапожников, брненских мельников (1352 г.) и многими другими уставами³.

Неравенство между мастерами внутри одного цеха порождало борьбу между ними, которую отразили цеховые уставы. Так, устав пражских художников от 1348 г. предусматривает меры на случай ссор и драк между мастерами. В уставе упоминается о случаях тайных договоров и союзов между отдельными мастерами. Эти союзы, видимо, были направлены против старших мастеров. В цехе преследовались неблагонадежные разговоры. За сборы, драки и тайный сговор была установлена строгая мера наказания — изгнание из цеха⁴. Устав иглавских суконщиков от 1349 г. также предусматривает меры наказания в случае неповиновения мастеров — членов цеха старшим мастером⁵. О борьбе внутри цеха между его членами свидетельствуют и уставы пражских суконщиков от 1337 и 1365 гг.⁶

В 1365 г. за неповиновение старшим мастерам и невыполнение предписаний устава устанавливался большой штраф: в первый раз суконщик платил $\frac{1}{4}$ копы грошей, во второй — $\frac{1}{2}$ копы, в третий — 1 копу грошей, в четвертый виновного предавали суду коншелов⁷.

за 11 коп еженедельно по 15 кусков. В 1396 г. Елизавета за долг Марте в 64 гроша должна была уплачивать еженедельно 300 веретен пряжи до тех пор, пока не будет уплачен весь долг. В 1389 г. Вацлав обязуется доставить в течение 14 дней гребни на сумму 13 грошей, а замочник на одинаковых условиях обязуется к поставке наковален за 18 грошей, изготовитель мечей обязуется к поставке мечей за долг в 12 грошей. Микулаш, возчик, обязуется оплатить долг тем, что отвезет камни. F. Gr a u s. Městská hudi na... str. 73.

¹ E. Rössler. Op. cit., d. I, n. 51, 68, 78.

² В 1396 г. пражский мастер-пряжечник Микулаш, будучи на работе у другого мастера Юрглина с Кузнечной улицы, получал в неделю 20 грошей. Петр — мастер-вышивальщик получал в 1416 г. 8 грошей в неделю. ССН, 1916, str. 442.

³ H. Jireček. Codex..., str. 310—318. E. Rössler. Op. cit., d. I, nn. 29, 45; CDM, d. VIII, n. 176, 177.

⁴ Ст. 23 устава пражских художников гласила: «Если случится, что два мастера подерутся или случится так, что мастера в цехе сговорятся... и не захотят последовать тому, что хотят мастера (видимо, старшие. — А. В.), их изгоняют тотчас из цеха...» «Кто устраивает тайное совещание в цехе, должен заплатить штраф $\frac{1}{4}$ копы (vierdunk)». H. Jireček. Codex..., str. 317.

⁵ H. Jireček. Codex..., str. 319.

⁶ E. Rössler. Op. cit., d. I, nn. 29, 58; H. Jireček. Codex..., str. 308—309.

⁷ E. Rössler. Op. cit., d. I, n. 58.

О борьбе между мастерами говорит и устав пражских панцырщиков¹. Бедные мастера были активными участниками всех цеховых демократических движений в городе. Наряду с нецеховыми ремесленными элементами, подмастерьями, чернорабочими и поденщиками они участвовали в цеховых движениях, выдвигая свои экономические требования. Примером может служить восстание в Иглаве в 1391 г. и в Брно в 1378 г.²

* * *

Еще резче наблюдается социальное неравенство внутри одного цеха между подмастерьями и мастерами. Подмастерья были самым неимущим элементом среди ремесленников. К концу XIV в. они почти не отличались ни в имущественном, ни в правовом отношении от наемных рабочих, от поденщиков, от людей, живущих случайными работами, и даже от нищих. Их объединяла с неимущими группами населения низкая оплата труда³.

Оплата труда подмастерьев составляла чаще всего $\frac{1}{2}$ —1 грош и не превышала $\frac{1}{2}$ —2 гроша в неделю. Об этом свидетельствуют цеховые уставы XIV в.⁴

Такая же плата подмастерьям предписывалась уставом мельников г. Брно от 1352 г.⁵ $\frac{1}{2}$ гроша в неделю платили в Праге в 1378 г. мастера-кузнецы своим подмастерьям⁶. $\frac{1}{4}$ гроша платили пражские жестянщики своим подмастерьям⁷.

Оплата подмастерья не превышала оплаты наемных рабочих. Более того, труд последних нередко оплачивался выше, и подчас наемные рабочие были в лучшем экономическом положении, чем подмастерья⁸.

В Староместской пражской книге сохранилась запись официально установленной максимальной оплаты труда строительным рабочим, она составляла 2 гроша в день⁹. Но и этой, казалось бы, высокой по сравнению с подмастерьями заработной платы, едва хватало на пропитание¹⁰. Подмастерье с его мизерной оплатой ($\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ гроша, 1 грош, 2 и $2\frac{1}{2}$ гроша в неделю) был обречен на голодную смерть.

Безвыходное положение подмастерьев толкало их к займам у мастеров. Долг чаще всего им приходилось отрабатывать, так как других средств у подмастерьев не было. Подмастерья в результате займа попадали в полную зависимость от мастера, фактически в кабалу, так как при этом были

¹ H. Jireček. Codex..., str. 306.

² CDM, d. XI, nn. 119, 120.

³ F. Graus. Městská hudina..., str. 52 (см. таблицу).

⁴ В уставе мельников г. Оломоуца от 1352 г. записано: «Если пекарь хочет молоть, он должен заплатить подмастерью-мельнику 2 галлера за день. (В уставе употребляется выражение: «от камня до камня», что означает за день, т. к. мельничный камень чистили, как правило, в конце рабочего дня). Это означало 1 грош в неделю, так как в XIV в. 13—14 галлеров составляли 1 грош». CDM, d. VIII, n. 177, str. 135.

⁵ В уставе читаем: «Пекарь должен платить подмастерью, работающему на мельнице, 2 галлера в день («от камня до камня»). «При полном усердии» пекари платили подмастерьям по 6 галлеров». CDM, d. VIII, n. 177, str. 137.

⁶ ССН, 1916, str. 442.

⁷ В уставе пражских жестянщиков записано: «тот кто получит подмастерья по договору, не должен платить ему за службу больше, чем $\frac{1}{4}$ гроша под штрафом 1 копы грошей». H. Jireček. Codex..., str. 306—307.

⁸ При строительстве храма св. Вита (1372—1378) в Праге наемный рабочий мастер-каменщик получал 12—16 грошей еженедельно (ежедневно 2— $2\frac{1}{2}$ гроша), мастер-плотник получал в неделю зимой 16 грошей, летом 20 грошей. F. Graus. Městská hudina..., str. 75.

⁹ E. Rössler. Op. cit., d. I, n. 4.

¹⁰ Анонимный священник в конце XIV в. замечал, что одного гроша едва хватает на дневное пропитание одному человеку. F. Graus. Městská hudina..., str. 82.

не только в экономической зависимости от мастера, но и в юридической. Ссуду определенной суммы денег под отработку мастер оформлял договором. Если подмастерье нарушал договор, он подвергался аресту¹.

Мастер путем ссуд приобретал полное право на рабочего-подмастерья до тех пор, пока последний ему не отслужит долг. Поставив подмастерья в зависимость от себя, мастер использовал его рабочую силу до предела. Подмастерья в таких случаях получали еще более низкую плату за работу — $\frac{1}{4}$ гроша или $\frac{1}{2}$ гроша в неделю².

Большинство цеховых уставов под угрозой строгого наказания запрещало подмастерьям продавать готовую продукцию. В немногих цехах подмастерьям была разрешена продажа небольшого числа ремесленной продукции, но со временем это право и здесь было отобрано мастерами³.

Лишение подмастерьев права самостоятельно продавать хотя бы часть продукции, изготовленной собственным трудом, привело к ухудшению положения подмастерьев в XIV—начале XV в.

И без того тяжелое положение подмастерьев еще более ухудшается к концу XIV в. в результате роста цен на продукты питания и предметы первой необходимости и все более прогрессирующего падения ценности денег, особенно мелкой монеты, что било, в первую очередь, по бедным слоям населения, в том числе по подмастерьям.

Тяжелое материальное положение подмастерьев еще более усугублялось бесправным их положением. Подмастерья не только лишались всякой самостоятельности в производстве, но даже и права распоряжаться собой. Подмастерья настолько были во власти мастера, что он распоряжался ими как хотел, вплоть до того, что «ссужал» другому мастеру «своих» подмастерьев⁴.

Уставы требовали полного беспрекословного повиновения подмастерьев мастерам. В противном случае им грозили лишением работы. «Непочтивых» подмастерьев ни один мастер не должен был принимать на работу⁵. Подмастерья за проступки подвергались даже телесному наказанию. Таким образом, подмастерья в XIV—начале XV в. попали в экономическую и юридическую зависимость от мастеров. Мастера выступали по отношению к ним эксплуататорами, и подмастерья все более превращались в наемных рабочих.

Выйти из этого тяжелого, бесправного положения подмастерью было почти невозможно. Единственным выходом было добиться получения звания мастера. Но если в первый период существования цехов подмастерья имели возможность и надежду получить право на самостоятельное занятие ремеслом, то в XIV в., особенно к концу века, эта возможность исчезла, ибо возникают все новые препятствия для получения звания мастера. Вступительный взнос в цех составлял полкопы — (30—32 гроша)⁶, а в более

¹ Так, Микулаш Фунга, согласно записи в пражской долговой книге от 1384 г., признался, что должен Мартину 35 грошей. За эти деньги он вынужден работать у него. Если бы Микулаш ушел, то господин мог арестовать его. Там же, стр. 63.

² Так, поясник в Праге в 1410 г. отслуживал полученную вперед сумму денег у мастера за $\frac{1}{2}$ гроша еженедельно. ССН, 1916, стр. 442.

³ В уставе пражских суконщиков от 1337 г. говорилось, что мастера и подмастерья — суконщики могут продавать свои неотделанные сукна оптом 1 или 2 торговцам. В уставе пражских суконщиков от 1365 и от 1418 гг. уже не говорится о праве продажи продуктов ремесла подмастерьями. Продавать сукно мог только мастер. E. Rössler. Op. cit., d. I, nn. 29, 58, 96.

⁴ F. Graus. Městská hudina..., str. 54.

⁵ H. Jireček. Codex..., str. 306—307.

⁶ Устав портных 1318 г., устав художников 1348 г., литомышльских торговцев 1363 г. и др. H. Jireček. Codex..., str. 318; Rössler. Op. cit., d. I, n. 45.

привилегированных цехах — даже копу грошей¹. Это была весьма большая сумма по тем временам², особенно если учесть низкую оплату труда подмастерьев. Кроме вступительного взноса, от вступающего в цех требовалось еще и поручительство, которое, как свидетельствуют цеховые уставы³, с годами все более входило в практику. Фактически создавался своеобразный имущественный ценз, требуемый при получении звания мастера.

Вступлению в цех всюду предшествовало приобретение гражданства, получение которого с годами все более усложнялось. В XIV в. за получение гражданства платилось, как правило, 32 гроша. Об этом свидетельствуют все сохранившиеся цеховые уставы XIV в.

Перед вступлением в цех от подмастерья, кроме того, требовался определенный срок безупречной службы у одного мастера. При таких тяжелых условиях, в которые были поставлены подмастерья, и при такой эксплуатации их мастерами трудно было на одном месте отслужить срок, необходимый для получения звания мастера.

Большим препятствием на пути получения звания мастера было требование от подмастерья выполнить пробную работу при вступлении в цех и организации пирушки. Уставы свидетельствуют о подобных требованиях мастеров к подмастерьям⁴.

Цеховые уставы требовали, чтобы подмастерье, вновь вступающий в цех, представил свидетельство с прежнего места службы о безупречном поведении и безупречной службе, а также свидетельство о законном рождении и женитьбе на достойной женщине⁵.

В таких привилегированных цехах, как цех пражских золотых дел мастеров, кроме указанных требований, предъявляемых к подмастерьям, мастера, пришедшие в Прагу, должны были до вступления в цех 3 года отслужить в качестве подмастерья⁶.

Во многих цехах, особенно зажиточных, большие привилегии давались детям и прямым родственникам мастеров⁷, что являлось также большим

¹ Устав портных 1341 г., устав золотых дел мастеров 1324 г. и др.

² Для оценки сравнительной величины этой суммы показательны такие примеры: в 1395 г. королева стоила 46 грошей, а в 1410 г. — 1 копа грошей, в 1395 г. вол стоила 70—72 гроша, поросенок — от 16 до 25 грошей, курица стоила 5—7 галлеров (в 1403 г. 1 грош = 13 галлерам). F. Gaus. *Městská hudina...*, str. 190, 191, 195.

³ Устав пражских жестянщиков от 1328 г., пражских суконщиков от 1337 г., устав иглавских сукноделов от 1349 г., устав пражских замочников от 1399 г., пражских скорняков 1404 г., пражских постригачей, угольщиков, кузнецов, 1418 г., пражских поясников 1401 г., пражских сапожников 1404 г., пражских веревочников 1410 г. Согласно уставу портных от 1318 г., желающий получить звание мастера должен уплатить 30 грошей в цех и поручиться 4 копами, что хочет 3 года и 3 дня терпеть вместе с городом и худо и добро. E. Rössler. *Op. cit.*, d. I, str. 31—32, n. 45. Устав золотых дел мастеров требовал вступительного взноса в размере 1 копы и поручительство — 4 копы. ССН, 1927, str. 8. С годами вступительная плата в цех и сумма поручительства при получении звания мастера подмастерьем все более увеличивалась. Так, в более позднем уставе пражских портных (от 1341 г.) вступительная плата в цех составляла уже копу грошей, а поручительство — 10 коп грошей. H. Jireček. *Codex...*, str. 310.

⁴ Z. Winter. *Dějiny řemesl...*, str. 200; ССН, 1927, s. 1, str. 17.

⁵ Устав пражских портных (1341), золотых дел мастеров (1324), устав литомышальских лавочников (1363), литомышальских суконщиков (1357) и др.

⁶ ССН, 1927, str. 8.

⁷ а) В уставе пражских золотых дел мастеров от 1324 г. говорится, что сын мастера, не будучи специалистом этого дела, может вступить в должность отца после его смерти или при его отъезде. Если нет сына, то место отца может занять зять. Причем, если все вновь вступившие в цех должны были служить 3 года в качестве подмастерья и платить при вступлении в цех копу грошей, то для зятя срок службы сокращался до 1 года, а вступительная плата ограничивалась 2 либрами воска. Если же зять умершего мастера сам был золотых дел мастером, то вступал в цех сразу без всякой платы. Такими же льготами пользовались те, кто женился на вдове мастера. ССН, 1927, str. 8.

препятствием подмастерью на пути к получению звания мастера. Благодаря таким привилегиям цехи становятся замкнутыми корпорациями, а права мастера все более приобретают наследственный характер.

Стремясь ограничить число членов цеха, мастера не останавливались перед вышеприведенными препятствиями. Так, средневековое цеховое законодательство строго ограничивало число подмастеров, которых мог иметь мастер. Уставы запрещали мастеру иметь больше двух подмастеров. Это ограничивало возможность для самостоятельной работы подмастерья.

Средневековое цеховое законодательство в своих ограничительных тенденциях шло еще дальше. Цехи ограничивали и число учеников. Большим препятствием на пути к обучению была огромная плата за ученичество¹, которая в богатых и привилегированных цехах равнялась 2—2,5 копы грошей. Как правило, уставы требовали деньги наличными. Такую сумму редко кто мог уплатить. Людям из бедных слоев доступ в такие цехи был закрыт.

Сроки обучения были очень длительными². Поскольку в период обучения труд ученика исполнялся мастером бесплатно, мастера стремились удлинить сроки ученичества, чтобы дольше использовать даровую рабочую силу и продлить время получения дохода в виде платы за обучение.

При вступлении в ученичество давались большие привилегии детям мастеров³.

Положение учеников было еще хуже, чем положение подмастеров. Ученики находились в полной власти у мастеров. О тяжелом положении учеников, непосильной эксплуатации их труда и бесправном положении говорит бегство учеников от мастеров. Учеников, которые убежали, не отслужив установленного срока, не должен был принимать ни один мастер в городе⁴.

Ученики наряду с тяжелой эксплуатацией подвергались телесным наказаниям. Большой срок ученичества, высокая плата за учение, вся система

б) Подобные привилегии детям и родственникам мастеров предоставлялись и в цехе пражских художников (устав от 1348 г.). Вступившие в цех на обычных правах уплачивали вступительный взнос размером в полкопы грошей (32 гроша), а сын мастера — только 4 фунта воска и его зять 6 фунтов воска. Н. Jireček. Codex..., str. 315, 316, st. 13, 16.

в) Чтобы быть принятым в цех пражских портных (устав 1341 г.), нужно было получить городское право за 32 гроша, уплатить копу грошей (64 гроша) вступительной платы в цех, внести поручительство размером 14 копы. Зять мастера, чтобы вступить в цех, должен уплатить только 2 пфеннига. Ст. 12 этого устава прямо говорит, что права мастера должны наследоваться детьми. Н. Jireček. Codex..., str. 310, 311, 312, st. 2, 3, 4, 12. Устав торговцев литомышльских (ст. 9) говорит, что сын мастера имеет полное право на ремесло, дочь — половинное. ССН, 1927, str. 314. Устав пражских мясников от 1343 г. прямо говорит, что цеховое право имеют лишь сыновья и те, кто женился на дочери или вдове мастера. В 1413 г. этого требовали и пльзеньские мясники. Z. Winter. Dějiny řemesl..., str. 193, 194.

¹ В уставе пражских панцырщиков сказано, что никто из мастеров не может принять ученика, с которым заключил договор, если ему ученик не заплатит тотчас 2 копы грошей «на руки» и 15 грошей в цех. Н. Jireček. Codex..., str. 306.

² Устав золотых дел мастеров устанавливает срок ученичества в 3 года. ССН, 1927, str. 8. В миниатюрной живописи устанавливался срок обучения 2—4 года и плата за обучение 2 копы грошей. ССН, 1916, str. 443. В художественном ремесле срок обучения был 4—6 лет. В цехе пражских панцырщиков срок ученичества равнялся 4 годам. Н. Jireček. Codex..., str. 306.

³ Так, в цехе золотых дел мастеров сын мог вступить в цех без всякого ученичества, а для мужа дочери срок ученичества, установленный для всех в 3 года, сбавлялся до 1 года. ССН, 1927, str. 8.

⁴ В уставе пражских жестянщиков говорится, что если убежит ученик и не вернется к мастеру в течение 8 дней, убежавшего ученика не должен был брать на учение ни один мастер. Н. Jireček. Codex..., str. 306.

привилегий была направлена на то, чтобы ограничить вливание в цех иногородних элементов¹, замедлить переход учеников в подмастерья, а подмастерьев в мастера.

В некоторых видах ремесла подмастерье не мог стать мастером потому, что для самостоятельного ведения производства требовались большие средства (на оборудование, инструменты), которые при низкой оплате труда скопить было невозможно.

Например, в суконном производстве для самостоятельной выделки сукна необходим был ткацкий станок, валяльная мастерская, пяльцы для подстригания сукон и т. д. Для подмастерья-суконщика приобретение даже одного из этих орудий производства было непосильно. Он вынужден был оставаться подмастерьем на всю жизнь, превращаясь фактически в наемного рабочего.

В кузнечном ремесле нужны были деньги на оборудование кузнечной мастерской (молот, наковальня и т. д.), в мельничном деле мастера-мельники фактически были рабочими хозяина мельницы. Чтобы стать золотых дел мастером, нужны были еще большие капиталы ввиду дороговизны серебра и золота. В ремеслах, где требовались большие капиталы для самостоятельного производства, стать мастером было еще трудней, поскольку к предписаниям со стороны цехового законодательства прибавлялась трудность материальная.

Все вышеприведенные факты свидетельствуют, что путь для получения подмастерьем звания мастера все более усложнялся. Для подмастерьев все меньше оставалось возможности стать мастерами: с одной стороны, по экономическим причинам (не было необходимого капитала для открытия мастерской), с другой — по юридическим (политика цехов была направлена на то, чтобы как можно больше ограничить прием новых мастеров. Сроки фактического пребывания в подмастерьях становились очень длительными. Поэтому можно сказать, что уже перед гуситским движением образуется особая группа «вечных подмастерьев». При этом эволюция шла все более к тому, что группа подмастерьев, имевшая надежду стать мастерами, все более уменьшалась, а группа подмастерьев, которые фактически становились наемными рабочими, все более увеличивалась. Ранее существовавшие патриархальные отношения в цехе исчезают. С замыканием цехов усиливается эксплуатация подмастерьев, что ведет к обострению борьбы в цехе.

Борьба между мастерами и подмастерьями происходила на экономической почве и приобрела остро социальный характер борьбы между эксплуататором и эксплуатируемым. Подмастерья добивались улучшения своего положения, сокращения рабочего дня, права иметь свои союзы.

В 1300 г. городской совет Праги предписывает кузнецам-мастерам «осторожно» нанимать рабочую силу, ибо из разных сведений и «заговоров» может проистекать большой вред. Дело не ограничивалось такого рода общими предписаниями и предупреждениями; всякие союзы и объединения подмастерьев рассматривались как «бедственные» и запрещались. Появление этих запрещений служит показателем не только наличия борьбы между мастерами и подмастерьями, но говорит о том, что подмастерья уже начинают выступать организованно против мастеров. Союзы и «заговоры» подмастерьев внушали страх не только мастерам, но и коншелам и королю.

Мастера жестоко наказывали подмастерьев за всякого рода сговоры и заговоры против них, грозили исключением из цеха и, следовательно, пол-

¹ Иногородние мастера были обязаны прослужить в течение нескольких лет в качестве подмастерьев прежде, чем быть принятыми в цех.

ным лишением работы, ибо такие подмастерья не могли быть приняты после этого ни одним мастером в городе¹. Невыносимое положение подмастерьев приводило к тому, что они, не дослужив срока, бежали от мастера. Бегство было своего рода борьбой подмастерьев с мастерами. О бегстве подмастерьев свидетельствуют многие цеховые уставы.

Но бегство не улучшало положения подмастерья, потому что, как правило, бежавший подмастерье фактически лишался возможности найти работу, ибо уставы позволяли такого подмастерья принять только прежнему мастеру².

Случаи бегства подмастерьев от мастеров, как формы борьбы с мастерами, были, видимо, очень распространенными, так как это явление отмечают все уставы. Этим было вызвано введение в уставах нового пункта — требования поручительства на 1 год и 1 день за подмастерья, которого принимают на работу с целью предотвратить уход подмастерья и обеспечить себе гарантию, что он будет трудиться на одном месте, хотя бы год. Мастера стали требовать, чтобы каждый вновь пришедший представил такие поручительства. В противном случае подмастерья не брали на работу³.

Кроме такой меры предотвращения бегства подмастерьев и обеспечения себя рабочей силой, мастер прибегал к заключению с подмастерьем и учеником договора на продолжительное время⁴.

Судьей в мелких ссорах подмастерьев с мастерами выступали старшие мастера и цехмейстер. Разумеется, они защищали, как правило, интересы мастеров. Когда были серьезные противоречия, в борьбу подмастерьев с мастерами вмешивалась рада, которая выносила решения в пользу мастеров. Обычно рады предписывали, что подмастерья не могут оставить мастерскую мастера, не отслужив положенного срока. Подмастерья, оставившие свой город, не отработав своего срока, должны вернуться в город к тому же мастеру, другие мастера не могут брать таких подмастерьев на службу под страхом штрафа.

Подобными предписаниями городские рады отдавали подмастерьев в руки тех же мастеров, от которых они бежали из-за сильного угнетения и которых оставили в знак протеста. Это приводило еще к большему ухудшению положения подмастерьев и к обострению социальной борьбы. Когда подмастерья не могли настоять на своих требованиях, они прекращали работу в знак протеста и оставляли город. В ответ на это мастера отвечали исключением подмастерьев из цеха. О том, что подмастерья в это время

¹ В уставе пражских художников читаем: «Если бы какой подмастерье поссорился со своим мастером и не стал работать, такого подмастерья не должен принимать ни один мастер, а если мастер, зная об этом, держал подмастерья, то он подвергается штрафу $\frac{1}{4}$ копы (vierdunk). О том же говорилось и в уставе пражских золотых дел мастеров (от 1324 г.). Н. Jireček. Codex..., str. 316, st. 16.

² В уставе пражских панцырщиков читаем: «Если подмастерье прекратит работу у мастера раньше срока и убежит от своего мастера и не вернется к работе в течение месяца, а также не отработает упущенное время, такой подмастерье не должен приниматься ни одним мастером в Праге». Н. Jireček. Codex..., str. 307. Точно такое же наказание — изгнание и лишение возможности работать в городе — подмастерьев предусматривалось и уставом пражских портных (от 1318 г.). E. Rössler. Op. cit., d. I, n. 45.

³ F. Gauss. Městská hudina..., str. 50.

⁴ Так, в 1403 г. Вацлав Ратай обещал каменщику Петру, что он под страхом самого тяжелого наказания будет ему служить 2 года. А Петр обещал платить Вацлаву по праву, установленному в этом ремесле. Аналогичные свидетельства содержит договор Сигизмунда с Франтишком, королевским иллюминатором, которому Сигизмунд обязался в течение 2 лет служить и уплатить ему за обучение 2 копы наличными. В 1390 г. Якуб из Косорже заключил договор с Маржиком веревочником. По договору Якуб обязался служить Маржику в течение $2\frac{1}{2}$ лет. Маржик в это время обещал его учить ремеслу и заботиться о его питании и одежде. ССН. 1916. str. 442.

прибегали к забастовкам как мере борьбы против мастеров, свидетельствуют также и цеховые уставы¹.

В 1426 г. в Оломоуце вспыхнула забастовка подмастерьев-сукноделов, которые в конце концов демонстративно покинули город, потому что одного из них мастер грубо оскорбил².

Для борьбы с мастерами подмастерья объединялись в союзы, ибо постепенно становилось понятным, что против организованного и все более усиливающегося наступления мастеров на права подмастерьев, необходим был и со стороны подмастерьев организованный отпор. В 1399 г. создается союз подмастерьев у староместских замочников. Из чешско-будейовицкой грамоты от 15 марта 1351 г. видно, что кнапы-суконщики³ имели свою организацию. Этой грамотой городская рада и рыхтарж подтверждают соглашение между мастерами-суконщиками и кнапами. Из устава пражских художников (1348) можно предполагать, что подмастерья-художники имели какую-то организацию⁴. Устав пражских золотых дел мастеров⁵ (1324) и устав панцырщиков пражских⁶ второй четверти XIV в. говорят о собраниях подмастерьев, что также предполагает организацию подмастерьев.

Со второй половины XIV и в XV в. начинается борьба между подмастерьями и мастерами за продолжительность рабочего дня и за получение свободного дня, кроме воскресенья. Подмастерья требуют «голубого понедельника»⁷.

В этой борьбе перевес был на стороне мастеров, они все более наступали на подмастерьев, лишая их даже воскресных дней и праздников⁸.

Борьба подмастерьев против мастеров проявлялась и в других формах. Эксплуатируемые выступали с оружием в руках против эксплуататоров. В Праге борьба подмастерьев вылилась в открытые выступления. В уставах были предусмотрены специальные меры наказания подмастерьев, поднявших оружие против мастеров⁹.

Подмастерья выступали активными участниками городских движений. Участие подмастерьев в восстаниях рассматривалось как тяжкое преступле-

¹ Так, в уставе пражских веревочников от 1410 г. читаем: «Подмастерья имели обычай: если какой-либо подмастерье поссорится с мастером и если другого подмастерья вызвали в суд, они не давали никому другому работу у мастера. Это равно плутовству». F. Graus. *Městská hudina...*, str. 142.

² F. Graus. *Městská hudina...*, str. 98, 180.

³ Кнапы отличались от подмастерьев тем, что не жили у мастеров.

⁴ H. Jireček. *Codex...*, str. 317, st. 23, 24.

⁵ ССН, 1927, str. 8.

⁶ H. Jireček. *Codex...*, str. 307.

⁷ В уставе веревочников от 1410 г. говорится: «...подмастерья в ту неделю, в которой не имелось ни одного праздника, кроме воскресенья, должны иметь свободное время от вечерни понедельничной...». Но в следующей статье читаем: «Если в какую неделю есть праздник или два, а подмастерья бы хотели от вечерни понедельник иметь свободным, тогда должна быть им снижена их заработная плата в этот понедельник и в эти праздничные дни потому, что по закону божьему для каждого лучше трудиться, чем тратить время впустую». F. Graus. *Městská hudina...*, str. 144.

⁸ См. последний предгуситский пражский устав, устав кузнецов от 1418 г. Этим уставом подмастерья лишались права не работать в праздничные дни, случившиеся в середине недели. Они могли не работать только в дни больших церковных праздников в году (как Вознесенье, Рождество и др., т. е. всего 12 праздничных дней в году). Там же.

⁹ В уставе пражских панцырщиков говорится: «Если кто из подмастерьев со своим мастером поссорится и против него выступит с каким-нибудь противником или схватится за меч или нож, но при этом пусть даже не будет ранения, будет недостойн, чтобы его кто-нибудь из мастеров Праги принял на службу... такой подмастерье изгоняется из цеха». H. Jireček *Codex...*, str. 307.

ние. Они, как и другие участники восстаний, привлекались к суду и строго наказывались. Так, в 1397 г. были изгнаны из Праги по городскому суду 14 человек — участников восстания, среди них были 2 подмастерья¹.

В 1412 г. в Праге вспыхнуло широкое движение против продажи индульгенций. В этой борьбе были убиты 3 подмастерья, их с большими почестями погребли в Гусовой Вифлеемской часовне².

Весь рассмотренный выше материал свидетельствует о значительно обострившихся противоречиях между мастерами и подмастерьями внутри цеха. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что цехи в Чехии возникли гораздо раньше XIV в., что время патриархальных отношений между мастерами и подмастерьями прошло. Социальная борьба внутри цехов могла повести к разложению их.

Но до гуситского движения борьба подмастерьев с мастерами в чешских городах не выходила за рамки одного города. Их выступления носили местный характер.

Вышеприведенный материал дает возможность сделать следующие выводы:

1. Чешским цехам XIV—начала XV в. были присущи все черты развитого цехового строя.

2. Цехи этого времени выступают значительно дифференцированными. Можно видеть социальное неравенство как между цехами разных отраслей промышленности, так и одной отрасли промышленности.

3. Значительная социальная дифференциация наблюдается внутри одного цеха. В цехе выделяются богатые мастера, цеховая верхушка, которая захватила в свои руки управление и финансы цеха и прибегала к эксплуатации рядовых мастеров. Это приводило к противоречиям и борьбе между мастерами внутри цеха.

Особенно ярко проявляется социальное неравенство между подмастерьями и мастерами внутри одного цеха, что приводит к борьбе подмастерьев с мастерами.

4. Можно говорить о стремлении цехов этого периода к корпоративной замкнутости, которая приводит к усилению эксплуатации подмастерьев мастерами, образованию к концу XIV—началу XV в. значительного слоя «вечных подмастерьев» и обострению противоречий между мастерами и подмастерьями.

5. Стремление цехов к корпоративной замкнутости и вытекающие отсюда привилегии детям мастеров, увеличение преград для получения звания мастера остальными подмастерьями, стремление цехов монополизировать ремесло всем, кто не состоит в цехе, неизвестны раннему периоду цехового развития, когда цеховая регламентация и принуждение не применялись, а отношения между мастерами и подмастерьями носили патриархальный характер.

6. Появление этих тенденций свидетельствует о том, что цехи в результате длительного развития, пройдя первый период, характеризовавшийся полной свободой занятия ремеслом в городе, вступили в новую полосу существования. Это дает основание говорить, что цехи возникли задолго до XIV в., когда появились уставы, и что появление уставов не есть время появления цехов.

¹ F. G a u s. Městská hudina..., str. 138.

² Там же, стр. 145.

Выступление бедных мастеров и внецеховых элементов города против монополии богатых цехов и требование свободных рынков противоречат цеховым принципам и ведут к разложению цехов. С другой стороны, многочисленные нарушения цеховых регламентов и строгие меры наказания (высокий штраф, исключение из цеха и т. д.) говорят о том, что цеховые регламенты начинали становиться оковами для наиболее разбогатевших мастеров.

7. Особенностью развития чешских цехов является то, что и в период своего расцвета они не обладали ни полной монополией производства и торговли в городе, ни полной автономией. Деятельность чешских цехов была сильно ограничена действиями немецкого патрициата, который держал в своих руках городское управление.

СООБЩЕНИЯ

1971-1972

1971-1972

В. А. Упеник

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА СЕРБИИ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНОЙ

До первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг. Сербия, наряду с другими балканскими государствами, являлась аграрной страной, в которой преобладало малопродуктивное мелкокрестьянское хозяйство. Из всего населения страны, составлявшего в 1910 г. около 3 млн. человек, 72,1% было занято в сельском хозяйстве¹. Сельское хозяйство было основной отраслью экономики страны и давало главную долю национального дохода.

Хозяйственная отсталость вызывалась значительными феодальными пережитками в экономике и вмешательством крупнейших империалистических держав, стремившихся превратить Сербию в свой аграрно-сырьевой придаток и рынок сбыта промышленных товаров.

На путь капиталистического развития Сербия вступила позже многих других стран Европы. Только примерно с последней четверти XIX в. в Сербии начала развиваться капиталистическая промышленность. Развернулось и железнодорожное строительство. Такому развитию способствовало постепенное расширение внутреннего рынка и накопление национального капитала.

Для характеристики развития сербской промышленности в нашем распоряжении, к сожалению, нет достаточно полных материалов. Известное представление об этом процессе могут дать выборочные данные о времени основания промышленных предприятий (табл. 1).

Таблица 1*

Время основания промышленных предприятий Сербии

	Годы			
	1881	1882—1893	1894—1905	1906—1910
Число предприятий . . .	22	41	81	121

* «Народна енциклопедија србско-хрватско-словеначка». Загреб, II књига, стр. 50.

Как показывают эти цифры, развитие сербской промышленности ускорилось во второй половине 90-х годов XIX — первом десятилетии XX в., т. е.

¹ А. Л. Погодин. Славянский мир, Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г., М., 1915, стр. 343.

когда капиталистическая система вступила в период империализма. Однако сведения, содержащиеся в табл. 1, касаются лишь части предприятий, которые имелись в Сербии. В действительности их было больше: 136— в 1893 г.¹ и 470— в 1910 г.² В 1911 г. было основано 23, в 1912 г.— 38, в 1913 г.— 6 новых предприятий³. Таким образом, к 1914 г. в Сербии было всего 537 предприятий.

Имеющиеся материалы позволяют сделать несколько более детальные наблюдения о развитии промышленности за 1905—1910 гг. (табл. 2).

Таблица 2*

Развитие промышленности и увеличение числа рабочих

	Годы	
	1905	1910
Число предприятий	378	470
Стоимость продукции (в тыс. динаров)	28 880	74 378
Число рабочих	10 315	16 085
Механические двигатели (в лош. силах)	10 184	24 030

* «Юбиларни зборник живота и рата срба, хрвата и словенаца 1918—1928», део 1. Београд, 1928, стр. 156.

За 5 лет, с 1905 по 1910 г., число предприятий в Сербии увеличилось на 25%, а число занятых на них рабочих поднялось почти на 56%. Если в 1893 г. в среднем на каждое предприятие приходилось около 15,5 рабочих⁴, то в 1905 г.— примерно 27 рабочих, а в 1910 г.— 34 рабочих. Таким образом, наблюдается увеличение числа рабочих, приходящихся в среднем на каждое предприятие, что свидетельствует о появлении более крупных заводов и фабрик. Однако в целом, как это следует из вышеприведенных сведений, в сербской промышленности продолжали преобладать мелкие и мельчайшие предприятия, преимущественно легкой, пищевой и добывающей промышленности⁵.

Далее обращает на себя внимание возросшая (в 2,36 раза) энергетическая вооруженность предприятий, позволившая усилить эксплуатацию рабочих и поднять (в 2,58 раза) валовую стоимость выпускаемой продукции.

¹ «Борба». Полумесечни спис социјалне демократије. Издање Српске социјал-демократске партије. Београд, 1912, бр. 18, стр. 270. Есть основание полагать, что приведенная цифра меньше действительного числа предприятий.

² «Юбиларни зборник живота и рата Срба, Хрвата и Словенаца 1918—1928», део 1. Београд, 1928, стр. 156. Народна енциклопедија (II књига, стр. 50), считает, что в 1910 г. в Сербии имелось 465 предприятий. «Борба», бр. 18, 1912, стр. 270 относит последнюю цифру к 1911 г.

³ «Народна енциклопедија». II књига, стр. 50.

⁴ «Борба», бр. 18, 1912, стр. 270.

⁵ Данных о распределении рабочих по группам предприятий в зависимости от их величины, позволяющих судить о степени концентрации пролетариата, и по отраслям промышленности в нашем распоряжении нет. Некоторый интерес могут представлять данные Промышленной камеры о числе предприятий в отдельных отраслях сербской промышленности. В 1910 г. в Сербии имелись следующие предприятия: 51 специальное предприятие (страгара), 7 деревообделочных заводов, 7 пивоваренных заводов, 1 табачная фабрика, 3 сахарных завода и конфектные фабрики, 5 скотобоев, 5 картонажных фабрик, 32 текстильных фабрики, 6 стекольных и цементных заводов, 26 кирпичных заводов, 55 рудников, 10 мастерских металлоизделий, 3 машиностроительных завода, 6 химических предприятий, 6 электростанций и др. «Народна енциклопедија», II књига, стр. 50.

Капитализм разорил многих мелких собственников, мелкие предприятия, которые не смогли выдержать конкуренции с более крупной капиталистической промышленностью. Машина заменила ручной труд во многих отраслях производства.

По мере развития капитализма в Сербии увеличилась и концентрация капитала, который все больше сосредоточивался в финансовых учреждениях, подчинявших своему влиянию промышленность. В 1895 г. в стране насчитывалось всего 66 финансовых учреждений, в 1909 г. количество финансовых учреждений возросло до 165¹.

В Сербии имелись значительные запасы важнейших ископаемых: железа, меди, каменного угля. Но обрабатывающая промышленность развивалась крайне медленно, так как в этом не были заинтересованы крупнейшие европейские капиталистические державы. Иностранные монополистические объединения всячески препятствовали техническому прогрессу страны, тормозили развитие обрабатывающей промышленности и стремились лишь к извлечению максимальной прибыли.

Иностранные капиталы устремлялись главным образом в горнодобывающую промышленность. Рудники по добыче железной и медной руды эксплуатировались различными иностранными компаниями, а залежи каменного угля разрабатывались бельгийским акционерным обществом.

Иностранный капитал играл господствующую роль в экономике страны. Основанные им банки контролировали по существу все отрасли хозяйства Сербии. Так, например, при участии крупнейшего в стране «Франко-сербского банка», являвшегося филиалом двух французских банков, было основано «Франко-сербское общество промышленных предприятий и общественных работ»². Это общество получило концессию на строительство железных дорог и ряда промышленных предприятий в Сербии. Большое влияние на экономику страны оказывали также и другие банки с преимущественно иностранным капиталом: «Сербский кредитный банк», являвшийся филиалом «Винербанкферейна», «Пражский кредитный банк» (филиал чешского банка), «Белградский торговый банк» (тоже с чешским капиталом) и т. д.

Несмотря на все усилия сербской буржуазии, она не могла создать значительные собственные промышленные предприятия. Страна не могла преодолеть отставания в промышленном развитии по сравнению со многими европейскими государствами. Этому мешала слабость отечественного капитала, узкие рамки внутреннего рынка, невозможность выдержать конкуренцию экономически более сильных стран не только на внешнем рынке, но и на собственном внутреннем рынке.

* * *

Развитие капитализма в Сербии вело к ухудшению положения трудящихся масс, в первую очередь рабочего класса, который с прогрессом промышленности становился все более нищим, а богатства, создаваемые им, концентрировались в руках эксплуататорского класса.

Губительное действие капиталистического накопления на положение рабочего класса Сербии особенно усилилось в эпоху империализма.

По Сербии до первой мировой войны мало имеется общих данных, характеризующих подлинное и всестороннее положение различных категорий рабочего класса. Подобная государственная статистика отсутствует, так как правительство Сербии ни разу не проводило проверки положения рабо-

¹ Целокупна дела Димитрија Туцовића. Св. 1, Београд, 1924, стр. 80.

² Л. В л а д и м и р о в. Война и Балканы. Пг., 1918, стр. 52.

чего класса и близко стоящих к нему социальных групп. Поэтому, имеющиеся некоторые данные государственной статистики относятся, по утверждению секретаря Сербской социал-демократической партии Д. Туцовича, ко всему населению, без учета классовой его принадлежности¹.

По данным государственной статистики, номинальная заработная плата поденных рабочих в Сербии за 44 года (с 1862 по 1906 г.) возросла в среднем на 14,4%. За тот же период стоимость жизни повысилась на 60,7%², существенно снизив реальную заработную плату, что служило одним из важнейших показателей абсолютного обнищания рабочего класса.

В 1908 г. Всеобщий рабочий союз Сербии проверил положение рабочих в 22 отраслях народного хозяйства. Было установлено, что рабочий день равнялся в среднем 14,5 часа, а средняя заработная плата — 1,32 динара в день³.

Конкретные факты, рисующие подлинное положение рабочего, можно видеть по отдельным предприятиям и отраслям промышленности.

В Лесковце и Грделице в 1910 г. имелись три текстильные фабрики, две канатные фабрики, одна электростанция, две мельницы с электродвигателями, два предприятия по производству черепицы, одна керамическая фабрика, семь кирпичных заводов и несколько больших мастерских. Несмотря на такое значительное количество предприятий, здесь было много излишней рабочей силы. Зарботная плата рабочих была низка. У деревообделочников и металлистов она равнялась 1 динару в день, у портных и закройщиков — 1,20 динара, у сапожников и поденных рабочих — 0,80 динара.

Весьма тяжелым было положение рабочих железнодорожного транспорта. Так, например, машинисты маневренных поездов при железнодорожных станциях и стрелочники по положению должны были работать по 24 часа, а затем сутки отдыхать. Но время, выделяемое для отдыха, рабочие не всегда могли использовать, так как администрация нередко принуждала их работать непрерывно трое суток подряд.

Большое распространение на предприятиях Сербии получила система штрафов. Капиталисты штрафовали рабочих под самыми различными предлогами: за опоздание на работу, прогул, курение и разговоры в рабочее время, за плохую работу и т. д. Иногда же значительные вычисления производились из заработной платы под предлогом отчисления в так называемый больничный фонд, пенсионный фонд, на спецодежду и пр.

Например, на суконной фабрике в Лесковце, где рабочий день продолжался 13 час., значительная часть мизерной заработной платы⁴ шла на штрафы и отчисления в «больничный фонд». Средства из этого «больничного фонда» шли преимущественно не на лечение и оказание помощи рабочим при их заболеваниях или повреждениях на производстве, а являлись дополнительным источником доходов капиталистов.

Ужасающих размеров были штрафы у рабочих путей сообщения (до полумесячной заработной платы). Применение штрафов получило распространение и на железнодорожном транспорте, полным хозяином которого являлось государство. Только путем мелких штрафов, которые шли в пользу

¹ Целокупна дела Димитрија Туцовића. Св. 1, стр. 67.

² Там же, стр. 69.

³ Там же, стр. 69.

⁴ Дневной заработок взрослого рабочего на этой фабрике равнялся 0,8—1,2 динара, работницы — от 0,6 до 1 динара и детей — от 0,3 до 0,5 динара.

пенсионного фонда и в фонд помощи, у железнодорожников было удержано с 1910 по 1912 г. свыше 28 467 динаров.

Подвергались незаконным штрафам рабочие и в других отраслях промышленности. Депутат от Сербской социал-демократической партии, выступая в Народной скупшине 31 мая 1912 г., указал, что только один предприниматель Никодий Миливоевич из Заечара сумел удержать из зарплаты 23 рабочих незаконным путем 1391 динар¹.

Применение детского труда имело большое распространение в Сербии. Жизнь детей в буквальном смысле слова была беспросветной. Тяжелый и изнурительный труд преждевременно выматывал силы ребенка, пагубно сказывался на его дальнейшем развитии.

Дети рабочих не могли долго находиться на иждивении своих родителей и поэтому, как только они подрастали, их тотчас отдавали на любых условиях в ученики, и они поступали в полное подчинение предпринимателю. Фабриканты же использовали учеников на любых работах вплоть до замены взрослого рабочего. Дети невольно для самих себя становились конкурентами своих родителей.

Депутат от социал-демократической партии, выступая в Народной скупшине 31 мая 1912 г., привел многочисленные факты, рисующие тяжелое положение детей в промышленности и ремесле. Так, например, в Байиной Баште дети в возрасте 14—16 лет непрерывно работали по 16 час. Часто, закончив работу у одного предпринимателя, дети отправлялись на ночную работу к другому. И эта их работа продолжалась без отдыха. Однажды часть из этих детей пыталась бежать от своих хозяев, но местные власти задержали их и снова водворили на те же предприятия.

В ремесленных мастерских ученики 12—14 лет работали столько же, сколько и взрослые рабочие (а в портновских и сапожных мастерских работа начиналась в 2 час. 30 мин. утра и продолжалась до 21—22 час.). Положение детей не изменилось и после принятия в 1910 г. закона о труде.

Не лучше обстояло дело и на государственных предприятиях. На фабрике в Крагуевце имелось большое число детей в возрасте 12 и 13 лет. Они работали больше, чем это было предусмотрено законом, т. е. больше 8 час., за плату в 3 гроша².

Все текстильные предприятия города Ниша были переполнены малолетними детьми. На этих предприятиях работало большое число девочек 12-летнего возраста, которые имели заработок от 0,50 до 0,60 динара в день. Работа их продолжалась по 11 час и больше³. Во Враньском округе и в Белграде все текстильные фабрики были также переполнены детьми и их положение было не лучше, чем в других местах Сербии.

Детский труд оплачивался значительно ниже труда взрослого рабочего. Так, на ткацкой фабрике в г. Ужице средняя ежедневная зарплата взрослого рабочего равнялась 1,5 динара, а ребенка — всего 0,15 динара, на фабрике в Грделице — соответственно 1 динар и 0,20 динара⁴. Следовательно, для капиталистов различие пола и возраста, поскольку это касалось рабочего класса, утрачивало всякое общественное значение.

¹ За защиту и осигурање радника. Дебата вођена у Народној Скупштини от 31 маја до 5 јуна 1912 поводом интерпелације социјал-демократских посланика о гађењу Закона о радњама. Београд, 1912, стр. 30.

² Грош равен 0,04 динара.

³ «За защиту и осигурање радника», стр. 23.

⁴ Маџенац «О скупшони животних намирица», Београд, 1911, стр. 15.

В Сербии до первой мировой войны положение женщин в народном хозяйстве было более тяжелым и несправедливым, чем положение рабочих мужчин. Женский труд, как правило, оплачивался значительно ниже, чем мужской труд. Поэтому предприниматели все в больших размерах использовали дешевый женский труд.

Жестокая эксплуатация женщин, использование их на тяжелых и вредных работах, работа в ночное время ухудшали состояние их здоровья.

В законе о труде, принятом в 1910 г., предусматривалось предоставление работницам отпуска по беременности за счет государства — 6 недель до родов и 6 недель после родов¹. Но это положение, как почти и весь закон о труде, оставалось записанным только на бумаге. В действительности, никакой защиты материнства в Сербии не существовало.

Огромное влияние на жизненный уровень рабочего класса имела политика цен на товары первой необходимости, проводившаяся правительством Сербии. Известно, что система повышения цен, наряду с постоянным снижением заработной платы, есть одно из средств, применяя которое, буржуазия снижает личное потребление рабочего класса. Подобная политика понижения жизненного уровня широких народных масс вытекает из самого существа капиталистического способа производства.

Из статистических данных Всеобщего рабочего союза Сербии за 1910 г. видно, что цены на важнейшие продукты народного потребления неуклонно возрастали из года в год. Так, например, цены на хлеб и мясо с 1906 по 1910 г. возросли на 30%².

Потребление населением Сербии такого жизненно необходимого продукта, как сахар, намного превышало собственное производство в стране. Поэтому сахар ввозился в больших количествах из-за границы. Но ввиду существовавшей государственной монополии на сахар цена его на рынках Сербии была намного выше, чем, например, в Германии. В ноябре 1911 г. в Гамбурге 100 кг сахара приобреталось за 20,45 динара, а в Сербии 100 кг сахара стоили 110 динаров³.

Положение рабочего класса Сербии еще больше ухудшало налоговое бремя. Существовавшая в стране система государственных налогов была исключительно обременительной для народных масс. В 1910 г. с населения Сербии было собрано различных налогов и сборов на сумму 129 563 тыс. динаров⁴. По данным переписи 1910 г., население страны составляло 2 911 700 человек. Следовательно, каждый житель Сербии был обложен различными поборами на сумму 44,6 динара, а каждая семья, в среднем состоящая из 5 человек, платила 222,5 динара в год.

Следует особо остановиться на той роли, которую в обнищании сербских трудящихся играли косвенные налоги, т. е. налоги на предметы потребления. Эти налоги уплачивали потребители, основную массу которых составляли трудящиеся, в виде повышенной цены покупаемых товаров.

Динамику роста косвенных налогов за 30 лет (с 1880 по 1910 г.) и их долю в системе государственного бюджета Сербии можно проследить по следующим данным: в 1880 г. доходы от государственных монополий, от пошлины, от налогов на предметы первой необходимости и от таксы составили 17,3%, в 1890 г. — 25,6%, в 1900 г. — 49,9%, а в 1910 г. — 47,2%

¹ «Српске новине». Службени дневник краљевине Србије, 29.VI 1910 г.

² «Борба», бр. 2, 1912, стр. 59.

³ Там же, стр. 60.

⁴ Целокупна дела Димитрија Туцовића. Св. 1, стр. 71.

всех доходов государственного бюджета¹. Если при этом учесть, что за эти 30 лет государственный бюджет возрос в 6 раз — с 20 до 120 млн. динаров², то резкое увеличение суммы косвенных налогов становится особенно понятным. В дальнейшем удельный вес косвенных налогов еще более поднялся: в 1911 г. косвенные налоги составляли уже 67,5% государственного бюджета Сербии³.

«Можно без преувеличения сказать, — писал журнал «Борба», — что, кроме Сербии, ни в одной стране Европы нет больших косвенных налогов и большего числа предметов потребления, облагаемых налогами. Косвенные налоги затрагивают прежде всего беднейшие слои населения (особенно большой тяжестью они ложатся на рабочий класс), так как все предметы, приобретаемые ими, обложены налогами»⁴.

Косвенные налоги намного превышали прямые налоги. Так, например, на каждый динар прямого налога в 1910 г. приходилось 5,25 динара косвенного⁵. А это практически означало, что налоговое бремя, взваленное на трудящихся, было выше в пять с лишним раз налогообложения буржуазии и помещиков⁶.

Буржуазная наука, искажая факты, стремилась представить дело таким образом, что главным источником доходов капиталистического государства служат якобы не косвенные, а прямые налоги. Так, историк А. Л. Погодин, отвечая на вопрос «за счет чего были покрыты государственные расходы в Сербии, утверждал: «Прежде всего, прямыми налогами, которые дали государству в 1911 г. 32 млн.»⁷. Действительно, прямые налоги в Сербии дали государственной казне в 1911 г. указанную сумму (точнее, даже несколько больше — 32 179 960 динаров)⁸. Между тем общая сумма доходов по бюджету 1911 г. в Сербии составляла 131 710 189 динара⁹. Таким образом, прямые налоги не дали и четвертой части бюджетных поступлений, тогда как косвенные налоги дали государству $\frac{2}{3}$ всех доходов¹⁰.

Финансовая политика сербской буржуазии, направленная к выколачиванию государственных доходов за счет народных масс, содействовала обнищанию не только пролетариата, но и разорению мелких товаропроизводителей — крестьян и ремесленников. Разоряясь, крестьяне и ремесленники увеличивали резервную армию промышленного пролетариата, который в свою очередь подвергался все большей эксплуатации.

Большая часть государственного бюджета, непрерывно возрастающего, шла на непроизводительные расходы: на содержание государственного

¹ «Борба», бр. 8, 1911, стр. 297.

² Там же.

³ Там же, бр. 14, 1911, стр. 47.

Быстрому росту косвенных налогов в 1911 г. во многом способствовал закон о таксе, принятый Народной скупщиной Сербии в марте этого года. Согласно новому закону, число тарифных ставок, по которым взимались косвенные налоги и пошлины, было доведено до 407 (по прежнему закону их было 270). Законом 1911 г. были увеличены, в частности, цены на табак, соль, спички, папиросы и другие товары, продажа которых являлась государственной монополией. «Борба», бр. 6, 1911, стр. 235—236.

⁴ «Борба», бр. 22, 1910, стр. 853.

⁵ Целокупна дела Димитрија Туцовића. Св. 1, стр. 72.

⁶ Там же. «У нас, — писал журнал «Борба», — на долю пролетариата и беднейшей массы населения приходится налогов 84%, а на долю богатых едва 16%». «Борба», бр. 24, 1910, стр. 921.

⁷ А. Л. Погодин. «Славянский мир», стр. 354.

⁸ «Борба», бр. 16, 1912, стр. 180.

⁹ «Самоуправа», орган радикалне странке. Београд, 21.III 1912.

¹⁰ «Борба», бр. 16, 1912, стр. 180.

аппарата¹, на армию, на королевский двор², на оплату колоссальных государственных долгов³ и на различные привилегии капиталистам.

Не менее 50% всех бюджетных средств уходило только на военные расходы и уплату долгов⁴. Военные расходы увеличивались по мере милитаризации народного хозяйства, быстро развивавшегося в связи с обострением империалистических противоречий, один из важнейших узлов которых завязался на Балканском полуострове.

В октябре 1912 г. началась первая балканская война между Турцией и Балканским союзом, в который объединились Болгария, Сербия, Греция и Черногория. Историческая задача, стоявшая в то время перед балканскими народами, состояла в создании объединенных национальных государств на Балканах, свержении гнета местных феодалов, окончательном освобождении балканских крестьян различных национальностей от помещичьего ига.

Первая балканская война, объективно носившая национально-освободительный характер, закончилась победой Балканского союза над Турцией. Но поскольку важнейшие исторические задачи, затрагивавшие судьбы балканских народов, решались войной, а не революцией, то гнет помещиков и балканских монархий над народами остался прежним.

Вскоре после окончания первой балканской войны, в июне 1913 г. вспыхнула вторая балканская война, которая началась уже между недавними балканскими союзниками — между Болгарией, с одной стороны, и Сербией, Грецией и Черногорией — с другой. Против Болгарии выступили также Турция и Румыния. Эта война по своему характеру была захватнической, империалистической войной. В развязывании ее были повинны крупные империалистические державы Западной Европы, стремившиеся обострить отношения между балканскими странами. Вторая балканская война закончилась поражением Болгарии.

В балканских войнах 1912—1913 гг. по приблизительным подсчетам погибло около 400 тыс. человек и было израсходовано около 3 млрд. рублей⁵.

В результате двух балканских войн территория Сербии расширилась на 39 тыс. кв. километров, а население увеличилось на 1,5 млн. человек⁶.

Положение рабочего класса Сербии за время балканских войн не улучшилось, а, наоборот, стало еще более тяжелым. Война ослабила силу сопротивления и организованность пролетариата, а разрушительные последствия этих войн явились причиной ухудшения положения сербского рабочего класса.

¹ Бюрократия и лица, находившиеся на содержании государства, поглощали из государственной казны ежегодно около 40 млн. динаров, тогда как на народное хозяйство и так называемую «социальную политику» ассигновывалось всего 20 млн. динаров. «Борба», бр. 4, 1911, стр. 132.

² По бюджету 1911 г. на содержание королевского двора предусматривалось израсходовать 1,2 млн. динаров «Српске новине», 3.III 1912 г. Согласно закону от 21 мая 1911 г. были установлены следующие ежегодные ассигнования членам королевской семьи: на содержание престолонаследника Александра до вступления его на престол — 120 тыс. динаров, королевича Георга — 60 тыс. динаров и принцессы Елены — 60 тыс. динаров. «Српске новине», 21.V 1911 г.

³ Государственный долг рос из года в год, в 1880 г. на каждого жителя Сербии приходилось 18,5 динара этого долга, в 1890 г. — 174,58 динара; в 1900 г. — 177 динаров; в 1911 г. — уже 245 динаров. «Борба», бр. 8, 1911, стр. 297.

⁴ «Борба», бр. 8, 1911, стр. 293.

⁵ «Правда», 1.VIII 1914 г.

⁶ См. В. И. Ленин. Тетради по империализму. М., 1939, стр. 256.

На этих войнах нажилась буржуазия, которая в своих корыстных интересах использовала военную обстановку. Сербская буржуазия, прикрываясь лозунгами так называемой «освободительной» миссии Сербии в этих балканских войнах, во имя которой якобы весь народ должен был жертвовать всем, чтобы установить классовый мир и единство в стране, добились того, что все и без того незначительные завоевания рабочего класса были сведены на нет. Больше того, капиталисты Сербии, используя чрезвычайную обстановку в стране, аннулировали ранее заключенные трудовые договоры, снизили заработную плату, увеличили рабочий день на фабриках, заводах и в ремесленных мастерских.

Рост продолжительности рабочего дня в отдельных отраслях сербской экономики характеризуют следующие данные по крупнейшим городам Сербии (табл. 3).

Таблица 3*

Продолжительность рабочего дня в Сербии до и после балканских войн

Города	Профессии									
	металлисты		деревообделочники		обувщики		портные		мукомолы	
	до	после	до	после	до	после	до	после	до	после
Белград	9 ¹ / ₄	9 ¹ / ₄	9	9	10	10	10	10	10	11
Свиланац	12	16	10	16	10	18	12	14	14	18
Пирот	10	14	10	11	10	12	—	—	—	—
Лесковац	10	12	10	10	10	12	10	12	—	—
Пожаревац	10	12	—	—	10	10	—	—	—	—
Лозница	10	15	10	14	—	—	10	10	—	—
Ниш	12	14	9,5	9,5	10	10	12	16	14	16
Г. Милановац	14	16	10	11	10	10	14	16	—	—
Алексинач	14	18	—	—	10	14	12	16	14	18
Аранджеловац	10	16	—	—	12	16	16	18	—	—
Обреновац	11	14	10	10,5	16	18	16	12	—	—
Ужице	14	16	10	11	—	—	11	18	—	—
Пожега	10	18	10	11	10	11	10	—	10	—
Заечар	13	15	10	10	12	15	—	—	—	—

* «Борба», бр. 3, 1914, стр. 86—87.

Как показывают эти данные, в результате прошедших балканских войн 1912—1913 гг., рабочий день у металлургов, деревообделочников, обувщиков, мукомолов, портных и других увеличился на 1—8 час.

Материальное положение рабочего класса Сербии существенно ухудшилось резко возросшая за годы балканских войн дороговизна на важнейшие продукты питания (табл. 4). В результате балканских войн цены на важнейшие продукты питания поднялись в среднем на 43,3%.

Как писал журнал «Борба», политика угнетения трудящихся сербской буржуазией и особенно жестокая эксплуатация женского и детского труда отбрасывала рабочий класс Сербии к положению английских рабочих конца XVIII в.¹

Жестокая эксплуатация рабочего капиталистом посредством удлинения рабочего дня, повышения интенсивности труда, систематического пониже-

¹ «Борба», бр. 12, 1914, стр. 465.

Таблица 4 *

Цены на продукты первой необходимости до и после балканских войн по крупнейшим городам Сербии (1 кг в динарах)

Города	Продукты					
	хлеб		мясо		жир	
	до	после	до	после	до	после
Белград	0,28	0,33	1,40	1,40	1,60	1,60
Ужице	0,25	0,29	0,90	1,10	1,60	1,90
Паланка	0,25	0,35	0,80	1,00	—	—
Валево	0,25	0,36	0,90	1,00	—	—
Шабац	0,27	0,30	0,90	1,20	—	—
Свиланац	0,30	0,40	0,70	1,10	1,60	2,00
Трстеник	0,40	0,45	0,50	0,80	—	—
Смедерово	0,25	0,30	1,00	1,20	1,50	1,60
Ниш	0,28	0,35	1,20	1,40	1,60	1,80
Лесковац	0,28	0,32	1,00	1,10	—	—
Пирот	0,25	0,30	1,20	1,20	1,60	2,00
Алексинач	0,28	0,30	1,00	1,20	1,40	1,60
Младеновац	0,27	0,30	1,00	1,30	—	—
Аранджеловац	0,23	0,35	1,00	1,20	—	—
Пожаревац	0,25	0,30	1,00	1,20	1,00	1,40
В. Градиште	0,25	0,35	1,00	1,20	1,40	1,60
Г. Милановац	0,28	0,30	0,70	1,00	1,50	1,60
Неготин	0,25	0,35	0,70	1,00	1,60	1,70
Княжевац	0,25	0,30	1,00	1,00	1,60	1,80
Заечар	0,28	0,30	1,10	1,10	1,40	1,60

* «Борба», бр. 3, 1914, стр. 88—89.

ния заработной платы, при одновременном ухудшении условий труда и росте дороговизны, порождала различные заболевания и приводила к преждевременному истощению организма рабочего, к сокращению продолжительности его жизни. Особенно большое распространение получил туберкулез, от которого ежегодно (в период 1900—1906 гг.) умирало от 6 до 8 тыс. человек¹. Что же касается общей смертности населения в Сербии, то она была следующей: в 1907 г. умерло 62 551 человек, в 1908 г. — 66 924 человека. Большая заболеваемость и смертность приходилась преимущественно на плохо обеспеченную часть населения, прежде всего на рабочий класс.

Этому содействовала и весьма плохая постановка здравоохранения в Сербии. По государственной статистике 1906 г., Сербия имела всего 271 врача (вместе с военными) на 2 688 025 жителей. Следовательно, на 10 тыс. жителей приходился один врач, т. е. почти в 2 раза меньше, чем имела в то время Россия², занимавшая в этом отношении одно из последних мест в Европе. Не лучше обстояло в Сербии дело и с больничным лечением. Если в Австрии одна больничная койка приходилась на 558 жителей, в Италии — на 380, в Венгрии — на 304, в Швеции — на 260 жителей, то в Сербии одна койка приходилась на 2000 жителей³.

О плохом состоянии здоровья широких масс трудящихся Сербии говорят и данные о количестве освобожденных от военной службы. В 1905 г.

¹ «Борба», бр. 22, 1910, стр. 874.

² Там же, бр. 2, 1910, стр. 72.

³ Там же, бр. 18, 1910, стр. 710.

при очередном призыве в армию по состоянию здоровья было освобождено 25,89% новобранцев¹.

Тяжелые экономические условия рабочего класса Сербии вынуждали его эмигрировать в другие капиталистические страны — в США, Германию, Францию и т. д. Число эмигрантов непрерывно росло. Из страны наряду с другими выезжала наиболее квалифицированная часть рабочего класса, и отечественная промышленность теряла свои лучшие кадры. И если в свое время хозяева фабрик в Крагуевце хвалялись, что они имеют большое число рабочих отличной квалификации, то уже в 1912 г. они этого сказать не могли, так как большинство квалифицированных рабочих покинуло эти предприятия и пределы Сербии².

Эмиграция коснулась и организованной части рабочего класса, состоявшей в профсоюзах, большинство которой, покидая пределы Сербии, выбывало из членов профсоюза, ослабляя их деятельность. В связи с эмиграцией рабочих сербские профсоюзы теряли наиболее энергичных своих сторонников, из числа которых вербовались активисты и руководители местных профсоюзных организаций.

Каковы же основные причины, которые заставляли трудящихся Сербии покидать свою страну и эмигрировать за границу? Причиной этого, на наш взгляд, являются следующие факторы:

Во-первых, экономическая и политическая отсталость страны, неспособность отечественного капитала выдержать на мировых рынках конкуренцию передовых капиталистических стран, которые, обладая огромными капиталами, вложенными в промышленность их стран, «... поднимают заработную плату выше среднего и привлекают наемных рабочих из отсталых стран»³.

Во-вторых, большая пролетаризация и пауперизация в городах и селах Сербии, наличие армии безработных, а значит и обилие свободной рабочей силы, которая не в состоянии найти себе применение в народном хозяйстве страны вследствие слабого развития национальной экономики. В-третьих, низкая заработная плата и рост дороговизны жизни. В-четвертых, слабость рабочего и социалистического движения.

Крайняя нужда, а часто и репрессии правительства заставляли рабочих покидать свою страну. Попадая на чужбину в руки иностранного капиталиста, сербский рабочий подвергался самой жестокой эксплуатации. В. И. Ленин указывал, что в «Соединенных штатах иммигранты из восточной и южной Европы занимают наихудше оплачиваемые места, а американские рабочие дают наибольший процент выдвигающихся в надсмотрщики и получающих наилучше оплачиваемые работы. Империализм имеет тенденцию и среди рабочих выделить привилегированные разряды и отколоть их от широкой массы пролетариата»⁴.

Эмиграция не избавляла рабочего от капиталистической эксплуатации, которой подвергалась основная масса сербских рабочих, оставшихся в своей стране. Выход из нужды и полуголодного существования был лишь в классовой борьбе против капиталистического строя. Вся обстановка толкала пролетариат Сербии на борьбу против усиливавшейся эксплуатации и политического гнета, превращала рабочий класс в единственно последовательную революционную силу страны, способную выступить руководителем широкого движения народных масс против внутренних и иностранных угнетателей.

¹ «Социалистичка радничка читанка», Београд, 1908, стр. 77.

² «За заштиту и осигурање радника», стр. 50.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 411.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 270.

А. И. Озолин

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЧЕШСКОГО НАРОДА И ВОССТАНИЕ 1547 г.

Чешский народ имеет большую революционную традицию. В течение многих столетий чехи вместе со словаками боролись против немецких феодалов, а затем — против немецких капиталистов за свою независимость. Как отмечал Клемент Готвальд, славные традиции чешского народа в его героической борьбе против немецкого дворянства зародились еще во время Крестьянской войны XV в.¹ В период мрачного многовекового господства Габсбургов чехи и словаки неоднократно поднимались на борьбу за свою независимость. Вопреки утверждениям реакционной буржуазной историографии как чешской, так и немецкой, всячески восхвалявшей положительную будто бы роль Габсбургов в чешских землях, факты показывают, что владычество этой немецкой династии замедлило социально-экономическое, политическое и культурное развитие Чехии. Борьба чехов против Габсбургов началась еще в то время, когда чехи формально являлись независимыми. Уже тогда мы встречаемся с активной попыткой Габсбургов закабалить чехов и покончить с их независимостью. В ответ на это чешский народ поднял в 1547 г. вооруженное восстание.

Восстание 1547 г. в Чехии нашло свое отражение в специальных работах современников. Из среды официальных правительственных кругов вышел составленный по указанию Фердинанда I сборник документов². Цель издания этой книги — фальсифицировать историю восстания 1547 г. и затушевать в интересах Габсбургов его подлинные причины и характер. Специально подобрав и подтасовав документы, сторонники правительства пытались доказать, что восстание не было массовым и что чешское дворянство осталось будто бы преданным и верным Габсбургам. Из сборника документов было тщательно устранено все то, что говорило бы о национально-освободительном характере движения. Фердинанд I показан в нем не как один из главных виновников восстания, каким он был в действительности вместе с правящими кругами немецких феодалов, а как мудрый великодушный государь, который стремился предотвратить вооруженное столкновение с чехами. Вся ответственность за самый факт вооруженного выступления чехов против Габсбургов возлагалась на чешские города. Вся-

¹ «Klement Gottwald o Jiráskovi», 1951, str. 9.

² Часть документа из сборника «Akta všech těch věcí...» перепечатана в книге «Sněmy české», t. 2, v Praze, 1880.

чески затушевывается в книге реакционная деятельность Габсбургов и после подавления восстания.

С целью разоблачения этой реакционной фальшивки участник восстания и один из его руководителей — Сикст из Оттерсдорфа издал в 1547—1548 гг. (точная дата неизвестна) книгу, в которой стремился показать подлинные причины, цели и значение восстания для страны. Сикст из Оттерсдорфа, пражский купец, консул Старой Праги в 1542 г. и ее канцлер к моменту восстания, был образованным человеком, имел степень бакалавра свободных наук и, наряду с торговлей сукнами, занимался переводами исторических и религиозных произведений с латинского языка. О непосредственном участии Сикста из Оттерсдорфа в восстании известно очень мало. Имя его сохранилось в истории потому, что он был автором интересного произведения, посвященного событиям 1547 г.¹

В первой части книги собраны документы, относящиеся к данному событию, во второй даны подробные комментарии автора по поводу восстания, хроника самих событий; в самом тексте работы автором приведены некоторые документы. Книга была издана в буржуазной Чехии лишь один раз и то не полностью. Учитывая большое положительное значение книги, издательства народно-демократической Чехословакии опубликовали ее вновь. К сожалению, переиздана лишь вторая часть с предисловием И. Янашека.

Книга Сикста из Оттерсдорфа отличается боевым полемическим тоном. Автор стремился оправдать движение, доказать его справедливость. Это произведение дает основание рассматривать восстание 1547 г. не просто как продолжение борьбы сословий, что характерно для буржуазной трактовки вопроса, а как первое выступление чешского народа, главным образом горожан, против Габсбургской политики национального угнетения и ущемления национальных прав и интересов чехов. Правильно и положительно оценивая восстание, Сикст в силу своих классовых интересов и симпатий преуменьшил в то же время роль широких народных масс в движении и выдвигал на первый план городских богачей, купцов и цеховых мастеров. Указав на колебания дворянства в период восстания, он не мог, разумеется, вскрыть классовых корней этих колебаний.

В исторической литературе восстанию 1547 г. посвящена монография Тифтрунка и несколько статей².

Книга Тифтрунка написана в сочувственных по отношению к восставшим сословиям тонах. Однако автор не смог понять подлинных причин восстания, дать научный анализ позиций в нем различных социальных групп, поскольку он сам стоял на идеалистических буржуазных позициях. Обострение противоречий накануне восстания он видит лишь в политической и религиозной областях и совершенно обходит молчанием социально-экономические предпосылки восстания. Тифтрунк не остановился и на вопросе о том, что же принципиально нового несло с собой чешским землям установление владычества Габсбургов. Народное движение не рассматривается им как выражение национальных противоречий. Подробно освещая политику Фердинанда в Германии, автор мало внимания уделяет внутренней жизни Чехии накануне восстания. Ход событий дан подробно, но опять без классового анализа их. Так, автор не раскрывает классового смысла 57 статей, хотя говорит о них и в приложении помещает текст статей. Он не сумел

¹ Sixt z Ottersdorfu, O pokořeni stavu městského léta 1547. Melantrich, 1950, v Praze, 13 svazek knihovny «Odkaz minulosti české».

² K. Tieftrunk, Odpor stavův českých proti Ferdinandovi I Leta 1547. Novočeská biblioteka, č. 19, v Praze, 1872.

сделать вывод о том, что в итоге победы Габсбургов усилился национальный гнет.

Значение его работы заключается в большом конкретном материале, собранном в ней, что дает возможность сделать вывод о направленности восстания. Автор говорит о насилиях Фердинанда и его войск, об отпоре народа католицизму и Габсбургам, указывает на умеренность позиции богачей города Праги и останавливается на изменении положения населения Чехии после поражения, особенно на ухудшении положения чешских королевских городов.

В предисловии к рассматриваемому изданию книги Сикста из Оттерсдорфа И. Янашек в краткой вступительной статье останавливается на причинах и характере восстания. Он анализирует социально-экономическое развитие чешских земель накануне восстания, отмечает противоречия между городами и дворянством и обнищание низшего дворянства. Указывая на абсолютистские тенденции в правлении Фердинанда I и усиление его контроля в городах, на то, что выразителями народного недовольства были в городах ремесленники, Янашек ошибочно утверждает, что в городах не было резких социальных противоречий. При изложении хода событий он ничего не говорит о движении городских низов. В целом следует отметить, что Янашек в своем предисловии рассматривает события 1547 г. с точки зрения борьбы противоречий между городами и дворянством. Крупнейший недостаток его вступительной статьи заключается в том, что он не рассматривает движения 1547 г. как выражение растущего протеста чешского народа против режима национального, политического угнетения, который пытался с первых шагов своего правления осуществлять в чешских землях Фердинанд I Габсбург.

ЧЕХИЯ НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ 1547 г.

Для выяснения подлинных причин восстания и правильной оценки его значения следует хотя бы кратко остановиться на характеристике социально-экономического и политического положения Чехии во второй половине XV—первой половины XVI в.

Несмотря на длительные и разорительные войны второй половины XV в., чешская промышленность, выступавшая тогда главным образом в форме цехового ремесла, продолжала развиваться. Ликвидация, хотя и временная, чужеземного засиления в итоге Крестьянской войны способствовала новому подъему и расцвету чешской национальной экономики, что нашло свое выражение в дальнейшем развитии городов. Города Чехии, ремесло и торговля в них, стали национальными, чешскими. Число королевских городов выросло с 36 до 42. Появились новые ремесла и велась довольно значительная торговля. В то же время чехи и мораване вели оживленную торговлю с русскими землями, в частности своими сукнами, которые вывозились в Россию¹.

Чешские сеймы в целях защиты торговли принимали решения, направленные к ликвидации анархии и разбоя на дорогах. В связи с ростом внутреннего рынка усиливалась заинтересованность феодалов в расширении своего доменального хозяйства. Этому благоприятствовало также увеличение потребностей Западной Европы в сельскохозяйственных продуктах и повышение цен на хлеб в связи с революцией цен в Европе. Стремясь уве-

¹ A. V. Florovskij. České sukno na východoevropském trhu v 16 až 18 věku, v Praze, 1947, str. 45.

личить массу товарной продукции, помещики в более крупных размерах, чем прежде, практиковали хмелеводство, овцеводство, пивоварение и организовывали крупные рыбные хозяйства.

Побежденное в Крестьянской войне первой половины XV в. крестьянство подвергалось беспощадной эксплуатации. Барщина стала основной повинностью крестьянина.

В этих условиях феодалы считали наиболее выгодным дальнейшее усиление личной зависимости крестьянства и более прочное прикрепление его к земле. Решающим событием, определившим надолго последующее социально-экономическое развитие Чехии, явилось широкое распространение крепостничества¹. Число крепостных крестьян быстро увеличивалось. Они становились основной массой сельского населения. В то же время резко сокращалось число крестьян, сохранивших право ухода от одного помещика к другому. Еще в 1437 г. земский суд постановил, что «подданные, которые сбежали с дедин и находятся в городах или еще где-либо, должны быть возвращены своим панам»². В 1441 г. помещики потребовали, чтобы крестьяне выплатили им всю задолженность за прошлые годы. В 1467 г. было вынесено решение о беглых крестьянах, по которому запрещалось принимать беглого под угрозой штрафа в 10—20 гривен серебром. Бежавшего крестьянина должны были вернуть помещику и в наказание за бегство ему отрезали уши³. 1 октября 1487 г. сейм принял решение о повинностях крестьян и их правовом положении. Крестьянам было запрещено уходить от своих панов вообще, что означало их полное юридическое закрепощение. Им было запрещено заниматься охотой, ставить тенета на птицу под угрозой штрафа и изъятия охотничьей добычи. Подтверждался указ о выдаче беглых и о штрафе для укрывателей их⁴. Крестьян продавали вместе с землей, скотом и прочим имуществом, как вещь. Они несли барщину в размере 3—4 дней и более в неделю и многие другие повинности, выплачивая наряду с денежными платежами оброк натурой.

Дворянство этого периода подразделялось на две основные группы: высшее — панов и низшее — владык, земанов. Среднее дворянство в значительной части опустилось в ряды низшего дворянства. Положение основных групп дворянства было весьма различным. Воспользовавшись плодами крестьянской войны первой половины XV в., паны-магнаты присвоили себе значительную часть земель монастырей. В то же время помещики присваивали себе и крестьянские земли. К середине XVI в. крупные поместья (пахотные земли вместе с лесами) занимали больше трети всей площади королевства. Обладая основной массой богатств страны, паны занимали важнейшие государственные должности и играли решающую роль на сеймах. Они пользовались правом выдвигать кандидатов на королевский трон и выбирать короля по своему усмотрению. Они не платили налогов и жили паразитически за счет безудержного грабежа чешского народа. Мелкое хозяйство низшего и среднего дворянства плохо приспособилось к условиям растущих товарно-денежных отношений. Попытка низшего и среднего дворянства поправить свои дела в годы Крестьянской войны за счет монастырей не увенчалась успехом, так как основные богатства монастырей попали в руки панов. Продолжался процесс поглощения мелкого

¹ В чешских землях до конца XV в. юридически не было полного закрепощения крестьян. Фактически же крестьянин был лишен возможности уйти от одного помещика к другому.

² «Archiv český čili staré, písemné památky české i moravské», t. 22, v Praze, 1905, str. 11—12.

³ «Archiv český», t. 5, v Praze, 1862.

⁴ «Archiv český», t. 4, v Praze, 1846, str. 520—523; t. 5, str. 432.

феодалного крестьянства крупным магнатским землевладением¹. Усиление городов ограничило возможности низшего дворянства в отношении разбойничьих нападений на города и торговые караваны. Денежными средствами для организации своего хозяйства владыки в достаточной степени не обладали и были вынуждены искать выхода в ином направлении. Они поступали к магнатам в качестве управляющих, занимали различные должности при дворах, уходили к иностранным государям на военную службу. Хотя владыки имели представительство в сеймах, но решающая роль там принадлежала магнатам. Представители низшего дворянства занимали лишь несколько крупных государственных должностей. Все эти причины способствовали широкому распространению оппозиционных настроений среди дворянства.

Высшее духовенство потеряло значительную часть своих прежних богатств и вместе с тем свое бывшее политическое значение. Оно не смогло удержать даже права на представительство в сейме в качестве отдельного сословия.

Крупные изменения произошли в политическом положении городов, которые значительно окрепли экономически, расширив свои земельные богатства за счет церковных владений. Окрепло за годы Крестьянской войны в Чехии самоуправление городов, упрочилась их военная мощь. Королевские города добились признания со стороны королей привилегий в области торговли и ремесла. Города стали играть на сеймах большую роль и завоевали права третьего сословия. Вместе с усилением экономического могущества городов продолжался процесс социального расслоения городского населения. За годы Крестьянской войны нажились лишь купцы и мастера богатых цехов. Городской плебс, как и крестьянство, потерпел поражение в борьбе за социальные преобразования в годы Крестьянской войны, и в городах на место старого патрициата стала новая чешская знать. В то время как в деревне на крестьянство и его жизненные права наступал помещик, в королевских городах такую же роль играли богачи-ростовщики, богатые купцы и мастера привилегированных цехов. В панских городах господствующее положение занимали сами паны — хозяева данного города и их представители.

Доступ в цеховые организации к этому времени был уже затруднен: ремесленнику было необходимо иметь отпускную грамоту от пана, при приеме в цех ученики и подмастерья должны были вносить вступительные взносы, в цеховых уставах встречалось требование происхождения учеников от законного брака и «добрых родителей» и т. д.² Цеховые уставы защищали интересы цеховой верхушки. В 1481 г. впервые встречается требование, чтобы кандидат в мастера не был человеком подданным. Рабочий день ремесленников был очень большим. Пражские подмастерья, например, работали по 14—17 час. в сутки. В условиях начавшейся революции цен реальная заработная плата ремесленников падала.

Важнейшим новым моментом в жизни и в характере городов Чехии после Крестьянской войны было то, что они в связи с ликвидацией немецкого засилья приобрели более ярко выраженный национальный характер, стали базой развития национальной чешской культуры. Это обстоятельство способствовало превращению их в центры восстания 1547 г.

¹ Vocel. Rozepře mezi pány a rytířstvem a mezi městy za panování krále Wladislawa 2. Časopis českého Museum. v Praze, 1847.

² «Archiv český», t. 14, v Praze, 1895. Здесь даны тексты статуты пражских цехов второй половины XV в.

Как в городе, так и в деревне шла напряженная социальная борьба¹. Городские ремесленники боролись против засилья городской верхушки в экономической и политической жизни. Крестьянство боролось против захвата помещиками общинных и частных крестьянских земель, за восстановление своих прав на общинные угодья, против закрепощения. Формы сопротивления растущему феодальному угнетению были многообразны, начиная с пассивных в виде бегства и кончая активными, вооруженными антифеодальными выступлениями. Волнения локального характера в масштабе одного или нескольких поместий бывали неоднократно. В 1494 г. происходили волнения крестьян против пана в Забрешском панстве в Моравии, в 1498 г. — в Литомережицкой области. В 1514 г. произошло антифеодальное восстание в соседней Венгрии. Чешские магнаты были напуганы этим восстанием и боялись его распространения на чешские земли, но до этого не дошло. Чешская знать приветствовала победу венгерских феодалов над восставшими.

В 1517 г. в Крживоклатске чешские крестьяне выступили против помещиков под лозунгом защиты «старого права» в противовес феодальному лозунгу «новый пан — новое право»². Лозунг защиты «старого права» стал знаменем борьбы чешского крестьянства против усиления феодальной эксплуатации, так как в прежнее время крестьяне не несли таких больших повинностей, были в известной степени лично свободными и владели общинными угодьями. Лозунг защиты «старого права» означал защиту мелкой крестьянской собственности и был в тех условиях прогрессивным. В Крживоклатске до 400 крестьян выступило с оружием в руках против попытки владельца сел. Лишаны заставить своих крестьян признать личную зависимость. В том же году против своего пана выступили крестьяне в Лесанах и Княжевстве. После этих выступлений сейм 1517 г. запретил всем крестьянам носить оружие.

В тот же период в городах подмастерья, ученики, наемные работники вели напряженную борьбу против городской и цеховой верхушки. Ремесленники-подмастерья, ученики создавали свои организации. В 1442 г. упоминается организация подмастерьев-сапожников в Новой Праге, в 1445 г. впервые встречается организация подмастерьев в панских городах у себе-славских портных. В 1492 г. сукноделы г. Табора признали организацию подмастерьев. Создание организаций подмастерьев способствовало более успешной борьбе городских низов против патрициата.

Во второй половине XV — первой половине XVI в. были весьма часты случаи своеобразных стачек ремесленников против мастеров.

В 1451 г. упоминается стачка подмастерьев-кожевников из Новой Праги, которые требовали дать им один свободный от работы день в неделю. Это выступление было подавлено при активном вмешательстве городских властей. В 1454 г. подмастерья цеха панцырников выступили против мастеров, и последние оказались вынужденными прибавить им заработную плату. В 1457 г. некоторых уступок добились подмастерья-сукноделы в г. Писеке. Позже, в 1465 г., в Праге подмастерья-сукноделы в результате дружного совместного выступления добились того, что консулы указали мастерам на необходимость уступок подмастерьям. Однако в то же время консулы запретили сходки подмастерьев без разрешения городских властей.

¹ Нельзя согласиться с утверждением Янашека, что в Праге не было в то время социальных противоречий между ремесленниками и патрициатом. Другое дело, что и богатые чешские горожане могли быть настроены оппозиционно по отношению к Габсбургам (Sixt z Ottersdorfu, Op. cit., str. 15).

² V. Husa. Selská pozdvižení v Čechách kolem roku 1525, v Praze, 1937, str. 6.

Во время вспыхнувшего в 1483 г. восстания горожан в Праге ремесленники ранили и убили нескольких ненавистных народу консулов. В Новой Праге восставшие избрали новых консулов. После неудачной попытки подавить восстание вооруженной силой король был вынужден заключить с восставшими соглашение. Но позднее у власти в городе вновь стали патрицианские элементы. Неоднократно выступали кутногорские рабочие (1484, 1494). О том, насколько серьезно расценивали власти эти выступления, показывает тот факт, что в 1496 г. десять вожаков горнорабочих Кутной Горы, которые собирались с жалобой к королю, были казнены.

В 1514 г. имели место волнения подмастерьев-пивоваров в Литомержице. В 1519 г. провели стачку подмастерья-шляпники в Праге. В 1523 г. выступили пражские подмастерья-банщики и парикмахеры. Однако все эти выступления подмастерьев и учеников были в тот период стихийными и раздробленными. Они редко выходили за пределы отдельного цеха и отдельного города. Восставшие ремесленники верили еще в возможность помощи со стороны властей и короля, что свидетельствовало об их классово незрелости. Однако они вели уже активную форму борьбы против феодальных порядков.

Приведенные факты опровергают утверждение буржуазных чешских историков об отсутствии социальных противоречий и социальной борьбы в чешских городах XVI в.

Особенно значительны были отклики чешского крестьянства, ремесленников, горнорабочих на Крестьянскую войну в Германии 1525 г. Еще накануне этой войны вождь плебейско-крестьянского революционного крыла в Германии Томас Мюнцер приехал в Прагу с тем, чтобы поднять чешский народ на новые антифеодальные выступления, о чем писал Ф. Энгельс в своей работе о Крестьянской войне в Германии¹, отмечавший попытку Мюнцера связаться с остатками гуситского движения. Советский исследователь указывает, что поездка Томаса Мюнцера в Прагу в 1521 г. после его разрыва с Лютером была не случайной. «Разочаровавшись в надеждах найти в немецких источниках опору своему революционному учению, Мюнцер пытался установить связь с революционными традициями чешской реформации»². Впрочем, вскоре Мюнцер вынужден был бежать из Чехии.

Чешское дворянство принимало непосредственное участие в подавлении восставшего немецкого народа, опасаясь вооруженного выступления своих крестьян и городских низов. Действительно, уже в 1525 г. в г. Яхимове — новом центре горной промышленности в западной Чехии — вспыхнуло восстание, основной движущей силой которого были городские низы. К восстанию примкнули окрестные крестьяне. Среди горняков в Яхимове, Ерутце и других городах агитацию вел Вольф Гефтель из Тюрингии. Поводом к выступлению послужила вербовка солдат для участия в подавлении восстания в Германии. Чешские крестьяне, ремесленники, горнорабочие не желали выступать против немецкого народа, боровшегося с феодальными порядками. Против восставших в западной Чехии власти послали 2500 солдат, но не смогли подавить движения и были вынуждены пойти на некоторые уступки. В 1524 г. происходили крупные волнения в самой Праге³.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 137; см. также Архив Маркса—Энгельса, т. 7, 1940, стр. 211.

² М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера. М.—Л., 1948, стр. 198.

³ «Fontes rerum Bohemicarum», т. 6; «Kronika pražska Bartoše pisáře»; «Paměti o bouři pražské roku 1524», v Praze, 1907

В 1525 г. выступили монастырские крестьяне в Хебе, их собралось 5 тыс. Они начали штурмовать монастырь Тепль, и аббат был вынужден принять требования крестьян: отмена десятины, возвращение общинных привилегий и пр. Аналогичные волнения происходили также в Раковницкой и Пльзенской областях.

К восстанию 1547 г. уже сложилась придунайская империя Габсбургов, в состав которой входили и чешские земли. Попытки образования такого многонационального придунайского государства предпринимались неоднократно на протяжении XV в. В силу многих причин такое государство сформировалось после тяжелого поражения, нанесенного турками венгерским и чешским войскам при Мохаче в 1526 г. Турецкая опасность к тому времени приняла особенно угрожающие размеры для европейских государств. Венгерские и словацкие земли в придунайских районах подвергались наиболее часто опустошительным походам турок. Значительная часть венгерских земель была захвачена ими. Опустошенная и обессиленная Венгрия не могла стать центром нового объединенного государства. Чешские земли также не стали центром империи, так как они были крайне ослаблены длительной феодальной анархией (войны панов с Юрием Подебрадом) и последовавшими затем чешско-венгерскими войнами. Особенно отрицательную роль сыграла здесь корыстная политика магнатов, которые пошли на сделку с Габсбургами.

В возвышении Габсбургов существенную роль сыграла и папская курия. Объединение совершилось вокруг австрийских земель, и владелец их Фердинанд Габсбург был в 1526 г. избран чешским королем (1526—1564). Фердинанд I только что беспощадно расправился с участниками Великой крестьянской войны в Германии и показал себя верным защитником интересов класса феодалов. Все это способствовало избранию его как королем Чехии, так и королем Венгрии.

* * *

При вступлении на престол Фердинанд Габсбург обязался сохранять все права и привилегии сословий, не нарушать установившихся в землях короны административных, судебных и других норм и обычаев. Сохранился прежний состав владений чешской короны, внутренняя самостоятельность, местные сеймы в каждой части земель чешского королевства, своя администрация в Чехии, Моравии, Силезии и т. д. В Чехии остались те же три сословия, что были и прежде, т. е. паны, владыки, горожане; в Моравии — четыре сословия: паны, владыки, духовенство и горожане. Во главе областного управления в Чехии и Моравии стояли гетманы из дворян. Дворянство сохранило решающую роль и в остальных звеньях государственного аппарата. Сделка чешских дворян с Габсбургами состоялась на условии, что чешские помещики сохраняют руководство в управлении страной и все права в отношении чешского крестьянства и ремесленников панских городов. Несмотря на обязательства Фердинанда сохранить все прежние права чешского населения, он в действительности с самого начала своего правления взял курс на восстановление в Чехии немецкого засилья, на полное подчинение национальных чешских интересов интересам наследственных австрийских земель короля.

В первые же годы правления Габсбургов положение всех слоев крестьянства и горожан значительно ухудшилось. Главной денежной повинностью городов была прежде уплата берны — постоянного налога, который собирался с дохода, или с каждого дома, или как поголовный налог. Помимо этого, горожане платили «урок» — плату за землю, на которой был распо-

ложен город. Прежде берна взималась не систематически, а внеочередная берна — «помощь» — собиралась только с санкции сейма. С 1527 г. при Фердинанде I была установлена ежегодная берна, взимание которой было источником постоянных жалоб городского населения. С 1534 г. горожане платили берну в размере одного гроша с каждой меры пшеницы, которая шла на варку пива, а также налоги с торговли¹.

Развитие городов и ремесла ограничивалось феодальным засильем. Вместе с тем античешская политика королей подрывала могущество городов. Паны и владыки конкурировали с городским производством в своих местечках и городах, да и в поместьях; где развивалось пивоварение, хлеводство и различные ремесла. Особенно тяжело было положение панских городов, которые целиком находились во власти феодалов. Они стремились освободиться от панского господства, мешавшего их нормальному экономическому и культурному развитию. Некоторым городам удавалось откупиться от феодалов за большие деньги. В соперничестве между королевскими городами и дворянством наиболее активная роль принадлежала магнату. Магнаты вовлекали в борьбу в качестве своих союзников средних и мелких феодалов. Борьба эта шла на протяжении второй половины XV в. и продолжалась еще в первой половине XVI в. Она ослабляла внутренние силы Чехии и была выгодна Габсбургам. В 1517 г. было заключено Святовацлавское соглашение, которое оставило неразрешенными все внутренние противоречия между сословиями.

Когда Фердинанд I пришел к власти в чешских землях, он стремился в целях упрочения и расширения своей власти усилить раскол между дворянством и королевскими городами. В связи с этим он подтвердил условия Святовацлавского договора. Однако отношения между королевскими городами и дворянством продолжали оставаться весьма напряженными. Это была одна из причин, мешавших в период восстания 1547 г. установлению прочного союза между восставшими городами и дворянством в борьбе против Габсбургов.

Правление Фердинанда I было ознаменовано прокатолической политикой, грубым нарушением национальных традиций и привилегий чешских сословий. При вступлении на престол Чехии Фердинанд I подписал обязательство, в которых чехам было обещано сохранение политической, национальной и религиозной независимости. Фердинанд I стремился править в чешских землях как неограниченный, абсолютный монарх, осуществляя политику раскола горожан и дворянства. Он создал несколько новых центральных учреждений — военный совет, тайный совет, которые были дворянско-бюрократическими организациями, главным образом немецкими по своему составу.

Воспользовавшись внутренней борьбой в Праге, Фердинанд назначил в 1528 г. новых городских консулов и восстановил разделение на Старую и Новую Прагу, чтобы ослабить политическое значение столицы. Он запретил объединение Старой и Новой Праги и на будущее время не разрешал собирать в Праге собрания горожан без его особой санкции в каждом случае. Были предприняты некоторые шаги для ограничения привилегий и других сословий. В том же, 1528 г. Фердинанд запретил областным гетманам созывать без его разрешения областные съезды, что сильно задевало интересы дворянства. Областные гетманы становились, таким образом, в известную зависимость от короля.

¹ Z. Winter. Kulturní obraz českých měst, d. I, v Praze, 1890, Novočeska Bib., č. 29, str. 6—7.

Большое недовольство вызвала налоговая политика короля. Ко времени его вступления на престол коронных имуществ оставалось уже мало, так как они были захвачены панами и владыками в предшествующие годы. Под предлогом ликвидации долгов короны, оставленных ему прежними правителями Чехии, Фердинанд часто собирал внеочередные налоги.

Крупные трения между королем и чехами вызвала также его религиозная политика. Фердинанд совершенно не считался с национальными и религиозными традициями чехов. Он выступал как яростный противник протестантизма и защитник католицизма и пользовался в этом полной поддержкой папской курии. В первой половине XVI в. в чешских землях, в обстановке развернувшейся европейской реформации, значительно оживилось движение чешских братьев и появился большой интерес к идеям Мюнцера и Лютера; дворянство получило заметное распространение. Фердинанд выступил решительно против реформационного движения в Чехии. Он запретил распространение лютеранства и деятельность радикальных сект, в частности, запретил секту анабаптистов, получившую широкое распространение в Моравии.

Наряду с религиозными притеснениями большое недовольство широких слоев чешского населения вызывало новое усиление чужеземцев в стране. При дворе появилось все больше немцев и итальянцев, возобновилось онемечивание отдельных магнатских фамилий. С усилением позиций чужеземцев в стране, особенно немцев-феодалов и патрициев, богатых мастеров-предпринимателей, социальная борьба нередко переплеталась с национальной. Борьба крестьянства против помещиков-немцев и других чужеземцев принимала характер и национального движения.

Наряду с усилением национального гнета во внутренней жизни Чехии этого времени важнейшим обстоятельством было дальнейшее наступление феодалов-землевладельцев на крестьян. Многочисленные описи поместий и инструкции феодалов об управлении поместьями говорят об увеличении крестьянских повинностей. Чешское крестьянство вело активную борьбу против захватов помещиками общинных и пахотных крестьянских земель и дальнейшего закабаления, против политических и религиозных притеснений. С приходом к власти Габсбургов это народное движение усилилось. Длительные волнения в 1530—1533 гг. отмечены в Радоушове, где крестьяне собирали тайные сходки, готовясь дать отпор попыткам помещицы увеличить повинности. В 1532—1534 гг. у Домажлиц поднялись ходы¹. Девять селений ходов отказались выполнять барщину, которую они никогда не несли прежде.

Выступления под лозунгом защиты «старого права» имели место в 1530—1533 гг. в Прахенской области в поместье князя Адама Шварценберга, затем — в Литомержицкой и Подебрадской областях². В 1544 г. против пана Богуслава Швамбергского выступили клинбергские крестьяне. Однако все эти выступления сохраняли локальный характер и не выливались в общечешское восстание.

Эти волнения крестьянства и брожение в городах свидетельствовали о том, что Габсбурги с первых лет своего правления пренебрегали национальными чешскими интересами. Режим Габсбургов вызывал резкое недовольство в стране, обострял национальные противоречия и усиливал стремление чехов восстановить полностью свою недавнюю самостоятельность.

¹ Ходы несли пограничную военную службу, за что освобождались от всех остальных повинностей и считались лично свободными.

² V. Husa. Op. cit., str. 29.

ВОССТАНИЕ 1547 г. В ЧЕХИИ

Поводом к восстанию послужила попытка Фердинанда I втянуть чешские земли во внутригерманские дела и сделать Чехию в руках Габсбургов орудием в борьбе с протестантизмом в Германии. В 1545 г. Фердинанд заключил мир с турками и обязался помочь своему брату Карлу V в войне против протестантской Шмалькальденской лиги в империи. Чтобы привлечь чешские военные силы и средства, он назначил на июнь 1546 г. сейм в Праге. Чешские сословия вовсе не желали воевать против немецких протестантов, с полным основанием полагая, что за подавлением протестантизма в Германии последуют католическая реакция и подавление протестантизма в чешских землях. Они отвергли притязания короля, носившие антинациональный характер, согласившись на мобилизацию войска только в оборонительных целях на случай войны с турками. Войско собралось в незначительном количестве, и часть его, по приказу короля, выступила против саксонского курфюрста.

Народ был крайне недоволен этой войной. Ремесленники г. Яхимова заявили, что они будут служить только в Яхимове, а горняки в тот момент вообще отказались нести военную службу. Отдельные вооруженные чехи даже перебегали к курфюрсту саксонскому. Резкий отпор войне был оказан в Болеславской области, где было много чешских братьев. В лагере в Канаде распространялись против императора Фердинанда сатирические листовки, в которых упоминалось имя Гуса и содержался призыв не выступать против протестантов.

Таким образом, уже в самом начале движения мы видим стремление чехов опереться на свои боевые традиции времен выступления Гуса и Крестыанской чешской войны.

Фердинанд заключил с Морицем Саксонским договор о совместной войне против немецких протестантов, но сделал это самовольно, не получив, как это требовалось по обычаю, согласия чешских сословий. Это была попытка поставить чешские сословия перед совершившимся фактом и таким путем втянуть их во внутренние дела Германии. Чешские сословия признали договор незаконным и отвергли его. Несмотря на это, король разослал в начале 1547 г. приказ о том, что все военнообязанные должны собраться у Литомержице для похода против саксонского протестантского курфюрста. Паны, владыки, земаны и горожане, собравшиеся в Литомержице на совещание с королем, потребовали созыва сейма¹.

23 января 1547 г. публично заявили свой протест королю пражане, напоминая, что он не имеет права принуждать чешское население вести войны помимо его воли и без созыва сейма. Пражане отказались воевать с саксонцами-лютеранами. В ответном письме 25 января король живо заявил, что он не собрал сейм потому, что было слишком поздно — война уже началась. В то же время он вновь требовал войск. Часть чешских войск собралась в Литомержице, стала там лагерем, но отказалась перейти границу и воевать в Германии. Тогда, 6 февраля, король приехал сам в Литомержице, пригласил представителей сословий и пытался уговорить их дать согласие на участие в войне. В ответ на это паны, владыки, горожане, земаны потребовали созыва сейма, намереваясь представить королю претензии против нарушений, которые он допустил в отношении прав чешских сословий. После длительных и бесплодных переговоров, так и не получив согласия сословий на участие чешских земель в войне, Фердинанд выехал в Германию с небольшой группой чешского дворянства.

¹ «Sněmy české» t. 2, v Praze, 1880, str. 88.

К этому времени в Праге движение протеста развернулось уже широко. Еще 9 февраля, по требованию горожан, состоялось собрание жителей Старой и Новой Праги, на котором были приняты три статьи: о непризнании указа короля об участии чехов в войне против Германии, о том, что в борьбе за сохранение прав чешского населения Прага будет выступать единодушно с другими городами страны, о совместном обсуждении всеми жителями города всех спорных вопросов для достижения полного единодушия. К выступлению пражан примкнули почти все королевские города. Они прислали своих представителей в Прагу и заключили с пражанами соглашение о совместной борьбе в защиту своих прав и вольностей против притеснений со стороны Габсбургов. Главную роль в восстании играли королевские города (панские города не имели прав третьего сословия). Только три королевских города — Пльзень, Усти, Будейовицы — не приняли участия в союзе городов и не выступали против Фердинанда в ходе восстания. Предательство этих городов было связано с засильем в них немецких элементов.

К 12 февраля в Прагу съехалось 300—400 панов, владык, земанов из Болеславской, Чаславской, Градецкой областей, которые заключили союз с пражанами¹.

14 февраля представители уже всех трех сословий — горожане, паны, земаны, владыки — обратились с требованием к Фердинанду созвать сейм и заявили, что в случае отказа они сами созовут его. 16 февраля сословия приняли совместное решение, осуждавшее королевский указ о войне чехов в Германии, и высказались за необходимость защиты своих прав. Появились сатирические песни, посвященные происходящим событиям, например, критике действий Фердинанда и т. д.² Между тем Фердинанд 8 марта вновь потребовал войска от чехов. В ответ на это в Прагу съехались представители сословий в количестве до 800 человек. Они постановили созвать сейм и начали разработку статей к заседаниям сейма, создав для этого комиссию из представителей всех сословий.

Собранный сословиями сейм состоялся в Праге 19 марта. На нем было выработано 57 статей — требований к королю. Был избран наивысший гетман Гашпар Пфлук, последователь протестантизма, и избраны представители от трех сословий для руководства делом защиты 57 статей.

Уже в первые дни борьбы против Габсбургов, когда в лагере восставших было известное единодушие, резко сказались различие их социальных интересов. Уже при обсуждении 57 статей возникли споры. Пан Ян из Пернштейна заявил, например, что такие статьи следует принимать только на законном сейме, и что как король без общин, так и общины без короля нормально существовать не могут. Паны уже тогда были недовольны большой ролью Праги в развернувшихся событиях. Их пугало участие в начавшемся движении широких слоев городского населения. Сейм принял решение о созыве ополчения в защиту прав и свобод чехов против чрезмерных притязаний короны, хотя на словах заявил о своем признании Фердинанда. Моравским и силезским сословиям было предложено также совместно защищать свои старинные права и привилегии. Из моравских городов, где немецкое засилье в то время было более значительным, чем в Чехии, восставших чехов поддерживала только Иглава.

Фердинанд I в свою очередь принял меры для подавления движения протеста чехов в самом его начале. С этой целью он направил в Чехию войска своего союзника Морица Саксонского, который занял г. Мост.

¹ К. Tieftrunk. Op. cit., str. 93.

² Там же, стр. 97.

В ответ на протест чешских сословий против действий Фердинанда, последний заявил, что это мера обороны на случай проникновения противника в чешские земли. Жители г. Жатца не пустили короля с его большим войском в город. Фридрих Саксонский в ответ на действия Морица Саксонского вступил в пределы Чехии и занял г. Яхимов. В соседних районах южной Германии хозяйничали большие группы испанских, неаполитанских и немецких войск Фердинанда.

В этой напряженной обстановке пражане, стоявшие по существу во главе движения против Фердинанда, начали нанимать войска¹ и требовали для этого денег у представителей сословий. Они послали моравянам письмо с просьбой о помощи, а затем — специальное посольство. Земский гетман Моравии Вацлав из Луданиц был сторонником Фердинанда и утаил от моравских сословий обращение пражан. Силезский князь Лихницкий обещал помощь, но за предоставление ему особой гарантии его прав. Настал момент, когда требовались решительные действия, мужественные, последовательно действующие вожди и четкая программа движения. Тогда-то и сказалась вся глубина социальных противоречий в лагере восставших чехов.

Как мы уже отметили выше, в лагере восставших оказались на время объединены различные социальные элементы: высшее дворянство — пань, низшее дворянство — владыки, земаны — горожане и, наконец, крестьянство. Каждая из этих различных социальных групп имела свои классовые интересы наряду с некоторыми общенациональными. Пань из северных областей писали о насилиях чужеземцев и просили помощи. В то же время некоторые пань открыли ворота своих замков войскам Фердинанда.

Еще до восстания между дворянством и городами были весьма серьезные противоречия; дворянство было недовольно сохранением за городами больших экономических привилегий, их почти монопольного права в области ремесла и торговли в пределах определенных городских границ и т. д. В то же время их совершенно не устраивала та большая политическая роль, которую королевские города играли после Крестьянской войны в Чехии в XV в. В свою очередь горожане были недовольны паразитизмом панов-магнатов, тем, что огромная часть доходов с населения тратилась панями непроизводительно, на предметы роскоши, постройку великолепных дворцов и т. д., тогда как в ремесле и торговле постоянно ощущался острый недостаток средств. Города стремились удержать и расширить свои политические права. В процессе восстания 1547 г. все эти спорные между дворянством и горожанами вопросы вновь стали в порядок дня. В то же время на ходе событий сказались и противоречия, имевшие место внутри самого привилегированного сословия — соперничество между панями и низшим дворянством. Низшее дворянство было недовольно тем, что подавляющая сумма доходов феодалов попадала в руки панов и стремилась получить большую часть их в свои руки.

Крестьянство имело также общенациональные интересы и, как оно это показало в ходе восстания, защищало их энергичнее, последовательнее дворянства. Опыт многих столетий учил его не доверять дворянству, показал ему корыстное лицо класса феодалов и ненадежность его как союзника народа. Ход восстания и программа, выдвинутая вожаками движения, лишний раз убедили крестьян в корыстной политике, которую пань стремились осуществить и в эти годы.

Городские богатые бюргеры боялись развернуть движение как всенародное, массовое выступление, боялись того, что в восстании будет сильна

¹ K. Tieftrunk. Op. cit., str. 139.

антифеодалная тенденция. Внутри городов шла также ожесточенная социальная борьба. Городская беднота, масса городских ремесленников, нуждаясь в коренном изменении своего материального положения, была настроена против режима Габсбургов, с существованием которого она совершенно справедливо связывала ухудшение своего положения в последние десятилетия. Именно эти элементы — городские низы вместе с крестьянством — требовали решительной борьбы против Габсбургов за свои и общенациональные права. Городское богатое бюргерство, державшее все время руководство движением в своих руках, наоборот, стремилось направить его в русло легальности. Богатые бюргеры держали войска в поле и не для решительной борьбы с Фердинандом, а для устрашения его. Таким образом они рассчитывали принудить его к восстановлению национальных чешских прав. Метод всенародного вооруженного восстания против засилья Габсбургов был им глубоко чужд. Они боялись своего народа больше, чем Габсбургов.

Таким образом, уже с самого начала восстания сказались наличие глубоких противоречий в самом лагере восставших. Эти внутренние противоречия выявились и в характере требований, с которыми выступили восставшие. Из 57 требований, предъявленных королю, большая часть касалась вопросов политических¹. Восемь статей было посвящено устройству земского суда, причем указывалось на то, что он должен состоять только из панов и владык, как это было прежде. Несколько статей программы посвящалось вопросу о сейме. Было выдвинуто требование регулярного созыва сейма на срок не более двух недель и большей организованности в работе сеймов вообще. Сейм не должен был принимать решений, нарушающих привилегии сословий (ст. 21). Далее указывалось, что впредь областные съезды дворянства и собрания населения в городах должны происходить попрежнему свободно, как это было до установления власти Габсбургов. Хотя эти требования, предъявленные от лица сословий, выглядят внешне как защита сословных привилегий, в действительности значение их выходит за рамки узко сословных интересов. Достаточно напомнить, что прежде сейм решал вопрос о налогах, и что именно при Фердинанде появились новые налоги. Свободный созыв сеймов и городских собраний, при всей их классовой ограниченности, давал бы все же несколько большие возможности защиты прав населения.

Общенациональный характер имело и выступление против притязаний короля Фердинанда I на установление наследственной власти за династией Габсбургов. Чешские сословия хотели сохранить за собой право свободно выбирать своих королей. Это требование носило явно антигабсбургский характер и отражало недовольство политикой короля. Положительное значение имела также ст. 33, ставившая вопрос о присяге, которую король должен давать трем сословиям в том, что он будет соблюдать старинные права королевства. Восставшие требовали, чтобы, кроме трех чешских сословий, король никому больше не приносил присяги и не давал никаких обязательств, особенно римскому папе. Затем на протяжении целой страницы следовали обвинения против римских пап времен Юрия Подебрада и позднее. Справедливо указывалось, что папская политика всегда была античешской и выражала стремление пап задушить самостоятельность Чехии. Тесная связь Фердинанда I с папской курией, его католические убеждения были широко известны в чешских землях. Население их хорошо понимало, что папа поддерживает Габсбургов в их реакционной античешской политике

¹ K. Tieftrunk. Op. cit., приложение, стр. 364—384.

в чешских землях. Данное требование, направленное прежде всего против папского вмешательства во внутренние дела Чехии, было также положительным фактом.

Против попытки короля наводнить Чехию чужеземной австрийской монетой было направлено требование чеканить чешскую монету в Чехии в Кутной Горе и Праге. Это способствовало бы усилению экономической самостоятельности чешских земель. В ст. 26 ставился вопрос о том, что все места добычи золота и серебра должны находиться впредь только в ведении чехов. Управлять монетными дворами должен только чех. Эта статья была направлена также против проникновения в чешские земли немецких крупных предпринимателей типа Фуггеров, Вельзеров и прочих, которые тогда, пользуясь покровительством Габсбургов, стремились захватить рудные богатства Чехии и Словакии. В ст. 35 отмечалось, что сословия категорически отвергают все статьи и решения, которые противоречат старым привилегиям.

Наряду с отмеченными нами статьями, имевшими общенациональное значение и направленными непосредственно против Габсбургов и усиления влияния в чешских землях немецких помещиков, патрициата, папства и буржуазных элементов, среди 57 статей были и такие, которые носили узко сословный характер и преследовали цели защиты интересов только дворянства. Дворяне требовали, например, восстановления старого их права служить вне пределов Чехии и т. д. Умеренность руководства восстанием нашла свое выражение и в ограниченности круга вопросов, поставленных в 57 статьях, и в их редакции. Требования предъявлялись от лица трех сословий чешских земель, т. е. панов, владык и горожан. Это означало, что подавляющее большинство населения, состоявшее из крестьян и из плебса городов и не имевшее никаких политических прав, не принимало непосредственного участия в выработке 57 статей. Но его активное участие в борьбе наложило, конечно, свой отпечаток на содержание требований. Без движения снизу, без массовых выступлений, например, пражан, очевидно, не были бы составлены некоторые из статей, включенных в требования сословий, и они не получили бы такой подчас резкой формулировки. Классовая ограниченность и узкий эгоизм дворянства проявился в том, что в 57 статьях даже не ставился вопрос о правах и нуждах крестьянства и городского плебса. Лишь в одной статье было выдвинуто требование сохранить старые права заходами, но оно касалось лишь небольшой группы крестьянства. Включение в программу статьи, касающейся ходов, было связано со стремлением руководителей движения привлечь свободное вооруженное и воинственное пограничное население к участию в восстании¹. Требования сословий носили классово ограниченный характер и не могли способствовать всенародному восстанию в стране².

Несмотря на умеренность программы, наличие в ней общенациональных требований позволяет оценить ее в целом как документ, имевший положительное значение.

Умеренность движения весьма сильно проявилась и в тактике руководителей восстания. Собрав вооруженные силы, лидеры движения бездействовали и не направляли этих сил против королевских войск. 19 апреля в Праге начал свою работу сейм.

¹ Об отношении ходов к восстанию 1547 г. см. F. Roubík. Dějiny Chodů u Domažlic, v Praze, 1931, str. 47—51.

² «Sněmu české», t. 2, str. 94. Характерно, например, что в числе причин, по которым чешское дворянство отказывалось выступать против лютеран в Германии, названа следующая: они не могут оставить страну седлакам.

Король заявил через своих послов на сейме, что он требует роспуска ополчения, после чего он примет пожелания сословий и на следующем сейме согласен будет обсуждать их. Таким образом, Фердинанд стремился выиграть время и дать возможность усилиться внутренним противоречиям среди восставших с целью раскола последних. Рассчитывая и на изменения в ходе событий внутри Германии, он не прекращал через своих агентов попытки оторвать панов и дворянство от горожан. На сейме и после него, когда начала свою работу комиссия, писавшая ответ королю, выяснилось, что руководители движения в большинстве являются сторонниками мирного соглашения с королем. Именно в это время в ходе войны наметился перелом в пользу Фердинанда. 24 апреля при Мюльберге был разбит и взят в плен Фридрих Саксонский. Получив об этом известие, руководители чешского восстания растерялись. Они отсрочили сейм, постановили отозвать свои войска и послали послов к королю. Когда народ узнал об этом, в Праге 29 апреля произошли волнения¹. Городские низы протестовали против возвращения ополчения, против выдачи провианта войскам короля. Но умеренным элементам удалось добиться на время успокоения населения.

Победа при Мюльберге коренным образом изменила соотношение сил в пользу короля. Он получил в империи решающий перевес и мог теперь бросить все главные силы против восставших чехов. Дворянам — участникам восстания — были посланы новые предложения отказаться от союза с городами и было обещано помилование. В общих туманных выражениях Фердинанд I обещал также восстановление всех свобод и привилегий чешского королевства. Это лживое обещание, которое Фердинанд вовсе не собирался выполнять, дано было именно с целью завершения начавшегося в лагере повстанцев раскола. Послы короля потребовали теперь отказа сословий от всех соглашений, заключенных между ними, и даже ничего не обещали взамен.

На сейме 20 мая в Праге развернулись бурные прения. Победили сторонники мирного соглашения с королем. Войска короля вступили в Литомержиц, откуда он обратился 3 июня с манифестом к жителям страны, обещая восстановление старых привилегий сословий. В ответ на это письмом значительная группа чешских панов и владык из числа примыкавших к восстанию в количестве до 200 человек, приехала в Литомержиц и заявила о своей преданности королю. За этой группой последовали другие паны и владыки, и, таким образом, непрочность временного блока панов, владык и горожан обнаружилась в полной мере. Королю удалось оторвать дворянство от бюргеров, и так как последние сами не шли на массовое народное восстание и боялись плéбса, то вопрос о судьбе восстания был предрешен².

Когда обнаружилось подлое предательство дворянства, городские низы Праги потребовали у своих выборных властей занять войсками крепости города и соседние важные пункты, т. е. были полны решимости с оружием в руках защищать свои права против Габсбургов. Городские богачи, сторонники мирного соглашения, среди которых выделялся тогда городской писарь М. Олдржих из Простиборж, выступили против предложения городских низов. Они не хотели воевать с Фердинандом и направили к нему послов, но король не принял их. Он стремился теперь добиться полного разгрома городов, особенно Праги как политической силы, как центра

¹ K. Tieftrunk. Op. cit., str. 199—200.

² Sixt z Ottersdorfu. Op. cit., str. 38.

антигабсбургского национального движения. По его просьбе в Чехию были присланы дополнительные войска императора, Морица Саксонского, силезских князей. Фердинанд в это время неоднократно обращался к немецким князьям с просьбой прислать ему войска для подавления чешского движения.

Немецкие католические князья полностью поддержали планы короля в Чехии, его стремление к решительной расправе с восставшими и приняли участие в подавлении восстания¹. 1 июля он двинулся с войсками на Прагу. Предатель пражанин Кашпар из Гранова впустил войска в пражский замок, который занимал господствующее положение в отношении города, что было особенно важно при наличии большой артиллерии в королевских войсках. Однако и в это время король еще не был уверен в возможности подчинить восставших. Он писал лживые письма пражанам, стараясь обмануть бюргеров, и лицемерно заверял их в своих симпатиях к чешскому народу и в мирных намерениях. Немецкие и другие наемные солдаты короля творили насилия в предместьях и в городе, что еще более накаляло атмосферу. Уже 2 июля были случаи столкновений горожан с королевскими солдатами, которые стреляли в мирное население. Вечером большое число вооруженных людей из низших слоев городского населения собралось у магистрата. Они напали через пражские ворота на немецких солдат Фердинанда I, которые, увидев вооруженных людей, бежали на Малую Сторону. Горожане хотели отвезти в город орудия, брошенные солдатами, но этому воспрепятствовали сторонники мирной тактики — представители городской верхушки. Они послали в замок к королю трех представителей, заявили ему, что хотят жить в мире с ним, и жаловались на стрельбу войск в городе². Вооруженное выступление городских низов было ими сорвано.

На следующий день король потребовал к себе городские власти. В это время в областях, ближайших к Праге, крестьяне готовились к вооруженному отпору королю и его разбойничьим войскам.

Только среди низших слоев народа — крестьянства и городского плебса — идея прямой вооруженной борьбы против Габсбургов за свободу и права чешского народа нашла горячее сочувствие и широкое распространение. Именно эти трудовые классы и выражали наиболее полно национальные чувства и стремления.

Между тем король призывал население к спокойствию. Несмотря на это, в Праге ремесленники начали рыть окопы и готовить артиллерию. Они повернули городские орудия против замка, где был король, его приближенные немцы и другие чужеземцы. Для обстрела замка горожане собрали большие и малые пушки. 5—6 июля в Праге стихийно вспыхнуло вооруженное восстание против короля и его чужеземных войск, поводом к которому послужило разграбление королевскими солдатами пражской мельницы. В течение нескольких часов на помощь пражанам собралось много тысяч окрестного сельского люда, что свидетельствовало о готовности народа защищать свои права против посягательств Габсбургов. Восставшие горожане вооружали пришедших им на помощь крестьян ручным огнестрельным оружием. На другой день дело дошло до стрельбы и нескольких стычек с солдатами. Королевские гусары выманили пражан за городские ворота, где во время боя пражане потеряли только убитыми до 70 человек. Гусары перебили также часть крестьян, подвигавшихся на помощь столице, сожгли с. Бубны, что повлекло за собой новую вспышку волнений городских низов в Праге. Разгневанный народ приказал городским пушкарям начать обстрел замка,

¹ «Sněmy české», t. 2, документ № 111.

² Sixt z Ottersdorfu. Op. cit., str. 51.

но и этот план был сорван городской верхушкой под предлогом сохранения жизни женщин и детей от опасностей военных действий¹.

Под натиском городских низов бургомистры были вынуждены послать всем сословиям страны письмо с сообщением о том, какие насилия творят в Праге королевские войска, и с призывом идти на помощь столице. Но в то же время они направили своих представителей к королю для переговоров. Король потребовал разоружения восставших пражан и особо указал, что ремесленники должны вернуться к своему обычному труду. Это требование короля еще раз говорит об активной роли городских низов в восстании. В свою очередь король обещал наказать виновных в сожжении с. Бубны и возместить убытки. Для него было особенно важно в тот момент добиться разоружения населения без боя, потому что в случае новых вооруженных выступлений он не мог ручаться за исход борьбы. Богатые горожане и на этот раз удержали городские массы от вооруженного выступления против короля. Крупнейшее выступление пражских низов и окрестного крестьянства и вместе с тем возможность успешного исхода восстания были этим сорваны.

Бургомистр Старой Праги Ондржей Клатовский и другие руководители города собрались 7 июля на совещание, где большинство высказалось за примирение с королем и сдачу ему на милость. Это было предательством национальных интересов чешского народа, вызванным боязнью усиления активной роли городской бедноты и крестьянских масс. Решение было принято в присутствии только городской верхушки. Этим предательством сводились на нет первые успехи движения и открывался свободный путь для реакционных действий короля.

8 июля безоружные городские власти явились к королю в замок и объявили ему о полной покорности. Фердинанд убедился теперь в том, что ему удастся восстановить свое прежнее господство и даже расширить свои права и привилегии. Он сам перешел в наступление и предъявил горожанам развернутые требования: отказаться от всех соглашений, заключенных в период волнений, и решений, принятых сеймом за это время; выдать все грамоты привилегий на его полное усмотрение с правом вернуть или не вернуть их; выдать ему ручное огнестрельное оружие и все пушки. Пражане также должны были отказаться в его пользу от всех земельных владений города и т. д.² Для того чтобы предатели-бюргеры стали «сговорчивее», король посадил их в темницу и пригрозил, что не выпустит до тех пор, пока пражане не выполнят всех его требований.

Городская верхушка довела до конца свое предательство, и представители ее дали письменное согласие выполнить все требования короля. В других королевских городах, принимавших участие в выступлении против Габсбургов, король приказал также отобрать всю артиллерию, ручное огнестрельное оружие, все земли и грамоты привилегий и свобод, которые они получили от прежних чешских королей. Воспользовавшись своей победой, Фердинанд попутно расправился с несколькими панями и владыками, отобрав у них земли и деньги. Началась расправа с повстанцами. Королевский суд привлек 740 человек из 25 королевских городов, кроме Пльзенья, Будейовиц и Усти, горожане которых не принимали участия в восстании.

Каковы же причины поражения восстания 1547 г.? Как мы уже видели, в процессе восстания против Габсбургов выступили самые различные

¹ Sixt z Ottersdorfu. Op. cit., str. 62—63; K. Tieftrunk. Op. cit., str. 247—250.

² Sixt z Ottersdorfu. Op. cit., str. 82—84.

социальные слои населения, имевшие различные цели и различную тактику в борьбе за восстановление былых свобод и прав чешского королевства. Высшие сословия — паны и владыки — стремились прежде всего восстановить свои привилегии. Отстаивая лишь свои узко корыстные интересы, они не желали ни в чем делать уступок чешскому королю. Лишь часть их требований объективно носила общенациональный характер. Требования, выдвинутые различными группами горожан, были по своему характеру демократическими. Именно в них содержалась основная масса статей, носивших общенациональный характер, и они имели положительное значение. В то же время дворянская и городская верхушка, руководившая восстанием, не допустила превращения его в общенародное, общенациональное движение, сознательно оттесняя на второй план массу крестьянства и городских низов, не позволив включить в программу движения требований, которые отвечали бы интересам трудящихся слоев народа. Боязнь всенародного движения, корыстное стремление дворян и городской верхушки во что бы то ни стало удержать все свои привилегии в отношении народа ограничили размах движения.

Предательство панов и владык нанесло тяжелый удар по восстанию, а последовавшее затем предательство городской верхушки окончательно подорвало силы восставших и сделало невозможным успешный исход восстания.

Фердинанд I полностью использовал победу над восставшими чехами. В августе 1547 г. он собрал сейм, который вошел в историю под названием кровавого сейма, так как его решением четыре человека — двое владык и двое горожан — были приговорены к смертной казни и приговор был тотчас же приведен в исполнение. Понимая, что его опорой в стране могут быть только феодалы, король наказал лишь немногих участников восстания из числа дворянства. У 14 панов и 13 владык было полностью или частично конфисковано имущество. Трое панов и трое владык бежали из страны и их имущество было конфисковано в пользу короля. Все беглецы были осуждены заочно на смертную казнь. Восемь жителей Праги были изгнаны из страны за то, что они призывали народ к выступлению против короля. Несколько богатых горожан заплестили за участие в восстании потерей всего имущества, конфискованного в пользу короля.

Хотя в политической жизни магнаты были вынуждены пойти на некоторые уступки и примириться с усилением королевской власти, но все же дворянство сохранило свои основные привилегии. Все записи восставших в земских книгах, т. е. их манифест и другие документы, были ликвидированы. Было установлено, что впредь сеймы будут собираться только по воле короля и что ему принадлежит право назначения высших должностных лиц. Были запрещены областные дворянские съезды и собрания населения в городах без разрешения короля. Дворянству не разрешалось поступать на военную службу вне Чехии. Сословия были вынуждены подтвердить наследственность королевской власти в Чехии и право короля еще при жизни короновать своего преемника, что значительно усилило позиции Габсбургов в Чехии. Была создана комиссия по выработке нового «земского устава», которым король хотел юридически закрепить свою победу.

Особенно тяжело победа Фердинанда обошлась королевским городам. Все королевские города, участвовавшие в восстании, должны были отдать королю грамоты привилегий, полученные от прежних государей, выдать оружие и отказаться в пользу короля от своих земельных владений. Помимо этого они заплатили огромную денежную контрибуцию. Городские привилегии были пересмотрены и из них исключено все то, что касалось свободы

самоуправления. Расширены были права королевских чиновников в королевских городах, без ведома которых не могло состояться ни одно собрание горожан и ни одно заседание консулов города. Во главе Праги фактически встал гетман и его помощник, назначавшиеся королем. Эти новшества означали, что городское самоуправление подверглось существенному ограничению и вся городская жизнь и важнейшие дела городов — судебные, финансовые, политические — были поставлены под контроль короля. Усиление Габсбургов способствовало дальнейшему проникновению в города немецких элементов. Особым решением король запретил всем сословиям носить в мирное время оружие. Городские власти и руководители цехов должны были теперь приносить ему присягу на верность. В тексте присяги консулов и городских судей подчеркивалось, что они получили свои должности от короля и обещают верно служить ему¹.

В выборах городских консулов участвовали гетман и его помощник, которые играли при этом важную роль. Города, кроме Праги, потеряли право участия в сеймах. Города, изменившие национальному делу, — Будейовицы, Пльзень и Усти, — наоборот, были вознаграждены за свое предательство и получили право участия в сеймах, занимая место сразу же после представителей Праги. Ограничены были и те элементы политической свободы, которые существовали в королевских городах до восстания. Король запретил, например, типографам свободно печатать книги, так как во время войны против него неоднократно издавались памфлеты.

Поражение восставших было тяжелым ударом для чешского народа и сопровождалось упрочением позиций Габсбургов в чешских землях, хотя юридически Чехия продолжала сохранять свою внутреннюю самостоятельность. Однако это был крупный успех Габсбургов на пути к полному порабощению и подчинению чешского народа. Поражение восставших упрочило позиции немецких элементов в Чехии и усилило дальнейшее проникновение в страну немецких помещиков, крупных торговцев и предпринимателей. Например, в Старой Праге с 1549 по 1621 г. было принято в число полноценных горожан 4380 человек, из которых чехи составляли 58%, немцы — 38%.

Значительное ослабление политического значения королевских городов способствовало завершению борьбы между городами и дворянством. Это, разумеется, было отрицательным явлением для исторического развития страны и помогало упрочению позиций дворянства в целом. Национальные противоречия еще более обостряются в последующие годы правления Габсбургов, которые стали решительнее проводить античешскую, пронемецкую политику в чешских землях. Поражение чешских повстанцев дало возможность Габсбургам усилить борьбу против протестантов всяких направлений, особенно против радикальных. В стране появились иезуиты. Возобновилась в еще более жестоких формах политика всеобщего распространения католицизма. Протестантизм был запрещен под угрозой конфискации имущества и изгнания из пределов родины.

Несмотря на развернувшуюся реакцию, Габсбургам не удалось сломить волю чешского народа к независимости, к сопротивлению политике национального угнетения. В 1618 г. в Чехии вновь поднялось восстание в защиту национальной независимости.

¹ Sixt z Ottersdorfu. Op. cit., str. 135—136.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>А. И. Недорезов.</i> Установление и развитие народной демократии в Чехословакии (май 1945—февраль 1948 г.)	5
<i>А. Н. Киришевская.</i> Падение правительства Земледельческого союза в Болгарии	63
<i>Ю. А. Писарев.</i> Венгерская Советская республика и славянские народы	119
<i>Ю. В. Бромлей.</i> Восстание хорватских и словенских крестьян 1573 г.	154
<i>Б. Т. Рубцов.</i> Ценный источник по аграрной истории Чехии накануне Великой крестьянской войны XV в.	217
<i>А. И. Виноградова.</i> Чешские цехи XIV—начала XV в. и социальная борьба внутри их	260

СООБЩЕНИЯ

<i>В. А. Упеник.</i> Положение рабочего класса Сербии перед первой мировой империалистической войной	291
<i>А. И. Озолин.</i> Национально-освободительное движение чешского народа и восстание 1547 г.	302

Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР

Редактор издательства *С. И. Прасолов*
Технический редактор *Т. В. Алексеева*
Корректор *М. И. Великанова*

РИСО АН СССР № 49-74В. Сдано в набор 21/III/1955 г.
Подписано к печ. 22/VII 1955 г. Формат бум. 70×108^{1/16}.
Печ. л. 20,25—27,74. Уч.-изд. л. 27,90. Тираж—3000. Т-05926.
Изд. № 787. Тип. заказ № 79. Цена 18 р. 25 к.

Издательство Академии наук СССР,
Москва, Б-64, Подсосенский пер., д. 21.

1-я типография Издательства Академии наук СССР,
Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.

